С. Г. СТРУМИЛИН

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

НА ПЛАНОВОМ ФРОНТЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1963

А К А Д Е М И К

С. Г. СТРУМИЛИН

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ПЯТИ ТОМАХ

ТОМ
2

НА ПЛАНОВОМ ФРОНТЕ

ОТ АВТОРА

Советской власти минуло 45 лет. Подытожить важнейшие достижения первой в мире социалистической страны за этот многолетний период напряженной борьбы и труда — нелегкая задача, посильная лишь значительному коллективу. Но, оглядываясь назад, и кое-кто из нас, современников этой славной полосы, мог бы подвести некоторые итоги общей борьбы, хотя бы в той области, в которой он сам был активным участником и свидетелем событий.

Мне лично посчастливилось больше всего потрудиться на одном из форпостов нашего социалистического хозяйства — на плановом фронте. Привлеченный в состав работников союзного Госплана с первых же дней его существования, я с головой погрузился в текущие проблемы планирования и, кажется, не смогу от них отвлечься до конца своих дней. Труднее всего были, конечно, первые шаги Госплана, когда мы только еще учились на опыте собственных ошибок новой науке — науке социалистического планирования. Эти трудности умножались тем, что и внутри Госплана и вне его было еще очень много прямых недругов планирования. Даже из рядов партии в Госплан проникали под флагом «оппозиций» генеральной линии партии то справа, то якобы «слева» люди, которые только мешали успешной плановой работе. И было время, когда наши планы наталкивались на противодействие даже в Совете Труда и Обороны и в Совнаркоме со стороны таких их руководителей, как например Каменев и Рыков. Можно себе представить, как трудно было нам отстаивать наши планы в Совнаркоме, выступая против предсовнаркома, и как легко их было охаивать беспартийным специалистам в порядке подхалимажа самому «главе правительства». Однако планы эти выдержали суровую проверку временем. И суд истории нас вполне удовлетворяет.

В наши дни невозможно даже представить себе таких конфликтов. Теперь планирование протекает в нормальной обстановке. И ошибок в нем меньше. И острых дискуссий по проблемам планирования давненько уж не происходит. Но проблем, больших и далеко еще не решенных, в области планирования и теперь немало. Меняются условия хозяйства, и возникают все новые проблемы. Меняются в связи с этим и структура и полномочия самих плановых органов. Не меняется лишь одно — громадная важность народнохозяйственных проблем, которые подвергаются обсуждению этих органов и вызывают те или иные отклики во всей стране.

К числу таких откликов можно отнести и предлагаемые ниже многолетние мои выступления по проблемам планирования. Большинство из них давно уже потеряло былую злободневность. Но, воскрешая одну за другой забытые уже странички из истории планирования в нашей стране, они показывают, в атмосфере какой напряженной борьбы Госплан выковывал свою методологию, свои принципы и установки планирования в СССР. В условиях нэпа мы боролись за государственный план, а наши противники ратовали за рыночную стихию и толкали на путь реставрации старых порядков. В. И. Ленин еще в марте 1922 г., на XI партийном съезде, указывая на громадную важность нового, на первый взгляд мирного соревнования с капитализмом, говорил: «...Сегодня на нас не

наступают с оружием в руках, и, тем не менее, борьба с капиталистическим обществом стала во сто раз более ожесточенной и опасной, потому что мы не всегда ясно видим, где против нас враг и кто наш друг... Соревнование и состязание, которое мы поставили на очередь дня, провозгласив нэп, — это есть... еще одна форма борьбы двух классов, непримиримо враждебных друг другу» [1].

На плановом фронте этого «соревнования» друзья и противники планирования, конечно, сталкивались особенно остро и часто. И если верно, что в споре рождается истина, то можно надеяться, что и для растущей теории планирования не останутся бесплодными те постановки плановых проблем и горячие вокруг них дискуссии, какие, повседневно возникая из потребностей плановой практики, нашли свое отражение в предлагаемых читателю очерках.

С. Струмилин.

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 33, стр. 257—258, 259.

I. ОТ РАЗВЕРСТКИ К ПРОДНАЛОГУ[1]

1. К ВОПРОСУ О РАЗМЕРАХ НАЛОГА

Экономическое положение страны повелительно требовало от нас радикальных реформ в области нашей продовольственной политики. И первый решительный шаг в этом направлении, на необходимость которого мы уже неоднократно указывали[2], ныне сделан. Мы переходим от разверстки к налогу. Общие задачи и главнейшие контуры этого шага уже намечены. Но целый ряд весьма существенных частных вопросов в этом деле еще ждет своего разрешения. В каком же направлении мы должны идти к их разрешению?

Прежде всего для нас налог является, конечно, не только важнейшим элементом специально продовольственной политики, но и вообще основным звеном всего нашего хозяйственного строя, расценивать которое изолированно, вне связи с общими задачами хозяйственного плана и общей конструкцией государственного бюджета страны, не приходится.

Прежний, дореволюционный государственный бюджет России строился главным образом на косвенных налогах и на доходе от винной монополии, служившей тоже лишь одним из способов косвенного обложения. Прямые налоги покрывали собой едва десятую часть бюджета. Тем не менее и прямые и косвенные налоги в конце концов перелагались на трудящиеся классы, т. е. на крестьян и рабочих, ибо лишь труд создает материальные ценности.

Спрашивается, какую же долю национального продукта присваивало себе ежегодно государство для выполнения своих функций?

Расходный бюджет 1913 г. достигал 3208 млн. руб. Если отсюда исключить возмещаемые доходами эксплуатационные расходы по казенным предприятиям в размере 875 млн. руб., то остальной расход составит 2333 млн. руб. Исходя из данных о численности населения, можно думать, что собственно на 50 губерний Европейской России из этой суммы падало лишь 74%, т. е. 1725 млн. руб. Если сюда еще прибавить бюджеты земств — около 285 млн. руб. и городов — 144 млн. руб., то общий итог для 50 губерний получится в 2154 млн. руб. **Свыше 30% этой суммы расходовалось на нужды государственной обороны, 25,5% — на культурно-образовательные потребности и благоустройство**, 17,5% — на платежи процентов по иностранным займам, **около 10,5% — на содержание администрации и суда, 4,5% — на полицию и тюрьмы** и т. д. Некоторые из этих расходов у нас уже отпали (платежи по займам) или сильно сократились, но зато возник целый ряд новых, например громадный расход по социальному обеспечению инвалидов войны и труда и т. п. От них-то мы уж во всяком

[1] «Экономическая жизнь», 31 марта и 16 апреля 1921 г. Здесь и далее дается первая публикация.

[2] «Экономическая жизнь», 30 октября 1920 г. 14 января 1921 г.

случае не сможем отказаться. Значит, мечтать о сколько-нибудь существенном сокращении общих издержек государства, подлежащих разложению на всех его трудоспособных членов, едва ли приходится. Но мы знаем, что, по исчислению С. Н. Прокоповича, весь народный доход 50 губерний Европейской России на 1913 г. исчислялся в сумме 11 805 млн. руб., а если отсюда еще исключить спорную статью «дохода» от торговли в размере 981 млн. руб., то останется всего 10 124 млн. руб. Государство извлекало из этой суммы на свои нужды 2154 млн. руб., т. е. 20,9%. **Значит, каждый трудящийся уже до революции отдавал на общегосударственные нужды не менее одной пятой доли чистого продукта своего труда.**

Но посильна ли была для трудящихся такая дань государству? Не надрывались ли они под столь тяжким бременем?

Для того чтобы решить этот вопрос, надо иметь ясное представление об уровне производительности труда в данной исторической обстановке. В эпоху каменного или бронзового века это, несомненно, была бы слишком непосильная дань, ибо даже во времена Израиля мы не встречаем налога выше десятины, т. е. десятой доли продукции. Но в наших современных условиях и пятина была бы весьма легким бременем по сравнению с тем, какое фактически до революции нес на себе всякий трудящийся.

В самом деле, мы знаем, что, помимо бремени государственных расходов, все трудящиеся подвергались еще в той или иной форме эксплуатации капиталистической. В области применения наемного труда размеры, или нормы, этой капиталистической эксплуатации довольно легко определимы. В упомянутой уже работе С. Н. Прокоповича находим следующее исчисление *чистой* продукции наемного труда и заработной платы в области промышленности (в млн. руб.) [1].

Область труда	Чистая продукция 1913 г.	Заработная плата	
		в млн. руб.	в %
Горнозаводская промышленность	532	327	61,5
Фабрично-заводская промышленность	1133	470	41,5
Транспорт железнодорожный . .	607	234	38,5
Транспорт водный	200	82	41,0
Строительное дело	843	408	48,4
Итого	3315	1521	46,0

В эти данные следует, по-видимому, внести одну поправку. На транспорте и в некоторых других отраслях труда заработок рабочих не отделяется от заработка служащих и, стало быть, учтен полностью в приведенных итогах. Но для обрабатывающей промышленности в таблице заведомо учтены лишь заработки рабочих. Заработки служащих составляли, по Варзару, примерно 23,3% заработной платы рабочих, что дает еще прибавку к общему итогу заработков около 110 млн. руб. Весь итог, стало быть, составит 1631 млн. руб., или 49,4% чистой производительности. Говоря иначе, каждый пролетарий получал от своего хозяина только *половину* продукта своего труда.

Из этой половины он уплачивал еще изрядную долю государству в виде косвенных налогов и лишь на оставшуюся часть содержал себя и свою семью. А в каждой рабочей семье на одного работника приходится

[1] «Опыт исчисления народного дохода 50 губ. Европейской России в 1900—1913 гг.», под ред. С. Н. Прокоповича. М., 1918, стр. 84—85.

на круг не менее двух едоков; стало быть, *полным* продуктом своего труда каждый работник при дореволюционной норме производительности смог бы прокормить не двух, а по меньшей мере до четырех-пяти едоков. И если бы с него государство брало в виде налога только одну пятую долю продукта его труда, освободив от всякой иной эксплуатации, то, несмотря на такой налог, он смог бы зажить вдвое лучше прежнего. Иными словами, это можно сформулировать так: дореволюционная норма продуктивности труда в России примерно в 2,5 раза превышала норму прожиточного минимума семейного рабочего.

И это справедливо не только в отношении лучше оплачиваемого, квалифицированного труда, но и в отношении самого сырого, необученного. Чернорабочие, конечно, производят и потребляют меньше ценностей, чем механики и ювелиры, но и они всегда получали от хозяина примерно половину своего продукта, и они платили из своего заработка косвенные налоги государству и лишь на остатки его могли содержать себя и свою семью. Значит, и их норма продуктивности превышала семейный прожиточный минимум раза в 2,5 или около того. А если это верно в отношении наемного городского чернорабочего, то не менее верно и в отношении сельского батрака или самостоятельного крестьянина-земледельца, ибо единица простого труда согласно теории трудовой стоимости во всех областях хозяйства производит равные стоимости.

Итак, можно считать, что и крестьяне производили до революции примерно в 2,5 раза больше своего прожиточного минимума. В отношении некоторых из них это вполне наглядно подтверждается фактом распространения *испольной* формы натуральной аренды в дореволюционной России. Если крестьянин отдавал помещику за пользование землей целую половину *валового* сбора, платя из остатков все подати и налоги, и все-таки существовал кое-как, с грехом пополам, значит норма его продуктивности была достаточна для такого тягла. Нелегкое тягло влачили и те крестьяне, которые сидели на собственной земле, поскольку они попадали в тенета торгового капитала, сбывающего им все необходимое втридорога и приобретающего от них все их излишки втридешева.

Пролетарская революция, свергая иго капитала, освобождает и рабочего и крестьянина от большей части обременявшего их тягла. Крестьянину уже не нужно платить помещику никаких аренд; он будет застрахован в то же время и от эксплуатации со стороны целой рати мелких и крупных пиявок — посредников-торгашей. Таким образом, замена всех прямых и косвенных налогов старого времени единым продналогом в одну пятую чистого продукта его труда явилась бы для крестьянина громадным облегчением не только по сравнению с отмененной ныне системой конфискации всех излишков, но и вообще по сравнению с прежним хозяйственным укладом.

Но здесь возникает одно сомнение. Мы знаем, что гражданская война и вызванная ею разруха сильно понизили прежние нормы продуктивности труда. И то, что было бы раньше легким бременем, может оказаться ныне совершенно непосильным. Это зависит от того, насколько именно упала средняя норма продуктивности труда.

Каково же это падение?

В земледелии, если оставить в стороне ежегодные колебания урожайности, как слишком случайные, и судить лишь по сокращению площади и запашек на единицу труда, придется констатировать следующие факты. Абсолютное количество сельского населения с 1913 по 1920 г. почти не изменилось, но процент трудоспособных в связи с мобилизациями и результатами войны заметно понизился — с 45% примерно до 36%, так что число рабочих рук в сельском хозяйстве, несомненно, сократилось процентов на 20. Площадь запашек сократилась, однако, еще сильнее. С 1913 по 1916 г. это сокращение оценивалось П. П. Румянцевым, по данным

переписи 1916 г., в 7%, а с 1916 по 1920 г., по данным ЦСУ, мы имели дальнейшее сокращение посевных площадей на 20,3%. В общей сложности это дает по сравнению с 1913 г. сокращение на 26%.

П. И. Попов, по данным ЦСУ, оценивает чистый сбор (за вычетом семян) продовольственных хлебов, картофеля в переводе на зерно и кормовых хлебов в пределах РСФСР и федерированных с нею республик, кроме Туркестана, для 1913 г. в 3 млрд. пудов и для 1920 г.— в 1800 млн. пудов. За счет сокращения посева на 26%, стало быть, потеряно в этом году 780 млн. пудов чистой продукции 1909—1913 гг. и за счет неурожая — 420 млн. пудов. Эта последняя потеря из 2220 млн. пудов нормальной продукции при данной площади посева составляет примерно 19%. 1920 г. надо, однако, считать исключительно неурожайным. И если мы вправе ожидать и впредь повторения сборов, пониженных против нормы 1909—1913 гг., то во всяком случае вероятнее оценивать это понижение по примеру 1917—1919 гг. в среднем процентов на 10, но не более. Тогда на площади, равной 74% довоенной нормы, мы получили бы чистого сбора до 2 млрд. пудов, т. е. до 67% чистого сбора 1913 г. по всей вышеуказанной территории. А если этот сбор рассчитать на единицу труда, то получим понижение ее продуктивности для сельского хозяйства всего на 16% нормы мирного времени.

В области обрабатывающей промышленности, по имеющимся у нас скудным данным, продуктивность труда упала гораздо значительнее. Часовая выработка фабричного рабочего к 1920 г. составляла, по этим данным, не более 65%, суточная в связи с сокращением рабочего дня на 14% — не более 56%, а годовая вследствие значительного увеличения болезней, прогулов и простоев — едва 41% нормы мирного времени[1]. Для железнодорожного транспорта это падение еще значительнее, но зато в других областях городского труда, менее подверженных вынужденным простоям, оно несколько меньше. В среднем для всех областей городского труда можно считать, что годовая выработка на единицу труда составляет до 40% нормы 1913 г. А если взять и городской и сельский труд в той пропорции, какая у нас наблюдается, то для 1920 г. получим среднюю продуктивность не менее 77% довоенной нормы.

За вычетом из этой нормы одной пятой в виде налога в распоряжении работника остается еще свыше 61% прежней продукции, т. е. раза в 1,5 больше обычного для дореволюционной России прожиточного минимума. Таким образом, если проектируемый налог вводится в отмену *всех иных* способов обложения и эксплуатации, то ставку в 20% чистой продукции признать чрезмерной никак нельзя.

Ставка в 20% не велика. Но, может быть, она, наоборот, слишком мала по сравнению с теми грандиозными задачами, какие ставит себе ныне пролетарская власть России?

На это приходится ответить так. Конечно, чем большие ресурсы мы могли бы без *ущерба* для трудящихся обратить на положительное строительство социализма, тем скорее бы осуществили основные задачи пролетарской революции. Но социализм прежде всего призван к тому, чтобы облегчить, а не отягчить участь трудящихся. Для него и тех средств, которыми располагало буржуазное государство, совершенно достаточно для достижения путем более планомерного и целесообразного их использования неизмеримо больших результатов. Тем более, что и одна пятая чистой продукции труда при том громадном приросте его продуктивности, какое нам сулит социалистическая его рационализация, с каждым годом будет представлять собой все более грандиозную величину, вполне достаточную для осуществления самых широких общественных задач.

---

[1] С. Струмилин. Ущерб в производительности труда, вызванный гражданской войной и блокадой. «Вестник труда», 1921, № 3.

Итак, мы могли бы вполне спокойно гарантировать каждому трудящемуся — рабочему и крестьянину, что в обмен за свои услуги населению государство не потребует от него впредь более 20—30% чистого продукта его труда.

Какую же реальную величину даст такой налог в государственный продовольственный фонд?

Поскольку мы облагаем чистый продукт труда, мы должны исключить из валового сбора не только семена, но и некоторый процент на амортизацию живого и мертвого сельскохозяйственного инвентаря и тому подобные чисто производственные издержки. В современных условиях нашего крестьянского хозяйства на семена идет около 8,5 пуда на десятину; амортизацию и прочие издержки можно оценить в 15% чистого сбора. Тогда за вычетом этих издержек чистый продукт труда составит лишь 85% чистого сбора, или — при среднем урожае в сам-шестой около 70% валового сбора. И, стало быть, налог в одну пятую долю чистого продукта составит не более 17% чистого, или 14% валового, сбора хлебов в крестьянском хозяйстве. Из расчета па одну десятину ржи при урожаях последних лет это составило бы:

Годы урожая	Сбор ржи (в пудах)		Продналог	
	валовой	чистый	в пудах	в % урожая
1909—1913	52,7	44,2	7,5	14,2
1914—1918	46,0	37,5	6,4	13,9
1920	33,5	25,0	4,2	12,6

Как видим, в средние годы крестьянину по этому расчету пришлось бы отдать в налог примерно каждый седьмой, а в худшие — восьмой сноп своего урожая и только. А казне это дает в худшем случае, т. е. в неурожайный год, подобный 1920 г., при чистом сборе в 1800 млн. пудов до 306 млн. пудов продовольствия и фуража, а в лучшие годы при нормальном посеве в среднем чистом сборе до 3 млрд. пудов — не менее 510 млн. пудов продналога.

Как велики эти цифры по сравнению с теми суммами, какие извлекались из деревни без всякого эквивалента по продразверстке?

Разверстка последнего года, как известно, была рассчитана на 450 млн. пудов хлебофуража, не считая мяса, молока, масла, яиц и тому подобных продуктов. Но наряду с нею не следует забывать и другого нашего налогового насоса — бумажно-денежного обращения, пользуясь которым городу удавалось за бумажки, т. е. в сущности тоже без всякого реального эквивалента, выкачивать из деревни изрядную долю ее продукции. Правда, из казначейства эти бумажки попадают сначала в руки рабочих, но они не застревают надолго в их карманах и целиком переходят в обладание крестьян-земледельцев. При помощи печатного станка в 1918 г. из обращения было взято ценностей приблизительно на 373 млн. руб. золотом и в 1919 г.— на 383,5 млн. руб. Переводя это на хлеб и считая, что хлебофураж составляет до четырех пятых общей ценности продуктов деревни, извлекаемых разверсткой, мы получим следующие итоги хлебофуража (в млн. пудов):

Годы	Разверстка хлебофуражная	Прочие продукты	Печатный станок	Итого (в млн. пудов)
1918/19	107	27	333	467
1919/20	220	55	342	617

Как видим, до сих пор деревня давала городу без какого-либо эквивалента значительно больше, чем нами предположено принять за норму

натурального продналога. Конечно, деревня и впредь будет сбывать городу свои излишки и помимо налога, но теперь она получит возможность сбывать их не за бумажки, а за вполне реальные товарные ценности. Как всего рациональнее организовать этот товарообмен с деревней и вообще всю систему взимания продналога — это вопрос, заслуживающий особого рассмотрения.

Но, независимо от того как он будет разрешен, едва ли можно сомневаться после вышеприведенных соображений, что ставка налога в 20% чистой продукции труда крестьянина не будет для него ни чрезмерной, ни даже особенно обременительной.

2. ПОРЯДОК ВЗИМАНИЯ НАЛОГА

Переход от разверстки к продналогу надо рассматривать как очень крупный и решительный шаг к радикальной перестройке бюджетного базиса нашего послереволюционного государственного строительства. Но, конечно, это не первый и не последний шаг к такой перестройке.

В борьбе за укрепление нового социального строя революционная власть считала целесообразным использовать все наличные ресурсы страны. Вот почему Советская власть была вынуждена с первых же дней революции взять в свои руки распоряжение не только общественными средствами производства, но и вообще всем достоянием народа — всем продуктом его прошлого и настоящего труда. Трудящимся государство оставляло при этом лишь тот минимум средств, какой у него для этого оставался за покрытием всех иных более важных государственных потребностей. А так как эти последние были слишком велики, то ни о каких *«излишках»* продукта, которые можно было бы оставить в руках крестьян или иных производителей, не могло быть и речи.

В этом надо искать корни и продовольственной разверстки и уравнительной тенденции в оплате труда — этих основных китов нашей экономической политики в эпоху военного коммунизма. Она вытекала не из программных требований социализма или коммунизма, а из весьма печальной необходимости самосохранения нового государственного строя в условиях революционного момента.

Однако эти условия меняются. Самый острый момент гражданской войны уже миновал. Мы получили возможность вступить в более нормальную полосу планового хозяйства. Но остатки продукции прошлого труда истощены. А новый труд, лишенный всех индивидуальных стимулов к повышению своей продукции, дает слишком мало по сравнению с развертывающимися потребностями социалистического строительства. И вот интересы дальнейшего самосохранения и развития нового строя требуют уже новой политики. В интересах повышения продуктивности труда сначала для рабочих — в порядке их премирования, а затем и для крестьян — в порядке перехода от изъятия всех «излишков» к долевому отчислению их продукции в государственный фонд — мы признали новый принцип распределения.

Каждый трудящийся отдает государству лишь вполне определенную долю своего труда или его продукта, и потому всякое повышение производительности в той же мере увеличивает его личный доход, как и доход государства.

Для крестьянства мы определили эту долю в 20% его чистой продукции, но, разумеется, правильная налоговая политика не должна бы ставить крестьян в худшее или лучшее положение, чем рабочих или иных производителей — кустарей, ремесленников и т. п. Вот почему со временем продналог должен войти в общую налоговую систему лишь как особая разновидность единого трудового налога.

Методы взимания этого налога для различных категорий трудящегося населения, несомненно, должны быть различны. Например, в отношении

лиц наемного труда на государственных предприятиях достаточно так урегулировать уровень их реальной заработной платы, чтобы в виде заработка они получали лишь 80% чистого продукта их труда. С иных категорий трудящихся этот налог можно взимать и непосредственно трудом на тех или иных общественных работах, выполняемых в порядке трудовой повинности не менее известного числа, скажем 50 дней в году. За рабочих, занятых на концессионных предприятиях или в иных индивидуальных хозяйствах, трудовой налог должны выплачивать их хозяева. И так далее. Здесь не место входить в детали этого вопроса. Остановимся лишь на методах разверстки и взимания продналога.

Декрет ВЦИК предусматривает *долевое* отчисление налога. Организовать его можно, например, так. Объявляется, что сдаче в налог подлежит такая-то, скажем одна седьмая, доля валового сбора всех хлебов, трав, молочных продуктов, яиц, а также соответствующая — из приплода скота и живности — доля мясных продуктов. Каждый хозяин должен подать в установленные законом сроки определенную заявку — декларацию — о величине своего посева, сбора, ожидаемого приплода и т. д. На основании этих заявок после их проверки в случае нужды всеми необходимыми способами составляются окладные листы, которые в интересах общественного контроля вывешиваются в публичных местах. А затем местные податные органы приступают к взиманию налога в размерах, установленных для каждого двора по окладному листу.

Но эта процедура заявок, пожалуй, чересчур сложна и малонадежна для нашей деревни. Поэтому, вероятно, более практично исходить из долевого расчета продукции для исчисления лишь *общих* итогов налога по всей стране. А затем, разверстав эти итоги на десятину земли, голову скота и т. п., опубликовывать уже эти подесятинные ставки. Разумеется, что при такой разверстке пришлось бы учесть чрезвычайное разнообразие местных хозяйственных условий, колебания урожайности и т. д., а потому подесятинные ставки для каждого года и каждой губернии, а может быть, и уездов оказались бы различными. Такая система не гарантирует полной равномерности обложения и потому должна быть дополнена известными коррективами, например, правом беднейших крестьян добиваться известных скидок или даже полного освобождения от налога на данный год, если установленная ставка вследствие недорода или иных случайностей оказалась бы слишком обременительной. Но зато эта система устраняет весьма широкий произвол субъективных деклараций налогоплательщиков и упрощает технику взимания налога.

Вопросом является лишь то, какая площадь должна стать объектом обложения: только посевная или пахотная, или даже еще шире, вся удобная, включая сюда все угодья.

В печати указывалось, что во избежание практики захвата земель без надлежащего их использования лучше бы обложить налогом всю землю. Но это при пестроте наших форм севооборота — от подсечного и переложного до многопольного с травосеянием — может создать слишком большую неравномерность обложения. А это вызовет, с одной стороны, большие недоборы налога, а с другой — появление брошенных, бесхозяйственных земель. Землеустройство у нас не закончено. Точного подворного учета земли по угодьям нет. И когда дело дойдет до взимания налога, то конкретно его сумму придется в конце концов исчислять на основании числа десятин, показанных самим домохозяином. Таким образом, и здесь нам не удастся избежать известного субъективизма всяких деклараций этого рода.

Гораздо целесообразнее нам представляется поэтому другой путь. Обложению должна подвергаться лишь *посевная* площадь. Но не фактическая, а та, которая должна быть засеяна в каждом дворе согласно заранее определенному общегосударственному плану посева. При такой постановке реальность обязательных планов засева увеличится в огромной степени,

ибо не выполнившие его полностью посевщики окажутся оштрафованными повышенной ставкой на фактическую десятину посева, а выполнившие с избытком получат премию, поскольку посев сверх плана окажется совсем необложенным. А главное, вся площадь, подлежащая обложению, будет всегда вполне точно и своевременно фиксирована.

При указанном условии общий план взимания продналога окажется в теснейшей связи с общегосударственным планом засева. Исходя из заданной этим последним площади посевов и пропорции культур для всех районов страны и пользуясь данными о средней урожайности разных культур по этим районам за последнее пятилетие, нетрудно исчислить еще с осени как валовой сбор всех культур на предстоящий год, так и чистую продукцию, за вычетом семян и установленных скидок на амортизацию и прочие издержки, подлежащие обложению в указанной доле этой продукции.

Так определится суммарная норма продналога на данный год. Мы не знаем, таким ли путем были исчислены опубликованные на 1921 г. итоговые нормы продналога в 240 млн. пудов зерновых хлебов для России и в 117 млн. пудов для Украины, составляющие в сумме 357 млн. пудов. Но если исходить из фактической площади посева прошлого года — 59,8 млн. десятин зерновых культур по всей республике, включая Украину,— и урожайности 1918—1919 гг.— до 35 пудов *чистого* сбора на десятину, то за скидкой в 15% на амортизацию чистая продукция хлебофуража по республике определится в 1780 млн. пудов, а 20% налога с этой продукции составит 356 млн. пудов, что почти совпадает с декретированной нормой продналога.

Далее исчисленный вышеуказанным образом общий итог налога необходимо для удобства взимания разверстать по районам в подесятинные нормы обложения. Однако в интересах равномерности обложения эту разверстку не следовало бы производить и публиковать до того момента, когда по состоянию посевов виды на предстоящий урожай повсеместно определятся и в предварительные исчисления, основанные на средних нормах урожайности за ряд прошлых лет, получится возможность внести все необходимые для данного года поправки.

Не вдаваясь в технику соответствующих калькуляций, укажем лишь общую их задачу. Государственный бюджет и план хозяйства должны базироваться на твердом основании, а потому общий итог налога не подлежит изменению в порядке подесятинной его разверстки. Если виды на урожай будут выше средних, то средние подесятинные нормы можно будет понизить; если урожай будет оцениваться ниже среднего, то их придется, наоборот, соответственно повысить с таким расчетом, чтобы в общем по всем районам собрать установленные декретом итоги продналога полностью. Что же касается порайонной разверстки, то, разумеется, вся тяжесть обложения должна перелагаться на наиболее урожайные в данном году и, стало быть, наиболее обеспеченные хлебом области и губернии, откуда совершенно ясно, что подесятинные нормы налога для разных губерний будут весьма различны.

Как бы, однако, такая калькуляция разверстки ни была гибка и точна, она все же не гарантирует нам полной равномерности обложения и не застрахует нас от известного процента недоимок, в особенности значительного для неурожайных лет. Поэтому в интересах реальности плановых расчетов это необходимо учесть заранее и постепенно создать себе известный резервный фонд для покрытия всякого рода недоимок и недоборов. В урожайные годы или в урожайных районах такой резерв мог бы частью пополняться за счет некоторого малочувствительного преувеличения подесятинных норм обложения. Но в качестве более общей и действительной меры следовало бы предпочесть известное процентное отчисление в резервный фонд из общей декретированной суммы продналога, подобно тому как это уже сделано на Украине, где на 117 млн. пудов продналога 18 млн.,

т. е. 15%, сразу же выделяется в особый местный фонд специального назначения.

Общее положение о резервном фонде можно было бы сформулировать следующим образом. Известный процент, скажем 85%, установленной декретом суммы продналога поступает в общегосударственный фонд. Если фактическое поступление превысит эту норму, то все излишки поступают в местный фонд следующего назначения: половина ежегодных поступлений в него расходуется немедленно на скидки с налога и пособия беднейшим налогоплательщикам данного села или волости, вторая половина образует собой общегубернский фонд для выдачи семенных и продовольственных ссуд местному населению в случае неурожаев, а когда этот запасный фонд достигнет известной величины, то новые поступления могут идти на всякие иные местные нужды по усмотрению губисполкома.

Такая конструкция, помимо других преимуществ, была бы ценна постольку, поскольку она заинтересовала бы беднейшие слои крестьянства в возможно более полном поступлении налога со всех более обеспеченных налогоплательщиков.

Мы знаем, что революция сильно нивелировала крестьянство. Предстоящий переход от разверстки к продналогу с довольно широкой свободой местного оборота создаст крупный толчок к дифференциации крестьянства. И этого социалистическому авангарду страны отнюдь не приходится бояться. Расслоение деревни плодит естественных союзников и друзей городского пролетариата. Вот почему чрезвычайно важно, чтобы организация взимания продналога вскрывала назревающее противоречие интересов разных слоев дифференцирующейся деревни.

Но именно поэтому следует быть очень осторожными в вопросе о прогрессивности обложения, которая, несомненно, будет сильно задерживать это расслоение. Налог есть ставка на стимулирование повышенной производительности, а прогрессивное обложение — лучшее средство к понижению этих стимулов. В отношении рабочих отменено последнее ограничение пределов сдельно-премиального приработка. Если один рабочий сделает хоть в 5 раз больше другого, то и заработает во столько же раз больше. Здесь нет места для прогрессивного обложения. Но еще труднее было бы применить его в отношении крестьянского труда.

Результаты его прежде всего будут зависеть от размеров запашки и посева, от количества скота на одно хозяйство и тому подобных объективных признаков. Но попробуйте обложить вторую или третью десятину, голову скота и т. д. выше, чем первую, и вы достигнете этим лишь одного из двух: либо каждая десятина земли и голова скота будет расписана фиктивно на каждого члена семьи до «сосущих младенцев» включительно, либо, предупредив фиктивное дробление хозяйства, вы тем самым стимулируете гораздо более вредные с государственной точки зрения действительные разделы и распыление крестьянского хозяйства. И в первую очередь при этом рассыпались бы, конечно, с таким трудом сколоченные коллективные крестьянские хозяйства — коммуны и артели.

Нет нужды доказывать, что это вовсе не составляет нашей задачи. А потому прогрессивность в обложении крестьянского хозяйства может быть допущена разве лишь в отношении целых районов вне всякой зависимости от размеров отдельных хозяйств в пределах этих районов.

С неменьшей осторожностью следует отнестись и к вопросу о полном освобождении от налога беднейших крестьян. Как бы ни был мал предел, ниже которого налог не взимается, хотя бы одна или две десятины на хозяйство, мы отнюдь не застрахованы от того, что путем действительных или мнимых разделов под этот предельный ценз попадет до 90% всех хозяйств и платить налог будет некому. А с другой стороны, поскольку мы рассматриваем продналог как разновидность всеобщего налога на труд, здесь нет и принципиальных оснований для каких-либо изъятий. Лишь

нетрудоспособные могут претендовать на свободу от этого налога. Но они и без того не подлежат ему, ибо не работают и не создают никакого продукта для долевого отчисления.

Размер посевной площади не говорит нам ровно ничего о пределах возможного приложения труда. У меня, допустим, только полдесятины пашни, но я содержу лавочку или занимаюсь извозом, или хожу на отхожие заработки и т. д., и т. д. и зарабатываю больше соседа, хотя тот распахивает шесть десятин. Какие же здесь основания освобождать меня от налога? Чем меньше у меня земли, тем больше времени для неземледельческого труда, и если я работаю, то могу и платить налог, а если не работаю, то нужно еще разобрать, почему, чтобы скидкой налога не премировать лени и разгильдяйства. Вот почему всякие скидки и освобождения возможны лишь в порядке частных изъятий, достаточно мотивированных болезнью, неурожаем или иным стечением неблагоприятных обстоятельств, а не в порядке огульного освобождения по тому или иному формальному признаку.

В числе разных оснований для понижения налога для известных категорий плательщиков указывают еще два признака: число едоков и число голов скота в хозяйстве. Но следует ли осложнять закон о налоге учетом этих признаков с указанною целью? Это очень спорно. Ведь увеличение числа работников или числа голов скота в хозяйстве означает увеличение мощности этого хозяйства. Правда, и работника и лошадь надо кормить, но разве они не окупают этого своей работой? Если сравнить безлошадного крестьянина с лошадным, то первый, конечно, хозяйствует в худших условиях, чем второй. Он должен будет нанять лошадь у второго и оплатить ее добавочным личным трудом. А между тем податная льгота при этом досталась бы не первому, а второму, который оберегает свой труд более дешевой работой лошади, извлекая из нее попутно и добавочный доход сдачей ее в наем безлошадному. Однако второй, как более сильный, вовсе не нуждается в льготах.

Возможен, конечно, такой случай, что в некоторых хозяйствах скапливается излишек скота и рабочих рук, который нельзя в них полностью использовать. Но если это так, то было бы крайне нерационально удерживать такие излишки в этих хозяйствах податными льготами. Нет никакого разумного основания уравнивать шансы таких хозяйств в соперничестве с более рациональными формами хозяйства. Не в наших интересах затемнять подобными льготами все экономические преимущества какой-нибудь трудовой артели или коммуны, полностью утилизирующей все свои трудовые силы, по сравнению с мелкой крестьянской парцеллой, на которой такое использование почти недостижимо.

Другое дело, если говорить не о едоках вообще, а о специально нетрудоспособных едоках: детях, стариках, инвалидах. Большое скопление таких пассивных элементов в отдельных маломощных хозяйствах, разумеется, нельзя игнорировать. Но помощь таким хозяйствам гораздо рациональнее оказывать в порядке социального обеспечения, чем в порядке налоговых изъятий и льгот.

В заключение укажем еще на одно обстоятельство. Взимая налог натурой, мы не должны забывать об экономии транспортных средств. Нам необходимо стремиться извлекать из деревни возможно меньше балласта на каждую единицу ценности. Из черноземных мест мы будем извлекать по преимуществу хлеб, из нечерноземных — лен, повсюду, где возможно,— жиры и другие полноценные продукты, но лишь местами и в минимальных размерах картофель, овощи, солому и прочие малоценные грузы. А потому в законе о налоге должен быть установлен принцип заменимости одних продуктов другими по известной шкале эквивалентов, установленной с таким расчетом, чтобы и самим крестьянам всего выгоднее было сдавать наиболее транспортабельные продукты.

II. К ХОЗЯЙСТВЕННОМУ ПЛАНУ НА 1921/22 г.[1]

1. ОБЩИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Рационализация хозяйства предполагает следующие основные предпосылки:

1. Государственное хозяйство, как и частное, должно строиться на основе строгого соответствия между приходной и расходной частью бюджета.

2. Такое равновесие бюджета может быть обеспечено лишь наличностью хорошо продуманного и точно сбалансированного во всех частях единого плана хозяйства.

3. В обеспечение реальности этого плана все вытекающие из него производственные задания должны быть строжайшим образом сообразованы с назначаемыми для их осуществления ресурсами.

4. Точность социально-экономического предвидения в настоящее время, однако, весьма ограниченна, а потому реальная осуществимость всех предначертаний плана независимо от необходимости строгого учета реальности отдельных предположений должна обеспечиваться еще выделением достаточно крупных резервных фондов на непредвиденные случаи.

5. При всем том хозяйственный план будет рациональным лишь постольку, поскольку он обеспечит максимальный коэффициент использования всех производственных и продовольственных ресурсов республики.

6. В области производства это означает прежде всего переход от распыления производственных ресурсов по всем предприятиям к сосредоточению их в наиболее технически совершенных и экономически результативных в целях эксплуатации их в течение всего года в наивыгоднейших условиях, т. е. *с максимальной нагрузкой*, без всяких простоев и перебоев в работе.

7. В области распределения в условиях переживаемого момента это предполагает раньше всего резкое сужение круга пенсионируемых групп населения в целях расширения фондов заработной платы, т. е. фондов воспроизводства рабочей силы.

8. В области оплаты труда это означает переход от системы уравнительности к принципу дифференциации норм оплаты, соразмеряемых не с нуждаемостью, а с квалификацией и производительностью каждого работника.

9. Вместе с тем в целях повышения коэффициента использования рабочей силы до норм мирного времени необходимо средние нормы питания и воспроизводства рабочей силы довести до соответствующего уровня.

Приведенные исходные положения чрезвычайно элементарны. Теоретически их едва ли бы кто стал серьезно оспаривать. И о них, пожалуй,

[1] «Народное хозяйство», 1921, № 5.

не стоило бы даже упоминать, если бы не тот печальный факт, что, увы, ни одно из них не находило себе до сих пор приложения в нашей хозяйственной практике.

Правда, формулировать на бумаге такие положения, как принцип равновесия бюджета, единство хозяйственного плана, реальность заданий, обеспеченность большими резервами, достижение высоких коэффициентов использования материальных ресурсов и рабочей силы и т. п., гораздо более легкая и благодарная задача, чем всякая попытка осуществить их в жизни. Однако осуществить их все же необходимо. А для этого они, разумеется, прежде всего должны быть ясно и четко сформулированы, а затем найти себе надлежащее отражение и в том едином хозяйственном плане, к построению которого мы в настоящее время приступаем.

Наименьший срок, на который рационально строить хозяйственный план,— это год. Одна из наиболее основных отраслей хозяйства — земледелие — дает нам свои результаты в виде урожая только один раз в году. Урожай определяет собой и размер общего для всей страны фонда воспроизводства рабочей силы на предстоящий год и размеры отдельных сырьевых фондов для целого ряда отраслей производства. Изменить величину этих фондов до нового урожая, поскольку мы не располагаем достаточными резервными фондами, мы не в силах. А потому при построении единого хозяйственного плана нам волей-неволей приходится с ней считаться, как с заранее заданной «независимой переменной», которая в значительной мере предопределяет на целый год всю совокупность связанных с ней «цепной» функциональной зависимостью элементов государственного хозяйства.

Отсюда следуют выводы. Во-первых, при значительной колеблемости у нас урожаев не только наименьшим, но и наибольшим сроком для сколько-нибудь *реального* и целостного плана хозяйства приходится признать срок годовой. Во-вторых, естественным началом планового хозяйственного года следовало бы признать тот момент, к которому окончательно определяются результаты урожая, т. е. примерно 1 октября. И, в-третьих, исходным пунктом при построении хозяйственного плана на 1921/22 г. должен стать учет результатов урожая 1921 г.

К последнему выводу нас приводят и следующие соображения.

Несомненно, что для годового плана хозяйства, помимо урожая, заранее заданными величинами, не поддающимися произвольному расширению, являются и наличный инвентарь индустриального оборудования и состояние транспорта. С ними тоже пришлось бы в высокой мере считаться с первых же шагов в построении плана, если бы у нас существовало опасение, что наш план может упереться в недостаток оборудования или перевозочных средств. К сожалению, несмотря на сильнейшее изнашивание индустриального оборудования и транспортных средств, остальные элементы производства находятся еще в худшем положении. Машин у нас немного, но и из них громадный процент бездействует в неработающих предприятиях. Паровозов еще меньше, и все же многие сотни их тщетно ждут топлива и грузов к перевозке. Самое слабое звено хозяйственной цепи, тот непреодолимый *для данного момента* минимум, которым должна определиться общая максимальная нагрузка этой цепи, следует искать в другом месте.

Еще меньше, однако, оснований было бы искать это слабейшее звено в недостатке каменного угля, нефти и других видов топлива, руды, чугуна, сырья и полуфабрикатов. Цикл воспроизводства их гораздо короче года. А стало быть, соответствующим перестроением плана, т. е. перенесением в нужные отрасли труда большей массы продовольствия, рабочих рук и прочих ресурсов, мы смогли бы в случае нужды уже в течение первого же планового года довести эти отрасли до полного соответствия с весьма ограниченными потребностями всех остальных отраслей труда.

Раздается, наконец, много жалоб на недостаток рабочих рук, в особенности квалифицированных. Но и этот недостаток весьма относительный. Статистика убеждает нас, что фактически почти во всех действующих предприятиях и учреждениях по сравнению с нормами мирного времени мы имеем дело не с недостатком, а, наоборот, с громадным избытком рабочих рук. И все горе в том, что рабочая их сила благодаря современным условиям питания воспроизводится, а стало быть, и используется в крайне недостаточной степени.

Отсюда мы и приходим к выводу, что искомый минимум, не поддающийся нашему плановому воздействию в течение одного операционного года и потому в известной мере предопределяющий максимальный масштаб нашего годового плана, надо искать именно в области продовольственных ресурсов республики, т. е. прежде всего урожая. Лишь исходя из них, мы сможем определить, сколько рабочих рук может быть нами занято во всех отраслях труда вполне производительно. И далее, разрешив задачу о наивыгоднейшем распределении этих рабочих рук по разным отраслям труда в соответствии с их производительностью и нашими потребностями в различных продуктах, мы получим ту основную производственную пропорцию, которая и составляет задачу *единого* плана.

Дальнейшая разработка общего плана распадается уже на ряд более частных задач: 1) по районированию суммарных заданий в области каждого производства, 2) по разверстке их по отдельным предприятиям и 3) по окончательному развертыванию всех специальных планов в детально разработанную календарную программу операционного года.

Районирование общеплановых заданий подразумевает, разумеется, наличность определенных экономических районов или областей. В этом отношении, помимо центральной России, естественно, намечается ряд окраинных районов: Украина, Юго-Восток, Кавказ, Туркестан, Сибирь, Урал, Петроградский район. Некоторые из этих окраин довольно резко обособлены не только в экономическом, но и в административно-политическом отношении, например Украина, Грузия, Азербайджан и др. Тем не менее общий интерес всех этих политически независимых республик властно требует самой тесной экономической связи их с центром и полного подчинения единому общегосударственному плану хозяйства. Возврат к удельно-вечевому строю в хозяйственном отношении при современной дифференциации труда оказался бы для всех «уделов» еще более гибельным, чем когда-либо.

Промышленный центр не может планировать свое хозяйство без донецкого угля и бакинской нефти. Но и план добычи угля в Донбассе или нефти в Азербайджане вне связи с потребностями промышленного центра был бы пустой и совершенно бесплодной затеей. Судьбы туркестанского хлопководства, оторванного всего на пару лет от судеб московско-владимирской текстильной промышленности, в достаточной степени с этой точки зрения показательны.

Сказанным определяются рамки единого хозяйственного плана в территориальном отношении. В отличие от действующей практики, которая, например, размеры продналога в пределах Украины допускает устанавливать совершенно самостийно одному лишь украинскому Компроду, в то время как, скажем, даже такие крупные потребители, как армия и железные дороги, обслуживающие Украину, находятся на исключительном иждивении российского Компрода, в дальнейшей нашей плановой работе мы должны пойти иным путем. Хозяйственный план, к разработке которого ныне приступает Госплан, должен охватывать территорию всех федеративных советских республик, без всякого изъятия.

Конечно, общегосударственные интересы в этом плане придется очень тщательно согласовать с местными нуждами каждой отдельной области.

В материальном отношении это предполагает выделение в общем плане специальных резервов для автономного их использования местными плановыми органами в соответствии с местными потребностями. В формальном отношении такое согласование плановых предположений центра с соответствующими соображениями областных экономических органов потребует, вероятно, для завершения общегосударственного плана организации особых плановых съездов уполномоченных этих органов.

Останавливаться подробнее на этой стороне дела не входит, однако, в задачу настоящей работы. Основные предпосылки, с которыми мы должны подойти к конкретному построению первых контуров хозяйственного плана на 1921/22 г., нами уже сформулированы.

И теперь мы можем перейти непосредственно к посильному выполнению намеченной задачи.

2. ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ РЕСУРСЫ

Решающее значение в нашем бюджете питания играет хлеб, а потому прежде всего надлежит учесть, что нам даст предстоящий урожай в виде зерновых хлебов.

Согласно первоначальным предположениям Компрода о размерах заготовок хлеба путем товарообмена и опубликованным декретам о продналоге мы имеем следующие цифры (в млн. пудов):

Район заготовок	Продналог	Товарообмен	Итого
РСФСР*	240	150	390
Украина	117	75	192
Итого	357	225	582
В том числе продовольственных хлебов	238	225	463

* Со включением Сибири и Юго-Востока, т. е. Предкавказья, но без Кавказа, Туркестана и Крыма. По Туркестану продналог декретирован в размере 12,5 млн. пудов зерна.

Спрашивается, насколько же реальны эти предположения как по состоянию урожая, так и по состоянию налогового и закупочного аппаратов, а равно и по наличию ресурсов для товарообмена?

Посевная площадь озимых хлебов, по данным ЦСУ, процентов на 5 ниже прошлогодней. О посевах яровых точных данных еще нет. По оценке многих местных деятелей, эти посевы в связи с переходом от разверстки к продналогу уже расширились. Но из осторожности за отсутствием более точных цифровых указаний площадь их можно принять равной прошлогодней. Виды на урожай еще не определились с полной достоверностью. Но, по имеющимся на 15 июня балльным оценкам, предстоящий чистый сбор зерновых хлебов определяется П. И. Поповым во всяком случае не ниже прошлогоднего. Конкретно им давались в Госплане исчисления этого сбора в размерах от 1600 до 1900 млн. пудов, тогда как прошлогодняя цифра для той же территории исчислялась им в 1594 млн. пудов чистого сбора, без посевных семян. По более поздним данным ЦСУ, на 1 июля площадь яровых исчислена в 95% итога 1920 г. Но средний урожай на десятину определился процентов на 5 выше прошлогоднего. Таким образом, пока валовой доход определяется в цифре не ниже прошлогодней.

В эти исчисления следовало бы сразу внести одну очень существенную поправку. Данные о посевных площадях и нормах урожая, несомненно, сильно преуменьшены, ибо они получаются по субъективным оценкам местного населения, очень хорошо учитывающего, что всякая ошибка в сторону преувеличения урожая означает соответствующее увеличение разверстки или продналога, и потому предпочитающего ошибаться в сторону преуменьшения. Как же велик масштаб вольных и невольных «ошибок» этого рода?

Определить его нетрудно. Обращаясь к данным периодических обследований питания населения, мы находим в них прекрасный контрольный материал для проверки точности интересующего нас учета продовольственных ресурсов. Правда, эти данные получаются тоже путем опроса населения. Но в данном случае обследование распадается на столько взаимно контролирующих друг друга детальных вопросов, что, превращаясь в своеобразный «перекрестный допрос», не дает места для слишком произвольных уклонений от истины. Ошибки и вранье, конечно, и здесь возможны. Но здесь они гораздо легче вскрываются и заблаговременно устраняются из обследования. Другой дефект обследований питания можно усматривать в том, что они не носят сплошного характера. Но при достаточно большом числе наблюдений и выборочный метод, как известно, дает прекрасные результаты.

В частности, выборочный метод в области обследований бюджетного типа дает чрезвычайно стойкие коэффициенты даже при сравнительно небольшом числе наблюдений. Так, например, известный английский статистик и математик профессор Боули опубликовал в журнале английского «Королевского статистического общества» следующий факт. Ему удалось установить, что уже при 100 бюджетах вероятность отклонения вычисленных по ним средних от тех норм, какие должны бы получиться при сплошном обследовании, не превышает 4%. При 400 бюджетах вероятная ошибка падает до 1,5%, при 1600 бюджетах — до 1%. Это такая удивительная точность, что сам Боули замечает: «...надо твердо верить в применимость теории вероятностей к статистике, чтобы не усомниться в том, что средняя действительно столь точна, как это показывает таблица».

К сказанному остается добавить, что периодические обследования питания ЦСУ, о которых мы говорим, охватывают не тысячу и не две, а по меньшей мере 15 тыс. хозяйств. Значит, ценность этого материала с точки зрения достижимой точности учета весьма высока. Прежде всего мы имеем в виду результаты обследований питания за 1920—1921 гг., доложенные в Госплане А. Е. Лосицким. Таких обследований было два — в ноябре и в феврале, причем февральские нормы потребления, вообще говоря, ниже ноябрьских. Поэтому нормы питания сельского населения Сибири, Юго-Востока и Украины, приведенные ниже за отсутствием иных данных только по февральскому обследованию, вероятно, несколько преуменьшены. Также преуменьшены, видимо, и нормы городского потребления хлеба в тех же районах, поскольку нами распространена на них ноябрьская норма городов производящих губерний Центральной России (за вычетом особо неурожайных). Для городов производящих губерний центра учтены и неурожайные губернии, ввиду чего норма с 11,3 пуда понижена до 10,4 пуда на душу.

Нормы потребления скота заимствованы у А. Е. Лосицкого. Данные о населении, посевах и чистом сборе 1920 г. заимствованы нами из последних работ, опубликованных П. И. Поповым, со всеми исправлениями, какие им внесены в ранее опубликованные данные. Главнейшим из этих исправлений является еще более низкая (на 5%) цифра посевной площади и сбора 1920 г., чем та, какая была дана в его первой работе о «хлеб-

Районы и группы потребителей	Население на 28 августа 1920 г. (в млн. душ)			Производство зерновых хлебов в 1920 г.				
	сельское	городское	общее	посевная площадь (в млн. десятин)	валовой сбор (в млн. пудов)	семенная потребность (в млн. пудов)	чистый сбор: общий (в млн. пудов)	чистый сбор: на душу сельского населения (в пудах) (гр. 8 : гр.2)
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. РСФСР (центр)								
а) потребляющая полоса . .	21,3	4,8	26,1	6,7	214,9	53,7	161,2	7,6
б) производящая полоса . .	36,0	4,4	40,4	21,4	586,2	171,5	414,7	11,5
Итого по одному району	57,3	9,2	66,5	28,1	801,1	225,2	575,9	10,0
2. Сибирь	10,7	1,2	11,9	9,0	306,4	72,3	234,1	21,8
3. Юго-Восток	6,1	1,3	7,4	6,8	233,9	54,3	179,6	29,1
Итого по трем районам	74,1	11,7	85,8	43,9	1341,4	351,8	989,6	13,3
4. Украина и Крым	20,9	4,3	25,2	12,8	615,4	102,5	512,9	24,5
Итого по четырем районам	95,0	16,0	111,0	56,7	1956,8	454,3	1502,5	15,8
5. Армия	—	—	—	—	—	—	—	—
6. Казенный скот (617 тыс.) . .	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	—	—	—	—	1956,8	454,3	1502,5	—
С поправкой	—	—	—	—	2632,0	454,0	2178,0	—

* Гр. 15 = гр. 14: гр. 4; гр. 16=(гр. 14 — гр. 10): гр. 2.

ной продукции» РСФСР[1]. В связи с этим несколько изменились и результаты ниже предлагаемого сопоставления учета сбора и потребления по сравнению с тем расчетом, какой мы в свое время опубликовали в «Экономической жизни» от 16 июля 1921 г. Но в общем новый расчет лишь увеличил цифру расхождения сравниваемых данных, как в этом легко убедиться из табл. 1.

Как видим, результат получается поразительный. Если верить данным о чистом сборе, то среднее душевое потребление продовольственных зерновых хлебов в России за истекающий 1920/21 сельскохозяйственный год не могло бы превысить 8,6 пуда. А между тем, по самым скромным подсчетам фактического потребления, оно достигло 14,4 пуда, т. е. пре-

[1] П. И. Попов. Производство хлеба в РСФСР и федерирующих с нею республиках. М., 1921, стр. 32.

Таблица 1

статистики, и фактическим потреблением населения в 1920/21 г.

Изъято разверсткой из сбора 1920 г.		Кормовая потребность скота		Остатки для потребления населения*			Фактическое потребление, по данным обследования питания 1920/21 г.					
					на душу (в пудах)		на душу населения (в пудах)			на все население (в млн. пудов)		
всего (в млн. пудов)	на душу сельского населения (в пудах) (гр. 10 : гр. 2)	общая (в млн. пудов)	на душу населения (в пудах) (гр. 12 : гр. 4)	общий итог (в млн. пудов) (гр. 8 — гр. 12)	всего населения	сельского населения	сельское	городское	общее	сельское	городское	общее
10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
23,6	1,1	65,0	2,5	96,2	3,7	3,4	14,2	10,0	13,1	304	48	352
117,1	3,3	153,5	3,8	261,2	6,5	4,0	13,2	10,4	12,7	475	46	521
140,7	2,5	218,5	3,3	357,4	5,4	3,8	13,6	10,2	13,1	779	94	873
80,3	7,5	58,3	4,9	175,8	14,8	8,9	14,3	11,3	14,0	153	14	167
58,4	9,6	36,2	4,9	143,4	19,4	13,9	15,8	11,3	15,0	96	15	111
279,4	3,8	313,0	3,7	676,6	7,9	5,4	13,9	10,5	13,5	1028	123	1151
58,8	2,8	123,5	4,9	389,4	15,4	15,8	19,0	10,5	17,6	396	45	441
338,2	3,6	436,5	3,9	1066,0	9,6	7,6	15,0	10,5	14,4	1424	168	1592
—	—	50,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	40
—	—	60,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	546,5	4,8	956,0	8,6	—	—	—	—	—	—	1632
—	—	546,0	—	1632,0	—	—	—	—	—	—	—	1632

высило эту норму на целых 68%. Иными словами, недоучет чистого сбора в обследованной зоне составляет не менее 676 млн. пудов, или 31% истинной его величины.

Значительных запасов продовольствия от прежних лет к 1920 г., конечно, не сохранилось. И это вполне понятно. Помещичьих экономий уже нет. Земельное поравнение в крестьянской среде уничтожило и прежнего многопосевного крестьянина. Остался лишь середняк, у которого и в старые времена запасы в лучшем случае достигали двухмесячной его потребности. Но с тех пор площадь посевов этого середняка сократилась, по данным ЦСУ, на 25%. И сократилась именно потому, что никаких «запасов» у крестьян не допускалось. Их объявляли «излишками» и отбирали в порядке разверстки. В результате крестьяне стали планировать свое хозяйство по чисто потребительному типу — без всяких «запасов», что называется в обрез. Тем не менее город не хотел умирать и применял к деревне свою

мерку голодного потребления — по-прежнему извлекал из деревни «излишки». От нормального потребления хлебов в 19 пудов на душу, по расчету Л. Н. Мереса, мы пришли в 1919/20 г. уже в норме в 15 пудов, по обследованию А. Е. Лосицкого.

Спрашивается, если бы в деревне сохранились еще запасы к началу 1920/21 г., то почему бы так плохо питалось население в 1919/20 г.? Объяснить этого, разумеется, не сможет никакой мудрец. Конечно, где-нибудь на окраинах или в глухой Сибири, т. е. за пределами практической досягаемости, может быть, и в настоящий момент имеются известные запасы хлебов. Но, поскольку они недоступны, их приходится сбросить со счета. Поэтому всю разницу между фактическим потреблением и чистым сбором можно объяснить лишь недоучетом этого последнего. Но если в 1920 г. было недоучтено 676 млн. пудов сбора, то весь валовой сбор продовольственных и кормовых хлебов этого года оценивается примерно в 2632 млн. пудов и, стало быть, недоучет составляет свыше 25% этого итога [1].

Такова точность урожайной статистики последних лет. Конечно, обнаружение «ошибочки» в 600—700 млн. пудов урожая можно рассматривать и как удар статистике и как ее торжество, ибо ошибка обнаружена и измерена опять-таки статистическим методом. Но если бы даже обнаружение таких ошибок было очень печально для статистики, то тем утешительнее это для наших ресурсов. Они, очевидно, значительно больше тех 8,6 пуда на душу в год, какие получаются по данным учета чистого сбора. Это вполне объясняет, почему мы еще не померли до сего дня, и дает твердую уверенность, что и на предстоящий год нам отнюдь не угрожает подобная участь.

Мы можем твердо рассчитывать, что если, по данным урожайной статистики, предстоящий чистый сбор оценивается в 1600 млн. пудов хлебов и зернофуража, то в действительности он достигает не менее 2200 млн. пудов. Уже из этого первого приближения к учету ресурсов на предстоящий год можно сделать некоторые важные выводы о реальности, скажем, намеченных размеров продналога.

Как видим, вся предположенная его сумма составляет едва 16% ожидаемого чистого сбора хлебов, а по отношению к валовому сбору и того меньше — 13%, т. е. примерно восьмой сноп урожая. Говоря иначе, из каждых 23,5 пуда чистого сбора, падающих на каждую душу сельского населения, налог составит только 3,8 пуда, а свободный остаток — 20 пудов на душу, не считая картофеля. Принимая за среднюю душевую норму потребности населения 14,4 пуда хлеба и 4,4 пуда зернофуража, т. е. в общем не более 18,8 пуда, мы видим, что даже за полным покрытием налога деревня могла бы нам дать еще 84 млн. пудов зерновых хлебов в порядке товарообмена.

Таким образом, по общему состоянию ресурсов выполнение продналога представлялось бы чрезвычайно реальным. Но ввиду сильного неурожая, постигшего 16 губерний с сельским населением в 20 млн. душ, собрать все 357 млн. пудов продналога полностью не представляется возможным. Почти всю неурожайную полосу придется, вероятно, освободить от налога на озимые хлеба полностью и на яровые в большей его части. По предварительным расчетам, это составит потерю в налоге, считая таковой в 15% чистого сбора, до 35 млн. пудов. Это понижает общий итог продналога до 322 млн. пудов. Сделав еще скидку процентов в 10 на возможные просчеты при разверстке и связанные с ними недоборы, получаем 290 млн. пудов налога по России и Украине, которые мы собрать можем, а стало быть, и должны собрать во что бы то ни стало.

---

[1] Приведенный расчет, составленный в Госплане, вполне подтверждается аналогичными исчислениями ЦСУ.

Насколько эта цифра реальна, легко усмотреть хотя бы из следующей справки о ходе работ по государственным заготовкам хлеба за прошлые годы (см. табл. 2).

Таблица 2

Хлебные заготовки за 1918/19—1920/21 гг.
(в млн. пудов)

Район заготовок	1918/19 г.	1919/20 г.	1920/21 г. абс.	1920/21 г. в %
1	2	3	4	5
1. Центр				
а) потребляющие губернии	4,9	14,6	23,6	6,8
б) производящие губернии (включая Челябинскую и Тюменскую) . .	103,0	165,8	134,9	38,9
Итого	107,9	180,4	158,5	45,7
2. Сибирь (без Челябинской и Тюменской губерний)	—	32,0	62,5	18,0
3. Юго-Восток (Северный Кавказ) . .	—	—	58,4	16,9
4. Украина	—	—	56,8	16,4
5. Туркестан и Азербайджан	—	—	8,4	2,4
6. Крым	—	—	2,0	0,6
Всего (в млн. пудов)	107,9	212,4	346,6	100
Рост заготовок (в %)	100	197	322	—

Заготовки текущего года представлены в настоящей таблице лишь по 1 мая, а в отношении Украины — по 1 марта, т. е. подлежат еще значительным поправкам в сторону увеличения. Тем не менее общий их итог уже значительно превысил те 290 млн. пудов продналога, которые мы ставим перед собой в качестве реального задания на предстоящий год. Аппарат взимания рос у нас до сих пор такими темпами, что не только сокращение заданий, а даже увеличение их миллионов на 100 в год не заключает в себе ни грана утопии, в особенности, если это увеличение целиком намечено за счет товарообмена, как это имеет место в настоящем случае[1].

Правда, Советская власть не имеет достаточного опыта на этом пути. Но за этим дело не станет. Вольный рынок уже не раз приходил на помощь городскому населению во всех тех случаях, когда государственное снабжение оказывалось недостаточным. Конечно, товарные фонды, которыми для этого располагало городское население, были до сих пор крайне скудны и рыночные операции сводились главным образом к сделкам за счет весьма обесцененной и неустойчивой денежной валюты. И все же размер этих операций достигал очень крупной величины.

В свое время был опубликован чрезвычайно поучительный в этом отношении расчет[2]. Оценивая по довоенному курсу рубля как покупательную

---

[1] Фактически по налогу и товарообмену хлебозаготовки 1921/22 г. дали 65,5 млн. ц (400 млн. пудов), т. е., несмотря на жестокий неурожай в Заволжье, больше, чем давала продразверстка и в лучшие годы (БСЭ, т. 59, стр. 704. «Хлебная торговля»).

[2] «Известия», № 117, 1921 г.

силу выпущенных в обращение бумажных денег, так и стоимость заготовок Компрода, автор дает следующие итоги (в млн. руб.):

Показатели	1918 г.	1919 г.	1920 г.
Выпущено на рынок денежных знаков:			
а) по номиналу	33 952	163 751	955 223
б) на сумму (золотом)	523	390	200
Изъято через Компрод продовольствия на сумму (золотом)	127	253	451
Итого в золотой валюте	650	643	651

Нет сомнения, что все потоки бумажно-денежной эмиссии последних лет хотя и протекали мимоходом через руки рабочего горожанина, но в конечном счете неизменно впадали в одно и то же море крестьянской стихии, извлекая из деревни соответствующий эквивалент в виде того или иного сельскохозяйственного продукта. Таким образом, цифра 650 млн. руб. определяет собой величину того довольно постоянного натурфонда, какой деревня могла предоставить городу из своих излишков. И потому, чем больше извлекалось из этого фонда путем разверстки, тем меньше оставалось для товарообмена. Спрашивается, однако, какую же долю в этом натурфонде составляли излишки *хлебной* продукции деревни?

Пропорция продуктов деревни, поступающих в распоряжение горожанина, известна из его пищевого бюджета. Если исключить из него соль, сахар и тому подобные продукты городской индустрии, то на долю зерновых хлебов падает не менее 50% стоимости всех сельскохозяйственных продуктов по современной их расценке. Отсюда, оценивая пуд хлеба в зерне по 80 коп. золотом и сопоставляя закупки его на вольном рынке с заготовками Компрода, получим следующие итоги (в млн. пудов):

Показатели	Из урожая		
	1918 г.	1919 г.	1920 г.
Закупка городов	327	244	125
Заготовки Наркомпрода	108	212	347
Итого хлебов	435	456	472

Таково минимальное количество хлеба, извлеченного из деревни за последние три года, ибо здесь вовсе не учтены покупки хлеба в деревне за соль, мануфактуру и тому подобные продукты города.

Сельскохозяйственные ресурсы предстоящего года, как мы уже указывали, приходится пока оценивать не ниже ресурсов текущего года. Стало быть, если продналог нам даст лишь 290 млн. пудов, то на долю товарообмена в деревне остается, исходя из данных 1920 г., не менее 180 млн. пудов хлеба. Но если учесть, что из 290 млн. пудов продналога не менее 50 млн. пудов будет тотчас же возвращено деревне в виде семенных и продовольственных ссуд населению неурожайных губерний, и тому подобные статьи расхода, то долю города в продналоге придется оценивать лишь в 240 млн. пудов, а, стало быть, ресурсы деревни для товарообмена повысятся до 230 млн. пудов.

Прямой расчет соответствующих ресурсов, исходя из оценки чистого сбора 1921 г. в 2200 млн. пудов, потребности сельского населения в 1760 млн. пудов и доли города в продналоге в 240 млн. пудов, дает остаток для товарообмена в размере 200 млн. пудов. Предполагая снять с государ-

ственного снабжения до 3,5 млн. душ городского населения, незанятого работой на государственных предприятиях и в учреждениях, надо оценить потребный для него фонд в 50 млн. пудов. Таким образом, для государственных закупок остается 150 млн. пудов.

Исходя из этих расчетов, ясно, что реальность предположений Компрода о закупке хлеба в размере 225 млн. пудов не гарантирована и что поэтому надежнее будет остановиться в этом отношении на более низкой цифре — в 150 млн. пудов.

Тогда общая сумма заготовок и закупок Компрода достигает 440 млн. пудов. Реальность этой цифры не вызывает пока сомнений ни с точки зрения учета предстоящего урожая, ни с точки зрения учета мощности нашего аппарата взимания. По крайней мере до сих пор один Компрод ежегодно увеличивал свои заготовки больше чем на 100 млн. пудов. А в наступающем году их пришлось бы увеличить на меньшую цифру с привлечением к этой работе всего аппарата кооперации и с использованием для этой цели, помимо аппарата принуждения, весьма значительного товарообменного фонда. Что же касается этого последнего, то обеспечить необходимый товарный фонд на сумму 120 млн. руб. золотом при рациональном плане хозяйства, к которому мы ныне подходим, едва ли представит большие трудности.

При прежней производительности труда для этого достаточно было бы затратить годовой труд 200 тыс. рабочих. Теперь производительность труда понизилась, но в соответствующей мере должны, стало быть, повыситься трудовая стоимость и рыночные цены продуктов этого труда. Значит, для производства необходимого фонда и ныне едва ли потребуется более многочисленная армия труда. А между тем мы располагаем трудом не 200 тыс., а 2 млн. индустриальных рабочих.

Конечно, все приведенные расчеты имеют лишь предварительное значение. С ухудшением видов на урожай, если бы таковое последовало, пришлось бы провести радикальную переоценку наших предположений о размерах заготовок хлебов. Ввиду этого в дальнейших расчетах осторожнее будет строить план распределения ресурсов в нескольких вариантах. Так, например, помимо исходной цифры ресурсов в 440 млн. пудов, можно будет допустить понижение их до 390 млн. и 340 млн. пудов. Последний вариант, сводящий всю программу продналога и товарообмена для Российского компрода примерно к 240 млн. пудов, представляет собой минимум, ниже которого спускаться пришлось бы разве уже при совершенно катастрофических условиях.

На ресурсах других продовольственных продуктов, входящих в наш бюджет питания, в настоящее время можно не останавливаться. Нам известно, что хлебные продукты занимают по калорийному их содержанию 70% этого бюджета. Стало быть, количество хлеба вполне определяет собой общий размер потребности во всех остальных продуктах. На внутренних же соотношениях этих продуктов в нашем бюджете целесообразнее будет остановиться в другой связи.

Хлебные ресурсы уже сами по себе предопределяют весь хозяйственный план на целый год, до нового урожая. И для надлежащего выполнения этого плана нам предстоит лишь установить нормы потребления, обеспечивающие наилучшее использование имеющихся продовольственных ресурсов.

3. НОРМЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Суточный расход энергии на разных работах колеблется в очень широких размерах: для взрослого мужчины при весе в 70 кг — от 2400 до 9 тыс. *к.кал*. При этом до 2 тыс. *кал* расходуется на поддержание холостого хода человека-машины, а затем при повышении этого расхода на каждые 500 *к.кал* мы можем, по расчету профессора Б. И. Словцова, получить

до 42 500 *кгм* полезной работы, что эквивалентно 100 *к.кал* тепловой энергии.

Если исходить из этого расчета и обозначить суточный паек в нетто-калориях через p, то максимальная полезная работа за сутки x составит $\frac{42500\,(p-2000)}{500} = 85\,(p-2000)$ *кгм*, а коэффициент использования израсходованной энергии $y = \frac{100\,(p-2000)\,\%}{5p}$, откуда получаем следующие соотношения этих величин при различной норме суточного расхода энергии:

p	x	y, %
2000	0	0
2500	42 500	4,0
2750	64 000	5,5
3000	85 000	6,7
3500	127 500	8,6
3750	149 000	9,3
4000	170 000	10,0
5000	255 000	12,0
6000	340 000	13,3 и т. д.

Как видим, при низких нормах потребления коэффициент использования расходуемой пищи совершенно ничтожен, но при достаточном увеличении их довольно быстро возрастает и, например, при 3500 *кал* уже вдвое выше, чем при 2500. Единственный вывод, какой можно сделать из этого, сводится к тому, что в интересах наивыгоднейшего использования рабочей силы каждый работник должен получить максимальный паек, какой только он способен по условиям работы эффективно использовать без вреда для своего здоровья.

Это правило давно уже прекрасно усвоили себе даже многие представители крупной индустриальной буржуазии. Высокая заработная плата, говорят они, по существу самая дешевая для предприятия. А известный американец Форд, владелец крупнейших автомобильных заводов, установил у себя на этом основании следующий порядок. Он платит рабочим дороже всех своих конкурентов, выдавая каждому не менее 4 долл., или 8 руб., золотом в день, но с одним условием, чтобы рабочий не делал из этой платы никаких сбережений, т. е. целиком ее расходовал. Агенты Форда зорко следят за выполнением этого условия и, если убеждаются, что какой-нибудь рабочий сокращает свой текущий бюджет ради каких-либо сбережений на черный день, немедленно выбрасывают такого рабочего с завода. Хозяину выгодно, чтобы его рабочие немедленно же превращали как можно больше пищевой энергии в эффективную работу на заводе. И он не жалеет для этого никаких издержек.

В Советской России, где тарифную политику определяет не буржуазия, а пришедший к власти пролетариат, заработная плата тем не менее, вопреки всяким ожиданиям, значительное время неизменно определялась в самых минимальных размерах. В этом, конечно, был свой смысл. О рациональном хозяйствовании в момент ожесточеннейшей гражданской войны и величайшей хозяйственной разрухи мечтать не приходилось. Инстинкт самосохранения пролетариата как класса не мог допустить, чтобы скудные остатки материальных ресурсов были предоставлены в избытке каким-нибудь привилегированным группам квазипроизводительных работников в ущерб всей основной массе лишенного всяких средств к жизни пролетариата. И отсюда с неизбежностью вытекала та уравнительная тарифная политика, какую мы до сих пор у нас наблюдали.

Вся промышленность работала у нас зачастую едва в одну пятую или даже в одну десятую полной своей нагрузки с постоянными перебоями из-за отсутствия то сырья, то топлива, то квалифицированной рабочей

силы. Рабочая сила использовалась тоже в незначительных долях своей полной мощности, но зато худо или хорошо все рабочие кое-как кормились вокруг работы и сохраняли свою потенциальную мощность для будущего.

Теперь это будущее должно стать настоящим. Военный период заканчивается. Мы стоим перед задачей возрождения хозяйства. А при этих условиях прежний курс тарифной политики теряет свой смысл и становится вредным пережитком. Чтобы оценить по достоинству значение сказанного, сделаем следующий примерный расчет. Известно, что нормальное питание русского промышленного рабочего, по имеющимся бюджетным данным дореволюционных годов, составляло на полного едока не менее 3750 больших нетто-калорий в сутки.

Чистую продукцию фабричного рабочего С. Н. Прокопович определяет для 1913 г. в 584 руб. Известно далее, что реальная заработная плата наших рабочих за вычетом из номинальной платы налогов составляла лишь 40% чистой продукции, значит, для 1913 г. ее можно определить в 233 руб. на год.

Исходя из этих данных и принимая, что сокращение нормы заработка отражается прежде всего на сокращении питания, т. е. поглощаемой рабочим энергии, а затем и на производительности его в соответствующих указанным выше нормам пропорциях, получим следующие выводы (см. табл. 3).

Таблица 3

Нормы питания (в *кал*)	Годовой заработок за вычетом налога		Прибавочный продукт (в руб.)	Чистая производительность за год		Экономия в заработке (в руб.)	Ущерб в производительности (в руб.)	Чистый убыток (в руб.)
	в руб.	в %		в руб.	в %			
1	2	3	4	5	6	7	8	9
3750	233	100	351	584	100	—	—	—
3500	217	93	325	542	93	16	42	26
3250	203	87	215	418	72	30	166	138
3000	187	80	148	335	57	46	249	203
2750	170	73	81	251	43	63	333	270
2500	156	67	11	167	29	77	417	340
2250	140	60	— 56	84	14	93	500	407
2000	124	53	—124	0	0	109	584	475

Как видим, чем больше мы вздумали бы сэкономить на заработке и продовольственных нормах, тем больший причинили бы себе убыток. По данным бюджетов всероссийской анкеты 1918 г., произведенной статистикой труда НКТ, рабочий потреблял у нас в среднем 2680 *кал* в день. С тех пор эта норма увеличилась несколько, но в среднем за последние два-три года едва ли превышает 2750 *кал*. Значит, на каждом рабочем мы теряем в год около 270 руб., а на 6 млн. работников, занятых в государственных учреждениях и на предприятиях, это составит не менее 1600 млн. руб. золотом. И, наоборот, возврат к прежним нормам питания повысил бы чистую производительность труда по меньшей мере в 2,5 раза, а прибавочный продукт — примерно в 4 раза.

Подходя к вопросу абстрактно, можно было бы формулировать его несколько иначе. Всякая машина дает наилучший коэффициент использования при работе с полной нагрузкой. Значит, и человек в роли живого двигателя требует максимальной нагрузки. А нормы питания, соответствующие такой максимальной нагрузке, как известно из опыта использования труда за границей и данных физиологии, значительно выше наших русских норм хотя бы и мирного времени. Стало быть, простой возврат к ним недостаточен. Их нужно превзойти и, может быть, не на десятки, а на сотни процентов. Вообще не прожиточный минимум, о котором мы до

сих пор только и говорили, а прожиточный максимум должен стать основной заповедью нашей тарифной политики с точки зрения рационализации труда.

Но такой максимализм не может стать реальной задачей *текущего* дня. Не физиологические пределы использования рабочей силы и не американская практика, а наш собственный хозяйственный опыт должен лечь в основу хозяйственного плана Российской республики. Исторически сложившийся жизненный уровень среднего русского рабочего, определившийся привычными для него условиями быта и труда вообще и в том числе условиями наличной техники оборудования и общественного разделения труда в особенности,— вот тот исходный пункт, с которого мы должны начать наши плановые построения.

Различные пропорции распределения труда, фабричного и кустарного, машинного и ручного, обученного и необученного, умственного и физического, определяют собой весьма различные средние нормы потребления пролетариата. И, чтобы быть вполне реалистичными, мы даже российским нормам 1913/14 г. должны предпочесть для первого опыта более близкие к нашему времени по общей обстановке труда и быта нормы военного, 1915/16 г. Сельскохозяйственная площадь посевов и продукция этого года были еще нормальными и не вынуждали к понижению норм питания. Но тем не менее в связи с изменением пропорций труда в сторону увеличения процента необученного мужского, а также женского и детского труда они заметно понизились. И мы не можем с этим не посчитаться, ибо и ныне мы наблюдаем ту же картину относительного сокращения квалифицированного мужского труда за счет увеличения кадров труда необученного, женского и детского.

В опубликованной Н. Свавицким работе о «питании московских рабочих во время войны» мы находим следующие данные об изменении норм артельного харчевания рабочих пяти мужских артелей Москвы[1]:

Суточные нормы питания в нетто-калориях

Артели	1913/14 г.	1914/15 г.	1915/16 г.	1916/17 г.
Слесарей	4330	3859	3543	3661
Мытельщиков	4132	3724	3774	3881
Механиков	3993	4022	3720	3259
Красильщиков	3593	3481	3539	3164
Ткачей	3517	3474	3368	3262
Средние	3913	3712	3588	3445
В %	100	95	92	88

На данных 1916/17 г. отразились уже первый год революции и заметное понижение посевов (в 1916 г.— на 7%), а потому они для нас непоказательны. Но если даже остановиться на 1915/16 г., то придется все же констатировать понижение норм питания на целых 8%. По абсолютной величине приведенные нормы следует считать преуменьшенными, ибо в артельное харчевание не входит, например, чай, сахар и некоторые другие продукты, потребляемые в артелях индивидуально. А между тем одного сахара в довоенные годы потреблялось в рабочих семьях не менее 250 *кал* в день на полного едока. Но процентное сокращение этих норм к 1915/16 г., несмотря на их неполноту, сохраняет все свое значение и показательность.

[1] «Вестник статистики», 1920, № 9—12, стр. 75—78.

Для выявления абсолютной величины довоенных норм питания русского рабочего мы использовали все пригодные для этого материалы, собранные в известной сводной работе о городском питании Р. Кабо[1]. В подсчет вошло 3483 семейных бюджета с 18 119 душ. Весовые нормы были пересчитаны на калории по общепринятым ныне коэффициентам ЦСУ, причем средняя душевая норма питания для рабочих семей Петрограда, Саратова, Оренбурга, Баку, Тулы и Костромской губернии определилась в 2876 нетто-калорий в сутки.

Полный едок, если считать таковым полноценного работника 30 лет и весом в 70 *кг*, равен, по данным бюджетов Наркомтруда, 1,42 средней души. Если же считать полным едоком просто среднего взрослого мужчину, не исключая ни юношей, ни стариков, то такая норма составит лишь 97% первой и будет равна 1,38 средней души. Меньший из этих множителей дает норму в 3968, больший — в 4080 нетто-калорий в сутки на полного едока. Исходя из этой последней нормы мирного времени и понижая ее на 8% в соответствии с изменившимся за время войны составом рабочих, получаем норму в 3750 *кал*, каковую с нашей точки зрения и надлежит положить в основание всех плановых расчетов на 1921/22 г.

Эта норма уже получила одобрение специальной комиссии Госплана с участием представителей Компрода, Комиссии рабочего снабжения и Наркомздрава. И это не удивительно. Правда, что предлагаемая норма, повышая фактическое потребление городского работника с 2750 до 3750 *кал*, т. е. на 36%, потребует громадного напряжения весьма скудных продресурсов страны. Но, чем мы беднее, тем меньше прав имеем на расточительность. В настоящих же условиях самой расточительной роскошью была бы именно практика содержания наших рабочих впроголодь на холостом ходу, т. е., выражаясь резко, но точно, практика перегонки наших скудных запасов хлеба в никчемный навоз вместо превращения их в драгоценнейшую энергию производительного труда. Отсюда вывод. Если бы у нас не хватило ресурсов, нам пришлось бы пойти по пути сокращения числа снабжаемых, а не норм снабжения.

Итак, для полного работника средней квалификации мы определяем суточную норму потребления в 3750 *кал*. Но, разумеется, эта средняя норма должна стать лишь исходной точкой для дальнейших расчетов. В зависимости от рода потребителей, характера труда и местных условий снабжения в различных районах она, несомненно, подлежит значительной дифференцировке как в количественном отношении, так и по качественному составу образующих ее пищевых продуктов, а стало быть, и по общей ценности. Главную работу по дифференцированию этих норм в соответствии с характером труда должны взять на себя тарифные органы профсоюзов. Но для некоторых, главным образом нетрудовых, групп потребителей мы можем сразу же представить необходимые расчеты, исходя из данных физиологии и статистики.

Самой крупной из таких групп являются неработающие члены семьи. Пользуясь данными о возрастно-половом составе городского населения, по переписи 1920 г., и коэффициентами перевода лиц разного возраста и пола на полного едока, принятыми в статистике труда ВЦСПС и Наркомтруда, получаем, что средняя душа равна 0,697 полного едока или, наоборот, полный едок равен 1,435 средней души, откуда средняя душевая норма потребления определяется в 2614 или с округлением в 2600 *кал*. Но в эту норму входят и работающие и неработающие члены семьи.

Соотношение между ними определяется следующими данными. Перепись Петрограда в 1918 г. дает на одного самодеятельного в среднем для всего населения не более 0,80 несамодеятельных, включая в число последних и всех призреваемых, больных и заключенных. В группе наемного

[1] Р. Кабо. Потребление и питание городского населения России. М., 1918.

труда этот коэффициент падает до 0,74 члена семьи на одного работника, в группе хозяев поднимается до 2,11, т. е. почти втрое выше. Наблюдаются известные колебания этих соотношений и для различных слоев трудящихся, очевидно, главным образом в зависимости от их среднего возраста и квалификации. Так, например, для прислуги мы имеем только 0,53, для фабричных рабочих — 0,93 и для фабричных же служащих — 1,21 неработающего члена семьи на одного работника. Но в пределах различных отраслей труда эти колебания очень ничтожны и мало отличаются от средней нормы. Однако петроградские данные 1918 г. можно признать несколько уже устаревшими и недостаточно типичными для всей России 1921—1922 гг. Поэтому не мешает их сопоставить с данными всероссийской переписи 1920 г.

Согласно подсчетам консультанта Госплана Г. С. Полляка, по материалам переписи 1920 г., трудоспособное население городов в возрасте от 16 до 49 лет составляет у нас среди женщин 49,5%, среди мужчин — 50,2, а в среднем для лиц обоего пола — 49,8%, т. е. половину всего городского населения страны. С момента переписи произошла демобилизация большей части армии, и, стало быть, этот процент еще возрос за счет демобилизованных групп городского пролетариата. Правда, из числа женщин в возрасте до 50 лет несколько процентов занято домашним хозяйством — в Петрограде домашние хозяйки в указанном возрасте составляют около 4% всего населения, но зато значительная часть населения занята наемным трудом уже до 16 лет и после 50. Профессиональная перепись 1918 г. на каждую сотню индустриальных работников в возрасте от 16 до 49 лет насчитала не менее 17 душ до 16 лет и старше 50. Таким образом, можно сказать с уверенностью, что и за вычетом хозяев на каждого городского работника придется не более одного неработающего члена семьи.

Исходя же из этого соотношения, заключаем, что каждого работника придется в среднем снабжать на две души, т. е. по норме 5200 *кал* в сутки. Из них на среднего работника обоего пола надо положить 3400 *кал*, считая, что женщины потребляют лишь 0,8 мужской нормы и составляют более 40% общего числа рабочих и служащих в России. Таким образом, на долю неработающего члена семьи из 5200 *кал* останется 1800 *кал*. Такова норма потребления членов семьи работника.

Фронтовой паек красноармейца составляет, по пересчету на питательные начала, 2900 *кал* (см. табл. 4). Но, считаясь с соответствующими нормами американской армии — 2929, французской — 2995 и германской — 3069 нетто-калорий, мы не можем ставить своих солдат в худшие условия питания по сравнению с легионами воинствующего империализма и потому должны повысить наш красноармейский паек до 3 тыс. нетто-калорий. Кстати, новейшие работы русских физиологов устанавливают, что норму в 3500 брутто-калорий, дающую за вычетом отбросов около 3 тыс. *кал* усвояемой энергии, надо вообще считать в русских условиях минимальной для взрослого едока-мужчины даже при весьма умеренной физической работе.

Конечно, в качестве *средней* нормы для работников разного пола и возраста и эта минимальная норма может быть еще понижена. Так, например, для работников первого тарифного разряда (наименее тяжелый труд), среди которых женщины, по нашим данным, составляют до 64%, средняя норма, исходя из 3 тыс. *кал* для мужчин, составит около 2600 *кал* для работников обоего пола[1]. Такую же минимальную норму — в 2600 *кал* нам, очевидно, придется принять для свободных от физического труда студентов и студенток и т. п.

Еще ниже может быть установлена норма для больниц, домов отдыха и санаториев. В условиях отдыха, даже имея в виду необходимость восста-

[1] $0{,}36 \times 3000 + 0{,}64 \times 3000 \times 0{,}8 = 2616$.

Таблица 4

Красноармейский пищевой паек

Суточная дача

Название продуктов	Количество усвояемых калорий на 1 фунт валового веса	Нормы 1920/21 г.				Нормы 1921/22 г.				Месячные нормы Госплана в фунтах
		тыловая		фронтовая		Госплана		компрода		
		в фунтах	в *кал*	в фунтах	в *кал*	в фунтах	в *кал*	в фунтах	в *кал*	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Мука ржаная	1216	0,79	960	1,54	1875	1,54	1875	1,33	1620	46
Крупа	1312	0,19	250	0,25	328	0,25	328	0,25	328	7,5
Картофель	258	—	—	—	—	1,0	258	—	—	30,0
Капуста свежая	81	—	—	—	—	0,25	20	—	—	7,5
Свекла, лук и пр.	172	—	—	—	—	0,25	43	—	—	7,5
Разные овощи	170	0,63	107	0,63	107	—	—	—	—	—
Мясо всякое	386	—	—	—	—	0,13	50	—	—	4,0
Рыба свежая	158	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Рыба вяленая и соленая	569	—	—	—	—	0,20	114	—	—	6,0
Мясо, рыба	371	0,25	93	0,50	186	—	—	0,33	123	—
Сало говяжье	3372	—	—	—	—	0,02	67	—	—	0,5
Масло коровье	3324	—	—	—	—	0,02	66	—	—	0,5
Масло растительное	3600	—	—	—	—	0,03	108	—	—	1,0
Жиры	3432	0,05	172	0,08	275	—	—	0,07	240	—
Сахар	1580	0,06	95	0,08	127	0,07	110	—	—	2,0
Соль	—	0,03	—	0,03	—	0,05	—	—	—	1,5
Чай	—	0,003	—	0,003	—	0,003	—	—	—	0,1
Перец	—	0,002	—	0,002	—	0,002	—	—	—	0,06
Итого	—	2,005	1677	3,115	2898	3,815	3039	—	—	114,16

новления истощенных за время болезни сил, согласно указаниям проф. Б. И. Словцова, требуется не более 2400 *кал* в сутки.

Для снабжения безработных, инвалидов, дошкольников и школьников в приютах, колониях, в интернатах Наркомпроса достаточно установить ту же норму, что и для других неработающих членов семьи, т. е. 1800 *кал* в сутки.

И, наконец, для детей до трех лет, воспитываемых в учреждениях по охране детства и материнства, согласно данным физиологии, необходимо обеспечить не менее одной трети нормального пайка полного едока, т. е. не менее 1250 *кал* в сутки.

4. НОРМАЛЬНЫЙ ПАЕК

Исходя из состава дореволюционных и послереволюционных бюджетов городских рабочих, за внесением в этот состав необходимых поправок по состоянию ожидаемых ресурсов мы предлагаем принять за норму для расчетов следующий средний душевой паек, умножение которого на численность населения покажет нам и примерный масштаб потребностей этого населения. Начнем с таблицы продовольственных норм (см. табл. 5).

Таковы нормы на среднюю душу. Для получения пайка работника мужчины в 3750 *кал*, их необходимо умножить на 1,44. Нормы среднего работ-

Таблица 5

Средний душевой паек Госплана в 2600 нетто-калорий и потребность населения

Продукты питания	Содержание усвояемой энергии в 1 фунте (в *кал*)	Душевые нормы потребления: суточная, в *кал*	суточная, в %	на месяц (в фунтах)	на год (в пудах)	Годовая потребность (в млн. пудов): городского населения (16 млн. душ)	всего населения (111 млн. душ)
1	2	3	4	5	6	7	8
Мука разная	1216	1620	62,4	40,0	12,0	192,0	1333,0
Крупа пшенная	1312	219	8,4	5,0	1,5	24,0	167,0
Итого хлебных продуктов	1225	1839	70,8	45,0	13,5	216,0	1500,0
Картофель	258	206	7,9	24,0	7,2	115,2	800,0
Капуста свежая и квашеная	68	8	0,3	3,5	1,05	16,8	116,5
Прочие овощи и фрукты	172	20	0,7	3,5	1,05	16,8	116,5
Мясо всякое, птица и пр.	386	26	1,0	2,0	0,60	9,6	67,0
Сало говяжье	3372	56	2,2	0,5	0,15	2,4	16,7
Рыба свежая	158	16	0,6	3,0	0,90	14,4	100,0
Масло растительное	3600	120	4,6	1,0	0,30	4,8	33,0
Масло коровье	3324	111	4,3	1,0	0,30	4,8	33,0
Молочные продукты	266	112	4,3	12,6	3,78	60,5	420,0
Яйца со скорлупой	580	7	0,3	0,4	0,11	1,8	12,2
Сахар	1580	79	3,0	1,5	0,45	7,2	50,0
Соль	—	—	—	1,4	0,42	6,7	46,7
Всего	—	2600	100,0	100,0	29,8	477,0	3312,0

ника обоего пола в 3400 *кал* получаются умножением приведенных на 1,31. Нормы неработающего члена семьи с пайком в 1800 *кал* составляют 0,69 приведенных и т. д.

По сравнению с калорийным составом питания городских рабочих за прежние годы в нашей таблице допущены следующие изменения (см. табл. 6).

Таблица 6

Калорийный состав рабочего пайка (в %)

Продукты пайка	До 1917 г.	В 1920 г.	Нормы Госплана
1	2	3	4
Хлеб и крупа	68,2	70,2	70,8
Картофель	7,7	16,9	7,9
Итого	75,9	87,1	78,7
Разные овощи	1,1	1,9	1,0
Мясо и рыба	4,6	2,6	1,6
Жиры животные и растительные	10,0	4,8	11,1
Молочные продукты и яйца	2,8	2,0	4,6
Сахар, мед и т. п.	5,6	1,6	3,0
Всего	100,0	100,0	100,0

Наиболее резкому сокращению подверглось в нашем пайке количество мяса. Даже включая сюда рыбу, поскольку она может заменить мясо, мы сокращаем долю мясного питания по сравнению с дореволюционным временем почти втрое. Но для этого имеются вполне достаточные основания. Правда, в прошлом году, по расчетам А. Е. Лосицкого, в России было потреблено мяса до 105 млн. пудов, причем на долю городов из них пришлось, включая сюда говяжье сало, не менее 16 млн. пудов вместо тех 12 млн., каковые предположены нами на предстоящий год. Но сокращение скота в стране достигло уже таких пределов, что дальнейшее его расходование на мясо в прежних размерах угрожает сельскому хозяйству крайне тяжелыми последствиями. В интересах восстановления нашего скотоводства мы должны сократить потребление мяса на ближайшие годы до минимума.

Вот почему продналог на мясо по РСФСР определен на ближайший год всего в размере 6,5 млн. пудов. Украина прибавит к этому, вероятно, еще около 3 млн. Примерно до 5 млн. мясных продуктов Компрод рассчитывал дозаготовить путем товарообмена. Если иметь в виду район, пораженный неурожаем, где скот из-за бескормицы все равно неизбежно будет усиленно ликвидироваться, то в обмен на хлеб там, несомненно, можно было бы заготовить такое количество. Однако все это даст нам в лучшем случае 14,5 млн. пудов. А если сделать скидку на недоборы налога и иметь в виду известный резерв на непредвиденные потребности, то больше 12 млн. из них включать в план было бы весьма неосторожно.

Рыбы в текущем году предположено заготовить до 23 млн. пудов; вполне реальной, однако, цифрой из них Компрод считает лишь 15 млн. пудов. Нами включено в план 14,4 млн. пудов. На будущий год, вероятно, удастся значительно расширить заготовки рыбы. В мирное время в России улов рыбы исчислялся в 65 млн. пудов. Но, если даже сократить эту цифру примерно на 35% и расширить заготовки лишь до 42 млн., как это проектировалось руководителями Главрыбы, то в будущем это позволит в значительной мере покрыть наши дефициты в мясных ресурсах. Пока, однако, мы не можем включить в душевой паек больше 3 фунтов в месяц. Да и то только для городского населения, ибо для всего населения по такой норме потребовалось бы до 100 млн. пудов, что на долгое время явится совершенно недостижимым для нас идеалом.

Другой продукт, который наряду с мясом подвергся резкому сокращению в нашем пайке,— это сахар. Вся наша сахарная промышленность в настоящем году обещает нам дать от 9 млн. до 12 млн. пудов сахару. Из них для горожан мы считали бы возможным предоставить реально 7,2 млн. пудов, что соответствует норме 1,5 фунта на душу. Если сохранить некоторый резерв для товарообмена с деревней, то повысить эту норму нет возможности.

Мясо с рыбой и сахар до 1917 г. составляли 10,2% пищевого бюджета рабочего, в 1920 г.— 4,2, по нашему проекту — 4,6, т. е. на 5,6% меньше дореволюционных норм. Естественно, что столь заметное относительное сокращение этих продуктов должно быть возмещено соответствующим увеличением других. Но каких же именно?

Внеплановая практика прошлого года, как видно из табл. 6, все свои дефициты покрывала почти сплошь одной картошкой, повысив ее долю в калорийном бюджете рабочего с 7,7 до 16,9%. При душевой норме в 2600 *кал* это потребовало бы на 16 млн. душ городского населения доставки ему по 15,4 пуда на душу в год, а всего 247 млн. пудов картофеля. Однако если бы мы смогли заготовить столько картофеля, не заморозив его предварительно и не сгноив на три четверти, то все же такая заготовка с точки зрения экономии наших транспортных средств была бы крайне нерациональной. По своей питательности пуд картошки стоит ниже пуда муки примерно в 5 раз, ниже сахара — в 6 и ниже масла — в 13 раз по меньшей

мере. Возить ее в город из-за тридевяти земель при этих условиях нет никакого расчета.

Если же ограничиться тем, что горожане могут получить с собственных пригородных огородов с прибавкой продналога 60 млн. пудов по России и примерно 30 млн. пудов по Украине, то, сводя все городское потребление картофеля к 115 млн. пудов, мы сэкономим весьма изрядное количество работы транспорта, а стало быть, и угля. Предлагаемая нами пропорция по сравнению с прошлогодней, заменяя 132 млн. пудов картофеля и 30 млн. пудов излишка овощей эквивалентным количеством хлеба, сахара и жиров в количестве всего 34 млн. пудов груза, сокращает железнодорожные перевозки по меньшей мере на 50 млрд. пудо-верст в год, а расход топлива — минимум на 7,5 млн. пудов донецкого угля [1].

По той же причине крайне низкой транспортабельности овощей, вдвое более низкой, чем даже транспортабельность картофеля, мы не считаем возможным следовать за практикой прошлого года и увеличивать количество овощей в пайке рабочего по сравнению с нормами мирного времени. Нужно сказать, что и принятая нами норма в 7 фунтов на месяц потребует для городского населения до 33 млн. пудов овощей, в то время как продналог даст нам по России не более 14 млн. пудов и по Украине — до 7 млн. пудов. Значит, и при этой норме придется в значительной доле рассчитывать на самоснабжение горожан овощами за счет пригородных огородов. Фактические заготовки Компрода по России дали в 1919 г. 9,8 млн. и в 1920 г.— 12,7 млн. пудов овощей. Таким образом, на самозаготовки горожан в этой области и в прошлые годы падала огромная доля фактического расхода.

Но, поскольку мы не считаем целесообразным покрывать дефицит в мясе и сахаре за счет картофеля и овощей, нам пришлось прежде всего пойти на увеличение доли хлеба в общем бюджете питания. Принятое нами увеличение доли хлеба и крупы с 68,2 до 70,8%, т. е. на 2,6% по сравнению с нормой мирного времени, как раз соответствует сокращению доли сахара с 5,6 до 3%. Возможность покрыть соответственную потребность городского населения в хлебных продуктах, исчисленную нами в 216 млн. пудов, едва ли вызывает сомнение. Такое и даже значительно большее количество хлеба мы, несомненно, соберем в России и на Украине даже при худшем урожае, чем доселе определившийся. Но нам потребуется хлеб и помимо этих 216 млн. пудов, а потому в условиях неурожая по целому ряду губерний свести хлебный баланс по всем статьям расхода и на семена, и на корм скоту, и на продовольствие, и в резервный фонд составит далеко не легкую задачу. Во всяком случае дальнейшее увеличение хлеба в калорийном бюджете рабочего питания было бы уже неосторожным.

Поэтому остающийся дефицит в мясе и рыбе приходится восполнять прежде всего за счет увеличения процента других животных продуктов, т. е. яиц, молока, творога, сыра и др., а затем частью и за счет жиров, потребность в которых за последние годы удовлетворялась крайне скупо.

Но хватит ли у нас для этого ресурсов?

Главным источником является молочный скот. По исчислению А. Е. Лосицкого, у нас до сих пор сохранилось свыше 22 млн. коров, из них 90% дойных. В прежнее время средний годовой удой коровы определялся в 72 ведра, или, считая по 30 фунтов ведро, 54 пуда молока. Принимая, однако, во внимание ухудшение кормов по меньшей мере для 25% наличных коров, падающих на более голодные губернии, можно считать, что удой в этих губерниях сократился вдвое. Тогда общее производство молока по России и Украине составит 1260 млн. ведер, или 925 млн. пудов. По

[1] По расчету профессора Л. К. Рамзина, в 1909—1913 гг. расходовалось на 1 тыс. пудо-верст груза 0,15 пуда, а в 1920 г. — 0,29 пуда условного топлива, что на 50 млрд. пудо-верст дает от 7,5 млн. до 14,5 млн. пудов топлива.

нормам, принятым в табл. 5, и молока и масла в переводе на молоко для городского населения потребовалось бы не свыше 122 млн. пудов, а для всего населения — до 844 млн. пудов. Таким образом, ресурсы страны вполне достаточны для удовлетворения такой потребности. Правда, путем продналога по России и Украине мы не соберем и 50% нужных нам молочных продуктов для городского населения. Но, несомненно, помимо продналога, мы сможем извлечь из одной Сибири путем товарообмена до 4 млн. пудов масла, сыра и тому подобных продуктов, а кроме того, не надо забывать и самоснабжения населения путем покупок на вольном рынке. Были бы лишь ему предоставлены в форме денежной заработной платы соответствующие средства на приобретение тех продуктов, какие ему не могут быть предоставлены натурой.

Ресурсы растительного масла в стране не поддаются точному учету. Но во всяком случае, несмотря на значительное сокращение посевов масличных семян, заготовка до 5 млн. пудов растительного масла не представит слишком больших трудностей. Продналог по России обеспечит до 50% нужной заготовки. Украина сможет дать еще 25%, а товарообмен даст остальное.

Исчисленная нами потребность в яйцах при душевой норме по 3 яйца в месяц, что при 16 млн. душ составит до 580 млн. штук, вполне покроется одним лишь продналогом, который только по России должен дать до 400 млн. яиц, да по Украине еще — до 50% этой величины.

Несколько особо стоит вопрос о потребности в соли. В мирное время у нас расходовалось до 30 фунтов соли на душу в год. Но в эту норму входило и техническое потребление. В 1918 г. в Петрограде, по бюджетному обследованию Комиссариата труда, в семьях рабочих потреблялось около 1,4 фунта соли в месяц, или до 17 фунтов в год на душу. В 1920 г. эта норма для городских рабочих понизилась до 1,13 фунта в месяц, или до 13,5 фунта на душу в год. Но это уже явно голодная норма. Поэтому мы остановились на норме 1918 г.

Особенность этой потребности заключается в том, что удовлетворить ее составляет обязанность государства не только в отношении горожан, но и в отношении всего сельского населения. Сельскохозяйственные продукты оно и само себе заготовит. Сахару деревня не производит, но без него легко обходится. Без соли же никто не может обойтись. И заменить ее ничем нельзя. Вот почему наша программа добычи соли должна быть рассчитана на потребность и города и деревни. Эта потребность исчислена нами в 46,7 млн. пудов; программа Главсоли — 52 млн. пудов.

Конечно, если фактическая заготовка одних из намеченных программой продуктов окажется значительно успешнее других, то Компроду придется предоставить значительную свободу в замене одних элементов нормального пайка другими. Однако физиология ставит нам в этом отношении известные пределы. Так, например, в интересах здоровья необходимо избегать слишком однообразной пищи: между белками, жирами и углеводами растительного и животного происхождения желательно поддерживать надлежащее соотношение и т. д.

В частности, до последнего времени считалось общепризнанным, что суточная норма белков не должна спускаться ниже 80—100 *г* и жиров — ниже 60 *г*, причем белки животного происхождения должны составлять не менее одной трети общего веса белков растительных. Но по крайней мере наша практика последних лет в этом отношении отнюдь не удовлетворяла указанным требованиям.

Если исходить из нормы в 3750 *кал*, то пропорция питательных начал разного происхождения в рабочем пайке, по нашим данным, представит следующую картину (см. табл. 7).

Как видим, ни жировое питание, ни отношение животных белков к растительным далеко не соответствовали к 1920 г. обычным представлениям

Таблица 7

Соотношение питательных начал в пайке рабочего при норме в 3750 нетто-калорий

Происхождение продуктов	Питательные начала (в *г*)			Усвояемая энергия	
	белки	жиры	углеводы	в *кал*	в %
1	2	3	4	5	6
1. По старым бюджетам до 1917 г.					
а) растительные продукты	72	37	640	3 265	87,1
б) животные »	38	32	8	485	12,9
Итого	110	69	648	3 750	100,0
2. По обследованию питания 1920 г.					
а) растительные продукты	80	23	718	3 485	92,9
б) животные »	18	19	4	265	7,1
Итого	98	42	722	3 750	100,0
3. По нормам Госплана					
а) растительные продукты	75	33	648	3 274	87,3
б) животные »	21	38	10	476	12,7
Итого	96	71	658	3 750	100,0

о физиологических нормах. А если еще принять в расчет, что фактический паек рабочего в 1920 г. достигал в среднем на полного едока лишь 2800 *кал* вместо 3750 и что, стало быть, белков в этом пайке было всего 73 *г*, а жиров не более 32 *г*, то размер отмеченного несоответствия с обычными нашими представлениями о физиологических нормах станет еще более разительным. За последние годы накопилось достаточно данных для того, чтобы подвергнуть все эти наши старые представления в области физиологии питания весьма основательному пересмотру. Во всяком случае ясно, что пищевой бюджет 1920 г., в котором все животные продукты давали едва 7%, а одна картошка — целых 17% энергетического бюджета, весьма далек от идеала, и потому, как видно из таблицы, мы стремились не только в количественном, но и в качественном отношении приблизить его по возможности в запроектированном нами пайке к научно обоснованным нормам.

III. ПРОБЛЕМА ЦЕНОВЫХ «НОЖНИЦ»

1. ПРОБЛЕМА ВЫСОКИХ ХЛЕБНЫХ ЦЕН[1]

Вопрос о выгодности или невыгодности высоких хлебных цен, вокруг которого было столько жарких споров еще много лет тому назад на страницах печати и в стенах Вольного экономического общества, с переходом к нэпу становится снова вполне злободневным. Цены на хлеб, давшие в первой половине 1921/22 г. небывалый прирост по сравнению с ценами на продукты промышленности, стали затем стремительно отставать от последних и дошли в этом отношении до такого низкого предела, какого не запомнят и старожилы. Каковы же объективные причины и вероятные экономические последствия этого факта, внушающего одним, может быть, преждевременную тревогу, другим — преувеличенные ожидания? Нужно ли бороться в порядке плановых мероприятий государства против дальнейшего отставания хлебных цен, или содействовать ему, или, наконец, признать его вполне естественным хозяйственным явлением, отнюдь не вызывающим в условиях момента необходимости специального вмешательства?

Недавно в Госплане эта тема подверглась детальному обсуждению. И хотя такой спор, вокруг которого сплетается целый клубок больших и притом диаметрально противоположных классовых интересов, не разрешается, конечно, словесными дебатами и резолюциями, но во всяком случае уяснению спорных точек зрения эти дебаты оказали огромное содействие.

Точка зрения сторонников повышения хлебных цен, выступавших в Госплане, нашла уже свое отражение на страницах печати[2], и подробно останавливаться здесь на ней не приходится. Но нужно сказать, что эта точка зрения не встретила большого сочувствия в президиуме Госплана. Оппоненты П. И. Попова и Н. Д. Кондратьева выдвинули против них целый ряд соображений, из которых мы остановимся лишь на следующих.

В чем объективные причины относительного падения хлебных цен за последние годы вообще и за последние месяцы в частности? Условия спроса и предложения, к которым обращаются П. И. Попов и Н. Д. Кондратьев, являются вторичным фактором, и потому в поисках первопричины следует обратиться к условиям *производства* зерновых продуктов и индустриальных товаров. Названные авторы требуют восстановления нарушенного «равновесия» в области цен, т. е. в сущности хотели бы довоенного соотношения цен на продукты промышленности и сельского хозяйства. Но разве у нас уже восстановилось довоенное соотношение норм производительности труда в этих отраслях хозяйства?

В промышленности валовая выработка рабочего упала, по нашим исчислениям, в 1920 г. до 26% довоенной нормы, в 1921 г. она составляла около 30%, в 1922 г.— 51% уровня 1913 г.

[1] «Экономическое обозрение», 1923, № 4.

[2] См. статьи профессора Н. Д. Кондратьева и П. И. Попова в «Экономической жизни», 21, 24, 28 и 29 февраля 1923 г.

Для сельского хозяйства имеем следующие данные. Валовая продукция главнейших зерновых хлебов в 1909—1913 гг. на территории нынешней Советской России (без Туркестана, Закавказья и Дальнего Востока) составляла, по исчислениям ЦСУ, 4 млрд. пудов. В 1920 г. она (по шести хлебам) составляла, по данным о потреблении, около 2700 млн. пудов, в 1921 г.— до 1900 млн. пудов; для 1922 г. мы ее исчисляем грубо около 3 млрд. пудов. Сельское население в рабочем возрасте с 1914 по 1920 г. сократилось за вычетом инвалидов примерно на 20%. Отсюда надо считать, что по расчету на одного работника продукция хлебов составляла в 1920 г. до 84%, в 1921 г.— 59 и в 1922 г.— около 93% довоенной нормы. И, стало быть, если бы цены изменялись в полном соответствии с трудовой стоимостью продукции, то по отношению к хлебным ценам цены на промышленные товары должны бы составлять в 1920 г. до 323% довоенной расценки и даже в 1922 г.— еще около 182%.

Что же означало бы в таком случае требование повышения хлебных цен до довоенного уровня? Значение его ясно. При наличных условиях производства оно равносильно требованию, чтобы в обмене трудовых услуг между городом и деревней городской пролетариат отдавал крестьянству за каждую сотню часов овеществленного в хлебе труда 82 часа своего труда без всякого эквивалента, задаром. Такие даяния, конечно, вполне бы отвечали чаяниям всех наших новоявленных и стародавних идеологов крестьянских интересов. Но спрашивается, во имя чего решился бы на такие жертвы пролетариат, который и без того за последние годы принес немало тяжелых жертв на алтарь революции. Ради прекрасных глаз этих идеологов, что ли?

Сторонники высоких хлебных цен не ставят перед собой такого вопроса. Не теряя времени на анализ производственных отношений, они сразу хватают быка за рога, т. е. обращаются к динамике хлебных цен. Но и здесь некоторые из них сильно облегчают свой труд, начиная анализ движения хлебных цен с того лишь момента, когда они после голода 1921/22 г. обнаруживают явную тенденцию падения. Вывод получается весьма убедительный. Цены на хлеб за последние месяцы, несомненно, падают, но если бы мы, не скользя слишком поспешно по поверхности явлений, справились хотя бы с ценами 1920 г., то увидели бы, что в нынешнем падении хлебных цен нет ничего особенно неожиданного. Хлебные цены и раньше, до 1921/22 г., стояли у нас значительно ниже индустриальных. Лишь голодный год взвинтил их. И потому урожай снова вводит их в нормальное русло.

Профессор Кондратьев, много работавший в области изучения цен, тем не менее не заметил этого обстоятельства. Он жирным шрифтом печатает, что «период с 1917 до весны 1922 г. характеризуется как период высоких цен на сельскохозяйственные продовольственные, преимущественно хлебные продукты, и лишь с начала нэпа гегемония хлебных цен ослабевает, осенью же 1922 г. произошла полная революция на рынке и... конъюнктуры хлебов *начали* резко падать».

Чем же документируется это весьма ответственное заявление? Ровно ничем. Правда, в другой работе Н. Д. Кондратьева мы находим аналогичное утверждение со ссылкой на цены 1920 г. «*Все товары,*— утверждает он, имея в виду период с 1913 по 1920 г.,— обесценились относительно хлебных, в частности ржи». Но для доказательства он сопоставляет в таблице с рожью только следующие пять товаров: говядину, масло коровье, лен, шерсть и кожу. Как видим, в числе «всех товаров» не оказалось *ни одного* продукта городской индустрии. Хлеб действительно расценивался гораздо выше других *сельскохозяйственных* продуктов, не исключая сельскохозяйственного сырья. Но ведь не это составляет предмет спора. Ведь сравнению подлежат хлебные цены и цены на *промышленные* изделия. Профессору Кондратьеву, по-видимому, остались неизвестными те сопоставления по

интересующему нас вопросу, которые были опубликованы нами уже два года назад[1]. Поэтому мы приведем здесь для справки следующие данные (см. табл. 1).

Таблица 1

Соотношение цен разных товаров, по всероссийским данным *
(1 фунт ржаной муки = 1)

Товары	1913 г.	1920 г. 1 сентября	1921 г. 1 января	1921 г. 1 марта	1922 г. 1 января	1922 г. 1 апреля	1922 г. 1 июля	1922 г. 1 октября	1923 г. 1 января
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Мука ржаная (1 фунт)	1	1	1	1	1	1	1	1	1
Промышленные товары									
Ситец (в аршинах)	5,5	10,0	11,4	9,9	3,8	3,1	3,7	9,4	17,4
Керосин (в фунтах)	1,9	4,3	6,4	4,1	1,2	0,3	0,7	1,4	2,3
Мыло (в фунтах)	4,9	6,7	7,8	6,3	2,3	1,9	2,8	6,0	7,9
Спички (в коробках)	0,4	0,7	0,9	0,6	0,1	0,1	0,1	0,2	0,6
Сахар (в фунтах)	6,3	10,7	14,1	12,8	7,9	5,7	8,1	18,3	24,5
Соль (в фунтах)	0,4	3,1	3,0	2,8	0,7	0,4	0,4	0,7	1,2
Набор из шести продуктов	40,6	81,6	104,0	62,1	34,0	23,1	31,0	70,1	102,2
То же (в %)	100	201	267	153	84	57	76	173	152

* Цены на 1 сентября 1920 г. исчислены по 60 губерниям и 235 городским рынкам, на 1 января 1921 г.— по 227 рынкам, на 1 марта 1921 г.— по 212 рынкам; набор взят по индексу «Статистики труда» (2 аршина ситца, 6 фунтов керосина, три четверти фунта мыла, 3 коробки спичек, 2 фунта сахару и 2 фунта соли).

Как видим, хлебные цены еще до нэпа были гораздо ниже цен на индустриальные товары. Если, стало быть, в этом отношении произошла революция, то произошла она гораздо раньше осени 1922 г. И ныне хлебные цены лишь возвращаются к тому уровню, на котором они находились к концу 1920 г.

Н. Д. Кондратьеву этот факт остался неизвестным. Но П. И. Попов в своем докладе сам приводит таблицу цен 1920/21 г., вполне аналогичных вышеуказанным. Спрашивается, почему же он не делает из нее соответствующих выводов? А вывод, казалось бы, напрашивался лишь один: нынешнее падение хлебных цен не выводит их из равновесия с прочими ценами, а, наоборот, восстанавливает это равновесие, временно нарушенное голодом.

Конечно, для исчерпывающей характеристики соотношения цен сельскохозяйственных и промышленных товаров было бы недостаточно вышеприведенной таблицы. Одна ржаная мука не отражает в колебаниях своей цены динамики цен *всех* хлебов и тем более всех сельскохозяйственных продуктов. Поэтому небесполезно будет привести еще нижеследующее сопоставление. Пользуясь бюджетным индексом Госплана, в который входит 12 промышленных и 12 сельскохозяйственных продуктов, в пропорции, соответствующей их потреблению, проследим, как менялись за последний год цены каждой из этих групп продуктов, выраженные в бюджетных индексных рублях, по всероссийским данным (см. табл. 2).

[1] «Материалы по статистике труда», вып. 10. Изд. РИО ВЦСПС. М., 1921, стр. 70—75.

Таблица 2

Цены и ценовые «ножницы» 1922/23 г.

Даты	Стоимость продуктов			Отношение цен	
	сельскохозяйственных	промышленных	всех	сельскохозяйственных к промышленным	промышленных к сельскохозяйственным
1	2	3	4	5	6
1913 г.	100	100	100	100	100
1922 г.					
1 января	104	92	100	113	89
1 февраля	105	90	100	117	86
1 марта	109	82	100	133	75
1 апреля	111	77	100	144	69
1 мая	113	74	100	153	65
1 июня	106	89	100	119	84
1 июля	104	92	100	113	89
1 августа	100,5	99	100	102	99
1 сентября	94	112	100	84	119
1 октября	89	122	100	73	137
1 ноября	83	136	100	61	164
1 декабря	84	133	100	63	158
1923 г.					
1 января	82	138	100	60	169
1 февраля	82	138	100	60	169

Как видим, рубль, выраженный в сельскохозяйственных продуктах по ценам 1923 г., максимальной величины (1 р. 13 к.) достигал к 1 мая 1922 г., а затем до ноября низко падал, после чего цена его установилась около 82—83 коп. Гораздо резче колебания цен промышленного набора продуктов. Довоенный «промышленный рубль» опускался к 1 мая до 74 коп., а затем вырос к концу 1922 г. до 1 р. 38 к., т. е. на 69% выше довоенного сельскохозяйственного рубля.

Исходя из соотношений производительности труда в сравниваемых отраслях хозяйства, мы видели выше, что промышленные продукты должны бы вздорожать относительно сельскохозяйственных еще больше, а именно на 82%. Таким образом, если наши весьма приблизительные расчеты близки к истине, то надо считать, что продукты города продаются еще на 7—8% ниже, а продукты деревни настолько же процентов выше их трудовой стоимости.

Недаром, значит, промышленники кричат о том, что им приходится торговать себе в убыток. А если это верно, то своевременно ли поднимать вопль о непомерно низких ценах на хлеб и о необходимости спасать крестьянское хозяйство путем искусственного (мерами правительства) повышения этих цен?

Обратимся теперь от условий производства к условиям сбыта. Рыночные цены отклоняются от стоимостных соотношений под влиянием колебаний спроса и предложения. Сторонники поднятия хлебных цен находят наличные условия сбыта для сельскохозяйственных продуктов крайне неблагоприятными. Посмотрим, насколько эта мерка объективна.

Прежде всего мы потеряли *внешний* рынок для наших продуктов деревни. С территории России (без Туркестана, Закавказья и Дальнего Востока) мы вывозили за границу и в отторгнутые от России окраины, по расчету П. И. Попова, в среднем за 1909—1913 гг. 775 млн. пудов зерновых хлебов, или 18,7% валовой их продукции[1]. Ныне же этот вывоз прак-

[1] П. Попов. Производство хлеба в РСФСР и федерирующих с нею республиках, стр. 8—9.

тически близок к нулю. Но если сравнить остаток хлебов за вычетом вывоза, то окажется, что в 1909—1913 гг. он составлял около 3360 млн. пудов, а в 1922 г.— не более 3 млрд. пудов. Таким образом, исходя из внутренней потребности страны по довоенным нормам, у нас нет пока никаких видимых избытков для вывоза. А потому потеря внешних рынков сама по себе ничего угрожающего для нашего сельского хозяйства еще не представляет.

Но, может быть, наш *внутренний* рынок для продуктов деревни слишком узок? В этом не было бы ничего удивительного, если бы принимался в расчет лишь городской рынок, емкость которого вследствие понижения оплаты труда, а стало быть, и покупательной способности городского населения уменьшилась почти вдвое против норм 1913 г. Однако продукты сельского хозяйства покупает не только город, но и деревня. Какова же *общая* емкость нашего внутреннего рынка?

Валовая продукция сельского хозяйства без лесоводства и рыболовства по 50 губерниям Европейской России оценивалась за вычетом семян в 1913 г. в 5630 млн. руб. на 122 млн. душ. Для всей России с населением 138,4 млн. душ эту цифру можно увеличить на 13,5%, или на 760 млн. руб., да на семена по площади и ценам 1913 г. можно накинуть до 600 млн. руб. Таким образом, валовая продукция 1913 г. составит в границах Советской России до 7 млрд. руб., в том числе зерновые хлеба — 3500 млн. руб. Товарная доля в этой продукции по 50 губерниям Европейской России исчислялась С. Н. Прокоповичем в 1832 млн. руб., а с поправкой в 13,5% на всю Россию составит на 247 млн. руб. больше, т. е. примерно 2079 млн. руб., что дает до 30% от валовой продукции сельского хозяйства, в том числе по зерновым хлебам — около 1 млрд. пудов — на сумму до 840 млн. руб., или 24% хлебной продукции. Но из вышеуказанной суммы в 2079 млн. руб. нужно вычесть ценность вывоза сельскохозяйственных продуктов за пределы СССР — около 1 млрд. руб. Таким образом, объем нашего внутреннего рынка на сельскохозяйственные продукты в 1913 г., по данным о перевозках, равнялся 1079 млн. руб.

Для 1920/21 г. П. И. Попов исчисляет валовую продукцию сельского хозяйства СССР (без Кавказа и Туркестана) в 4633 млн. руб. Из них поступило в товарооборот продукции на 644,7 млн. руб. в порядке продажи и обмена и на 704,2 млн. руб.— в порядке натурналога, а всего на 1349 млн. руб., или 29% валовой продукции. Причем из 644,7 млн. целых 75% отчуждено сельскому населению и только 25% — городскому. За границу же вывоза вовсе не было.

Весьма вероятно, что исчисления С. Н. Прокоповича для 1913 г. дают преуменьшенный коэффициент товарности, а бюджетные данные ЦСУ для 1920/21 г. несколько увеличивают этот коэффициент. Но во всяком случае те данные, которые мы имеем, говорят нам не о сужении, а о расширении нашего внутреннего рынка. В самом деле, если исключить вывоз за пределы СССР, то получим такие коэффициенты:

Стоимость сельскохозяйственной продукции за вычетом вывоза

Показатели	Годы			
	1913 г.		1920/21 г.	
	в млн. руб.	в %	в млн. руб.	в %
Натурпотребление деревни	4921	82	3284	71
Товарная доля (внутреннего рынка)	1079	18	1349	29
Итого . .	6000	100	4633	100

Этот на первый взгляд неожиданный результат не представляет собой, однако, ничего невероятного. Натуральная доля крестьянского потребления сократилась по вполне понятным причинам. Ее сократила на весьма изрядную сумму — 700 млн. руб.— продразверстка, которая далеко не везде и не всегда изымала лишь одни *«излишки»* крестьянского хозяйства. Процент крестьянских хозяйств, которые после натуральных изъятий оказывались к весне с дефицитом хлеба и должны были предъявить дополнительный против довоенной нормы спрос на хлебные продукты, неизбежно должен был значительно возрасти за годы продразверстки и продналога. Но так как за хлеб крестьяне могли платить лишь своим трудом или другими сельскохозяйственными же продуктами, то оборот этих последних возрастал тоже. В какой мере этот возросший спрос покрывался встречным предложением за счет укрытых от бдительности органов Наркомпрода излишков хлеба в более мощных крестьянских хозяйствах, показывают вышеприведенные цифры.

Насколько широк крестьянский рынок на хлебные товары, можно еще убедиться из следующих фактов. П. И. Попов исчисляет, что в 1922 г. до 35% сельского населения покупало хлеб в большем количестве, чем продавало его. Всего сельского населения у нас в 1920 г. было 108 млн., а городского, включая армию,— до 26 млн. душ. Стало быть, в деревне покупателей хлеба, даже по этому расчету П. И. Попова, не меньше 37 млн. душ, т. е. гораздо больше, чем в городе. Но расчет П. И. Попова, по-видимому, надо считать минимальным.

Если использовать данные бюджетного обследования крестьянского хозяйства в потребляющей полосе, опубликованные П. И. Поповым, и сопоставить их с данными сельскохозяйственных переписей и учетов ЦСУ, то получим следующий результат (см. табл. 3).

Таблица 3

Продажа и покупка ржи в крестьянских хозяйствах по группам посевщиков (в пудах)*

Группы с посевом на один двор	% дворов (1919 г.)	На один двор		Сальдо	
		продано	куплено	на один двор	всего
1	2	3	4	5	6
Беспосевные	9,0	—	(42) **	—42,0	—378
С посевом до 1 десятины	28,7	4,0	19,5	—15,5	—445
От 1,01 до 2 десятин	32,9	8,8	22,1	—13,3	—436
» 2,01 » 3 »	(16,0)	10,5	14,3	—3,8	—61
Итого по группам	86,6	—	—	—15,3	—1320
С посевом 3,01—4 десятины	(8,1)	16,5	14,9	+ 1,6	+13
От 4,01 до 6 десятин	4,0	21,6	14,6	+ 7,0	+28
» 6,01 » 8 »	0,8	31,9	20,5	+11,4	+ 9
Свыше 8 десятин	0,5	55,9	17,4	+38,5	+19
Итого по группам	13,4	—	—	+5,2	+69
По всем группам (на 100 дворов)	100,0	—	—	—12,5	—1251

* Бюджетные данные см. в статье П. И. Попова в «Экономической жизни», 1 марта 1923 г. К какому они году относятся, к сожалению, в статье не указано; процент дворов берем из работы А. И. Хрящевой «Экономическое расслоение крестьянства в 1917 г. и 1919 г.», М., 1922, стр. 13; процент дворов и посевов от 2 до 4 десятин (24,1%), показанный в этой работе суммарно, разбит нами на два, исходя из общего темпа падения этого процента с повышением нормы посева. Потребление беспосевных взято нами по 11,5 пуда на душу.

** Здесь и далее в скобках даны расчетные данные.— С. С.

Как видим, в потребляющей полосе покупают хлеб решительно все, даже наиболее обеспеченные посевом, группы крестьянства. Но если даже из них исключить целиком те группы, которые покупают меньше, чем продают, то остальные составят все же не 35, а свыше 80% всех крестьянских хозяйств.

В чьих же интересах ратуют сторонники повышения хлебных цен, если даже громадное большинство крестьянства в этом отнюдь не заинтересовано? В интересах 15—20% хозяйственных мужичков?

Но, может быть, высокие цены на хлеб нам необходимы в интересах развития производительных сил страны? Во имя этого, ради будущего можно многим поступиться в настоящем.

Всем известно, что высокие цены на хлеб являются наилучшим стимулом для механизации и интенсификации сельского хозяйства. До тех пор, скажем, пока овес и сено столь дешевы в отношении нефти, что затраты на один сило-час работы при *конной* тяге будут ниже, чем при тяге тракторной, шансы тракторизации сельского хозяйства ничтожны. Точно так же, если пуд суперфосфата, дающий прибавку урожая, скажем, в 1,5 пуда хлеба, оценивается на рынке в 2 пуда этого хлеба, мечтать об искусственном удобрении полей не приходится. Но поднимите в достаточной степени цены хлебов или, что то же, удешевите нефть, тракторы, суперфосфаты, и технико-агрономический процесс сельского хозяйства будет обеспечен.

Однако далеко не все наши аграрии, даже из числа профессоров, усвоили себе ту довольно элементарную истину, что необходимой предпосылкой здорового прогресса сельского хозяйства у нас является одновременный и притом значительно обгоняющий его в темпе развития прогресс городской и прежде всего тяжелой промышленности.

В самом деле. Прогрессирующему земледелию требуется все возрастающее количество тракторов, суперфосфатов и прочих продуктов промышленности. Значит, эта промышленность должна расти. Далее, прогрессирующему земледелию необходим расширяющийся рынок сбыта, что опять-таки предполагает рост городского индустриального пролетариата и городской индустрии. А так как городское население у нас в 4 раза меньше сельского, то прирост продукции сельского хозяйства, скажем, всего на 5% предполагает *при прочих равных условиях* расширение городского рынка на 20%, для чего промышленность должна развиваться гораздо быстрее земледелия.

Конечно, найдутся мудрецы, которые не признают этой необходимости. Мы ведь уже вышли из состояния блокады. Можно, значит, тракторы ввозить по дешевым ценам из-за границы, а хлеб продавать по дорогим ценам тоже за границу. Но, к сожалению, этим выходом приходится пользоваться с очень большой осторожностью. Превратить Советскую Россию в сельскохозяйственную колонию буржуазного Запада можно, конечно, при желании. Но когда это будет сделано и когда с гибелью русской промышленности и распылением пролетариата мы потеряем всякую экономическую самостоятельность и политическую сопротивляемость, то и в области внешнего товарообмена диктовать свои монопольные цены Запад будет нам, не опасаясь с нашей стороны никакого отпора. И тогда, увы, заграничные индустриальные товары окажутся для нас, пожалуй, слишком дорогими, а русский хлеб за границей — весьма дешевым.

Чтобы не попасть в такое положение, мы не можем рисковать судьбами русской промышленности. А в таком случае у нас только один путь к повышению хлебных цен. Это путь восстановления нашей индустрии и возможно более быстрого в ней подъема производительности труда. Если, например, производительность труда в сельском хозяйстве поднимется всего на 10%, в то время как в промышленности нам удастся ее, скажем, удвоить, то тем самым хлебные цены по сравнению с ценами на индустриальные товары возрастут в отношении 90 : 50, т. е. на целых 80%. Это создает

достаточный толчок для повышения механизации и интенсификации земледелия. Но не потерпит от этого никакого ущерба и промышленность, ибо каждый рабочий, увеличив свою продукцию на 100%, сможет за нее купить хлеба, вздорожавшего только на 80%.

Иначе подходит к этому вопросу П. И. Попов. Не углубляясь в анализ наличных условий производства, он считает возможным путем непосредственного воздействия на рынок поднять наличные цены продуктов деревни процентов на 30[1]. А чтобы уравновесить неизбежное при этом повышение заработной платы и себестоимости продуктов города, он проектирует одновременно и повышение цен промышленных товаров, этак, по его расчету, в среднем на 3—4%, каковое повышение распространится, дескать, «на все отрасли промышленности»[2].

Этот великолепный прожект страдает одним «маленьким» недостатком. Он неосуществим. Автор забыл, что «цена» есть лишь меновое *отношение*, в каком одни товары приравниваются на рынке к другим. И поскольку мы говорим здесь о соотношении, в котором сельскохозяйственные продукты обмениваются на промышленные, и хотим одновременно повысить цены тех и других, то это совершенно равносильно пожеланию изменить *дробь*, скажем, $\frac{100}{100}$ так, чтобы числитель сделался больше знаменателя на 30%, а знаменатель больше числителя — на 4%.

Конечно, можно мыслить цены товаров и в денежном их выражении, например, в советском рубле. И тогда повысить цены промышленных товаров на 4% и сельскохозяйственных на 30% в отношении к советскому рублю очень нетрудно. Но реально это будет означать, что цены индустриальных товаров в отношении земледельческих не повысились, а упали до $\frac{104}{130}$ или 80% своей прежней величины. Можно выражать те же цены и в товарных рублях по тому или иному индексу. И тогда, если мы, например, за основание возьмем бюджетный индекс Госплана, повышение цен продуктов деревни на 30% в отношении среднего уровня всех товаров будет равносильно понижению индустриальных цен на иную, более значительную величину соответственно меньшему весу продуктов города как в общем производственно-потребительском балансе страны, так и в отражающем его бюджетном индексе. Но, в каких бы единицах мы ни измеряли цены, одно неоспоримо: реальное повышение продуктов деревни можно мыслить лишь наряду с соответствующим понижением цен на продукты городской промышленности. Не иначе.

А если это так, то безобидные на первый взгляд утопии вроде вышеизложенной, по которой и волки сыты и овцы целы, и сельское хозяйство от высоких цен процветает, и промышленность себестоимость своей продукции покрывает, заслуживают иной, более решительной оценки. Наша промышленность и без того еле дышит.

Подвергать ее новым опасностям раньше, чем она станет на ноги, не считаясь с реальным уровнем производительности промышленного труда,— это значит не содействовать, а противодействовать развитию производительных сил страны. В настоящую минуту всякие искусственные меры к поднятию уровня хлебных цен невозможны без тяжелого ущерба для промышленности. Выиграли бы от них лишь кулацкие элементы деревни, а проиграли все остальные группы населения и все народное хозяйство в целом.

---

[1] Такую поправку П. И. Попов считает достаточной для восстановления довоенного соотношения цен. Но это не точно, ибо он по ошибке индекс продовольственных продуктов, в который входит сахар, соль и другие индустриальные продукты, смешал с сельскохозяйственным, в который входят только продовольственные продукты, но зато сахар и соль вовсе не входят.

[2] «Экономическая жизнь», 1 марта 1923 г.

А потому скажем ясно и просто. В кампании за «высокие» хлебные цены в обстановке момента мы усматриваем черты весьма реакционной утопии.

2. К ПРОБЛЕМЕ РАСХОЖДЕНИЯ ЦЕН[1]

Степень расхождения сельскохозяйственных и промышленных цен за истекший хозяйственный год может быть охарактеризована следующими данными.

Пользуясь соотношениями тех и других цен в общетоварном (оптовом) и в бюджетном (розничном) индексах Госплана и деля промышленный индекс на сельскохозяйственный, получаем такие ряды (см. табл. 4).

Таблица 4

Отношение индекса промышленных цен к индексу сельскохозяйственных цен

Даты наблюдения	Расхождение индексов в % к отношению их в 1913 г.	
	розничных цен	оптовых цен
1913 г.	100	100
1922 г.		
1 августа	99	74
1 сентября	119	94
1 октября	137	111
1 ноября	164	127
1 декабря	158	134
1923 г.		
1 января	170	152
1 февраля	170	169
1 марта	187	176
1 апреля	186	199
1 мая	199	227
1 июня	214	232
1 июля	220	206
1 августа	238	242
1 сентября	287	312
1 октября	323	320
1 ноября	277	281
1 декабря	240	230

В начале изучаемого периода промышленные цены были даже несколько ниже своего довоенного уровня по сравнению с сельскохозяйственными, а в конце — превышали их более чем в 3 раза. При этом осенью расхождение розничных цен идет впереди и как будто является толкачом расхождения цен оптовых. А к весне оптовое расхождение уже перегоняет розничное и в свою очередь вынуждает дальнейшее расхождение цен розничных. За последние недели после 1 октября и оптовые и розничные «ножницы» показывают явную тенденцию к смыканию. Причем розничные «ножницы» смыкаются как будто даже энергичнее оптовых, испытавших на себе за эти недели административное давление Комвнуторга.

При сопоставлении приведенных рядов видно, что в общем и целом зависимость оптовых цен от розничных и обратно — розничных от оптовых весьма велика. Но здесь нужно еще отметить, что сопоставляемые кривые относятся к различному числу товаров и разному кругу рынков. Чтобы получить вполне сравнимые ряды, мы сопоставляем ниже оптовые и розничные цены одних и тех же 19 товаров по одним и тем же 19 рынкам, взвешенных при выводе средних по одним и тем же весам бюджетного набора.

[1] «Бюллетени Госплана», вып. 10. М., 1923.

И тогда параллелизм наших рядов и соответствующих кривых получается еще более разительным (см. табл. 5).

Как видим, если ограничиться для сравнения периодом с 1 октября 1922 г. по 1 октября 1923 г., то придется констатировать, что промышленные цены обогнали в своем приросте сельскохозяйственные цены на розничных рынках в 2,08 раза и на оптовых — в 2,24 раза.

Таблица 5

Отношение индекса промышленных цен к индексу сельскохозяйственных цен

Даты наблюдения	Расхождение индексов в % к отношению их на 1 октября 1922 г.	
	розничных цен	оптовых цен
1922 г.		
1 октября	100	100
1 ноября	117	119
1 декабря	108	105
1923 г.		
1 января	126	118
1 февраля	124	126
1 марта	119	124
1 апреля	122	146
1 мая	154	162
1 июня	148	166
1 июля	143	158
1 августа	159	176
1 сентября	211	237
1 октября	208	224
16 »	192	187

В этих более сравнимых между собой рядах индексных соотношений обращает на себя внимание факт, что последнее сближение раствора и розничных и оптовых «ножниц» наблюдается уже с 1 сентября 1923 г., т. е. за целый месяц до попыток планового воздействия на цены. Причем розничные цены смыкались за этот месяц несколько медленнее оптовых.

Некоторый интерес представляет еще сопоставление расхождения «ножниц» на крупных центральных рынках с соответствующим расхождением на наиболее близких к деревне мелких городских рынках. Ниже мы даем динамику розничных «ножниц» по четырем группам рынков очень различного калибра. В первую группу вошли столицы и крупнейшие областные центры, с населением свыше 150 тыс., во вторую — крупные губернские центры, с населением от 50 тыс. до 150 тыс., в третью — более мелкие города, с населением от 7 тыс. до 50 тыс., и в четвертую — мельчайшие города и поселки, с населением около 5 тыс. и ниже. Принимая индекс сельскохозяйственных цен везде за 100, отношение к нему индекса цен промышленных даст нам такую картину (см. табл. 6).

Таблица эта позволяет установить два существенной важности факта. Во-первых, максимальное расхождение «ножниц» наблюдается на самых крупных рынках. И, во-вторых, начальный момент, с которого промышленные цены обогнали сельскохозяйственные — в крупных центрах по крайней мере на месяц, а то и на два,— датируется раньше, чем на периферии. Иными словами, свое начало волна расхождения индексов получила в центре, а не на периферии. И провинции оставалось лишь — с неизбежным запозданием — отражать в своих расценках каждый последующий толчок, получаемый из центра.

Таковы факты, подлежащие объяснению, для того чтобы выявить факторы, легче всего поддающиеся нашему плановому воздействию.

Таблица 6

Розничные «ножницы» на разных рынках

Промышленный индекс в % к сельскохозяйственному

Даты	Группы рынков				
	I группа (столицы и областные рынки)	II группа (крупные города)	III группа (средние города)	IV группа (мелкие города)	Средний по всем городам
1	2	3	4	5	6
1922 г.					
1 июня	97	78	84	89	85
1 июля	105	84	91	84	89
1 августа	115	89	97	100	99
1 сентября	143	118	115	116	119
1 октября	171	139	121	130	137
1 ноября	200	166	163	164	164
1 декабря	188	160	155	150	158
1923 г.					
1 января	210	178	169	159	170
1 февраля	192	176	179	155	170
1 марта	183	197	193	178	187
1 апреля	217	204	190	166	186
1 мая	217	215	203	178	197
1 июня	223	228	216	204	214
1 июля	207	229	227	212	220
1 августа	247	235	234	241	238
1 сентября	316	305	285	262	287
1 октября	352	338	300	327	323
1 ноября	284	276	267	278	277
В среднем с 1 октября 1922 г. по 1 октября 1923 г.	225	213	203	194	204

В Госплане уже отмечалось, что основной причиной расхождения «ножниц» следует считать крупные сдвиги в распределении труда между промышленностью и сельским хозяйством и резкое падение производительности промышленного труда за время войны и революции. В соответствии с этим «ножницы» имели место задолго до того, как о них стали говорить. Во всяком случае даже в 1920/21 г. расхождение их достигало не менее 200%. Голод 1921/22 г. перетянул чашу весов в пользу сельскохозяйственных цен. А урожай 1922 г. снова дал резкий толчок к превышению уровня промышленных цен над сельскохозяйственными.

Насколько велик был этот толчок, можно усмотреть из следующего. Валовой сбор 1921 г. по шести главнейшим хлебам оценивается, по исчислениям Госплана, до 1900 млн. пудов для всей России (без Туркестана, Закавказья и Дальнего Востока). Валовой сбор 1922 г. на той же территории, по подсчетам ЦСУ, определялся в 2243 млн. пудов[1], а по данным о потреблении, он оказался свыше 3 млрд. пудов, т. е. минимум на 1100 млн. выше сбора голодного 1921 г. и примерно на 800 млн. выше первоначальных исчислений ЦСУ.

Продукция городской промышленности тоже дала за 1922/23 г. значительный прирост, но если его выразить в ржаных единицах по довоенным ценам 1913 г., то весь этот *прирост* чистой продукции города не превысит и 240 млн. пудов ржи, а деревня дала прирост одних лишь хлебов на 1200 млн., т. е. в 5 раз больше.

Разумеется, деревня не сразу выбросила на рынок все избытки своей продукции. И потому расхождение «ножниц» происходило с довольно

[1] «Бюллетень ЦСУ», 1923, № 72, стр. 12.

значительной фазой запоздания по отношению к моменту урожая. Какова эта фаза, можно убедиться из следующего примерного расчета.

Нормальное расхождение оптовых цен, если учитывать влияние понижения нагрузки и производительности труда в промышленности по сравнению с сельским хозяйством, исчисляется следующим образом.

В 1913 г. в крупной промышленности у нас (в границах СССР до 1939 г.) работало 2600 тыс. рабочих, к 1 октября 1922 г.— 1300 тыс. (50%) и к 1 октября 1923 г.— около 1560 тыс. рабочих (60%). Накладные издержки в довоенное время не превышали 15% цены продукта, к 1 октября 1922 г. они в связи с понижением нагрузки вдвое должны были подняться до 30%, а к 1 октября 1923 г.— упасть до 25%, т. е. стоимость продукта за счет одной лишь этой причины повысилась бы к началу 1922/23 г. до 115%, а к концу упала бы до 110% довоенного уровня. Продуктивность промышленного рабочего, достигавшая в этом году 50% довоенной, в 1923/24 г. поднялась до 60%. В связи с этим общие трудовые затраты на единицу продукта в промышленности по совокупности обеих причин, должны были возрасти с 1913 г. к 1 октября 1922 г. до 230% довоенного уровня, а к 1 октября 1923 г.— упасть до 183% той же нормы. В сельском хозяйстве, по аналогичному расчету, они составляли в 1922/23 г. 107,5%, а год спустя — около 112% довоенной нормы. Отсюда «нормальное» расхождение «ножниц» должно бы составить к 1 октября 1922 г. 214% (230 : 107,5), а к 1 октября 1923 г.— 163% (183 : 112). А между тем фактическое расхождение оптовых «ножниц» на 1 октября 1922 г. достигало всего 111%, а к 1 октября 1923 г. увеличилось до 320%.

Того соотношения цен, какое вытекало из условий производства и урожая 1922 г., промышленные оптовые цены достигли только к апрелю 1923 г., т. е. опозданием более чем на шесть месяцев. Но на этом уровне они не остановились, продолжая расти и дальше еще около пяти-шести месяцев. И к 1 октября 1923 г. расхождение «ножниц» было выше «нормального», по нашему расчету, по крайней мере в отношении 320 : 163, т. е. почти вдвое. И, для того чтобы привести его к «норме», пришлось бы понизить промышленные цены на 49% или повысить сельскохозяйственные на 96%.

Для объяснения этого дополнительного расхождения цен сверх всякой нормы можно привлечь целый ряд специальных причин. В Госплане подробно расценивалось специальное влияние железнодорожных тарифов и целого ряда других факторов. Влияние каждого из них в отдельности невелико по сравнению с той громадной величиной расхождения «ножниц», какую они призваны объяснить. Но, взятые все вместе, они дают все же порядочную величину. Так, например, налоги и акцизы составляют к октябрю 1923 г. не менее 10—12% в цене чистой продукции промышленности. В предыдущем же году ежемесячное поступление налогов было в 4,7 раза меньше, и в себестоимость окончательного продукта входило примерно 3—4 коп. на рубль. В довоенное время налоги на промышленные продукты составляли менее 3% в цене чистой продукции промышленности[1]. Кредит в 1923/24 г. раз в 10 дороже довоенного (до 60% годовых против 6%) и по размерам кредита, предоставляемого трестам, повышает цену продукта процентов до 5, если не больше. Год тому назад при расчетах в обесценивающемся советском рубле промышленность получала кредит более чем бесплатно, она даже фактически премировалась за пользование кредитом в размере около 8% в месяц (20% обесценения рубля минус 12% за кредит). Тарифы выше довоенных процентов на 20—25, а год тому назад были в 3 раза ниже довоенных. На пуд перевозимых промышленных грузов тариф составляет теперь около 9 коп., на рубль всей

[1] Кроме акцизов; налоги и акцизы вместе достигали 13,5% чистой продукции 1913 г.

нетто-продукции — тоже до 9 коп., а стало быть, год назад составлял не более 3 коп.

В общем итоге по вышеуказанным трем статьям имеем наращение за год себестоимости продукции процентов на 18 или около того.

Но и за вычетом этих 18% промышленные цены к 1 октября были бы еще на 60% выше «нормального» их уровня по производственным условиям. И объяснение этого остатка разницы следует искать главным образом в нездоровой политике цен наших трестов.

Прежде всего наши тресты в 1922/23 г. были сплошь убыточными предприятиями, а уже год спустя стали приносить прибыль. О размерах ее можно судить по следующим грубым прикидкам. Оборотные фонды промышленности увеличились за год не менее чем на 300 млн. руб., что дает около 30 коп. на рубль чистой продукции. А затем остается еще аппарат торговли с его накладными расходами и прибылями.

Соотношение оптовых и розничных цен по Москве видно из следующей таблицы (см. табл. 7).

Таблица 7

Отношение розничных цен к оптовым по Москве *
(оптовая цена = 100)

Группы товаров	1913 г.	1923 г. 1/IX	15/IX	1/X	15/X	1/XI	15/XI	1/XII
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Сельскохозяйственные товары (5 товаров)	121,6	165,0	156,5	148,0	135,7	125,0	134,4	120,1
Промышленные товары (8 товаров)	119,0	140,0	148,5	132,5	133,6	137,5	139,5	154,9
Вместе	121,0	159,5	151,5	141,0	134,0	129,8	136,4	130,9

* Розничные цены — по данным Московского губернского статистического бюро; оптовые — по данным Госплана. Все цены взвешены по нормам бюджетного набора Госплана.

До войны разница между оптовыми и розничными ценами в Москве в среднем по 13 товарам достигала 21%. На 1 октября 1923 г. она достигала 41%, т. е. была на 20% выше. А несколько месяцев тому назад она была еще выше. Вот, например, превышение оптовых цен над розничными, исчисленное в Госплане по 19 товарам на 19 крупнейших рынках России (см. табл. 8).

В октябре — декабре 1922 г. это превышение составляло 49%, в январе — марте — 45%, в апреле — июне — 43%, а в июле — октябре — 39%. В среднем за год эта разница составляла для сельскохозяйственных продуктов 38,3%, для промышленных — 51,3% и для тех и других — 44%.

Если учесть, что наша торговля вступила в фазу первоначального накопления своих основных и оборотных фондов, что обороты среднего торговца значительно меньше довоенных и что поэтому содержание торгового аппарата падает гораздо большим грузом на единицу продукта, то удивляться вышеуказанному удвоению торговых расходов едва ли придется. А относительное снижение их с 49 до 39% за один год представляет собой огромное оздоровление в этой области.

Конечно, вышеуказанными причинами не исчерпывается круг факторов, создающих явление «ножниц». Эти факторы имеются и в области денежного обращения с двумя параллельными валютами, одна из которых (червонцы) монополизирована городом и перелагает все издержки пользования другой (совзнаками) на деревню. Их можно искать и в сфере

Таблица 8

Стоимость набора из 19 товаров по 19 рынкам *
(в товарных рублях по общетоварному индексу Госплана)

Даты	Розничные цены			Оптовые цены			Розничные цены в % к оптовым		
	сельскохозяйственные товары (8 товаров)	промышленные товары (11 товаров)	все товары (19 товаров)	сельскохозяйственные товары (8 товаров)	промышленные товары (11 товаров)	все товары (19 товаров)	сельскохозяйственные товары	промышленные товары	все товары
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1913 г.	4,81	2,05	6,86	(3,95)	(1,72)	(5,67)	(122)	(119)	(121)
1922 г.									
1 октября	5,25	3,21	8,46	3,83	2,02	5,85	137	159	145
1 ноября	4,93	3,53	8,46	3,56	2,26	5,82	139	156	146
1 декабря	5,20	3,44	8,64	3,64	2,03	5,67	143	169	152
I квартал	5,08	3,49	8,57	3,62	2,13	5,75	140	164	149
1923 г.									
1 января	4,95	3,81	8,76	3,50	2,18	5,68	141	175	154
1 февраля	4,73	3,59	8,32	3,46	2,31	5,77	137	155	145
1 марта	4,60	3,34	7,94	3,38	2,21	5,59	136	151	142
II квартал	4,70	3,51	8,21	3,38	2,27	5,65	139	155	145
1923 г.									
1 апреля	4,57	3,42	7,99	3,10	2,40	5,50	147	142	145
1 мая	4,02	3,78	7,80	2,96	2,53	5,49	136	149	142
1 июня	4,29	3,90	8,12	3,11	2,73	5,84	133	143	140
III квартал	4,24	3,74	7,98	3,05	2,58	5,63	139	145	143
1923 г.									
1 июля	4,23	3,69	7,92	3,09	2,57	5,66	137	144	140
1 августа	4,40	4,28	8,68	3,17	2,96	6,13	139	145	142
1 сентября	3,32	4,27	7,59	2,48	3,12	5,60	133	137	136
1 октября	3,38	4,31	7,69	2,55	3,04	5,59	132	142	138
V квартал	3,84	4,18	8,02	2,82	2,96	5,78	136	141	139
Средние за год	4,45	3,74	8,19	3,22	2,48	5,70	138	151	144

* Цены (розничные — по данным Центрального бюро статистики труда, оптовые — по данным Госплана) относятся к следующим рынкам: 1) Вятка, 2) Тула, 3) Москва, 4) Петроград, 5) Псков, 6) Рыбинск, 7) Минск, 8) Саратов, 9) Царицын, 10) Пермь, 11) Пенза, 12) Харьков, 13) Екатеринослав, 14) Ростов-на-Дону, 15) Полтава, 16) Ставрополь, 17) Одесса, 18) Винница, 19) Киев.

В состав набора товаров вошли: мука ржаная (40 фунтов), мука пшеничная (20 фунтов), крупа (7,5 фунта), картофель (40 фунтов), говядина (7,5 фунта), яйца (6 штук), масло животное (1 фунт), масло растительное (1 фунт), сахар (2 фунта), табак (0,2 фунта), соль (2 фунта), сельди (1 8 фунта), керосин (5 фунтов), ситец (2 аршина), мыло (0,75 фунта), спички (3 коробки), дрова (0,015 куб. сажен) и сапоги (0,06 пары). В оптовой торговле пара сапог приравнена 7 фунтам хрому и 1 фунту подошвы.

Для 1913 г. за отсутствием оптовых цен по всем 19 рынкам стоимость набора исчислена из соотношения московских цен.

неравномерного распределения кредита между городской промышленностью и сельским хозяйством. Их, несомненно, можно найти и в «сверхнормальном» повышении накладных расходов нашей промышленности, не располагающей еще достаточным коммерческим опытом и налаженной

организацией. Но на долю всех этих и тому подобных факторов остается уже очень небольшая и, я бы даже сказал, с каждым днем *исчезающая* величина расхождения цен.

Поэтому, не останавливаясь на них подробнее, можно перейти к выводам. Чтобы достигнуть максимальных успехов в сближении «ножниц», необходимо прежде всего обеспечить возможно более быстрое расширение производственных планов нашей промышленности. Дальнейшее повышение нагрузки и производительности труда в промышленности — вот основное условие успешной борьбы с расхождением цен. А все остальное — уже при небольшой затрате энергии со стороны регулирующих органов — само собой приложится.

IV. К ФИНАНСОВОЙ РЕФОРМЕ 1922/23 г.

1. О БАЗИСЕ РЕФОРМЫ [1]

Необходимость и неотложность целого ряда финансовых реформ в связи с новой экономической политикой достаточно очевидна. Но главнейшая из них — реформа денежного обращения в целях стабилизации рубля — откладывается, по-видимому, в весьма далекий ящик. Дело в том, что Наркомфин планирует свои подготовительные меры на золотое обращение. Но для золотого обращения, как известно, помимо многих других хороших вещей, необходима одна, самая важная — золото. И притом нужна в таком количестве, каким мы еще очень не скоро будем располагать.

Золотое обращение — конечно, самое испытанное и надежное средство для столь необходимой в условиях нэпа стабилизации рубля. Это вполне солидное и очень комфортабельное, хотя и недешевое, завоевание буржуазной культуры. К сожалению, однако, не всем такой комфорт по карману. Большого напряжения ума для регулирования обращения, построенного на золотом базисе, вовсе не требуется, ибо оно само себя регулирует, совершенно механически превращая избыток орудий обращения в средства сбережения и накопления сокровищ или, наоборот, снова изменяя их назначение по первому требованию оборота. И в этом, несомненно, его достоинство, весьма ценное для косных административных умов стран старой культуры. Но такое обращение, увы, требует слишком много «презренного» металла. И в этом его коренной недостаток для всех стран, бедных золотом. Вот почему в таких странах поневоле приходится планировать на иные виды обращения, требующие для своего проведения в жизнь гораздо больше активности, ума и искусства, чем инертной материи ценных металлов.

Довоенный опыт Австрии с ее гибкой «девизной» политикой регулирования бумажного обращения достаточно наглядно показывает, каких удовлетворительных результатов в этой области можно достигать и без накопления миллиардного золотого резерва в подвалах Госбанка.

В чем же состоял секрет «девизной» политики австрийского банка?

Все гениальное просто. Секрет состоял в том, что банк сам активно участвовал в биржевой игре с бумажной кроной. И когда она падала в цене ниже al pari (по паритету), то банк играл на повышение, скупал дешевый товар, а когда она росла в цене выше, чем нужно, то банк, наоборот, реализовал свой товар с прибылью. Таким образом, регулирование курса достигалось *попутно* в результате этой совершенно беспроигрышной спекуляции, ибо в период подъема народного хозяйства расширение оборота, а стало быть, и потребности в дензнаках, совершенно неизбежны. Иными словами, в такой период игра на повышение курса бумажной валюты во время сезонных или иных случайного порядка колебаний его книзу сулит распорядителю эмиссии вполне гарантированный доход.

[1] «Экономическая жизнь», 1 июня 1922 г.

Этот доход от расширения оборота, извлекаемый попутно с регулированием курса бумажной валюты путем расширения и сокращения эмиссии в строгом соответствии с потребностью рынка в средствах обращения, особенно значительным может оказаться именно у нас, в России, и притом именно теперь, в ближайшее десятилетие. Почему это так — сказать нетрудно.

Достаточно сказать, что потребность оборота 1914 г. в дензнаках выражалась в сумме 2,28 млрд. руб., а к 1 мая 1922 г. она оценивалась не свыше 40 млн. руб. (довоенных). Это произошло за счет двух причин: во-первых, за счет вызванного войной и блокадой абсолютного сокращения продукции страны и оборота и, во-вторых, за счет связанного с эпохой военного коммунизма относительного сокращения оборота вследствие его *натурализации*. Обе эти причины — и война и военный коммунизм — отошли в прошлое. Стало быть, следует ожидать нового расширения оборота.

Мы стоим перед новым подъемом хозяйственной деятельности страны, и притом в условиях *товарно-денежных* отношений. Трудно предугадать, конечно, начальную дату и дальнейший темп этого подъема. Но, нужно думать, переживаемый сейчас кризис сбыта является последним результатом прошлогоднего неурожая. Предстоящий урожай даст, вероятно, достаточный толчок для решительного поворота в сторону подъема нашего хозяйства. Темп восстановления основного ресурса страны — живой рабочей силы, по-видимому, будет вполне для нас благоприятным. Все наши трудовые потери в размере 18,7 млн. выбывших за время войны из строя работников мы покроем полностью, по нашим расчетам, за одно десятилетие, при значительно меньшей обремененности нетрудовыми группами населения, чем это было до войны и революции[1]. Громадные площади недосевов, парализовавшие на время все наше сельское хозяйство, после первого же урожая быстро исчезнут. И в два-три года оживленное сельское хозяйство, а за ним и промышленность станут на путь вполне нормального развития.

Учитывая все это, можно сказать с уверенностью, что размеры денежного оборота достигнут довоенного уровня во всяком случае уже в течение ближайшего десятилетия. Потребность в орудиях обращения с 40 млн. руб. снова возрастет по меньшей мере на 2 млрд. руб. за десятилетие, что даст в среднем прирост не ниже 200 млн. руб. в год[2]. Весь этот прирост при правильной финансовой политике без всякого ущерба в курсе рубля может стать достоянием казны для восполнения возможных пробелов в бюджете.

Этот доход от расширения денежного оборота можно рассматривать как вполне нормальные текущие поступления от налога на ежегодный прирост национального дохода, вызываемый подъемом производительных сил страны. И поскольку известная доля этого прироста, несомненно, должна быть использована на расширение масштаба социального обеспечения, здравоохранения, народного просвещения и тому подобные общегосударственные потребности, взимание такого налога столь безболезненным и дешевым способом, как вышеуказанный, нужно признать вполне рациональным и целесообразным.

При золотом обращении указанный метод извлечения доходов отпадает. Но, хуже того, отпадает, по-видимому, и самый источник дохода. Дело в том, что при золотом обращении расширение потребности рынка в орудиях обращения удовлетворяется не наиболее дешевым способом — за счет

---

[1] См. нашу статью в «Экономической жизни» от 30 апреля 1922 г.

[2] В довоенное время нормальный прирост потребности оборота в дензнаках, по данным 1910—1914 гг., составлял у нас 536 млн. руб. (2403—1867 млн. руб.), или 28,7% за пятилетие, что дает свыше 100 млн. руб., или около 5% в год («Ежегодник министерства финансов», 1916, стр. 118).

дополнительного выпуска бумажных знаков, а гораздо более дорогим — за счет текущей продукции золотопромышленности. С точки зрения рационального денежного хозяйства весь тот огромный и поистине каторжный труд, который затрачивается в золотых рудниках для целей денежного обращения, приходится признать непроизводительным. При бумажном обращении этот труд, направленный на другие цели, увеличивал бы темп реального обогащения общества. При золотом обращении он создает *фиктивные* ценности, его нельзя признать необходимым обществу. И лучше всего это подтверждается самим рынком. С момента, когда золотое обращение потеряло свое монопольное положение в Европе, мировые цены золота, обнаруживая по отношению к товарному индексу весьма резкие колебания, упали уже почти вдвое ниже довоенного уровня. Все сказанное нами о плюсах и минусах золотого обращения довольно элементарно и, по-видимому, общеизвестно. Но иной раз и общеизвестные факты не мешает напоминать тем, кто их упорно игнорирует. Если ученый аппарат нашего финансового ведомства обладает слишком большой идейной инерцией своей прежней работы у С. Ю. Витте и его ближайших преемников, то эту инерцию нужно преодолеть. Если у него имеются какие-нибудь новые, не использованные еще аргументы в пользу наибольшей пригодности именно золотого обращения для нашей трудовой республики, то эти аргументы следует предъявить, не делая из них секрета. Если у Наркомфина действительно есть *план* финансовой реформы, то желательно знать, в чем он состоит и когда именно он предполагает его осуществить. В этом деле не должно быть места ни для каких мистерий. Нельзя же в самом деле измученной финансовым кризисом стране попросту пассивно примириться с тем, что где-то там, в недрах ведомственных канцелярий, жрецы финансовой науки усердно твердят забракованные опытом и теорией зады о золотом обращении, «тайно образующе» неведомым темпом неведомые никому реформы.

Но есть ли еще у этих жрецов какой-либо план? Или весь он состоит лишь в том, что со временем, дескать, и без наших усилий все само собой «образуется»? Если, мол, нашей больной валюте, паче чаяния, суждено поправиться, то излишне хлопотать об этом, а если рок судил ей помереть, то она, конечно, помрет и без хирургического вмешательства, такова уж, значит, ее планида. Если в связи с этим и большинство наших трестов треснет, то тем хуже для них, а если некоторые из них все же выживут, то тем лучше для нас. При такой жизнеспособности они представят собой прекрасные объекты для обложения.

Конечно, такой финансовый подход для нас не нов. Жить на авось и небось, совсем без плана и твердить при этом всякие несуразные зады — это наш исконный национальный стиль. Это в русском духе. Мы не раз уже брали себе за образец совершенства старые чужие зады и, импортируя с Запада всякий устаревший идейный хлам и технический брак, строили на них свой самоновейший национальный прогресс. Но, спрашивается, соответствует ли этот старый русский дух, который «твердил зады и врал за двух», соответствует ли это безнадежное повторение пройденного и давно превзойденного новому, творческому духу русской революции?

Мы уверены, что не соответствует. Мы не для того ориентируемся в технике на электрификацию, чтобы в экономике бессильно цепляться за идеи, современные самым архаическим моделям паровой машины Уатта и Стефенсона.

Но что же в таком случае нам надлежит предпринять для оздоровления нашего денежного обращения? Наш ответ на это уже ясен из вышесказанного.

Мы можем и должны остаться при бумажноденежной валюте. Но ее необходимо стабилизировать. Имеются ли у нас, однако, достаточные для этого предпосылки? И в чем именно их надо усматривать?

Таких предпосылок две: 1) Эмиссия не должна ставить своей задачей покрытие дефицитов государственного бюджета. 2) Для обеспечения устойчивого курса бумажного рубля при всех колебаниях рыночной конъюнктуры необходимо располагать достаточным оборотным фондом *реальных* ценностей.

Особенно затруднительной для разрешения представляется первая задача. Из опубликованного в газетах проекта ориентировочной росписи на январь — сентябрь 1922 г. видно, что и за покрытием части дефицита в 78 млн. руб. из золотой наличности показанный в росписи итог дефицита достигает все же весьма значительной величины в 138 млн. руб. (довоенных). При более тщательном рассмотрении этого проекта может оказаться, что указанную цифру дефицита придется еще повысить миллионов на 300. Но, с другой стороны, нужно учесть, что 4,5 месяца, т. е. половину бюджетного периода, мы уже, плохо ли, хорошо ли, прожили, расходуя при этом реально не свыше 50% бюджетных назначений на эти месяцы. По проекту же росписи следовало израсходовать за это время около 580 млн. руб. Значит, в общем мы уже «сэкономили» из нашего дефицита — правда, ценою тяжелого финансового кризиса нашей промышленности — по меньшей мере 290 млн. И на остаток бюджетного периода реальный дефицит не должен превышать 150 млн. руб.

Это, пожалуй, не так уж много. Но и такой дефицит при нашей бедности покрыть без сильнейшего нажима на эмиссию — задача нелегкая. И все же ее необходимо попытаться разрешить.

Возлагать при этом надежды на ресурсы какого-нибудь американского или генуэзского дядюшки было бы не очень осторожно. Значит, нужно изворачиваться своими собственными средствами. Посмотрим, какие же для этого у нас есть возможности.

Возможно некоторое дальнейшее сокращение расходной части бюджета. Однако без очень значительного ущерба для нашего будущего многого на этом пути не достигнешь. И потому лучше стать на другой путь. У нас имеются еще кое-какие неиспользованные ресурсы в настоящем. А главное, мы должны учесть гораздо более значительные ресурсы нашего ближайшего будущего и посмотреть, нельзя ли и их, хотя бы частью, использовать уже в настоящем.

На государственных складах у нас до сих пор лежит без всякого назначения много тысяч пудов всякого добра — готовых изделий и материалов. Зачем они там лежат без пользы? На какую сумму у нас их имеется? Это, по-видимому, никому еще неизвестно. Но уже пора поинтересоваться этим[1]. Эти ценности нужно передать ВСНХ и Наркомвнешторгу для реализации в счет бюджетных назначений. У Наркомпрода тоже имеется неиспользованный государственный товарообменный фонд минимум на 17 млн. руб. (довоенных), который необходимо еще в текущем бюджетном году обратить на покрытие дефицита. Что же касается позаимствований у будущего, то осуществимость их уже признана нашими финансистами. И спор может идти лишь о возможном масштабе подобных операций.

В самом деле, что такое представляет собой принятый Совнаркомом и ВЦИК проект хлебного займа, как не самый настоящий заем у будущего путем предвосхищения еще до сбора предстоящего урожая поступлений продналога 1922/23 г.?

Этот проект, зачатый в Госплане еще осенью 1921 г.[2] и выношенный в недрах Наркомфина даже свыше тех девяти месяцев, которые считаются достаточными для сохранения в чистоте репутации новобрачной в самых

---

[1] По справке, представленной со складов в Госплан, это имущество стоит свыше 28 млн. руб., по ценам 1912 г.

[2] См. нашу статью о хлебном займе в «Экономической жизни» от 2 августа 1921 г.

лучших домах, не приходится, конечно, считать слишком скороспелым недоноском. И тем не менее у Наркомфина названный проект является, по-видимому, все же лишь плодом случайного увлечения чужими идеями и притом ценою грехопадения по отношению к основному его принципу — неизменно править руль на *золотое* обращение. Дело в том, что намеченный хлебный заем представляет собою не только заем у будущего, но и самую подлинную хлебную валюту, параллельную советскому бумажному рублю,— для настоящего.

Правда, Наркомфин может сказать здесь в свое оправдание, что грех тут пока небольшой. И в самом деле, что такое этот 10-миллионный заем по сравнению не только с нашим бюджетным дефицитом, но и с одними лишь насущными нуждами нашего обращения. Сущие пустяки, безделица! Мы, однако, не хотели бы напоминать по этому поводу об анекдотической девице, потерявшей целомудрие, но продолжавшей все же считать себя девицей на том основании, что плод ее греха был «совсем маленький». Нам, напротив, хотелось бы, чтобы этот плод был значительно больше. И мы надеемся, что он еще подрастет.

Хлебный заем представляет собой для нас пока громадный интерес не столько в качестве ресурса для покрытия бюджетного дефицита, сколько в качестве первого у нас опыта стабилизации бумажной валюты, не опирающейся на золотое обращение. Вполне ли удачно задуман опыт? Я думаю, что нет. Осенью, когда мы собирались получить хлеб по займу для голодающих в натуре, приходилось и заемные письма выражать в хлебных единицах. Но теперь, когда это вовсе не предполагается, можно было бы уже сделать один шаг вперед и связать новый заем не с одним лишь хлебом — товаром, недостаточно устойчивым в качестве мерила стоимости, а с целым стандартом товаров, положенных в основание исчисления товарного индекса.

Этому новому товарному рублю пришлось бы, разумеется, присвоить все те гарантии стабильности, какие даются ныне хлебным деньгам, т. е. свободное хождение на рынке в качестве бумаги на предъявителя и обеспеченный прием во все государственные платежи — по всем денежным и натуральным налогам и повинностям — *полным рублем* по товарному индексу.

Товарный индекс, т. е. показатель колебаний общего уровня товарных цен, выраженных хотя бы в нынешнем советском рубле, и соотношение цен на отдельные товары позволили бы определить для любого момента те цены, по которым товарный рубль подлежал бы приему в платежи по тем или другим натуральным налогам. Так, например, допустим, что нынешней весною, т. е. в момент выпуска товарного займа, пуд ржи стоит 1 р. 80 к. в условном товарном рубле, а один трудодень чернорабочего оценивается на рынке в одну шестую пуда ржи, или в 30 коп., к осени же, в связи с урожаем, рожь упадет по соотношению цен в товарном индексе до 1 р. 20 к., а один трудодень с одной шестой пуда поднимается в цене до полпуда ржи, или до 60 коп. Тогда, очевидно, осенью при предъявлении товарного займа в погашение труд- и продналогов товарным рублем придется платить за хлеб в полтора раза меньше, а за труд — в два раза больше, чем весной.

Таким образом, опираясь на столь реальные блага, как труд и хлеб,— во всяком случае не менее реальные, чем золото или серебро,— товарный рубль освобождается от влияния *случайных* колебаний в оценках этих благ на рынке и благодаря этому может стать при известных условиях несравненно более устойчивым, чем золото, можно сказать, идеальным по своей устойчивости мерилом стоимости.

2. УСЛОВИЯ УСТОЙЧИВОСТИ РУБЛЯ[1]

До войны мы имели достаточно устойчивый бумажный рубль. Но устойчивость его обеспечивалась разменным фондом, достигавшим к началу войны на 1665 млн. бумажных рублей в обращении 1518 млн. руб. золотой наличности в банке, не считая золота за границей (179 млн. руб.), а также серебра и меди (73 млн. руб.). Содержание в наличии про запас, в качестве мертвого капитала, такого громадного фонда было, конечно, совершенно ненужным для целей денежного обращения. Денежные знаки какого угодно типа — бумажками или в металле — всегда очень прочно привязаны к рынку ежедневной потребностью оборота. И потому извлечь их из оборота для превращения в сокровище рынок в нормальных условиях, а тем более в условиях расширяющегося оборота, никогда не мог бы не только в размере 100%, но даже 20—30%. Но точно предугадать масштаб возможных колебаний конъюнктуры денежного рынка нет возможности. И потому разменные фонды в странах золотого обращения по общему правилу всегда сильно превышали реальную в них потребность. Тем более, что золотые запасы — это уже кристаллизованный в металле, т. е. по существу дела уже мертвый, использованный труд. Его уже нельзя обратить на иное, более полезное дело. Если наличное в стране золото превышает потребность в нем денежного обращения, то, в чьи бы кладовые оно ни перемещалось, оно остается лишь мертвым сокровищем и больше ничем.

Иначе ставится вопрос о разменном фонде в декрете о хлебном займе. Разменным фондом для новой хлебной или товарной валюты должны служить налоговые обязательства населения, т. е. еще не овеществленный, живой труд этого населения. Для целей обращения этот фонд реализуется при этом лишь в тот момент и в той мере, в какой это строго необходимо, без всяких излишних затрат. Так, например, если при сужении оборота я найду для себя более выгодным сдать в казну вместо дня труда, или пуда хлеба, который я оценю для себя дороже, излишнюю бумажку товарного займа, то я не умножу этим ни у себя, ни у казны никаких мертвых запасов реальных ценностей. Общество не потеряет на этом ни одного лишнего часа труда.

Как же велик этот налоговый разменный фонд? По нашим подсчетам, сумма подлежащих взысканию в 1922/23 хозяйственном году натуральных налогов по федерации во всяком случае превышает 600 млн. руб. золотом. Такого фонда хватило бы, конечно, для обеспечения не только первого 10-миллионного займа у будущего бюджета, но и нескольких десятков последующих. Но если по своим размерам наш налоговый фонд более чем достаточен для стабилизации нашей валюты, то по распределению во времени налоговых сроков он далеко не вполне удовлетворяет своему назначению. Главная масса обязательств по натуральным налогам падает на осень, когда вследствие расширения оборота бумажная валюта не только не нуждается в предохранительном клапане для выпуска излишних паров, но, совсем напротив, требует новых подкреплений за счет расширения эмиссии. К весне же, когда получаются избытки денежных знаков, основной продналог уже взыскан натурой и не может быть замещен в уплате бумажной валютой.

Во избежание указанной сезонной неравномерности обложения можно было бы предоставить налогоплательщикам право погашать свои обязательства по натурналогам не только в срок, но и досрочно, в течение всего налогового года. Тогда и при налоговом «разменном» фонде регулирование денежного обращения происходило бы в значительной мере автоматически, превращаясь в саморегулирование. А именно: при падении курса бумажного рубля ниже известной нормы рынок автоматически выталкивал бы его избытки в налоговые каналы, при повышении же курса, наоборот, рынок тормозил бы сдачу налогов деньгами, предпочитая в этих усло-

[1] «Экономическая жизнь», 2 июня 1922 г.

виях уплату их более дешевой натурой. Но, располагая значительными *товарными* фондами продовольствия — от продналога и предметов широкого потребления до национализированной промышленности, Советское государство имеет в своем распоряжении и другой чрезвычайно мощный рычаг для стабилизации курса рубля путем сознательного регулирования самого товарного оборота.

До сих пор Наркомпрод и ВСНХ не ставили перед собой таких задач точно так же, как и Наркомфин. Да они и не под силу отдельным ведомствам. Лишь такой объединяющий в одном фокусе все плановые нити регулирующий орган, как Госплан, мог бы поставить перед собой во всем ее объеме подобную проблему.

В чем же основная суть этой проблемы?

Товарный оборот имеет весьма благоприятную для нас тенденцию к расширению, прерываемую, однако, довольно неприятными сезонными зигзагами вверх и вниз. Наша же задача, очевидно, в том, чтобы рост оборота шел плавнее, без скачков и зигзагов. Это важно не только для стабилизации рубля и смягчения финансовых кризисов, но и для предотвращения целого ряда иных кризисов, ставших у нас за последнюю пару лет вполне бытовым сезонным явлением. Спрашивается, должны ли мы и впредь ежегодно ожидать сложа руки неизбежного повторения всех этих кризисов, начиная с продовольственного, продолжая транспортным и топливным и кончая общим индустриальным вплоть до очередного сезонного «свертывания» промышленности за два-три месяца до нового урожая? Или этого повторения можно избежать при более планомерном использовании имеющихся ресурсов?

Мы думаем, что всевозможные сезонные перебои в нашем государственном хозяйстве вполне устранимы. Мы неоднократно «просчитывались» в учете наших ресурсов. Но беда не в этих просчетах. При наличии плановых резервов просчеты могут быть обезврежены. Ошибка была в самой постановке задач планового распределения ресурсов. Мы игнорировали рынок, как будто его уже вовсе нет, и планировали, имея в виду равномерное в течение всего года натуральное снабжение государственных потребителей. Следовало же при планировании учитывать именно неравномерное их снабжение деньгами и натурой, в зависимости от меняющейся конъюнктуры рынка. Однако, когда на рынке много хлеба, целесообразнее увеличивать денежную долю в заработной плате за счет натуральной, а к весне, наоборот, необходимо повышать степень ее натурализации с таким расчетом, чтобы добавочными выпусками в оборот государственных натурфондов покрыть сокращение рыночного оборота за счет других сезонных причин.

Еще яснее станут задачи и методы нашего маневрирования государственными фондами материальных ценностей, когда мы перейдем к исключительно денежной оплате труда. При падающем рубле это было бы, пожалуй, накладно для рабочих, но при устойчивой валюте это будет лучший исход и для рабочих и для производительности труда. Тогда все фонды Наркомпрода и ВСНХ будут просто поступать в продажу наравне со всеми иными. И тогда уже простой коммерческий расчет укажет, что, скажем, хлебные запасы Наркомпрода лучше всего реализовать в тех местах и в такое время года, где и когда они будут всего нужнее.

Современная снабженческая практика Наркомпрода, как известно, пока еще довольно далека от этого идеала. Во всяком случае в голодные месяцы и в наиболее голодных губерниях наряды Наркомпрода до сих пор выполнялись гораздо хуже, чем в более сытые месяцы и в лучше обеспеченных хлебом губерниях. Для иллюстрации сказанного мы приведем следующее сопоставление из нашей плановой практики последних лет (см. табл. 1).

Как видим, к февралю запасы деревни истощаются и питание крестьянства падает, если даже исключить специальное влияние нынешнего го-

Таблица 1

Хлебный рынок и практика Наркомпрода

Сравниваемые величины	Ноябрь		Февраль	
	1920 г.	1921 г.	1921 г.	1922 г.
1	2	3	4	5
1. Потребление хлеба в деревне				
а) в пудах зерна за месяц на душу	1,21	1,22	1,10	1,06
б) в % к ноябрьским данным	100	100	91	87
2. Потребность рынка в дензнаках				
а) в млн. довоенных рублей к концу месяца	84,0	81,8	50,0	49,8
б) в % к ноябрьским данным	100	100	60	61
3. Снабжение рынка дензнаками за месяц				
а) в % к наличию их в обороте на 1 число	15,4	51,5	14,6	63,1
б) в % к ноябрьским данным	100	100	95	123
4. Хлебное снабжение Наркомпрода РСФСР				
а) в млн. пудов за месяц	17,4	13,8	14,9	8,9
б) в % к ноябрьским данным	100	100	86	65

лода в Поволжье, процентов на 10 против ноябрьских норм. Снабжение города избытками сельскохозяйственной продукции должно при этом, конечно, падать еще быстрее. Тем не менее и Наркомпрод снижает свои нормы снабжения к февралю в среднем процентов на 25. В таких условиях усилия Наркомфина помочь делу повышенным напряжением эмиссии, разумеется, не дают никакого результата — бумажки не заменяют хлеба в товарном обороте,— и реальный масштаб этого оборота падает почти на 40%. А между тем абсолютные размеры современного товарного оборота очень невелики, и даже столь резкое процентное сокращение его, как вышеуказанное, нетрудно было бы уравновесить умеренной прибавкой назначений из государственных фондов снабжения.

В самом деле, вот один весьма поучительный пример из опыта последних месяцев. Всем известна энергия, с какой Наркомфин вел за последнее время борьбу с падением курса рубля путем всемерного сокращения эмиссии. С этой целью делался посильный нажим на все расходные статьи бюджета, не исключая и наиболее чувствительной из них — расхода на заработную плату. Тщетно Цефонд пытался хоть сколько-нибудь приблизить сниженные практикой Наркомфина нормы оплаты труда к тому десятирублевому уровню, какой был реально достигнут прошлой осенью и формально зафиксирован в росписи на январь — сентябрь 1922 г. Нижеследующая цифровая справка резюмирует итоги этих попыток.

Месяцы 1922г.	Денежный фонд заработной платы в млрд. советских рублей		Экономия по заработной плате		
			общая		на 1 рабочего, в довоенных копейках
	назначение Цефонда	дано НКФ	в млрд. советских рублей	в %	
Февраль	5 500	5 000	500	9,1	14
Март	13 600	10 500	3 100	22,8	46
Апрель	27 858	16 000	11 858	42,3	95
Май	23 900	18 000	5 900	24,7	37
Февраль — май	70 858	49 500	21 358	30,1	49

Как видим, Наркомфин делал все, что мог. И хотя при четырехрублевой норме месячного заработка — и деньгами и натурой,— до которой мы скатились за последние месяцы, недодаваемый полтинник составлял довольно чувствительную потерю для работников, зато Наркомфин сэкономил свыше 21 триллиона.

Спрашивается, как это отразилось на общем темпе возрастания эмиссии и цен? Довольно неожиданный ответ на это дает следующее сопоставление.

В брошюре «Главнейшие статистические сведения о наших финансах» (изд. НКФ, 1922 г., стр. 5—6) выпуск бумажных денег в обращение показан в сумме: за январь 1922 г.— 12 триллионов, за февраль — 18,8 триллиона, за март — 26,9 триллиона и за апрель — 45,9 триллиона руб. К сожалению, цифры эти не вполне сравнимы между собой, так как до марта в них включались все суммы дензнаков, фактически рассылаемые на места за данный месяц, а с марта — суммы, рассылаемые из центра на данный месяц, независимо от времени их фактической высылки. Внеся необходимую для сравнимости поправку, получаем, что за март фактически разослано 33,3 и за апрель — 63,8 триллиона.

Как видно, Наркомфину не удавалось на других фронтах столь же победоносно сокращать государственные потребности, как на фронте заработной платы. Во всяком случае отпуск денежных средств на заработную плату, предположенный с осени в размере до 50% эмиссии, уже в марте составил лишь 34,5%, а в апреле — только 25,3% общего итога эмиссии. И в результате количество денежных знаков, выпущенных в обращение, возрастало следующим образом: за февраль — на 63,6%, за март — 68,5 и за апрель — на 78,5%. Что же касается рыночных цен, то их возрастание, наоборот, обнаруживает за последние месяцы заметное замедление в темпе. А именно по бюджетному индексу статистики труда мы имеем прирост цен по Центральной России: за март — на 118%, за апрель — на 77 и за половину мая — на 18%, что за весь май обещает дать не свыше 40—50%.

Всякая попытка связать это замедление в росте цен с эмиссионной политикой Наркомфина неизбежно привела бы нас к весьма рискованному выводу, что, судя по опыту последних месяцев, лучшим методом стабилизации цен и курса рубля является дальнейшее ускорение темпа эмиссии. Несколько правдоподобнее, однако, будет другое допущение. Замедление в росте цен вовсе не связано с деятельностью Наркомфина. И если уж вменять его кому-либо в заслугу персонально, то скорее всего А. Б. Халатову из Наркомпрода, а не наркому Сокольникову или еще кому-либо из наших финансовых деятелей. Дело в том, что масштаб государственного хлебоснабжения, сниженный по транспортным условиям к марту до 50% плана, в апреле по обязательству, принятому на себя в Цефонде Халатовым, повышен до 65 и в мае до 80% плана. Это обязательство выполняется с лихвой, и, конечно, такое улучшение в снабжении не могло не отразиться на рыночных ценах хлеба. А если сюда прибавить еще влияние на рынок расширяющегося ввоза товаров из-за границы и некоторое оживление товарооборота в деревне в связи с семенной кампанией и видами на урожай 1922 г., то причины замедления в росте цен, *несмотря* на возрастающий поток эмиссии, будут в достаточной степени уяснены.

Обратимся, однако, от этих частных иллюстраций к более общему вопросу. Теоретически довольно ясно, что базировать финансовую реформу на обеспечении валюты налоговыми обязательствами при умелом использовании имеющихся материальных фондов для урегулирования товарного оборота, вообще говоря, вполне возможно. Но какого же эффекта можно достигнуть на этом пути уже в ближайшее время? Имеются ли у

нас реальные шансы уже теперь покрыть внутренними займами у будущего, подобными «хлебному», наш бюджетный дефицит и тем самым решительно вступить на путь оздоровления нашей валюты?

Для покрытия дефицитов текущего бюджетного года потребуется в течение ближайших четырех месяцев, вероятно, от 100 до 200 млн. руб. Занять из ресурсов будущего года такую сумму можно бы попытаться. Но поглотит ли наш суженный оборот столь крупную сумму бумажных ценностей без резкого понижения их номинально «твердого» курса? И что станется при этом с нашей валютой? Не приведет ли ее эта параллельная привилегированная валюта «займов» к окончательной катастрофе, вытеснив совсем из оборота?

Такие опасения, конечно, вполне законны. Нам известно, что даже такой остроумный во многих отношениях человек, как Ю. Ларин, возымев в свое время идею, что в проекте хлебного займа, несомненно, кроется злостный подкоп «спецов» под советскую валюту, усердно пропагандировал, где мог, эту злосчастную идею, и, по-видимому, не без успеха. Недаром же мы потеряли бесплодно почти целый год без единой попытки двинуться вперед в области финансовых реформ, все глубже и глубже погружаясь в тот финансовый кризис, который парализует ныне наше государственное хозяйство. И тем не менее вышеуказанные опасения, на наш взгляд, не имеют достаточных оснований.

Прежде всего скажем пару слов о емкости нашего оборота для размещения займов. Но здесь необходима одна предварительная оговорка.

Золотой рубль проявлял в своем нераздельном единстве три различные ипостаси, выступая, во-первых, в качестве мерила стоимости, во-вторых, в роли средства сбережения и накопления и, в-третьих, в виде орудия обращения. Ныне же всем этим функциям рубля суждено, по-видимому, на время обособиться и вести совершенно раздельное существование. Советский рубль вследствие своей неустойчивости может пока служить лишь целям обращения. Более устойчивая валюта хлебного займа годилась бы уже и для обращения и для сбережений. Но, по закону Грэшема, худшая монета всегда вытесняет из обращения лучшую. А потому монопольное господство советского рубля в обращении гарантировано. В качестве же твердого мерила стоимости, столь необходимого нам для восстановления хозяйственного учета и для осуществимости надежных сделок на срок, не могут, к сожалению, служить ни советский рубль, ни хлебная валюта. И, очевидно, наряду с ними еще долго будет пользоваться правом гражданства и некая *третья* счетная единица. Будет ли это «довоенный», «реальный» или иного наименования товарный рубль, связанный с индексом цен и найдет ли он себе законное признание или войдет в оборот независимо от всяких легальных титулов — это уже другой вопрос, выходящий за пределы нашей темы.

Из указанного разграничения функций видно, что масштаб емкости нашего рынка для размещения валюты «займов» определяется размерами его потребности в средствах сбережения и накопления. Как же велика эта потребность? До войны и революции она измерялась у нас миллиардами, превышая вчетверо потребность в орудиях обращения. Так, например, общая сумма видимых сбережений в форме наличия процентных бумаг, вкладов и текущих счетов по балансам наших кредитных учреждений составляла к началу 1905 г. 5,31, а к 1910 г.— 7,35 млрд. руб., что дает ежегодный прирост в 400 млн. руб., или на круг процентов 6—7 в год. В народном же обращении к 1910 г. находилось только 1,8 млрд. руб. бумажками и в металле, т. е. едва 25% видимых сбережений.

В настоящее время потребность рынка в орудиях обращения, как мы уже указывали, упала до 50 млн. руб. Но, исходя даже из этой цифры,

потребность в средствах сбережения и накопления пришлось бы оценить на основании довоенных соотношений учетверенной цифрой, т. е. миллионов в 200. Но не следует забывать, что с переходом к нэпу наша возрождающаяся торговая буржуазия вступила в полосу того так называемого первоначального накопления, которое совершается гораздо более быстрым темпом, чем нормальное, и требует для своей реализации значительно больше средств. Одна лишь все возрастающая потребность в оборотных средствах должна поглотить значительно больше 200 млн. руб. Достаточно сказать, что только для одной государственной промышленности, по самым минимальным исчислениям ВСНХ, необходимо сейчас додать оборотных средств в денежной форме до 150 млн. руб. А сколько их еще поглотят торговля и частная промышленность?

Сейчас из опасений обесценения все оборотные средства приходится сберегать и накоплять в наименее удобной для свободного маневрирования, товарной, форме. С появлением на рынке гарантированной валюты займов она, несомненно, легко вытеснит товары из несвойственного им состояния валютных резервов и втолкнет их в более подходящее для них русло товарного оборота. Но тем самым валюта займов, поскольку размеры их не превысят соответствующей потребности, окажется вся целиком прочно завязанной в своей роли оборотных резервов. Массового предъявления этой валюты в уплату натуральных налогов поэтому ожидать не приходится. Вместе с тем, выталкивая товары из их неподвижного состояния резервов на рынок, твердая валюта займов не только не сократит его потребности в орудиях обращения, но даже расширит эту потребность. И, стало быть, советскому бумажному рублю с этой стороны как будто не угрожает никакая опасность.

Но мало того. Если опыт первого выпуска хлебного займа подтвердит наши предположения о значительной емкости русского рынка для размещения такого рода ценностей и если путем дальнейших кредитных операций нам более или менее успешно удастся покрыть наш бюджетный дефицит, то тем самым и советский рубль впервые станет на путь решительного оздоровления. Нам вовсе не придется тогда слишком спешить с его ликвидацией. Не к спеху были бы тогда даже разговоры об очередной его деноминации или девальвации на другую, более твердую валюту. Ориентируясь в процессе планирования на неизбежный подъем наших производительных сил, мы после первой же удачи сможем твердо рассчитывать не только на стабилизацию советского рубля независимо от каких бы то ни было золотых покрытий, но и на извлечение при этом довольно значительных доходов за счет расширения оборота.

Разумеется, это не так легко осуществить. Весьма возможно, что для удачного разрешения поставленной задачи, помимо благоприятных объективных предпосылок, потребуется и значительно больше активности и инициативы и других субъективных качеств у наших финансистов, чем те, каких им было бы вполне достаточно в доброе старое время при изобилии в подвалах Госбанка золотой наличности. С тех пор мы несколько обеднели. Но во всяком случае хотелось бы верить, что наш Наркомфин окажется значительно богаче гибкостью ума, чем запасами косного металла, и справится со своей задачей.

Худо или хорошо, но первый шаг им уже сделан. И теперь не надо лишь останавливаться на полдороге. Если мы не проявим надлежащего темпа в работе, если каждую новую идею мы станем вынашивать свыше девяти месяцев, то едва ли поспеем за современным темпом жизни. Уже Петр Первый знал, что «промедление смерти подобно». Тем более уместно помнить об этом в наше время. Вот почему мы не рекомендуем нашим финансовым деятелям проверять на собственном опыте старую истину, известную всем стратегам и шахматистам:

— Потерять темп — значит проиграть игру...

3. ОТКЛИК НАРКОМФИНА [1]

Поставив вопрос о финансовой реформе во всем его объеме, мы не сомневались, что ученый аппарат Наркомфина окажется вынужденным откликнуться на эту тему и выявить, наконец, что же он, собственно, собирается предложить стране в качестве своего перспективного плана финансовой реформы. Имеется ли у него такой сколько-нибудь продуманный и разработанный план или нет? Если есть, то почему он доныне столь тщательно сохраняется в секрете. А если нет, то в силу каких резонов наши финансисты предпочитают пока что работать без плана? Оставить такие вопросы, предъявленные, что называется, в упор, без всякого ответа довольно трудно. И Наркомфин откликнулся.

Ответная статья за подписью Г. Сокольникова появилась в «Правде» 9 июня 1922 г. под очень многообещающим заголовком: «Устойчивый рубль и неустойчивый Струмилин». Несомненно, это звучит гораздо заманчивее, чем, например, «устойчивый Сокольников и неустойчивый рубль» или какая-либо иная комбинация того же рода. К сожалению, заманчивый заголовок отнюдь не оправдывается содержанием статьи. Никаких видов на стабилизацию нашего рубля автор не выявил. Что же касается особы Струмилина, то ей уделяется автором гораздо больше внимания. Но эта тема не представляет общего интереса. Обратимся к существу нашего спора.

Имеется ли у Наркомфина план финансовой реформы?

По этому важнейшему вопросу в отклике Наркомфина нет прямого ответа. Но имеется ссылка на известную резолюцию XI съезда РКП(б) по вопросам финансовой политики. Может ли, однако, эта резолюция заменить собой конкретный план реформы? Конечно, нет.

Основная директива этой резолюции гласит, что наша «экономическая и финансовая политика решительно ориентируется на восстановление *золотого* обеспечения денег». Директива эта, разумеется, ко многому обязывает. Но не следует упускать из виду, что сопровождается она довольно существенными оговорками. Золотое обеспечение, гласит далее резолюция, необходимо нам постольку, «*поскольку* золото твердо остается мировыми деньгами и *поскольку* это значение золота на мировом рынке находит свое неизбежное выражение и в отношениях на внутреннем рынке» [2] России. Итак, директива съезда сформулирована очень осторожно, в *условной* форме. И, стало быть, поскольку золото после войны перестало быть *мировыми* деньгами и неизвестно, станет ли еще когда-нибудь ими снова, никакой необходимости в *золотом* обеспечении денег у нас, может быть, и вовсе никогда не представится.

Возможно, что Наркомфин и не согласится с данным заключением. Но какова его собственная точка зрения по этому вопросу, сказать трудно.

К сожалению, выявить и обосновать *свою* положительную программу с достаточной полнотой и ясностью Наркомфину до сих пор не удавалось. Но, может быть, яснее его отрицательная позиция по отношению к выдвинутой нами программе?

Неискушенный читатель, в особенности если он прочел только одну статью Сокольникова, без всяких колебаний скажет: да, в этом отношении все ясно. Программа Струмилина, как явно никуда негодная, отвергается Наркомфином вся целиком. Однако обратимся к отдельным ее пунктам.

Струмилин утверждал, что из-за отсутствия золота, независимо от многих других причин, думать о возврате к золотому обращению в России не приходится. Сокольников подтверждает это. «Все знают,— говорит он,—

---

[1] С. Струмилин. К финансовой «реформе». «Экономическая жизнь». 18 июня 1922 г.

[2] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, изд. 7. Госполитиздат, 1954, стр. 614. Курсив наш. — *С. С.*

что золота у нас настолько мало, что перейти к золотому обращению или бумажному со свободным разменом мы не можем...» Очень хорошо: все знают. Здесь, стало быть, спора нет. Но ведь до сих пор Сокольников, нисколько не ставя задачи *немедленного* возвращения к золотому обращению», совершенно определенно намечал путь *медленного* к нему возвращения. Имеем ли мы, однако, возможность *медлить* в области финансовых реформ? Очевидно, нет. Оспаривает ли это Сокольников? Нет, не оспаривает.

Исходя из этой невозможности медлить, Струмилин указывает гораздо более краткий и прямой путь к стабилизации рубля в наших условиях — путь австрийской системы, не требующей размена бумажек на золото. «Система для нас поучительная»,— соглашается Сокольников. Но почему, вопрошает он, Струмилин «умалчивает», что для проведения ее в жизнь тоже требуется «золотой фонд», если не для размена, то для изъятия с рынка путем покупки излишка бумажек? Потому, ответим мы на это, что для этой цели может служить не только золотой, но и всякий иной товарный фонд. Вот для *размена* бумажных дензнаков, писанных в золоте, годится только золото. А для изъятия каких угодно ценных бумаг с рынка путем покупки или обмена может служить с одинаковым успехом и золото, и серебро, и хлеб, и лен, и любой иной товар. Этого еще не усвоил наш суровый критик, но будем нацеяться, что когда-нибудь усвоит.

«Мы можем и должны остаться при бумажно-денежной валюте. Но ее необходимо стабилизировать»,— резюмирует свое предложение Струмилин. «Святые истины!» — восклицает Сокольников, усвоивший уже мысль о невозможности перехода к золотому обращению в сколько-нибудь обозримый для нас период времени. Но, поучает нас Сокольников, не следует из нужды делать добродетель, «мы *должны* остаться при бумажно-денежной валюте потому, что *не можем* перейти к лучшей». Однако, спросим мы, почему же *устойчивая* бумажная валюта хуже золотой? Увы, ответа на столь простой и естественный вопрос у Сокольникова нет. Почему же это? Некоторым кажется, что пуд свинца гораздо тяжелее пуда пуха. Подобно этому, и устойчивый бумажный рубль, совершенно равноценный по своему значению в обороте золотому рублю, может показаться все же хуже золотого. Но Сокольников, надеюсь, свободен от столь наивного золотого фетишизма. И ему придется доказывать преимущества золотой валюты какими-нибудь иными, более разумными доводами.

Мы в своих статьях уже достаточно останавливались на плюсах и минусах золотой валюты по сравнению со стабилизованной бумажной и теперь ограничимся лишь следующим замечанием. Устойчивая бумажная валюта имеет для нас уже то несомненное преимущество, что она обойдется нам значительно дешевле золотой и потому может быть осуществлена в более короткий срок. А золотой рубль заслуживал бы предпочтения перед бумажным лишь при наличии гарантии большей его устойчивости. Но такой гарантии в объективных условиях производства и обращения золота не имеется. И практичные американцы, которых Сокольников так не удачно взял под свою защиту в качестве апологетов золотого обращения, прекрасно это чувствуют и давно уже намечают к нему существенные поправки. И важнейшая из них, предложенная Ирвингом Фишером, как раз и мотивируется недостаточной устойчивостью доллара в качестве мерила стоимости, вследствие чего проектируется заменить его в этой роли условным долларом, опирающимся на индекс цен целой совокупности товаров.

В качестве необходимых предпосылок стабилизации мы выдвигаем две: 1) эмиссия не должна ставить своей задачей покрытие бюджетного дефицита, для чего рациональнее использовать форму внутренних займов; 2) для обеспечения устойчивости курса рубля необходим достаточный оборотный фонд реальных ценностей. Сокольников принимает только пер-

вую предпосылку. Вторая, по его мнению, всецело покрывается первой, ибо, дескать, и «реальные ценности» государства «должны рассматриваться как его *бюджетные* ресурсы» для покрытия дефицита. Этим весьма тонким критическим замечанием, по мысли Сокольникова, вскрывается одна из «обычных» логических ошибок Струмилина, заблудившегося в азбучных истинах, безнадежнее пошехонца. Но так ли это? Правильно ли усвоил нашу мысль Сокольников?

Мы утверждаем, что, во-первых, необходимо покрыть дефицит текущего года, для чего, положим, нужно изыскать средства на сумму 150 млн. руб., и, во-вторых, нужно *сверх* того создать дополнительно специальный оборотный фонд для регулирования курса рубля, скажем, в сумме 50 млн. руб. Хотя в обоих случаях дело идет о совершенно одинаковых реальных ценностях, но все же 150 млн. *не* покрывают потребности в 200 млн. Это ли не азбучная истина?

Если бы мы, танцуя по-наркомфиновски, от золотой печки, свой оборотный фонд реальных ценностей назвали «золотым» фондом обеспечения, то Сокольников, вероятно, сразу бы нас понял. Всем ведь известно, что золотой разменный фонд царского Госбанка никогда не рассматривался в качестве бюджетного ресурса для покрытия дефицитов, для чего служила лишь так называемая «свободная наличность» казначейства. Да и сам Сокольников, предлагая съезду партии ориентировку на восстановление золотого обеспечения денег и сводя ее для данного момента к политике «сохранения *неприкосновенного* золотого фонда», очевидно, отдавал себе отчет в том, что не всякие государственные ценности являются бюджетным ресурсом данного года. Как же это случилось, что наш талантливый критик пошел походом против азбучных истин, заблудившись не в трех соснах, а всего в двух элементарнейших предпосылках? Не отражается ли в этом своеобразный золотой фетишизм Наркомфина?

Теперь несколько слов о *займах* под обеспечение натурналогами. Мы их рассматриваем не только в качестве источника покрытия дефицита текущего года за счет ресурсов более благополучной бюджетной росписи будущего года, но и в качестве первого после революции образчика твердой валюты на нашем рынке бумажных ценностей. Оценивая громадную потребность рынка в такой валюте для целей сбережения и накопления, мы утверждаем, что если Наркомфин не переборщит в выпуске займов, то они почти целиком будут поглощены этой потребностью и, оставаясь прочно завязанными в обороте, не будут предъявлены к уплате в зачет натурналогов. Сокольников предлагает «только посмеяться над уверениями Струмилина, что валюта займов завязнет в обороте». Но затем, всего через несколько строк, своими словами в точности повторяет уже от себя ту же самую, только что осмеянную им идею.

«Валюта займов,— пишет Сокольников,— в том случае не поступила бы в оборот (читай: в уплату натурналогов.— *С. С.*), если бы в них отлагались накапливаемые ценности». Совершенно верно, именно этот случай мы и предвидим. Но, может быть, он слишком невероятен? Нет, этого не утверждает наш смешливый критик. Займы, по его словам, конечно, «возможны» и «необходимы» и притом именно «в пределах реально возможного накопления». Так почему же вам весело, уважаемый товарищ? Не потому ли, что вам попутно удалось приписать Струмилину, будто он предлагает путем займов «антиципировать *все* налоговые поступления?» Но ведь он не предлагал этого? Наоборот, оценивая ожидаемые за год поступления по натурналогам в 600 млн. руб. золотом, он считал возможным, исходя из потребностей бюджета и емкости оборота, «попытаться» занять у будущего всего от 100 до 200 млн. руб. Это напечатано черным по белому. Так осторожно ли со стороны нашего остроумного критика смешить свою аудиторию столь оригинальным способом: смешить, обнаруживая перед ней, насколько он плохо прочел и усвоил критикуемое?

Еще одно мелкое разногласие. Мы отметили, что при свободе выбора в уплате налогов натурой или свидетельствами займов известная устойчивость курса валюты этих займов гарантируется автоматически уже тем, что при повышении курса население предпочтет платить налоги более дешевой натурой, а при понижении — более дешевыми бумажками, выталкивая таким образом их излишек из каналов обращения. «Замечательная система!» — иронизирует по этому поводу Сокольников. «В обоих случаях государство (читай: казначейство.— *С. С.*) остается в накладе, а «рынок» (читай: крестьянское население, обложенное натурналогами) — с прибылью». Пусть так. Но разве устойчивость бумажного рубля, обеспеченного разменом на золото, достигалась иначе? Разве там не представлялось рынку — всегда к своей выгоде — извлекать из Госбанка полноценное золото взамен дешевеющих бумажек и сдавать его обратно, когда, наоборот, дешевело золото? А между тем это та самая система, на которую ориентируется Сокольников.

Но особенно характерно это отождествление интересов «государства» с фискальными интересами государственного казначейства, какое здесь выявляется Сокольниковым. Оно, конечно, понятно, что в Наркомфине трудно усвоить себе иную, более широкую точку зрения на интересы государства. Но все же это совершенно необходимо. Даже Наркомфину не вредно понимать, что такие «системы», которые приносят пользу всему населению, например облегчая податную тяготу обложения, создавая устойчивость валюты и т. д., могут нередко оказаться весьма выгодными для всего государства в целом, несмотря даже на некоторый ущерб для фиска. Тем более, что при падающей валюте интересы фиска в условиях перехода к денежным формам налогов еще менее обеспечены.

В заключение устраним одно недоразумение. Сокольников совершенно напрасно приписывает нам авторские права на то, что нам не принадлежит. Например, проект «хлебного» займа, одобренный в прошлом году одной из секций Госплана, отнюдь не является «проектом Струмилина», хотя последний написал об этом в свое время «статью», которую, по свидетельству Сокольникова, «все позабыли», а многие, добавим от себя, и вовсе не читали. Проект этот в своем первоначальном виде принадлежит перу некоего Вайсбейна. Поступил он в Госплан из ЦК Помгола и в той редакции, какую мы опубликовали, является уже плодом коллективной работы Госплана. Отнюдь не претендуем мы также на навязываемую нам роль «изобретателя» пропагандируемых нами методов стабилизации в духе идей И. Фишера и австрийской практики. Претендовать на открытие давно открытых Америк не в нашем вкусе.

Но, если, например, Сокольникову угодно настаивать на том, что идея «хлебного займа» Наркомфина совершенно оригинальна, несмотря на то что соответствующий проект Госплана был опубликован месяцев на девять раньше, то мы отнюдь не станем оспаривать оригинальных авторских прав Наркомфина на эту идею. Правда, оба проекта дьявольски похожи друг на друга в их основной идее. Это скажет всякий беспристрастный исследователь, если ознакомится по первоисточникам с обоими проектами. Но мало ли какие бывают случайные совпадения. Вот, например, у того же Сокольникова в его брошюре «Задачи финансовой политики», на стр. 44, приведена таблица индексов, составленная «по данным Института экономических исследований при НКФ», которые вопреки всякой теории вероятностей цифра в цифру совпадают с общеизвестными индексами Конъюнктурного института при Сельскохозяйственной академии [1]. Но и здесь вопреки даже всякой очевидности мы охотно поверим Сокольникову, что его наркомфиновские индексы столь же оригинальны, как и его финансовые идеи.

---

[1] Ср. «Экономический бюллетень Конъюнктурного института при Петровской сельскохозяйственной академии», № 1, стр. 3—4.

Ничуть не сомневаемся, что, следуя избранному им пути, Наркомфин, и помимо «хлебного» займа, откроет еще не одну Америку и в конце концов изобретет даже порох, идею которого, как известно, несколько преждевременно предвосхитил у него некий средневековый «алхимик» Бертольд Шварц. Но это уже область грядущих перспектив.

Возвращаясь к текущей злобе дня в области финансовых реформ и подводя итоги нашему спору с Наркомфином, придется сказать следующее. Отклик Наркомфина на выдвинутую нами тему, несомненно, принадлежит одному из самых блестящих его представителей. Тем не менее, несмотря на весь его талант, основные плановые идеи Наркомфина остались невыясненными. Преимуществ золотого обращения перед всякими иными системами нам не показано. Вообще определенной программы и плана денежной реформы не выявлено. Но если Наркомфину и впрямь нечего предъявить в этом отношении, то так и запишем. На нет суда нет. При этих условиях, конечно, и самая прекрасная девушка Наркомфина, сколько бы она ни злоупотребляла крепкими словами, не сможет дать больше того, что имеет.

Работники Госплана никогда не имели в виду вести «войну против Наркомфина», как это думает Сокольников. Наоборот, мы всегда стремились ему помочь по мере сил во всех его затруднениях. Выступление против золотого фетишизма, усвоенного кое-кем из наших финансистов, отнюдь не может повредить Наркомфину, ибо отказ от этого предрассудка лишь усилит позиции нашего финансового ведомства не только внутри страны, но и за ее пределами — на гаагском фронте. Но если это еще не всеми усвоено, то мы подождем лучших времен. На крепкие слова и смешки вместо аргументов мы не собираемся впредь реагировать.

Само время покажет, что хорошо смеется только тот, кто смеется последним.

4. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЭМИССИИ В КАЧЕСТВЕ БЮДЖЕТНОГО РЕСУРСА[1]

В донэповский период революции эмиссия была главнейшим, а в первое время даже единственным китом, худо или хорошо поддерживающим наш революционный бюджет. И тогда было бы чистейшим академизмом 96-й пробы педантически анализировать и расценивать весьма относительные достоинства и несомненные недостатки этой единственной нашей опоры в области финансов. Правда, в области натуральной части бюджета мы располагали еще ресурсами продразверстки и фондами Комиссии Использования. Но напряжение их, увы, имело свой естественный и притом весьма ограниченный предел, его же не прейдеши. А за этим пределом оставался лишь печатный станок, производительности которого мы не хотели и не могли ставить никаких заранее установленных пределов.

С 1921 г. дело резко меняется. Мы переходим к принципу платности за все услуги государства. Железные дороги, почта, телеграф начинают получать доходы. Возрождается постепенно нормальный налоговый аппарат. Доходы и налоги в денежной форме постепенно занимают все более заметное место в бюджете. И с этого момента вопрос о сравнительной эффективности различных источников дохода и эмиссии в качестве бюджетных ресурсов перестает быть академическим. Собирать доходы в падающей валюте становится все менее выгодным. Поднимается вопрос о стабилизации валюты, которая требует крайне осторожного обращения с эмиссией. Наркомфин с начала 1922 г. развивает бешеную кампанию за сокращение эмиссии. И тем не менее печатный станок работает с чрезвычайной нагрузкой.

---

[1] «Экономическая жизнь», 22 марта 1923 г.

Во всяком случае доход казны от эмиссии за 1922 г. по бюджетному индексу Госплана оценивается нами в 267 млн. товарных рублей, в то время как за 1921 г. эмиссия дала Наркомфину только 128 млн. руб., т. е. вдвое меньше.

Этот очень поучительный факт заслуживает всяческого внимания. Он доказывает, что при создавшихся условиях ретивого конька эмиссии, закусившего удила, не так-то легко обуздать даже при самых лучших в этом отношении намерениях берейторов нашего финансового ведомства. Секрет заключается в том, что потребности нашего государственного хозяйства по сравнению с тем прокрустовым ложем бюджета, в который его приходится укладывать, так велики, что оно не может добровольно пожертвовать даже самым плохоньким ресурсом для покрытия своих дефицитов. И можно сказать заранее, что до тех пор, пока эмиссия будет давать хоть какой-нибудь положительный эффект в указанном отношении, нажим на Наркомфин со всех сторон к усилению эмиссии окажется практически почти непреодолимым.

Спрашивается, однако, как велика жизнеспособность эмиссии именно с этой точки зрения оценки ее *эффективности* в качестве бюджетного ресурса?

На первый взгляд такая постановка вопроса может показаться мало плодотворной. Оборот ценностей в стране расширяется, а при таких условиях эффект эмиссии может, казалось бы, лишь возрастать, а не падать. Таким образом, с этой стороны жизнеспособности эмиссии как будто ничто не угрожает. Однако это не так. И ошибка заключается в том, что доныне в оценке результативности эмиссии мы учитывали лишь ее непосредственный эффект, не оценивая связанных с нею потерь в налоговых поступлениях и денежных доходах государственных предприятий.

Деятели Наркомфина неоднократно уже обращали на это внимание. Но никаких конкретных подсчетов по этому поводу не давали. И это неудивительно. Проблема полного учета эффективности эмиссии чрезвычайно сложна и методологически мало разработана. Работы, ведущиеся по этому вопросу, в Госплане еще не закончены. Но один из произведенных нами вариантов расчета уже достаточно показателен для оценки вероятных судеб нашей эмиссии.

Сопоставляя данные о поступлениях общегосударственных и местных налогов и прочих доходов, учитываемых Наркомфином, с доходом его от эмиссии, мы подсчитываем их значение за каждый месяц по бюджетному индексу Госплана на *конец* месяца. В отношении оценки эмиссии это уже общепринятый метод. Но и в отношении налогов и доходов, на наш взгляд, индекс на конец месяца дает более правильный и сравнимый результат, чем средний индекс за весь месяц или на 15-е число отчетного месяца. Дело в том, что хотя плательщик налога оценивает свои потери от налогов по моменту их платежа, что соответствует среднему индексу за месяц, но государство реализует свои поступления от налогов и прочих доходов всегда с известным запозданием.

При устойчивом рубле это не создавало бы никаких потерь, но при падающей валюте обесценение собранных дензнаков до момента их выпуска из касс составляет, несомненно, весьма изрядный процент — в среднем за весь 1922 г. не менее 22%. Но во избежание спора отнесем всю эту потерю в счет налогоплательщика и допустим, что казна на этом деле ничего не теряет. Однако индекс на конец месяца, по которому мы исчисляем реальное значение наших доходов, был бы при отсутствии эмиссии значительно меньше, чем тот, который получается в результате эмиссии. Стало быть, реальное значение наших доходов было бы больше на соответствующую сумму. На какую же? Если денежную массу в обращении к началу месяца обозначить через x, а к концу — через $x + dx$, то прирост цен за месяц составит $\frac{dx}{x}$, а реальное значение потерь в величине со-

бранных за месяц доходов и налогов A выразится вследствие этого вздорожания суммой $A\frac{dx}{x}$. Эти потери уже нельзя не учитывать при оценке реального дохода от эмиссии.

Но мы делаем еще одну поправку. Если верно, что эмиссия обесценивает налоги и доходы, то извлечение последних, наоборот, повышает реальный доход от эмиссии. Это происходит прежде всего потому, что известная доля извлекаемых доходов и налогов застревает в государственных кассах, уменьшая сумму дензнаков в обращении. Но это небольшая доля, и ее можно, пожалуй, игнорировать. Гораздо большее значение, однако, имеет другое соображение. Если бы в наши кассы не поступали налоги и доходы, то при данном бюджете эмиссию пришлось бы увеличить на всю сумму доходных поступлений. Цены росли бы еще быстрее, и значение каждого рубля выпущенной эмиссии было бы меньше. Стало быть, в валовом доходе от эмиссии заключается известная доля, которую надо рассматривать как усвоенный эффект от взимания налогов и доходов, сняв ее со счета эмиссии.

Внеся соответствующие поправки, получим табличку (см. табл. 2).

Таблица 2

Доход казны от эмиссии дензнаков, общегосударственных и местных налогов и доходов от имуществ и предприятий 1922 г.

(в млн. товарных рублей по бюджетному индексу к концу месяца)

Месяцы	Реальное значение			
	налогов и доходов		эмиссии	
	при наличии эмиссии	при отсутствии эмиссии	при наличии доходов и налогов	при отсутствии их
1	2	3	4	5
Январь	2,2	3,8	23,0	22,5
Февраль	2,5	4,1	15,8	14,9
Март	2,7	4,5	13,0	12,0
Апрель	3,2	5,0	11,2	10,1
Май	6,9	11,5	16,9	14,5
Июнь	10,4	15,4	18,6	15,5
Июль	16,6	24,6	27,6	23,1
Август	20,4	29,9	37,0	31,4
Сентябрь	26,4	34,7	29,6	24,4
Октябрь	20,1	26,8	26,3	22,1
Ноябрь	24,7	32,1	21,6	17,7
Декабрь	31,1	42,1	26,1	20,0
Всего	167,2	234,5	266,7	228,2

Как видим, поправки получаются достаточно существенные. Значение эмиссии они понижают на 38,5 млн. руб. за год, а ущерб от эмиссии в доходах определяют в 67,3 млн. руб. Этот ущерб надлежит исключить из дохода от эмиссии, а косвенный эффект налоговых изъятий в сумме 38,5 млн. руб. прибавить к итогу прямых от них поступлений. И тогда получим такую картину (см. табл. 3).

Внесенные поправки далеко еще не исчерпывают вопроса. К ним необходимо было бы прибавить те потери, какие из-за падающей валюты несет вся государственная промышленность, доходы которой Наркомфин не учитывает, и многие другие. Но и в том виде, как выше исчислено, результаты сопоставления получаются поучительные. Как видим, ущерб от эмиссии ежемесячно возрастает, а чистый доход падает, тогда как доход от налогов и прочих поступлений и в абсолютных и в относительных цифрах растет.

Таблица 3

Доходы казны и чистые потери в результате эмиссии за 1922 г.
(в млн. руб. по бюджетному индексу к концу месяца)

Месяцы	Общие потери от эмиссии	Чистый доход				
		в млн. руб.			в % всего дохода	
		от эмиссии	от доходов и налогов	весь	от эмиссии	от доходов и налогов
1	2	3	4	5	6	7
Январь	1,6	20,9	4,3	25,2	82,9	17,1
Февраль	1,6	13,3	5,0	18,3	72,7	27,3
Март	1,8	10,2	5,5	15,7	65,0	35,0
Апрель	1,8	8,3	6,1	14,4	57,6	42,4
Май	4,6	9,9	13,9	23,8	41,6	58,8
Июнь	5,0	10,5	18,5	29,0	36,2	63,8
Июль	8,0	15,1	29,1	44,2	34,2	65,8
Август	9,5	21,9	35,5	57,4	38,2	61,3
Сентябрь	8,3	16,1	39,9	56,0	23,7	71,0
Октябрь	6,7	15,4	31,0	46,4	31,0	69,8
Ноябрь	7,4	10,3	36,0	46,3	22,2	77,8
Декабрь	11,0	9,0	48,2	57,2	15,6	84,4
Всего	67,3	160,9	273,0	433,9	37,8	62,2

За один год доля эмиссии понизилась в общей сумме денежных поступлений с 83 до 16%, причем за декабрь *чистый* доход от эмиссии за вычетом ущерба составляет всего 9 млн. руб., тогда как величина этого ущерба за тот же месяц исчисляется в 11 млн. руб.

Очевидно, дни эмиссии в качестве регулярного источника бюджетных ресурсов уже сочтены. Она определенно отказывается служить своему назначению. Еще один-два месяца — и чистый «доход» от эмиссии превратится в убыток не только для народного хозяйства и всего населения в целом, но и для государственного фиска в частности. И тогда уже, наверное. у нее не найдется ни одного защитника. У нас нет данных о доходах за последнюю пару месяцев. Возможно, что тот момент, который мы ясно предвидим, уже наступил. Может быть, уже теперь колесо эмиссии движется впустую, не производя никакого полезного эффекта для фиска. Может быть, реальная осуществимость стабилизации рубля уже теперь гораздо менее утопична, чем об этом многие думают. Недаром же прирост цеп за последние месяцы определенно замедляется.

Во всяком случае песенка бюджетной эмиссии спета. Она умирает естественной смертью. И надо надеяться, что в следующем бюджете она уже не будет играть никакой существенной роли.

5. ЕЩЕ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭМИССИИ[1]

Опубликованная нами попытка более реального учета эффективности эмиссии в качестве бюджетного ресурса по сравнению с общепринятыми методами оценки значения эмиссии вызвала ряд возражений.

Собственно, предложенные нами приемы и результаты подсчета по существу не оспариваются. Оспаривают некоторые критики лишь законность тех выводов, к каким мы приходим в своей статье на основании приведенных в ней расчетов.

Особенно категорически оспаривает один из критиков право снимать со счета эмиссии ту долю ее эффективности, которая является косвенным

[1] «Экономическая жизнь», 4 мая 1923 г.

результатом взимания налогов и доходов. «Нельзя,— говорит он,— умалять значение эмиссии, потому что, мол, не она сама является виновницей своего собственного успеха, а имеет в этом деле определенных пособников». Вопрос этот действительно не простой. К нему можно подходить по-разному, в зависимости от чего и размер соответствующей поправки может быть больше или меньше. Но едва ли все же ее можно было бы вовсе игнорировать.

Пользуясь сравнением этого критика, мы должны сказать, что налоги и доходы, по нашему мнению, являются даже не «пособниками», а прямыми «виновниками» данной эффективности эмиссии в *очень значительной ее доле.* Без них результат был бы другой. И мы не понимаем, почему в валовом доходе от эмиссии мы не можем отличать части различного происхождения, подобно тому, например, как в валовой прибыли предприятия мы вполне отчетливо различаем земельную ренту, процент на капитал и собственно предпринимательскую прибыль. А если мы можем это делать, то почему бы не расчленять сложное целое, каким является доход от эмиссии, на его составные части в соответствии с источником их образования? Разве мы «умаляем» значение предпринимательской прибыли тем, что исключаем из нее все, что предприниматель получает в качестве землевладельца и капиталиста?

В современном валовом доходе от эмиссии дензнаков мы тоже совершенно отчетливо можем различить три вполне самостоятельных вида дохода весьма различного значения и происхождения, а именно: во-первых, налог на товарное обращение при стационарной его величине, или собственно эмиссионный доход в тесном смысле этого слова, во-вторых, рента от расширения наличного товарного оборота в стране и, в-третьих, доход от расширения *внетоварного оборота* денег.

Насколько различна экономическая природа этих видов дохода, видно уже из того, что первый из них получается, если можно так выразиться, ценою *обесценения* рубля, тогда как второй и третий, наоборот, заимствуют свой положительный эффект от относительного *повышения* покупательной способности денежной единицы.

В связи с этим субъективно первый из них ощущается каждым держателем денег как весьма болезненное изъятие из его *наличных* ресурсов, как весьма суровый штраф за каждый лишний день или час пребывания непрерывно обесценивающихся денег в его кошельке или даже в самом надежном несгораемом шкафу. В весьма понятном христианском стремлении переложить этот незаслуженный штраф на своего ближнего все держатели денег волей-неволей вовлекаются в самую безудержную спекуляцию. Те или иные покупки-продажи совершаются не потому, что покупаемое необходимо нам для производства или потребления, а просто в качестве страховки от обесценения денег. Скорость обращения и денег и товаров возрастает тем в большей степени, чем выше напряжение «налоговой» эмиссии и, стало быть, чем быстрее падает реальное значение рубля. Таким образом, каждая новая порция эмиссии налогового назначения воздействует на народно-хозяйственный организм подобно впрыскиванию сильного возбудителя или прививке бациллы какой-нибудь жестокой тропической лихорадки. Лихорадочно повышая общую жизнедеятельность хозяйственного организма, она понижает до минимума полезный эффект этой весьма суетливой, но по существу совершенно бесцельной спекулятивной деятельности.

Иное действие производит эмиссия в пределах потребности расширяющегося товарного или внетоварного денежного обращения. Содействуя стабилизации рубля, она тем самым устраняет всякую почву для развития нездоровой спекулятивной горячки и создает прочную базу для спокойного хозяйственного расчета. Субъективно такого рода эмиссия, давая доход казне, ни в ком не вызывает, однако, ощущения какого-либо хозяйственного

ущерба. Да и объективно, при стабильном рубле, ни в процессе купли-продажи, ни в процессе хранения денег никто на курсе валюты никаких потерь не несет. И, стало быть, никакой аналогии с происхождением дохода от эмиссии налогового значения здесь искать не приходится.

Происхождение дохода казны в этом случае совсем иное.

Мы вступили в период подъема нашего народного хозяйства и расширения товарного оборота. При неизменном количестве дензнаков в обращении покупательная сила рубля должна бы неизбежно возрастать, и, стало быть, держатели денег — получать известную ренту. Источником этой ренты служит общий прирост народного дохода в результате повышения производительности национального труда. Держатели денег отнюдь не повинны в этом приросте. Но, являясь законными обладателями относительно «редкого» в указанных условиях продукта — денег, они по праву этой монополии частного собственника присваивают себе целиком весь не заслуженный ими прирост рыночной «ценности» этих денег. Здесь, стало быть, мы имеем полную аналогию с незаслуженным приростом недвижимых ценностей в центральных частях больших городов за счет застройки их окраин — одним из важнейших источников земельной ренты в городах. Выпуск казначейской эмиссии в целях стабилизации рубля в таких условиях является лишь средством национализации в пользу всего государства в целом этого вида ренты от незаслуженного прироста «ценности» денег.

Совершенно аналогичное воздействие на курс рубля производит и другой фактор — расширение *внетоварного* оборота денег в связи с теми или иными изменениями в действующей финансовой системе. Например, когда Наркомфин переходит от эмиссионной системы государственного хозяйства к взиманию налогов в денежной форме, то создается новая дополнительная потребность страны в деньгах для уплаты этих налогов. Если денежные налоги растут за счет денатурализации старых прод- и трудгужналогов или за счет умножения новых, то возрастает и эта дополнительная потребность. Если Госбанк выпускает на рынок новые бумажные ценности, например, банкноты, то на куплю-продажу этих *нетоварных* ценностей требуется новое дополнительное количество дензнаков. Если в построении госбюджета мы переходим от системы натурально-денежного бюджета с разделением на «оборотные» и «прямые» кредиты к чисто денежному, сводя безденежные расчеты между ведомствами к минимуму, близкому к нулю, то мы опять-таки без всякого реального расширения товарооборота создаем новую дополнительную потребность в дензнаках, пропорциональную всей сумме упраздненных безденежных ассигнований.

При неизменном количестве денег в обращении такое расширение потребности в них на внетоварные обороты сократило бы сумму дензнаков, циркулирующих на товарном рынке. И, стало быть, товары неизбежно упали бы в цене, или, что то же, рубль поднял бы свою покупательную силу, принося своим держателям совершенно не заслуженную ими прибавку дохода. Но, отбирая от них путем дополнительной эмиссии дензнаков эту прибавку дохода в свою пользу, казна действует тем более правомерно, что виновником его в данном случае является уже не стихийный процесс роста производительных сил страны, а сознательная предприимчивость государства в лице его финансовых органов. С этой точки зрения соответствующую долю эффекта эмиссии можно уподобить предпринимательской прибыли в производстве. Вот почему, несмотря на внешнее сходство этой доли эмиссионного дохода чисто финансового происхождения с эмиссионной «рентой» от расширения товарного оборота, ее приходится четко различать от последней.

Из трех вышеуказанных видов эмиссионного дохода, которые для краткости мы назовем эмиссионным налогом, эмиссионной рентой и эмиссион-

ной прибылью, в предыдущей нашей статье[1] мы пытались определить величину одного эмиссионного налога в чистом его виде. Наши прикидки иллюстративного характера дают лишь первое приближение к этой величине. Однако независимо от их точности ясно, что никакого «умаления» эмиссионного «налога» нельзя усматривать в том, что из него исключаются элементы «ренты» или «прибыли», тоже извлекаемые путем эмиссии, но имеющие совершенно иную финансово-экономическую природу.

Мы ведь отнюдь не собираемся хоронить эмиссию во всех ее видах. Одиозной для нас в современной обстановке представляется лишь эмиссия специально налогового назначения.

Обратимся теперь к другому возражению нашего критика.

Мы предложили исключить из эмиссионного дохода тот ущерб, который эмиссия причиняет реальному значению поступлений от денежных налогов и прочих доходов. И критик не оспаривает необходимости этой поправки. Подтверждает он и правильность предложенной нами для этого формулы, но, анализируя ее, ставит вопрос, может ли, однако, исчисленный по этой формуле ущерб от эмиссии превысить весь валовой доход от нее, и разрешает его отрицательно. По его мысли, это возможно было бы лишь в том случае, если бы сумма налогов и доходов за какой-либо месяц превысила общую сумму дензнаков в обращении к началу этого месяца. Такой случай ему кажется, однако, если не теоретически, то практически «явно абсурдным».

Это очень решительно высказано, но не доказано. Наш бюджет уже в 1923/24 г. достигает 2 млрд. руб., что предполагает до 167 млн. руб. дохода в месяц, а вся сумма бумажно-денежной массы в обращении пока что колеблется около сотни миллионов рублей золотом. Эмиссии мы не собираемся расширять. Натуральные налоги заменяются денежными. И, стало быть, очень скоро мы можем оказаться практически перед проблемой извлечения из оборота ежемесячно доходов на бóльшую сумму, чем та, в какую мы оцениваем всю нашу бумажно-денежную массу в обращении. Возможно ли это? Вполне. Ведь налоги извлекаются в конечном счете из продукции народного хозяйства, а не из продукции печатного станка. Товарная продукция у нас уже теперь превышает 600 млн. руб. в месяц. Извлечь из них 100—150 млн.— задача нелегкая, но вполне осуществимая, даже без особо заметного увеличения наличной суммы дензнаков в обращении, ибо каждый рубль оборачивается ныне *не один раз* в месяц.

Однако для нас не в этом гвоздь вопроса. Допустим, что фиск еще очень долго не будет терпеть *прямого* ущерба от налоговой эмиссии. Но если тем не менее чистый выигрыш от нее будет все время падать, приближаясь практически к нулю, то сможем ли мы отмахнуться от учета и оценки всего того огромного *косвенного* ущерба от эмиссии народному хозяйству в целом, о котором мы ныне стараемся по возможности не думать даже?

Нам кажется, что двух ответов на этот вопрос быть не может. А между тем о темпе, в каком падает роль налоговой эмиссии в нашем бюджете. мы уже имеем ясное представление по опубликованным доныне исчислениям. Добавим к ним лишь пару цифр за январь и февраль 1923 г.

В январе 1922 г. все наши денежные поступления, включая эмиссию. составили всего 25,2 млн. товарных рублей по бюджетному индексу на конец месяца. За декабрь они достигли уже 57,2 млн., за январь 1923 г.— 62,2 и за февраль — 68,6 млн. руб.

Валовое значение эмиссии в этих итогах составляло:

В январе 1922 г.	23,0	млн.	руб.,	или 91%	итога
» декабре »	26,1	»	»	» 46%	»
» январе 1923 г. . . .	24,2	»	»	» 39%	»
» феврале »	22,9	»	»	» 33%	»

[1] См. стр. 67—70 настоящего издания.

Если же из валовой эмиссии выделить только *чистый* доход от эмиссии как налога согласно предложенному нами в предыдущей статье методу поправок, то величина его выразится в следующих цифрах:

В январе 1922 г.	20,9 млн. руб.,	или 82,9%	итога
» декабре »	9,0 » »	» 15,6%	»
» январе 1923 г.	5,7 » »	» 9,2%	»
» феврале »	4,3 » »	» 6,3%	»

Приведенные цифры сами за себя говорят. Весьма возможно, что в связи с уточнением методов оценки чистого дохода от эмиссии нам придется еще раз пересмотреть и исправить наши расчеты. Но общей картины эти возможные поправки изменить не смогут. А если это так, то и общую оценку грядущих судеб налоговой эмиссии нам пересмотреть вряд ли придется.

V. К ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЕ 1924 г.[1]

1. ОБРАЩАЕМОСТЬ СОВЗНАКА И ТВЕРДОГО РУБЛЯ

В связи с денежной реформой в Госплане нами была произведена работа по изучению сравнительной скорости обращения совзнака и твердого рубля в нашем хозяйственном обороте. Практическое значение этих коэффициентов для всевозможных расчетов в процессе составления и проведения в жизнь плана денежной реформы очевидно. И если мы испытали некоторые затруднения оборота в связи с разменным кризисом в первые же дни реформы, то, конечно, их было бы гораздо легче предусмотреть и избежать, будь в распоряжении Наркомфина еще до начала реформы те коэффициенты, какими мы располагаем ныне. К сожалению, спешное проведение реформы не позволило Наркомфину проработать план ее в обычном порядке, совместно с Госпланом, во всех деталях. И необходимые коррективы вносятся им в первоначальные расчеты уже в процессе самого осуществления этой реформы. Будем надеяться, однако, что хотя бы для таких коррективов предлагаемая нами ниже справка окажется не совсем излишней.

Изучая кассовую отчетность финансовых учреждений довоенного времени, мы без труда можем установить следующие факты.

Наиболее крупные кассовые операции и наиболее массивные кассовые остатки мы находим в отчетности государственного казначейства по его операциям в связи с исполнением государственного бюджета. «Кассовый отчет Министерства финансов за 1913 г.» определяет общий оборот сумм государственного казначейства по расходу за 1912 г. в 12 523 млн. руб. и за 1913 г.— в 13 193 млн. руб. Из этой суммы фактических расходов в счет бюджета произведено всего около 3 млрд. руб., а остальное представляет собой кассовый оборот по передаче этих сумм из местных касс в центральные и обратно.

Спрашивается, какое же количество денежных знаков требовалось для осуществления этого оборота?

По тому же отчету «состояло в кассах» на 1 января 1912 г. 1040 млн. руб., на 1 января 1913 г.— 975 млн. и на 1 января 1914 г.— 1132 млн. руб. (сумма невероятно большая по сравнению с общей массой денежных знаков в обращении страны). Как известно, на 1 января 1912 г. в России обращалось всякого рода кредитной и металлической монеты всего на 2209 млн. руб. И, стало быть, «кассовая наличность» казначейств составляла свыше 47% этой суммы. Однако, как показывает ближайший анализ этой наличности, далеко не вся она состояла в казначействах и притом в виде монеты. Больше половины ее держалось на текущих счетах Госбанка, в процентных бумагах и купонах, в золоте слитками, в инвалюте, на монетном дворе, за границей и т. п. За вычетом всех этих сумм остается

[1] «Плановое хозяйство», Бюллетени Госплана, 1924, № 3, 4—5 и 7—8.

в монете в среднем за год всего 18,4 млн. руб., что составляет до 0,2% от общего годового кассового оборота.

Такое соотношение предполагает до 500 оборотов каждого рубля в год. Значит, каждый рубль, проходивший в 1913 г. через казначейство, задерживался там без движения не более 360 : 500 = 0,72 дня.

В Государственном банке денежная наличность оборачивалась иным темпом. Кассовый оборот по расходу за 1913 г. составлял 18 552 млн. руб., а кассовая наличность в среднем за год — 262,6 млн. руб., или 1,4% от оборота. Таким образом, в эмиссионном банке каждый рубль оборачивался до войны свыше 70 раз в год, задерживаясь в его кассах не более 360 : 70 = 5,2 дня.

Много быстрее этот оборот протекал в коммерческих банках. По произведенному в Госплане подсчету, по главнейшим акционерным банкам коммерческого кредита с основным капиталом в 420,3 млн. руб. из общего итога 722,5 млн. руб. акционерного капитала этих банков кассовый оборот по расходу достигал за 1913 г. 38 776 млн. руб., а средняя (на 1-е число каждого месяца) кассовая наличность — 83,4 млн. руб., или 0,21% от оборота. Это дает при делении оборота на средний остаток свыше 465 оборотов рубля за год, при среднем пребывании его в кассах банков без движения не свыше 360 : 465 = 0,8 дня, или 19 часов. В общем итоге по всем коммерческим банкам сумма кассовых выдач за весь 1913 г. достигала 65 512 млн. руб., остаток на 1 января 1914 г. — 105,6 млн. и, стало быть, общее число оборотов кассового рубля — около 621 раза в год. Но этот расчет менее надежен, ибо средний остаток за весь год может и не совпадать с кассовым остатком к концу года.

Отметим еще для сравнения, что, по данным бакинских рабочих бюджетов, обследованных в 1909 г. А. М. Стопани, денежное наличие в рабочих семьях определилось в размере 5% годового расхода, что дает 20 оборотов в год при 18-дневном «простое» каждого рубля в кошельке рабочего.

Обращаясь теперь от этих довоенных норм к современности, мы должны проследить особо движение совзначной и червонной денежной массы по кассовым оборотам соответствующих учреждений.

Труднее всего оказалось получить необходимые данные по казначейским операциям Наркомфина, ибо, как уже указывалось мною в печати неоднократно, регулярная отчетность о движении кассовой наличности по этому ведомству до сих пор еще не налажена. О движении червонцев в оборотных кассах НКФ мы не могли получить никаких сведений. Очевидно, они здесь, как и в Промбанке за прошлый год, проходят по другим счетам («ценные бумаги» наряду с инвалютой и пр.) и не поддаются выделению. По совзначной же кассе нам удалось сопоставить оборот с наличностью лишь за последние месяцы и то не по всем кассам. Приводим поэтому здесь лишь относительные данные, характеризующие этот оборот.

Оборот совзнака в кассах НКФ

Месяцы	Касса в % месячного расхода	Число оборотов рубля за месяц	«Простой» совзнака в днях
1. Октябрь 1923 г.	13,0	7,7	4,0
2. Ноябрь »	10,6	9,4	3,2
3. Декабрь »	8,4	11,9	2,6
4. Январь 1924 г.	3,4	29,6	1,0
В среднем . .	8,8	14,6	2,6

Итак, по сравнению с довоенным твердым рублем современный совзнак в последние месяцы своего существования проявлял громадную и притом

все возрастающую активность в казначейском обороте. Вместо 70 оборотов в год он дошел было до 30 оборотов в месяц, причем только за четыре месяца его обращаемость увеличилась в 4 раза.

В банковском обороте, однако, он проявлял себя еще более активно. Приведем здесь несколько наиболее суммарных коэффициентов по кварталам 1923 г. По представленным в Госплан отчетным данным, кассовый оборот червонца и совзнака за минувший год в банковских операциях изменялся следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1

Обращаемость совзнака и червонца в банковском обороте за 1923 г. *

Виды валюты и периоды	Число операционных дней	Кассовый оборот рубля					
		Госбанк		Роскомбанк		Промбанк	
		число оборотов	время 1 оборота (в днях)	число оборотов	время 1 оборота (в днях)	число оборотов	время 1 оборота (в днях)
1	2	3	4	5	6	7	8
. Обороты червонца за:							
1) январь — март 1923 г.	73	14,6	5,0	(78,1)	0,9	58,5	1,4
2) апрель — июнь »	73	13,6	5,4	55,4	1,3	84,5	0,9
3) июль — сентябрь »	77	41,8	1,8	64,9	1,2	461,0	0,1
4) октябрь — декабрь »	76	22,7	3,3	27,9	2,7	85,5	0,9
январь — декабрь 1923 г.	299	92,0	3,3	164,5	1,8	542,0	0,6
Обороты совзнака за:							
1) январь — март 1923 г.	73	35,4	2,1	71,4	1,0	109,3	0,7
2) апрель — июнь »	73	36,2	2,0	145,0	0,5	157,3	0,5
3) июль — сентябрь »	77	82,6	0,9	326,0	0,2	352,4	0,2
4) октябрь — декабрь »	76	100,0	0,8	167,0	0,5	381,0	0,2
январь — декабрь 1923 г.	299	361,5	0,8	628,0	0,5	1420,0	0,2
То же в относительной величине по сравнению с червонцем за:							
1) январь — март 1923 г.	73		2,43		0,91		2,04
2) апрель — июнь »	73		2,66		2,62		1,86
3) июль — сентябрь »	77		1,98		5.02		0,77
4) октябрь — декабрь »	76		4,41		5,99		4,46
январь — декабрь 1923 г.	299		3,93		3,82		2,62

* Данные по Госбанку относятся к правлению и филиалам, по Промбанку — только к правлению.

Из приведенной таблицы можно извлечь следующие весьма важные наблюдения. Во-первых, скорость обращения червонца довольно близка к довоенным нормам для твердого рубля. По Госбанку она повысилась на 31%, по Промбанку, если его сравнить с прежними коммерческими банками,— всего на 17%, а по Роскомбанку даже понизилась в сравнении с аналогичными банками. Во-вторых, скорость обращения совзнака по всем банкам в среднем за год в несколько раз превышает скорость обращения червонца. И, в-третьих, эта разница скоростей заметно возрастает в течение последнего года.

Последнее обстоятельство необходимо связать с тем, что и обесценение совзнака за последний год шло в возрастающем темпе: за первый

квартал — на 46%, за второй — на 67, за третий — на 82 и за четвертый — на 88% по отношению к всероссийскому бюджетному индексу. Иными словами, чем быстрее совзнак обесценивался, тем энергичнее все его держатели старались от него отделаться, без всякого промедления выталкивая его из своих касс на внешний рынок. А ускорение этого процесса в свою очередь понижало потребность оборота в дензнаках, содействуя дальнейшему ускорению их обесценения.

Заслуживает внимания в приведенной таблице и еще один факт. В третьем квартале по всем трем банкам отмечается резкое ускорение обращаемости червонца. Помесячные данные показывают, что указанный максимум обращаемости выпадает на август и сентябрь, т. е. как раз на те месяцы, в которые нарастал кризис сбыта при форсированном сокращении кредитования промышленности и торговли в целях понижательного давления на индустриальные цены. На ценах это давление сказалось, как известно, лишь в четвертом квартале. Но денежный голод и вызванное им ускорение денежного оборота выявились уже с начала осени.

Основной интерес в связи с денежной реформой представляет для нас, однако, тот факт, что накануне этой реформы совзнак обращался у нас в 4,5—6 раз быстрее червонца. И нужно сказать, что это соотношение, несмотря на резкое расхождение в абсолютном числе оборотов того и другого в различных условиях, характерно не только для банковских операций. В торговле и промышленности, насколько мы смогли это проверить по собранным Госпланом данным, мы наблюдаем вполне аналогичные коэффициенты. Так, например, в кассовом обороте универсального оптово-розничного магазина «ГУМ» червонец за последний квартал 1923 г. обернулся 44 раза, а совзнак — 257 раз, т. е. в 5,8 раза быстрее. В производственных объединениях эти коэффициенты колеблются в довольно широком диапазоне, но все же совзнак всегда имеет значительно большую скорость оборота, чем червонец. И в среднем по четырем обследованным нами трестам за октябрь — декабрь 1923 г. червонец обернулся 29 раз, а совзнак — 128 раз, т. е. в 4,4 раза быстрее.

Но, что особенно для нас интересно,— это относительная скорость оборота совзнака у потребителя, в рабочем быту.

Мы уже отмечали, что в довоенных бюджетах рабочих твердый рубль оборачивался раз 20 в год. В мае 1918 г. по петроградским бюджетам месячный расход на «едока» в совзнаках составлял 357 р. 20 к., а кассовый остаток к моменту опроса — 83 р. 50 к., что соответствует 4,28 оборота в месяц, или 51 обороту в год. Но за май 1918 г. совзнак обесценился всего процентов на 20. К ноябрю 1923 г. темп обесценения совзнака возрос до 48% в месяц, т. е. примерно в 2,5 раза по сравнению с 1918 г. Вместе с тем росла и скорость обращения совзнака. По кассовому обороту совзнака в 226 семьях железнодорожников, подсчитанному по бюджетным записям *за каждый день,* средний кассовый остаток в совзнаках за ноябрь 1923 г. на семью в 4,9 души достигал 5320 руб. знаками 1923 г., или 5 р. 48 к.— в червонном исчислении[1]. Месячный расход на ту же семью составлял 33 тыс. совзнаками, или 34 р. 10 к. червонных, потери на курсе совзнаков — 3 р. 70 к. червонных на семью, или до 10% от общего оборота (37 р. 80 к.). Среднее число оборотов совзнака, стало быть, определяется в (32 : 5,3) = 6,2 раза в месяц, или в 75 раз за год.

Твердая валюта в рабочих бюджетах за ноябрь месяц играла еще совершенно ничтожную роль — не свыше 7%,— а потому обращаемости червонца по этим бюджетам мы не исчисляли. Но по январским бюджетам промышленных рабочих Москвы, где эта доля твердой валюты уже

[1] В подсчет включено по 25 бюджетов по городам Петрограду, Харькову, Ростову-на-Дону, Екатеринославу, Саратову, Воронежу, Екатеринбургу (26 бюджетов), Гомелю и Жмеринке.

несколько выше, статистика труда произвела по ежедневным записям такой расчет [1] и получила следующие результаты (см. табл. 2).

Таблица 2

Кассовый оборот в рабочих семьях за январь 1924 г. по бюджетным записям
(на 1 душу в червонных рублях и копейках)

Виды валюты	Месячный оборот по расходу		Средний кассовый остаток		Число	
	руб.	коп.	руб.	коп.	оборотов за месяц	дней на 1 оборот
1	2	3	4	5	6	7
I. Домашняя касса						
1. Совзнаки (включая потери на курсе) . . .	14	36	1	13	12,7	2,4
2. Червонцы и сертификаты	1	35	—	45	3,0	10,3
3. Облигации займа . . .	—	17	—	47	0,36	86,0
Итого по 2—3 (твердая валюта) . . .	1	52	—	92	1,65	18,7
II. Сберегательная касса	—	22	—	5	4,4	7,0
Весь оборот	16	10	2	10	7,7	4,0
Потери на курсе совзнака .	1	16	—	—	—	—
Потери на облигациях	—	13	—	—	—	—

Приведенный итог кассовых оборотов в бюджете рабочего, конечно, значительно выше итога фактических его расходов, ибо в него по необходимости включены и все такие чисто кассовые операции, как размен червонцев на совзнаки, переход совзнаков из кошелька в сберегательную кассу и обратно и т. п. Заработок рабочего по тем же бюджетам достигал за январь 45 р. 15 к., что по расчету на душу дает 11 р. 36 к. червонных. И, стало быть, потери на курсе совзнаков достигали 10,2% заработка, а если сюда прибавить еще потери на облигациях, которые при выплате зарплаты расценивались в 5 руб., а на рынке стоили только 3 руб., то сумма всех потерь — 1 р. 29 к. на душу — превысит 11,3% от заработка. Но нас здесь интересует другая сторона.

В ноябре обесценение совзнака по отношению к червонцу достигало 48%, а в январе — 64% за месяц. Вместе с тем число оборотов совзнака повысилось с 4,3 до 12,7 раза за месяц, тогда как твердые рубли и в январе дали 1,65 оборота за месяц, т. е. в 7,7 раза меньше совзначной скорости обращения. За год это дает около 20 оборотов, т. е. ровно столько же, сколько мы получили по довоенным бюджетам.

Итак, можно сказать с уверенностью, что скорость обращения нашей современной *червонной* валюты не только в банковских операциях, но и в потребительском обороте очень мало отличается от довоенных норм, тогда как *совзнак* повсюду проявляет по меньшей мере учетверенную скорость обращения.

Выводы отсюда для денежной реформы весьма благоприятные. В самом деле, на 15 февраля, т. е. ко дню прекращения выпуска совзнаков,

[1] В подсчет вошло 23 хозяйства с 27 рабочими при 107 душах населения.

всех видов денег в обращении, включая обязательства Центрокассы, числилось на 407 млн. руб., в том числе совзнаками на 40 млн. черв. руб. Замещая их в обороте твердой валютой, мы должны, стало быть, выпустить казначейской валюты по меньшей мере по 4 руб. на один червонный рубль в совзнаках, т. е. не менее 160 млн. руб. Потребность оборота в твердой валюте к началу реформы, таким образом, определяется минимально в 527 млн. руб., а к 10 марта, т. е. к моменту закрепления постоянного курса совзнака, несмотря на усиленные выпуски разменной монеты, мы имели в обращении денежной массы всего на 450 млн. руб., т. е. на 77 млн. меньше потребности оборота.

Отсюда-то, по-видимому, и ведет свое происхождение так называемый «разменный кризис» 1924 г. Но отсюда же мы черпаем уверенность, что если не произойдет в ближайшие недели заметного снижения оборота, то мы сможем в порядке поправок к разменному кризису совершенно безболезненно для твердости нашего рубля выпустить еще в обращение казначейской валюты по крайней мере на несколько десятков миллионов рублей.

2. ОСНОВЫ УСТОЙЧИВОСТИ НОВОГО РУБЛЯ[1]

Реформа нашего денежного обращения протекает вполне успешно. Устойчивость новой советской валюты превосходит все ожидания. Мы уже одержали громадную и блестящую победу в этой области. Но едва ли многие ясно сознают, как велика эта победа и чем именно мы обязаны ей.

В заграничной белой прессе высказывались мнения, что реформа наша неизбежно обречена на неудачу уже благодаря органическим особенностям советского социально-экономического строя. Так, например, проф. Загорский писал, что «денежная реформа *разбивается* (!?) об ее (т. е. Советской власти.— *С. С.*) политику национализации промышленности, торговли и отчасти кредита». А между тем мы, наоборот, глубоко убеждены в том, что именно лишь благодаря этим особенностям мы вправе ожидать полного и прочного успеха нашей денежной реформы.

Сова Минервы, говоря высоким штилем, всегда вылетает довольно поздно. Это означает, что вполне осознать и осмыслить совершающееся вокруг нас нам обычно удается лишь после того, как дело сделано.

Сказанное можно отнести и к нашей денежной реформе. Задумана она, конечно, очень давно. Подготовлялась чрезвычайно долго и тщательно. Но, говоря откровенно, даже ближайшие творцы этой реформы из Наркомфина имели в виду совсем иной базис для проектируемой ими реформы, чем тот, на котором она ныне фактически строится. Всем ведь памятно, что вначале имелось в виду прежде всего накопить достаточно мощный *золотой фонд*, чтобы затем вполне солидно, как это раньше принято было во всех уважающих себя Европах, стабилизировать бумажный рубль путем восстановления его размена на золото. С этой же целью — для накопления золота и инвалюты — диктовались нам экспортно-импортные планы с громадным перевесом вывоза над ввозом и много других мер.

Однако на поверку оказалось, что даже те сравнительно небольшие фонды инвалюты и золота, которые у нас имеются и которые сохранять надолго без использования нам решительно не по карману, вовсе не так нужны для успеха реформы денежного обращения, как это некоторые раньше думали[2]. Во всяком случае никакого размена на золото бумажных казначейских рублей нет и не предполагается, между тем твердость этих рублей не только равна, а даже значительно превосходит возможную твердость золота и базирующихся на нем иностранных валют. И царский золотой и республиканский доллар определенно вынуждены были при-

---

[1] «Экономическая жизнь», 26 апреля 1924 г.

[2] См. раздел IV — «К финансовой реформе 1922/23 г.», стр. 52—74 настоящего издания.

знать за последнюю пару месяцев явное превосходство над собой нашего советского бумажного рубля, падая перед ним на всех биржах в своих курсовых расценках.

Спрашивается, в чем же секрет этой устойчивости?

Ответ очень прост. На внутреннем рынке она обеспечивается массой товаров, продаваемых по твердым ценам. А на внешнем мы ее утверждаем механизмом нашей государственной внешней торговли, регулируя по своему усмотрению как торговый, так и расчетный баланс страны.

В буржуазных странах эти методы едва ли возможны, так как они предполагают наличие таких условий, как национализация промышленности и монополия внешней торговли, при одном упоминании которых у каждого честного буржуа начинается несварение желудка. Но на нашей советской почве, где национализация промышленности и монополия внешней торговли наряду с национализацией земли являются основными командными высотами в экономике нашей республики труда, эти высоты оказались очень подходящими позициями для предпринятой борьбы за стабилизацию советского рубля.

Конечно, мы не хотим этим сказать, что в буржуазных странах устойчивость бумажной валюты недостижима. Пример успеха «девизной» политики в довоенной Австрии и устойчивость рентной марки в современной Германии налицо. Но те средства, какими достигается указанный успех на Западе, и нам не чужды, тогда как наши методы обеспечения устойчивости рубля буржуазному Западу пока совершенно недоступны.

В самом деле, «девизную» политику и мы сумеем использовать, если это потребуется. Что же касается германской реформы, то в основе ее успеха лежало главным образом *соглашение* монополий крупной промышленности принимать рентную марку во все платежи по твердому курсу доллара. Но, разумеется, в среде наших красных купцов и промышленников достигнуть такого «соглашения» было бы еще легче. Представим себе, однако, что все германские монополии или некоторые из них найдут для себя более выгодным сыграть па *понижение* рентной марки, вздувая цены своей продукции. Что тогда станет с пресловутой стабилизацией этой марки? Ведь регулировать цены частнокапиталистической продукции никакой Комвнуторг, даже если бы его создали на сей предмет в Германии, не смог бы. Таким образом, гарантией устойчивости германской марки являются в конце концов лишь добрая воля и благие намерения германской буржуазии. А это фундамент не слишком прочный.

Как же обстоит дело у нас в России?

Товарный фонд, которым располагает наша государственная промышленность, если иметь в виду ее годовую продукцию, представляет собой величину порядка 2—3 млрд. червонных рублей. Цены всей этой продукции стабилизированы в червонном выражении. Или, говоря иначе, покупательная способность нашего рубля стабилизирована в громадном ассортименте товаров, своей стоимостью в несколько раз превышающем всю сумму денежных знаков в обращении.

Спрашивается, разве это недостаточно прочный базис для реформы?

Правда, его нельзя назвать золотым, ибо фактически наша валюта ровно ничем — кроме разве наименования рубля «золотым» — не связана с этим металлом. Но тем теснее и прямее его связь с общегосударственным товарным фондом обеспечения, который всегда готов к услугам держателя денег по *строго фиксированным ценам.*

Говоря строго, мы имеем в нашем денежном обращении настоящий «товарный» рубль. Не знаю, замечают ли это творцы реформы? Или чудесное превращение Наркомфина из Савла в Павла, т. е. из гонителя всяких товарных валют в наиболее ревностного апостола и проводника этой идеи на нашей почве, еще не вполне осознано им самим? Но дело от этого не меняется. И это выявится при первой же попытке Наркомфина

регулировать курс нашего рубля по золоту. В самом деле, если бы Наркомфин пожелал отражать каким-либо путем в курсе нашего рубля на внутреннем рынке все текущие колебания в расценках золота, то ему пришлось бы каждый раз на соответствующий процент повышать или снижать всю сумму зафиксированных Комвнуторгом товарных прейскурантов страны. Но само собой разумеется, что практиковать систематически такие всетоварные сдвиги цен ради равнения по одному и притом довольно случайному для нашего оборота товару даже наиболее принципиальные поклонники золотого фетиша едва ли решатся.

Уяснив себе с достаточной определенностью товарную базу нашей валюты, мы тем самым подошли вплотную к определению возможных методов ее регулирования. Очевидно, регулировать покупательную силу нашего рубля в случае нужды мы будем через Комвнуторг.

Конечно, частичные поправки в ценах отдельных товаров, поскольку они вытекают из специфических условий данного производства, удешевляющих или удорожающих продукцию данного товара по отношению к общему уровню цен в стране, не являются подходящим для этого методом. Для воздействия на значение рубля необходимы общие сбавки или надбавки на все регулируемые цены, т. е. нажим на их общий уровень. Мы не забываем, понятно, что такому административному регулированию поддаются у нас далеко не все цены. Но у нас имеются в резерве и другие методы воздействия. Так, например, опыт государственной закупки хлебов для экспорта показал нам с достаточной убедительностью, что и сельскохозяйственные цены мы можем поднять до того уровня, какой находим в данных условиях необходимым.

Однако задача регулирования курса нашей валюты до чрезвычайности упрощается тем, что нам не требуется в настоящее время ни повышать, ни понижать этого курса, а стабилизация его достигается простым сохранением установленного уровня цен без всяких дальнейших усилий к его изменению в ту или другую сторону.

Зафиксированный уровень оптовых цен государственной промышленности — вот, по-видимому, все, что требуется для устойчивости нашей валюты. Но удастся ли нам удержать этот уровень неподвижным при противодействии других экономических факторов, например крупного избытка денег в обращении (инфляция) или, наоборот, резкого их недостатка по отношению к нормальной потребности (дефляция)?

Этот вопрос, имеющий для нас чрезвычайно важное практическое значение, заслуживает специального обсуждения.

Нетрудно прийти к выводу, что ни избытка, ни недостатка денег в стране мы не должны сознательно допускать во избежание целого ряда нежелательных последствий. Но вопрос в том, какими методами мы будем определять границы этих понятий или момент, с которого мы можем констатировать наличность инфляции и дефляции? При вполне свободном капиталистическом рынке этот момент определяется очень просто. Если денег на рынке слишком много, то это немедленно выявляется в общем повышении рыночного уровня товарных цен, при недостатке денег отмечается обратное явление. Но при той твердой фиксации оптовых цен, какую мы имеем в настоящий момент, указанный метод становится уже гораздо менее надежным.

В самом деле, допустим, что в порядке покрытия бюджетного дефицита мы создадим известный «избыток» денег в стране. Как отразится эта инфляция на обороте? Она, конечно, вызовет дополнительный спрос на товары, но производители не смогут использовать его для повышения цен, ибо в опте они закреплены Комвнуторгом, а в рознице — конкуренцией. Что же будет происходить? Оборот товаров механически расширится до тех пределов, какие, с одной стороны, определяются массой денег в обращении, а с другой — размерами производства и наличных запасов товар-

ной массы. И, стало быть, опасности инфляции смогут выявиться в этой области лишь за истощением этих запасов — перед лицом *товарного голода*. Да и то лишь в той мере, в какой этот товарный голод не будет парализован возможным расширением производственных программ.

До тех пор пока весь дополнительный спрос, создаваемый инфляцией, не превышает наличного товарного фонда государственной промышленности, частная промышленность не сможет поднять цены своей продукции, ибо в противном случае она останется без покупателей. Но с момента, когда государственная промышленность не сможет уже полностью покрывать расширенный спрос, частный предприниматель возьмет свой реванш. Комвнуторговский фронт расценок будет прорван, и рыночные цены стихийно полезут вверх, выявляя все отрицательные стороны падающей валюты в период инфляции.

В случае дефляции и связанного с ней *сужения оборота* при *фиксированных* оптовых ценах мы тоже не сможем сразу обнаружить наличность этого явления по движению индексов цен, ибо и розничник не может понизить своих цен при неподвижности оптовых. В противном случае ему пришлось бы торговать в убыток. Правда, частный производитель не связан никакими таксами и может *понижать* свои цены в какой угодно мере. Но границы этого снижения в нормальных условиях очень узки, ибо продавать без нормальной прибыли или даже вовсе в убыток ему нет никакого расчета. И лишь продолжительное сужение спроса при недостатке оборотных средств и кредита приведет через затоваривание к снижению цен вопреки уже всяким соображениям о прибылях и убытках и частную и государственную промышленность.

Итак, общий уровень цен и система товарных индексов, призванных измерять колебания этого уровня, становятся крайне ненадежным мерилом степени насыщенности нашего обращения денежными знаками, ибо посредством их мы сможем, пожалуй, обнаружить дефляцию или инфляцию лишь в таких лошадиных дозах, от которых затрещит уже весь фронт установленных нами твердых оптовых цен. А это будет уже слишком поздно. Поэтому в интересах регулирования денежного обращения нам придется обратиться к показаниям других, более чувствительных в наших условиях барометров конъюнктурной погоды.

Наиболее прямое и близкое отношение к делу в этом случае имели бы текущие данные о колебаниях товарных запродаж (в кредит и за наличный расчет) и товарных запасов государственной промышленности. ВСНХ обязан наладить у себя срочную телеграфную отчетность о ежемесячной, а может быть, и подекадной динамике этих явлений. Но, к сожалению, такой отчетности еще нет. А кроме того, не всякое расширение спроса на товары свидетельствует о денежной инфляции, как и не всякое сужение его может быть истолковано в качестве признака дефляции. Те же явления могут иметь место и в результате других — сезонных и несезонных — причин. Поэтому наряду с указанными показателями необходимо организовать наблюдение еще за одним весьма для нашей цели существенным фактором, а именно за скоростью обращения денежных знаков.

В самом деле, не всякий новый выпуск денег приводит к инфляции. И инфляция и дефляция наступают в результате *относительного* избытка или недостатка денег по сравнению с потребностью в них наличного оборота ценностей. А эта потребность определяется не только валовой суммой денежных сделок, совершаемых в единицу времени, но и числом оборотов рубля за ту же единицу, например, год, месяц, день. До сих пор это теоретически бесспорное утверждение оставалось без всякого практического приложения. И это вполне понятно. Во-первых, в нем не было особо острой практической нужды, а, во-вторых, задача определить скорость оборота денег казалась совершенно неразрешимой. Трудно же было допустить, что буржуазия позволит кому-либо залезть к себе в свою «свя-

тая святых», т. е. в кассу или в карман, чтобы считать там наличность и определить коэффициенты ее обращаемости.

Конечно, и теперь задача неразрешима во всем ее объеме. Но все же для Советской власти уже теперь не может быть тайн в отношении очень значительной доли денежного оборота страны, ибо для нее открыты кассы не только всех банков, но вообще всей государственной промышленности и торговли. А это уже больше чем достаточно для построения конъюнктурных показателей быстроты денежного оборота. Нам ведь нужны не абсолютные величины средней скорости оборота рубля по всей стране, а лишь относительные показатели замедления или увеличения этой скорости, хотя на тех участках народнохозяйственного оборота, которые вполне доступны нашему наблюдению.

Дело в том, что если общее количество денег в стране падает по отношению к потребности в них оборота, то при связанности товарных цен скорость оборота рубля неизбежно должна повышаться, и, наоборот, при относительном избытке денег эта скорость будет падать. Это положение можно выразить и по-иному. При избытке денег по отношению к текущим расходам в кассе всегда остается известный резерв, при недостатке же их этот резерв быстро исчерпывается, т. е. кассовые остатки падают по отношению к общей величине оборота. Но скорость оборота денег мы измеряем как раз отношением кассового расхода за данный период к среднему суточному кассовому их наличию. Вот почему с накоплением кассовых остатков эта скорость падает, а с истощением — возрастает.

В особенности показательным с интересующей нас точки зрения должно быть движение *банковских* кассовых операций, ибо своей специальностью банки делают сосредоточение у себя неиспользуемых кассовых резервов всей страны. Поэтому смена приливов и отливов денежных средств к банкам явится для нас одним из наиболее чувствительных признаков инфляции или дефляции. Но, конечно, отнюдь не следует пренебрегать и возможностью массовой проверки такого рода наблюдений на динамике кассовых оборотов всей нашей государственной промышленности и торговли. Тем более, что кассовая отчетность ведется всегда ажур и осуществить такое наблюдение проще всего. Достаточно НКФ, ВСНХ и Комвнуторгу, каждому в пределах своего ведения, разумеется, обязать все банки, тресты, синдикаты и всякие иные госторги предоставлять краткие ежемесячные отчеты о расходе денег по кассе за месяц и о средней суточной наличности в этих кассах к концу дня за тот же период, и чрезвычайно ценный конъюнктурный материал для суждений о наличности инфляции или дефляции денег в стране будет в наших руках.

Организовать такого рода систематическое наблюдение это, конечно, прежде всего прямая задача Конъюнктурного совета при Госплане. Но, разумеется, без достаточного усвоения важности такого рода наблюдений и активной поддержки со стороны вышеназванных ведомств эта задача едва ли разрешима.

Разрешить ее, однако, необходимо. И тогда общая система регулирования нашего денежного обращения представится в следующем виде. ВСНХ наблюдает за наличностью своего товарного фонда, служащего обеспечением твердости нашего рубля, и расширяет в меру возможности и потребности свои программы производства наиболее ходких товаров или сигнализирует Наркомфину об угрожающем истощении своих товарных запасов, если предотвратить его по условиям времени невозможно. Комвнуторг следит за соответствием товарных цен их себестоимости с прибавкой установленной в плановом порядке нормы прибыли и не допускает произвольных уклонений от этого твердого уровня. НКФ неуклонно следит за поддержанием в стране нормальной скорости денежного оборота, для чего в случае *ускорения* этого оборота парализует это ускорение дополнительными выпусками денег, а в случае *замедления* — изъятием

через банки скопляющихся там избыточных денежных резервов. Конечно, поскольку мы переживаем период возрождения нашего хозяйства и расширения оборота, чаще придется прибегать к дополнительным выпускам, чем к изъятиям. Но в этой области потребуется строгое различение этого восстановительного расширения оборота от случайных, конъюнктурных и периодических, сезонных его колебаний. В первом случае возможна и уместна казначейская эмиссия ради усиления оборотных средств нашей промышленности и торговли в бюджетном порядке для дальнейшего их развития. В случае же гораздо менее надежных сезонных расширений оборота допустима лишь банковская эмиссия в кредитном порядке, автоматически возвращающаяся в кассы банков при первом же сужении оборота.

Вся эта довольно сложная система ведомственного регулирования предполагает, разумеется, общее плановое руководство и внимательное наблюдение за точным и своевременным выполнением соответствующих директив, для чего в нашем государственном аппарате предусмотрены такие органы, как Госплан и СТО.

Но она же предполагает, как было уже указано, в качестве своих важнейших предпосылок и такие основные устои советского строя, как национализация промышленности и монополия внешней торговли. И с этой точки зрения успех нашей денежной реформы ценен нам не только сам по себе, но и как первый серьезный экзамен на аттестат зрелости, который выдержала наша советская социально-экономическая система перед лицом очень строгого и придирчивого экзаменатора — стихийных сил денежного рынка.

3. КАКИЕ ВЫВОДЫ НАМ ОПАСНЫ [1]

Выступив на страницах «Экономической жизни» [2] со своим истолкованием основ нашей денежной реформы и предложением соответствующих ему методов регулирования денежного обращения в стране, мы ничуть не сомневались, что целый ряд высказанных нами положений вызовет дискуссию. На такую дискуссию вызывала желающих и редакция «Экономической жизни». И действительно, тема достаточно серьезна для того, чтобы ее обсудить со всех точек зрения.

Особенно интересно было в данном случае выявить точку зрения Наркомфина. На первый раз эту задачу взял на себя один из виднейших его работников, тесно связанных с практическим проведением денежной реформы,— проф. Д. Лоевецкий. Правда, виднейшие профессора Наркомфина до сих пор не проявили большой приверженности к марксизму и марксистским методам мышления. И потому нашему брату марксисту сговориться с ними, а иной раз даже и понять друг друга по-настоящему — задача нелегкая. Тем не менее к голосу критики буржуазной науки мы должны всегда прислушиваться очень внимательно, в особенности, когда она призвана обслуживать наши важнейшие командные высоты.

Проф. Лоевецкий озаглавил свою статью, направленную против моих писаний, предостерегающими словами: «Стройный план и опасные выводы» [3]. К сожалению, во всей статье нет ни слова о том, какие именно из моих выводов и почему именно опасны. Правда, автор утверждает, что я прихожу к своим выводам из «ряда *неверных*, полностью или частью, предпосылок». Но если это и так, то отнюдь еще не поясняет «опасности» вытекающих из этих предпосылок выводов. Прежде всего даже из неверных посылок удается иной раз извлечь формально совершенно верные и во всяком случае вполне безобидные выводы. Например, возьмем хоть такой силлогизм: все ослы двуноги, профессору X. случалось ходить на

[1] «Экономическая жизнь», 4 июня 1924 г.
[2] 26 апреля 1924 г.; настоящее издание, стр. 80—85.
[3] «Экономическая жизнь», 10 мая 1924 г.

четвереньках, значит, проф. Х. далеко не осел. А с другой стороны, и правильные предпосылки приводят зачастую к очень «опасным» с той или иной точки зрения заключениям. Например, предпосылки марксизма приводят нас к выводу о необходимости экспроприировать экспроприаторов. Нешуточная опасность этого вывода для всего буржуазного мира отнюдь не вытекает из полной или частичной недостоверности предпосылок марксизма. Неправда ли, проф. Лоевецкий? А если правда, то, взывая своим заголовком «Блюдите, консулы!», вам не мешало бы пояснить им, кому и какие же именно угрозы таятся в наших предложениях.

Однако обратимся сначала к предпосылкам.

Оценивая значение проведенной у нас денежной реформы, мы высказали предположение, что, пожалуй, даже многие из непосредственных творцов ее до сих пор не представляли себе с достаточной ясностью, на каком широком и прочном социально-политическом и экономическом базисе она строится. Проф. Лоевецкий своим выступлением вполне подтверждает это допущение.

Мы утверждали, что устойчивость советского рубля обеспечивается громадным товарным фондом всей нашей государственной промышленности, который благодаря особенностям нашего социального строя мы смогли обратить для этой цели путем строгой фиксации всех оптовых цен в стране на определенном их уровне, выраженном в твердом рубле. Проф. Лоевецкий решительно не согласен с этим.

И в самом деле, если следовать по торной стезе профессорского мышления, т. е. проштудировать известное число более или менее толстых хандбухов и компендиумов школьной премудрости, основательно отгородившись ими от окружающей действительности, то согласиться с нашим утверждением, действительно, очень трудно. Очень возможно, что оно не предусмотрено даже в самых толстых хандбухах. А впрочем, и весь советский строй, как не имеющий прецедентов, тоже, пожалуй, не предусмотрен в этих хандбухах.

Послушаем, однако, нашего критика.

Проф. Лоевецкий полагает, что на фиксации цен нельзя строить базу для денежной системы уже потому, что эта фиксация — явление временное. «Мы думаем,— говорит он,— что фиксация цен Комвнуторгом не является чем-то самодовлеющим. Цены устанавливаются на основании объективной калькуляции в золотых (?) рублях. *И если бы мы имели нормальные условия, то не было бы никакой надобности в фиксации цен.* Но поскольку в *переходный* период в связи с привычками, созданными в условиях падающей валюты, и благодаря не совсем еще нормальному развитию товарооборота возможны нежелательные отклонения от правильной (?) цены, могущие неблагоприятно отразиться на ходе денежной реформы, приходится прибегать *временно* к фиксации цен» [1].

Мы, конечно, переживаем «переходный» период. Но проф. Лоевецкому в конце этого периода мыслятся такие «нормальные» условия, при которых господствует стихия рынка, исключающая всякую фиксацию цен. А мы думаем иначе. По нашему мнению, мы идем к полному обузданию этой стихии. Недаром же в постановлении пленума ЦК РКП(б) о преобразовании Комвнуторга в Наркомат значится: «Признать, что *основной задачей* этого наркомата должно явиться *овладение* рынком со стороны госторговли и кооперации за счет частного, в первую очередь оптового, торгового капитала» [2], а в самом законодательном акте Совнаркома об учреждении нового наркомата к предметам его ведения отнесено «нормирование оптовых и розничных цен» [3]. Как видим, представления о «нор-

[1] Курсив наш. — *С. С.*

[2] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. изд. 7. Госполитиздат, 1954, стр. 814. Курсив наш.— *С. С.*

[3] «Известия ЦИК», 17 и 24 апреля 1924 г.

мальных» условиях, к которым нам следует стремиться, у нас с проф. Лоевецким противоположны. Для него они в прошлом, для нас — в будущем. Конечно, никто не может запретить проф. Лоевецкому или кому угодно другому в стенах Наркомфина или вне их считать совершенной утопией вышеуказанные задания Наркомвнуторгу и надеяться на скорое отрезвление от этих утопий и на полную капитуляцию перед стихией рынка. Но тогда это особое мнение нужно бы повразумительнее выразить и чем-нибудь обосновать, а не пускать в оборот как общепризнанную и общеобязательную аксиому.

Во всяком случае, мы в этом пункте позволяем себе пока что не согласиться с уважаемым профессором. Тем более, что даже на буржуазном Западе практика капиталистических трестов и синдикатов повсюду, где они достигают монопольного положения, показывает, что отнюдь не всегда стихия рынка диктует им цены, а очень часто и они в свою очередь диктуют их рынку по своему произволу. Возможности же Советской власти в этом отношении неизмеримо шире, чем у любого треста.

Другой и, в сущности, последний аргумент проф. Лоевецкого против выдвинутой нами схемы *товарного* обеспечения нашей валюты сводится к следующему. Фиксация цен у нас налицо, но далеко не универсальная. «Инфляция,— заключает отсюда наш критик,— начнет сказываться в той области, которая не регулируется Комвнуторгом. Эта область достаточно обширна и по своему объему значительно шире регулируемой. В связи с этим изменится расценка большей части тех элементов, которые составляют себестоимость регулируемой продукции». А отсюда уже ясно, что после этого пришлось бы волей-неволей пересмотреть и все фиксированные цены. И, стало быть, устойчивость валюты, построенной, по его мнению, на таком шатком базисе, оказалась бы совершенно эфемерной.

На первый взгляд, это рассуждение представляется убедительным. Но, увы, только на первый взгляд. При твердом курсе валюты, обеспеченном свободным разменом, скажем, на золото, никакие товары не могут ведь подняться в цене только потому, что эмиссионный банк, просчитавшись, выпустит в обращение больше банковых билетов, чем их требуется для оборота. Избыток денег, как учат нас школьные учебники, попросту будет вытолкнут при этом из оборота, превращенный в «сокровища», без всякого влияния на цены. Не так ли, уважаемый профессор? Так почему же вы допускаете иное только потому, что роль золота в нашем разменном фонде призваны выполнять железо, сталь, медь, ситцы, кожа и тому подобные товары?

Не потому ли, что золото — металл «благородный», а железо не претендует на столь высокое звание? Или, может быть, вам представляется, что избыток денежных орудий обращения может «тезаврироваться», т. е. обращаться в сокровища, только в виде звонкой монеты в домашних копилках и кубышках? Но ведь эти кубышки — давно изжитый архаизм. Современный буржуа не так глуп, чтобы совать свои деньги без всякой для себя «пользы» в копилку, когда к его услугам и сберегательные кассы и банки, предлагающие ему изрядный процент за всякое вложение. Для взноса же в банк золотые деньги не имеют никаких преимуществ перед бумажными, а для хранения в домашних несгораемых кассах чековые книжки и вообще всякого рода процентные «бумаги» по сравнению с «бесплодным» золотом в глазах всякого «делового» буржуа обладают преимуществами неоспоримыми. И, стало быть, сомневаться в том, что твердый бумажный рубль, обеспеченный разменом на товары, окажется не менее пригодным для тезаврирования, чем золотой или обеспеченный золотом банковый билет, у нас нет никаких оснований.

Проф. Лоевецкий представляет нам дело так, что один и тот же бумажный рубль при инфляции может падать в своей покупательной стои-

мости по отношению к одним товарам, например к хлебу и яйцам, оставаясь в неизменной цене по отношению к другим, например к сахару и ситцам. Но ведь это означало бы не только номинальное возрастание цен первой группы по отношению к денежной единице, но и вполне реальное по отношению к другим товарам. А если для этого нет оснований в условиях производства, то, очевидно, никакого добавочного спроса на эти вздорожавшие товары, несмотря даже на инфляцию, ниоткуда не поступило бы. Всякий предпочел бы в таких условиях обратить свои денежные избытки на более выгодные покупки по фиксированным ценам, т. е., скажем, на сахар и ситцы, если бы не нашел еще более выгодным до времени «тезаврировать» эти избытки в том или ином виде. А если это так, что несомненно, то допущение о разрыве стоимостных отношений различных товаров между собою под влиянием таких причин, как инфляция или дефляция, совершенно произвольно.

Денежная инфляция и дефляция либо отражаются на общем уровне *всех* цен равномерно, либо вовсе остаются без всякого влияния на этот уровень. Первый случай мы имеем для бумажноденежного обращения — при отсутствии разменного фонда с фиксированной расценкой составляющих его реальных ценностей, второй — при наличии такого фонда. При этом *число* товаров, составляющих этот фонд обеспечения, ровно никакого значения не имеет. В царские времена, при Витте, таким фондом служили только два товара: золото по фиксированной цене 5 р. 51 к. за золотник и казенная водка по 43 коп. за бутылку в 40°. В современном прейскуранте Наркомвнуторга фиксированы уже цены целых сотен так называемых «базисных» товаров, с которыми связаны тысячи других, им соподчиненных. Конечно, еще больше остается товаров, и доныне вовсе не фиксированных. Но, спрашивается, почему мы в советские времена должны для стабилизации рубля закрепить его курс решительно во всех товарах, когда в царские времена для этого достаточно было фиксированной связи бумажного рубля всего с одним-двумя товарами?

Такого рода максимализм со стороны проф. Лосвецкого по меньшей мере необъясним. И во всяком случае нам пришлось бы признать нашего критика либо чересчур снисходительным к виттевским методам регулирования денежного обращения, либо излишне придирчивым к нашим современным приемам советского строительства в этой области.

Гораздо большее значение, чем число товаров, фиксирующих стабильность валюты, имеют для нас общие размеры разменного фонда. Школьная теория и эмиссионная практика золотого обращения показывают, что для золотого покрытия банковской эмиссии достаточно фонда в $^1/_3$ долю бумажноденежной массы, выпущенной в обращение. Наше денежное обращение на 8 мая 1924 г. достигало 450 млн. руб., и, стало быть, нам достаточно было бы для обеспечения свободного размена этой валюты иметь постоянный фонд в 150 млн. руб. А как велики наши товарные запасы в государственной промышленности? По балансам 65 трестов, охватывающих лишь 628 тыс. рабочих из 1393 тыс., занятых за 1922/23 г. в государственной промышленности, товары и материалы составляли на 1 октября 1923 г. 1158 млн. червонных рублей [1], т. е. раз в 8 больше той величины в 150 млн., какую мы выше исчислили. А ведь мы еще не подсчитали, сколько товаров лежит на *торговых* складах государственных и кооперативных организаций. И вовсе не приняли в расчет *текущей* продукции промышленности, которая покрывает собою *текущий* спрос страны.

Как видим, наличная товарная база для наличного обращения у нас более чем достаточна, в особенности если принять в расчет, что страна нуждается в деньгах не только для покупки нормированных продуктов госпро-

[1] Из них, собственно, на долю готовых к продаже изделий падает только около 30% этой суммы, но с прибавкой неучтенной доли промышленности и торговых запасов гострестов и синдикатов сумма *готовых* изделий достигает не менее миллиарда.

мышленности, а и для удовлетворения целого ряда других своих потребностей.

Проф. Лоевецкий, к сожалению, не остановил на этой стороне своего внимания. Но это его и не интересует, ибо он в результате своего критического разбора моих положений приходит к выводу, что у нас не товарный, а золотой рубль, т. е. такой, курс которого поддерживается не товарными фондами и фиксированными ценами, а «достаточным золотым запасом для ведения активной денежной политики». Во всяком случае, «*весьма близкой к этой системе*, по словам автора, является наша внешняя денежная система, и если бы,— добавляет почтенный профессор,— тов. Струмилин обратился к нашим валютным курсам, то он убедился бы в том, что регулирование их производится на базе золотого паритета».

Нам, к сожалению, неизвестны методы регулирования наших интервалютарных курсов. И со своей стороны проф. Лоевецкий, не первый год занимающийся этим делом, ровно ничего не сделал для того, чтобы эти методы стали сколько-нибудь общеизвестны. Но, поскольку наркомфиновские финансовые планы и методы в этой области покрыты пока мраком неизвестности, мы можем апеллировать лишь к общеизвестным фактам. Таким фактом является прежде всего наша монополия внешней торговли и обеспеченный ею активный торговый баланс, дающий в руки Наркомфина изо дня в день такие избытки инвалюты, которых он даже иной раз не знает куда девать. Мудрено ли при таких условиях, что наш червонец на бирже котируется по золотому паритету довольно близко к доллару и фунту стерлингов, а иногда и выше.

Никакого *золотого* запаса для этого, разумеется, не требуется, ибо и здесь все наши успехи базируются на маневрировании *товарными* фондами нашего экспорта и импорта. Никакой «активной денежной политики» эта система тоже не предполагает. И, стало быть, особого напряжения талантов для регулирования наших интервалютарных курсов со стороны проф. Лоевецкого в указанной обстановке, пожалуй, вовсе не требуется. Наоборот, ему, несомненно, пришлось бы проявить гораздо больше искусства, если бы Наркомфину почему-либо вздумалось при активном торговом и платежном балансе сыграть *на понижение* нашего червонца в отношении фунта и доллара.

Однако, как ни важно поддерживать на известной высоте международное значение нашего червонца, задача стабилизации нашей валюты этим отнюдь не исчерпывается. Мы должны иметь твердый рубль не только для наружного, но и для внутреннего употребления. Спрашивается поэтому, какими же методами проф. Лоевецкий собирается достигать этой последней цели? По нашим законам покупать золото может только Наркомфин. Но из этого следует, что *продавать* его Наркомфин на внутреннем рынке без явной провокации лояльных граждан республики на совершение преступления *не может*. Значит, извлекать из обращения избыток банкнот или казначейской валюты в случае инфляции путем покупки банкнот *на золото* проф. Лоевецкий рекомендовать не может. Но если золотой наш фонд для этой цели служить не может, то какие же еще методы имеются в распоряжении Наркомфина для регулирования внутреннего курса нашего бумажного рубля «на базе золотого паритета?» К сожалению, на этот чрезвычайно важный вопрос у нашего строгого критика не нашлось никакого вразумительного ответа.

Предложенные нами методы фиксации этого курса *в товарах* он отвергает, но никаких других взамен, очевидно, предложить не может.

Но, может быть, достаточно лишь утвердить курс нашей банкноты по отношению к доллару, чтобы автоматически стабилизировать его и на внутреннем рынке по отношению к товарам?

К сожалению, наш опыт показывает, что этого далеко не достаточно. За первые 16 месяцев жизни нашего червонца до осуществления денеж-

ной реформы, т. е. примерно с 1 декабря 1922 г. до 1 апреля 1924 г., если судить по данным официальных котировок комиссии НКФ, руководимой проф. Лоевецким, курс нашей банкноты по отношению к доллару на московской фондовой бирже возрос на 1%, а на внутреннем рынке по отношению к бюджетному набору товаров, наоборот, упал за то же время на 33%. Результат, как видим, чрезвычайно неутешительный для оценки тех методов регулирования денежного обращения, какими располагал доныне проф. Лоевецкий.

А впрочем, подходы нашего критика к задачам и методам стабилизации валюты настолько отличны от наших, что, пожалуй, и в оценке отмеченного факта мы с ним радикально разойдемся. Мы думаем, например, что свобода чеканки и свободный размен бумажных банкнот на золото по строго фиксированной цене его (1 золотник 78 долей = 10 руб.) являются средством стабилизации *бумажной* валюты по отношению к золоту, как к товару, ибо в бумажном рубле как таковом не содержится никакой самостоятельной ценности. А проф. Лоевецкий думает совсем наоборот, что такой фиксацией цены золота законодательство стран с золотым обращением именно «гарантирует твердый курс *золоту*». Но если *бумажный* рубль сам по себе может служить самодовлеющим мерилом стоимости и даже орудием стабилизации товарных стоимостей, то вышеуказанное расхождение бумажного червонца с бюджетным набором товаров на внутреннем рынке ни в коем случае не может быть поставлено в укор котировальному искусству проф. Лоевецкого. Если уровень всех товарных цен колеблется по отношению к банкноте, то тем хуже для этих цен и товаров. Ведь проф. Лоевецкий не брал еще на себя задачи стабилизации товарных индексов. Банкнота же здесь не при чем, разумеется.

Не брал на себя проф. Лоевецкий покуда и задачи стабилизации золота как товара, и потому он вовсе не гарантирует, что наш золотой рубль без кавычек не будет существенно отклоняться в своем покупательном значении от «золотого» рубля в кавычках. Но все же это не делает последнего *товарным* рублем, ибо, по мнению профессора, нам в такой же мере не удалось бы, при всем желании, отражать на его курсе и «все текущие колебания в состоянии наших товарных индексов».

Последнее заверение заключает в себе, однако, большое недоразумение. Отражать в покупательной способности нашего рубля какими-нибудь дополнительными усилиями текущие колебания уровня товарных цен, после того как этот уровень уже зафиксирован в твердых (предельных) ценах, нам нет никакой необходимости. Конечно, зафиксированы нами не все цены, но и любой из наших индексов отражает колебания всего нескольких десятков товаров, т. е. значительно меньшего числа цен. И потому хотя небольшие расхождения между движением этих индексов при разном составе набора товаров и возможны, но добиваться, чтобы покупательная способность рубля следовала в точности тому или иному *специальному* набору товарных расценок или специальному индексу, нет оснований.

Обратимся, однако, для проверки истинного характера нашей валюты от этих более или менее абстрактных рассуждений и теоретических контроверз к реальным фактам нашей действительности, т. е. прежде всего к рыночной расценке нашего нового рубля на золото и на товары. Для сравнения с золотом воспользуемся биржевыми котировками золотой десятки по Москве, для сравнения же с товарными ценами возьмем всероссийские индексы *промышленной* группы товаров, так как сельскохозяйственные цены еще не подвергались у нас плановому регулированию Наркомвнуторга. Моментом формального осуществления денежной реформы можно считать середину марта 1924 г., т. е. момент фиксации курса совзнаков (10 марта) Но приступили мы к ней путем массового пересмотра и фиксации цен и выпусков казначейской валюты с первых чисел февраля. А завершенной —

в смысле внедрения достаточной массы новой разменной монеты вместо выбывшего из строя совзнака — эту реформу можно считать не ранее первых чисел мая. Посмотрим же, как изменилось за этот период покупательное значение или, что то же, курс нашей новой валюты на внутреннем рынке (см. табл. 3).

Таблица 3

Курс червонца (банкноты) в 1924 г.
(курс на 11 марта = 100)

Даты	К промышленному товарному индексу *		К золоту в монете	
	оптовому	розничному	в руб. и коп.	в %
1	2	3	4	5
1 февраля	92,6	99,2	6,55	79,3
8 »	—	97,6	6,99	84,6
11 »	93,6	—	6,89	83,4
15 »	—	96,6	7,04	85,2
21/22 »	94,1	97,6	7,46	90,3
1 марта	97,3	98,4	7,81	94,5
8 »	—	97,4	8,06	97,5
11 »	100	—	8,26	100
15 »	—	100	8,40	101,6
21/22 »	101,1	102,8	9,26	112,0
1 апреля	101,7	104,1	9,43	114,1
8 »	—	—	10,20	123,4
11 »	102,6	—	9,80	118,6
15 »	—	104,4	9,72	117,7
21/22 »	103,2	—	9,52	115,2
1 мая	104,3	105,4	9,43	114,1
8 »	—	—	9,39	113,6
11 »	104,3	—	10,05	121,6
15 »	—	105,7	9,35	113,1
21/22 »	104,3	—	9,63	116,5
1 июня	105,1	105,7	10,22	123,7

* По старому индексу Госплана с исправлением предварительных итогов по последним данным.

Как видим, факты говорят сами за себя. Курс нашей валюты за все время реформы рос, что вполне соответствует сопровождавшей ее кампании по *снижению* оптовых цен. Но даже в этот переходный период проведения реформы устойчивость нашей валюты в отношении товаров оказалась в несколько раз выше, чем в отношении золота.

К золоту курс нашего рубля за эти четыре месяца обнаружил в своих официозных котировках размах колебаний от минимума к максимуму на целых 56%. И если проф. Лоевецкий захочет все же уверить нас, что тем не менее наш рубль и на внутреннем рынке регулируется им «на базе золотого паритета», то придется либо очень усомниться в котировальном искусстве нашего профессора, либо принять этот «паритет» в совершенно условном, так сказать, чисто «пиквикском» смысле этого слова.

В заключение коснемся еще одного замечания. По мнению проф. Лоевецкого, в нашем проекте «все поставлено на голову», ибо, «вместо того чтобы денежную массу приноравливать к товарообороту, проект исходит из приноровления оборота к денежному обращению». Мы боимся, что уважаемый профессор читал наш проект в очень неудобной позиции, ибо, лишь стоя вниз головой, возможно было увидеть его поставленным на голову. На самом деле, на долю Наркомфина и проф. Лоевецкого по проекту остаются лишь плановые *выпуски и изъятия денег* в соответствии с потребностями оборота и ничего больше. Но, конечно, мы думаем, что проблема

регулирования денежного обращения далеко выходит за пределы чисто ведомственных проблем Наркомфина и что рационально разрешить ее возможно лишь в теснейшей связи с общим планом реконструкции и развития всего нашего народного хозяйства в целом.

Вот этого-то широкого планового подхода к вопросу и не приемлет, по-видимому, наш критик. И если уже говорить об опасности различных подходов к делу, то для нас очевидно, что усматривается она проф. Лоевецким совсем не в том месте, где следует. «Стройные планы» регулирования нашего денежного обращения нам отнюдь ничем не угрожают, даже если они в той или другой части ошибочны. Мы очень охотно ведь подвергаем их предварительной критике всех заинтересованных кругов и пустим в дело, конечно, не раньше, чем о них основательно обломает свои зубы — а иной раз и ученую репутацию — не один патентованный профессор. Гораздо опаснее для нас та ориентировка на стихию при полной беззаботности насчет какого-либо планового подхода к делу и даже при явной опасливости таких подходов, какая замечается нередко у некоторых практических деятелей и ученых, обслуживающих весьма ответственные хозяйственные посты нашей республики.

Всего опаснее для нас те выводы, в которых в более или менее откровенной форме заключается *принципиальное* недоверие к плановой хозяйственной работе на нашей советской почве.

4. ОТВЕТ КРИТИКАМ ИЗ НАРКОМФИНА[1]

Первое полемическое выступление против выдвинутой нами «товарной» концепции нашего твердого рубля (см. статью проф. Лоевецкого[2] и наш ответ[3]) оказалось, по-видимому, не вполне удачным с точки зрения ближайших соратников уважаемого профессора. И на выручку не оправдавшему доверия профессору поспешил выступить со статьей «Плановый рубль или горе от статистики» другой деятель Наркомфина — Л. Волин[4].

К сожалению, новый наш критик слишком мало внес новых аргументов и контраргументов по существу спора для оживления дискуссии. Правда, в отличие от проф. Лоевецкого он нисколько не затрудняется апеллировать в защиту своих позиций к авторитету «небезызвестного экономиста Маркса», но в остальном идейная солидарность наших критиков выше всяких подозрений. Так же как и проф. Лоевецкий, Волин всецело ориентируется на «решающий фактор» — «рыночную стихию» — и еще более откровенно квалифицирует всякие попытки противопоставить известный «план» этой «стихии» как «вреднейшую и опаснейшую плановую алхимию».

Эта основная точка зрения и определяет собою весь ход аргументации нашего критика. Волин забывает, что такая точка зрения отнюдь не является общепринятой и общеобязательной в рамках советской действительности. Он считает, по-видимому, совершенно излишним чем-нибудь ее аргументировать. И, облегчив себе уже этим в достаточной степени свою задачу, он облегчает ее еще больше тем, что и точку зрения своего противника излагает по-своему, применительно к своей собственной оценке плановых возможностей и перспектив Советской власти.

Наше положение, что устойчивость нового советского бумажного рубля обеспечивается ныне постоянной возможностью его «размена на товары» по строго фиксированным ценам, истолковывается им так, как будто эта чисто административная «фиксация цен» и есть та *единственная* и все-

---

[1] Заключительное слово на II съезде плановых органов СССР; «Экономическая жизнь», 31 июля 1924 г.

[2] «Экономическая жизнь», 10 мая 1924 г.

[3] «Экономическая жизнь», 4 июня 1924 г.; наст. издание, стр. 85—92.

[4] «Финансовая газета», 19 июня 1924 г.

объемлющая альфа и омега, на которой, по моему мнению, должна строиться денежная реформа. По этому поводу Волин с большим апломбом поучает, что для успеха реформы требуется еще очень много других экономических и финансовых предпосылок, забывать о которых непозволительно марксисту и материалисту. Очень победоносно звучит также его замечание о том, что если бы стабилизировать наш рубль можно было «одним росчерком пера», то нам незачем было бы так долго и тщательно подготовлять реформу.

Такого рода замечания вполне справедливы, разумеется, хотя и не блещут особой новизною и оригинальностью. Дефект их, однако, заключается в том, что они бьют мимо цели. Полемический прием, примененный здесь нашим критиком, очень прост: на место настоящего противника с его подлинной аргументацией сочиняется такого именно сорта рыжий урод и тупица, для опровержения которого вполне хватает сил и средств данного критика, после чего сочиненный таким образом урод победоносно опровергается и разделывается на все корки в меру вкусов и талантов, отпущенных природой на долю этого критика. Слабое же место этого приема заключается в том, что он рассчитан на весьма легковерную аудиторию и на совершенно мертвого противника. Когда же слишком развязно валят на живого, как на мертвого, то получается иной раз большой конфуз.

В самом деле, откуда наш почтенный критик взял этот «один росчерк пера», которым он приписывает нам всякие небылицы? Откуда он заключил, что государство, «по тов. Струмилину», может продавать свои товары «по любой цене?» Ведь это нигде нами не сказано. А сказано совершенно обратное, что цены фиксируются и пересматриваются в зависимости от «специфических условий данного производства, удешевляющих или удорожающих продукцию данного товара», и что для удержания их на зафиксированном уровне, помимо самой фиксации, требуется целый ряд дополнительных экономических условий на стороне товаров и на стороне денег, анализу которых и посвящена наша статья. Конечно, с предложенным нами в результате этого анализа планом регулирования товарооборота и денежного обращения в целях стабилизации цен и валюты на зафиксированном уровне можно и не соглашаться. Пусть этот план будет «опаснейшей алхимией». Но, раз он налицо, значит, фиксация цен как метод стабилизации валюты *«одним росчерком пера»* составляет собственное изобретение нашего критика. Во всяком случае я не предлагал ничего подобного и отвечать за чужие глупости не обязан.

Наш критик, однако, не только изобретателен. Он изрядно учен и хотя суров, но вполне беспристрастен в оценке неучей всякого рода.

Будучи глубоко уверен, что его коллеги по ведомству творили денежную реформу вполне ортодоксально, он употребляет такую фигуру. «По крайней своей наивности и невежеству творцы денежной реформы из Наркомфина думали (к удивлению нашему, вместе с небезызвестным экономистом К. Марксом), что при товарном хозяйстве мерилом ценности может быть только реальный товар...», что из разных товаров для этой цели наилучше подходит золото и т. д. В ряду этих довольно общеизвестных истин мы наталкиваемся, однако, на следующее теоретическое откровение Волина: «...функция мерила ценности — важнейшая функция денег, и все остальные функции денег неразрывно связаны с нею...».

— Как? — спросит тут читатель.— Неужели и это самоновейшее откровение удумано в НКФ вместе с К. Марксом? И в каком смысле его можно бы применить, скажем, к совзнакам или любой иной бумажной падающей валюте? Ведь мерилом «ценности» деньги этого рода не служат, сохраняя за собой лишь функцию орудия обращения. Что же это, однако, за *«важнейшая»* функция денег, без которой они отнюдь не перестают быть деньгами? И что это за *«неразрывность»* всех функций, столь легко разрываемая на каждом шагу, где мы имеем дело с падающей валютой?

Правда, Волин утверждает, что творцы реформы думали это «по крайней своей наивности и невежеству». Принимая в расчет, что к числу этих творцов принадлежит и сам автор суровой самооценки, мы не станем спорить с ним по этому поводу. Но, спрашивается, к чему было приплетать в эту почтенную компанию и Карла Маркса? Конечно, он покойник и возражать не станет. А все-таки...

Разумеется, иметь на своей стороне Маркса каждому из нас было бы очень лестно. Но в нашем споре о таких вещах, как условия товарооборота и денежного обращения в современной Советской России, «только безнадежные педанты,— как выразился однажды Ильич по другому аналогичному поводу,— могли бы решать возникающие при этом своеобразные и сложные вопросы посредством одних только цитаток из того или иного отзыва Маркса про другую историческую эпоху». Вопросы такого рода прежде всего подлежат конкретному изучению и фактической поверке всех спорных положений на непосредственном опыте российской действительности.

Вот, например, Волин утверждает, что мы уже в настоящее время имеем у себя золотую валюту. «Всякий желающий,— по его словам,— может немедленно получить фактически за свой червонец 5 долларов 15 центов или 1 золотник 78,24 доли чистого золота, т. е. у нас существует фактически размен нашей валюты на золото по паритету».

Чем же подтверждает наш автор это столь ответственное свое утверждение? Увы, ровно ничем. А между тем в наших статьях, по поводу которых он полемизирует с нами, обратное утверждение о *товарном* характере советского рубля подтверждалось конкретным цифровым материалом. Мы приводили фактические котировки червонца в золоте и товарах — по индексу промышленных товаров,— из которых явствует, что и после реформы курс нашего червонца (банкноты) к золоту колебался довольно резко, во всяком случае гораздо резче, чем по отношению к товарам. И если, например, еще 1 марта можно было получить за червонец только 1 золотник 57,4 доли чистого золота, то 8 апреля за него давали уже 1 золотник 81,7 доли, 8 мая — 1 золотник 67,6 доли, 11 мая — 1 золотник 79,1 доли, 15 мая — снова 1 золотник 66,8 доли, 1 июня — снова 1 золотник 82,1 доли и т. д., то ниже, то выше паритета, с колебаниями процентов на 30 от минимума к максимуму. Таким образом, «размен по паритету», изобретенный Волиным, к сожалению, не нашел еще своего фактического осуществления.

Возьмем еще один пример. Мы утверждали, что после реформы относительный недостаток денег при связанности товарных цен должен повышать скорость оборота рубля, а избыток денег — понижать его. И Волин иронизирует по этому поводу: «Правда, в жизни всегда бывает как раз наоборот... Но тем хуже для фактов».

Для каких это фактов хуже? Почему бы Вам не привести для образчика хоть один такой факт. А если Вы этого не сможете сделать, то попробуйте по крайней мере объяснить с Вашей точки зрения следующие факты, имеющиеся в нашем распоряжении. Сопоставляя бумажноденежную массу в обращении, покупательную силу рубля в промышленных товарах и в золоте и скорость оборота рубля в кассах Госбанка за время проведения денежной реформы, мы получаем следующие характерные ряды (см. табл. 4).

Как видим, количество денег в обращении возросло за последние пять месяцев миллионов на 200 — факт небывалый в нашей эмиссионной практике последних лет. Тем не менее покупательная сила рубля и в товарах и в золоте росла, а не падала. Значит, об избытке денег в обороте, или инфляции, говорить за это время не приходится. Более того, мы пережили за это время жестокий «разменный» кризис. А если учесть то обстоятельство, что НКФ вынужден был за рассматриваемый период без всякого давления со стороны лечить этот якобы «разменный» кризис выпусками

Таблица 4

Скорость оборота рубля в кассах Госбанка

Месяцы 1924 г.	Денежное обращение к концу месяца		Покупательная сила банкноты к концу месяца				Число оборотов рубля за месяц	
	млн. руб.	%	в промышленных товарах (%)		в золоте		абс.	отн.
			опт.	розн.	руб.	%		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Январь	311,2	100	100	100	6,55	100	12,6	100
Февраль	359,2	115	105	100	7,81	119	18,4	147
Март	398,3	128	110	105	9,43	144	34,6	274
Апрель	446,7	143	113	106	9,43	144	74,8	594
Май	473,4	152	113	107	10,22	156	84,5	670
Июнь	489,7	157	113	108	10,58	162	84,0	666
Июль	(523)	168	113	(107)	9,80	150	(28)	222

не только разменных знаков мелких купюр, но и дополнительными порциями банкнотной эмиссии, то придется признать, что мы имели не просто разменный кризис, а настоящий денежный голод, или дефляцию. И вот наряду с этим мы видим до конца мая несомненное и притом очень резкое повышение скорости обращения рубля. Причем коэффициенты оборачиваемости рубля, приведенные правлением Госбанка, вполне подтверждаются и отчетностью других московских банков.

Как же объяснит Волин этот факт, вопиющий самым решительным образом против невпопад расточаемой иронии нашего критика?

С нашей точки зрения, он вполне объясним. Замена падающего совзнака в гражданском обороте твердым рублем, обращающимся в 4—6 раз медленнее совзнака, должна была увеличить в соответствующее число раз потребность оборота в орудиях обращения. Это и создало явления дефляции, особо остро ощущавшиеся в области розничного оборота денежных знаков мелких купюр. В образовавшуюся пустоту, как мы видели выше, НКФ выбросил уже свыше 200 млн. руб. добавочной эмиссии и все же, по-видимому, далеко еще не заполнил ее. Насколько эта пустота значительна, можно легко себе представить хотя бы из следующего минимального расчета. По довоенным рабочим бюджетам у каждого рабочего на руках имелось в монете до 5% его годового заработка, или 60% месячного, т. е. на круг не менее 15 руб. на брата, а к январю 1924 г. даже в Москве, где заработки выше средних, эта наличность не превышала 14% *месячного* заработка, или, считая средний заработок рабочего по всей России за март 1924 г. в 33 червонных рубля, эта наличность едва достигла бы 4 р. 60 к. на 1 рабочего. Если же с переходом к твердому рублю рабочий снова повысил свою кассу до прежних 60% месячного заработка, то его домашняя касса должна достигать ныне вместо 4 р. 60 к. не менее 19 р. 80 к., что составляет прибавку на 1 рабочего в 15 руб., на 6 млн. русского пролетариата — в 90 млн., а если посчитать и непролетарское городское население и крестьянство — хотя бы по впятеро более низкой душевой норме,— то получим в общем прибавку *для одного лишь потребительского оборота* на сумму не ниже 300 млн. червонных рублей. НКФ дал всему обороту пока значительно меньше. Вот причина, по которой торгово-промышленный оборот ощущает затруднения в денежных средствах, исчерпывая ежедневно свои и банковские кассы почти до дна, что и находит свое отражение в вышеуказанном ускорении оборачиваемости *банковской* наличности.

Финансовые деятели, представляемые Волиным, настолько пропитались далеко еще не изжитой нами всеми идеологией падающей валюты, что совершенно неспособны пока понимать такого рода факты. Как, помилуйте, соображают они, апеллируя к прошлому, ведь до сих пор лишь избыток денег, понижая их покупательную силу, ускорял обращаемость нашей валюты. А теперь наш рубль не падает, значит, нет причин и для ускорения оборачиваемости рубля.

Ну, а если факты говорят другое? Изучать их или игнорировать?

Судя по тому высокомерному отношению к статистике, изучающей подобного рода явления, какое явствует уже из самого заголовка статьи Волина, он предпочитает второй исход. И, несомненно, игнорировать то, что противоречит нашему привычному складу мышления и требует от нас дополнительных умственных усилий,— это наиболее легкий, хотя и не самый почетный выход из таких положений. Горе от статистики Волина — это, конечно, не «горе от ума», воспетое в свое время Грибоедовым. Его горе гораздо обыденнее. Оно заключается попросту в том, что в окружающей сложной обстановке ни один серьезный экономист и государственный деятель не может безнаказанно отмахиваться от статистики, как от какой-то совершенно чуждой ему дисциплины.

Тем более непозволительно это марксисту и социалисту, ибо известно, что социализм — это и есть прежде всего трезвый учет всех действующих экономических сил и тенденций развития во всех областях общественной жизни. Волин не уделяет достаточного внимания реальному учету экономических фактов даже в той области, которая должна бы больше всего его интересовать. А потому он неизбежно попадает и будет и впредь то и дело попадать впросак, сколь часто он не поминал бы всуе имена великих экономистов и сколь усердно не расточал бы невпопад свою иронию по адресу плана и статистики.

Мы уверены, что по вопросу о товарной или золотой базе нашей валюты возможна еще очень длительная контроверза. Но плодотворной она будет лишь постольку, поскольку вместо более или менее отвлеченных соображений вперемежку с «полемическими красотами» второго и третьего сорта наши противники вооружатся реальными фактами и цифрами. Нам кажется, что Сокольников, выступавший в Деловом клубе с докладом о денежной реформе[1], проявил в этом отношении гораздо большее чутье действительности, чем некоторые другие из наших критиков, подчеркивая, что реформа удалась благодаря активной политике твердых цен. В этом действительно лежал центр тяжести успеха. Конечно, мы никогда не утверждали, как это думает Сокольников, что «реформа *целиком* опирается на установленные твердые цены», и отнюдь не говорили о «*всеопределяющей* роли Комвнуторга в фиксации товарных цен». Но, если эти преувеличения, которые резонно оспаривает Сокольников, отбросить в сторону, как направленные не по адресу, то близость наших с ним точек зрения на судьбу нашей реформы окажется уже весьма значительной. Во всяком случае, основную мысль нашей концепции, столь категорически отвергнутую апологетами рыночной стихии проф. Лоевецким и Волиным, Сокольников, по-видимому, вполне разделяет, выражая ее следующими словами: «...Победа советской валюты на внешнем рынке над золотом и долларом является символом и примером победы организованного социалистического хозяйства над анархией товарного капиталистического общества. В этом смысле дальнейшая судьба денежной реформы, конечно, целиком зависит от дальнейшего развития социалистических элементов в производстве, обращении и т. д.»[2].

Обращаем серьезнейшее внимание товарищей из Наркомфина на это директивное указание их шефа. Если оно будет всерьез ими воспринято,

[1] «Экономическая жизнь», 3 и 8 июня 1924 г.

[2] «Экономическая жизнь», 1 июня 1924 г.

то, конечно, от ориентации на решающий фактор рыночной стихии и высокомерного презрения к плановым попыткам ограничения этой стихии им придется отказаться. Но тогда и основной предмет нашего спора исчезнет.

Уже после сдачи в печать настоящей заметки появилась вторая статья проф. Лоевецкого на тему «В чем залог устойчивой денежной реформы» [1]. В общем и целом она вращается в кругу тех же идей, что и вышеразобранная статья Волина, а потому не требует специального анализа. Отмечу лишь два обстоятельства.

Проф. Лоевецкий не может опровергнуть факта, что курс нашего рубля на внутреннем рынке устойчивее по отношению к товарам, чем по отношению к золоту. Но это его ничуть не тревожит. «Когда мы говорим об устойчивости нашей валюты по отношению к золоту,— замечает он,— мы имеем в виду устойчивость по отношению к другим валютам, базирующимся на золоте». Вот в этом-то и горе, уважаемый профессор, что вы рассматриваете наш рубль лишь с интервалютной точки зрения, забывая, что он, однако, имеет хождение внутри страны. Но об этом было уже достаточно сказано в первой нашей статье [2], с которой проф. Лоевецкий, по-видимому, ознакомился лишь по извлечениям из нее в «Экономической жизни», а потому останавливаться на этом подробнее здесь нет оснований.

Второе замечание относится к вопросу, в чем именно заключается опасность для денежной реформы предложенного нами плана регулирования денежного обращения. Проф. Лоевецкий дает по этому поводу следующее разъяснение. «План тов. Струмилина заслуживает самого серьезного внимания в качестве принципа для изучения денежного обращения». Но он крайне опасен для эмиссионной *практики*, ибо располагает, по мнению нашего критика, «к лошадиным дозам эмиссии», которые, несомненно, лишь на почве такого подхода «так настойчиво навязывались Наркомфину в период разменного кризиса».

Насколько нам известно, в период разменного кризиса Наркомфину действительно пришлось пару раз усилить темп своей эмиссии под влиянием указаний, исходящих из Госплана, поскольку эти указания, одобренные Советом Труда и Обороны, получили силу закона. Надо при этом отметить, что предложения Госплана были одобрены СТО именно в тех цифрах, какие были нами запроектированы без всяких сокращений. Наркомфин их осуществил в полной мере. И что же случилось? Реформа потерпела ущерб от этих «навязанных» Наркомфину «лошадиных», по выражению проф. Лоевецкого, доз эмиссии? Ничуть не бывало. Наоборот, только благодаря им нам удалось кое-как справиться с нешуточными бедствиями разменного кризиса.

Конечно, очень жаль, что проф. Лоевецкий сам не предвидел необходимости таких доз эмиссии и их ему пришлось «навязывать» со стороны. Но если эти дозы не только не принесли вреда, но даже послужили к излечению от весьма серьезного недуга, то чего же бояться слов? Пусть они будут даже «лошадиными» дозами. Очевидно, тот конек, которым не совсем удачно управлял проф. Лоевецкий и его сотоварищи, в то время и нуждался в «лошадиных» дозах лечения. Во всяком случае гомеопатия здесь была бы гораздо менее уместна. И если основанием для правильной дозировки в этих прописанных весной Наркомфину рецептах действительно послужили наши теоретические положения, то вопреки проф. Лоевецкому за ними придется признать не только академическую ценность, но и некоторую практическую полезность.

Из этого, разумеется, не следует, что мы являемся сторонниками «лошадиных» доз эмиссии всегда и при всяких обстоятельствах.

Всякому овощу свое время.

---

[1] «Экономическая жизнь», 16 июля 1924 г.
[2] «Плановое хозяйство», 1924, № 4—5.

VI. К ВОПРОСУ О ДЕНЕЖНОЙ ИНФЛЯЦИИ И ДЕФЛЯЦИИ[1]

1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В практике обсуждения конъюнктурных обзоров и построения кредитно-эмиссионных планов последних лет выяснилось отсутствие общепризнанных критериев для суждения о наличности в стране инфляции или дефляции. Одни и те же конъюнктурные признаки истолковывались представителями одного ведомства как признаки угрожающей инфляции, в то время как представители других ведомств видели в них несомненное доказательство уже наступившей дефляции.

Конечно, давно уже было сказано, что даже такая элементарная истина, как дважды два — четыре, если бы она больно задевала чьи-либо групповые интересы, не получила бы и доныне общего признания. Кредитные же планы, проектируемые под влиянием идеологии инфляционистов или дефляционистов, настолько остро задевают целый ряд существеннейших ведомственных и общегосударственных интересов, что ожидать полного *единогласия* при их расширении было бы чистейшей утопией. Тем не менее можно и должно добиться взаимного понимания хотя бы среди той группы исследователей и общественных деятелей, которые чужды тем или иным специальным ведомственным интересам и способны подняться до общегосударственной точки зрения в этом вопросе.

Вот почему Госплан организовал в 1926 г. специальную комиссию с привлечением в нее представителей заинтересованных ведомств и специалистов для того, чтобы совместно проанализировать существо спорных моментов в этой чрезвычайно для нас важной проблеме и приблизиться к возможно объективному разрешению затяжного спора наших советских «инфляционистов» и «дефляционистов».

В комиссии по изучению признаков инфляции мы прежде всего попытались установить точно содержание понятий «инфляция» и «дефляция», причем сразу же выяснилось, что даже в этом вопросе не так просто добиться единомыслия. А именно в комиссии выдвинуто было целых три определения.

По одному из них инфляцией следует считать *всякий* новый выпуск денежных знаков в обращение, а дефляцией — изъятие их из оборота, независимо от каких-либо иных привходящих обстоятельств. Филологически это, по-видимому, вполне безупречное истолкование приведенных слов, но экономически — столь же бессодержательное, как и всякая иная тавтология. Выпуск денег в обращение при всех обстоятельствах есть выпуск, а не изъятие. Это бесспорно. Но такое «углубление» в проблему денежного обращения отнюдь еще не может помочь нам в наших затруднениях, когда мы стоим перед проблемой о степени *насыщения* оборота денежными знаками и решаем вопрос о том, на какую сумму можно и должно

---

[1] «Плановое хозяйство». 1926. № 6.

увеличить или сократить наличную денежную массу за ближайший месяц, квартал или год.

Другое определение, предложенное в комиссии, называет инфляцией такое состояние денежного обращения, когда *покупательная сила* денег падает, а дефляцией — такое, при котором она растет.

С формальной стороны и это определение не хуже всякого другого. Но практически и оно в достаточной степени бесплодно. Можно условиться понимать данный термин — «инфляция» — и в предложенном смысле. К тому же оно подкупает своей простотой. Никаких затяжных споров о том, наблюдается ли у нас инфляция или дефляция в тот или иной момент, при таком определении не возникало бы. Достаточно было бы лишь обратиться к показаниям товарных индексов и посмотреть, растут или падают товарные цены по отношению к предыдущему моменту,— и задача решалась бы «в два счета». Если цены растут, значит, у нас «инфляция», если падают — стало быть, «дефляция». Но, увы, такие решения ни на шаг не подвинули бы нас к цели, ибо показания индекса цен отнюдь еще не отвечают нам на вопрос, нужно ли выпускать или изымать из обращения денежные знаки в данный момент.

В самом деле, возьмем хотя бы довоенный опыт эмиссии в России. После промышленной депрессии (1900—1908 гг.) в течение 5 лет, т. е. с 1909 по 1914 г., наблюдается почти непрерывный рост денежной массы в обращении при столь же непрерывном возрастании товарных цен и, стало быть, падении покупательной способности золотого рубля. Но если бы мы даже назвали этот процесс инфляцией, то можно ли было бы упрекнуть Госбанк в том, что он напрасно допустил ее, выпуская деньги в обращение в то время, когда надо было изымать их из него.

Конечно, нет. Мы знаем теперь отлично, что после 1909 г. Россия вступила в полосу промышленного подъема и денежная масса росла в лучшем случае лишь в меру потребности возрастающего товарооборота, ибо она дала номинальный прирост с 1 января 1909 г. за 5 лет всего на 30%, в то время как учтенный товарооборот за 1908—1913 гг. возрос на целых 42% [1]. И если все же покупательная сила рубля *упала* за это время процентов на 6, то причина этого явления лежала вовсе не в том, что все товары за это время дорожали, а, скорее, в том, что один из них, а именно золото, заметно подешевел.

Рост товарного индекса без анализа причин этого роста и отчетливого уяснения на стороне денежной единицы или товаров лежат эти причины вовсе не дает нам еще ответа на вопрос, много или мало у нас денег в стране и какой эмиссионной политики нам следует держаться. Практически же только в этом и лежит основной стержень всех наших споров об инфляции и дефляции А потому его следует включить в самое определение этих понятий.

В таком случае инфляцией придется назвать такой *процесс*, когда в каналах обращения создается *избыток денег по сравнению с нормальной в них потребностью наличного оборота*, а дефляцией, наоборот, мы назовем *процесс сокращения* их по отношению к той же потребности.

Конечно, такое определение не содержит еще в себе готового рецепта, как отличить практически инфляцию от дефляции в каждый данный момент. Но оно ставит интересующую нас проблему во всей ее широте. Для ее разрешения недостаточно будет простой арифметической справки о движении тех или иных индексов, ибо здесь каждый раз потребуется не только статистический, но и экономический анализ всей хозяйственной обстановки страны. А для того, чтобы не разойтись уже в исходных пунктах этого анализа, мы должны прежде всего указать, на какой теоретической базе мы собираемся его строить.

---

[1] См. табл. 1 и 2 на стр. 110 и 111 настоящего издания.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Чтобы не плодить излишних теоретических контроверз, заявим сразу же, что мы стоим на точке зрения теории денег, изложенной в свое время Карлом Марксом и доныне никем еще не опровергнутой, а если наши противники держатся иной, то им прежде всего и следует доказать несостоятельность этой теории.

К интересующей нас теме наиболее прямое отношение имеют следующие положения теории Карла Маркса.

Прежде всего, чтобы избежать денежного фетишизма, который ничуть не лучше фетишизма товарного, необходимо себе усвоить, что деньги не вещь, а общественное отношение людей [1]. «Деньги — это кристаллизация меновой стоимости товаров, создаваемая ими в самом процессе обмена». Общественные отношения людей *представляются* в этом процессе в *форме специфических свойств вещи*, именуемой деньгами, но это превращение представляет собою, по выражению Маркса, ту «прозаически реальную мистификацию», которая характеризует собою *все* общественные формы труда создающего *меновую стоимость*. «В деньгах это выступает только разительнее, чем в товаре» [2].

Функции денег *многообразны*. Мы различаем, например, деньги как мерило стоимости, как орудие обращения товаров, как платежное средство в кредитных сделках и как орудие накопления.

Чтобы служить орудием накопления, деньги должны быть извлечены из каналов обращения; обращаясь в сокровища, они не участвуют в товарообмене и, стало быть, уже поэтому не могут влиять на товарные цены.

Иначе обстоит с той частью денежной массы, которая функционирует в роли орудия обмена. По общепринятым воззрениям количественной теории денег товарные цены при прочих равных условиях должны расти или падать прямо пропорционально этому количеству денег, вступающих в оборот на товарном рынке. Но Маркс отвергает эту концепцию в корне. И, поскольку речь идет о золотом обращении, устанавливает диаметрально противоположное положение. По Марксу, «цены не потому высоки или низки, что в обращении находится большее или меньшее количество денег, а наоборот, в обращении потому находится большее или меньшее количество денег, что цены высоки или низки» [3].

В самом деле, мы знаем, что меновая стоимость, а, стало быть, в последнем счете и рыночные цены всех товаров, не исключая золота, определяются уже в общественном процессе их *воспроизводства*.

Конечно, различное строение капитала в разных отраслях создает возможность известных отклонений рыночных расценок *отдельных товаров* от их трудовой стоимости. Но поскольку речь идет *о всей товарной массе*, противополагаемой золоту, выступающему в качестве всеобщего эквивалента стоимости,— а для теории денежного обращения только такое противоположение и возможно,— то частные отклонения цен от общего закона стоимости для нас не представляют никакого интереса.

Что же произойдет, если в тот или иной момент золота — при данной его расценке по отношению к другим товарам на рынке — окажется больше, чем его требовалось бы для реализации наличного запаса товаров?

На это может быть два ответа. Согласно вульгарной теории — по «закону спроса и предложения» — изменится относительная расценка золота и товаров. Согласно же теории Маркса, поскольку речь идет о всей товарной массе, обмен произойдет на основе эквивалентности овеществленных

---

[1] Мы очень извиняемся перед читателями-марксистами в том, что нам приходится говорить о таких элементарных и известных даже рабфаковцам вещах. Однако горький опыт убедил нас в подобной необходимости.

[2] К. Маркс. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 35, 36.

[3] Там же, стр. 88—89.

в товарах и золоте трудовых затрат, а избыток золота будет попросту извлечен из каналов обращения и использован в роли средств накопления, сокровищ. Само собою разумеется, что, сто́я на базе теории трудовой стоимости, мы можем принять только это второе решение.

Таким образом, при золотом обращении *количество* денег в обороте не влияет на цены уже потому, что оно всегда *автоматически* выравнивается по потребности в деньгах самого оборота. «Это застывание обращающихся денег в форме сокровища и приливы сокровищ в обращение представляют собой постоянно изменяющееся колебательное движение, в котором преобладание того или другого направления определяется исключительно колебаниями товарного обращения. Сокровища выступают, таким образом, как приводные и отводные каналы находящихся в обращении денег, так что в качестве монеты всегда обращается лишь такое количество денег, которое обусловлено непосредственными потребностями самого обращения» [1].

Иными словами, для денежной инфляции или дефляции в принятом нами смысле *при золотом обращении* нет и не может быть места. И если индексы обнаруживают все же и в странах золотого обращения непрерывные колебания уровня товарных цен или, что то же, покупательной силы денежной единицы, то объяснять их можно меняющимися условиями производства золота и других товаров, временными колебаниями конъюнктуры рынка на те или иные *группы товаров*, входящих в состав индекса, или из каких угодно других изменений экономики данной страны, но только не за счет общей денежной инфляции или дефляции.

Все сказанное относится, однако, лишь к золотому обращению со свободной чеканкой золота или к банкнотному, обеспеченному свободным разменом на золото по указному паритету. В этом последнем случае избыточный выпуск *бумажных* денег не может создать никаких инфляционных затруднений для оборота, ибо весь избыток бумажек автоматически будет вытолкнут из оборота путем предъявления их в случае нужды к размену в эмиссионные учреждения [2].

В случае бумажного обращения, не обеспеченного свободным разменом на золото по фиксированному курсу, создается иная ситуация. Так как бумажные деньги имеют принудительное хождение, то никто не может помешать государству втиснуть в обращение произвольное количество билетов, дав им произвольные монетные названия: червонец, 5 червонцев, 10 червонцев. «Билеты, раз попавшие в обращение, не могут быть оттуда выброшены, так как пограничные столбы данного государства задерживают их движение и так как *вне* обращения они теряют всякую стоимость, как потребительную, так и меновую. Оторванные от своего функционального бытия, они превращаются в никчемные клочки бумаги» [3].

---

[1] К. Маркс. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 118.

[2] «...От произвола эмиссионных банков отнюдь не зависит увеличение числа обращающихся банкнот до тех пор, пока эти банкноты могут быть во всякое время обменены на деньги... Всякий избыток обращения превратится во вклады и, таким образом, примет иную форму... Следовательно, влияние на количество обращающихся денег — банкнот и золота — оказывают лишь потребности самого хода дел» (К. Маркс, Капитал, т. III, 1955, стр. 538—539, 540, 541).

Здесь кстати будет отметить, как Маркс расценивал золотые банковские резервы с точки зрения потребностей банкнотного денежного обращения. «Обращение банкнот, не завися от воли Английского банка,— писал он,— является в такой же степени независимым и от состояния того золотого запаса в кладовых банка, который обеспечивает размен этих банкнот». Что касается пользы этого разменного золотого фонда, святость и неприкосновенность которого для нужд обращения диктуется законом, то она характеризуется у Маркса следующей цитатой: «...Эти деньги... с таким же успехом можно было бы бросить... в море...» (там же, стр. 540 и 576).

Что же тогда можно сказать о «святости и неприкосновенности» нашего золотого фонда Госбанка, не призванного пока служить даже целям размена?

[3] К. Маркс. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс Сочинения, т. 13, стр. 102.

Такие бумажные деньги не имеют собственной ценности, они являются лишь символическими *знаками* ценности, и, поскольку они заменяют в обороте золото, они не могут представлять собою в общем итоге большую сумму, чем та реальная ценность, которую они собою заменяют. «В той же мере, в которой увеличилась бы общая сумма знаков стоимости, уменьшилось бы количество золота, представляемого каждым отдельным знаком» [1].

В этом случае инфляция в нашем смысле этого слова, стало быть, вполне возможна. Она сопровождалась бы *при прочих равных условиях* прямо пропорциональным избытку денежных знаков *обесценением* их или, что то же, соответствующим *повышением общего уровня товарных цен*. Причем здесь «повышение цен было бы,— по замечанию Маркса,— только реакцией процесса обращения, насильственно приравнивающего знаки стоимости к тому количеству золота, вместо которого они обращаются» [2].

«...Повышение или падение товарных цен в зависимости от увеличения или уменьшения массы бумажных билетов,— последнее там, где средством обращения служат исключительно бумажные билеты,— есть только насильственное осуществление процессом обращения закона, механически нарушенного извне, закона, по которому количество находящегося в обращении золота определяется товарными ценами, а количество находящихся в обращении знаков стоимости — количеством золотой монеты, замещаемой ими в обращении» [3].

Опыт такого обращения неразменных денежных знаков мы имели в продолжение целого десятка лет, начиная с объявления первой мировой войны до денежной реформы 1924 г. Это была эпоха все возрастающей денежной инфляции. И в эту эпоху обесценение денежных знаков шло таким бешеным темпом, что никаких иных, *более тонких* измерителей перенасыщения оборота деньгами не требовалось. Степень денежной инфляции получала вполне достаточное отражение в индексах возрастания цен, хотя и в то время не все возрастание индекса можно было отнести за счет одной лишь денежной инфляции.

Более точным измерителем степени инфляции, согласно вышеизложенной теории, было бы прямое сопоставление количества денежных знаков, фактически выпущенных в обращение, с тем количеством одноименных золотых монет, какое в каждый данный изучаемый момент было бы достаточным для нормального обслуживания наличного оборота.

Как известно, эта норма согласно теории Маркса определяется прежде всего — при прочих равных условиях — суммой подлежащих реализации товарных цен, исходя из данной расценки товаров в отношении золота, во-вторых, суммой платежей по кредитным и всяким иным обязательствам и, в-третьих, скоростью обращения денег в качестве орудия обмена и платежного средства. При этом первые две величины связаны с количеством денег в обращении прямой пропорциональной зависимостью, а третья — обратной.

Конечно, при этом из валовой суммы товарных цен и платежей подлежит вычету та их часть, которая реализуется без участия денег в монете, т. е. прежде всего путем взаимного зачета обязательств, а в таких странах полунатурального хозяйства, какой была царская Россия, и путем натурального обмена или оплаты натурой разного рода услуг и обязательств. Точно так же ясно, что в понятие «суммы товарных цен, подлежащих реализации» — поскольку некоторые товары по дороге от производителя к потребителю реализуются не один раз, а два-три раза и больше — мы должны включать не однократную сумму товарной массы, а сумму товарного оборота, т. е. товарную массу, умноженную на среднее число ее оборотов на

---

[1] К. Маркс. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 103.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 104.

пути от производителя до потребителя. Но эти оговорки не меняют общего закона, сформулированного Карлом Марксом в следующих строках:

«При данной скорости обращения денег, в качестве ли средства обращения или в качестве платежного средства, общая сумма денег, находящихся в обращении на данном отрезке времени, определяется общей суммой подлежащих реализации товарных цен плюс общая сумма платежей, приходящихся на этот же период времени, минус платежи, взаимно уничтожающиеся путем погашения» [1].

Исходя из этих положений, взаимозависимость интересующих нас величин можно было бы выразить следующей элементарной формулой:

$$x = \frac{k(T - t) \cdot I}{n} + \frac{P - p}{n_1}, \qquad (1)$$

где x — денежная масса, потребная обороту в золоте; T — вся товарная масса, подлежащая реализации за данный период, в *количественном* выражении [2]; t — та доля товаров, которая реализуется безденежно; k — коэффициент обращаемости реализуемых за деньги товаров; I — средняя взвешенная цена в золоте за единицу товара или товарный индекс цен, если физический объем товарной массы выражен, скажем, в довоенной оценке; P — общая сумма денежных платежей и p — та доля платежей, которая осуществляется безденежно путем зачета и т. п., а n и n_1 — число оборотов денежной единицы за данный период в качестве орудия обращения товаров и платежного средства.

Все элементы, входящие в состав приведенной формулы, поддаются статистическому учету. За прошлое время необходимые коэффициенты могут быть исчислены по отчетным материалам, а для текущих нужд регулирования денежного обращения можно было бы организовать конъюнктурные наблюдения за динамикой тех же коэффициентов. И, стало быть, не только факт наступления инфляции или дефляции, но и числовую меру нарастания инфляционных или дефляционных процессов, исходя из вышеизложенных теоретических предпосылок, возможно установить с полной объективностью. Задача же регулирования денежного обращения при наличии таких наблюдений сведется, говоря словами Маркса, просто к тому, что «выпуск бумажных денег должен быть ограничен тем их количеством, в каком действительно обращалось бы символически представленное ими золото» [3].

3. ИНДЕКСЫ ЦЕН И СКОРОСТЬ ОБРАЩЕНИЯ

Анализируя общую формулу денежного обращения, не трудно установить, динамика каких величин может быть использована в качестве наиболее достоверных и точных показателей инфляции и дефляции.

Начнем хотя бы с индекса цен. В нашу формулу входит только индекс товарных цен, выраженных в *золоте*. И это вполне понятно. Лишь золото, представляя собою овеществленное рабочее время, может служить мерой общей стоимости товарной массы, подлежащей реализации. И если золото по отношению к товарам дешевеет, то его требуется больше для целей обращения, а если дорожает, то денежная масса должна сократиться. Но, поскольку мы перешли после 1913 г. от золотого рубля к бумажному и у нас все цены выражены в бумажных рублях, равных по покупательной своей силе, скажем, 1/2 одноименной золотой единицы 1913 г., то для

---

[1] К. Маркс. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 129.

[2] При изучении динамики оборота здесь могут быть использованы коэффициенты роста «физического объема» товарной продукции.

[3] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 138.

приведения к золотым ценам этого года *обе части* равенства в нашей формуле пришлось бы лишь разделить на этот коэффициент покупательной силы бумажного рубля по отношению к золоту или, что то же, умножить их на индекс цен, выраженных в бумажной валюте, по отношению к ценам 1913 г. Само собою разумеется, что на такой общий множитель можно сократить обе части равенства без всякого ущерба для значимости нашей формулы. Вот почему мы и не вводим его в эту формулу.

Тем не менее *динамика* индекса цен при известных условиях, несомненно, является одним из важнейших показателей инфляционных или дефляционных процессов. Так, например, если скорость обращения денежной единицы заведомо не изменилась, а цены все же растут, то, значит, количество денежных знаков по отношению к величине товарного и платежного оборота велико, и мы вступили в полосу инфляции. Но и в этом случае показательны только *изменения* индекса и покупательной силы рубля, а не абсолютная его величина. В самом деле, в 1895/96 г., до девальвации, бумажный рубль достигал едва двух третей золотого рубля, но он приближался к нему *возрастая, а не падая*, и потому мы имели здесь скорее дефляционный, чем инфляционный процесс.

Но можно представить условия, при которых колебания индекса цен вовсе не могут служить показателем инфляции или дефляции. Таковы прежде всего условия *золотого* обращения, при котором согласно теории Маркса вообще не может быть инфляции или дефляции, ибо излишек золота автоматически выпадает из обращения, а недостаток столь же автоматически покрывается приливом золота из резервуаров накопления «сокровищ». Но и в условиях неразменной бумажной валюты, когда инфляция и дефляция вполне возможны, показания индексов цен далеко не всегда могут их обнаружить. Типичный в этом отношении пример представляет как раз наше червонное обращение, при котором покупательная сила денежной единицы поддерживается прежде всего регулированием цен на продукты государственной промышленности.

Связанные прейскурантом Наркомвнуторга отпускные цены наших синдикатов не могут произвольно колебаться, следуя за каждым изменением бумажноденежной массы в обращении. А между тем бумажное обращение не обладает, подобно золоту, свойством автоматического саморегулирования количества денежных знаков в каналах обращения. Что же должно воспоследовать в этом случае при внедрении в оборот излишка денежных знаков по сравнению с потребностью в них оборота?

В схеме Маркса нет прямого ответа на этот вопрос, ибо капиталистическое общество не знает государственного регулирования цен и Марксу не было нужды специально рассматривать такой случай. Но его формулировки закона денежного обращения заключают в себе все элементы, необходимые для ответа на этот вопрос. В самом деле, если, анализируя формулу (1), мы допустим, что сумма обращающихся товарных ценностей и платежей есть для нас заранее данная величина, не подлежащая изменению, а сумма денежных знаков меняется, причем покупательная сила этих знаков закреплена определенным прейскурантом цен и потому не может изменяться в обратном отношении к количеству денежных знаков, то для сохранения равенства обеих частей формулы останется только одно допущение: за каждым увеличением покупательной силы денежной массы по отношению к сумме подлежащих реализации товаров и платежей в стране будет следовать соответствующее уменьшение средней скорости обращения денежных знаков, и обратно всякое сокращение денежной массы по отношению к товарно-платежной массе возможно только за счет соответствующего ускорения оборачиваемости денежных знаков [1].

---

[1] В более обобщенной формулировке мы находим эту мысль в следующих словах К. Маркса: «При неизменных товарных ценах масса средств обращения может

Таким образом, вместо отказывающегося служить этой задаче индекса цен мы получаем здесь новый показатель перенасыщения оборота деньгами или денежного голода в стране. И, как явствует совершенно недвусмысленно из формулы, *показателем денежного голода, или дефляции, будет ускорение оборота бумажных денег* выше средней оборачиваемости денег при золотом обращении, *а показателем инфляции будет, наоборот, соответствующее замедление скорости их обращения.*

Скорость обращения денег ввиду сказанного заслуживает нашего специального изучения. До последнего времени даже среди марксистов этому моменту не уделялось должного внимания. Находились даже такие экономисты, которые вообще пытались игнорировать этот основной элемент в учении о денежном обращении. Тем больше оснований будет нам обратиться здесь непосредственно к первоисточнику этого учения и посмотреть, что было высказано по этому вопросу в свое время еще самим Марксом.

Понятие «скорости» или «быстроты» обращения денег, по Марксу, измеряется числом оборотов монеты в единицу времени. Оборотом монеты при этом считается всякий переход ее из одних рук в другие или из одной кассы в другую в результате акта купли-продажи или иной сделки. Конечно, одни монеты совершают больше оборотов за данное время, другие — меньше. Но в общем процессе обращения каждая данная монета становится, так сказать, «ответственной» за остальные, и если одна ускоряет быстроту своего обращения, то тем самым она замедляет быстроту обращения другой. «Общее число оборотов всех находящихся в обращении одноименных денежных единиц дает, однако, среднее число оборотов отдельной единицы, или среднюю скорость обращения денег» [1].

«Бытие монеты в процессе обращения,— замечает Маркс в другом месте,— равнозначно содержащемуся в ней количеству золота, умноженному на число ее оборотов... Поэтому, если растет число оборотов денег, то масса денег, находящаяся в обращении, уменьшается. Если уменьшается число их оборотов, то масса их растет» [2]. Скорость оборота золота может, стало быть, возместить его количество.

Вообще говоря, по Марксу, денежная масса в обращении определяется тремя основными факторами, среди которых находит свое место и скорость обращения. «Эти три фактора: движение цен, масса обращающихся товаров и быстрота обращения денег, могут изменяться в различных направлениях и в различных пропорциях; поэтому подлежащая реализации сумма цен, а следовательно, и обусловленная ею масса средств обращения могут также претерпевать многочисленные комбинации» [3]. Но и в условиях простого денежного обращения (золотого), не осложненного обращением банкнот или иных кредитных денежных знаков, на долю изменчивости третьего фактора, т. е. скорости обращения, падает очень ограниченная доза влияния. «Поверхностный и формальный характер простого денежного обращения,— говорит Маркс,— обнаруживается как раз в том, что все моменты, определяющие количество средств обращения, а именно мас-

---

расти, если увеличивается масса обращающихся товаров или уменьшается быстрота обращения денег или оба эти обстоятельства действуют совместно. Наоборот, масса средств обращения может уменьшаться, если уменьшается масса товаров или возрастает скорость обращения» (К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 132—133).

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 130—131.

[2] К. Маркс. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13 стр. 91; К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 131.

[3] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения т. 23, стр. 132.

са обращающихся товаров, цены, повышение или падение цен, число одновременных покупок и продаж, скорость обращения денег, зависят от процесса метаморфозов товарного мира, который, в свою очередь, зависит от общего характера способа производства численности населения, отношения между городом и деревней, развития средств транспорта, от большего или меньшего разделения труда, кредита и т. д.,— словом, от обстоятельств, которые все лежат *вне* простого денежного обращения и в нем только отражаются» [1].

Но, поскольку скорость обращения зависит от столь медленно изменяющихся объективных производственных условий, ее можно было бы принять за данную для целого ряда месяцев или даже лет и исключить из сферы конъюнктурных наблюдений текущего момента.

Не таковы, однако, условия бумажноденежного обращения. Здесь уже мы сами по своему произволу можем изменять, в особенности при фиксации цен на определенном уровне, и общую сумму денежной массы в обращении, и самую скорость этого обращения, причем по сравнению со всеми остальными факторами, не зависящими от нашего произвола, скорость обращения денег является наименее устойчивой и постоянной. И, стало быть, в наших условиях она как раз особенно пригодна в качестве объекта конъюнктурных наблюдений.

Как показал опыт совзначной эмиссии за время до денежной реформы 1924 г., количество денежных знаков, которое может быть втиснуто в оборот, не имеет определенных пределов. Но то была эпоха безудержного падения цен. И, собственно говоря, денежная масса в *реальном* ее значении вовсе не росла в этот период, а даже падала. Она падала, обгоняя в своем падении даже сокращение товарной массы в стране, что уравновешивалось, однако, соответствующим ускорением оборота падающего совзнака. Таким образом, в *эту эпоху* процесс денежной инфляции сопровождался одновременным ускорением обращаемости совзнака. А первым результатом перехода к червонной валюте было замедление обращаемости денежных знаков.

На первый взгляд эти факты противоречат нашему выводу из формулы денежного обращения о том, что ускорение обращаемости денег является признаком дефляции, а не инфляции. Но не надо забывать того условия — устойчивости цен и покупательной силы рубля,— которое является предпосылкой нашего вывода.

При быстро падающем рубле мы не имеем этого условия, но зато имеем определенный стимул каждого держателя денег возможно скорее избавиться от них во избежание потерь на курсе обесценивающегося рубля. В этом случае двигающей причиной является стимул хозяйственного расчета, ускоряющий оборот денег, а естественым последствием такого ускорения — соответствующее снижение реального значения денежной массы. Но при фиксации товарных цен причины и следствия меняются своими местами. И когда, как это часто делается, мы насильственно сокращаем путем изъятий денежную массу в обращении, не считаясь с потребностями оборота, естественным последствием этого является лишь ускорение обращаемости червонного рубля.

Конечно, когда мы говорим об устойчивости цен как предпосылке того или иного вывода, мы можем разуметь только относительную их устойчивость. Абсолютно неподвижных цен не бывает и быть не может и при золотом обращении. Изменяющиеся условия производства, помимо всяких иных причин, непрерывно изменяют соотношения товарных цен между собою, а стало быть, и в отношении любого денежного измерителя стоимости, какой бы *собственной* устойчивостью он ни отличался. Устойчивы-

---

[1] К. Маркс. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 13, стр. 88.

ми ценами мы, следовательно, можем считать уже такие, колеблемость которых по отношению к избранной нами денежной единице не больше обычной колеблемости их в условиях золотого обращения, т. е. вне специфических влияний инфляции или дефляции. При такой нормальной колеблемости цен мы не вправе предполагать тех специальных стимулов к обмену денег на товары во избежание их обесценения, какие наблюдаются в периоды острой инфляции, а стало быть, не имеем основания ожидать и соответствующих им последствий в области ускорения или замедления обращения денег.

Имеются ли какие-либо пределы возможного расширения и сжатия реального, т. е. выраженного в товарах, значения бумажноденежной массы в связи с ускорением и замедлением оборота денег или эти величины могут изменяться при известных условиях от нуля до бесконечности?

Ответить на это нетрудно. Конечно, высший и низший пределы реальной денежной массы, а равно и возможной скорости обращения денег имеются. И притом, судя по опыту прошлого, даже при бумажном обращении эти величины, по-видимому, могут изменяться лишь в довольно узких пределах.

Увеличивать слишком широко эмиссию в расчете, что избыток денег при наличии твердых цен на товары покроется автоматически замедлением оборота денег в стране, весьма рискованно. Ведь по сути дела это замедление оборота означает остановку и, стало быть, накопление в кассах все большего количества «безработных» червонцев. И если эти «безработные» червонцы превысят ту норму, которая требуется по условиям нормального оборота в качестве повседневного монетного резерва, то им останется только два исхода — либо оседать в качестве сокровищ в банковских резервуарах, либо увеличивать спрос на предметы личного и производственного потребления и давить на цены. И если первый путь не грозит нам еще большими опасностями, то второй — в условиях товарного голода — чреват весьма серьезными последствиями. Не забытый еще никем из нас опыт эмиссионного хозяйства при падающей валюте служит, однако, достаточным предостережением против всяких рискованных шагов в этом направлении.

Но не следует перенапрягать наши эмиссионные регуляторы и в обратном направлении. Конечно, выпуск или изъятие денег из оборота пока что уравновешивается замедлением или ускорением их оборота. Но велики ли пределы упругости нашей системы в этом отношении?

В самый разгар инфляции в конце 1923 и начале 1924 г. обращаемость совзнака превышала нормальную обращаемость рубля всего в 3—4 и максимум в 6—8 раз. Скорость обращения денег может заменить их количество только до некоторой степени, определяющейся количеством одновременно совершающихся сделок и платежей[1]. Если, например, у нас в 1925/26 г. ежемесячно в одних и тех же числах производилась *одновременная* выплата зарплаты рабочим и служащим в сумме около 400 млн. черв. руб., то мы, очевидно, ни в коем случае не смогли бы уже обойтись меньшей денежной массой в обращении, хотя несколько лет тому назад при натуральной оплате труда и падающем совзнаке мы опускались до обращения и ниже сотни миллионов червонных рублей по всей стране. А ведь, кроме выплат заработной платы, одновременно совершаются и другие сделки.

Значит, идти очень далеко по пути сокращения реальной денежной массы в обращении в расчете, что возрастающая скорость обращения автоматически исправит наши дефляционные ошибки в этом отношении, весьма рискованно. Какое расстройство оборота может наступить в результате

---

[1] См. К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 131.

дефляции, мы имели уже случай отчасти наблюдать во время того «разменного голода», который у нас имел место весной 1924 г. с переходом от совзначной к червонной валюте.

Конечно, было бы очень поверхностным смешивать явления денежного голода с недостатком реальных капиталов в стране или с тем понижением реального платежеспособного спроса, какое наблюдается нередко в периоды перепроизводства и кризисов сбыта. «Но,— писал по поводу таких кризисов К. Маркс,— если объяснение приостановок в процессе производства и обращения недостатком средств обращения есть только популярная иллюзия, то это не означает, что действительный недостаток в средствах обращения, вследствие, например, официальных махинаций в области «regulation of currency» [«регулирования средств обращения»], не может, с своей стороны, вызвать приостановку» [1].

Это предостережение Маркса особенно уместно было бы принять к сведению многим из наших дефляционистов.

С другой стороны, чрезмерные выпуски бумажных денег, даже при твердой их расценке в нормированных ценах гособорота, как учит нас опыт, тоже могут легко выйти за пределы нормальной его упругости. Когда замедление оборота денежных знаков переходит за известный предел, то на него очень активно начинают реагировать цены частного ненормированного товарооборота и, чем у́же этот частный оборот и чем резче он отграничен условиями нормированного снабжения от обобществленного сектора, тем резче образуется тот разрыв в ценах частного и обобществленного секторов, который свидетельствует об избыточном количестве денежных знаков в частном секторе.

Разумеется, при падающей роли частного рынка в общем обороте страны значение таких явлений не следует преувеличивать. Но в качестве конъюнктурного показателя, и притом весьма чувствительного, игнорировать их не приходится.

К сожалению, до последнего времени в наших органах, регулирующих денежное и товарное обращение страны, слишком мало уделялось внимания организации действительного наблюдения за такими фактами, как секториальное перераспределение денежной и товарной массы в стране, скорость обращения денежных знаков и товаров в разных каналах и тому подобные сигнализаторы опасных явлений в этой области. Правда, наши враги в указанной области очень часто поднимали большой шум вокруг понятий «дефляции» и «инфляции», но практически охотно по мере сил готовы были действовать *обоими* методами для скорейшего расстройства советской денежной системы.

К счастью, этому злу уже положен конец.

---

[1] См. К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 132

VII. НАШИ ЭМИССИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ[1]

Вопросу о возможном темпе нашей банковской эмиссии без угрозы стабильности червонной валюты уделялось у нас за последний год довольно внимания. В частности, особенно большой интерес к названному вопросу проявляли работники Госплана, которым каждый квартал при рассмотрении кредитных планов Госбанка приходится сталкиваться с этим вопросом вплотную. Еще год тому назад в связи с денежной реформой по инициативе А. Д. Цюрупы в Госплане поставлена была систематическая сводка всех материалов, освещающих проблему о методах возможного предвидения и планового регулирования потребной для здорового развития товарооборота банковской эмиссии. И хотя эту проблему и до сего дня нельзя считать достаточно проработанной, но все же некоторые результаты проделанной работы заслуживают, как нам кажется, общественного к ним внимания.

Ниже мы в общих чертах воспроизводим наш доклад о результатах этих работ, заслушанный 12 января 1925 г. в экономическом секторе Госплана. Доклад этот был коллективным. По поскольку отдельные содокладчики уже в значительной степени использовали материал своих докладов в печати, то мне остается лишь подвести кое-какие итоги.

Первым вопросом, который мы поставили перед собой в нашем исследовании, был вопрос о соотношении между бумажноденежной массой в обращении и товарооборотом страны. Степень постоянства этого соотношения представляет громадный интерес для разрешения нашей проблемы, так же как и самый коэффициент, измеряющий его величину. Вопрос этот осложняется тем, что в нашем распоряжении вовсе не было сколько-нибудь исчерпывающих данных о динамике нашего товарооборота, а данные о денежном обращении до 1896 г. тоже сильно хромали в отношении полноты и достоверности. Пришлось поэтому сначала проделать очень сложную специальную работу по исчислению товарооборота в России за целых 28 лет[2], а затем заняться посильным уточнением имеющихся данных о денежном обращении. Результаты этих работ представлены в нижеследующих таблицах.

Общие размеры денежного обращения в дореволюционной России, по имеющимся данным, колебались от года к году в таких пределах (см. табл. 1).

Средние годовые итоги выведены здесь по данным на первое число каждого месяца. О разменной монете такие данные начали публиковаться только с 1912 г., поэтому за прежние годы соответствующие итоги пришлось исчислить приблизительно, исходя из данных о ежегодной чеканке и среднем сроке службы разменной монеты. О золоте и банковском серебре в обращении до 1896 г. данных не имеется. Конечно, судя по данным о

[1] «Плановое хозяйство», 1925, № 5.

[2] С. Струмилин. Товарооборот России. «Экономическое обозрение», вып. 19, 1924 и «Наш довоенный товарооборот». «Плановое хозяйство», 1925, № 1.

Таблица 1

Денежная масса в обращении *

(в среднем за год по всей бывшей Российской империи, в млн. руб.)

Годы	Кредитные билеты	Золото	Банковское серебро	Разменная монета	Всего в обращении	
					в среднем за год	на 1 января
1	2	3	4	5	6	7
1885	893	—	—	14,3	907	913
1886	905	—	—	15,8	921	922
1887	951	—	—	17,4	968	958
1888	982	—	—	18,8	1001	989
1889	940	—	—	20,3	960	993
1890	900	—	—	21,7	922	948
1891	976	—	—	23,5	1000	930
1892	1070	—	—	25,3	1095	1080
1893	1062	—	—	26,7	1089	1100
1894	1042	—	—	27,7	1070	1100
1895	1050	—	—	28,0	1078	1076
1896	1043	17,2	15,4	28,0	1103	1083
1897	968	65,4	46,6	28,5	1108	1161
1898	800	291	101	28,9	1221	1157
1899	576	558	130	32,7	1297	1265
1900	537	642	138	36,4	1353	1313
1901	559	673	141	39,9	1413	1422
1902	558	695	133	44,8	1431	1419
1903	578	740	130	51,9	1500	1471
1904	702	711	123	59,4	1595	1542
1905	984	694	121	66,6	1866	1723
1906	1164	717	122	74,3	2077	2250
1907	1181	609	117	82,5	1990	2034
1908	1092	590	110	90,0	1882	1984
1909	1127	548	106	97,4	1878	1852
1910	1181	605	110	103,4	1999	1969
1911	1267	637	113	107,2	2124	2097
1912	1380	639	114	110,8	2244	2209
1913	1550	554	118	116,7	2339	2359
1914	2063	470	126	129,3	2788	2403

* Источники. «Отчеты Государственного банка» за соответствующие годы. Ср. также В. Кашкаров. Денежное обращение. Историко-статистическое исследование, т. II, СПБ. 1898. Приложения, стр. 7—9.

чеканке, этой монеты и в прежние годы выпускалось порядочно, но золото шло главным образом для заграничных расчетов, серебро тоже в известной доле утекало в Персию и другие соседние страны. Поэтому, сколько именно золота и полноценного серебра застревало внутри страны, определить очень трудно. Но поскольку золото и серебро до денежной реформы 1896 г. расценивались на внутреннем рынке в кредитной валюте значительно выше номинала, они вытеснялись ею из оборота и, если и служили еще орудием сбережения, то во всяком случае орудием обращения по общему правилу быть не могли. Поэтому в общий итог денежной массы в *обращении* золото и серебро едва ли следовало бы включать, если бы мы даже располагали вполне точными данными по этому вопросу.

Как видно из таблицы, внедрение золота в оборот после реформы Витте шло все время за счет извлечения кредитных знаков из обращения. Вместе с тем характерно, что в общей массе учтенного денежного обращения заметного скачка в момент реформы не наблюдается. А между тем установление твердого паритета между кредитным и металлическим рублем должно было бы вытолкнуть этот последний из чулков и кубышек в обращение и тем самым повысить общий итог *учтенной* денежной массы за

счет этого *неучитывавшегося* металлического резерва прежних лет. Почему это произошло, потому ли, что мертвый резерв кубышек был слишком ничтожным и оживление его после реформы *поэтому* не может быть обнаружено, или потому, что включение в оборот этого резерва уравновешивалось общим замедлением обращаемости денег в новых условиях стабилизированной валюты, сказать трудно. Но во всяком случае можно думать, что условия обращаемости валюты до и после реформы должны были претерпеть известные изменения.

Весь поддающийся статистическому учету товарооборот довоенной России изменялся за изучаемый период следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2

Учтенный товарооборот промышленных и торговых предприятий России за 1885—1913 гг. в ценах отчетного года

(в млн. руб.)

Годы	Оборот абс.	Оборот %	Годы	Оборот абс.	Оборот %
1	2	3	1	2	3
1885	5 305	100	1905	12 878	243
1886	5 361	105	1906	12 581	237
1887	6 134	115	1907	13 185	249
1888	6 233	117	1908	13 869	261
1889	6 250	118	1909	14 101	266
1890	6 351	120	1910	14 710	277
1891	6 333	119	1911	16 348	308
1892	6 454	122	1912	18 050	340
1893	6 999	132	1913	19 619	371
1894	7 625	144			
1895	8 242	155	**В среднем за год**		
1896	8 628	162			
1897	9 114	172	1885—1889	5 855	100
1898	9 699	183	1890—1894	6 752	115
1899	11 969	225	1895—1899	9 530	162
1900	12 272	231	1900—1904	12 331	210
1901	12 334	233	1905—1909	13 321	227
1902	12 030	226	1910—1913	17 182	293
1903	12 258	231			
1904	12 757	240	1885—1913	10 602	—

Оборот, приведенный в таблице, исчислен нами главным образом по данным налоговой отчетности[1]. Только продукция наиболее мелких кустарных заведений с одним рабочим и вовсе без наемных рабочих подсчитана более грубо по коэффициентам продукции на 1 рабочего и числу рабочих. Подсчет этот был сделан за все годы в ценах 1913 г., поэтому для сравнимости с данными об оборотах по всей остальной промышленности и торговле и оборот кустарей пришлось привести за каждый год по промышленному индексу к ценам отчетного года[2].

В приведенной таблице более или менее полно учтен весь оборот промышленных и торговых предприятий. Но сюда следовало бы еще прибавить сумму оборота по реализации своей продукции земледельческим населением. К сожалению, имеющиеся у нас данные о базарных привозах и оборотах сельских ярмарок чрезвычайно скудны и малодостоверны, а весьма ценный для этой цели, но не менее скудный материал крестьянских

[1] О методах исчисления см. вышеуказанные наши работы о товарообороте.

[2] Вся работа по исчислению индексов за 1885—1913 гг. проделана в Госплане под наблюдением С. П. Боброва

бюджетов за довоенные годы и подавно недостаточен для погодного изучения динамики товарной доли сельской продукции за десятки лет. Тем не менее, пользуясь всей совокупностью имеющихся данных о производстве и распределении сельской продукции, мы попробовали в Госплане установить как общие размеры валовой сельской продукции, так и товарную ее долю для 1895 и 1913 гг. Процент товарности сельскохозяйственной продукции, включая сюда лесное дело, рыболовство и охоту, оказался, по этим подсчетам, довольно устойчивым: для 1895 г. он определился в 31,9%, а для 1913 г.— в 32,9%. Абсолютные же цифры в сопоставлении с прочим оборотом дают такие соотношения в пределах всей бывшей империи.

Товарооборот России по продаже
(в млн. руб.)

Категории продавцов	1895 г.		1913 г.	
	абс.	%	абс.	%
Промышленные предприятия . .	3058	64,8	8 764	65,5
Сельское население	1666	35,2	4 621	34,5
Итого производители . .	4724	100	13 385	100
Торговые посредники	5184	110	10 855	81
Всего	9908	210	24 240	181

В данном сопоставлении заслуживают внимания два факта. Во-первых, соотношение между товарной долей городской и сельской продукции, по-видимому, довольно *устойчиво*. И это не случайно, конечно, так как город и деревня взаимно *обмениваются* большей частью своей продукции и всякого рода случайные изменения *в количествах*, подлежащих обмену товарных масс, например в связи со слишком повышенным или пониженным урожаем, неизбежно в силу законов рынка уравновешиваются соответствующим изменением в рыночных их *расценках*.

Другое соотношение — между всей товарной продукцией и той ее долей, которая проходит через каналы торгового посредничества,— наоборот, весьма *неустойчиво*, проявляя явную тенденцию к сокращению процента торговых оборотов в общем итоге всего товарного оборота страны. Судя по имеющимся данным, указанная тенденция проявляется последовательно в течение всего исследуемого периода и объясняется она, на наш взгляд, вполне удовлетворительно нараставшим за то же время процессом индустриализации страны. Удельный вес крупной промышленности вообще и тяжелой промышленности, изготовляющей средства производства, в особенности из года в год рос в общем итоге национальной продукции. А крупная промышленность наряду с транспортом сама по себе является одним из важнейших потребителей в стране. Она потребляет сельскохозяйственное сырье, топливо, машинное и всякое иное оборудование. И все эти товары приобретаются и железными дорогами и крупными фабриками и заводами по общему правилу из первых рук — непосредственно у производителей, минуя посредников.

Немудрено поэтому, что индустриализация страны, т. е. рост крупной промышленности и обслуживающего ее транспорта, означала вместе с тем и увеличение доли национальной продукции, реализуемой без содействия торгового посредничества.

Как же эти процессы отражались на общих итогах денежной массы,

циркулирующей в стране? Сопоставляя учтенный нами товарооборот с общими размерами денежной массы, получаем такие коэффициенты обращаемости рубля (см. табл. 3).

Таблица 3

Соотношение между денежной массой и товарооборотом по всей бывшей Российской империи
(в млн. руб.)

Годы	Учтенный товарооборот *	Денежная масса в обращении		Число оборотов денежной массы
		абс.	% к гр. 2	
1	2	3	4	5
1885	5 305	907	17,1	5,8
1886	5 361	921	17,2	5,8
1887	6 134	968	15,8	6,3
1888	6 233	1001	16,1	6,2
1889	6 250	960	15,4	6,5
1890	6 351	922	14,5	6,9
1891	6 333	1000	15,8	6,3
1892	6 454	1095	17,0	5,9
1893	6 999	1089	15,6	6,4
1894	7 625	1070	14,0	7,1
1895	8 242	1078	13,1	7,6
1896	8 628	1103	12,8	7,8
1897	9 114	1108	12,1	8,3
1898	9 699	1221	12,6	8,0
1899	11 969	1297	10,8	9,2
1900	12 272	1353	11,0	9,1
1901	12 334	1413	11,5	8,7
1902	12 030	1431	11,9	8,4
1903	12 258	1500	12,2	8,2
1904	12 757	1595	12,5	8,0
1905	12 878	1866	14,5	6,9
1906	12 581	2077	16,9	6,1
1907	13 185	1990	15,1	6,6
1908	13 869	1882	13,6	7,4
1909	14 101	1878	13,3	7,5
1910	14 710	1999	13,6	7,4
1911	16 348	2124	13,0	7,7
1912	18 050	2244	12,4	8,0
1913	19 619	2339	11,9	8,4

* Учтена вся промышленная продукция, включая кустарей без наемных рабочих, и весь торговый оборот, не учтены крестьянские продажи.

Прослеживая движение процента денежной массы по отношению к учтенному торгово-промышленному товарообороту в текущих ценах за весь период, а в особенности за первую его половину, до 1900 г., мы наблюдаем несомненное, хотя и весьма постепенное, его снижение. Прерывается этот процесс снижения лишь в такие моменты, как голод 1891—1892 гг., промышленный кризис начала 900-х годов, и в особенности в годы войны и революции (1904—1906), т. е. прерывается он в годы снижения цен и резкого замедления и даже приостановок в росте товарооборота.

Тенденцию к относительному сокращению денежной массы в обороте, несомненно, приходится прежде всего поставить в связь с вышеотмеченным фактом сокращения доли *торговых* оборотов в общем товарообороте страны. Дело в том, что в торговле, в особенности розничной, наличный расчет, а стало быть, и кассовая наличность, завязанная в повседневном обороте, по-видимому, всегда относительно несколько больше, чем в крупной промышленности, где все сделки гораздо крупнее, совершаются обычно в заранее известные сроки, чаще всего в кредит, т. е. без значительного

передвижения денежной наличности, большая часть которой держится на текущих счетах в банках. А при таких условиях сокращение удельного веса посреднической торговли в обороте означает вместе с тем и относительное сокращение потребности этого оборота в наличных средствах обращения, т. е. в денежной массе, циркулирующей в стране.

Само собою разумеется, что существенное влияние на размеры указанной потребности, помимо количества товаров, обращающихся в стране, и их цен, может оказывать и целый ряд других обстоятельств: например, то или иное развитие сети кредитных учреждений, обычные сроки подтоварного кредита, высота учетного процента [1], масштаб денежных оборотов, связанных с исполнением государственного бюджета, работой транспорта, оплатой коммунальных услуг, уровнем зарплаты в стране и т. д. и т. д.

Влияние таких внетоварного порядка обстоятельств на размеры денежного обращения доказывать не приходится, ибо оно в достаточной степени отражается в нашей табл. 4. Например, известно, что всякий промышленный кризис или застой, помимо снижения цен, связан с ухудшением условий кредита. Это повышает долю всякого рода сделок и платежей за наличный расчет, т. е. увеличивает потребность в деньгах на единицу товарного оборота. Именно такого рода факты мы и наблюдали в действительности и в годы промышленных кризисов (1885/86 и 1900—1902) и в связи с голодом 1891 г., резко сократившим емкость внутреннего рынка на промышленные продукты и тем самым создавшим соответствующий застой в торговле.

Во время японской войны денежное обращение увеличилось, конечно, прежде всего за счет резкого скачка вверх расходного бюджета, т. е. за счет военных расходов, при повышении учетного процента и одновременном снижении покупательной силы рубля за этот год на целых 8%. В последовавшие затем годы, как известно, революция, подорвав доверие к устойчивости государственного кредита, вызвала массовый отлив вкладов из сберегательных касс и других кредитных учреждений и таким образом, извлекая деньги из оборота, создала новый стимул к относительному увеличению денежной массы в стране. Тем не менее, несмотря на все эти побочные обстоятельства, теснейшая связь между денежной массой в обращении и основным фактором, регулирующим ее размеры, т. е. *товарооборотом*, не подлежит сомнению.

Однако если динамику отношения денежной массы к товарообороту выравнять по плавной кривой, то расхождение такой выравненной кривой с эмпирическими данными за отдельные годы достигает 25 и даже 30% изучаемой величины. Таким образом, игнорировать воздействие на размеры денежной массы в обращении других факторов, помимо динамики товарооборота, не приходится.

Из таких дополнительных факторов наибольшее влияние на денежное обращение, несомненно, может и должна оказывать существующая в стране система кредита и достигнутая степень ее развертывания. Поэтому вслед за изучением динамики товарооборота мы вынуждены были обратиться к исследованию динамических процессов в области довоенного банковского кредита.

В сущности банковский кредит далеко не исчерпывал всех кредитных оборотов страны. Для иллюстрации укажем, что сумма вексельного оборота за 1912 г. по всей стране учтена нами по количеству проданной вексельной бумаги разного достоинства в размере от 10 млрд. до 12 млрд. руб., тогда как во всех обязанных публичной отчетностью банках векселей прошло по учетной операции (без переучета) всего на сумму 3066 млн. руб., т. е.

---

[1] Отметим, кстати, что в годы относительного повышения денежной массы в сравнении с товарной почти неизменно наблюдается и повышение учетного процента.

не свыше 25—30% общей суммы вексельного кредита[1]. Но при учете всех операций банков мы, несомненно, охватываем огромную долю кредитных оборотов страны, по динамике которых можно судить об изменениях и всех остальных — неучтенных — оборотов.

С другой стороны, помимо кредитных учреждений, денежные обороты имели место и в других, например в страховых, учреждениях, перевозочных и коммунальных предприятиях и т. п. Но, как легко убедиться из нижеследующей таблицы, удельный вес всех остальных нетоварных оборотов по сравнению с оборотами кредитных учреждений весьма невелик, а потому для нашей цели неполнота их учета не может иметь существенного значения (см. табл. 4).

Таблица 4

Прибыли и обороты нетоварных предприятий, обязанных публичной отчетностью в России *

(в млн. руб.)

Годы	Число обложенных предприятий		Основной капитал		Годовой оборот (исчисление)			Налоговая прибыль			
	кредитных	прочих	кредитных	прочих	кредитных	прочих	итого	кредитных	прочих	итого абс.	итого %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1885	472	74	нет сведений	нет сведений	43 100	242	43 342	30,6	10,9	41,5	100
1886	469	73			41 000	248	41 248	29,1	11,3	40,4	97
1887	457	79			41 500	256	41 756	29,5	11,0	40,5	98
1888	493	83			40 800	240	41 040	29,0	10,6	39,6	95
1889	463	90			43 250	209	43 459	30,7	9,5	40,2	97
1890	465	96			47 100	236	47 336	33,4	10,4	43,8	106
1891	475	95			43 800	190	43 990	31,1	8,7	39,8	96
1892	477	102			39 400	202	39 602	28,0	9,3	37,3	90
1893	496	104			43 600	178	43 778	31,0	7,8	38,8	94
1894	508	106			47 700	248	47 948	33,9	11,2	45,1	109
1895	510	106			54 800	284	55 084	38,9	13,1	52,0	125
1896	504	104			65 900	274	66 174	46,3	13,3	59,6	144
1897	531	113			68 500	290	68 790	48,7	13,2	61,9	149
1898	535	115			66 700	230	66 930	47,4	11,6	59,0	142
1899	нет сведений										
1900	685	87	375	124	66 130	209	66 339	47,6	10,2	57,8	139
1901	(825)	(125)	(429)	155	71 500	299	71 799	(50,1)	(14,4)	(64,5)	155
1902	965	162	484	184	75 100	390	75 490	52,6	18,4	71,0	171
1903	1001	155	509	189	76 850	416	77 266	53,8	19,3	73,1	176
1904	767	164	507	203	69 300	423	69 723	48,5	20,5	69,0	166
1905	771	156	508	198	69 600	279	69 879	48,7	14,1	62,8	151
1906	782	140	545	165	83 200	191	83 391	58,2	12,7	70,9	171
1907	(970)	(154)	(642)	192	86 700	240	86 940	(60,7)	(15,0)	(75,7)	182
1908	(1140)	(153)	(685)	204	89 800	286	90 086	(62,9)	(17,1)	(80,0)	193
1909	(1304)	(152)	(730)	216	113 500	412	113 912	(79,3)	(23,7)	(103,0)	248
1910	1446	148	703	217	117 500	502	118 002	82,3	29,4	111,7	269
1911	(1510)	(155)	(779)	238	141 500	563	142 063	(99,0)	(31,8)	(130,8)	315

* См. «Материалы для торгово-промышленной статистики» за время по 1898 г., изд. департамента торговли и мануфактур; «Статистические материалы к проекту об изменении положения о государственном промышленном налоге», СПБ 1912 (за 1902—1906 гг.). Для других лет использованы неопубликованные материалы Министерства финансов. Оборот исчислен приблизительно по данным о прибылях и соотношении их с оборотом в 1900 г. (см. «Сведения о промысловом обложении предприятий, обязанных публичной отчетностью за 1900 г.», время и место печати не указаны). В «прочие» предприятия включены страховые общества, перевозочные и коммунальные акционерные предприятия.

[1] По Госбанку — на 1224 млн. руб., в акционерных коммерческих банках — на 1231 млн., в обществах взаимного кредита — на 505 млн. и в городских общественных банках — на 106 млн. руб. На неакционерные банкирские дома, судя по данным 1904 г. о их доле в общей сумме балансов, пришлось бы прикинуть не свыше 27% итога акционерных коммерческих банков.

Приведенная таблица составлена нами по данным о промысловом обложении предприятий, обязанных публичной отчетностью. Она вовсе не охватывает, стало быть, предприятий, не обязанных отчетностью, в том числе всех банкирских домов. Кроме того, сюда не входят обороты таких крупнейших кредитных учреждений, как Государственный банк, а также Дворянский и Крестьянский поземельные банки. Тем не менее на долю кредитных оборотов здесь падает в 1900 г. до 99,7% общего итога.

Правда, за остальные годы сумма оборотов в нашей таблице исчислена по соотношениям 1900 г., а потому отнюдь не претендует на большую точность, но едва ли и более точный учет существенно изменил бы основной наш вывод, что с точки зрения участия в общем денежном обороте страны решающее значение, помимо товарной торговли, могут иметь лишь обороты кредитных учреждений. Вот почему на этих именно оборотах нам и придется остановиться несколько подробнее.

Прежде всего установим, о каком обороте идет здесь речь, так как в отношении нетоварных учреждений понятие оборота подвергается весьма различным истолкованиям. В практике промыслового обложения до 1899 г. при исчислении оборотов банкирских предприятий предписывалось брать итог *кассовых поступлений* за отчетный период, а после 1899 г. инструкцией от 5 апреля названного года в отмену прежнего порядка установлено принимать сумму валовой выручки тех же банков, что сразу же сократило облагаемый оборот банкирских предприятий раза в 4. Но указанная инструкция имела в виду лишь неотчетные предприятия, облагаемые по обороту. Регламентировать методы учета оборота для акционерных предприятий, в которых облагалась прибыль, независимо от величины оборота не было нужды. А потому определить в точности природу «оборотов», учтенных налоговыми органами в 1900 г. по кредитным учреждениям, обязанным публичной отчетностью, мы не имеем возможности.

Отметим все же, что из общего итога этих оборотов в 66,1 млрд. на долю 41 акционерного коммерческого банка падает 60,3 млрд., т. е. свыше 90% общего итога. Это позволяет нам отвлечься от изучения более мелких кредитных учреждений, вошедших в указанный итог в гораздо меньших суммах (общества взаимного кредита — 2,6 млрд. руб., частные земельные банки — 2,2 млрд., городские общественные банки — 0,8 млрд. руб. и прочая мелочь: городские кредитные общества, ссудо-сберегательные товарищества и кассы, общества для заклада движимого имущества и сельские общественные банки — 0,2 млрд. руб.), и сосредоточить свое внимание на акционерных коммерческих банках, балансы которых подвергались ежегодной сводке и анализу за весь интересующий нас период [1].

В частности, сводка за 1900 г. по 39 коммерческим банкам определяет их годовой оборот в сумме 73 826 млн. руб. Этот итог, представляющий собой сумму годовых оборотов по дебету и кредиту всех счетов баланса, превышает цифру, учтенную налоговой отчетностью (60 328 млн. руб. по 41 банку). Однако сумма кассовых поступлений — 12 483 млн. руб., — а тем более валовой доход 39 банков — 74 млн. руб. — еще сильнее расходятся с итогами налоговой отчетности. Надо думать, что кредитные «обороты», учтенные в табл. 4, относятся ко всем главнейшим счетам банков и, суммируя приход с расходом, не исключают двойного и даже многократного учета одних и тех же операций. Нас в настоящей работе интересует, однако, главным образом денежное обращение, а потому в дальнейшем мы должны обратиться к изучению специально кассовых оборотов кредитных учреждений и того кассового наличия, которым обслуживаются эти обороты.

---

[1] «Статистика краткосрочного кредита за 1894—1900 гг.», СПБ 1905, за 1901—1908 гг., СПБ 1910, и с 1911 по 1916 г., «Русские акционерные коммерческие банки по отчетам за . . . . . . г.», изд. Комитета съездов представителей акционерных коммерческих банков.

Имеющиеся у нас данные о кассовом обороте и наличии коммерческих банков представлены в следующей таблице (см. табл. 5).

Таблица 5

Кассовый оборот и кассовое наличие акционерных коммерческих банков России*

(в млн. руб.)

Годы	Число банков	Кассовый оборот по расходу	Кассовое наличие	Число оборотов кассы (гр. 3 : гр. 4)
1	2	3	4	5
1894	35	7 995	23,4	342
1895	35	8 725	26,2	333
1896	35	8 731	28,1	311
1897	36	10 055	33,4	301
1898	37	12 334	36,6	337
1899	39	12 790	34,0	376
1900	39	12 483	31,4	398
1911	33	50 513	69,8	724
1912	43	61 337	84,7	724
1913	47	65 512	98,3	666
1914	39	56 258	116,7	482
1915	40	59 841	142,8	419

* Кассовое наличие выведено как среднее из двух показаний: к началу и к концу года.

Как видим, кассовый оборот в 1913 г. только по 47 банкам превышал 65 млрд. руб., в то время как весь товарный оборот страны за тот же год исчислен нами всего в 24 млрд. Но оборачиваемость рубля в банковских кассах так велика, что для годового оборота в 65 млрд. достаточно было кассового наличия всего в 98 млн. руб. Аналогичную картину представляют кассовые обороты в других кредитных учреждениях. Например, данные по трем крупнейшим государственным учреждениям, совершающим банковские операции (см. табл. 6, стр. 118).

В отчетах названных учреждений значатся гораздо более крупные суммы кассовых оборотов и остатков, чем показано в таблице, но даже за исключением из них тех сумм, которые являются общим обеспечением кредитного обращения (золото в слитках и т. п.) или подлежат исключению во избежание двойного учета в разных учреждениях, мы получаем все же громадные обороты, приводимые в движение посредством относительно очень скромных кассовых средств. Обращаемость рубля в этих учреждениях выражается цифрами табл. 7.

Наименьшая обращаемость кассы наблюдается в операциях Госбанка, где в кассовой наличности учтены все же довольно значительные массы золота, являющегося мертвым запасом в целях обеспечения размена. Обращаемость денег в казначействах после денежной реформы значительно больше. А в сберегательных кассах она достигает своего максимума. В общем товарообороте страны оборачиваемость денег в десятки раз меньше, а потому сопоставлять денежный оборот с товарным как равнозначащие факторы для определения общей потребности страны в денежных знаках не приходится.

Гораздо целесообразнее поэтому попросту исключить всю сумму кассовой наличности кредитных учреждений из общей денежной массы в обращении и таким образом определить ту часть этой массы, которая остается для прямого обслуживания потребностей товарного оборота страны. Конечно, косвенное обслуживание товарооборота сетью кредитных учрежде-

Таблица 6

Кассовое наличие и оборот Государственного банка, казначейства и сберегательных касс в 1895—1913 гг.*

(в млн. руб.)

Годы	Кассовый оборот (по расходу)				Кассовое наличие			
	Государственный банк	казначейство	сберегательные кассы	итого	Государственный банк	казначейство	сберегательные кассы	итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1895	4 290	2156	210	6 656	97	31,7	0,17	129
1896	4 456	2528	257	7 241	106	48,7	0,21	155
1897	7 918	2504	282	10 704	222	34,1	0,20	256
1898	8 601	2568	348	11 517	278	3,9	0,29	282
1899	8 857	2914	393	12 164	274	4,9	0,39	279
1900	8 716	3260	419	12 395	283	5,8	0,34	289
1901	9 015	3615	438	13 068	272	6,2	0,33	279
1902	9 394	3975	505	13 874	288	6,9	0,31	295
1903	10 069	4209	565	14 843	276	7,3	0,31	284
1904	11 403	4849	503	16 755	267	8,5	0,34	276
1905	12 712	5470	561	18 743	230	10,3	0,55	241
1906	12 794	5688	734	19 216	196	11,4	0,56	208
1907	12 273	6356	689	19 318	183	12,5	0,36	196
1908	12 050	6552	688	19 290	209	13,6	0,34	223
1909	13 277	6935	702	20 914	227	14,4	0,40	242
1910	13 077	7353	770	21 200	239	15,2	0,52	255
1911	13 857	7686	811	22 354	288	16,0	0,47	305
1912	15 643	8381	844	24 868	254	16,8	0,50	271
1913	18 553	9207	906	28 666	263	18,4	0,54	282

* Кассовый оборот Госбанка учтен только в учреждениях банка и в казначействах; золото в слитках, на монетном дворе, в пути и за границей и прочие монетные запасы не вошли в учет. Казначейский оборот учтен в казначействах, кассах специальных сборщиков и в кассе Государственной комиссии погашения долгов, не учтен по текущим счетам Госбанка, в посольствах, на монетном дворе, за границей, в иностранной валюте и т. д.

Кассовое наличие выведено как среднее из двух показаний — к началу и к концу года, по Госбанку с 1904 г. — из ежемесячных данных. По сберегательным кассам за кассовый оборот принята сумма вкладов за год, причем за 1895—1909 гг. не включены вклады процентными бумагами, составлявшие в 1901 г. 8,2% денежных вкладов.

Таблица 7

Число оборотов кассы в Государственном банке, казначействе и сберегательных кассах в 1895—1913 гг.

Годы	Государственный банк	Казначейство	Сберегательные кассы	По всем кассам	Годы	Государственный банк	Казначейство	Сберегательные кассы	По всем кассам
1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
1895	44,5	68	1258	52	1905	55,0	533	1002	78
1896	41,9	51	1240	47	1906	65,2	500	1323	92
1897	35,6	76	1465	42	1907	67,0	508	1890	98
1898	30,3	655	1205	41	1908	57,6	481	2006	87
1899	32,3	594	1001	42	1909	58,6	483	1772	86
1900	30,8	557	1225	43	1910	55,0	483	1500	83
1901	33,4	583	1330	47	1911	48,1	482	1732	73
1902	32,6	582	1615	47	1912	61,6	499	1578	92
1903	36,6	573	2083	52	1913	70,6	500	1070	100
1904	42,8	568	1500	61					

ний этим не исключается. Но все же известное развитие этой сети само поглощает, завязывая в своих кассах, значительные суммы денег, обслуживающих целый ряд спекулятивных операций с ценными бумагами и тому подобных биржевых сделок, которые никакого отношения к потребностям здорового товарооборота не имеют. Вот почему выделение денеж-

ных сумм, обслуживающих кредитное обращение, из общей денежной массы вполне законно и целесообразно.

Само собой разумеется, что кассового наличия Государственного банка из сумм, находящихся в народном обращении, исключать не приходится, ибо это уже сделано при исчислении общей эмиссии банка (см. табл. 8).

Таблица 8

Денежная масса в народном обращении *

(в млн. руб.)

Годы	Денежная масса в обращении						Число оборотов рубля в товарообороте
	вся	в том числе					
		в кредитных учреждениях		в товарном обороте			
		абс.	в % к гр. 2	абс.	в % к обороту		
1	2	3	4	5	6		7
1894	1070	(71,5)	6,7	998	13,1		7,6
1895	1078	75,8	7,0	1002	12,2		8,2
1896	1103	95,1	8,6	1008	11,7		8,6
1897	1108	87,9	8,0	1020	11,2		8,9
1898	1221	62,2	5,1	1159	11,9		8,4
1899	1297	58,7	4,5	1238	10,3		9,7
1900	1353	55,7	4,1	1297	10,6		9,4
1901	1413	56,1	4,0	1357	11,0		9,1
1902	1431	59,4	4,1	1372	11,4		8,8
1903	1500	63,9	4,3	1436	11,7		8,5
1904	1595	70,2	4,4	1525	12,0		8,4
1905	1866	76,2	4,1	1790	13,9		7,2
1906	2077	74,2	3,6	2003	15,9		6,3
1907	1990	70,2	3,5	1920	14,7		6,8
1908	1882	75,0	4,0	1807	13,0		7,7
1909	1878	83,5	4,4	1795	12,7		7,8
1910	1999	97,9	4,9	1901	12,5		8,0
1911	2124	117,9	5,5	2006	12,3		8,1
1912	2244	137,6	6,2	2106	11,7		8,6
1913	2339	153,9	6,6	2185	11,1		9,0
1913 (в границах СССР)	(1928)	—	—	—	—		—
1923/24	395	35,0	8,9	360	2,4		40,7

* Вся денежная масса (гр. 2) показана за вычетом кассы Госбанка. За 1923/24 г. все данные выражены в червонной валюте. Товарный оборот — без крестьянских продаж. Кассовое наличие (гр. 3) учтено в акционерных коммерческих банках, казначействах, обществах взаимного кредита, Государственном, Крестьянском и Дворянском банках, акционерных земельных банках, городских общественных и кредитных обществах, в частных ломбардах и государственных сберегательных кассах. На отошедшие окраины скинуто 17,6%.

Как видим, исключение из денежной массы кассового наличия кредитных учреждений не вносит слишком заметных изменений в те соотношения между денежной массой и товарным оборотом, которые мы изучали выше (см. табл. 3). За весь довоенный период эти соотношения остаются довольно постоянными. Но если их сопоставить с данными за 1923/24 г., то контраст получится разительный.

Учтенный товарооборот 1923/24 г. достигает, по нашим подсчетам, в современных границах Союза не менее 16,3 млрд. червонных рублей, не считая крестьянских продаж[1]. По отношению к этой величине наличная

[1] Оборот по продаже торговых предприятий учтен нами в 11 221 млн. руб., промышленных — в 5099 млн. руб., а если сюда добавить еще около 3350 млн. руб. то-

масса денежных знаков в обращении в среднем за тот же год раза в 4 менее довоенной нормы, а обращаемость денег в товарном обороте во столько же раз больше довоенной.

Если бы мы считали себя вправе применять довоенные нормы к современным условиям, то даже по наиболее низкой за предвоенные 20 лет норме 1899 г. должны были бы определить потребность оборота СССР на 1923/24 г. в денежной массе около 1670 млн. червонных рублей, не считая касс кредитных учреждений, а с кассами — около 1700 млн. руб. Однако условия денежного обращения в 1923/24 г. у нас совсем не те, какие были до 1914 г. И валюта наша базируется на ином основании, и наш общий хозяйственный строй совсем иной. Вместо разменного золотого фонда мы базируем устойчивость нашей валюты на таких своеобразных основаниях, как монополия внешней торговли и регулируемый в плановом порядке торговый баланс, национализация промышленности и регулируемые цены всей государственной продукции, национализация банков и регулирование банковской эмиссии в порядке кредитных планов. При таких условиях довоенные соотношения и нормы в области учета потребной денежной массы без довольно радикальных к ним поправок едва ли применимы в настоящее время.

Основания для определения вероятных размеров этих поправок мы должны искать уже не в архивных справках из прошлого, а в живом опыте наших дней. Мы переживаем период восстановления нашего хозяйства во всех его отраслях и подразделениях. И это выражается прежде всего в том, что все показатели оздоровления нашего сильно подорванного войной и революцией хозяйства быстро растут, приближаясь к довоенным нормам и уже кое-где обгоняя их. У нас нет никакого сомнения, что, вооруженные завоеваниями революции, мы и во всех остальных показателях очень скоро оставим позади себя эти пресловутые «довоенные нормы». Но, прежде чем превзойти их, мы должны все же через них пройти. И поэтому решающее значение для изучения динамики нашего хозяйства получает *темп восстановления* тех или иных элементов этого хозяйства и их взаимоотношений.

В частности, изучая соотношение между денежной массой и товарооборотом страны с момента денежной реформы от месяца к месяцу, не трудно установить, что и оборачиваемость денежной массы отражает на себе общий восстановительный процесс, довольно энергично приближаясь к довоенной норме.

Каким темпом шел до сих пор этот процесс?

Госплан, посвятивший этому вопросу специальную работу, установил с достаточной степенью точности характер соответствующей кривой, позволяющей ориентировочно продолжить ее и на несколько месяцев вперед, экстраполируя наметившийся темп замедления оборачиваемости рубля за прошлый год и на текущий.

Второй задачей, помимо определения вероятной оборачиваемости рубля на ближайшее будущее, было определение темпа расширения самого товарооборота в текущем году по сравнению с прошлым. Исходя из производственных программ и плановых предположений Госплана, мы определили его за время с октября 1924 г. по октябрь 1925 г. в минимальных цифрах от 25 до 33%. Исполнение этих предположений за первую половину 1924/25 г. дало уже прирост промышленной продукции в довоенных ценах минимум на 55%, а в современных ценах, несмотря на довольно существенное снижение цен за год,— на целых 37%. Энергичный рост хлебных цен показывает, что прирост товарной доли сельскохозяйственной продукции в червонной оценке и в 1925 г., как это было и до сих пор, едва ли отстанет от прироста промышленного оборота. Таким образом, наши перво-

варной доли крестьянской продукции, то получим 19 670 млн. руб. червонных или 11 600 млн. руб. довоенных, т. е. около 58% оборота 1913 г. (в границах СССР до 1939 г.), включая крестьянские продажи — 19,8 млрд. руб.

начальные предположения о приросте оборота на 25—33% надо считать для этого года минимальными.

Наконец, нам предстояло также оценить вероятные колебания денежной массы от месяца к месяцу в результате чисто сезонных причин. Такие колебания определяются прежде всего относительными размерами урожая и ходом его реализации, а также сезонной динамикой сельскохозяйственных цен. Особенно крупными они, разумеется, не могут быть, ибо сельское хозяйство вообще дает у нас всего около 35% товарооборота, а специально зерновые хлеба — не свыше 12—13% всей товарной продукции страны. Правда, реализация их происходит в течение года весьма неравномерно, но и эта неравномерность в известной мере уравновешивается тем, что по мере сокращения предложения хлеба к весне повышаются цены. Тем не менее в отдельные годы расхождение между годовым минимумом и максимумом денежной массы в обращении достигало довольно значительных сумм. Особенно велики эти сезонные колебания оказались в год первой революции (1905 г.) — на 527 млн. руб., или 32% от минимума, и в голодный 1891 г.— на 175 млн., или 20% от минимума, что, впрочем, едва ли может быть связано с сезонностью реализации урожая[1]. В среднем же за многие годы эти колебания выражаются в гораздо менее значительных процентах (см. табл. 9).

Как видим, минимальные суммы денежной массы в обращении падают на 1 июля, максимальные — на начало октября, причем среднее за 20 лет расхождение между максимумом и минимумом не превышает 10%. Располагая данными о динамике оптового индекса цен по месяцам только начиная с 1896 г., мы даем для сравнения колебания денежной массы за 1896—1913 гг. в кредитной и товарной валюте, т. е. с поправкой во втором случае на колебания покупательной силы рубля. Но и эта поправка не меняет общей картины. Выделение в особую группу неурожайных лет показывает, что расхождение максимума и минимума в неурожайные годы несколько меньше, чем в более урожайные. Наконец, приведение сезонных колебаний к плавному вековому уровню, устраняя влияние ежегодного прироста денежной массы, еще отчетливее определяет размеры ежемесячных отклонений от этого уровня, отнюдь не изменяя общей картины.

Приведенные для сравнения в гр. 11—13 колебания сельскохозяйственных цен по месяцам показывают, что минимальные цены за 20 лет приходились на октябрь, т. е. на месяц максимальной денежной массы, а наиболее высокие цены наблюдались в апреле, когда реализация урожая приходит к концу и сезонный избыток денежных знаков извлечен из оборота полностью.

Пользуясь всеми приведенными данными, а также анализом В. В. Тарновского активов и пассивов Госбанка к октябрю 1924 г., из которого явствует, что к названной дате мы располагали вполне здоровым денежным обращением без всяких признаков инфляции, мы можем дальнейшее развитие этого обращения представить в следующем виде (см. табл. 10).

Приведенный вариант мы считали минимальным. Если исходить из годового расширения оборота в 33%, то к 1 октября 1925 г. наша эмиссия могла бы достигнуть вместо 1177 млн. 1297 млн. червонных рублей. Тем не менее уже к 1 мая фактическая эмиссия отстала от наших «эмиссионных возможностей» на целых 12%. Какое же значение при расхождениях такого порядка могут иметь наши исчисления?

Конечно, в Госплане была известна тенденция Наркомфина того времени всемерно зажимать размеры денежной эмиссии. Но на практике это не удавалось сделать. Политику кредитного зажима Наркомфин проводил

[1] В частности, в 1905 г. максимум денежной массы оказался вместо октября в конце декабря, очевидно, в прямой связи с извлечением из сберегательных касс населением своих вкладов по призыву Совета рабочих депутатов.

Таблица 9

Сезонные колебания денежной массы на первое число месяца *

Месяцы	за 1888—1913 гг. в кредитной валюте	В % к среднегодовой за 1896—1913 гг.				В % к плавному уровню за 1896—1913 гг.				Сельскохозяйственные цены (в % к среднегодовой)		
		за все 17 лет		за 7 неурожайных лет		за все 17 лет		за 7 неурожайных лет		неурожайные годы (10 лет)	урожайные годы (10 лет)	в среднем за 20 лет (1893—1913 гг.)
		в кредитной валюте	в товарной валюте	в кредитной валюте	в товарной валюте	в кредитной валюте	в товарной валюте	в кредитной валюте	в товарной валюте			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Июль	95,6	94,7	96,0	94,5	96,4	96,2	96,5	96,2	97,8	97,0	96,7	98,6
Август	96,4	95,2	96,3	95,6	96,7	96,7	96,7	97,1	97,4	99,2	97,8	98,9
Сентябрь	100,5	100,0	100,8	100,3	99,8	101,3	101,2	101,5	100,7	100,5	98,7	98,7
Октябрь	104,9	104,9	105,6	104,2	103,4	106,0	105,9	105,2	104,1	100,6	98,7	98,3
Ноябрь	104,1	104,5	105,0	104,0	103,4	105,2	105,1	104,6	103,7	101,8	99,9	98,8
Декабрь	102,1	102,4	102,4	102,2	102,2	102,8	102,4	102,5	102,3	102,2	100,5	99,2
Январь	101,8	102,2	102,0	102,8	103,2	102,2	101,9	102,8	102,9	98,9	100,5	99,9
Февраль	100,0	100,6	100,1	100,9	101,2	100,3	99,9	100,6	100,7	99,6	100,9	100,8
Март	99,6	100,3	99,4	100,5	99,9	99,7	99,2	99,9	99,1	99,3	100,7	100,7
Апрель	99,1	99,5	98,5	99,3	98,2	98,5	98,2	98,5	97,1	101,3	102,3	102,6
Май	98,6	98,8	98,4	91,1	98,9	97,0	97,9	97,9	97,6	101,0	101,9	102,1
Июн	98,7	98,8	98,7	99,8	99,9	97,0	98,2	97,3	98,2	99,4	100,8	100,8
Июль	98,6	98,4	97,2	98,0	99,8	96,2	96,5	96,2	97,8	98,3	100,1	100,1
За год	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

* Все средние выведены из относительных величин. Для перевода в товарную валюту мы пользовались индексом оптовых цен, исчисленным в Госплане С. П. Бобровым. Сельскохозяйственные цены даются в среднем за месяц.

Таблица 10

Эмиссионные возможности 1925 г.*

Даты	Предполагаемое изменение денежной массы за счет					Денежная масса (в млн. руб.)			
	расширения оборота	сезонных колебаний	по совокупности гр. 2 и 3	замедления оборачиваемости	всего по гр. 5 и 4	исчисленная	фактическая	расхождение (гр. 7—гр. 8) абс.	расхождение (гр. 7—гр. 8) в % к гр. 7
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1924 г.									
1 октября	100	100	100	100	100	622,7	622,7	0	—
1 ноября	102,1	99,4	101,5	105,4	107,0	666,3	675,5	—9,2	1,4
1 декабря	104,2	97,9	102,0	110,6	112,8	702,4	720,7	—18,3	2,6
1925 г.									
1 января	106,2	98,6	104,7	115,5	120,9	752,8	742,6	10,2	1,4
1 февраля	108,3	96,2	104,2	119,9	124,9	777,8	710,5	67,3	8,7
1 марта	110,4	94,8	104,7	124,4	130,2	810,8	730,0	80,8	10,0
1 апреля	112,5	93,8	105,5	128,6	135,7	845,0	765,7	79,3	9,4
1 мая	114,6	93,6	107,3	132,3	142,0	884,3	780,1	104,2	11,8
1 июня	116,6	93,8	109,4	136,3	149,1	928,5	791,5	137,0	14,8
1 июля	118,7	92,3	109,6	139,8	153,2	954,2	846,1	108,1	11,3
1 августа	120,8	92,4	111,6	143,1	159,7	994,7	915,2	79,5	8,0
1 сентября . . .	122,9	96,7	118,8	146,3	173,8	1082,5	1015,6	66,9	6,2
1 октября	127,0	101,2	126,5	149,3	188,9	1176,5	1142,9	33,6	2,9
1 ноября	127,0	100,5	126,6	152,1	192,6	1199,5	1246,9	—47,4	4,0
1 декабря	129,1	97,9	126,4	154,8	195,7	1218,8	1286,7	—67,9	5,6
1926 г.									
1 января	131,2	97,4	127,7	157,6	201,4	1254,3	1269,3	—15,0	1,2

* Расширение оборота за год к 1 октября 1925 г. предположено в 25%. Для остальных месяцев оно исчислено по арифметической прогрессии. В гр. 3 за время с 1 октября 1924 г. по 1 июня 1925 г. взяты средние сезонные отклонения неурожайных лет периода 1896—1913 гг.; для остальных месяцев — средние за 17-летие (1896—1913). Указанные отклонения исчислены для денежной массы 1896—1913 гг., выраженной в товарных рублях.

и в 1924 г. и в последующие годы, уже при наличии твердой валюты, создавая в стране не только разменный кризис, но и общий денежный голод и вызывая на местах самочинные выпуски разных денежных суррогатов. Но объективные денежные законы были сильнее Наркомфина. Растущий товарооборот требовал расширения денежной массы в обращении. И она росла даже вопреки желаниям Наркомфина. А в результате к концу 1925 г. оказалось, что она даже превзошла на 15 млн. червонных рублей, или 1,2%, исчисленную в Госплане предельную сумму денежной массы в обращении. О большей точности наших расчетов мы и мечтать не могли.

Само собою разумеется, что наши расчеты могут рассматриваться лишь как наиболее общая ориентировочная прикидка, и во всяком случае на роль календарного плана эмиссионной деятельности Госбанка они отнюдь не претендуют. При составлении наших квартальных кредитных планов мы доныне такими расчетами не пользовались.

Составляются эти планы, как известно, на основании заявок всех заинтересованных клиентов Госбанка о необходимом для них, по их расчетам, расширении кредитов за данный квартал, после надлежащей их критики и поверки с точки зрения соответствия этих заявок одобренным Госпланом программам развертывания соответствующих производственных и торговых операций, с одной стороны, и общим требованиям достаточно обеспеченного здорового краткосрочного кредита — с другой. Если сумма этих

заявок, удовлетворяющих указанным требованиям, превышает сумму ожидающихся поступлений по текущим счетам и вкладам, то разность определяет собою сумму потребной банковской эмиссии.

Такой порядок составления эмиссионных планов, как показывает опыт, в достаточной степени гарантирует нас от опасностей инфляции. Но, к сожалению, от слишком жесткого зажимания наших кредитных и эмиссионных возможностей в прокрустово ложе узкой клиентуры центральных ведомств и наиболее крупных госпредприятий этот порядок нас вовсе не гарантирует. А между тем расширяющийся оборот настоятельно требует расширения кредита не только всесоюзным левиафанам государственной торговли и промышленности, но и более мелкой республиканской и провинциальной рыбешке и не только государственным органам, но и кооперативным организациям и даже частным лицам.

Конечно, вся эта средняя и мелкая клиентура не может предвидеть на три месяца вперед, будет ли у нее и какая именно потребность в подтоварных ссудах, учете векселей и т. д., а если бы и могла, то ее голос едва ли дошел бы своевременно до центральных инстанций, составляющих кредитные планы. А между тем и судьбы нашей кооперации за последние месяцы и чрезмерно высокий рыночный учетный процент в частном обороте — от 60 до 100% годовых! — вопиют о напряженном кредитном голоде в стране.

Прямого учета размеров этой неудовлетворенной потребности в кредите мы, разумеется, представить не можем. Но масштаб расхождения наших эмиссионных возможностей, рассчитанных по объективным признакам и коэффициентам, с фактическими размерами нашей эмиссии за последние месяцы в достаточной степени характеризует порядок этой искомой величины. И в этом именно мы и усматриваем фактический интерес наших исчислений.

Какие же выводы они нам подсказывают?

Нам кажется, что в этом отношении можно пока ограничиться лишь следующими заключениями. Несомненно, что потребности оборота в расширении кредита удовлетворялись нами доныне крайне скупо. И хотя эта скупость весьма понятна,— обжегшись на молоке падающей валюты, наши финансовые органы невольно дуют и на воду витающих перед ними призраков инфляции,— но от этой излишней пугливости пора уже отделаться. Осторожность в этом деле очень необходима, но она должна выражаться в том, что кредит следует предоставлять лишь на вполне здоровые краткосрочные операции и под солидное обеспечение, а вовсе не в том, чтобы отказываться даже от наиболее здоровых и доходных операций во имя возможно более ограниченной банковской эмиссии. Не следует забывать, что банковская эмиссия тем и отличается от бюджетной, что, выпускаемая в меру потребности оборота, она оздоровляет, а не подрывает экономические основы нашего хозяйства. А кроме того, не следует забывать и то, что наш кредит, помимо других назначений, может и должен стать мощным рычагом социалистического накопления. И в этом отношении менее всего оснований имеется для кредитного бойкота частной клиентуры. Конечно, учетный процент для этой клиентуры может быть значительно повышен по сравнению с государственными и кооперативными организациями. Но отказываться от экспроприации — в порядке учетного и ссудного процента — в пользу рабочего государства хотя бы части тех прибылей, которые извлекает из наемного труда частный предприниматель или торговец-нэпман, было бы с нашей стороны довольно изрядной глупостью.

А если это так, в чем мы ни на минуту не сомневаемся, то отсюда можно извлечь и другой — организационный — вывод. При составлении кредитных планов следует не только обеспечивать кредитами выявленные плановые потребности государства, но и выделять значительные *резервы*

для внеплановой клиентуры. Использование этих резервов должно быть по возможности децентрализовано под контролем республиканских и областных плановых органов. В распоряжении этими резервами местным кредитным органам может быть предоставлена возможно полная автономия при одном условии, что кредиты будут распределяться коммерчески целесообразно. Вся здоровая потребность страны в банковском кредите может и должна быть полностью насыщена. Если бы для этого выделенных резервов не хватило и потребовалось новое их расширение за счет эмиссии, их можно было бы и расширить без всякого риска для устойчивости валюты, повышая, конечно, при повышенном спросе и учетный процент и таким образом отсекая преувеличенные требования. Наркомфин уже делает известные шаги в указанном направлении. Эти шаги можно лишь приветствовать. Конечно, проблема регулирования денежного обращения при новом курсе кредитной политики станет еще более сложной и ответственной, чем была до сих пор. Думается, что тогда и такие попытки предвидения темпа возможной эмиссии, каковую мы представили в настоящей работе,— поскольку, разумеется, они в общем и целом подтвердятся *при насыщенной потребности в кредите* эмиссионным опытом — удастся в достаточной степени усовершенствовать для практического использования. Во всяком случае поработать в этом направлении следовало бы.

Овчинка стоит выделки.

VIII. ТРАНСПОРТ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО[1]

Перспективы развития сельского хозяйства и парового транспорта связаны у нас между собою теснейшими узами. Россия 1920-х годов — это страна сельскохозяйственная по преимуществу. Поэтому направление развития и темп оздоровления нашего сельского хозяйства в сильнейшей степени предрешат динамику емкости нашего внутреннего рынка, а вместе с тем и темп возможной реконструкции всей русской промышленности. Но связь сельского хозяйства с транспортом в этом отношении еще теснее и непосредственнее.

Сельское хозяйство требует для своего подъема прежде всего достаточного удешевления перевозок. А перевозки могут быть удешевлены лишь при достаточной загрузке железных дорог предъявляемыми к перевозке грузами, среди которых сельскохозяйственным и прежде всего хлебным грузам всегда принадлежало одно из первых и наиболее почетных мест.

Посмотрим же, каковы наши ближайшие перспективы в отношении развития сельскохозяйственного грузооборота.

В плановом бюро НКПС (Трансплан) при ближайшем участии В. Чернышева была проделана большая и очень интересная работа по исчислению перспектив грузооборота на пятилетие 1923/24—1927/28 гг. Изучая довоенные соотношения между валовой продукцией разного рода товаров и долей их в общем грузообороте страны, Трансплан установил статистические коэффициенты «перевозочности» каждого из них, и, так как для довоенного времени они оказались довольно устойчивыми, их с некоторыми поправками приняли и для всех расчетов на указанное пятилетие.

При этом хлебные грузы по этой пятилетке Трансплана, согласованной с транспортной секцией Госплана, определились для железных дорог на 1923/24 г. в 479,6 млн. пудов, а на 1927/28 г.— в 566,7 млн., т. е. с прибавкой всего на 18%.

Если бы этот расчет оправдался, то судьбы нашего транспорта были бы очень печальны, ибо исчисленному грузообороту соответствует дефицитность железных дорог, не только не падающая, а даже прогрессивно возрастающая за пятилетие от 72,6 млн. до 129,7 млн. руб. в год. К счастью, однако, указанный расчет во всех его элементах, начиная с исходных цифр, продолжая коэффициентами перевозочности и кончая методом их использования, неверен и подлежит радикальному пересмотру.

Чтобы судить о степени пессимизма, заложенного в основание плановых предположений Трансплана, укажем лишь два факта. Железнодорожные перевозки хлебных грузов по пятилетке исчисляются на 1923/24 г. в 480 млн. пудов, на 1924/25 г.— в 501, на 1925/26 г.— в 523 млн., а между тем уже в истекшем 1922/23 г. они достигли (с августа по июль) 534 млн. пудов, т. е. значительно превзошли плановые предположения 1925/26 г.

[1] «Плановое хозяйство», 1924, № 3.

Другой характерный факт относится к запроектированному темпу прироста хлебных перевозок в 18% за пятилетку. Из довоенной отчетности видно, что этот процент значительно отстает даже от *нормального* темпа 1907/08—1910/11 гг., за которые мы имели прирост хлебных перевозок с 1040 млн. до 1355 млн. пудов, т. е. на 30%.

А между тем мы переживаем теперь восстановительный период нашего развития с чрезвычайно ускоренными темпами прироста во всех областях хозяйства. Достаточно указать на такие общеизвестные факты, что посевная площадь за последнее пятилетие перед войной возрастала у нас всего на 1—2% за год, промышленная продукция — процентов на 9 за год, грузооборот железных дорог — процентов на 10, а ныне хотя бы за один 1922/23 г. мы имели прирост посевной площади на 18—19%, промышленной продукции — на 44, грузооборота на 45% и, в частности, рост хлебных перевозок с 318 млн. до 534 млн. пудов, т. е. на 68%! [1]

Спрашивается, в чем же корень столь мрачного планового пессимизма Трансплана перед лицом такого рода фактов?

Отчасти его можно объяснить излишней доверчивостью этого органа к цифрам официальной статистики урожайности, тоже крайне пессимистически оценивающей нашу сельскохозяйственную действительность. Так, например, валовой сбор хлебов 1922 г. Трансплан вслед за ЦСУ оценивает в 2,2 млрд. пудов, тогда как, по расчетам Госплана,— на основании данных о фактическом потреблении — его следовало бы оценить не ниже 3 млрд. пудов, что составляет разницу в 800 млн. пудов, или 36%. Разумеется, если бы у нас действительно были такие посевы и сборы, какие доныне исчислялись ЦСУ, то на железнодорожные пути из них вообще едва ли что попадало бы. Но данные нашей урожайной статистики давно уже подверглись со всех сторон столь основательной критике, что ныне им и в самом ЦСУ уже никто не придает серьезного значения [2]. И лишь один Трансплан сохраняет перед ними ничем не поколебимый пиэтет.

Другой ошибкой Трансплана является недооценка вероятного темпа возрождения сельского хозяйства на ближайшие годы. Принятый им темп прироста валовых сборов с 1923/24 по 1927/28 г. в 18%, т. е. за четыре года, на столько же процентов, сколько мы имели за один 1922/23 г., невероятно скромен. Плановое бюро Наркомзема (Земплан) оценивает этот прирост с 1923 по 1928 г. в части посевов главнейших зерновых хлебов в 32% [3]. И это едва ли преувеличенный темп, тем более, что за один 1923 г. мы будем иметь, по расчету ЦСУ, уже не менее 10% прироста, и, стало быть, на остальные четыре года остается всего процентов 20, т. е. не свыше 5% на год. А между тем у нас есть все основания ждать прироста не только посевной площади, но и норм урожайности.

Однако самой грубой ошибкой наших транспортников мы считаем их допущение, что коэффициент перевозочности хлебной продукции за все ближайшие годы сохранит *постоянную* величину. Это допущение противоречит фактам действительности и здравому смыслу.

Насколько оно противоречит фактам, можно убедиться хотя бы из нижеследующей цифровой справки о валовых сборах и железнодорожных перевозках главнейших хлебных грузов (включая кукурузу) (в млн. пудов):

---

[1] «Ежемесячный бюллетень транспортной статистики», октябрь 1923 г., № 1, стр. 12—15.

[2] Как известно, ныне ЦСУ решительно отказалось от своих ранее опубликованных цифр и, в частности, сбор 1922 г. оценивает в 2889 млн. пудов (без Туркестана, Закавказья и ДВО).

[3] Н. Д. Кондратьев, Н. П. Огановский. Перспективы развития сельского хозяйства. Труды Земплана, вып. I. М., 1924, стр. 29.

Годы	Валовой сбор	Перевозки	Коэффициент перевозочности
1909—1913 гг. *	5270	1041	19,8%
1913 г.	6330	1309	20,7%
1920/21 г.	2930	262	8,9%
1921/22 г.	2380	318	13,4%
1922/23 г.	3180	534	16,8%

* в среднем.

Валовые сборы приведены здесь с поправками на недоучет для довоенного времени — по Д. Н. Иванцову — на 19% [1], для последних лет с теми поправками, какие приняты в настоящее время ЦСУ, плюс дополнительная поправка в 10% на пропущенную в его итогах территорию Туркестана, Закавказья и ДВО. Довоенные данные относятся к территории всей бывшей Российской империи, кроме Финляндии, и для сравнимости с нынешней территорией их следовало бы процентов на 15 снизить, но для коэффициентов перевозочности эта поправка не имеет значения.

О чем же говорит наша справка?

Как видим, за время войны и блокады произошло чрезвычайно резкое снижение процента хлебных грузов, попадающих на железные дороги, а начиная с 1920 г., несмотря даже на неурожай 1921 г., мы наблюдаем не менее резкое повышение этого процента. Восстановительный процесс и в этой области делает свое дело. И допускать вместе с Трансланом, что на все предстоящее пятилетие мы неизменно будем перевозить одни и те же 16% урожая, нет никаких оснований.

О том же говорит нам и простой здравый смысл. В самом деле, на железные дороги попадает лишь та часть урожая, которая за покрытием местной потребности может быть выброшена на дальний рынок. В годы наибольшей хозяйственной разрухи такие избытки были ничтожны, и на железные дороги, за исключением грузов Наркомпрода, извлекаемых в принудительном порядке, почти ничего попасть не могло. Но с отменой продразверстки и восстановлением товарных излишков хлебной продукции все эти излишки целиком могут и действительно попадают на железные дороги.

Ввиду всего сказанного мы должны пойти в своих расчетах следующим путем. Определим прежде всего потребность местного рынка. За вычетом того, что попало на железные дороги, она определяется для 1922/23 г. в 3180 млн. — 534 млн. = 2646 млн. пудов. Эту сумму можно было бы еще уменьшить на 30—40 млн. пудов хлебных грузов, поступивших на водные пути, но, с другой стороны, нами не исключены переотправки хлебных грузов, эти погрешности в известной мере уравновешивают друг друга. Исчисленная потребность соответствует душевому потреблению сельского населения, по обследованиям А. Е. Лосицкого, в 16,1 пуда зерна в год. По довоенным бюджетам эта норма достигала 17,7 пуда на душу в год, т. е. была процентов на 10 выше нынешней. В течение ближайших пяти лет потребность местного рынка, включая натуральное потребление крестьян, может возрастать лишь за счет двух причин: во-первых, за счет дальнейшего приближения к довоенным нормам потребления и, во-вторых, за счет естественного прироста сельского населения. Первая причина дает прирост потребности в пределах до 10%, которая за время с 1923 по 1928 г. составит не свыше 7%, так как вследствие военных потерь в населении брачного возраста нормальная рождаемость, отнесенная ко всему населению, дает для этих лет несколько пониженный коэффициент прироста по

[1] Д. Н. Иванцов. К критике русской урожайной статистики. Пг., 1915.

сравнению с довоенной нормой (1,7). А, стало быть, в силу обеих причин местная потребность в хлебах с 1922/23 по 1927/28 г. возрастет с 2646 млн. до 3110 млн. пудов, т. е. на 17—18%, не больше. И значит, весь избыток хлебной продукции сверх этой величины будет выброшен на дальний рынок, повышая наличный грузооборот железных дорог.

Спрашивается, однако, как же велик будет этот избыток?

Валовой сбор 1922 г. мы определили выше в 3180 млн. пудов для всего Советского Союза. Сбор 1923 г. был, по-видимому, несколько меньше — около 3070 млн. пудов, если исходить из последних расчетов ЦСУ. Но это объясняется лишь не вполне благоприятным урожаем, который оказался почти на 19% ниже нормы 1922 г. Однако, имея в виду целое пятилетие, мы должны исходить из средней нормы урожайности, которую для 1906—1914 гг. мы определяем с поправкой на недоучет Центрального статистического комитета (9%) в 52,3 пуда на десятину, т. е. на 13% выше урожая, исчисленного ЦСУ для 1923 г. (46,4 пуда). Посевная площадь главных зерновых хлебов должна возрасти, по предположениям Земплана, к 1927/28 г. не менее чем на 26% по сравнению с 1923 г. Стало быть, валовой сбор 1927 г. при средней урожайности даст нам около 4450 млн. пудов (3070 × 1,28 × 1,13). За вычетом местной потребности — около 3110 млн. пудов — на дальний рынок из этого сбора, значит, может поступить до 1340 млн. пудов. Допустим, что из этой массы на водные пути поступит по норме 1913 г. не менее 22% общего итога отправок, или 295 млн. пудов. Тогда по железным дорогам пойдет все же не менее 1045 млн., или 23,5% продукции.

Иными словами, грузооборот железных дорог в отношении хлебных грузов к концу пятилетки возрастет с 534 млн. по меньшей мере до 1045 млн. пудов, или на 96%.

Конечно, расчеты подобного рода никогда не могут быть очень точными. Но все же мы глубоко уверены, имея в виду темп восстановления всего нашего народного хозяйства, что наши расчеты окажутся гораздо более реальными, т. е. в гораздо большей степени оправдаются жизнью в транспортной практике ближайших лет, чем плановые предположения наших транспортников.

До сих пор мы говорили только о хлебных грузах. Но сельское хозяйство нуждается в транспорте не только для хлебных грузов. По произведенным нами расчетам русская деревня выбросила в 1922/23 бюджетном году за свои пределы следующее количество грузов (см. табл. 1).

Как видим, хлеба́ в общей массе сельскохозяйственных грузов, даже за вычетом лесных материалов, составляют не свыше 36% общего их итога. Правда, не все эти грузы проходят через железные дороги, ибо значительная их часть доставляется в города и на фабрики гужом. Но зато многие из них попадают на паровой транспорт не один раз в разных стадиях своей переработки, например хлеб — зерном и в муке, корнеплоды — в виде свеклы, сахара-песка, сахара-рафинада, лен, хлопок и другие технические культуры — в виде семян и растительного масла, волокна и тканей и т. д.

В результате внесельскому потреблению хлеба всего в 454 млн. пудов соответствовала, например, независимо от гужевых перевозок, железнодорожная отправка этих грузов в 534 млн. пудов. Таким образом, общая работа парового транспорта по перевозке грузов сельскохозяйственного происхождения далеко не исчерпывается размером хлебных перевозок и сельскохозяйственного сырья в тесном смысле этого слова. И с ростом хлебных перевозок будет расти не менее быстрым темпом и целый ряд других.

Не следует забывать, что исчисленное нами к 1928 г. почти удвоение избытков хлебной продукции для снабжения дальнего рынка означает не только увеличение сельскохозяйственных перевозок, но и расширение емкости сельского рынка на продукты промышленности. На проданный хлеб

Таблица 1

Внесельское потребление продукции деревни за 1922/23 г.*

(в тыс. пудов)

Потребители / Продукты	Городское население (21 млн. душ)	Городской скот	Производственное потребление	Экспорт	Итого
1	2	3	4	5	6
А. Растениеводство					
1. Хлебные и зернофуражные	324 010	74 812	323	55 270	454 415
2. Объемистый фураж	—	294 099	—	—	294 099
3. Овощи и корнеплоды . . .	248 110	900	108 280	—	357 290
4. Фрукты, ягоды, грибы . . .	9 880	—	—	—	9 880
5. Хлопок, лен, пенька	—	—	7 925	3 007	10 932
6. Табак и масличные семена	—	—	21 410	308	21 718
Итого продукции растениеводства	582 000	369 811	137 938	58 585	1 148 334
Б. Животноводство					
1. Мясные и дичь.	40 780	—	—	2	40 782
2. Молочные и яйца	78 530	—	—	364	78 894
3. Рыба	7 290	—	—	—	7 290
4. Кожи и мех	—	—	1 604	259	1 863
5. Шерсть и шелк	—	—	1 244	82	1 326
6. Прочие продукты животноводства	—	—	—	454	454
Итого продукции животноводства . . .	126 600	—	2 848	1 161	130 609
В. Лесоводство					
1. Дрова	1 050 000	—	1 308 725	—	2 358 725
2. Поделочный лес	—	—	271 200	54 530	325 730
Итого продукции лесоводства	1 050 000	—	1 579 925	54 530	2 684 455
Итого по А, Б, В . .	1 758 600	369 811	1 720 711	114 276	3 963 398

* См. С. Струмилин. Емкость нашего рынка, М. 1924, стр. 21—22.

деревня накупит плугов и кос, хомутов и сапог, гвоздей и ситцев, и весь этот товар будет доставлен тоже не без участия железных дорог.

В 1922/23 г. сельское население, по нашим прикидкам, приобрело продуктов городской промышленности примерно миллионов на 755 по довоенным ценам. С удвоением отчуждаемой доли сельской продукции эта цифра увеличится даже более чем вдвое, потому что крестьянство за счет своей продукции не только покупает товары, но и платит налоги[1], а налоговое бремя во всяком случае не предполагается удвоить за ближайшее пятилетие.

Насколько такое расширение емкости сельского рынка учитывается в наших перспективах промышленного производства, можно усмотреть из нижеследующей таблички, составленной по пятилетке промышленной секции Госплана (см. табл. 2).

[1] За 1922/23 г. деревня уплатила прямых налогов на сумму не менее 480 млн. товарных рублей Госплана, или по 4 р. 28 к. на душу.

Таблица 2

Предполагаемый темп восстановления государственной промышленности СССР
(в товарных рублях)

Годы	Число рабочих и служащих		Валовая продукция		Себестоимость (в % нормы 1922/23 г.)	Годовая выработка на 1 работника	
	в тыс.	в %	в млн. руб.	в %		в руб.	в %
1	2	3	4	5	6	7	8
1922/23	865	100	1156	100	100	1336	100
1923/24	891	103	1371	118	95,6	1539	115
1924/25	968	112	1762	153	86,5	1820	136
1925/26	1060	123	2205	191	79,4	2080	156
1926/27	1151	134	2696	233	72,8	2342	176
1927/28	1258	146	3260	282	66,6	2591	194

Как видим, темп оздоровления нашей промышленности, намеченный в приведенном варианте пятилетнего плана, значительно превосходит то, что мы исчислили для сельского хозяйства. Там предвидится прирост валовой продукции хлебов всего на 40% за пятилетие, а здесь — на 182%. Но этот ориентировочный план был превзойден за первые же месяцы 1923/24 хозяйственного года. И мы по крайней мере отнюдь не считаем его чересчур оптимистичным.

Этот план охватывает пока только 32 важнейшие отрасли крупной индустрии (без нефтяной и каменноугольной). В нем учтены лишь 865 тыс. рабочих и служащих из общего их количества для всей фабрично-заводской промышленности 1922/23 г. в 1453 тыс. рабочих и 212 тыс. служащих, т. е. не более 52% этого числа. Поэтому абсолютные цифры приведенной таблицы непоказательны. Но темп прироста валовой продукции, исчисленный за все годы в одних и тех же ценах 1922/23 г. в товарных рублях, по общетоварному индексу Госплана, в достаточной степени характерен. В таком же примерно темпе, очевидно, будет расти и количество перевозимых промышленных грузов.

В транспортной пятилетке прирост общего количества грузов парового транспорта (водного и железнодорожного) исчисляется в таком темпе (в млн. пудов и в %)[1]:

Годы	Железные дороги	Водные пути	Итого	В %
1922/23	3463	607	4070	100
1923/24	3880	650	4530	112,4
1924/25	4454	696	5150	128,6
1925/26	4776	944	5720	137,9
1926/27	5065	1088	6153	146,3
1927/28	5316	1230	6546	153,5
1913 г.	6634	2688	9322	229,0

В этих общих итогах к 1927/28 г. на дрова и лесоматериалы падает 1684 млн. пудов, или 25,7%, на хлеба, свеклу и мясо — 790 млн. пудов,

[1] «Материалы к перспективному плану», вып. 1, изд. Госплана. М., 1924, диагр. 11.

или 14,3%, на продукты тяжелой индустрии (уголь, нефть, руда, чугун) — 1768 млн., или 27%, и на прочие грузы, т. е. остальные сельскохозяйственные продукты и все грузы легкой индустрии,— около 33%. При этом для дров и лесоматериалов прирост с 1923/24 г. принят в 28%, для сельскохозяйственных — в 32 и тяжелой индустрии — на 64%.

Если же принять вышеисчисленные коэффициенты прироста грузооборота для сельскохозяйственных грузов в 96% за пятилетие, для промышленных — в 182%, для прочих (кроме лесных) — среднюю из этих двух норм, т. е. около 140%, а лесные грузы оставить без всякой поправки, то средний для всех грузов процент прироста грузооборота за пятилетие придется с 53,5% повысить *по меньшей мере* до 98% [1].

Конечно, это очень грубая прикидка, но во всяком случае она ясно показывает, что перспективы наши в области развития грузооборота и ликвидации дефицитности наших железных дорог, по-видимому, гораздо шире и лучше, чем это представляется многим из наших специалистов, работающим только в области транспорта.

---

[1] Фактически, по отчетным данным, он возрос на 159%.

IX. НАШИ БЛИЖАЙШИЕ ПЛАНОВЫЕ ЗАДАЧИ [1]

Если вся наша юная республика в целом насчитывает едва семь лет от роду, то плановые ее органы еще моложе. Перед лицом старушки-истории трехлетний их возраст представляет настолько младенческим, что предъявлять к их работе слишком преувеличенные требования было бы по меньшей мере преждевременным. Необходимо учесть при этом не только юность наших плановых учреждений, но и новизну самого планового дела и той хозяйственной обстановки, в которой его приходится развертывать.

Основной нашей задачей в области планового хозяйства является не только развертывание его на хозяйственной базе, именуемой у нас в просторечии нэпом, но и одновременно последовательная его реконструкция, т. е. радикальная перестройка и преобразование всего этого хозяйства на новых, социалистических началах. Иными словами, основной нашей задачей в области плана является *преодоление несоциалистических элементов нэпа,* т. е. преодоление стихии товарно-капиталистического хозяйства и практическое воплощение в жизнь хозяйства социалистического.

Само собой разумеется, что для разрешения такой задачи мы не смогли бы использовать готовый опыт буржуазного Запада, ибо там такого опыта нет и быть не могло. Не так просто также использовать для нашей плановой практики за отсутствием опыта хотя бы чисто теоретические построения экономической науки. Мы не говорим уже о том, что ни в одном университете мира до сих пор не было еще кафедры планового хозяйства. Буржуазия не нуждается в таких кафедрах. Хуже для нас то, что и социалистическая мысль до сих пор меньше всего разрабатывала эту проблему. Мы твердо знали, что нам делать до социальной революции, но мысль о том, что и как нам придется делать на другой и на третий день, а тем более на седьмой и восьмой годы после революции, представлялась настолько академической и далекой от проблем текущего дня, что от нее сознательно отмахивались, оставляя ее в удел грядущим поколениям.

Теперь для нас это величайшая злоба текущего дня. И чем менее мы подготовлены к ее разрешению, тем больше промахов и ошибок нам суждено сделать на этом пути. Но не ошибается только тот, кто ничего не делает. И мы не смущаемся в своей работе этим обстоятельством.

Как же мы ставим перед собою нашу основную плановую проблему?

Мы живем в условиях товарно-денежного хозяйства, регулируемого в интересах рабоче-крестьянских масс при гегемонии пролетариата, сознательно устремляющегося к социализму.

Из этой предпосылки мы делаем два основных вывода.

Во-первых, устремляясь к социализму в будущем, мы не должны ни на минуту забывать о наиболее жизненных интересах рабоче-крестьянских масс в настоящем. Иными словами, поскольку социализм может быть у нас осуществлен лишь силами пролетариата и притом только при актив-

[1] С. Г. Струмилин. Плановые проблемы и достижения. «Экономическая жизнь», 7 ноября 1924 г.

ном содействии крестьянских масс, то лишь подъем и накопление этих сил пролетариата и хозяйственной мощи крестьянства *уже на пути к социализму* являются наиболее реальной гарантией безболезненного переустройства нашего хозяйства на социалистических началах в кратчайший срок.

Во-вторых, поскольку мы планируем в рамках товарно-денежного хозяйства, наиболее целесообразными методами такого переустройства должны быть признаны методы, непосредственно вытекающие из условий развития именно этой формы хозяйства.

Это значит, что мы отнюдь не собираемся в ближайшее время «отменять» нэп, ибо считаем себя достаточно вооруженными, чтобы гораздо успешнее преодолеть его отрицательные стороны *экономически*, его же собственным оружием, по методу «клин клином вышибают».

И действительно, поскольку пролетарская революция национализировала основную массу средств производства страны и пролетариат в лице организованного им государственного аппарата стал полновластным хозяином громадного производственного фонда, он уже в силах, даже отнюдь не злоупотребляя методами внеэкономического принуждения, найти достаточно путей для дальнейшего поглощения остальных средств производства и организации их на новых началах. Он может и должен овладеть ими — правда, во имя совсем иных задач,— но теми же методами, какими устраняет своих конкурентов любой финансовый концерн, производственный трест или торговый синдикат капиталистической страны, т. е. противопоставляя неорганизованной стихии мелких товаропроизводителей и торговцев высшие формы организации труда и производства и выявляя перед ними на рынке все преимущества этих форм перед всякими иными.

Общая плановая проблема социалистического накопления распадается, однако, в наших условиях на целый ряд частных: 1) в области промышленности и дальнего транспорта, 2) в области внутренней и внешней торговли и 3) в области сельского хозяйства, ибо в каждой из них соответственно различным ступеням их охвата планом применимы разные методы регулирования и особые меры воздействия.

ОБЛАСТЬ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Крупная промышленность уже теперь более чем на $^9/_{10}$ является государственной, и в ней мы наиболее свободно можем применять методы прямого планового управления и плановой реконструкции.

А. Нашими основными задачами в этой области в целях удешевления продукции и победоносной конкуренции с частным капиталом являются:

1) Проблема возможно быстрого развертывания производства на старой технической базе до полной ее нагрузки.

2) Проблема усиления оборотных фондов, необходимых для такого развертывания.

3) Проблема восстановления изношенного капитала.

4) Проблема накопления новых производственных фондов.

5) Проблема технической реконструкции промышленности на базе электрификации.

6) Проблема рационализации в области производительности и оплаты труда на базе научной его организации.

Б. Основной предпосылкой планомерного разрешения этих задач в условиях денежного хозяйства должна быть организация (при соблюдении начал хозрасчета и максимальной децентрализации непосредственного управления промышленностью не только в отдельных трестах, но и в известной доле и в отдельных предприятиях) целой системы централи-

зованных в ведении ВСНХ фондов для всего СССР следующего назначения:

1. Оборотного резерва Промбанка.

2. Амортизационного фонда промышленности.

3. Основного фонда социалистического накопления.

4. Резервного трудового фонда [1].

В. Источниками для их образования могли бы послужить:

1. Для оборотного резерва — банковская эмиссия, передаваемая Промбанку на началах беспроцентных периодических займов в размерах, соответствующих увеличению потребности расширяющегося промышленного оборота страны в дополнительных выпусках денежных знаков в обращение, и регулируемая в процессе своего использования кредитными планами Промбанка в пределах соответствующих директив Госплана и Совета Труда и Обороны.

2. Для амортизационного фонда — процентные отчисления от стоимости наличных основных производственных фондов действующих предприятий, исчисляемые и полностью включаемые в калькуляцию собестоимости по нормам, периодически пересматриваемым и утверждаемым — по представлениям ВСНХ через Госплан — Советом Труда и Обороны.

3. Для фонда накопления — прибавочный продукт в виде процентных начислений на основные фонды или, еще лучше (во избежание всякого фетишистского тумана), непосредственно на зарплату, причем нормы этих начислений для включения в калькуляцию продажных цен периодически определяются в том же порядке.

4. Для резервного трудового фонда источником могла бы послужить вся та непредусмотренная действующими калькуляциями экономия на зарплате из расчета на единицу продукта, которая получается в результате подъема производительности труда и рационализации производства за отчетный период. Назначение этого резерва сверх плановой прибыли — поправки к зарплате нерентабельных отраслей труда и финансирование всех мероприятий по рационализации труда.

Совершенно аналогичны наши задачи в области дальнего транспорта.

ОБЛАСТЬ ТОРГОВЛИ

В области торговли государственный сектор овладел пока едва половиной оборотов оптовой и не свыше 10—20% оборотов розничной торговли и потому наряду с непосредственным управлением государственной торговлей здесь перед нами стоит грандиозная плановая задача косвенного регулирования всей частной торговли в целях подчинения ее общему хозяйственному плану и постепенного прямого овладения всем аппаратом распределения.

Специальными задачами в области торговли для достижения вышеуказанных общих целей являются:

1. Проблема возможного снижения издержек обращения государственной торговли путем более рациональной ее организации.

2. Проблема гармонического развертывания государственного и кооперативного торгового аппарата для постепенного завоевания прочных позиций во всех областях и видах оптовой и розничной торговли.

3. Проблема усиления необходимых для этого оборотных ресурсов и основных фондов, аналогичных указанным для промышленности.

4. Проблема регулирования промышленных цен: а) в государственной оптовой торговле в форме твердых лимитов, устанавливаемых периодиче-

[1] Соответствует фонду предприятия.

ски Наркомвнуторгом на основе существующих калькуляций; и б) в розничной торговле путем нормирования торговых накидок в государственной и кооперативной торговле и товарных интервенций на частном рынке.

5. Проблема регулирования сельскохозяйственных цен в соответствии с их себестоимостью в мелком крестьянском производстве с достаточной надбавкой для повышения технического и агрикультурного уровня этого производства — регулирования путем организации кооперативной закупки, первичной обработки и массового сбыта крестьянской продукции через соответствующие госорганы на внутреннем рынке и за границей.

6. Проблема постепенного подчинения путем комиссионных договоров, обеспечивающих продавцам нормированный процент дохода с оборота, и включения в общий план работы основной массы мелких частных торговцев в целях использования их — без всякой экспроприации — в качестве подсобных торговых агентов государства.

ОБЛАСТЬ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В области сельского хозяйства — если не считать формально национализированных, но пока фактически еще совсем не освоенных государством земельных богатств, за исключением разве крайне незначительной площади совхозов,— вся масса средств производства находится в индивидуальном владении многих миллионов мелких производителей. И потому здесь проблема накопления государственных производственных фондов и регулирования распыленного частного хозяйства, хотя бы косвенными методами экономического и налогового воздействия, требует для своего разрешения особо глубокой продуманности и осторожности.

В качестве частных плановых задач первостепенного значения здесь естественно выдвигаются прежде всего следующие:

1. Проблема использования наличной сети совхозов в качестве показательных пунктов, а в частности и в особенности для пропаганды действием всех преимуществ повышенной культуры и техники при достаточном *укрупнении* земельной площади хозяйства в порядке общественной или коллективной его эксплуатации.

2. Проблема землеустройства и плановой мелиорации сельского хозяйства за счет государства путем оросительных и осушительных работ, в масштабе, достаточном для предотвращения периодических неурожаев и голодовок.

3. Проблема тракторизации и электрификации сельского хозяйства за счет государства и производственных кооперативных объединений в деревне в связи с проблемой индустриализации в сфере первичной сезонной переработки продуктов сельского хозяйства (крахмало-паточное и тому подобные производства) в целях более равномерной трудовой нагрузки сельского населения в течение всего года и борьбы с явлением сезонной зимней безработицы в деревне.

4. Проблема планомерного освоения малозаселенных пространств в целях более рационального использования избыточных трудовых ресурсов деревни на всем пространстве республики.

5. Проблема накопления достаточных госфондов для финансирования всех вышеуказанных мероприятий в области сельского хозяйства прежде всего за счет: а) процентных отчислений от доходов госторговли по реализации продуктов сельского хозяйства на внутреннем рынке и за границей; б) процентных отчислений от дифференциальной земельной ренты в сельском хозяйстве, организация взимания которой взамен единого сельскохозяйственного налога является одной из важнейших первоочередных проблем нашей финансовой политики.

6. Проблема регулирования норм доходности и производственного

накопления мелкого частного товаропроизводителя в сельском хозяйстве путем нормирования закупочных цен госорганов на сельскохозяйственные продукты (см. наст. раздел, пункт 5) в сочетании с нормами рентного, а для доходов, превышающих установленный уровень, и прогрессивно-подоходного обложения:

7. Проблема коллективизации сельского хозяйства: а) путем собирания мелких индивидуальных производственных единиц в более крупные — колхозы и коммунхозы, ведущие хозяйство на свой собственный коллективный риск, пользуясь лишь государственным кредитом, тракторным инвентарем, оросительными сооружениями и т. п. и сдавая по договорам свою продукцию казне за известный комиссионный процент вознаграждения; б) путем организации совхозов, берущих весь хозяйственный риск на счет казны и обеспечивающих производителям на условиях договора-найма более высокий минимум существования, чем тот обычный уровень, какой доступен им в самостоятельных мелких хозяйствах.

Мы уже встали на путь разрешения намеченных проблем и достигли на нем немалых успехов.

Созданная нами в области государственной промышленности и торговли система трестов, синдикатов и торгов со всей обслуживающей их широчайшей сетью кооперативов, работая при полном соблюдении начал хозрасчета и максимальной децентрализации непосредственного управления, объединяется, однако, единой волей и плановым руководством не только в редкие моменты утверждения производственных программ и перспективных планов развертывания, но и в повседневной их работе — в порядке текущего банковского финансирования. Развернутая нами система банков — Центрального эмиссионного и специальных для обслуживания промышленности, торговли, сельского хозяйства и т. д. — уже ныне представляет собою могучий аппарат финансового кровообращения. Наши плановые органы, поквартально и ежемесячно увязывая кредитные планы банков с общими перспективами развития народного хозяйства и текущей конъюнктурой момента и переливая таким образом питательные соки оборотных ресурсов в наиболее важные пункты, держат в своих руках тот центральный денежный рычаг управления народным хозяйством, сильнее которого не знает капиталистическое хозяйство. А если к этому добавить, что в руках тех же органов находятся еще такие дополнительные рычаги, как монополия внешней торговли и всего дальнего транспорта, а также таможенная и, вообще, вся налоговая система, то станет ясно, насколько широки наши плановые возможности.

Мы далеко еще не вполне овладели ими, конечно. Перед нами, например, стоит далеко еще не разрешенная проблема создания вышеуказанной системы централизованных фондов специального назначения: 1) амортизационного фонда, 2) основного фонда накопления, 3) оборотного резерва, 4) специального фонда для рационализации труда и тому подобных целей. Нам кажется, что лишь с организацией и достаточным накоплением подобной системы фондов, бронированных для производственного использования во всех областях хозяйства, мы вполне овладеем плановой инициативой. Задача центрального планового органа сведется тогда прежде всего к нормированию темпа накопления всех производственных фондов республики и маневрированию при использовании этих фондов, причем его предположения в этой области будут фиксироваться в форме годовых контрольных цифр и перспективных финансовых планов развертывания и реконструкции всего народного хозяйства в целом.

Самой удобной рабочей формой балансовой увязки таких финансов с госбюджетом и общим масштабом всех хозяйственных оборотов страны явится, конечно, ежегодное построение перспективного баланса народного хозяйства всего Союза в целом и отдельных его составных частей и районов в частности.

Но независимо от этих внешних форм планирования капитальные вложения являются основной его предпосылкой. Мы имеем, например, широкий план электрификации, но не имеем твердого плана его реализации, ибо предвидеть на несколько лет вперед, сколько крох нам удастся урвать из текущих бюджетных ресурсов на электрификацию, нет никакой возможности. А такие задачи, как электрификация и вообще капитальная реконструкция технической базы нашего хозяйства, немыслимо разрешать без учета и предвидения нужных ресуров в порядке *многолетнего* плана. Имеется у нас в достаточно разработанном виде и другой чрезвычайно важный план той системы мероприятий в сельском хозяйстве, которая должна навсегда застраховать нашу страну от неурожаев и голодовок. Но и он требует специальных ресурсов, не укладывающихся в рамки текущего бюджета.

Источники для разрешения такого рода задач найдутся в нашей стране, если их даже не удастся привлечь со стороны. И порукой в этом для нас служат те успехи, которых мы уже достигли доныне на нашем хозяйственном фронте. Наша промышленность вот уже третий год расширяет свою продукцию на многие десятки процентов. Таким же невиданным доселе темпом росла у нас зарплата, а с нею и емкость нашего рынка. Не менее быстро развивался и наш товарооборот. На фоне этого общего хозяйственного подъема стали возможны такие громадные достижения, как твердая валюта и бездефицитный бюджет в стране, только что пережившей неслыханное военное разорение и целый ряд неурожайных лет.

Конкурентоспособность нашей государственной промышленности и торговли растет с каждым годом. Сомневаться в том, что уже очень скоро преимущества крупного производства и централизованного сбыта выявят еще в большей степени свое превосходство и что частный капитал будет постепенно вытесняться из всех завоеванных им у нас позиций, мы не имеем оснований.

Но нужно ли нам для такого преодоления нэпа добиваться поголовной «пролетаризации» всех мелких производителей и торговцев?

Конечно нет. Для того чтобы овладеть производством и товарооборотом страны и стать полным хозяином рынка, достаточно располагать, быть может, едва двумя третями занятых в этих отраслях хозяйства средств производства. Если мы сможем диктовать не только оптовые, но и розничные цены как производителю, так и массовому потребителю, то задача преодоления стихии нэпа будет разрешена.

Будут ли остатки мелких производителей и торговцев при этом считать себя самостоятельными «хозяевами» или нет, это дела не изменит. Экономически регулируя и цены производства крестьянина и торговые накидки торговца-розничника, мы превратим их в своих агентов. И провести необходимую коллективизацию труда в тех размерах, какие потребуются в интересах его рационализации, не представит тогда уже никаких непреодолимых затруднений.

Нам самим неясна еще та сила, которой мы уже обладаем на рынке. Прошлогодний успех в смыкании «ножниц», так же как и успех нашей денежной реформы, опиравшейся на фиксацию оптовых цен в казначейском рубле, для очень многих из нас был в достаточной степени неожиданным. Еще труднее многим из нас поверить, что уже скоро мы не только сумеем наперед учитывать вероятный темп расширения емкости нашего рынка, но и сознательно *предопределять* ее в необходимых для нас размерах, воздействуя на уровень зарплаты и цены крестьянской продукции. Но мы лично нисколько не сомневаемся в том, что эти проблемы уже очень скоро созреют для своего разрешения.

Наши плановые достижения и теперь изрядны. Но наши плановые перспективы значительно превосходят ожидания не только наших классовых врагов, но и кое-каких друзей-маловеров.

X. О КОНТРОЛЬНЫХ ЦИФРАХ ГОСПЛАНА НА 1925/26 г.[1]

1. ДАЕМ ЛИ МЫ «РЯДЫ» ИЛИ СИСТЕМУ ЦИФР

«Контрольные цифры» Госплана названы так по аналогии с бюджетными контрольными цифрами Наркомфина. Если последние являлись рамками, в которые должны были уложиться все ведомства в своих конкретных *бюджетных* предположениях на предстоящий год, то «контрольные цифры народного хозяйства», по замыслу Госплана, дают такие рамки, в которые должны уложиться в пределах возможного предвидения и планового предуказания не только государственный бюджет и все конкретные хозяйственные планы отдельных ведомств, но и все стихийные процессы хозяйственной жизни страны, предучтенные на целый год вперед.

Наркомфин строил свои контрольные цифры в качестве заданий отдельным ведомствам, исходя из своего учета общих доходных ресурсов предстоящего года и забот о достижении бюджетного равновесия. Госплан тоже исходил в своих заданиях из идеи хозяйственного равновесия, но, разумеется, гораздо более сложного, чем элементарный бюджетный принцип: по одежке протягивать ножки. Мы имели в виду пропорциональность бескризисного развития важнейших отраслей нашего народного хозяйства и прежде всего земледелия и промышленности.

Возможность такой плановой пригонки друг к другу подлежащих обменной реализации между городом и деревней товарных масс промышленной и сельскохозяйственной продукции базируется на том, что к моменту составления контрольных цифр урожай у нас уже был известен. Это громадный факт, которого совершенно недооценивают у нас те хозяйственники, которые настаивают на перенесении планового года с октября на январь. Урожай — это наименее поддающийся регулированию стихийный фактор. Но раз он уже известен, то вопрос о бескризисной его реализации есть вопрос маневрирования масштабами внутренней продукции промышленных изделий, экспорта и импорта различных групп товаров и относительным уровнем цен промышленных и сельскохозяйственных товаров на внутреннем рынке. Все эти факторы, как это уже в достаточной степени проверено у нас на опыте, поддаются плановому регулированию, хотя, разумеется, лишь в известных, довольно тесных пределах.

Например, расширить производственные программы нашей промышленности в соответствии с прекрасными видами на урожай 1925 г. мы не могли больше, чем позволяла загрузка до 100% наличных капитальных средств этой промышленности. Экспорт нашей сельскохозяйственной продукции нельзя было форсировать выше емкости заграничных рынков и наших транспортных возможностей, а импорт индустриальных товаров —

[1] Из дискуссии о первом опыте Госплана в области построения народнохозяйственных перспектив на 1925/26 г. «В защиту контрольных цифр Госплана». «Плановое хозяйство», 1925, № 10.

выше тех границ, какие ставятся нам нашим торговым и платежным балансом с заграницей. Вследствие этого для полного сбалансирования обменной реализации продуктов города и деревни пришлось предусмотреть и известные — частью желательные, а частью и неизбежные — сдвиги в области течения цен в сторону раздвижения ценовых «ножниц».

Насколько удачно мы разрешили эту основную и целый ряд других плановых задач того же порядка в контрольных цифрах на 1925/26 г., покажет время. Но уже ныне контрольные цифры подверглись на страницах печати, а также в Совете Труда и Обороны весьма оживленной дискуссии. В этой дискуссии было высказано немало очень серьезных критических замечаний, которые нам придется в полной мере учесть в нашей дальнейшей работе. Но еще больше было таких упреков и нападок, которые можно объяснить лишь или простым недоразумением, или заведомой переоценкой наших плановых возможностей и потому слишком преувеличенными требованиями к нашей работе.

Наиболее серьезным и особенно чувствительным из сделанных нам упреков было замечание, что контрольные цифры Госплана не увязаны между собой балансовой связью, что это не связная система, а простые ряды цифр. В разной форме этот упрек повторялся многими с добавлением, что наши цифры слишком суммарны и не дают конкретных заданий отдельным отраслям промышленности и производствам.

Если указанные упреки понимать в том смысле, что от нас ожидали получить в порядке контрольных цифр уже вполне законченный и детально разработанный баланс народного хозяйства на 1925/26 г. с развернутыми производственными планами по всем производствам, то, конечно, упреки эти пришлось бы признать вполне справедливыми.

Такой работы мы не выполнили. Более того, мы не могли ее выполнить, и даже не ставили перед собой такой задачи.

Надо ведь иметь представление, что такое законченный баланс народного хозяйства такой страны, как СССР.

Более года тому назад, 21 июля 1924 г., ЦСУ получило задание от СТО составить баланс народного хозяйства на 1923/24 г. к 1 октября и внести его в Госплан. ЦСУ, как известно, располагает огромным статистическим аппаратом и могло использовать для этой цели труд десятка тысяч статистиков, и тем не менее не только к октябрю 1924 г., но и к следующему октябрю выполнить этого задания не смогло. Больше восьми месяцев ему понадобилось только на то, чтобы опубликовать в «Экономической жизни» лишь наиболее общие итоги работы — не менее суммарные, чем те, какие даны в наших контрольных цифрах,— а развернутый баланс и ныне, т. е. через 14 месяцев после начала работы, все еще тщетно ждет своего опубликования.

Баланс ЦСУ строится по инициативе Госплана. Нами даны схема и главнейшие методологические указания к построению этого баланса. И мы с глубоким интересом ждем осуществления этой работы. Но если бы Госплан, располагающий всего одной-двумя дюжинами экономистов и примерно таким же числом статистиков, вздумал сам заняться такой же работой, то он неизбежно превратился бы в совершенно мертвое академическое учреждение, ибо ему пришлось бы потратить на нее уже не 14 месяцев, а по меньшей мере три-четыре года. Ведь в контрольных цифрах дается балансовый расчет не за один, а за целых три года (1913, 1924/25 и 1925/26). Но какой практический интерес представлял бы собою для Совета Труда и Обороны и для всей страны *перспективный* баланс на 1925/26 г., изданный в 1930 г.?

Были у Госплана, однако, и другие, может быть, еще более существенные основания не гнаться за построением *собственными силами* вполне законченного развернутого баланса и хозяйственного плана на 1925/26 г. Конечно, для многих ведомств это было бы большим облегчением — полу-

чить без всяких усилий со своей стороны вполне готовый план с детальнейшими заданиями по каждой группе производства, по каждому тресту. Но недаром же нас неоднократно предостерегал В. И. Ленин от *бюрократизации* планов. Легко себе представить, что это за архибюрократическое произведение получилось бы, если бы Госплан СССР, сидя у себя, в Москве, на Воздвиженке[1], взял на себя роль всесоюзной няньки или какого-то попечительного провидения по отношению к каждому захолустному тресту, до которого в три года не доскачешь.

Своей задачей в стадии составления контрольных цифр мы считали дать лишь общую характеристику возможного темпа развития важнейших отраслей народного хозяйства, систематизировать все показатели в единую, связную картину и предложить их в качестве наиболее общих заданий тем наркоматам, которые будут составлять конкретные планы на будущий год. Мы имели в виду дать лишь связную систему индексов предполагаемого развития нашего народного хозяйства на 1925/26 г., с тем чтобы отдельные ведомства, работая каждое в своей области, имели в виду и общую увязку всего народного хозяйства в целом. Мы убеждены, что вполне удовлетворительный *план* явится только тогда, когда нам *помогут* в его составлении и ЦСУ и все хозяйственные наркоматы, обязанные плановой работой, каждый в своей области.

И мы не понимаем, почему некоторые ведомства ждали от нас большего. Ведь не требовали же они от Наркомфина, когда он указывал, в какую контрольную цифру им следует уложить свой бюджет, чтобы Сокольников дал им и *готовую разверстку* удовлетворения всех их нужд в пределах указанной цифры.

Другие товарищи не предъявляли нам таких требований. Они готовы были бы, по-видимому, удовлетвориться и данным объемом контрольных цифр при условии большей их связности. Но они не видят внутренней их связности.

В этом уже, очевидно, виноваты и мы сами. Прорабатывая каждую цифру балансовым методом, мы недостаточно выявили это уже в самом построении наших таблиц. Технически это не легко было сделать, так как мы добивались такого построения таблиц, в котором каждый показатель выявлял бы *динамику* развития того или иного явления во времени. Но, отвлекаясь от этой задачи и ограничиваясь данными какого-либо одного года, их без всякого труда можно было бы уложить и в форму балансовой таблицы.

Вот, например, что получится, если переверстать с указанной целью контрольные цифры на 1925/26 г. в довоенной оценке (см. табл. 1).

Мы ограничились в приведенной таблице лишь наиболее суммарными итогами. Но каждый из них по материалам контрольных цифр может быть расчленен на десятки более частных итогов. И, таким образом, вся система контрольных цифр увязывается приведенным балансом в единое целое. Такие же балансы можно выписать из контрольных цифр и за 1924/25 и за 1913 гг., и притом не только в довоенной оценке, но также в товарных рублях и в червонной валюте[2]. Мы уже не говорим о специальных балансах, например хлебофуражном, который представлен там сверх того еще и в натуральных единицах за целые шесть лет.

Можно, конечно, все эти балансы признать крайне несовершенными, незаконченными, чересчур суммарными. Мы заранее охотно признаем всю их дефектность в указанном отношении. Но проглядеть самую налич-

---

[1] В настоящее время ул. М. И. Калинина.— *Прим. ред.*

[2] При балансовой сводке итогов в современной оценке не нужно только забывать, что остатки прошлого года выражены в *иных* ценах, чем остатки текущего года, и потому для сбалансирования их следует по индексу привести к одним и тем же оценкам.

Таблица 1

Перспективный баланс производства СССР на 1925/26 г.

(в млн. руб. по довоенным ценам)

ДЕБЕТ КРЕДИТ

Статьи прихода	На сумму	Статьи расхода	На сумму
А. Сельское хозяйство		*А. Сельское хозяйство*	
1. Валовая продукция:		1. Натуральное потребление и запасы:	
а) земледелие и животноводство	10 236	а) продуктов земледелия и животноводства	7 099
б) лесоводство, рыболовство, охота	1 200	б) продуктов лесоводства, рыболовства и охоты	700
Итого продукции	11 436	Итого	7 799
2. Сельскохозяйственный импорт	189	2. Реализация:	
Всего по сельскому хозяйству	11 625	а) сельскохозяйственного импорта	189
Б. Промышленность		б) внутренней продукции земледелия и животноводства	3 137
1. Остатки 1924/25 г.	280	в) продуктов лесоводства, рыболовства и охоты	500
2. Валовая продукция:		Итого реализации	3 826
а) фабрично-заводская промышленность	5 280	Всего продуктов сельского хозяйства	11 625
б) ремесленно-кустарная промышленность	1 370	*Б. Промышленность*	
Итого продукции	6 650	1. Внутритрестовский безденежный оборот	720
3. Промышленный импорт	329	2. Реализация:	
Всего по промышленности	7 259	а) промышленного импорта	329
Всего к распределению	18 884	б) внутренней продукции	5 510
		Итого реализации	5 839
		3. Остаток к концу года	700
		Всего продуктов промышленности	7 259
		Всего по А и Б	18 884

ность балансовой связи в системе предложенных нами контрольных цифр можно, как нам кажется, лишь в порядке полемических преувеличений.

Пятаков упрекал нас в том, что контрольные цифры сами по себе не дают ответа, какие экономические последствия вытекут из невыполнения того или иного задания Госплана.

Это верно, конечно. Если, скажем, наше задание о реализации всех товарных излишков крестьянского хлеба будет выполнено только на 90

или на 85%, то единственным автоматическим последствием этого — при неизменности всех других контрольных цифр — будет арифметическая неувязка баланса: сумма приходных статей не сойдется с суммой намеченного расхода. Это не удовлетворит, разумеется, ни Пятакова, ни нас, ибо из такой цифровой неувязки не вытекает еще непосредственно никаких экономических выводов.

Однако если не предъявлять слишком чрезмерных требований к арифметике, даже облеченной в форму бухгалтерски безупречного баланса, то с помощью *экономического анализа* оценить последствия такого нарушения намеченной контрольными цифрами системы пропорций будет нетрудно.

Будет ли *любое* нарушение этой системы сопровождаться неизбежным хозяйственным кризисом?

Разумеется, нет. Незначительные отклонения от намеченных масштабов продукции и реализации в отдельных отраслях хозяйства легко скорректируются за счет соответствующих изменений в ценах или размерах хлебных и индустриальных запасов к концу года. А более значительные отклонения создадут уже целый ряд тяжелых экономических и политических затруднений, сопровождающих всякий хозяйственный кризис.

Намеченная нами система равновесия для 1925/26 г. не является единственно возможной. Поясним это одним примером. Ко времени составления контрольных цифр урожай оценивался нами в 4700 млн. пудов зерна, а теперь отмечается вследствие полосы дождей значительная гибель и порча качества урожая в размерах до 5—6% валового сбора. Это тяжелая хозяйственная потеря для нашего хозяйства. Но, как это ни парадоксально, она лишь облегчает задачу свести концы с концами в нашем хозяйственном плане. Наши возможности реализации и вывоза товарных избытков крестьянского хлеба были очень ограничены. И потому мы вынуждены были предполагать, даже при максимальном напряжении этих возможностей, громадное накопление хлебных запасов в крестьянских хозяйствах, предельное увеличение потребления хлеба и кормов в этих хозяйствах и все-таки стояли перед угрозой крайне резкого снижения хлебных цен, с одной стороны, и товарного голода в отношении промышленной продукции — с другой.

Теперь эти угрозы теряют свою остроту. Мы начинаем уже опасаться не излишнего падения, а слишком высокого, с точки зрения экспортных возможностей, уровня хлебных цен. Реализация урожая замедляется. И хотя общие размеры заготовок и при уцелевшем от дождей сборе могут достигнуть за весь год намеченной по плану величины, но при более *равномерном* ходе реализации угроза возможного товарного голода в деревне в начале года — до полного развертывания работ промышленности по новой программе — заметно смягчается. Таким образом, в пределах прежних заданий Госплана намечаются новые хозяйственные пропорции, и, по-видимому, даже более устойчивые, чем в первом варианте, положенном в основу наших контрольных цифр.

Но если даже основное наше задание о размерах необходимых хлебозаготовок и не претерпит существенных сокращений в дальнейшей плановой работе текущего года, то изменение цифры общего сбора хлебов во всяком случае неизбежно отразится и на величине натурального потребления населения, и на хлебных запасах к концу года, и на течении хлебных цен, запроектированных в наших контрольных цифрах, ибо все они связаны между собою неразрывной балансовой увязкой.

2. НАШИ «ПРЕУВЕЛИЧЕНИЯ» И «ОПТИМИЗМ»

В известных дозах оптимизм можно признать здоровым началом. Во всяком случае идеологам класса, которому нечего терять, кроме цепей, а завоевать предстоит целый мир, известный социальный оптимизм гораздо

более к лицу, чем безнадежный пессимизм отживающих классов. У идеологов отживающих классов не могло быть того здорового оптимизма, который у пролетариата вытекает из ощущения непреодолимого нарастания его значения, организованности и социальной мощи. И они могли подменять его лишь тем *казенным* оптимизмом, который, вылавливая повсюду в целях самоутешения одни лишь «отрадные» явления, сознательно не замечает ничего, что могло бы испортить хорошее пищеварение и расположение духа господствующего класса.

Советский уклад жизни слишком здоров и полнокровен, чтобы питаться какими-либо иллюзиями и скрашивать действительность *казенным* оптимизмом. Но не вкралось ли в наши контрольные цифры все же каких-либо *невольных* преувеличений, вызванных превысившим все ожидания темпом роста нашего хозяйства за последние три-четыре года?

Такое опасение вполне законно. Мы не раз уже ошибались в сторону недооценки наших хозяйственных перспектив. А потому не было бы чересчур большим грехом ошибиться хоть раз и в обратную сторону. Во всяком случае общее мнение наших критиков таково, что на *сей раз* наша оценка перспектив 1925/26 г. грешит преувеличениями. Преувеличенные оценки усматриваются ими и в абсолютных размерах плановых заданий на 1925/26 г., и в темпе развития соответствующих элементов народного хозяйства.

Чем же, однако, обосновывается такое мнение?

Обосновать его в настоящее время можно, вообще говоря, лишь двумя путями: во-первых, сопоставлением наших плановых заданий с тем, какие признаются вполне реальными по экспертной оценке наиболее заинтересованных ведомств, и, во-вторых, сопоставлением наших исчислений, обосновывающих эти задания, с параллельными исчислениями других лиц или ведомств.

Практически всего опаснее было бы ошибиться в выводах и заданиях. А потому прежде всего обратимся к ним. Нас упрекнули в том, что мы в гораздо большей мере посчитались в своих выводах с нашими динамическими коэффициентами роста народного хозяйства, чем с мнениями привлекавшихся Госпланом экспертов. Может быть, это и верно. Не могли же мы верить любому эксперту на слово, без всякой проверки его интуитивных прогнозов собственными расчетами. Посмотрим, однако, какова же мера нашего расхождения с ведомственной экспертизой?

Начнем с бюджета. Прошлогодняя цифра — 2572 млн. руб. На 1925/26 г. мы увеличиваем ее до 3700 млн., а эксперты Наркомфина — только до 3560 млн. руб. Расхождение в 4%. А какова доныне достигавшаяся точность расчетов Наркомфина в области построения бюджета? На это дает ответ прошлогодний опыт. В 1924 г. к 14 октября Наркомфин исчислил контрольную сумму бюджета в 2092 млн. руб., а реально эта цифра в процессе исполнения выросла до 2560 млн., т. е. на 22%. Такова, стало быть, точность расчетов Наркомфина.

Спрашивается, можно ли при таких условиях признать цифру Госплана преувеличенной? И не вероятнее ли будет обратное предположение, что цифра Наркомфина преуменьшена?

Последнее допущение тем более вероятно, что уже всего через пару месяцев после составления контрольных цифр выяснилось, что по одному лишь транспорту доходы превысят прежние предположения и НКФ и Госплана на целых 50 млн. руб. Едва ли можно сомневаться, что по примеру прошлого года подрастут еще и многие другие статьи дохода.

Другая «преувеличенная» нами цифра — задание Наркомвнешторгу повысить наш экспорт с прошлогодней цифры 462 млн. до 1100 млн. червонных рублей, т. е. на 138%. Задание поистине огромное. И в официальном отзыве НКВТ на контрольные цифры от 15 сентября за подписью Фрумкина и проф. Заменгофа значится следующее: «Как неоднократно

указывал НКВТ, предполагаемая Госпланом цифра экспортного плана в 1100 млн. является *абсолютно нереальной*». Тут уже наше расхождение с ведомственной экспертизой становится, по-видимому, угрожающим. Но в какой же цифре определяются наши экспертные возможности самим НКВТ? «По исчислениям, произведенным НКВТ,— читаем мы в том же документе,— *реальные экспортные возможности* СССР на 1925/26 г. оцениваются в 1074 млн. рублей». Итак, ужасающая философские умы пропасть между вполне «реальным» и «абсолютно нереальным» измеряется всего-навсего разностью в 2,4%.

Допустим, однако, что мы преувеличили задание по экспорту сверх «реальных» возможностей на целых 2,4%, в то время как НКВТ и с реальными-то возможностями едва ли справится, по заверению своих экспертов. Такова экспертиза проф. Заменгофа. Но если профессора из НКВТ доказывают преувеличенность нашей цифры экспорта, то профессора из Наркомзема доказывают обратное. Проф. Макаров, например, категорически утверждает, что и общая товарная масса сельскохозяйственных продуктов нами «*преуменьшена*» и «экспортная доля сельскохозяйственных продуктов *преуменьшена еще значительнее*» [1].

Для работников Госплана это очень привычная вещь, что ведомственные эксперты, сталкиваясь между собою по любому почти вопросу, «нейтрализуют» друг друга в своих оценках, как едкий натр соляную кислоту. Но тем товарищам, которые нас упрекают в недостаточной чуткости к ведомственной экспертизе, не мешало бы поставить себя в наше положение. И тогда им стало бы понятнее, почему мы вынуждены зачастую предпочитать хотя бы и не слишком точные, но зато вполне объективные «динамические коэффициенты» чрезвычайно категорическим, но взаимно исключающим друг друга ведомственным оценкам.

Как бы то ни было, ориентировочная цифра экспорта в размере 1105 млн. руб. уже удостоилась одобрения СТО. И если в процессе дальнейших уточнений экспортного плана или в процессе конкретного выполнения его она и претерпит те или иные изменения, мы не выполнили бы своей задачи «максимально форсировать экспорт» [2], если бы пошли на снижение этой цифры еще до всяких конкретных усилий выполнить это задание в полной мере.

Третья контрольная цифра. Задание транспорту повысить масштаб своих перевозок в 1925/26 г. с 4576 млн. пудов минувшего года до 6100 млн. пудов груза, т. е. на 33%.

В июле ведомственные эксперты эту цифру тоже находили весьма преувеличенной. Но теперь уже сам НКПС предложил гораздо более высокую цифру перевозок — 6410 млн. пудов. И эта цифра уже одобрена Госпланом и СТО. А фактическая погрузка последних дней превышает даже предположения этого повышенного плана [3].

Далее, возьмем наше задание промышленности. Мы запроектировали повысить выпуск на рынок продукции фабрично-заводской промышленности с 6480 млн. до 7170 млн. червонных рублей, поднимая, таким образом, этот выпуск с учетом намеченного снижения цен на 11%, а в натуральном виде — на 22%. ВСНХ, не возражавший против этого крайне осторожного расчета, ныне идет уже гораздо дальше. Он проектирует увеличение намеченного темпа роста продукции в ценностном выражении на 39%, а в количественном — на 50%, причем выпуск этой продукции на рынок определяется им уже в 7945 млн. червонных рублей, т. е. на 10% выше предложений Госплана.

---

[1] Н. Макаров. Сельское хозяйство СССР и проект контрольных цифр Госплана. «Экономическая жизнь», 18 сентября 1925 г.

[2] «Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 г.». М., 1926, стр. 42.

[3] За весь 1925/26 г. перевезено 116 750 тыс. *т*, или свыше 7,1 млрд. пудов.

Мы еще не знаем, насколько это расширение наших предположений увязано в ВСНХ с крайне ограниченными в предстоящем году топливными ресурсами, а также с не менее ограниченными импортными возможностями в области необходимого для такой программы ввоза сырья и оборудования. Но во всяком случае если предположения ВСНХ окажутся вполне реальными, то наши контрольные цифры придется признать скорее преуменьшенными, чем преувеличенными.

Здесь уместно будет коснуться и вопроса о накоплении запасов промышленных товаров к концу 1925/26 г., которое учитывается в контрольных цифрах суммой 700 млн. — 280 млн. = 420 млн. довоенных рублей. Это накопление в условиях переживаемого товарного голода некоторые товарищи считают крайне маловероятным. Однако здесь упускается из виду, что товарный голод мы будем испытывать особенно остро лишь в первом квартале текущего года, пока промышленность не развернется полностью в намеченном масштабе, а крестьянский спрос в связи с *сезонной* реализацией *огромного* урожая будет особенно значительным. К концу года, если новый год даст урожай не выше среднего, этот спрос будет гораздо умереннее, а продукция промышленности — много выше. Кстати сказать, приращение запасов в 420 млн., если его отнести ко всей годовой продукции 1925/26 г. в 6650 млн. руб. в довоенной оценке, составляет всего 6,3% этой продукции. И даже с прибавкой переходящих остатков 1924/25 г. весь запас в 700 млн. руб. достигнет всего 10,5% намеченной годовой продукции, при довоенной норме в 20%.

Как видим, «оптимизм» наших расчетов и в этой области весьма относительный.

Обратимся теперь к нашему прогнозу в области внутренней торговли. Весь посреднический оборот товарных ценностей по Союзу должен, по нашим расчетам, подняться с 13 878 млн. червонных рублей до 15 560 млн., т. е. всего на 12%, в том числе государственный и кооперативный — на 15,5%. А вот сама кооперация проектирует прирост своих оборотов уже не на 15, а на целых 50% против прошлогоднего. И Наркомвнуторг не оспаривает этого прогноза в своем плане товароснабжения страны [1].

Разумеется, едва ли кто больше нас порадуется таким успехам кооперации, если они окажутся реальными. Но если даже прогноз Центросоюза до сих пор ни с чьей стороны не был заподозрен в излишнем оптимизме, то контрольные цифры Госплана признать «преувеличенными» в этом отношении мы решительно отказываемся.

В области кредита контрольные цифры предвидят развитие за год учетно-ссудных операций наших банков с 1900 млн. до 3800 млн. червонных рублей, т. е. на 100%. Эксперты Наркомфина при рассмотрении контрольных цифр в Госплане давали для конца 1925/26 г. цифру 3600 млн. Но все расхождение в этой цифре объясняется тем, что НКФ включил в свои расчеты только учет векселей и подтоварные ссуды, а Госплан прибавил к этому на 200 млн. кредита под ценные бумаги займа хозяйственного восстановления. Таким образом, и здесь мы лишь уточнили расчеты ведомственной экспертизы, отнюдь не впадая ни в какие преувеличения.

Наконец, в области денежного обращения Госплан предвидит увеличение денежной массы в обращении за год к октябрю 1926 г. с 1157 млн. до 1973 млн. червонных рублей, т. е. на 816 млн. руб. На сколько же мы разошлись в этой области с экспертизой НКФ?

Во время проработки контрольных цифр в Госплане эмиссионные соображения Наркомфина развиты были у нас Меклером и Шаниным. Первый определял размер банковской эмиссии за 1925/26 г. в 700 млн. руб. Второй давал уже цифры, расчлененные по кварталам: за первый — 265 млн., за

[1] «Материалы к докладу НКВнуторга СТО». «Экономическая жизнь», 2 и 9 сентября 1925 г.

второй — ничего, за третий — 135 млн. и за четвертый — 350 млн., а всего. стало быть, до 750 млн. руб. за год. Если к последней цифре прибавить еще миллионов 30—40 за счет эмиссии казначейской разменной монеты, то расхождения между этой экспертизой и предположениями Госплана сведутся в последнем счете к 3—4%.

Тем не менее Сокольников в СТО называл наши расчеты «инфляционистскими» и отвергал, как крайне преувеличенные. Сам же Сокольников определяет денежную массу в обращении к октябрю 1926 г. не выше 1600—1650 млн. руб. А это значит, что выпустить в обращение за год он собирается не свыше 450—500 млн. руб. вместо тех 700—750 млн., о которых нам говорили эксперты финансового ведомства.

Мы не будем здесь гадать, почему Сокольников столь резко разошелся в оценке эмиссионных перспектив со своими собственными экспертами. Всякая экспертиза, поскольку она зиждется на одном лишь авторитете эксперта, не имеет в наших глазах решающего значения. Подкрепления же своей пессимистической экспертизы какими-либо разумными доводами он пока еще не дал.

Свои расчеты в данном случае, как и во многих других, мы основываем не на субъективных оценках отдельных лиц, а на специальном исследовании, произведенном в Госплане, методы и результаты которого были в свое время опубликованы [1]. Кстати сказать, практические преимущества наших методов по сравнению с экспертными оценками могут быть уже проверены и критикой эмиссионного опыта последнего года. Месяцев 10 тому назад Сокольников оценил вероятные размеры денежной массы в обращении к октябрю 1925 г. в 1000 млн. руб. Эта экспертная оценка предполагала выпуск с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г. 1000 — 623 = 377 млн. руб. Примерно в то же время, в начале января 1925 г., комиссия Госплана определила своими методами возможный размер денежной эмиссии за 1924/25 г. в 554 млн. руб., т. е. почти в полтора раза выше цифры Сокольникова. Руководил Наркомфином за весь этот год, как известно, Сокольников, и тем не менее фактическая эмиссия за 1924/25 г. без всякого ущерба для устойчивости курса нашего червонца выразилась цифрой не в 377 млн., а в 520 млн. руб. Таким образом, ошибка в прогнозе Сокольникова определилась в 143 млн., или 38%, а ошибка Госплана — в 33 млн., или 6% от намеченной им цифры.

Какой вывод из этого можно сделать?

Эмиссионные предположения Сокольникова и в прошлом году были, как у нас принято в таких случаях выражаться, гораздо «осторожнее» наших. Советская действительность предпочитает, однако, следовать за менее «осторожными», но, очевидно, более точными расчетами Госплана. Мы не сомневаемся, что и в 1925/26 г. произойдет то же самое.

Допускать, что за весь урожайный 1925/26 г. мы выпустим не больше 500 млн. руб. эмиссии, в то время как только за одну последнюю *четверть* минувшего года было совершенно безболезненно выпущено 297 млн. руб., мы даже во имя «осторожности» не считаем возможным. Конечно, сохранение *устойчивости* нашей валюты Госплан ставит выше всяких временных выгод. Но, пока никакой реальной опасности ей ниоткуда не угрожает, наиболее осторожными мы считаем такие прогнозы, которые с наибольшей, а не с наименьшей точностью оправдываются экономической действительностью.

А с этой точки зрения и в 1925/26 г., на наш взгляд, не только в области эмиссии, но и во всех других, прогнозы контрольных цифр имеют достаточные шансы оказаться гораздо более осторожными, чем это кажется в настоящее время очень многим из наших критиков. Пусть эти прогнозы оптимистичны, но они все же отнюдь не преувеличены. Ведомственные

[1] С. Г. Струмилин. Наши эмиссионные возможности. «Плановое хозяйство», 1925, № 5. В наст. издании стр. 109—125.

экспертные оценки, как было выше показано, по общему правилу отнюдь не уступают нашим, а зачастую и превосходят наши прогнозы по своему «оптимизму». И удивляться этому особенно не приходится. Ведь и здесь, как и в других случаях жизни, наше плановое сознание в очень значительной мере определяется нашим экономическим бытием.

А это бытие заключает в своих недрах, по-видимому, столько элементов для самого полнокровного и здорового оптимизма, что за ними не могли угнаться доныне даже наиболее оптимистические из наших плановиков.

3. НАШ «МАКСИМАЛИЗМ» ИЛИ ИХ МИКРОМАНИЯ

В общей оценке хозяйственных перспектив 1925/26 г. контрольные цифры Госплана отнюдь не преувеличены. Во всяком случае ведомственная экспертиза дает почти по всем элементам цифры того же порядка, если не больше.

Откуда же, из каких источников возникло широко распространенное мнение о чрезмерном максимализме наших расчетов?

Вчитываясь в обильную литературу критических отзывов о контрольных цифрах, нетрудно установить эти источники. Наши исчисления неизменно противопоставляются параллельным расчетам специалистов из ЦСУ. Вот, дескать, урожай хлебов Н. О. Дубенецкий в ЦСУ определил не выше 4,2 млрд. пудов, а Госплан — в 4,7 млрд.; всю сельскохозяйственную продукцию 1925/26 г. Л. Н. Литошенко из ЦСУ оценивает в 15,6 млрд., а Госплан — в 16,3 млрд. червонных рублей и т. д.

Нужно сказать, что для критики контрольных цифр Госплана были мобилизованы все ведомственные профессора и специалисты не в одном лишь ЦСУ. Их отзывами и оценками нашей работы пестрит вся печать. Ждать от них особой благожелательности к нашей работе мы не имели никаких оснований. Некоторые из них еще очень недавно выступали с учеными докладами о невозможности социалистического строя вследствие иррациональности самой задачи планового предвидения и регулирования обобществленного хозяйства. Немудрено поэтому, что буржуазная наука в лице ученых этого рода, получив определенный мандат подвергнуть критике первый серьезный опыт планового предвидения на советской почве, выполняла эту работу не за страх, а за совесть. Но особенное усердие в этом отношении проявил проф. Литошенко.

Везде, где цифры Госплана подвергались критике, можно было встретить проф. Литошенко. В коллегии ВСНХ критиковал наши расчеты проф. Литошенко, в коллегии НКФ выступал с тем же критическим докладом проф. Литошенко, в заседании СТО по контрольным цифрам мы опять встречаем того же проф. Литошенко. Опираясь на данные неопубликованного баланса ЦСУ, проф. Литошенко произвел, по его заверению, самостоятельный пересчет всех исчислений Госплана на 1925/26 г. и констатировал преувеличенность этих исчислений на целые десятки процентов.

Мы приветствуем, конечно, столь лестное внимание проф. Литошенко к нашим цифрам и удивляемся его энергии. В самом деле, Госплан всем своим составом с помощью всех заинтересованных ведомств работал над контрольными цифрами более четырех месяцев, а проф. Литошенко единолично всего за какую-нибудь пару недель после опубликования наших цифр в «Экономической жизни» от 20 августа 1925 г. успел их заново все пересчитать, прокритиковать и исправить и 9 сентября докладывал уже в коллегии ВСНХ о результатах своей работы. Но мы не можем все же не выразить глубокого сожаления, что проф. Литошенко так поздно принялся за эту работу.

С нашей точки зрения, было бы гораздо лучше, если бы ЦСУ в лице проф. Литошенко и других своих сотрудников и со всеми своими балансовыми исчислениями пришло на помощь Госплану в тот момент, когда

разрабатывались цифры Госплана, а не в тот, когда их остается лишь более или менее удачно критиковать. Об этом очень настоятельно и неоднократно просил Госплан. На сей предмет имелись и специальные постановления СТО. Однако проф. Литошенко, несмотря на всю свою поразительную подвижность и энергию, как-то не нашел случая своевременно заглянуть со всеми своими балансовыми расчетами в Госплан.

Как бы то ни было, исправленное и дополненное издание контрольных цифр в пересчете проф. Литошенко пока еще не выходило в свет. А потому подвергнуть их анализу и сравнительной оценке с нашими мы не можем. Остается, стало быть, положиться лишь на известный авторитет этого ученого и поверить ему на слово, что это не он просчитался в своих архипессимистических прогнозах и расчетах, а мы.

Авторитет проф. Литошенко в области прогнозов нашего хозяйственного развития нам, действительно, хорошо известен. Осенью 1923 г. ЦСУ издало брошюру проф. Литошенко «Крестьянский бюджет в 1922/23 г.», где названный автор определил годовую емкость крестьянского рынка на промышленные изделия за 1921/22 г. в 325 млн. «золотых» рублей и за 1922/23 г.— в 318 млн., что, по его расчетам, в 7 раз ниже довоенного уровня. Заканчивается брошюра прогнозом: «Учитывая размеры урожая нынешнего года и приближающееся расхождение цен на продукты промышленности и сельского хозяйства, можно с достаточным основанием утверждать, что и в наступающем 1923/24 сельскохозяйственном году количественное выражение крестьянского спроса на продукты промышленности *не превзойдет достигнутого уже уровня*» [1].

Вот какие масштабы развития советской экономики предвидел наш талантливый профессор, вооруженный до зубов всеми данными ЦСУ.

Госплановского оптимизма здесь, разумеется, и на грош не было. Но и самого элементарного чутья действительности тоже не было. В Госплане работа проф. Литошенко подверглась тогда же критическому анализу. Указав целый ряд грубейших промахов профессора, мы пришли к выводу, что емкость крестьянского рынка за 1922/23 г. нужно оценивать цифрой около 957 млн. руб., а за 1923/24 г. она достигнет величины около 1530 млн. товарных рублей [2].

Возражений против нашей критики не последовало. Но уже весной 1924 г. ЦСУ выдвинуло новую цифру емкости крестьянского рынка за 1922/23 г., повысив ее с 318 млн. до 560 млн. А затем в новой брошюре Л. Н. Литошенко «О национальном доходе СССР» эта цифра в 560 млн. фигурирует уже с довольно существенным разъяснением, что оценка промышленных изделий, купленных крестьянами, произведена по *довоенным* ценам (стр. 54). Это значит, что для перевода в современную валюту названную цифру надо умножить минимум на 1,7. И тогда вместо 560 млн. получим уже 960 млн. П. И. Попов в декабре 1924 г., тоже со ссылкой на бюджетные данные, определил эту величину для 1922/23 г. уже в 600 млн. довоенных, или 1072 млн. червонных рублей, а для 1923/24 г., «по данным рыночного опроса», она определилась у него уже в 1618 млн. червонных рублей [3]. Эта цифра также продержалась недолго. И через несколько месяцев — по балансу ЦСУ за 1923/24 г., в разработке которого принимали живейшее участие и П. И. Попов и проф. Литошенко,— интересующая нас величина доросла уже до 3600 млн. червонных рублей [4].

[1] Л. Н. Литошенко. Крестьянский бюджет в 1922/23 г. Изд. ЦСУ, 1923, стр. 57. Курсив наш.— *С. С.*

[2] С. Струмилин. Емкость нашего рынка. М., 1924, стр. 38—39.

[3] «Экономическое обозрение», вып. 23—24, 1924, стр. LVII.

[4] «Экономическая жизнь», 29 марта 1925 г. Проф. Литошенко указывал в СТО, что цифра ЦСУ в 3600 млн. руб. не вполне сравнима с его цифрой 560 млн. вследствие разного состава учтенных здесь и там промышленных изделий. Однако проверить значение этого замечания мы не имеем возможностей, так как и цифры 560 млн. и 3600 млн. опубликованы пока лишь в суммарных итогах, без всякого расчленения.

Таким образом, в конце концов эта цифра вопреки прогнозу проф. Литошенко «превзошла» установленный им предел (318 млн.) по меньшей мере на тысячу процентов!

После такого конфуза с собственными учеными прогнозами не всякий взялся бы исправлять и чужие. Но проф. Литошенко не только взялся за это, но и получил высокую апробацию со стороны ЦСУ. Недаром же его делегировали после этого представлять советскую статистическую науку на международном конгрессе в Риме.

Сколько удовольствия этот писатель мог доставить нашим классовым врагам на Западе, можно убедиться хотя бы по следующей выдержке из белой прессы. В «Бюллетен котидьен» от 23 сентября 1925 г. в статье о контрольных цифрах Госплана встречается, между прочим, такое место: «В то время как Троцкий ссылается на цифровые данные Госплана в своих восхвалениях «советского социализма», проф. Литошенко (см. «Торг. пром. газету» от 15 сентября 1925 г.) заявляет, что лица, составлявшие эту программу, в интересах своего дела увеличили на 31% действительную продукцию 1924/25 г. и на 30% — предусмотренные на 1925/26 г. данные».

Каков стиль! И сколько злорадства в этих строках! Но пусть утешаются. Интересам *нашего* социалистического дела это не повредит. Они ведь не знают меры точности исчислений проф. Литошенко! Им и невдомек еще, каким махровым цветом в нашей красной республике цветет белая микромания оценок нашей действительности и наших достижений. Но мы твердо знаем, чего стоят эти оценки. И можем предсказать и другу и недругу без ошибки: всякий, кто будет строить свои социальные расчеты на прогнозах и экспертизах проф. Литошенко, в конечном счете жестоко просчитается.

К сожалению, определенной микроманией страдают у нас расчеты не одного лишь проф. Литошенко. И расчеты хлебной продукции, ежегодно публикуемые ЦСУ, до последнего времени хронически страдали этой болезнью. Правда, урожайная статистика и в царские времена не отличалась большой точностью. Но после революции эта неточность в сторону преуменьшения достигла небывалых еще размеров. Пользуясь балансовым методом проверки сборов по данным о потреблении, Госплан уже несколько лет тому назад доказал негодность для практических целей тех посевных площадей и валовых сборов урожая, какие нам преподносились из недр ЦСУ Н. О. Дубенецким. Мы не могли мириться с этими просчетами ЦСУ уже потому, что они искажали всю нашу плановую работу.

В самом деле, приведем только один пример. Трансплан НКПС запроектировал пятилетний план работы транспорта на 1923—1928 гг., базируя свои расчеты хлебного грузооборота на данных урожайной статистики ЦСУ. Мы тогда же предсказали судьбу этого плана[1]. И действительность уже подтвердила нашу оценку. Построенный на преуменьшенной базе, план предусматривал погрузку 5316 млн. пудов только на 1927/28 г., а фактически уже в 1925/26 г., т. е. на два года раньше, мы превзойдем ее на 20%.

Мы не можем мириться с такими планами, а потому не можем пользоваться и данными ЦСУ без надлежащей их критики и поверки.

За пару лет (1924—1925) ЦСУ в значительной степени усвоило балансовый метод проверки своих данных об урожайности, предложенный Госпланом, и вынуждено было повысить свои первоначальные оценки сборов процентов на 50 и более[2]. Но и теперь еще у нас остается расхождение процентов в 10—12.

В утешение наших критиков из ЦСУ мы обращаем их внимание на то,

---

[1] С. Струмилин. Транспорт и сельское хозяйство. «Плановое хозяйство», 1924, № 3, наст. издание, стр. 126—132.

[2] См. нашу статью «К реформе урожайности статистики». «Плановое хозяйство», 1924, № 4—5.

что данные Центрального статистического комитета за 1913 г. нам пришлось в контрольных цифрах исправить в сторону увеличения еще больше — на целых 19%. Таким образом, в *темпе* наших достижений с 1913 г. мы во всяком случае не создаем никаких преувеличений.

Умалять значение нашей советской статистики мы не собираемся. Она очень сильно выросла за последние годы и уже теперь во многих отношениях на голову переросла европейские образцы. Но наряду с большими достижениями в одних областях нельзя отрицать значительной оторванности от жизни и отсталости в других, особенно в области сельскохозяйственной статистики. Эта оторванность от жизни некоторых работ ЦСУ и определяет собою тот затхлый академизм в постановке проблем и заведомую микроманию в их освещении, с образчиками которой Госплану неоднократно приходится сталкиваться в своей практической работе. И если теперь эти, по-видимому, уже последние пережитки застарелой микромании ЦСУ противопоставляются контрольным цифрам Госплана, для того чтобы доказать *наши* просчеты и преувеличения, то мы вынуждены сказать:

— Просчетов, действительно, было много, но в данном случае — не на нашей стороне.

4. НАШИ «ПРОСЧЕТЫ» И «ОШИБКИ»

Обратимся теперь к другим образчикам академической критики нашей плановой работы.

Проф. Макаров из Наркомзема тоже недоволен работой Госплана. Правда, в отличие от проф. Литошенко он усматривает у нас, как уже указывалось выше, не только преувеличения, но и преуменьшения. Но главный наш просчет проф. Макаров видит в том, что намеченные нами капитальные вложения в разные отрасли хозяйства отнюдь не пропорциональны значению тех капитальных фондов, которые усиливаются этими вложениями.

Уважаемый профессор, как видно, сильно упрощает задачу планирования, сводя ее к арифметической задаче пропорционального деления. Если бы экономическую политику можно было заменить простой арифметикой, то не нужно было бы нам и Госплана. Но проф. Макаров неправ и в другом отношении. И с арифметикой его нельзя согласиться. Он сопоставляет весь капитальный фонд в сельском хозяйстве с одними лишь государственными в него вложениями. И отсюда делает вывод о недостаточном внимании Госплана к интересам сельского хозяйства. Но так ли это? Попробуем на основе тех же контрольных цифр сделать другое, более правильное сопоставление *государственных вложений* с *государственными* же *фондами* соответствующих отраслей хозяйства. Тогда получим следующее:

Отрасли хозяйства	Капитальные фонды* (в млн. руб.)	Вложения на 1925/26 г.	
		в млн. руб.	в % к фондам
1. Сельское хозяйство	354	301	85,0
2. Промышленность	4 586	880	19,2
3. Городское жилищное строительство	6 464	365	5,7
4. Транспорт	6 050	236	3,9
Итого	17 454	1782	10,2

* В «Экономической жизни» от 17 октября 1925 г. нас упрекнули в преуменьшении капитальных фондов транспорта. Этот упрек мы должны переадресовать ЦСУ, цифрами которого, за неимением других, вполне сравнимых между собою по всем отраслям хозяйства, мы вынуждены были в данном случае воспользоваться. Преуменьшенными, однако, мы считаем не только фонды транспорта, но и все остальные, а потому приведенное сопоставление не теряет своего значения.

Как видим, и в этом сопоставлении нет пропорциональности между наличными фондами и новыми вложениями. Но ее и не должно быть. Наши социалистические форпосты слабее всего в деревне, и потому в целях укрепления их при первой же финансовой возможности мы даем, если не в абсолютных, то в относительных цифрах, наиболее значительный рост капиталовложений. На следующем месте стоит у нас промышленность, ибо она подошла уже к пределу возможностей загрузки своих наличных фондов и без немедленных новых вложений уже в следующем году не сделала бы вперед ни шагу. А между тем это движение в максимальных пределах диктуется ныне не только интересами города, но еще в большей мере — интересами страдающей от товарного голода и высоких индустриальных цен деревни. Жилищное дело тоже требует колоссальных вложений, но, во-первых, они упираются в техническую неосуществимость их в текущем году, а во-вторых, основным источником их, по мысли Госплана, должен служить не бюджет, а повышение квартирной платы. Что же касается транспорта, то он далеко еще не достиг своей довоенной нагрузки и в течение еще одного года сможет развивать свою работу и при более скромных вложениях. С такой оценкой можно и не соглашаться. Об отдельных цифрах можно спорить. Но во всяком случае вывода о недостаточном внимании к интересам деревни в нашем плане капитальных вложений сделать никак нельзя. В этом отношении, если кто-нибудь и просчитался, то не мы, конечно.

Может показаться преувеличенной общая цифра капитальных вложений, намеченных Госпланом. Таков ли темп нашего реального накопления, чтобы мы ежегодно могли увеличивать свои капитальные фонды на 10% и больше?

Конечно, нужно сказать прямо, что он еще не таков. И тем не менее наша цифра вложений едва ли преувеличена. Дело в том, что в нее включено не только накопление, но и погашение износа наличных фондов в размере около 500 млн. руб. А с другой стороны, оценка наших наличных капитальных фондов, принятая нами по исчислениям ЦСУ, несомненно, сильно преуменьшена. Таким образом, реальное накопление, которое мы на ближайший год оцениваем примерно от миллиарда с четвертью до полутора миллиардов [1], составит, вероятно, не более 5—6% от реальной оценки наших госфондов в червонной валюте.

В таких размерах возможное накопление мы считаем уже ныне вполне реальным, разумеется, при наличии соответствующих директив подлежащим хозорганам и Наркомфину.

Профессор Заменгоф из НКВТ, поддерживая версию проф. Литошенко о наших преувеличениях, упрекал нас в том, что мы не только преувеличиваем современные данные, но и преуменьшаем довоенные в целях преувеличения коэффициентов роста нашего хозяйства. В качестве образчика такой тенденциозности наших цифр приводится пример электротехнической промышленности, для которой у нас продукция 1925/26 г. определилась в 337% довоенной. Здесь, по мнению проф. Заменгофа, наша ошибка сводится к преуменьшению довоенной продукции электропромышленности, которая принята Госпланом в цифре 32,4 млн. руб., в то время как ВСНХ определяет ее в 63 млн. руб.

---

[1] Госпромышленность, считая процентов шесть от оборота, может дать за 1925/26 г. до 400 млн. руб. дохода; жилищный фонд государства с повышением квартирной платы мог бы дать на 6,4 млрд. руб. своей оценки не менее 5%, или 320 млн. руб.; железнодорожный транспорт при валовой доходности 1250—1300 млн руб. и коэффициенте эксплуатации 80% даст до 260 млн. руб.; госторговля при обороте в 6,3 млрд. руб. из расчета 5% прибыли дала бы 315 млн. руб. и система государственного кредита, считая только 2% от годовой суммы учетно-ссудных операций, может дать до 124 млн. руб., что в итоге составит 1419 млн. руб., не считая доходов кооперации.

Это очень характерное обвинение. Проф. Заменгоф не проверял ни той, ни другой цифры. Но он и без проверки уверен, что заподозрить в ошибочности следует ту цифру, которая рисует достижения советской промышленности в более благоприятном свете, чем другая. Откуда же у него такая уверенность? Почему он не заподозрил точность цифр ВСНХ? И нет ли в этой немотивированной уверенности большей тенденциозности — хотя бы и с другой стороны,— чем в наших цифрах?

Чтобы осветить этот вопрос полностью, укажем следующее. Прежде всего мы нашу цифру не выдумали, а извлекли из «Трудов ЦСУ», т. X, вып. 2, М. 1922, стр. 10. Проф. Заменгоф, сам работавший в то время в ЦСУ, знает, вероятно, достоинства этого источника лучше нас. Во всяком случае, если этот источник и плох, то лучшего в нашем распоряжении не было. «Перспективы промышленности на 1925/26 г.», из которых проф. Заменгоф извлек свою цифру 63 млн., вышли в свет после наших контрольных цифр и уже потому не могли быть нами использованы. Кроме того, проф. Заменгоф, как присяжный статистик, понимает, что *первоисточником* статистических сведений о довоенной продукции такого рода издания быть не могут. Никаких же ссылок на первоисточник там не имеется. Проф. Заменгофу, вероятно, известны и другие издания ВСНХ, в которых приводятся данные о довоенной продукции электропромышленности. Напомним их ему на всякий случай. В «Русской промышленности» за 1923 г. (стр. 371) стояла цифра 56 670 тыс. руб., а в «Русской промышленности» за 1921 г. (стр. 96) находим еще более скромную цифру — 42 213 695 довоенных рублей, причем все эти расценки, как видно из текста, производились по прейскурантным ценам, т. е. с преувеличением против продажных на 30—40%.

Спрашивается, почему же проф. Заменгоф так доверился в данном случае цифрам ВСНХ? И почему он счел наиболее подходящим для этого случая оценки по прейскуранту 1914 г., если все остальные виды продукции даны у нас по фактическим продажным ценам? И почему из довольно разноречивого репертуара цифр ВСНХ в этой области он избрал наиболее «ядреную»?

Неужели только потому, что он вовсе не знал всех отмеченных нами обстоятельств и по легкомыслию ухватился за первую же попавшуюся цифру, показавшуюся ему достаточно подходящей для пущего посрамления контрольных цифр Госплана?

Но не просчитался ли наш ученый критик в своих расчетах?

Из выступлений ученых критиков финансового ведомства наибольшего внимания заслуживала бы работа С. Г. Чалхушьяна «О методах и цифрах Госплана» в области денежного обращения и кредита[1], если бы не один небольшой дефект этой работы. Дефект этот заключается в том, что автор вовсе не дал себе труда ознакомиться с методами Госплана и оспаривает такие методы, которые мы вовсе не применяли.

Так, например, он думает, что денежная масса в обращении определялась нами, исходя из *довоенных* соотношений ее с товарооборотом. А между тем этот метод был нами решительно забракован. Довоенные пропорции и здесь, как и повсюду, применялись нами не в качестве модели, а лишь в качестве известного аршина для сравнения. Динамика денежной массы на будущий год определилась нами путем исследования *современных* пропорций и темпов нашего хозяйственного развития. И это мог бы знать наш суровый критик, так как доклад комиссии Госплана об эмиссионных возможностях давно опубликован.

С. Чалхушьян предпочитает, однако, приписывать нам такие методы, опровержение которых составляет для него более легкую задачу. Ну, что ж. Это дело вкуса, разумеется.

---

[1] «Финансовая газета», 18 сентября 1925 г.

От этого, конечно, не становятся более грамотными его упреки в том, что в *товарную* массу при исчислении товарооборота мы не включали оборота «ценных бумаг», именуемых им почему-то «товаром-капиталом». Но от экономиста, чуждого даже азбучных понятий марксизма, не приходится ожидать грамотного употребления таких терминов, как *товар* или *капитал*. Не удивляемся мы также его курьезному требованию выводить среднюю годовую цифру денежного обращения «*хотя бы* из 13 месячных чисел года» по отношению к контрольным цифрам, в которых данные 1924/25 г. *сопоставляются* с данными еще не наступившего 1925/26 г. Правда, эти средние не играли в нашем методе определения цифры денежного обращения к концу 1925/26 г. ровно никакой роли. Правда и то, что за оба года в интересах их сравнимости среднюю можно было выводить только одним и тем же методом, а для вывода средней годовой денежной массы в обращении за 1925/26 г. мы располагали только двумя, да и то предположительными, данностями — на начало и конец года. Вот почему удовлетворить весьма «скромное» пожелание Чалхушьяна о выводе этой средней за *будущий* год «хотя бы» из 13 данностей мы не имели никакой возможности.

Но удивляться таким оригинальным требованиям со стороны нашего критика не приходится. Ведь только такими приемами он и мог найти у нас те «промахи» и «ошибки», которые он с завидным апломбом открывает на каждом шагу в контрольных цифрах.

Несколько объективнее в своих критических построениях коллега Чалхушьяна по ведомству — проф. М. В. Игнатьев. В своей статье о нашем «Прогнозе движения цен» [1] он в общем и целом «смелую попытку» Госплана признает «весьма интересной и плодотворной». *Годовой* уровень цен, по мнению проф. Игнатьева, и даже *сезонные* колебания цен по месяцам, хотя бы и очень грубо, по «несовершенству наших статистических материалов», предвидеть можно. И значит, Госплан, ставя перед собой такую задачу, не грешит излишней дерзостью. Но беда в том, упрекает нас проф. Игнатьев, что комиссия Госплана не дает никаких предвидений — «ни одного слова о так называемых конъюнктурных *колебаниях»* уровня цен. А они, несомненно, будут иметь место.

Совершенно правильно. Мы не задавались целью «объять необъятное». Конъюнктурные колебания, поскольку они не определяются ни вековыми, ни даже сезонными причинами, а зависят только от того стечения обстоятельств момента, которое, вообще говоря, вовсе не повторяется, не поддаются нашему весьма ограниченному предвидению.

И мы не пытаемся их предвидеть.

Мы действительно стремились воссоздать, по выражению проф. Игнатьева только «ось, около которой колеблются конъюнктурные изменения». Но можно ли нам это поставить в упрек?

Это зависит, конечно, от целей нашего прогноза.

Если бы нашим прогнозом захотели воспользоваться спекулянты в биржевых запродажах на срок тех или иных товаров, то многие из них, несомненно, прогорели бы на этом. Но мы его строили для других целей. Мы охотно примиримся с тем, что ни одна из предсказанных нами цен в течение целого года ни разу не оправдается. Лишь бы все конкретные колебания их действительно обвивали намеченную нами ось, ибо и этого вполне достаточно для бескризисной реализации всей товарной массы городской и сельской продукции, которая должна поступить на рынок в 1925/26 г.

Проф. Кейнс, будучи у нас в Госплане, острил, что на предвидении цен мы могли бы в Европе «заработать» больше, чем на всем нашем экспорте.

Таков идеал буржуа-лавочника. Для него обладать «секретом» будущих цен — это значит широко спекульнуть и обжулить всех своих конкурентов. Более широкого народнохозяйственного интереса в правильном

---

[1] «Финансовая газета», 15 сентября 1925 г.

предвидении цен он понять не способен. А потому он отказывается признать *пригодность* таких прогнозов, которые недостаточны для целей спекуляции.

Чуждые такой точке зрения, мы смеемся над теми, кто злорадствует, что в июле наш прогноз о падении цен был превзойден действительностью на 1,6%. В августе это расхождение цен достигало +3,8%, в сентябре сократилось до —3,0%, переменив знак на обратный. В октябре может произойти новая перемена знака и т. д. Мы не претендуем на роль ясновидцев-прорицателей, угадывающих конкретные цены каждого дня и месяца. Для нас достаточно, если общий уровень этих цен движется в предуказанном направлении, не слишком отклоняясь от намеченной кривой падения.

Если проф. Игнатьев может в этом отношении сделать больше, пусть попробует.

В заключение еще один маленький штрих.

Проф. Игнатьеву посчастливилось не только в области посрамления нашего прогноза месячного движения цен сопоставлением его с конкретными конъюнктурными колебаниями цен. Он нашел еще у нас вдобавок и *арифметическую* ошибку. Как велика эта удача, можно судить хотя бы потому, что это одна единственная такого рода ошибка, выуженная целой дюжиной беспощадно перетряхивавших наши цифры профессоров.

Каков же этот трофей?

«Попутно,— замечает наш удачливый критик,— мы воспользуемся случаем внести арифметическую поправку в цифры доклада комиссии. Товарная масса промышленности по довоенным ценам будет не 5510, а 5561, так как 83% (коэффициент товарности промышленности) от 6,7 млрд. руб. дает именно это последнее число».

Случай действительно редкостный. Арифметическую ошибку никакими рассуждениями не оспоришь. 83% от 6,7 млрд. составляет ровно 5561 млн., не больше, но и не меньше. Как же тут не «воспользоваться» попутно этаким случаем?

Но вот беда. Проф. Игнатьев *попутно* «округлил» те контрольные цифры, в которых нашел свою знаменитую ошибку. Она, несомненно, принадлежит *ему*, ибо, если воспользоваться подлинными контрольными цифрами и взять не 83, а 82,9% и не от 6,7, а от 6650 млн. руб., как значится у нас в таблице 1 на стр. 50 и в таблице 2 на стр. 56, то получим вопреки мнению нашего критика как раз ту цифру 5510, которую он оспаривает.

Таким образом, даже и эту «попутную» ошибочку проф. Игнатьева мы никак не можем принять на свой счет.

Эх, не везет нашим критикам из профессоров!

Уж больно самоотверженно они торопятся уязвить нас, если не нашими, то хоть собственными своими промахами и просчетами.

Уязвимых мест в нашей работе, конечно, немало. Но они, по видимому, лежат в другой плоскости, гораздо более открытой для *дружественной* критики лиц, стоящих на одних с нами, социалистических позициях, чем для представителей совершенно чуждой нам по духу буржуазной науки.

Как бы то ни было, первый экзамен перед лицом этого далеко не лицеприятного к нам экзаменатора контрольные цифры Госплана выдержали без заметного для себя ущерба. Конечно, им придется держать еще другой, гораздо более серьезный экзамен — перед лицом нашей хозяйственной действительности. Но результаты этого второго экзамена выявятся еще не скоро. Будут ли они столь же благоприятны для планового хозяйства вообще и для составителей контрольных цифр в частности — загадывать не стоит.

Поживем — увидим [1].

---

[1] Фактически план 1925/26 г. по валовой продукции цензовой промышленности в сопоставимых ценах был перевыполнен на 9% (5745 млн. при плане 5280 млн. руб.

5. ГОСПЛАН ИЛИ «КРЕСТПЛАН»

В 1925/26 хозяйственный год мы вступили более вооруженными в плановом отношении, чем в какой-либо из прежних лет. В прежние годы мы располагали лишь планами и производственными программами по отдельным важнейшим отраслям нашего хозяйства. В августе месяце Госплан СССР выработал себе уже вполне цельную картину возможного развертывания всего народного хозяйства в целом на весь 1925/26 г. и, уже исходя из этой общей хозяйственной перспективы, предлагал на утверждение высших органов власти те или иные конкретные оперативные планы.

Работники Госплана, да и не только мы одни, рассматривали до сих пор это обстоятельство как большое хозяйственное достижение, но, по-видимому, это далеко еще не общепринятое мнение.

«Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 г.», выдвинутые Госпланом, уже в период их первого обсуждения летом встречены были некоторыми из наших хозяйственников весьма недоброжелательно. Однако большинство нападок были до очевидности несостоятельными, а серьезные возражения сводились лишь к тому, что в некоторых своих частях работа Госплана требует еще существенных дополнений и что некоторые из намеченных цифр в связи с меняющейся хозяйственной конъюнктурой могут еще подвергнуться заметным поправкам и изменениям.

Такие возражения, несмотря на всю их несомненную справедливость, не могли сколько-нибудь поколебать огромное значение той общественной ориентировки, которую давали контрольные цифры Госплана. И они не поколебали его.

Лучше всего свидетельствует об этом недавняя оценка нашего хозяйственного положения в связи с контрольными цифрами Госплана, данная октябрьским (1925 г.) пленумом ЦК нашей партии.

«Несмотря на происходящие заминки в ходе хлебозаготовок, несмотря на несвойственное обычно этому периоду движение цен на хлебопродукты, что в значительной степени обусловлено состоянием погоды, острым недостатком промтоваров и отсутствием в этом году налогового нажима,— читаем мы в передовице «Правды» от 15 октября 1925 г., резюмирующей «Итоги пленума ЦК партии»,— несмотря на все эти явления, *у нас нет оснований отказываться от тех расчетов на предстоящий год, которые нашли свое выражение в контрольных цифрах Госплана. Остаются в силе и экономические мероприятия, намеченные Госпланом в связи с контрольными цифрами*» [1].

Пленум ЦК отнюдь не гарантировал этим, конечно, как и сам Госплан, что контрольные цифры Госплана оправдаются на все 100%. «Окончательные предпосылки наших расчетов на предстоящий год,— читаем мы там же,— выяснятся, вероятно, к декабрю, к моменту партсъезда. Именно поэтому пленум ЦК не решился связывать партию какой-либо окончательной оценкой хозяйственной обстановки, решив предоставить это партсъезду и оставив на ближайший период в силе ту ориентировку, которая нашла свое выражение в контрольных цифрах».

Это авторитетное решение приобретает для нас особенное значение ввиду того принципиального спора по поводу контрольных цифр, который возбужден был в свое время Сокольниковым.

Еще 18 сентября 1925 г. в Совете Труда и Обороны Сокольников выдвинул против контрольных цифр в ряду многих других менее существен-

---

по довоенным ценам). При этом вложения в промышленность составили 872 млн. червонных рублей, на 1% ниже плана в 880 млн. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 год», изд. 3. М., 1926, стр. 36, 54, и «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/28 год». М., 1928, стр. 487, 504.

[1] Курсив наш.— *С. С.*

ных возражений следующее, на наш взгляд, особенно многозначительное соображение.

Значение контрольных цифр Госплана для практической работы он признал «минимальным» уже потому, что они отнюдь не разрешают проблему бескризисного развертывания нашего хозяйства. Дело в том, что хозяйственной базой для всех наших плановых предположений на 1925/26 г. является сельскохозяйственный сбор 1925 г. Этот сбор имеется уже налицо в стране к моменту составления наших планов, но он отнюдь не в наших руках. Решение стоящей перед Госпланом задачи, «конечно, могло бы быть очень легким,— замечает Сокольников,— *если бы в самом деле возможно было организованное и плановое использование всех тех ресурсов, которыми страна в начале нового года располагает на основе истекшего хозяйственного года. Но как раз этого нет»*. «Огромное количество элементов находится вне нашей плановой воли...— замечает далее Сокольников — и так как мы имеем такой порядок, где, с одной стороны, есть целый ряд мельчайших *стихийных планов* и рыночных конъюнктур, с другой стороны,— наши планы, то это как раз и является само по себе *объективной* подготовкой для целого ряда кризисов».

Приведенные нами по стенограмме замечания Сокольникова в СТО нашли затем свое дальнейшее развитие в том весьма четком противопоставлении Госплана «крестплану», которое имело место два месяца спустя в его докладе от 20 ноября 1925 г. в Деловом клубе. Но уже то, что было им сказано в СТО в сентябре, било настолько дальше непосредственной цели — дать оценку контрольных цифр Госплана на 1925/26 г., что вызвало тогда же, между прочим, такую реплику со стороны представителя НК РКИ В. П. Милютина: «Сокольников произнес, собственно говоря, речь против планового хозяйства. Его речь была не только против данных контрольных цифр, а против планового хозяйства вообще».

И действительно, хотел этого Сокольников или нет, а впечатление от его речи получилось именно такое. В самом деле, рыночные отношения у нас восстановлены всерьез и надолго, нэпа отменять никто пока не предполагает. И если это создает такой «порядок», что выполнение государственных планов *объективно* наталкивается на противодействие 22 млн. крестьянских планов, причем эти 22 млн. «крестпланов», по свидетельству Сокольникова, «реально проводятся в жизнь», а в области *наших* планов, по его же энергичному выражению, «в конечном счете все к черту летит», то с плановым хозяйством такой порядок едва ли в какой-нибудь мере вяжется.

Однако сам Сокольников отнюдь не делает еще вывода о бесплодности планирования вообще применительно к условиям нэпа. Он настаивает на том, «чтобы наш план умел *приспособляться*»... к «рыночной обстановке», или, что то же, к стихийно суммирующимся в ней требованиям 22 млн. крестьянских планов. И сам Сокольников в осуществление этой задачи выдвигает такую программу: Наша основная задача в области развертывания народного хозяйства — это «максимальное форсирование сельского хозяйства», отнюдь не страшась «той диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью, на которую жалуются сейчас», ибо «предпосылкой развития нашей промышленности является именно возможность иметь такие излишки сельскохозяйственной продукции в стране, которые могли бы быть направлены на внешний рынок».

Эта «крестплановская» программа Наркомфина, выдвинутая Сокольниковым в противовес госплановской ориентировке с явно «*промышленным* уклоном», по оценке наших критиков, заслуживает величайшего внимания.

Для нас, работников Госплана, этот «крестплановский» уклон Наркомфина представляется глубоко неправильным и совершенно неприемлемым. Признать вместе с Сокольниковым, что «*организованное и плановое*» использование сельскохозяйственных ресурсов у нас *невозможно*,— это

равносильно было бы отказу не только от контрольных цифр 1925/26 г., но и от *всякой плановой работы в масштабе охвата всего народного хозяйства вообще*. А между тем для этого решительно нет никаких оснований. Планы заготовок сельскохозяйственной продукции хотя и не всегда на 100%, но все же выполняются. Воздействие на цены крестьянского рынка, хотя и не без усилий, мы оказываем, когда это необходимо. Вот почему мы никак не можем присоединиться и к той глубочайшей недооценке наших плановых возможностей в программе Сокольникова, которая в виде высшей экономической мудрости предлагает нам во избежание кризисов *«приспособляться»* в своих планах к *рыночной обстановке*. В капиталистических странах каждый хозяйчик искони выполняет этот «мудрый» совет, приспособляясь в своих «планах» по мере сил к требованиям рыночной стихии, но, увы, кризисов это отнюдь не устраняет и даже не смягчает, а, наоборот, лишь углубляет их и обостряет. Не впадая в жалкую мещанскую утопию, ничего лучшего не можем ожидать и мы от такого планирования, которое будет подчинять свои пути и цели стихии рынка, приспособляясь к рыночной обстановке. Нет, не *приспособляться* к ней, а сознательно *приспособлять* ее самое к нашим плановым устремлениям — вот единственно надежный путь к наиболее безболезненному и бескризисному развертыванию нашего социалистического хозяйства.

Еще менее для нас приемлем путь этого развертывания по программе «крестплана», т. е. путем диспропорционального усиления темпа развития сельского хозяйства по сравнению с промышленностью. Конечно, каждый толчок вперед сельского хозяйства будет *косвенно* служить и к соответствующему подъему городской индустрии, так как все отрасли хозяйства неразрывно скреплены между собою цепной связью. Но для нас далеко не безразлично, какое звено в этой цепи окажется в каждый данный момент сильнейшим и определяющим дальнейшее непрерывное развертывание. Струвианская идея развития производительных сил безотносительно к тому, куда ведет это развитие, нас отнюдь не прельщает. Наиболее общее задание, формулированное нами в контрольных цифрах Госплана,— это не просто движение вперед, а движение к *социализму*. И с этой точки зрения, если у нас есть хотя бы малейшая возможность продвинуть быстрее вперед *социалистическое* звено государственной промышленности по сравнению с *мелкобуржуазным* звеном крестьянского хозяйства, мы эту возможность используем без всяких колебаний.

Мы знаем, в наших рядах найдется немало скептиков, которые возразят нам на это, что наши возможности в указанном отношении крайне ограничены, тем более, что форсировать развитие социалистических элементов нашего хозяйства *за счет* напряжения налогового бремени в ущерб жизненным интересам крестьянских масс политически нецелесообразно.

А если прослушать квалифицированных скептиков из Наркомфина, то окажется, что для гармонического развития промышленности в ногу с сельским хозяйством, а тем более для опережения сельского хозяйства индустрией у нас и вообще в настоящих условиях нет объективных предпосылок. «Мы должны констатировать,— безотрадно заверяет нас Шапин,— что наше сельское хозяйство развивается *недопустимо медленно*». А развитие промышленности, по соображениям того же автора, *«неизбежно будет отставать* от развития сельского хозяйства». По его словам, «надо нам *отказаться* от того *ошибочного представления*, что при отсутствии притока капиталов извне мы можем в нынешний период удовлетворить спрос крестьянства за счет нашей собственной промышленности, *что мы в состоянии создать равновесие* между обеими этими сферами народного хозяйства», не прибегая к «иностранному промышленному предложению» [1].

---

[1] «Экономическая жизнь», 3 декабря 1925 г.

От этакой блестящей перспективы *неизбежного* отставания советской социалистической промышленности даже от «недопустимо медленного» темпа развития нашего убогого крестьянского хозяйства можно было бы поистине взвыть белугой и пойти с повинной на поклон к западному капитализму с его товарами и капиталами или даже к самому черту с его бабушкой. К счастью, однако, гробовой пессимизм наших скептиков лишен всякой реальной почвы.

Лучшим ответом таким скептикам был бы совет познакомиться с конкретными путями развития нашего хозяйства за последние годы. Положение крестьян за эти годы, несомненно, во всех отношениях улучшалось, налоговое время снижалось, доходы крестьянского хозяйства возрастали, и тем не менее накопление социалистических элементов в народном хозяйстве шло быстрее роста частнокапиталистических его слагаемых.

Громадный интерес в этом отношении представляет динамика доходов различных социальных слоев нашего городского и сельского населения. Пользуясь данными о подоходном налоге для непролетарских слоев населения, крестьянскими бюджетами и учетом зарплаты пролетариата, работники Госплана подсчитали, что за последнюю пару лет индивидуальные доходы отдельных групп населения росли следующим темпом (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика суммы индивидуальных доходов населения СССР *
(исчисление приблизительное)

Группы населения	В млн. червонных руб.			В %		
	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.
1	2	3	4	5	6	7
А. Земледельческое						
1. Крестьянские хозяйства	4 292	6 646	8 055	60,8	59,1	57,0
2. Батрацкая армия	118	264	305	1,7	2,3	2,2
Итого	4 410	6 910	8 360	62,5	61,4	59,2
Б. Неземледельческое						
3. Рабочие, служащие, безработные	1 357	2 660	3 969	19,2	23,7	28,1
4. Прочие группы	1 293	1 680	1 801	18,3	14,9	12,7
Итого	2 650	4 340	5 770	37,5	38,6	40,8
Всего	7 060	11 250	14 130	100	100	100
В том числе:						
а) пролетариат	1 475	2 924	4 254	20,9	26,0	30,3
б) прочие	5 585	8 326	9 876	79,1	74,0	69,7

* См. Б. Гухман. Сумма доходов СССР, «Плановое хозяйство» № 12, 1925 г.

Расчеты эти довольно приблизительны, но все же они говорят нам совершенно определенно, что удельный вес земледельческого населения в

экономике страны даже в урожайные годы в лучшем случае стабилен, мелкобуржуазные группы городского населения резко падают, а пролетарские — быстро растут. И эта «пролетаризация» отнюдь не означает чего-либо обеднения, ибо по расчету на одного самодеятельного все группы населения и в городе и в деревне стали не беднее, а, наоборот, каждый год становятся значительно богаче по сравнению с предыдущим годом. К этому еще стоит прибавить, что чистая доходность общественного хозяйства Союза, т. е. государственных, коммунальных и кооперативных предприятий, составляла у нас в 1922/23 г. всего 326 млн. руб., в 1923/24 г. она возросла уже до 515 млн. и за 1924/25 г. мы ее определяем в Госплане не ниже 1025 млн. червонных рублей. А это значит, что и общие ресурсы обобществленного хозяйства возрастают у нас гораздо более быстрым темпом, чем суммарные доходы всех непролетарских групп населения.

А если это так, то где же почва для того пессимизма, который рекомендует нашей социалистической индустрии плестись в хвосте за рыночной обстановкой, которая создается при нашем благосклонном содействии ожидаемым успехам 22 млн. «крестпланов»?

Мы лично никаких оснований для такого пессимизма не видим. Наоборот, мы думаем, что быстрый подъем индустриального хозяйства и для расцвета нашей советской деревни сулит гораздо больше, чем такая экономическая политика, которая обрекает нашу промышленность на неизбежное отставание в развитии от экономического роста деревни. Нынешняя отсталость в развитии нашей госпромышленности по сравнению с запросами деревни, приводя к товарному голоду и высоким ценам промышленных товаров по сравнению с сельскими, и без того слишком сильно бьет по крестьянину, чтобы стоило возводить эту диспропорцию в идеал планового хозяйства.

И если тем не менее идеализация этой диспропорции, бьющей не только по социалистическому фронту нашего хозяйства, но и по интересам самих крестьянских масс, противополагается плановой ориентировке Госплана, то нужно к этому спору привлечь самое широкое общественное внимание. Мы должны твердо знать по этому вопросу мнение не только отдельных руководителей нашей внутренней политики, но и всей партии.

Какое же звено в нашем хозяйственном развитии должно быть выдвинуто на первый план?

Госплановское или «крестплановское»?

Вышеприведенные строки были уже написаны, когда мы получили новое и на этот раз наиболее для нас авторитетное разрешение поднятого Сокольниковым спора.

Этот спор нашел свое отражение в прениях по политическому отчету ЦК на XIV съезде нашей партии.

«Есть две генеральные линии,— читаем мы в названном отчете ЦК партии,— одна исходит из того, что наша страна должна остаться еще долго страной аграрной, должна вывозить сельскохозяйственные продукты и привозить оборудование, что на этом надо стоять и по этому пути развиваться и впредь. Эта линия требует по сути дела свертывания нашей индустрии... Эта линия означает отход от задач нашего строительства.

Это не наша линия.

Есть другая генеральная линия, исходящая из того, что мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну... страной экономически самостоятельной, независимой, базирующейся на внутреннем рынке... Эта линия требует максимального развертывания нашей промышленности, однако в меру и в соответствии с теми ресурсами, которые у нас есть. Она решительно отрицает политику превращения нашей страны в придаток мировой системы капитализма. Это есть наша линия строитель-

ства, которой держится партия и которой будет она держаться и впредь. Эта линия обязательна, пока есть капиталистическое окружение» [1].

Это основное положение политического отчета оспаривал на съезде, как известно, всего решительнее Сокольников. Ничего нового в этот спор своим выступлением он, однако, не внес. И самая суть спора по данному вопросу на съезде была подытожена в следующих словах: «...здесь Сокольников выступает по сути дела сторонником дауэсизации нашей страны... Чего требует план Дауэса? Он требует, чтобы Германия выкачивала денежки на предмет выплаты репарационных платежей за счет рынков, главным образом советских, наших. Что из этого следует? Из этого следует то, что Германия будет давать нам оборудование, мы его будет ввозить, а вывозить будем сельскохозяйственные продукты. Мы, т. е. наша промышленность, будем, таким образом, находиться на привязи у Европы. Это и есть основа плана Дауэса» [2].

Аграрный уклон Сокольникова, Шанина и $К^0$ в вопросе о путях развития нашего хозяйства действительно как нельзя больше соответствует этой характеристике.

Капиталистический Запад желает нас обратить в свою колонию, получать от нас хлеб и сельскохозяйственное сырье, сбывать нам свою индустриальную продукцию. Это весьма понятно. Но должны ли мы идти ему навстречу в этом отношении? И если должны, то в какой мере? Конечно, наш выход на внешний рынок кое к чему нас вынуждает. Но следует ли эту нужду возводить в плановую добродетель? В погоне за благами, которые нам сулит этот выход на внешний рынок, можно ведь растерять все свои принципиальные предпосылки. Капиталистический рынок ведь не только кое-что нам дает, но и требует компенсаций. Так, например, он уже довольно внятно требует от нас на первый случай отмены монополии внешней торговли, затем потребует уплаты царских долгов, а затем, если мы выразим готовность спешно «приспособляться» ко всем его «плановым» директивам, потребует и много другого.

Будучи последовательным, Сокольников не остановится, наверное, в выполнении своей «крестплановской» программы и перед такими перспективами. Но, к счастью, партия за ним по этому пути следовать отнюдь не намеревается. Мы думаем, что если СССР нуждается во внешнем рынке, то и этот рынок в нашем сырье нуждается не в меньшей мере, а если это так, то пусть лучше он «приспособится» к нашим планам, чем мы будем приспособляться к его вожделениям.

XIV съезд партии определенно выявил свою волю в указанном отношении следующей формулой: «Обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего *держать курс на индустриализацию страны*, развитие производства средств производства и образование резервов для экономического маневрирования» [3].

Это решение, надо надеяться, ликвидирует всякие дискуссии. Оно дает нам основание и впредь строить свое хозяйство по Госплану, а не по «крестплану». И на этом мы можем поставить точку.

6. ПЛАН И МАНЕВР

В процессе обсуждения наших хозяйственных планов на 1925/26 г. наряду с основным спором о генеральной линии нашего планирования возник и другой, не менее для нас интересный,— о взаимной связи и относительном значении хозяйственного плана и оперативного маневрирования.

---

[1] XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет, 1926, стр. 27—28.
[2] Там же, стр. 488.
[3] Там же, стр. 959. Курсив наш.— *С. С.*

Многие хозяйственники, в особенности работники Наркомфина, подняли нынешней осенью энергичную кампанию за общий пересмотр всех наших хозяйственных планов на 1925/26 г., объясняя все испытанные нами осенью затруднения в области хлебозаготовок и хлебоэкспорта чуть ли не исключительно дефектами нашей общей плановой ориентировки к началу хозяйственного года [1]. «Мы оказались жертвой плохих планов, которые... *связывали нашу свободу маневрирования*»,— безапелляционно утверждал, например, Сокольников в упоминавшемся уже докладе в Деловом клубе от 20 ноября 1925 г.

Это — достаточно серьезное обвинение, чтобы можно было оставить его без ответа. И у нас невольно возникает вопрос: о каких это планах идет речь? О ведомственных оперативных планах или о той общей плановой ориентировке, которая была дана еще в августе в контрольных цифрах Госплана? И мы должны сказать прямо, что если идет речь о последних, то здесь наши критики впадают в глубокое заблуждение.

Контрольные цифры Госплана, к сожалению, слишком мало связывали чью-либо свободу. И это лучше всего видно из того, что даже столь скромная директива, заключенная в этом документе, как требование представить к 15 сентября 1925 г. всем хозяйственным органам конкретные поправки к плановым предположениям Госплана, до сих пор не выполнена еще ни одним ведомством. Не лучше обстоит, разумеется, и с целым рядом плановых директив.

Возьмем хотя бы область оплаты труда. Учитывая ресурсы будущего года и желательный темп социалистического накопления, Госплан запроектировал повышение месячной оплаты труда промышленного рабочего, включая квартирную прибавку, в червонных рублях на 16% и рассчитывал таким образом довести ее в среднем за 1925/26 г. до 48 червонных рублей (без квартирной надбавки — до 45 руб.). А между тем заключение коллективных договоров шло своим чередом. Директивы контрольных цифр не связывали ничьей свободы, и уже в сентябре 1925 г. мы достигли среднего заработка в 50 р. 89 к. по Союзу. В течение года эта цифра, несомненно, возрастет еще более. Директива контрольных цифр о повышении квартирной платы тоже не выполнена. И в результате в руках городского населения накопляется больше денег, чем мы можем предложить ему товаров.

Это создает нам, разумеется, немалые затруднения, ибо городской рабочий найдет все же для себя в городе нужные товары, а в деревне товарный голод от этого еще более обострится. Но повинен ли в этих затруднениях в какой-либо мере Госплан, директивы которого не выполнены? Разумеется, нисколько. А между тем иной раз даже те, кто вольно или невольно создают такие затруднения, игнорируя ориентировку Госплана, первые возлагают на него вину за результаты своей деятельности. Вспомним, например, выступления Угланова на Московской партконференции. Еще сегодня он высказывался сам за дальнейшее повышение зарплаты текстильщикам с 1 января 1926 г., а на завтра мы уже читаем его суровые упреки Госплану за чересчур быстрое повышение оплаты труда в стране [2].

Какие выводы следуют из приведенного?

Один из них, может быть, сводится к тому, что вовсе не так просто в наших условиях сдерживать стихийный рост зарплаты плановыми директивами. Во всяком случае это задача гораздо более трудная, чем выругать тот или иной план, не дав себе даже труда хорошенько с ним ознакомиться. Но другой вывод для нас сейчас важнее. Этот вывод мы сформулировали бы так. Мы только еще боремся за плановое хозяйство. И пока что директивы планирующих органов зачастую даже неизвестны тем активным

---

[1] См. статью проф. Юровского и Шанина «О пересмотре хозяйственного плана» в «Экономической жизни» (№ 262, 276 за 1925 г.), доклад Сокольникова в Деловом клубе 20 ноября 1925 г. и другие выступления.

[2] «Правда», 12 и 13 декабря 1925 г.

деятелям, которые призваны их выполнять. Как же они могли бы связывать их свободу в маневрировании?

Контрольные цифры заключают в себе пока немало таких повисших в воздухе директив. Помимо директив о зарплате и о пересмотре квартирного закона, сюда можно бы отнести еще и директиву о снижении промышленных цен и много других менее важных. Но и те директивы, которые нашли уже себе оформление в утвержденных высшими органами ведомственных операционных планах,— например, в планах заготовок, экспорта, импорта и т. д.— далеко не исключают собою самой широкой свободы маневрирования.

Следуя заветам В. И. Ленина, мы отнюдь не склонны к бюрократизации наших планов. В пределах общего, да и то лишь обычно весьма ориентировочного задания, оперативному ведомству предоставляется маневрировать, насколько оно окажется к этому способным. Стратегические диспозиции Госплана на хозяйственном фронте очень далеки от той детальной регламентации, которой отличалась много раз осмеянная старая немецкая стратегия Пфуля с его расписанием боя: «1-я колонна марширует... 2-я колонна марширует... 3-я колонна марширует...». Мы давно уже знаем, что такие расписания хороши лишь для парадов, а не для серьезных операций в обстановке подлинного боя.

Беда лишь в том, что если в области построения планов в качестве новичков этого дела мы нередко просчитываемся, то область хозяйственного *маневрирования,* где все эти просчеты *должны бы выправляться на ходу,* представляется для наших ведомств еще менее проторенным путем. И потому очень часто все затруднения в оперативной работе ведомств объясняются «плохими планами» даже там, где следовало бы говорить прежде всего о *неумелом маневре.*

В самом деле, обратимся хотя бы к плановой практике текущего года.

Плановые «просчеты» наши в текущем году уже определились с достаточной точностью. Основная ошибка хозяйственного плана, намеченного нами еще к началу августа 1925 г., была в том, что мы переоценили величину общего сбора хлебов. Мы не могли предвидеть, что необычайная для этого времени года затяжная полоса дождей, начавшаяся в период уборки хлебов, приведет к гибели свыше 230 млн. пудов неубранного зерна. Правда, по отношению к общему сбору эта гибель определилась всего в 5%, но по отношению к товарным излишкам крестьянского хлеба она вырастает уже до 20—25%, а по отношению к намеченному *для экспорта* контингенту является еще большей величиной.

Каков же размер поправок, которые нам пришлось внести в первоначальные оперативные планы в связи с указанным «просчетом»?

Больше всего пришлось сократить план хлебоэкспорта. С 380 млн. пудов мы его сокращаем в минимальном варианте до 235 млн., в максимальном — до 265 млн. пудов, т. е. минимум на 30%. В связи с этим общий план экспорта по всем товарам сокращается с 1100 млн. руб. до 817—920 млн. руб. по двум вариантам, т. е. минимум на 17%. Далее, в связи с сокращением экспорта сокращается также план импорта по фактическому завозу товаров с контрольной цифры 950 млн. руб.[1] до 735—812 млн. руб., т. е. по меньшей мере на 15%.

Конечно, поскольку народное хозяйство представляет собою связную систему элементов, то нарушение намеченного контрольными цифрами равновесия в одних частях этой системы повлечет за собой и целый ряд изменений в других ее элементах. Так, уже сейчас можно предвидеть, что и в области намеченных контрольными цифрами масштабов эмиссии, а также в размерах учетно-ссудных и вкладных операций нашей кредитной

---

[1] В первом оперативном плане импорт, включая резервный фонд, определялся цифрой 1009 млн. руб

системы тоже произойдет соответствующее сокращение. Если крестьянство реализует на сумму в 200—300 млн. руб. меньше, чем предполагалось, своей продукции, то и сумма его накопления в денежной форме при прочих равных условиях будет меньше ранее намеченной — на величину того же порядка. В контрольных цифрах намечалась сумма эмиссии за год, включая сюда потребности обращения и накопления, в размере около 816 млн. руб., в том числе крестьянское накопление учитывалось в сумме не ниже 200 млн. руб. Теперь, если снять эту последнюю сумму, получим цифру денежной массы в обращении к концу года что-нибудь около 1760 млн. руб., т. е. процентов на 10 ниже соответствующей контрольной цифры [1].

Означают ли, однако, все эти весьма существенные поправки сколько-нибудь заметное сужение общего объема нашей хозяйственной деятельности в 1925/26 г.?

Едва ли. Дело в том, что в контрольных цифрах были, по-видимому, просчеты наших ресурсов не только в сторону преувеличения, но и в сторону преуменьшения их. Достаточно сказать, что наш бюджет, хотя и с напряжением, в конце концов сведен в цифре 4000 млн. руб. вместо намечавшихся летом в Наркомфине 3560 и в Госплане 3700—2800 млн. руб. [2], т. е. с превышением против первоначальных предположений минимум на 200—300 млн. руб. Капитальные вложения в народное хозяйство за счет государственных ресурсов, намеченные по контрольным цифрам Госплана на 1925/26 г. в сумме 1782 млн. руб. по новейшим подсчетам, возрастают до еще более грандиозной цифры. Работа нашей промышленности, несмотря на все затруднения с импортом сырья и оборудования, развертывается все же шире рамок, намеченных контрольными цифрами. Работа транспорта идет по увеличенному против контрольной цифры Госплана оперативному плану.

Все это убеждает нас, что в общем и целом данная в контрольных цифрах плановая наметка направления и масштабов нашего хозяйственного развертывания сохраняет и после всех указанных поправок все свое ориентирующее значение.

Можно ли было ожидать от них большего?

«Нужно быть по крайней мере хозяйственником типа средневекового алхимика,— ответим мы на это словами одного из наименее снисходительных наших критиков, Сокольникова,— чтобы вообразить, что можно заранее составить план, который учтет все решительно, все колебания погоды, все колебания рынка, все колебания международной конъюнктуры и т. д. Это — вещь совершенно невозможная» [3].

А если это так, что несомненно, то Сокольникову не следовало бы столь категорически утверждать, что в пережитых нами затруднениях «мы оказались жертвой *плохих планов*». В планы без просчетов могут верить лишь алхимики. Но все те колебания погоды и конъюнктуры, которые нельзя предвидеть в порядке плана, можно и должно учесть в порядке оперативного маневра. Конечно, *полная* успешность таких маневров немыслима до тех пор, пока мы не будем иметь достаточных резервов. Эти резервы предусмотрены нашими планами, но, увы, еще далеко не мобилизованы в надлежащих размерах. Тем не менее возможность и необходимость своевременным маневром исправлять неизбежные просчеты плана едва ли будет кем-либо оспариваться.

Что же было сделано в этой области нашими оперативными органами осенью 1925 г.?

---

[1] Напомним, что по *летним* предположениям Наркомфина эта цифра должна была достигнуть к 1 октября 1926 г. не менее 1907 млн. руб. (1157 + 750), а по заявлению Сокольникова в СТО от 18 сентября — 1600—1650 млн. руб. *для целей обращения* плюс около 250 млн. руб. для целей *накопления*.

[2] Без валютной сметы.

[3] Доклад Сокольникова в Деловом клубе 20 ноября 1925 г.

Об этом уже много говорилось и писалось за последние месяцы. Эпопея хлебозаготовок рисуется нам теперь в следующем виде. С неба целые месяцы лились на неубранный хлеб непрерывные потоки дождей, а из центра одновременно лился на хлебозаготовителей обильный дождь червонцев из Наркомфина и поток понудительных телеграмм из НКВТ: заготовляйте, заготовляйте, заготовляйте!.. Хлеб поступал на рынок туго, цены вздувались. А госзаготовители перекапывали друг у друга дороги и портили мосты, чтобы перебить у конкурента лишний воз хлеба.

Это ли называется своевременным и умелым оперативным маневром?

Мы не будем умножать примеров этого рода. В ответ на упрек в плохих планах мы могли бы лишь посоветовать, «чем кумушек считать трудиться»... обратить сугубое внимание на чрезвычайно ценный афоризм самого же Сокольникова, высказанный им в его докладе в Деловом клубе:

«Мало одного планирования, надо уметь маневрировать».

XI. СОЦИАЛИЗИРУЕТСЯ ЛИ ХОЗЯЙСТВО СССР? [1]

Контрольные цифры Госплана на 1925/26 г., характеризующие масштабы и темп нашего хозяйственного развития за последнюю пару лет, содержат в себе чрезвычайно интересный материал и по вопросу достигнутой нами степени обобществления нашего народного хозяйства.

Правда, все исчисления в этой области надо считать весьма приблизительными или, как у нас принято говорить, ориентировочными. Тем не менее показательное их значение очень велико.

Что же они показывают нам?

На основании указанных подсчетов в области обобществления средств и процессов производства и распределения в нашем народном хозяйстве могут быть отмечены следующие достижения.

Прежде всего остановимся на распределении наличных в стране средств производства. По весьма неполному учету Центрального статистического управления с некоторыми поправками и дополнениями, внесенными Комиссией Госплана, они выражались к октябрю 1924 г. в следующих цифрах (см. табл. 1).

Из наличных в стране материальных средств производства, не включая сюда жилищного фонда потребительного значения, к началу 1924/25 г. государству принадлежало капитальных фондов, по самым скромным и далеко не полным расчетам, не менее 11,7 млрд. червонных рублей, кооперации — 0,5 млрд. и частным, главным образом крестьянским, хозяйствам — 7,5 млрд. Таким образом, у нас обобществлено свыше 62% всех средств производства, осталось обобществить путем кооперирования и огосударствления до 38%. При этом в деревне наши капитальные фонды обобществлены пока едва на 4%, а в городе, включая сюда всю крупную промышленность и железнодорожный транспорт,— на 97%.

Специально в области промышленности средства производства обобществлены на 89%, причем в крупной — на 99%. Что же касается суммы производства крупной и мелкой промышленности, то здесь контрольными цифрами намечается следующая динамика (см. табл. 2). Как видим, продукция обобществленных предприятий не только обещает нам громадный абсолютный прирост (за два года — на 65%), но и заметно повышает из года в год свой удельный вес в общей продукции.

Приведенные в табл. 2 расчеты очень осторожны. Если исходить из имеющихся у нас данных патентной статистики о числе предприятий мелкой ремесленно-кустарной промышленности, то шансы ее обобществления на ближайшие годы гораздо выше учтенных в плановых предположениях Госплана.

В самом деле, вот каковы отчетные данные о выборке патентов заведениями с числом рабочих не свыше 30 (I—IV разряда) за первое и второе полугодие 1923/24 г. (см. табл. 3).

Как видим, даже в наиболее мелкой ремесленно-кустарной промышленности мы реально наблюдаем не стационарное равновесие, а определенный

[1] В извлечениях настоящая работа опубликована в «Экономической жизни», 19 августа 1925 г.

Таблица 1

Капитальные фонды СССР к 1 октября 1924 г.
(в млн. червонных рублей)

Виды фондов	Социалистический сектор: государственный	Социалистический сектор: кооперативный	Социалистический сектор: итого	Частный сектор	Всего
1	2	3	4	5	6
1. Сельское хозяйство					
а) рабочий скот и пр. . .	45	5	50	4 891	4 941
б) инвентарь	13	2	15	1 571	1 586
Итого	58	7	65	6 462	6 527
2. Транспорт	6 050	—	6 050	—	6 050
3. Крупная промышленность	4 572	87	4 659	33	4 692
4. Мелкая »	14	86	100	544	644
5. Сооружения по благоустройству	338	—	338	—	338
6. Жилищный фонд	6 422	153	6 575	13 017	19 592
7. Торговля	669	384	1 053	419	1 472
Всего по 1—7	18 123	717	18 840	20 475	39 315
В %	46,1	1,8	47,9	52,1	100
То же без жилищного фонда	11 701	564	12 265	7 458	19 723
В том числе:					
А. Деревня					
а) средства производства сельского хозяйства .	58	7	65	6 462	6 527
б) мелкая промышленность	—	—	—	430	430
в) сооружения по благоустройству	38	—	38	—	38
г) жилищный фонд . . .	258	28	286	9 720	10 006
д) торговля	66	142	208	209	417
Итого	420	177	597	16 821	17 418
Без жилищного фонда	162	149	311	7 101	7 412
Б. Город					
а) крупная промышленность	4 572	87	4 659	33	4 692
б) мелкая промышленность	14	86	100	114	214
в) транспорт	6 050	—	6 050	—	6 050
г) жилищный фонд . . .	6 164	125	6 289	3 297	9 586
д) сооружения по благоустройству	300	—	300	—	300
е) торговля	603	242	845	210	1 055
Итого	17 703	540	18 243	3 654	21 897
Без жилищного фонда	11 539	415	11 954	357	12 311

Таблица 2

Валовая продукция всей промышленности СССР *
(в млн. червонных рублей)

	Государственная	Кооперативная	Итого	Частная		Всего
				абс.	в % к гр. 7	
1	2	3	4	5	6	7
А. Цензовая промышленность						
1923/24 г.	5047	255	5 302	238	4,3	5 540
1924/25 г.	—	—	7 249	271	3,6	7 520
1925/26 г.	—	—	8 828	322	3,5	9 150
Б. Мелкая промышленность						
1923/24 г.	37	223	260	1 490	84,6	1 750
1924/25 г.	—	—	301	1 699	84,4	2 000
1925/26 г.	—	—	358	2 012	84,8	2 370
В. Вся промышленность						
1923/24 г.	5084	478	5 562	1 728	23,7	7 290
1924/25 г.	—	—	7 550	1 970	20,7	9 520
1925/26 г.	—	—	9 186	2 334	20,3	11 520

* Данные за 1923/24 г.—отчетные, за 1924/25 г. — предварительный расчет, за 1925/26 г. — плановые предположения.

Таблица 3

Степень обобществления ремесленно-кустарной промышленности СССР (без Закавказья) в 1923/24 г. по данным патентной статистики

Предприятия	Число заведений				В них занято лиц			
	за 1-е полугодие		За 2-е полугодие		за 1-е полугодие		за 2-е полугодие	
	в тыс.	в %	в тыс.	в %	в тыс.	в %	в тыс.	в %
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Государственные . . .	4,3	1,5	4,0	1,5	47,8	4,6	42,0	4,5
2. Кооперативные	7,3	2,5	9,0	3,4	51,4	4,9	62,4	6,7
Итого . .	11,6	4,0	13,0	4,9	99,2	9,5	104,4	11,2
3. Частные	280,6	96,0	252,2	95,1	939,6	90,5	830,5	88,8
Всего . .	292,2	100	265,2	100	1038,8	100	934,9	100

рост удельного веса государственных и в особенности кооперативных предприятий. Правда, по числу заведений обобществлено в этой области было в 1923/24 г. всего около 4—5%, но это, несомненно, наиболее крупные и здоровые заведения, ибо по числу рабочих обобществленная доля в то же время достигала уже 10—11%, а по продукции — даже 15—16%. Исходя из динамики по полугодиям 1923/24 г., мы могли бы ждать и дальнейшего

не менее значительного роста обобществленной доли продукции в 1924/25 и 1925/26 гг. Однако Комиссия Госплана, учитывая те огромные налоговые льготы в пользу кустарей и ремесленников, которые были проведены в истекающем 1924/25 г., признала более осторожным остановиться на расчете, приведенном в табл. 2.

Лучшей гарантией дальнейших достижений в этой области служит высокая степень концентрации союзной промышленности.

Как известно, государственное производство сосредоточено у нас в более крупных и технически наиболее оборудованных предприятиях, в то время как частные предприятия по общему правилу работают в масштабе наиболее мелких ремесленно-кустарных заведений. Особенно значительна концентрация производства, достигнутая в нашей цензовой фабрично-заводской и горной промышленности *после революции*. Следуя директивам плановых органов о сосредоточении производства в наиболее крупных и лучше всего оборудованных предприятиях, наши хозяйственники к началу 1925 г. достигли известных результатов по сравнению с довоенными нормами (см. табл. 4).

Таблица 4

Концентрация рабочих в крупной промышленности СССР и США

Размер заведений по числу рабочих	По СССР фабрично-заводская и горная промышленность						По США обрабатывающая промышленность (от 21 рабочего)			
	число заведений			число рабочих (в тыс.)			число заведений		число рабочих (в тыс.)	
	1901 г.	1911 г.	1925 г.	1901 г.	1911 г.	1925 г.	1909 г.	1919 г.	1909 г.	1919 г
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Абсолютные величины										
I. До 50 рабочих . . .	14 354	11 754	3 723	287	270	92	23544	25379	764	829
II. От 51 до 500 рабочих	5 667	5 553	2 971	803	848	459	21985	26072	3 047	3 721
III. Свыше 500 рабочих	874	995	681	1 180	1 424	1 213	1763	2770	1 851	3 603
Итого . .	20 895	18 302	7 375	2 270	2 542	1 764	47292	54221	5 662	8 153
То же в процентах										
I. До 50 рабочих . . .	68,7	64,2	50,5	12,7	10,6	5,2	49,8	46,8	13,5	10,1
II. От 51 до 500 рабочих	27,1	30,3	40,3	35,3	33,4	26,0	46,5	48,1	53,8	45,6
III. Свыше 500 рабочих	4,2	5,5	9,2	52,0	56,0	68,8	3,7	5,1	32,7	44,3
Итого . .	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Среднее число рабочих на 1 заведение	—	—	—	108,7	139	239	—	—	120	151

В довоенное время на крупнейших предприятиях с числом рабочих свыше 500 у нас было сосредоточено в 1901 г. 52% и в 1911 г.— 56% общего итога рабочих всей горной и фабрично-заводской промышленности, а к 1 января 1925 г.— уже 68,8%.

Этой-то концентрацией и объясняется, конечно, прежде всего тот колоссальный прирост производительности труда — за один 1924/25 г. на целых 40%,— который отмечается в контрольных цифрах Госплана.

Насколько высока мера концентрации нашей советской промышленности, можно видеть еще из того, что даже в Соединенных Штатах Аме-

рики, т. е. в стране наиболее развитого капитализма, соответствующая норма концентрации по цензу 1919 г. для всей обрабатывающей промышленности не превышает в высшей группе (свыше 500 рабочих) 44,3% общего итога рабочих всех предприятий с числом рабочих от 21 и выше. И в то время как средний размер американского фабрично-заводского предприятия достигает едва 151 рабочего на одно заведение, у нас к 1925 г. мы имели уже 239 рабочих на одно заведение, т. е. в полтора раза больше.

В области торговли, правда по очень приблизительному подсчету, обобществленные средства к 1924/25 г. составляли около 70% всего капитала, занятого в торговом обороте. Что же касается этого последнего, то динамика его распределения видна из табл. 5.

Таблица 5

Посреднический (торговый) оборот товарных ценностей в СССР * за 1923/24—1925/26 гг.

Период	Посреднический оборот (в млн. червонных рублей)					
	государственный	кооперативный	итого	частный		всего
				абс.	в % (к гр. 7)	
1	2	3	4	5	6	7
1923/24 г.						
1-е полугодие.	1 197	1 039	2 236	2 265	50,3	4 501
2-е »	1 745	1 614	3 359	1 729	34,0	5 088
Итого за год .	2 942	2 653	5 595	3 994	41,6	9 589
%	30,7	27,7	58,4	41,6	—	100
1924/25 г.						
1-е полугодие	2 520	2 184	4 704	1 809	27,8	6 513
2-е »	2 955	2 569	5 524	1 841	25,0	7 365
Итого за год . .	5 475	4 753	10 228	3 650	26,3	13 878
%	39,5	34,2	73,7	26,3	—	100
1925/26 г.	6 342	5 490	11 832	3 728	24,0	15 560
%	40,7	35,3	76,0	24,0	—	100

* По подсчетам Госплана на основании налоговой отчетности НКФ и бухгалтерской отчетности государственных и кооперативных заведений. Данные за вторую половину 1924/25 г. предварительные, за 1925/26 г. — по предположениям Контрольной комиссии Госплана.

Таким образом, и здесь, как и в производстве, намечается не только колоссальный рост абсолютных размеров обобществленного оборота (за два года более чем вдвое), но и весьма существенное увеличение его относительной доли в общем товарообороте страны с половины до трех четвертей его величины.

Весьма вероятно, что за 1925/26 г. мы достигнем в области обобществления товарооборота и гораздо более значительных успехов. Сама кооперация в лице Центросоюза рассчитывает, например, пропустить за 1925/26 г. через свой розничный оборот от 40 до 50% сахарной продукции, до 45% металлических изделий, до 70% всей продукции хлопчатобумажных тканей и до 80% соляной продукции, а в общем итоге за один

год повысить свой розничный оборот с 2254 млн. до 3356 млн. руб., т. е. в полтора раза, в то время как, по предположениям Госплана, весь — и розничный и оптовый — оборот кооперации за тот же год вырастет только на 15%[1]. Но, учитывая намеченное снижение цен, более осторожно исходить из менее оптимистических расчетов. Во всяком случае на достижение 75% обобществленного оборота мы можем рассчитывать без всяких преувеличений.

Чтобы оценить это достижение по достоинству, напомним, что в последний год военного коммунизма (1920 г.), когда торговля у нас вовсе была запрещена, частный торговый оборот одними лишь сельскохозяйственными продуктами достигал все же, по бюджетным данным, в пределах Советской республики (без Кавказа и Туркестана) свыше 644 млн. довоенных рублей, а с прибавкой 193 млн. руб. кустарно-ремесленной продукции получим свыше 837 млн. руб. Если допустить, что вся сельскохозяйственная продукция, изъятая в порядке обложения, на сумму 704 млн. руб. и вся продукция государственной промышленности, выпущенная за тот же год в оборот, на 366,8 млн. руб. прошли исключительно в порядке государственного распределения, *минуя торговых посредников*,— а этого не было, конечно,— то доля *государственного* распределения определится максимум в 56%, а доля *частного* торгового оборота — минимум в 44% общего оборота товарных ценностей в стране. Таким образом, если нэп на первых порах и повысил этот последний процент, легализировав частную торговлю, то это *формальное* отступление на нашем пути к коллективизму *экономически* уже преодолено. Уже во второй половине 1923/24 г. обобществленный товарооборот составлял у нас 66%, или две трети всего посреднического оборота, т. е. превысил норму 1920 г. А в наступающем хозяйственном 1925/26 г. мы твердо рассчитываем перешагнуть через три четверти обобществленного оборота. И это без всякой отмены нэпа и даже при некотором дальнейшем приросте частной торговли в абсолютных размерах ее оборотов.

Если к сказанному еще прибавить, что в области парового транспорта и банковского кредита все средства сообщения и кредитно-денежного обращения уже ныне обобществлены у нас на все 100%, то останется лишь формулировать общее задание: твердо удерживаться на завоеванных позициях и каждый год последовательно продвигаться вперед еще хотя бы на один шаг к социализму.

---

[2] «Экономическая жизнь», 9 сентября 1925 г.

XII. ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ПЕРСПЕКТИВНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ[1]

1. ОБСТАНОВКА РАБОТЫ

Госплан Союза начал свою работу с апреля 1921 г. Чтобы оценить по достоинству те условия, в которых ему пришлось начинать эту работу, необходимо хотя бы несколькими штрихами освежить в памяти хозяйственную обстановку того времени.

В течение почти семи долгих лет с 28 июля 1914 г. страну терзала изнурительнейшая война. Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. вывела, наконец, обескровленную Россию из мировой империалистической бойни. Но желанный мир оказался недолгим. Страна была ввергнута в не менее тяжкие испытания гражданской войны, интервенции и блокады. Революционный пролетариат России вышел с честью из всех этих испытаний. Гидре внутренней контрреволюции был нанесен ряд решающих поражений, удушающее кольцо внешней блокады было прорвано в отдельных звеньях и за полной безнадежностью дальнейших попыток интервенции бессильно распалось. Но эти победы были куплены дорогой ценой жесточайшей хозяйственной разрухи и разорения страны.

В 1920 г. зерновая продукция сельского хозяйства составляла уже едва только 52% довоенного уровня в границах Союза, а технические культуры — еще меньше, сбор льна и конопли (на волокно) — 28%, сахарной свеклы — 7,8, хлопка — 3,3%[2]. Валовая продукция цензовой промышленности в 1920 г. упала до 859 млн. руб. по довоенным ценам против 6098 млн. руб. в 1913 г., т. е. до 14,1% довоенной нормы, а, в частности, по металлургии черных металлов она упала даже до 3,5%[3]. Работа железнодорожного транспорта, выраженная в приведенных тонна-километрах, составляла едва 16,5% довоенного объема на территории Союза ССР.

Указанной разрухе в области материального производства соответствовала не меньшая разруха в области организации труда. Лучшие кадры пролетариата были оторваны от мирного труда и сражались на всех фронтах против вооруженных сил контрреволюции. Обращение всех материальных ресурсов и транспортных средств прежде всего на бесперебойное обслуживание боевых сил революции на фронтах приводило к еще более частым и губительным перебоям в снабжении предприятий сырьем, рабочих — продовольствием и т. д. Рабочие, отрываясь от станков, старались посильно противодействовать этим перебоям активным участием в продотрядах и всякими иными методами самоснабжения. А в результате за счет вынужденных простоев и всякого рода прогулов и неявок каждый рабочий на круг в 1920 г. потерял 87, а в 1919 г. — даже 120 рабочих дней за год[4]. Считая по 25 рабочих дней в месяц, это составит потерю рабочего времени

[1] «Плановое хозяйство», 1930, № 12.

[2] «Плановое хозяйство», 1924, № 4—5, стр. 167—176.

[3] «Динамика российской и советской промышленности за 40 лет», т. I, ч. III М.— Л., 1929, стр. 177—191.

[4] С. Струмилин. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913—1922 гг. М., 1923, стр. 44.

на каждого рабочего от 4 до 5 месяцев в год. Если же к этому добавить недостаточное питание и вообще крайне низкий уровень жизни рабочих, падавший до 8 р. 30 к. в месяц против 25 довоенных, то не придется удивляться, что и годовая выработка рабочего за 1920 г. составляла едва 23,5% довоенной нормы [1].

Этот общий упадок производительных сил осложнялся резкой функциональной диспропорцией различных отраслей хозяйства и не менее резким разрывом межрайонных хозяйственных связей огромной страны, охватывающей одну шестую часть территории земли. В таких условиях война, требовавшая огромного напряжения всех ресурсов, могла их черпать, конечно, лишь за счет ликвидации основных и оборотных фондов народного хозяйства, т. е. за счет прямого разрушения производительных сил страны. При почти полном распаде хозяйственных связей и крайней слабости заново создаваемого административного аппарата методы нормального *налогового* изъятия необходимых для войны ресурсов оказались совершенно непригодными. В государственном бюджете 1920 г. учтенные «доходы» покрывали расходный бюджет едва на 13,1%. Все остальное приходилось покрывать либо путем крайне разорительной для деревни продразверстки, либо путем лошадиных доз денежной эмиссии. А это, помимо многих других губительных следствий, означало безудержно *падающую валюту* и, стало быть, полную *невозможность* сколько-нибудь надежной системы хозяйственного учета вообще и финансовой отчетности в особенности.

Все это представляло собою крайне неблагоприятные предпосылки для успешной деятельности Госплана.

Со стороны могло казаться, что страна уже впала в состояние совершенно непоправимой хозяйственной катастрофы или в лучшем случае находится накануне такого катастрофического провала. Но революционный пролетариат во главе с Коммунистической партией ни на минуту не поддавался таким паническим и капитулянтским настроениям. С непревзойденной твердостью и решительностью, готовый на все необходимые жертвы, он уверенно шел сквозь строй самых тяжких испытаний к желанной победе. И как только эта победа дорогой ценой досталась ему на боевом фронте борьбы с вооруженной контрреволюцией, он без всякой передышки устремился к мирному творческому труду на хозяйственном фронте.

Еще 17 марта 1921 г. революция брала штурмом мятежные твердыни Кронштадта, 18 марта был подписан развязывающий нам руки для мирного труда мир с Польшей, и, хотя для Красной Армии в стране оставалось еще немало работы по борьбе с бандитизмом на окраинах и целой 50-тысячной армией кулацко-эсеровской антоновской Вандеи в центре, уже 1 апреля того же года за подписью В. И. Ленина получили окончательное декретное оформление «Основные положения организации Госплана», и в стране началась новая борьба за *план, за плановое, социалистическое строительство.*

В отличие от всех своих предшественников на плановом фронте из эпохи военного коммунизма, начиная от ВСНХ и Чусоснабарма до Комиссии использования, облеченных огромными полномочиями государственной власти, Госплан возник как чисто совещательный орган без всяких административных функций при Совете Труда и Обороны (СТО). А поскольку и СТО являлся только одной из комиссий Совнаркома, то Госплан следовало рассматривать просто как одну из рабочих подкомиссий Совнаркома. И если все же, несмотря на столь скромное место в иерархии советских органов и полное отсутствие каких-либо атрибутов власти, Госплан имеет неизмеримо большее влияние на развитие народного хозяйства СССР, чем какой-либо из его высокоуполномоченных предшественников, то причину этого следует искать прежде всего в условиях времени.

[1] 560 руб. против 2380 руб. в 1913 г. в пределах СССР. «Динамика российской и советской промышленности за 40 лет», т. I, ч. III. М.—Л., 1929, стр. 177 и 191.

Учреждение Госплана совпало с очень знаменательным моментом в нашей истории. Завершение гражданской войны в стране позволило нам перейти к новой экономической политике. Введение нэпа обычно связывают с опубликованием известного «Наказа СНК о новой экономической политике» от 11 августа 1921 г., где принципы нэпа нашли свое развернутое выражение. Но основной переломный момент к нэпу отражен уже целиком в более раннем декрете о замене продразверстки продналогом, принятом 21 марта 1921 г., т. е. всего за несколько дней до начала работ Госплана. Вполне понятно, что до *этой* даты, даже после полного поражения вооруженных сил буржуазной контрреволюции, открыть эру успешного строительства социализма в нашей стране не мог бы и самый мощный плановый орган. В крестьянской стране осуществлять такую задачу пролетариат может только опираясь на бедняка и притом в теснейшем союзе с середняцкой массой деревни. После же 21 марта, когда положено было прочное основание такому союзу, Госплан в отличие от своих предшественников впервые получил совершенно достаточную и вполне надежную базу для успешного развертывания своей работы.

Однако нэп таил в себе одно историческое недоразумение, которое для впавших в него готовило в грядущем роковые последствия. Открывая во имя мира с деревней некоторый простор стихии рыночных отношений, нэп делал это *всерьез и надолго, но не навсегда.* В перспективе имелось в виду по мере роста плановости хозяйства постепенное, но вполне последовательное ограничение рыночной стихии, вплоть до полной замены этой стихии плановым началом. Однако в некоторых кругах буржуазной интеллигенции ставка Советской власти на свободу торговли была понята как такой шаг к реставрации буржуазных отношений, за которым неизбежно — уже по внутренним законам буржуазного естества — не могут не последовать и все остальные. Рынок, по представлению этих кругов, должен был «химически» выделить из себя и все остальные категории капитализма *вопреки всяким планам.* В такой обстановке эта принципиально враждебная социализму интеллигенция вдруг очень охотно «сменила вехи» по отношению к Советской власти, т. е. якобы идейно разоружилась и пошла на службу к Советам. В условиях широкой свободы рыночной стихии ее уже не пугали никакие социалистические планы и эксперименты. Наоборот, с особенной охотой она шла работать именно в такие боевые органы социалистического строительства, как Госплан, чтобы активно приложить руки к намеченной здесь программе восстановления народного хозяйства, разумеется, в меру *своего* классового разумения этой задачи.

В интересах скорейшего построения социализма Советская власть в свою очередь охотно привлекала и привлекает беспартийных специалистов всякого рода хотя бы на роли временных попутчиков, отнюдь не строя себе особенных иллюзий насчет их идеологии и требуя от них лишь элементарной профессиональной добросовестности и служебной лояльности Поэтому с первых же дней плановой работы кадры плановых органов были в очень значительном проценте заполнены представителями буржуазной интеллигенции самых различных мастей и оттенков. Немудрено, что среди них оказалось не мало и таких идеологов буржуазии, которые сознательно спекулировали на буржуазное перерождение Советской власти под растлевающим влиянием рыночной стихии и сами готовились активно ему содействовать. Беспристрастная история покажет, в какой мере плановые органы сумели их использовать в интересах пролетариата и в какой мере эти идеологи чуждого нам класса в свою очередь использовали оказанное им доверие в интересах реставрации капитализма. Но и ныне уже можно прийти к некоторым выводам. Несомненно, чаяния сменовеховцев на *автоматическое* «сползание на тормозах» нашего хозяйственного строя от социализма к капитализму под влиянием рыночной стихии оказались очень печальным для них заблуждением. Когда же в результате разочаро-

вания они сами захотели *активно* помочь этому процессу, встав на путь явного вредительства и контрреволюции, то получили должное возмездие.

Но, разумеется, подобное «сотрудничество» охвостьев старого мира в плановых органах отнюдь не облегчало оперативной работы этих органов. Да и в области разработки плановой методологии при таком сотрудничестве не легко было отстоять от буржуазных влияний необходимую четкость и принципиальную классовую чистоту пролетарской идеологии. Тем более, что мы в этой области всегда натыкались на *замаскированного* врага, пользовавшегося нашим доверием и зачастую недурно владевшего если не марксистским методом, то по крайней мере марксистской фразеологией.

Задача идеологического преодоления этих буржуазных влияний на методы и практику планирования осложнялась до известного времени недостаточной насыщенностью и сплоченностью коммунистических сил в Госплане. Призванный стать экономико-техническим штабом строящей социализм страны, Госплан очень долго вынужден был работать, опираясь главным образом на беспартийных специалистов. Коммунисты-инженеры не только в Госплане, но и по всей стране представляли редчайшее явление. Что же касается партийных экономистов, то наиболее вооруженные из них и революционным опытом, и теорией были достаточно загружены руководящей партийной работой, а молодежь только еще готовилась к практической работе, отдавая большую часть своего времени и сил теоретическим дискуссиям об абстрактном труде и тому подобных весьма отвлеченных материях. Но хуже всего отразились на работе Госплана не внутрипартийные споры и шатания, которые были навязаны партии сначала *псевдолевой, троцкистской, а затем откровенно правой оппозициями.*

Госплан очень нуждался в подкреплении коммунистическими силами, но борьба с оппозицией отвлекала их от хозяйственной работы на другие, более ответственные, участки, и в силу весьма естественного, хотя и злосчастного для хозяйственного штаба революции отбора в Госплане на весьма ответственных постах перебывал за несколько лет чуть не весь оппозиционный отсев этих лет. Конечно, коммунисты этой формации, сами не верившие в возможность осуществления социализма «в одной стране» — и притом в той самой, которая одна лишь и могла на это претендовать, овладев с помощью диктатуры пролетариата рычагами *планового* хозяйства,— не могли внушить такой веры даже самым лояльным нашим попутчикам в плановой работе из числа беспартийных. Предъявив чудовищное обвинение руководству партии в буржуазном, «термидорианском» его перерождении, эти горе-социалисты, несомненно, не только поддерживали этим сменовеховские, пассивные чаяния реставрации капитализма, но и вооружали идеологически всех активных контрреволюционеров в их вредительской борьбе с партией. Сея в буржуазной среде архизлостную клевету на вождей революционного пролетариата и рекрутируя себе активных сторонников, вредители, несомненно, с особенным удовольствием ссылались на столь «авторитетных» соратников их в этом деле, как Троцкий и его сподвижники.

Вопрос, как все это должно было отразиться на плановой работе Госплана, заслуживает специального исследования. Но в общей оценке тех трудностей, какие должен был преодолеть Госплан за первые годы своей работы, участие в ней не только вредителей, но и весьма видных деятелей партийной оппозиции не может ни в коей мере быть скинуто со счетов или забыто.

Уже из сказанного о персональном составе работников Госплана ясно, что процесс планирования в нашей стране не может рассматриваться как идиллически-мирная, кабинетная работа коллектива инженеров и экономистов, дружно проектирующих на базе непреложных истин объективной науки здание грядущего социализма. Процесс планирования в наших усло-

виях — это, конечно, прежде всего процесс весьма обостренной *классовой борьбы* за социализм. Правда, к моменту образования Госплана первый, наиболее острый период классовой борьбы — с оружием в руках — уже был завершен и классовая борьба изменила свои формы и род оружия. Но общий тонус этой глухой борьбы, где классовый враг с закрытым забралом, подстерегая нас на каждом шагу и пользуясь каждой нашей ошибкой, засорял нашу идеологию и отклонял руль хозяйственного управления от намеченной нами линии, был и остается не менее напряженным, чем на поле воинской брани.

В качестве печального наследия от периода борьбы на боевых фронтах Госплан получил глубоко потрясенное и разрушенное контрреволюцией хозяйство. Но, призванный восстановить его на новых началах, он неизбежно должен был снова столкнуться с той же контрреволюцией, прилагавшей все усилия к тому, чтобы так или иначе помешать ему в разрешении этой задачи на хозяйственном фронте.

К огромным трудностям, созданным у нас для планирования на первых его этапах объективными последствиями гражданской войны и субъективными условиями работы плановиков в буржуазно-вредительском окружении, следует прибавить еще одно чрезвычайно тяжелое обстоятельство. В первый же год работы Госплана вдобавок ко всем бедствиям, причиненным контрреволюцией, на страну обрушилось еще одно *стихийное бедствие*. Мы имеем в виду небывало тяжкий неурожай 1921 г., поразивший 22 губернии с населением в 31,7 млн. душ и дефицитом хлеба по самым минимальным расчетам не менее 3,6 млн. *т* (222 млн. пудов). Но и в остальных районах страны за этот год не имелось сколько-нибудь значительных избытков. На помощь голодающим в неурожайный район при всем напряжении имеющихся ресурсов и ввозе хлеба из-за границы (56 млн. пудов) удалось перебросить хлеба из других районов не свыше 26% от исчисленной по голодным нормам потребности. А в результате вместо необходимого нам подъема сельского хозяйства мы оказались перед лицом дальнейшего резкого сокращения и посевных площадей (на 11%), и животноводства (на 8%), и общего уровня производительных сил обессиленной голодом деревни [1]. Не менее двух лет потребовалось нам, чтобы восстановить только тот уровень сельского хозяйства, на котором его застиг голод 1921 г., а в районе пострадавших губерний тяжелые раны, нанесенные голодом, пришлось изживать, конечно, в гораздо большие сроки.

И все же, несмотря на всю глубину хозяйственного кризиса, из которого народнохозяйственный план должен был вывести страну, и на все неблагоприятные условия политической и культурной обстановки, он выполнил свою задачу. Уже за первый год после организации Госплана нам удалось поднять продукцию фабрично-заводской промышленности Союза более чем в полтора раза. Через пять лет, к 1926/27 г., мы уже превзошли довоенный уровень промышленной продукции, а еще через три года, к 1929/30 г., удвоили этот уровень.

Таких темпов не знает ни одна капиталистическая страна. Здесь, несомненно, выявились впервые в конкретном опыте теоретически давно уже известные преимущества плановой системы.

Присмотримся же поближе к этому крайне поучительному опыту. Попытаемся выявить все важнейшие ошибки и достижения в области нашего планирования. Посмотрим, как на опыте выковывалось в борьбе с буржуазными влияниями то идеологическое вооружение плановых органов, которое мы называем методологией планирования, каково материальное содержание первых опытов перспективного планирования и в какой мере эти плановые предположения воплощались реально в хозяйственную жизнь страны.

---

[1] «Основные показатели динамики народного хозяйства за 10 лет революции». «Плановое хозяйство», 1927, № 11, стр. 258.

2. ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ

«Построить коммунистическое общество руками коммунистов, это — ребячья, совершенно ребячья идея,— учил нас В. И. Ленин на XI съезде партии.— Коммунисты — это... капля в народном море» [1]. Построить коммунизм они смогут только «чужими руками», усвоив себе лозунг, что буржуазию мало победить — «надо ее заставить на нас работать» [2]. Исходя из таких установок, мы комплектовали все наши плановые и хозяйственно-оперативные органы как в центре, так и на местах. Коммунистическая прослойка до известного времени в них была чрезвычайно тонка, беспартийный массив буржуазных специалистов всякого рода — весьма плотен. Мы строили плановое хозяйство в значительной степени «чужими руками».

Можно ли сомневаться, что такая позиция чревата огромными опасностями?

Конечно, нет. Но мы знали, на что мы идем.

Провозгласив нэп ради смычки с основной середняцкой массой деревни, т. е. развязав стихию рынка, чтобы затем обуздать ее планом, мы поставили перед собой очень серьезную задачу «коммунистического соревнования» с капитализмом в области «развития форм хозяйства и форм общественного уклада» (Ленин). И, несмотря на мирную оболочку этого соревнования, мы отнюдь не заблуждались относительно его содержания. В. И. Ленин, учитывая уроки нэпа за первый год его действия, предупреждал нас на XI съезде: «...Сегодня на нас не наступают с оружием в руках, и, тем не менее, борьба с капиталистическим обществом стала во сто раз более ожесточенной и опасной, потому что мы не всегда ясно видим, где против нас враг и кто наш друг... это есть еще одна форма борьбы двух классов, непримиримо враждебных друг другу» [3].

И действительно, идеологическая борьба в недрах Госплана в первые годы его деятельности вполне оправдывала это предвидение прозорливого Ильича.

В стенах Госплана работали виднейшие представители буржуазной интеллигенции — широко известные экономисты и крупнейшие инженеры. В свое время кое-кто из них оказался в рядах активных врагов революции. Но даже те из буржуазных специалистов, которые готовы были вполне лояльно выполнять служебный свой долг, не могли сразу отрешиться от всех классовых воззрений, симпатий и антипатий. Они по-своему расценивали обстановку момента. К тому же, работая в условиях нэпа, они могли довольно широко и свободно развернуть на этой вполне легальной базе свою экономическую и политическую платформу. Так же как и мы, они отлично понимали, что нэп представляет собою на основе рыночных отношений широкое поле соревнования элементов капитализма и социализма. Но, если мы в этом соревновании ставили ставку на преодоление рыночной стихии планом, то они, наоборот, все свои надежды возлагали на расширение границ нэпа и ограничение самого плана властью рыночной стихии, «химически» выделяющей из себя ростки капитализма.

Эта борьба за план с нашей стороны против буржуазных влияний, боровшихся за торжество рыночной стихии в нашем народном хозяйстве, проходит красной нитью через все наши «методологические» дискуссии и практические опыты первых лет в области планирования.

Куда же нас *конкретно* толкали эти буржуазные влияния? И куда мы пошли в нашей плановой практике?

В первые годы плановой работы — годы *расширения* позиций нэпа — буржуазная идеология в планировании проявлялась крайне примитивно.

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 33, стр. 260.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 257—258, 259.

Сменовеховские надежды на «внутреннее перерождение» большевиков под влиянием нэпа были очень живы в буржуазной среде. И к нам без обиняков предъявляли определенные требования.

«Задачи государства,— заявлял, например, Базаров в июле 1922 г.,— вращаются в *заколдованном круге*. Надо *овладеть* рынком, но владеть им, значит его уничтожить». И, отнюдь не сочувствуя этой последней перспективе, он предлагает другой выход: «Государство должно дать *свободу* для рынка для того, чтобы *в процессе коммерческого соревнования* определить устойчивые экономические конъюнктуры... *Необходимо допустить свободу рынка и капиталистическую конкуренцию*, чтобы как-нибудь создать определенные формы хозяйственного быта... Для успешности работы необходимы: твердая валюта и *твердый юридический правопорядок*, определенные законодательные акты, *без которых капитал не пойдет на работу*».

Не трудно понять, что «твердый правопорядок», требуемый для того, чтобы господин Капитал пошел на работу,— это нечто вроде «демократической республики», а «формы хозяйственного быта», наиболее благоприятствующие «капиталистической конкуренции»,— это более чем прозрачный псевдоним капиталистического хозяйства. Но в 1922 г. В. И. Ленин на XI съезде партии уже провозгласил лозунг: «Отступление кончено». На дальнейшее развязывание стихии рынка в *интересах «безработного» капитала* особых надежд возлагать не приходилось. И скоро буржуазная идеология, учтя обстановку момента, занялась вплотную «методологией» планирования.

В одной из первых же дискуссий по методологии перспективного планирования на заседании Президиума Госплана от 21 ноября 1923 г. на обсуждение выдвинута была Базаровым следующая чрезвычайно поучительная концепция о роли рынка в планировании. «Очень часто у нас рассматривается идея планового хозяйства, идея единого хозяйственного плана как *пережиток* эпохи военного коммунизма... В противовес этому я утверждаю, что основные предпосылки нэпа, т. е. *наличие рынка и хозрасчет*, суть предпосылки *всякого возможного планирования*, независимо от того, будет ли мировая революция или нет. Исторический опыт показывает, что оздоровление хозяйства возможно *только тогда*, когда существует *здоровая заинтересованность* каждого работника в результатах его труда, но этого мало: *только рынок* позволяет в теперешних условиях создать *автоматический контроль* над правильностью всех действий, автоматический счетчик, показывающий результаты деятельности каждой отрасли хозяйства, каждого предприятия в отдельности» [1].

Насколько нам известно, ни один коммунист идею планового хозяйства в качестве «пережитка» эпохи военного коммунизма не рассматривал. И автор вышеприведенных строк, Базаров, оспаривал этот совершенно неприемлемый для нас тезис, очевидно, только для того, чтобы сделать для нас более приемлемым свой антитезис, по которому *без рынка* вообще не может быть никакого разговора о планировании. Однако мы вовсе не обязаны были выбирать один из этих тезисов и отвергли оба. Базаров даже в качестве *бывшего* социалиста мог бы все же припомнить, что идея планового хозяйства присуща не только переходному периоду к социализму, допускающему при известных условиях рынок, но и развернутому социализму, принципиально исключающему свободу рыночной стихии. Таким образом, принимая рынок за необходимую предпосылку *всякого возможного* планирования, мы должны бы заплатить за эту предпосылку слишком дорогою ценою, ценою отказа от социализма, как заведомо несовместимого с этой предпосылкой хозяйственного строя.

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 138, л. 111—112. Курсив наш.— *С. С.*

Эти соображения, однако, отнюдь не могли, конечно, остановить от выражения полной солидарности с Базаровым таких «независимых» ученых, как В. Г. Громан и Н. Д. Кондратьев. И они оба на том же заседании всецело к нему присоединились. «Я согласен...— заявил тут же Кондратьев,— с положением В. А. (Базарова), что существование нэпа не только не отрицает плана, но является *предпосылкой* для построения его. Рынок и цены несомненно являются *предпосылкой* построения плана, хотя бы потому, что в противном случае мы теряем *всякую возможность* (?) соизмерения хозяйственных явлений» [1]. Выступление Громана на том же заседании Госплана прямо начиналось с декларации: «После доклада тов. Базарова, с коим *я согласен от слова до слова*, мне можно очень мало говорить о методологии вопроса» [2].

Еще любопытнее в смысле раскрытия идеологии той же группы «независимых» ученых громановской *ориентации* одна забытая записка того же времени «О задачах и методах» Госплана, извлеченная нами из архива Госплана и принадлежащая, судя по стилю, по-видимому, перу самого Громана. Несмотря на эзоповский язык этого документа, установки его весьма прозрачны. Исходя из идеи развития производительных сил и факта существования в стране пяти социальных укладов, автор рекомендует в отношении конкурирующих форм социализма, капитализма, мелкого товарного хозяйства и прочих укладов такой плановый модус: «Все то, что может быть совершено наиболее рационально такой-то формой хозяйства, *должно быть предоставлено* именно этой форме». Как видим, автор записки в качестве совершенно «независимого» ученого формально проявил здесь, «добру и злу внимая равнодушно», максимум беспристрастия и незаинтересованности. Он готов предоставить предпочтение любой — даже *обобществленной* — форме хозяйства, *если* она рациональнее других. Однако в интересах объективной истины автор вынужден при определении в плане относительного объема различных хозяйственных форм «исходить из двух *фактов*: наличности обобществленного, ведущегося *заведомо* до сих пор *нерационально* хозяйства и наличности мелких хозяйств, условно принимаемых, как *рациональные*» [3].

Нет нужды говорить, что даже «условная», т. е. весьма относительная, рациональность мелкотоварных хозяйств по сравнению с «заведомо нерациональным» обобществленным хозяйством является решающим для нашего автора обстоятельством, и он предъявляет к плану следующее требование: «При этом должно быть предусмотрено *неизбежное расширение мелкого хозяйства* при условии свободного товарообмена, учитывая, что по отношению к предметам, для производства которых сырье, топливо, орудия производства и транспорт могут быть приобретаемы на свободном рынке, *способность конкуренции мелкого хозяйства будет выше*, чем обобществленного хозяйства, при условии, если последнее не будет пускать в товарообмен свои продукты ниже себестоимости» [4].

Итак, высшим критерием рациональности хозяйства в этой плановой концепции является его *конкурентоспособность на свободном рынке*. Конечно, за отсутствием крупной буржуазии в стране автор приведенного тезиса вынужден ставить свою ставку конкурентоспособности на мелкое кулацкое хозяйство. Но это не меняет дела. Способность к конкуренции — это и есть тот «автоматический контроль» рациональности хозяйства, к которому нас отсылал Базаров, как к основной предпосылке планирования. Планировать в этом смысле, это значило бы прежде всего учитывать *рыночную конъюнктуру* и следовать ее велениям. В том, что капиталистическое хозяйство окажется в условиях свободного рынка конкурентоспособ-

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 138, л. 98. Курсив наш.— *С. С.*
[2] Там же, л. 115. Курсив наш.— *С. С.*
[3] Там же. Курсив наш.— *С. С.*
[4] Там же. Курсив наш.— *С. С.*

нее обобществленного, идеологи буржуазии, конечно, отнюдь не сомневались. Правда, у пролетариата, осуществляющего диктатуру, имеются в арсенале и внеэкономические средства для поддержки обобществленных форм хозяйства против стихии рынка. Но автор цитируемых тезисов, предусматривая это, уже сформулировал плановую «директиву» хозрасчета: «Обобществленное хозяйство в товарообмене с мелкими хозяйствами *не может* продавать продуктов ниже себестоимости», а на случай иных методов грозит нам тезисом, явно похищенным для пущей убедительности из марксистского арсенала: «Всякая политическая форма, которая не сумеет осуществить принципы рационального хозяйствования, *исторически осуждена на гибель*».

Та же ориентировка на рынок явно просвечивает и в той своеобразной трактовке идеи балансового метода в планировании, которую пропагандировала в Госплане школа Базарова — Громана.

Балансовый метод планирования получил широкое признание в стенах Госплана задолго до появления там Громана и Базарова. Уже в первом пункте программы работ секции «учета и распределения», всего через несколько дней после учреждения Госплана, была поставлена мной в качестве основной задачи «подготовка ежегодных проектов *общего перспективного баланса народного хозяйства* по плановому использованию и распределению труда в пределах республики на предстоящий год» [1]. Уже в первом годовом плане, вышедшем из стен Госплана и одобренном СТО 28 августа 1921 г., этот метод нашел свое частичное применение. Мы имеем в виду план продовольственного снабжения страны на 1921/22 г., построенный на базе хлебофуражного баланса [2]. В стенах же Госплана была запроектирована первая схема отчетного «народнохозяйственного баланса на 1921/22 г.» И лишь впоследствии за громоздкостью работ этого рода они возложены были в части отчетных балансов на ЦСУ Союза.

По нашей мысли, «целью построения баланса народного хозяйства является фиксация той системы *подвижного равновесия*, в которой протекает процесс воспроизводства народного богатства страны, или, говоря шире, воспроизводство ее производительных сил за данный отрезок времени», а поскольку этот процесс протекает в условиях, «где различные социальные уклады хозяйства и представляющие их классы борются между собой за существование», то «баланс народного хозяйства должен отобразить в себе также и состояние *подвижного равновесия* этих конкурирующих между собой *социальных укладов*, удельный вес каждого из них в общей системе и то *перераспределение этих весов*, какое может быть зафиксировано на данном отрезке времени» [3]. Таким образом, нашей задачей в этих балансовых построениях было выявить *динамическое равновесие борющихся социальных сил*, чтобы соответствующим плановым воздействием обеспечить необходимое нам перераспределение производительных сил страны в интересах социализма, т. е., чтобы толкнуть чашу колеблющихся весов в сторону идеалов пролетариата.

Представители «независимой науки», устами которых, как известно, всегда вещает сама объективная истина, предпочитали иную трактовку баланса. Для них этот баланс представлял интерес прежде всего с точки зрения *рыночного* равновесия. Мотивируя необходимость составлять перспективный план «в виде более или менее разработанного перспективного *баланса народного хозяйства*», Базаров исходил из того, что в противном

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 13, д. 2, л. 1.

[2] См. соответствующий доклад «К хозяйственному плану на 1921/22 г.» в «Экономической жизни» от 22 июля 1921 г.

[3] С. Струмилин. О методах построения баланса народного хозяйства и, в частности, народного дохода (Тезисы доклада). «Вестник статистики», 1927, № 1, стр. 56.

случае, независимо от наличности самых солидных технических расчетов, «мы никогда не можем быть уверены в *экономической реальности* этих технических возможностей, в том, что народное хозяйство данного строения, действительно, в состоянии *реализовать свою продукцию на рынке*» [1]. Итак, экономическая реальность наших планов поверяется шансами рыночной реализации проектируемой продукции. И, стало быть, доминирующей высотой народнохозяйственного баланса является *рыночный* баланс спроса и предложения.

В каком почете эта идея рыночного равновесия была у наших плановиков из буржуазного лагеря и к каким она приводила практическим выводам, можно убедиться на ряде весьма красочных примеров. Так, например, еще весной 1922 г., несмотря на гигантский размер недопроизводства в стране и отчаянный товарный голод в городе и деревне, Промсекция во главе с проф. Калинниковым разработала «Основные положения по составлению промышленного плана на 1922/23 г.», где читаем буквально следующее: «Производственный план не должен отвечать теоретической потребности в фабрикатах государства и населения, а *должен точно соответствовать покупательной их способности*... Указанное требование должно быть признано *основным*, так как всякие отклонения от него будут сопровождаться фактически *перепроизводством* и кризисом в сбыте со всеми из сего вытекающими последствиями в виде остановки предприятий, безработицы и т. п.» Возможное «расширение» плана по этому документу «*регулируется* потребительской *емкостью рынка*, т. е. покупательной способностью населения, и ценою товаров, *способной выдерживать конкуренцию на рынке с товарами частных предприятий и ввозимыми из-за границы*» [2].

В этой концепции нэпа, по которой не план ограничивает стихию рынка, а, наоборот, рынок целиком и полностью «регулирует» план, все характерно. И полное забвение монополии внешней торговли, ограждающей нас от заграничной конкуренции, и крайняя переоценка конкурентоспособности отечественных частных предприятий и смехотворное запугивание перепроизводством и безработицей в условиях 1922 г., и в особенности радикальный рецепт для предупреждения этих бедствий, по которому «предприятия, для госэксплуатации *нерентабельные* или *неинтересные*... сдаются в аренду, либо закрываются» [3]. Почему сданные в аренду предприятия уже не угрожают перепроизводством, а закрытые — безработицей, это, конечно, секрет изобретателей. Но все такие секреты легко расшифровываются. Сдача в аренду частникам государственных предприятий, чем бы она ни мотивировалась, в условиях товарного голода и *сдерживаемых* темпов расширения госпромышленности объективно могла иметь только одну задачу: дать первый толчок росткам возрождения и пышного расцвета капитализма на советской почве.

Впрочем, этот замысел, как и многие другие, не увенчался успехом. В 1921 г. мы, действительно, начали свою плановую работу с концентрации производства на резко суженном круге *избранных* предприятий, наиболее крупных и наименее пострадавших от разрухи, передав все остальные временно на консервацию. Но это вынуждалось не страхом перепроизводства, а недостатком материальных ресурсов (продовольственных, сырьевых и прочих) для пуска в работу полным ходом большего числа производственных единиц. Во все следующие годы мы уже, как известно, получили возможность энергично расширять круг действующих предприя-

---

[1] См. уже цитиров. доклад от 21 ноября 1923 г. ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 138. л. 112. Курсив наш.— *С. С.*

[2] И. Калинников. Промышленный план и его осуществление. «Бюллетени Госплана», вып. 3—4, 1923, стр. 24. Курсив наш.— *С. С.*

[3] Там же, стр. 25. Курсив наш.— *С. С.*

тий сначала за счет консервированных, а затем и вновь выстроенных производственных единиц. Таким образом, рецепт проф. Калинникова уже в 1922 г. оказался совершенно беспочвенным. Что же касается частников, то все они — будь то арендаторы или собственники капиталистически организованных предприятий — оказались на деле слишком слабыми конкурентами крупной социалистической промышленности и постепенно исчезли с поля борьбы, отнюдь не оправдав возлагавшихся на них сменовеховских надежд и вожделений.

* * *

Идеологи буржуазии, нашедшие себе приют в плановых органах, в своей ориентировке на могущественную роль рынка имели в виду реставрационное воздействие на советский строй через рынок не только русского, но и более мощного международного капитала. Это влияние мыслилось по двум руслам: по линии международных займов на восстановление (читай реставрацию) советского народного хозяйства, и по линии концессионных внедрений в него иностранного капитала.

Чтобы толкнуть Госплан на эту дорогу, нас обычно запугивали крайне мрачными оценками настоящего и не менее пессимистическими прогнозами на ближайшее будущее советского хозяйства. В качестве образчика этого метода воздействия укажем один из многих докладов Громана — о «Состоянии народного хозяйства республики и его ближайших перспективах» от 3 марта 1922 г., во время подготовки Госплана к Генуэзской конференции. Краткое резюме этого доклада сводится к следующему: «Регрессивная линия развития народного хозяйства России продолжается... По сравнению с прошлым годом недобрано 300—400 млн. пудов хлеба, которые необходимо ввезти из-за границы. Денег ни у кого нет, и торговля парализуется. Общее экономическое *разложение страны продолжается и усиливается.* Чтобы превратить регрессивную линию развития в прогрессивную, необходимо иметь *10 миллиардов золотых рублей в течение 3 лет.* Эти деньги можно достать путем *действительной связи* русского народного хозяйства с мировым» [1].

Под «действительной» связью советского хозяйства с мировым здесь, очевидно, надо было понимать такую, которая своей предпосылкой предполагала признание и обязательство уплаты долгов старого режима империалистам, отказ от монополии внешней торговли и тому подобные «пустячки», без которых мы не могли, конечно, рассчитывать на получение 10 млрд. от капиталистической Европы. Но едущие в Геную советские представители получали от Громана сильную психологическую зарядку в сторону максимальной уступчивости, ведь на чашу весов этот авторитетный в советских кругах, «заслуженный» ученый бросал такую гирю, как «усиливающееся» экономическое *разложение страны.*

Теперь нам хорошо известно, что 1921/22 год, несмотря на голод, был годом решительного перелома в сторону *оздоровления* страны. Достаточно напомнить, что за этот год по сравнению с предыдущим валовая продукция планируемой промышленности возросла на 52%, а годовая выработка среднего рабочего — на 92%. Такие показатели едва ли свойственны «регрессивной линии» разложения. Но весной 1922 г. мы не располагали еще такими данными. А факт голода, отмеченный Громаном, был неоспорим. И спекуляция на этом факте стихийного народного бедствия в пользу укрепления «мировых связей» могла производить сильное впечатление. Однако, несмотря на большой темперамент выступлений Громана, его пессимизм и тогда уже не пользовался большим кредитом. К нему прислушивались, но не переоценивали. Получить в Генуе миллиарды ценой

---

[1] «Хозяйственное строительство» («Бюллетени Госплана»), № 2, июнь 1922 г., стр. 88. Курсив наш.— *С. С.*

капитуляции не добивались. А хозяйство все же восстановили и подняли на такую высоту, о какой Громан даже с перспективой позаимствованных у капиталистов миллиардов и не грезил.

Конечно, «благодетельного» воздействия на большевиков через усиление мировых связей и возрастание зависимости СССР от мирового капитала чаял в Госплане не один Громан. Еще ярче эти чаяния проявлялись иной раз в инженерских кадрах Госплана.

Общий тон соответствующих выступлений — это усиленное подчеркивание *необеспеченности* наших восстановительных планов необходимыми для этого внутренними ресурсами.

При обсуждении первого перспективного плана металлургической промышленности за 1923/24—1927/28 гг. раздавались, например, такие речи. Докладчик от Промсекции инженер Р. Я. Гартван, характеризуя оба представленных варианта плана, подчеркивал довольно цинично и основную черту их сходства: «Общее же в этих обоих вариантах... что и для того, и для другого варианта *денег не хватит*»,— а представитель от ВСНХ поддерживал Гартвана против предложения расширить число пускаемых по плану домен в таких выражениях: «*Места для оптимизма фактически нет... наступает момент чугунного голода...* относительно пуска Краматорской домны, я не возражал бы против пуска какой бы то ни было домны, которая будет снабжаться *частным капиталом*, но я против пуска домны за счет государственных средств потому, что это противоречит планам концентрации» [1].

Чтобы расшифровать эту установку до конца, необходимо учесть, что в Советской России к тому времени не было таких частных капиталов, которые могли бы арендовать целые металлургические заводы, и что, стало быть, речь шла об иностранных концессиях.

Мы знаем, что привлечение концессионного капитала для работы в Союзе на известных условиях и в известных пределах входило и в нашу официальную программу нэпа. Но очень характерно, как трактовала в этой части программу нэпа буржуазная интеллигенция. На процессе промпартии инженер Ларичев показывал: «В этом отношении постановление Советского правительства признавалось тоже *как уступка*, как невозможность вести своими силами народное хозяйство и в то же время рассматривалось как возможность *мирной интервенции* путем широкого внедрения концессионного капитала внутрь страны. При этом рассчитывали, что вот, мол, наряду с советскими предприятиями будут существовать концессионные предприятия, и *тут-то сразу и выявятся разница и преимущество ведения капиталистического метода хозяйства* перед тем методом, который намечался Советской властью» [2]. «В конце восстановительного периода...— признавался на том же процессе другой специалист, проф. Калинников,— когда Советская власть объявила широкую программу сдачи в концессию промышленных предприятий... мы, инженеры и экономисты Госплана, *с охотой стали поддерживать новую политику* Советской власти, уверенные, что эта политика будет первым шагом к *завоеванию нашей страны иностранным капиталом*» [3].

В этих откровенных признаниях не достает, однако, одного момента. Буржуазные специалисты не только охотно «поддерживали», но и сами усердно толкали нас на путь широчайшей концессионной политики. Сошлемся хотя бы на специальный доклад в районной секции Госплана небезызвестного в буржуазных кругах инженера А. А. Свицына в начале 1923 г. о восстановлении металлургии юга России. Его план сводился к пуску за счет государства из 18 южных заводов только двух и мотивировался тоже аргументами от емкости рынка и дефицитности этих

[1] ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 133, л. 39, 42, 43. Курсив наш.— *С. С.*
[2] «Известия», 27 ноября 1930 г. Курсив наш.— *С. С.*
[3] «Известия», 28 ноября 1930 г. Курсив наш.— *С. С.*

заводов в руках государства. «Дефицит заводов,— по Свицыну,— выражается в 30 млн. золотых рублей. Ввиду *сокращения спроса* на металлы в РСФСР до 12,5 млн. пудов в год и современных (читай: советских) условий производства в руках государства следует удержать те заводы, которые смогут обслуживать *спрос* на все сорта железа. Такими заводами являются Юзовский и Екатеринославский... о пуске других заводов в настоящее время не может быть *речи, остальные заводы следует изъять из объединения и наметить в отдачу их концессионерам»* [1].

Ссылка на отсутствие спроса для пуска прочих заводов, очевидно, мало гармонировала с предложением передачи их концессионерам. Концессионеры, интересы которых, как теперь хорошо известно, представлял тогда сам инженер Свицын, конечно, рассчитывали что-нибудь «заработать» на этом деле, а не благотворительствовать советской казне, значит, и они, и Свицын ясно предвидели неизбежное в условиях восстановления хозяйства огромное расширение рынка. Но именно поэтому план «концентрации», к которому они склоняли нас в Госплане, был, собственно говоря, планом «концентрации» почти всех гигантов советской металлургии в руках *бывших собственников этих заводов,* уплывших после революции в заграничные «палестины». И мы с огромным удовлетворением можем отметить тот факт, что и этот вредительский план, как и многие другие, потерпел жалкое фиаско. Собственными средствами, без всякой помощи извне, мы восстановили все старые заводы и строим новые гиганты. Дефициты, которыми нас пугал Свицын, давно забыты. «Спрос» неизменно превышает «предложение». А бывшие собственники, не получив ни одной концессии в этой области, не окупили даже тех затрат, которые они вложили в финансирование вредительства в Стране Советов. Это предприятие во всяком случае оказалось для них не только малорентабельным, но, можно прямо сказать, сплошь дефицитным.

При обсуждении промышленной пятилетки Калинникова (на 1923/24—1927/28 гг.) в декабре 1923 г. мы слышали аналогичные выступления, только вместо концессий нас здесь соблазняли перспективой заграничных займов.

План был построен так, что для его выполнения предусматривались дотации промышленности в размере до 400 млн. руб. При этом никаких источников для покрытия этих дотаций в плане не указывалось. Известный горный инженер Пальчинский довольно резко обрушился по этому поводу на составителей плана. «Здесь не имеется,— возражал он им,— *фона для плана*, который показал бы, при каких условиях развивается этот план... нет *самого главного*, что в течение пяти лет мы никаких *получений извне* не будем иметь». И, настаивая на исправлении этой ошибки, предлагал: «...ввести тот основной ориентировочный фон... что вы можете с известного периода рассчитывать на получение того или иного капитала» [2].

Толкая на политику внешних займов, как самый главный и *основной* фон, на котором только и может развиваться наше хозяйство, этот откровенный враг в достаточной степени выявил свою духовную нищету. Ослепленный жгучей ненавистью и презрением к новому пролетарскому обществу, он даже в 1923 г., после двух лет решительного хозяйственного подъема, не видел вокруг себя тех внутренних сил, за счет которых мы столь быстро уходили из состояния разрухи.

Но иногда нищета духа подобных выступлений доходила до последнего предела. Мы имеем в виду выступление инженера Якуба по поводу той же пятилетки Калинникова. Начав с того, что он «большой оптимист», этот оратор выступил с такой концепцией: «Когда началась новая экономи-

---

[1] «Бюллетени Госплана», вып. 2, 1923, стр. 66—67. Курсив наш.— *С. С.*
[2] ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 138, л. 390. Курсив наш.— *С. С.*

ческая политика, тогда все хозяйство пришло в движение». За счет сохранившихся остатков сырья и материалов «кривая росла и росла». Но «теперь во многих трестах это сырье кончилось. На местах говорят, что вот мы увеличили продукцию, *но сбыта для нее нет*, потому что нет покупательной способности... *страна обнищала... уничтожены все ценности*, которые накоплены за десятки и сотни лет. Поэтому, если мы теперь хотим накапливать ценности, то это *накопление нужно производить десятки и сотни лет* (реплика Кржижановского: Вот так оптимист!). Очевидно,— продолжал, не смущаясь никакими репликами, оратор,— что тут нужно сделать вложение каких-то средств. *Если государство думает держать в своих руках эти предприятия, то оно должно дать финансы*... Но мне кажется, что этого государство сделать в настоящее время не в состоянии и что *нам нужно прибегнуть к американскому дядюшке*. А такой американский дядюшка в действительности имеется. Америка к России относится очень благожелательно (?!), и если хорошо поговорить с Америкой, то, вероятно, возможно будет *устроить там заем* и вложить его в промышленность» [1].

Осенью 1923 г. у нас, действительно, наметилось некоторое затоваривание, на котором спекулировал в данном случае в качестве коммивояжера американского капитала инженер Якуб. Но этот кратковременный кризис сбыта был совершенно случайным явлением на советской почве. Выпущенные на хозрасчет наши тресты, оказавшись на время без узды, слегка «перенэпили». Увлекшись хорошей конъюнктурой, наши хозяйственники в погоне за высокими прибылями повели себя совсем «по-хозяйски» (в капиталистическом смысле этого слова), т. е. стали вздувать цены. Но стоило лишь исправить твердой рукой эти перегибы путем более жесткой кредитной политики Госбанка и государственного нормирования отпускных цен, как пресловутый кризис сбыта за пару месяцев совершенно рассосался и больше не появлялся на советской почве.

Совет «хорошо поговорить» с американским буржуазным дядюшкой господ Якубов нам не пригодился. Выторговать у него чечевичную похлебку займов ценою отказа от социалистических путей развития мы, вероятно, могли бы. Но такого рода «оптимистические» чаяния буржуазных специалистов не заключали в себе для нас ничего соблазнительного. Первая Страна Советов не могла поступиться своим социалистическим первородством ни за какие чечевичные похлебки буржуазии.

Конечно, не все идеологи буржуазии выявляли в Госплане столь ярко свою готовность выполнить роль сводни мирового капитала с советской промышленностью, как вышеназванный коммивояжер американского дядюшки. Но иногда их откровенность в раскрытии своей классовой идеологии достигала кристаллической ясности. Тот же инженер Гартван, о котором уже упомянуто было выше, при обсуждении металлургической пятилетки довольно упорно ссылался на «организационные» причины развала металлургии юга России. И когда представитель ВЦСПС Розенталь попросил его объяснить, что, собственно, он разумеет под этими организационными причинами, то Гартван на этот «коварный» вопрос ответил следующей декларацией.

«Хотя нам все говорят, что эпоха военного коммунизма изжита, но все-таки воинствующие коммунисты еще имеются налицо и поэтому по вопросам, интересующим тов. Розенталь, *не безопасно говорить откровенно*. Но я скажу, что я имел в виду... *В прежнее время* управляющий заводом, *директор знал своего хозяина и дорожил интересами промышленного предприятия* и интересами своего хозяина, а сейчас, скажите, пожалуйста, государство ведь взяло в *свои* руки предприятия, *оно* хозяин, а знает ли директор своего хозяина — государство? Соблюдает ли он его интересы?

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 138, л. 338. Курсив наш.— *С. С.*

Профсоюзы и заводские комитеты и пр. вмешиваются в промышленное хозяйство и мешают его поставить так, как следует... Государство объявляет лозунг государственный *капитализм... Зачем же душить* частные предприятия? Ведь они помогают этому государственному капитализму... Вот я и говорю: дайте возможность промышленности в здоровой обстановке работать. Это *организационные и политические* причины, которые нам в этом мешают» [1].

В этом выступлении прежде всего очень характерна элегическая тоска Гартвана по доброму старому времени, когда каждый директор знал своего хозяина и потрафлял ему, следуя библейскому правилу: знает осел ясли своего господина. Признать это время невозвратным и пойти на службу к новому, коллективному хозяину в лице тех рабочих, которыми он издавна привык помыкать и которые не припасли еще для него достаточно наполненных яслей, он, конечно, не торопился. Несомненно, Гартван протестовал здесь не только против организационных, но и против политических условий работы промышленности в СССР. Однако характерно, что и те, и другие как будто являлись, по его представлению, уже только *пережитками* военного коммунизма. И протестуя против них во имя нэпа, провозгласившего (?) новый «лозунг государственного капитализма», он считал себя на твердой почве закона. И контроль общественных организаций за производством, и всякие ограничения частного предпринимательства при общем «курсе на капитализм», хотя бы и государственный, трактуются им просто как извращение нэпа и явная непоследовательность большевиков. И потому у него так свободно, во всю грудь вырывается этот вопль наболевшего сердца: «Зачем же душить частные предприятия»!

Теперь нет нужды анализировать природу такой наивности и спрашивать себя: чего было больше в этом выступлении, классовой ограниченности или классовой озлобленности матерого прислужника буржуазии. Нужно лишь заметить, что в своей трактовке нэпа как *курса* на государственный капитализм Гартван был не одинок. Ту же концепцию защищал и проф. Кондратьев, и другие, не столь уж наивные люди [2]. И нужно думать, что не наивность, а классовая слепота заставляла их усматривать в нэпе только то, что им хотелось, закрывая глаза на все остальное.

Теперь, после ряда гласных судебных процессов об активном вредительстве все такие выступления приобретают новую окраску и невольно думаешь, где же это была наша классовая бдительность, почему это вредительство не было раскрыто гораздо раньше? Но, вспоминая обстановку момента, можно привести все же и некоторые смягчающие вину обстоятельства. Прежде всего все эти годы мы работали в обстановке очень больших хозяйственных достижений в стране. Перед лицом этих успехов трудно было заподозрить прямую измену в том хозяйственном штабе, который планировал преуспевающее хозяйство. Что же касается словесных выступлений Громанов, Гартванов и К°, то их сугубая «откровенность» казалась нам иной раз даже известным достоинством. Полезными Госплану могли ведь быть только те буржуазные специалисты, которые, при всей своей буржуазной ограниченности, говорили нам без утайки и лицемерия все, что они думали. А если еще вспомнить, что вредительская болтовня буржуазных идеологов велась почти все время на фоне очень широких внутрипартийных дискуссий, причем партийные оппортунисты нередко устанавливали такие рекорды в этом отношении, перед которыми бледнели самые яркие выступления Громанов и Кондратьевых, то *притупление нашего внимания* к этим последним станет еще более понятным.

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 133, л. 40. Курсив наш.— *С. С.*
[2] Там же, д. 231, л. 301.

* * *

Куда нас должны были толкать в области методологии планирования окружающие нас идеологи типа Гартванов и Кондратьевых, мы уже видели не один раз.

Не имея возможности останавливаться здесь на этом подробно, поскольку методология планирования представляет собою вполне самостоятельную и очень большую тему, мы все же должны хотя бы вкратце отметить наиболее важные этапы нашей борьбы с буржуазными влияниями на этом фронте.

Начнем с идеи емкости рынка как автоматического *регулятора* наших производственных программ и планов. На первом этапе нашей плановой работы эта идея, целиком заимствованная из сферы капиталистических отношений, не раз выдвигалась у нас как высшее проявление плановой мудрости против всяких широких программ и смелых замыслов. В подкрепление этой чуждой нам установки появились тотчас же и соответствующие статистические расчеты. Буржуазная идеология в статистике была, конечно, все та же, что и в планировании.

Проф. Л. Н. Литошенко, вооружившись до зубов данными бюджетной статистики, в два счета определил годовую емкость крестьянского рынка Советской республики на промышленные изделия за 1921/22 г. в 325 млн. «золотых» рублей и за 1922/23 г.— в 318 млн., т. е. *раз в семь* ниже довоенного уровня. Завершалась же работа названного представителя «независимой» науки весьма ответственным прогнозом, что и в наступающем 1923/24 сельскохозяйственном году количественное выражение крестьянского спроса на продукты промышленности *«не превзойдет достигнутого уже уровня»* [1]

Можно себе представить, какую пищу представляли собой такие прогнозы для ума и сердца плановиков типа Пальчинского, Калинникова и К°. Однако проф. Литошенко сразу же получил резкий отпор со стороны плановиков-коммунистов. Вскрыв у этого «ученого» целый ряд грубейших ошибок, нам удалось тогда же доказать, что емкость крестьянского рынка на промышленные изделия уже в 1922/23 г. достигала около 957 млн., а на 1923/24 г. ее нужно оценивать по меньшей мере в 1530 млн. товарных рублей, т. е. раз в *пять* выше прогноза проф. Литошенко. Показав на этом примере, «каким махровым цветом в нашей красной республике цветет белая микромания оценок нашей действительности и наших достижений», мы пошли дальше. И теоретически мы не могли переоценивать в советских условиях рынок как регулятор наших планов. Планомерно воздействуя и на уровень цен городской и сельской продукции, и на уровень зарплаты, мы сами произвольно повышаем или понижаем в очень широких размерах емкость нашего рынка.

Впрочем, скоро бешеный рост емкости этого рынка, перекрывший даже огромные темпы роста нашего производства, показал на деле, какие необъятные возможности заложены в «природе» советского хозяйства. Вульгарные идеологи и апологеты капитализма вынуждены были отступить или перевооружиться. Но на смену им уже шли гораздо сильнее вооруженные теоретики из числа бывших марксистов. Проф. Литошенко завял. Вместо его микрооценки перспектив нашего рынка и угроз кризисом сбыта появился новый жупел. Нас стали пугать перспективой перманентного товарного голода.

Осуждая резко выраженный уклон в сторону эмпиризма наших плановиков и поставив перед собой задачу «опереть перспективное планирование на какую-либо общую теорию хозяйственного развития», Базаров еще в 1926 г. выдвинул со своей стороны следующую теорию.

---

[1] Л. Н. Литошенко. Крестьянский бюджет в 1922/23 г. Изд. ЦСУ. М., 1923, стр. 57 Курсив наш.— *С. С.*

В современных плановых заявках ведомств, по его словам, «в качестве последнего звена, *определяющего собой все остальное*, непременно найдете заявки, рассчитанные... на «вольный» *рыночный спрос*. Перспективы же вольного спроса немыслимо учесть иначе, как на основе некоторой «абстрактной» теории народнохозяйственного развития». В основу такой теории Базаров кладет известные схемы расширенного воспроизводства Маркса, чтобы «построить, опираясь на них, развернутый народнохозяйственный баланс и *вскрыть законы равновесия* хозяйственной системы» или, как у него это еще выражено иначе, «чтобы вскрыть основные *условия рыночной реализации*, т. е. условия того... *равновесия* хозяйственной системы, которое мы стремимся отразить в балансе народного хозяйства» [1]. В результате своего анализа, повторив довольно много известных всякому марксисту истин о противоречиях капитализма, влекущих за собой кризисы перепроизводства, Базаров ставит новый вопрос об уровне и типе того равновесия, «к которому *стихийно* (!) стремится *наше* возрождающееся хозяйство» [2], и довольно неожиданно дарит нас таким обобщением.

«В настоящую «переходную эпоху» нашей системе хозяйства *присуще прямо противоположное противоречие*... Если над старым миром дамокловым мечом нависает кризис перепроизводства, то горизонты советского хозяйства то и дело омрачаются угрозой товарного голода, кризиса недопроизводства. В настоящее время все яснее становится, что основная «диспропорция», мешающая нашему хозяйству достигнуть подвижного равновесия на довоенном или близком к довоенному уровне, заключается именно в этом *перманентном* отставании общественной продукции от общественного спроса. Обычно возникновение товарного голода объясняют теми или другими частными ошибками экономической политики последнего времени. Я менее всего склонен отрицать такого рода ошибки. Но если бы даже никаких ошибок не было, если бы наши директивные органы были всеведущи и идеально предусмотрительны, товарный голод был бы лишь несколько смягчен в своих наиболее острых проявлениях, но не устранен в корне» [3].

Таков основной вывод теории, на которую нашим узким эмпирикам, по Базарову, надлежит «опереть перспективное планирование». Но в чем же их задача? Планировать бескризисное развитие им не дано, ибо кризисы недопроизводства по новой теории представляют совершенно неизлечимый, органический порок советского хозяйства. Никакая плановая предусмотрительность, по свидетельству Базарова, помочь тут не может. Горбатого могила лишь исправит. Планировать же перманентный товарный голод, предуказанный теорией Базарова, как будто не стоит труда, ибо он, очевидно, и без того обеспечен стихийными силами, присущей нашей системе «имманентной закономерности».

Какое же *теоретическое обоснование* нашел Базаров для своего тезиса о перспективах перманентного товарного голода в нашем хозяйстве? И в чем истинная подоплека этой теории? К сожалению, на этот вопрос мы тщетно бы стали искать у него ответа.

Как раз этот основной тезис Базарова постулируется им как-то слишком «легко и изящно», без всякой аргументации. Схемы Маркса, равно применимые по Базарову и к капиталистическому, и к плановому хозяйству, очевидно, могут вместить в себя совершенно противоположные противоречия, присущие тому и другому, а потому из них вывести неизбежность такой специфической особенности планового хозяйства, как хрони-

---

[1] В. А. Базаров. Капиталистические циклы и восстановительный процесс в СССР. ГИЗ, 1927, стр. 5—7; его же. «Кривые развития капиталистического и советского хозяйства». «Плановое хозяйство», 1926, № 4, 5, 6. Курсив наш.— *С. С.*

[2] В. А. Базаров. Капиталистические циклы и восстановительный процесс в СССР, стр. 97.

[3] Там же, стр. 99. Курсив наш.— *С. С.*

ческие кризисы недопроизводства, нет возможности. Указание на то, что диктатура буржуазии ведет к ограничению потребления трудящихся масс, а диктатура пролетариата — к их росту, несмотря на всю его справедливость, не решает вопроса, ибо рост этих потребностей может идти и в ногу с ростом производства, отнюдь не обгоняя его. А других аргументов у Базарова нет. Остается одно допущение, что теоретический тезис Базарова является просто слишком поспешным обобщением его эмпирических наблюдений за текущей конъюнктурой, ростом зарплаты, темпами производства и т. д. И вся его беда в том, что, отвлекаясь от анализа природы планового хозяйства под влиянием своих реставраторских устремлений, он чересчур поторопился со своими легковесными обобщениями конъюнктурного опыта в непреложный закон развития данной системы хозяйства. «Уже один внешний вид кривой зарплаты,— восклицает он в увлечении своими конъюнктурными кривыми,— показывает, что в итоге взаимодействия между закономерностью, имманентной внутренней природе данного социального процесса, и теми внешними воздействиями со стороны других элементов хозяйственного целого, которые стремились отклонить процесс на иной путь, решительный перевес оказался на стороне имманентной закономерности» [1]. Раскроем философские псевдонимы этой тирады. «Имманентная закономерность» — это мощь рыночной стихии, «внешние воздействия» — это наши плановые мероприятия. А причина торжества — это «решительный перевес» стихии над планом на данном участке времени в области регулирования спроса и предложения.

Торжество это, однако, слишком преждевременно. Кривая Базарова не вывозит его из болота ползучей эмпирики. Преувеличивать мощь базаровских «имманентных закономерностей» в *плановом* обществе мы не имеем оснований. Проблема рыночного равновесия определяется соотношением таких величин, как размер производства, цены, зарплата, налоги, займы, эмиссия и т. д. «Все эти элементы,— как сказано в нашей пятилетке,—определяющие в последнем счете соотношение спроса и предложения, *поддаются* плановому регулированию. Поэтому, если в тот или иной момент мы переживаем кризис сбыта или товарный голод, то это следует рассматривать не в качестве какой-то *вне нас* стоящей объективной необходимости, а лишь как практически очень сложную плановую задачу, с которой мы до сих пор еще не всегда умеем справляться» [2].

Мы не можем здесь останавливаться на других теоретических «достижениях» буржуазной идеологии в методологии планирования. Сюда относятся и струвианский «примат развития производительных сил» над целевой установкой движения к социализму Громана и его же «примат генетики над телеологией» и базаровские выступления по поводу «поверхностной индустриальной экспансии» и «автаркической концепции», усмотренной им в нашей политике индустриализации, и многие другие попытки обстрела нашей генеральной линии, хуже или лучше замаскированные малопонятной философской терминологией и тому подобными эзоповскими приемами. Все они обычно встречали весьма энергичный отпор в Госплане, и потому распространяться здесь на эту тему нет надобности.

Большего внимания заслуживают попытки выдвинуть в качестве ведущего звена в планировании сельское хозяйство с его индивидуалистическим сектором. Впервые эту идею выдвинул все тот же Базаров в своем докладе о методологии перспективного планирования от 21 ноября 1923 г. Предлагая начинать проектировку плана с сельского хозяйства, он мотивировал это тем, что здесь наиболее применим так называемый «*генетический метод*». Сельское хозяйство есть область, подчеркивал Базаров,

---

[1] В. А. Базаров. Капиталистические циклы и восстановительный процесс в СССР, стр. 153.

[2] «Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР», изд. 2, т. II, ч. 2. М., 1930, стр. 39. Курсив наш.— *С. С.*

которую мы непосредственно планировать *не можем.* «Здесь приходится исходить из эмпирических нормативных *кривых развития*», говорил он, имея в виду метод экстраполяции от прошлого к будущему. «Мы должны взять *как факт* платежеспособный спрос крестьянина и *на этой основе* конструировать перспективу развития индустрии» и т. д. Конечно, эту счастливую идею тотчас же подхватил Кондратьев: «С одним положением В. А. (Базарова) я согласен, что за *отправную базу* при построении перспективного плана я бы взял *сельское хозяйство.* По двум соображениям: потому что оно достаточно *устойчиво* по своей природе, во-первых, и потому, что оно находится в меньшей *нашей власти, чем промышленность*» [1].

Соображения, как видите, чрезвычайно убедительные. Отправляться в построении плана с того участка, где в наибольшей мере царит косная частнохозяйственная стихия, чтобы затем по законам цепной связи сконструировать и работу наиболее социализированных участков народного хозяйства — это значило бы обеспечить перевес рыночной стихии над планом во всем народном хозяйстве. Но, конечно, если в борьбе этих начал все «бывшие люди», от экс-народников до экс-большевиков, дружно становились на сторону стихии, то все настоящие революционеры и социалисты должны были стать на позицию защиты плана против стихии. И мы с удовлетворением можем отметить, что в нашей практике, несмотря даже на известные аграризаторские уклоны в самой коммунистической среде, ведущим началом и отправной точкой перспективного планирования всегда была социалистическая индустрия, а не индивидуалистическое крестьянское хозяйство. «Крестплан» Сокольникова никогда не пользовался большим успехом в Госплане [2].

В противовес идее Базарова и Кондратьева уже в черновых проектах пятилетки вполне четко была сформулирована прямо противоположная идея: «Учитывая характер взаимозависимости отдельных элементов общего плана, мы признали *наиболее рациональной* в наших условиях следующую последовательность в проектировке и рассмотрении специальных планов по отдельным отраслям народного хозяйства: 1) промышленность, 2) сельское хозяйство...» и т. д. Начинать с промышленности проектировку рекомендовалось там «уже потому, что при нашем курсе на индустриализацию страны именно она должна стать тем передовым и *ведущим* звеном нашей экономики, движение которого будет определять собою динамику и всех других связанных с ним звеньев» [3]. В практике нашего планирования была осуществлена именно эта методологическая установка. И нам кажется, что, несмотря на все наши промахи и ошибки, правильная линия в этом основном вопросе обеспечила нам не только бешеные наскоки с обвинениями в «сверхиндустриализаторстве» со стороны буржуазных экономистов типа Кондратьевых и Макаровых на все наши, даже наиболее скромные, черновые проектировки, но и заслуженный успех того «Пятилетнего плана», который явился окончательным продуктом работ Госплана и послужил столь мощным рычагом социалистической реконструкции.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что буржуазные влияния в Госплане охватывали все стороны его деятельности. Перед нами в изучаемой области проходит очень пестрый круг деятелей и по своему социальному составу (от бывших предпринимателей до бывших большевиков) и по своему идеологическому вооружению (от самых вульгарных апологетов капитализма до самых тонких идеологов буржуазии). Но все же объек-

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 138, л. 113, 102, 98. Курсив наш.— *С. С.*

[2] См. нашу полемику с ним на тему «Госплан или «крестплан» в наст. издании, стр. 156—161.

[3] «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.», М., 1927, стр. 1—7; С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы, изд. 2. М., 1930, стр. 413

тивно они все оказались в одном и том же лагере, по ту сторону баррикады. И для нас уже не играет большой роли, что одни из них, может быть, продавались буржуазии за деньги, а другие предавали ей пролетариат совершенно «бескорыстно». Духовное родство Пальчинских и Свицыных с Громанами и Кондратьевыми остается при всех условиях самым тесным и неоспоримым. Но эта духовная связь, это сродство душ, или, говоря иначе, идеологическое сращивание, можно проследить и дальше — к тем правооппортунистическим элементам в стране, которые, как известно, играли роль кулацкой агентуры в нашей партии. Идеологическое окружение, в котором нам приходилось жить и работать, не могло не оказать своего тлетворного влияния и в практике и в теории планирования. Громан и Кондратьев «экспертно» раздували тезис о тяжкой участи эксплуатируемой деревни в СССР[1], а «левые» оппортунисты в нашей партии, приняв эту экспертизу на веру, возвели ее в целую «теорию» первоначального социалистического накопления за счет деревни и пытались осуществить ее на практике путем крайне вредной политики повышения отпускных цен ВСНХ. Громан и Базаров создали теорию «стихийного восстановительного процесса», в котором «содействуя *развитию производительных сил*, государственная власть,— по их словам,— была *вынуждена* (?) пойти на *развязывание кулацкого хозяйства*». И, дав крайне *механистическую* трактовку идеи хозяйственного равновесия, они широко использовали в ней пресловутый богдановский «закон минимума», развернутый в целую серию «лимитов», обеспечивающих «затухание» темпов нашего развития[2]. А правые оппортунисты в нашей партии и в своем *отношении к судьбам кулацкого хозяйства* и в тенденции к *равнению по минимумам* в нашем строительстве как будто нарочно стремились *оправдать на практике* «абстрактную» теорию названных идеологов.

И замедленные темпы во многих проектировках, опереженные жизнью, и многие теоретические «крестплановские» и прочие уклоны, выправленные партией, несомненно, вырастали из этой классово чуждой нам среды. Они черпались из вышеуказанного идеологического окружения. Хуже всего, пожалуй, было то, что повседневная практическая работа мешала нам поднять на должную высоту *теорию* планирования. Лишь этим вынужденным эмпиризмом в работе можем мы себе объяснить теперь, оглядываясь назад, почему в нашей среде проходили зачастую незамеченными — без должного и своевременного отпора — очень многие явно вредные, если не прямо вредительские идеи.

В годы нэпа, если у нас и создавались исследовательские ячейки, то во главе их неизменно оказывались экономисты типа Кондратьевых и Гинзбургов. Во всех «экспертных советах» преобладающее влияние отдавалось все тем же Громанам, Кондратьевым, Гинзбургам и К°. Здесь они очень авторитетно экспертировали и прошлое и будущее. И, как это ни странно в наш материалистический век, выступали они в этой роли «квалифицированных», по выражению Базарова, «пророков за повышенное вознаграждение» не без успеха. На академической кафедре им было обеспечено почетное место, в плановой работе — выдающееся значение. Но все это уже давно пройденный этап. А мы идем все дальше. С каждым годом в стены Госплана вливались новые кадры коммунистов, и в опыте повсе-

[1] См., например, доклад Громана «О балансе народного хозяйства за 1922—23 г.», где он доказывал, что «деревня купила у города продуктов на 450 милл.. а город потребил продуктов деревни на 1 миллиард, т. е. на 550 милл. больше» (ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 138, л. 104), и выступление Кондратьева на съезде плановиков весной 1927 г. о том, что благосостояние крестьянина ныне «вдвое ниже довоенной нормы» (С. Струмилин. Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы, стр. 515).

[2] В. Г. Громан. Сводный доклад о контрольных цифрах народного хозяйства 1925/26 г. и В. А. Базаров. Капиталистические циклы и восстановительный процесс в СССР. ГИЗ, 1927.

дневной борьбы с буржуазными влияниями выковывались новые плановые идеи. Мы не хотели бы переоценивать свои силы. Крайне вредно и опасно недооценивать силы врага. Но, оглядываясь на пройденный путь, мы можем все же сказать, что *в идеологической* борьбе на плановом фронте наши классовые враги не могли бы похвастаться большими победами. Как-никак «блестящее созвездие» Громана и Кондратьева померкло в свете коммунистической критики гораздо раньше, чем окончательно сошло с планового небосклона. А плановая работа в стране под твердым руководством авангарда пролетариата, несмотря на все вредительские препоны и собственные промахи, до сих пор шла и ныне идет от победы к победе по четко намеченной генеральной линии партии.

3. ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ГОСПЛАНА

Госплан Союза, как известно, не сразу после своего образования поставил перед собою задачу построения многолетних перспективных планов. В первом учредительном акте об образовании Госплана от 22 февраля 1921 г. перед ним ставилась лишь одна общая задача — разработки «единого общегосударственного хозяйственного плана», для чего по «Основным положениям организации» Госплана от 1 апреля того же года предусматривалась специальная «подкомиссия плановых предположений *ближайшего* года». Говоря иначе, сама организация Госплана предусматривала только текущее планирование, не выходящее за пределы одного года. Злобы текущего дня, связанные с тяжелым неурожаем 1921 г., кризисом топливоснабжения, транспортной разрухой и прочими хозяйственными затруднениями того этапа, не оставляли времени для сколько-нибудь серьезных работ по многолетнему перспективному планированию. Общая перспектива была уже дана в плане электрификации страны. А проработка более конкретных проектировок на целый ряд лет вперед в тогдашней обстановке представлялась чересчур абстрактной, академической задачей.

В первое время Госплану редко удавалось уделять внимание даже годовым планам. И то не в комплексном виде, по всему народному хозяйству в целом или хотя бы по всей промышленности зараз, а в «розницу», по отдельным производственным программам, например по резиновой промышленности, металлургической, по Главсахару, Главрыбе, по смете Волховстроя, по Иваново-Вознесенской электростанции и т. д. Транспортные эксплуатационные планы составлялись и рассматривались вначале *по полугодиям*, сельскохозяйственные — тоже. А еще чаще Госплану приходилось рассматривать и вовсе эпизодические, хотя и очень острые злобы хозяйственного дня: «Об экстренных мерах по топливоснабжению республики», «О помощи Юго-восточному району, пострадавшему от неурожая», «Об урегулировании движения беженцев в неурожайных районах», «О засеве озимого клина в 1921 г. в пострадавших от неурожая местностях РСФСР», «О сокращении продфонда по графе совработников», «О бакинском водопроводе», «О шпалах», «О провале мостов в Ново-Балице, Быкове и Шиловке» и т. д., и т. п., не говоря уже о всякой другой текущей вермишели [1].

Из 224 вопросов, рассмотренных президиумом Госплана за первый год его существования, только 17 раз (7,6% случаев) перед нами стояли годовые или полугодовые планы отдельных отраслей хозяйства или производственных объединений. И тем не менее опыт уже первого года работы Госплана выдвинул перед нами в связи с задачей восстановления важнейших отраслей индустрии вопрос о *перспективном* планировании, ибо в однолетние планы такие проблемы никак не укладывались. А именно, уже осенью

---

[1] См. перечень вопросов, обсуждавшихся в президиуме Госплана с апреля 1921 г. по 15 февраля 1922 г. «Бюллетени Госплана», вып. 1, 1922, стр. 56—62.

1921 г. по инициативе П. А. Богданова в Госплане был поставлен вопрос «о выработке плана работ металлопромышленности *на предстоящее пятилетие*». Это признание необходимости приступить наряду с текущим планированием и к проработке более длительных перспективных планов нашло себе отражение и в пересмотренном «Положении о Госплане» от 8 июля 1922 г. Уже в первом его пункте значилось следующее задание:

«Государственная Плановая Комиссия (Госплан) при СТО имеет своей задачей разработку *перспективного плана народного хозяйства* на основе утвержденного IX съездом Советов плана электрификации, а равно разработку *эксплуатационного плана текущего года*» [1]

Однако и после этого законодательного акта дело с разработкой перспективных планов двигалось очень туго. Злобы текущего планирования настолько приковывали к себе общее внимание Госплана, что сосредоточиться на какой-нибудь другой, хотя бы и очень важной, работе никак не удавалось.

Еще 21 марта 1922 г. по докладу А. Н. Долгова в Промсекции «О плане работ промышленности на ближайшие годы» отмечалось, что за отсутствием значительных ресурсов для восстановительных работ («металлической промышленности государство своими средствами поддерживать не может. На концессии расчитывать трудно»...) необходимо составить перспективный план хотя бы частичного восстановления «на некоторый переходный период», и принята следующая установка: «Включить в план работы Промсекции в ближайшее время разработку вопросов, связанных с *подготовкой плана восстановления промышленности* на переходный период, т. е. до уровня, соответствующего в среднем 50% *ее состояния до войны*!»

В данном случае не указано, на сколько лет проектировался этот план. Практика первых лет перспективного планирования в этом отношении была довольно пестрой. Например, НКЗ УССР строил *семилетние* планы, НКЗ РСФСР проектировал по земледелию *пятилетний*, по лесному хозяйству — трехлетний план. Были даже сторонники *двухлетних* перспективных планов [2]. Но в союзном Госплане вообще и в Промсекции в частности с самого начала была твердая установка на пятилетний охват перспективных планов. Таким образом, очевидно, Промсекция рассчитывала достигнуть 50% довоенной нормы не раньше 1927/28 г. Минимализм этой оценки теперь, когда мы знаем, что уже в 1926/27 г. мы достигли свыше 100% довоенной нормы промышленной продукции, не требует пояснений.

Однако намеченная Промсекцией «подготовка плана восстановления», по-видимому, подвигалась очень туго. Промсекция Госплана стремилась запрячь в эту подготовительную работу прежде всего ведомственный аппарат ВСНХ. Последний под разными предлогами уклонялся от этой работы. И в общем этот тихий, бюрократический саботаж продолжался очень долго. По крайней мере уже через год после доклада Долгова в президиуме Госплана проф. Осадчий «удивлялся», что «Главметалл все время отказывается от разработки перспективного плана на том основании, что у него нет соответствующих директив от Госплана», хотя, по словам Осадчего, «общие директивы давно уже даны» [3]. На том же заседании президиума от 22 февраля 1923 г. ВСНХ получил новое срочное задание — «в месячный срок разработать и внести в Госплан перспективный план развития метал-

---

[1] Курсив наш.— *С. С.*

[2] См. выступление П. И. Попова в президиуме Госплана по докладу о пятилетке Калинникова: «Разве можно составить план на 5 лет, на 10 лет? Это будет только статистика и арифметика... При сумме всех знаний рынка, условий производства, состояния капитала — все это позволяет наметить план только на 2 года» (ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 138, л. 383). Совершенно по другим мотивам выдвигалась идея плана-двухлетки Рыковым в 1929 г. У него под этим предлогом браковались все установки первой плановой пятилетки.

[3] «Бюллетени Госплана», вып. 3—4, 1923, стр. 65.

лургии на ближайшее 5-летие»[1]. Однако и это поручение не было выполнено. Плановая дисциплина тогда хромала на обе ноги. Невыполненное задание Госплана было вновь подтверждено через месяц, на этот раз уже специальным постановлением Совета Труда и Обороны от 25 марта. И через несколько месяцев, а именно 17 июля 1923 г., президиум Госплана получил, наконец, возможность заслушать первый набросок *пятилетнего* плана по одной из важнейших отраслей государственной промышленности.

Пятилетка Гартвана

«Перспективный план металлургической промышленности» на 1923/24—1927/28 гг. был составлен Главным управлением металлопромышленности (ГУМП) и в несколько улучшенном варианте одобрен Промсекцией Госплана. Ответственными составителями и докладчиками этого плана были небезызвестные инженеры Хренников и Гартван. С какого года они стали вредителями, нам не известно в точности. Но качество созданного ими первого перспективного плана было, во всяком случае, крайне невысокое.

О методологии построения этого плана не сохранилось никаких известий. В качестве «основной предпосылки» к составлению плана объяснительная к нему записка полагает, «что в данный момент тяжелого экономического кризиса *нет оснований предполагать его кратковременность*, а потому металлургия РСФСР, соразмеряя мощность своих заводов с *наличием государственных ресурсов* и экономно расходуя эти ресурсы, должна развивать лишь ту продукцию, которая составляет *минимум* потребности страны и строго соответствует ее покупательной способности». Эта малообещающая установка не встретила тогда особого отпора. Ресурсы наши, действительно, были очень скромны. Ликвидировать тяжелую хозяйственную разруху, из которой мы тогда выходили, в очень короткий срок было бы слишком смелой мечтой. И все же минималистская установка ГУМП даже с поправками Госплана в сторону увеличения оказалась совершенно несостоятельной и была опрокинута дальнейшим опытом нашего развития.

В самом деле. Приведем основные наметки пятилетки Гартвана в сопоставлении с отчетными данными о фактическом росте советской металлургии (см. табл. 1).

Как видим, за первый же год темпы роста проектировки Гартвана были превзойдены жизнью раза в четыре и вся пятилетка оказалась выполненной и даже перевыполненной уже за первые два года. Таким образом, если у составителей этой пятилетки и был вредительский умысел, то осуществить его им во всяком случае не удалось. Конечно, авторитет инженеров, давших такую промашку в своих оценках наших производственных возможностей, потерпел сильный урон. Однако в 1923 г. мы еще не думали о вредительстве, и минимализм буржуазных специалистов в этих оценках находил себе достаточное объяснение уже в их классовой психологии. Не могли же мы ожидать от этих весьма далеких от социализма людей очень оптимистических оценок наших социалистических ресурсов и возможностей, в то время, когда даже в рядах коммунистов эти возможности сплошь и рядом сильно недооценивались.

Инженер Гартван уверял нас, что предложенный им «план производства выражает собой *максимальные* возможности»[2]. При этом для их осуществления требовались, по его расчетам, очень внушительные для того

[1] «Бюллетени Госплана», вып. 3—4, 1923, стр. 66.
[2] Там же, вып. 5, 1923, стр. 58.

Таблица 1

Пятилетка Гартвана по металлургии

Годы	Валовая продукция (в млн. *т*)						Капитальные затраты (в млн. червонных рублей)		Прибыль (в млн. руб.)
	чугун		сталь		прокат				
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1913	4,21	—	4,28	—	3,58	—	?	—	?
1922/23	0,30	100	0,59	100	0,46	100	9,82	100	—6,7
План									
1923/24	0,41	137	0,64	108	0,49	107	15,5	158	—7,0
1924/25	0,57	190	0,85	144	0,65	141	20,8	212	—5,0
1925/26	0,74	247	1,07	181	0,82	178	29,4	299	—2,0
1926/27	0,98	327	1,28	217	0,98	214	42,7	435	—
1927/28	1,23	410	1,48	251	1,14	248	62,8	640	—
За 5 лет	3,93	—	5,32	—	4,08	—	171,2	—	—14,0
Исполнение									
1923/24	0,68	227	0,99	168	0,68	148	15,6	159	3,2
1924/25	1,29	430	1,87	317	1,42	310	30,6	312	16,7
1925/26	2,21	737	2,91	493	2,25	490	77,1	785	19,2
1926/27	2,97	990	3,64	617	2,70	587	117,5	1197	25,5
1927/28	3,28	1093	4,16	705	3,37	733	169,2	1723	51,1
За 5 лет	10,43	—	13,57	—	10,42	—	410,0	—	115,7

времени вложения в оборотные фонды металлургических заводов. За пять лет эти вложения определялись им в 156,2 млн. руб., в том числе только на первый год своей пятилетки (1923/24) Гартван требовал не менее 71,6 млн. руб. в оборотные средства, помимо погашения убытков (7 млн. руб.) и затрат на капитальный ремонт и реконструкцию (15,5 млн. руб.). На самом деле, как видно из сопоставления балансов на 1 октября 1923, 1924 и 1928 гг., прирост оборотных средств по всей черной металлургии составил (по активу) и в товарной, и в денежной форме за пять лет вместо 156 млн. только 42 млн. руб., а специально за 1923/24 г.— вместо 71,6 млн. всего 1,6 млн. руб. Этот просчет в оборотных средствах тем характернее, что по размерам продукции план Гартвана был превзойден в несколько раз и, стало быть, можно было бы ожидать соответствующего *расширения* потребностей в оборотных ресурсах.

Происхождение этой ошибки дает ключ и ко всем остальным. «В части развертывания,— как это отмечалось еще в 1923 г., при обсуждении данной пятилетки,— план характеризует определенную *боязнь перепроизводства*, боязнь того, что *покупательная способность незначительна* и что металлопромышленности придется работать на склад»[1]. Конечно, при работе на склад потребовались бы несравненно более крупные вложения в оборотные средства. Но на самом деле нам угрожало в этой области не затоваривание, а все более обостряющийся по мере роста социалистического строительства металлический голод. Ориентируясь на рыночную конъюнктуру

---

[1] «Бюллетени Госплана», вып. 5, май 1923 г., стр. 59. Курсив наш.— *С. С.*

1923 г., наши буржуазные специалисты, даже если они к тому моменту и не были еще готовы к прямому вредительству, не видели дальше своего носа и уже потому не способны были правильно оценить наши хозяйственные перспективы.

Гартвану представлялось, что и для тех жалких вариантов развития металлургии, которые у нас тогда проектировались, «денег нет». И потому в работу намечалось пустить из 136 наличных в 1913 г. домен к концу пятилетки не свыше 39, а остальные сдать на консервацию или в аренду концессионерам. Авторы пятилетки высчитывали, что даже избранные для работы *лучшие* заводы будут убыточными, и определяли на 1923/24 г. 7 млн. руб. убытку, на следующий — 5 млн., на третий — 2 млн. руб. и на последние два года — только *безубыточность* производства. На самом деле, несмотря на снижение цен, мы получили уже за первый год 3,2 млн. руб. прибыли, а за последующие годы прибыль возрастала в геометрической прогрессии, что в общем за пятилетие дало 115,7 млн. руб. Если к этому добавить еще 100,8 млн. руб. амортизационных отчислений по черной металлургии, то станет ясно, что только за счет *внутренних* ресурсов этой наиболее пострадавшей от разрухи отрасли производства мы располагали около 216 млн. руб., т. е. на 45 млн. больше, чем требовалось, по расчетам Гартвана, на все капитальное строительство в этой отрасли за целое пятилетие (172,3 млн. руб.).

Таким образом, и «деньги» нашлись. Фактически к 1928 г. были пущены в работу вместо 39 уже 62 лучшие домны, затрачено на капитальное строительство в черной металлургии за пять лет вместо 172 млн. 410 млн. руб. и получено к концу пятилетки по сравнению с прогнозом Гартвана раза в три больше металла. О чем же говорят эти факты? Да прежде всего о том, что если Хренниковы, Гартваны и К^0 и пытались кого-либо одурачить своими архипессимистическими «прогнозами», то фактически в дураках остались они сами и никто другой, ибо ни одно из неудачливых их пророчеств не осуществилось на деле.

Вредительство путем резко преуменьшенных *перспективных* планов и вообще едва ли могло дать в наших условиях большие результаты. Ведь *перспективное* планирование у нас ежегодно проверялось *текущими* годовыми планами и фактическим их выполнением. Гораздо более опасным для нас оказалось вредительство в текущем, оперативном планировании — вроде тех квартальных планов снабжения, которые без всякой критики и внешнего контроля стряпались вредителями из Наркомторга и Центросоюза, ибо об их вредоносности мы могли узнать лишь после их исполнения.

Очень характерно, однако, что пятилетка Гартвана уже в президиуме Госплана была признана приемлемой вопреки оценке самого докладчика лишь в качестве *минимального* варианта [1]. А через несколько месяцев ГУМП, который еще недавно шел в своих проектировках ниже Гартвана, выдвинул на 1923/24 г. в порядке *текущего* планирования новую программу производства черного металла, *раза в полтора* выше наметок пятилетки Гартвана на тот же год. И, хотя Гартван признал ее слишком «оптимистической» и снова пугал «кризисом сбыта», на деле и эта увеличенная программа оказалась перевыполненной [2]. Такой плановый опыт многому учит. Перед его лицом даже самый тупой маловер или злостный вредитель не мог бы долго удержаться на своих позициях без риска быть извергнутым из Госплана. И тот же Гартван, который в 1923 г. выступил со столь пессимистическими прогнозами в своей пятилетке, учтя опыт первого

---

[1] «В президиуме Госплана». «Бюллетени Госплана», вып. 8—9, август — сентябрь 1923 г., стр. 88.

[2] «Бюллетени Госплана», вып. 11—12, 1923, стр. 178—180. По проекту ГУМП выплавка чугуна намечалась в 545 тыс. *т*, стали — 970 тыс. и проката — в 670 тыс. *т*.

года, проектировал затем из года в год неизмеримо более оптимистические программы продукции черного металла, причем эти годовые программы выполнялись уже *очень близко* к заданию, а иной раз даже с некоторым отставанием от него (в 1927/28 г. исполнение составляло 95% от плана).

Пятилетка Калинникова

В качестве следующего опыта перспективного планирования можно назвать промышленную пятилетку на 1923/24 — 1927/28 гг., доложенную президиуму Госплана 1 декабря 1923 г. инженером Калинниковым. В отличие от пятилетки Гартвана она охватывает уже не одну отрасль, а 32, т. е. основной массив всей государственной промышленности в целом.

В отношении целевых установок Промсекции в этой работе никакой ясности не было. Методология построения отдельных планов была крайне элементарна: «Имея перед собой 2—3 основных точки, которые мы наносим на диаграмму,— объяснял свой метод Калинников,— мы из этих точек идем дальше» [1]. Основной установкой в отношении темпов было при этом дать «минимальные, но реальные» планы.

Поскольку составители данной пятилетки в своей проектировке опирались на опыт первых лет планирования и методы экстраполяции этого опыта из прошлого в будущее, необходимо напомнить, что за 1921/22 г. продукция нашей *планируемой* промышленности возросла раза в полтора и за 1922/23 г. процентов на 40, причем исполнение за оба эти года шло в общем *ниже* плановых проектировок ВСНХ и Госплана [2].

По подсчетам ВСНХ для издания «Динамика промышленности за 40 лет», вся цензовая промышленность в пределах СССР, начиная с 1913 г., работала в следующих объемах по довоенным ценам (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика фабрично-заводской промышленности СССР *

(без акциза) за 1913—1923 гг.

Годы	Число рабочих			Валовая продукция			Выработка 1 рабочего		
	в тыс.	в % к		в млн. довоенных рублей	в % к		в руб. за год	в % к	
		1913 г.	предыдущему году		1913 г.	предыдущему году		1913 г.	предыдущему году
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1913	2482	100	—	5722	100,0	—	2305	100,0	—
1914	2520	101,5	101	5333	93,2	93,2	2116	91,8	91,8
1915	2700	108,8	107	6092	106,4	114,2	2256	97,9	106,6
1916	2891	116,5	107	5753	100,5	94,4	1990	86,3	88,2
1917	2938	118,4	102	3982	69,6	69,2	1355	58,8	68,1
1918	2289	92,2	78	1861	32,5	46,7	813	35,3	60,0
1919	1571	63,3	69	975	17,0	52,4	621	26,9	76,4
1920	1467	59,1	93	824	14,4	84,5	562	24,4	90,5
1920/21	(1390)	56,0	—	(940)	16,4	—	678	29,4	—
1921/22	1245	50,2	85	1278	22,3	136,0	1027	44,5	151,5
1922/23	1462	58,9	117	1794	31,4	140,4	1227	53,2	119,4

* В этой таблице мы имеем, по-видимому, не исчерпывающий, но зато достаточно сравнимый подсчет по одним и тем же производствам. Менее надежны другие, более ранние подсчеты. Ср., например, с «Пятилетним планом народнохозяйственного строительства СССР», т. I, М. 1929, стр. 15. Число рабочих здесь дано с включением младшего обслуживающего персонала и сезонных рабочих в разгар сезона.

[1] ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 138, л. 437.

[2] О проектируемых темпах в общем по всей промышленности у нас за отсутствием *сводных* промфинпланов первых лет планирования сведения далеко не полные. Но, по сохранившейся у нас сводке по 27 отраслям планируемой промышлен-

До 1920 г. мы наблюдаем резкое падение продукции. Кривая подъема, начавшегося с организации Госплана, определяется здесь всего тремя точками (1920/21, 1921/22 и 1922/23 гг.). Экстраполяция как метод планирования вообще едва ли применима в наших условиях, тем менее надежной является она при наличии кривой, базирующейся всего на трех точках. Тем не менее замедление темпов роста продукции, наметившееся в 1922/23 г., составители плана экстраполировали на все пятилетие. А из недовыполнения производственных программ первых лет сделали вывод о необходимости особой осторожности и «реализма» в проектировках на будущее.

В наиболее суммарных показателях сравнение промышленной пятилетки Калинникова (1923/24—1927/28 гг.) с отчетными данными представлено в следующей таблице (см. табл. 3).

Таблица 3

Промышленная пятилетка Калинникова (1923/24—1927/28 гг.) *

Годы	Валовая продукция (в млн. довоенных рублей): абс.	Валовая продукция: в % к 1922/23 г.	Валовая продукция: в % прирост за год	Выработка 1 рабочего (в % к 1922/23 г.)	Себестоимость (в % к 1922/23 г.)	Отпускные цены на конец года: 1913 г. = 100,0	Отпускные цены на конец года: 1922/23 г. = 100,0	Накопление (в млн. червонных рублей): прибыль	Накопление: амортизация	Капитальные затраты (в млн. червонных рублей)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
План										
1922/23	1156	100	—	100	100,0	—	—	—	—	—
1923/24	1371	119	19	115	95,6	не за-	не за-	не за-	не	75
1924/25	1762	152	28	136	86,5	проекти-	проекти-	проекти-	учте-	76
1925/26	2205	191	25	156	79,4	рованы	рованы	рована	на	80
1926/27	2696	233	22	175	72,8					92
1927/28	3260	282	21	194	66,6					120
За 5 лет	11 294	977	—	—	—	—	—	—	—	443
Исполнение										
1922/23	(1480)	100	—	100	100,0	274,5	100,0	112	(180)	158
1923/24	(1920)	130	30	114	88,0	205,4	74,6	125	(185)	275
1924/25	3018	204	57	168	76,3	196,7	71,5	456	276	426
1925/26	4213	285	39	187	77,7	199,6	72,5	614	365	930
1926/27	5034	340	19	212	76,3	185,7	67,4	659	395	1134
1927/28	6189	418	22	241	71,6	185,1	67,3	836	444	1539
За 5 лет	20 374	1377	—	—	—	—	—	2690	1665	4304

* «Плановое хозяйство» № 3, 1924 г., стр. 90, «Экономическое обозрение» № 1, 1930 г., стр. 192 и ежемесячный «Статистический бюллетень ВСНХ» с июля 1923 г. Приросты продукции за первые два года определены по «ранее принятому методу» учета продукции с поправкой на «коэффициент сравнимости» круга учтенных предприятий, прочие данные — по материалам Госплана.

Запроектированные здесь темпы при сопоставлении их с капиталистическими образцами совсем неплохи. Почти утроенная за пять лет продукция, удвоенная производительность труда и снижение издержек производства на целую треть при очень умеренном финансировании про-

ности, план 1921/22 г. был выполнен только на 77%. На 1922/23 г. общий прирост планируемой Промсекцией продукции проектировался в 45,4%. «Бюллетени Госплана», вып. 5, 1923, стр. 36.

мышленности извне не казались нам в 1923 г. слишком преуменьшенными заданиями по отношению к ВСНХ. Но, как показал опыт последующих лет, наши возможности были значительно выше этих проектировок. Фактический рост всей цензовой промышленности СССР шел гораздо быстрее, чем предлагали Калинников и К°.

Продукция, учтенная в табл. 3, относится только к кругу так называемой *планируемой* промышленности ВСНХ. При этом в абсолютных цифрах план и исполнение несравнимы, ибо в плане продукция учитывалась по трестовской оценке, т. е. без внутреннего оборота трестов, а в исполнении вследствие изменения метода учета с 1924/25 г. дается валовая продукция по заводской оценке, т. е. с включением внутритрестовского оборота. Нужно заметить, что отчетная цифра продукции за 1923/24 г., равная, по *заводской* оценке, 1480 млн. руб., по *ранее* принятому методу оценивалась в 1158 млн. довоенных рублей. Таким образом, и план, и исполнение в данной таблице относятся к одному и тому же кругу предприятий. Числа рабочих мы здесь не приводим, ибо в плане Калинникова учтены только производственные кадры без вспомогательного персонала и сезонных рабочих.

Планируемая промышленность далеко, однако, не охватывала всей государственной, а тем более всей цензовой промышленности Союза. Как изменялась эта последняя, можно усмотреть из табл. 4.

Таблица 4

Динамика цензовой промышленности СССР *

(в неизменных ценах, без акциза)

Годы	Число рабочих (в тыс.)				Валовая продукция (в млн. довоенных рублей)				Выработка одного рабочего (в руб.) за год			
	данные ЦСУ		данные ВСНХ		данные ЦСУ		данные ВСНХ		данные ЦСУ		данные ВСНХ	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1922/23	1302	100	1462	100	2168	100	1794	100	1665	100	1227	100
1923/24	1503	115	1634	112	2586	119	2392	133	1721	103	1464	119
1924/25	1857	143	1907	130	4142	191	3789	211	2230	134	1987	162
1925/26	2347	180	2414	165	6023	278	5330	297	2566	154	2208	180
1926/27	2469	190	2550	174	6893	318	6167	344	2792	168	2418	197
1927/28	2668	205	(2755)	188	8432	389	(7570)	(422)	3160	190	2748	(224)

* См. «Статистический справочник за 1928 г.», М. 1929, стр. 301; «Динамика промышленности за 40 лет», неопубликованный подсчет ВСНХ по 1926/27 г.; «Промышленность СССР в 1927/28 операционном году», т. 2, М. 1930. Неполный учет использован только в качестве динамического показателя. Рабочие в гр. 2 с переводом сезонных в среднегодовые, а в гр. 4 — без перевода. Валовая продукция в данных ВСНХ в большей степени очищена от внутренних переходов, чем в данных ЦСУ, т. е. ближе к «трестовскому», чем к «заводскому» ее учету.

Поскольку нас интересуют здесь только физические объемы продукции, очищенные от влияния динамики цен, мы пользуемся исчислениями валовой продукции в довоенных ценах. Разные источники дают эти исчисления — в зависимости от полноты охвата промышленности, принятых цен и других расхождений в методах расчета — в весьма различных абсолютных величинах. По данным ЦСУ, мы уже в 1925/26 г. достигали довоенного уровня продукции, по расчетам ВСНХ,— почти на год позже. Но независимо от этих различий, останавливая свое внимание только на темпах роста, нетрудно усмотреть, что пятилетка Калинникова оказалась по величине продукции выполненной целиком уже в первые *три* года.

При обсуждении пятилетки Калинникова в президиуме Госплана главное внимание обращалось на полную ее дефектность в части финансового

плана. В пятилетке давался погодный расчет необходимых промышленности дотаций в 443 млн. руб. за пять лет. Но внутреннее накопление промышленности за те же годы вовсе при этом не учитывалось. Конечно, буржуазные специалисты вслед за вредителем Пальчинским пытались использовать такое положение для панических рассуждений о безнадежном — на «сотни лет» — обнищании страны и для подталкивания Союза на политику внешних займов у «американского дядюшки». Но плановики-коммунисты попросту признали план в этой части недоработанным и потребовали от Промсекции и в части финансового плана дополнительно дать все необходимые расчеты.

Был ли вредительский *умысел* у проектировщиков данной пятилетки? *Сознательно* ли они преуменьшали темпы возможного развития и недооценивали внутренние ресурсы страны для этого развития или искренне, по своей классовой слепоте и буржуазной ограниченности, видели только то, что им хотелось видеть?

По показаниям Калинникова на процессе вредителей, в этой пятилетке он во всяком случае не вредительствовал. В восстановительный период нэпа он еще надеялся на *мирное* «перерождение» диктатуры пролетариата. Первой пятилеткой, составленной им в этот период своей, как он думает, «успешной работы», Калинников даже гордится и считает, что это именно она «выдвинула» его на пост члена президиума Госплана [1]. Именно к этому периоду относится и следующее показание того же Калинникова: «При участии наркоматов, главным образом ВСНХ и НКПС, мы, члены Госплана — специалисты-инженеры, экономисты — составляли ежегодные планы восстановления народного хозяйства и с *недоумением наблюдали, как жизнь неизбежно и каждый год опережала наши планы*» [2].

Мы не беремся, однако, решать категорически, чего здесь было больше — заблуждения или прямого очковтирательства или, употребляя иную формулу, «глупости или измены». Во всяком случае надо думать, что «глупости» здесь было не меньше, чем измены.

Калинников не случайно, конечно, не дал в своей пятилетке никаких проектировок внутреннего накопления промышленности. Опираясь на поступающие со всех сторон заявки о дотациях и жалобы на высокую себестоимость советской продукции, превышавшую в то время сплошь и рядом наши продажные цены, он просто не верил в рентабельность нашей госпромышленности и возможность опереться на ее собственные ресурсы. И в самом деле, еще в январе 1922 г., по официальной сводке ВСНХ, для выполнения производственных программ 1921/22 г. тресты требовали дополнительных вложений в оборотные средства на сумму 299,8 млн. руб. золотом [3]. За весь 1922 г. по всем трестам союзного значения было получено убытков 24,5 млн. руб., а прибылей — только 21,6 млн. руб., т. е. около 3 млн. руб. чистого убытка.

В то же время ткани, сахар, бумага, спички, сода и многие другие химические продукты, не говоря об угле и металле, продавались еще ниже себестоимости [4]. И все же советская промышленность очень скоро справилась с этими детскими болезнями своего роста, резко снизила издержки производства, снизила отпускные цены промышленности за пять лет (с 1 октября 1923 г.) на 25% и удвоила зарплату рабочим за то же пятилетие в денежном выражении (+115%). Что же касается накопления нашей промышленности и вложений в нее, то в отношении этих показателей мы уже привели отчетные данные в табл. 3.

---

[1] «Известия», 1 декабря 1930 г.

[2] «Известия», 28 ноября 1930 г. Курсив наш.— *С. С.*

[3] «Русская промышленность в 1922 г. Материалы к 10-му съезду Советов». Пгр., стр. L.

[4] Там же, стр. LI.

Только за последний год, с переходом к реконструкционному периоду, капитальные вложения в промышленность ВСНХ, включая электростроение, стали заметно превышать внутренние ресурсы самой промышленности. Но такие темпы вложений и накоплений, разумеется, и не снились Калинникову.

Пятилетка Неопиханова

Еще более оторванным от жизни был первый опыт перспективного планирования в области транспорта [1]. Для этого были и объективные основания — отсутствие необходимых данностей, и субъективные — чуждая нам среда, из которой вышел план. Но преуменьшенность темпов этого плана — 50% прироста грузооборота за пять лет — была настолько ощутима, что уже тогда вызвала решительный отпор со стороны плановиков-коммунистов, сразу же признавших возможность *удвоить* намеченный планом прирост работы железных дорог [2].

Но действительность, как видно из табл. 5, превзошла и эту поправку.

Пятилетка Неопиханова по грузообороту оказалась выполненной уже в два с небольшим года. При этом вместо дефицита в 106 млн. руб. наши железные дороги дали свыше миллиарда рублей чистого дохода. А на капитальные затраты, включая сюда только усиление и улучшение старой сети и новостройки (без затрат на капитальный ремонт), мы смогли вложить 1069 млн. руб., т. е. в 2,5 раза больше наметок плана.

Нет ничего удивительного, что этот план тогда же встретил довольно точную оценку как «ультрапессимистический» (Г. М. Кржижановский) и не получил дальнейшего движения.

В области идеологических установок этой работы, в которой принимал участие целый ряд будущих вредителей, не было достаточной ясности. Но, конечно, уже один общий безрадостный фон всех прогнозов в области финансовых перспектив восстановления полуразрушенного транспорта должен был наталкивать на известные выводы. И недаром в прениях по докладу Неопиханова мы слышали, между прочим, и такие речи: «В таких странах, как Россия,— с малоразвитой промышленностью — железнодорожное хозяйство не может базироваться на капитале, полученном в этой стране. Поэтому необходимо сказать, что железнодорожное хозяйство можно правильно поставить путем займа. В настоящее время, поскольку СССР признан Англией, мы можем говорить и о *внешнем займе*» [3]. *Говорить*, разумеется, можно было не только о внешних займах, но и о сдаче отдельных дорог в аренду концессионерам, как это пытался делать в Госплане, отражая соответствующие устремления старых путейцев из НКПС, и сам Неопиханов. Но, как известно, разговоры эти оказались пустой болтовней, ибо очень скоро мы сумели восстановить наш транспорт и без всякого участия иностранного капитала.

Никаких методологических завоеваний в проведенной под руководством Неопиханова работе не ощущается. И, исходя из довоенного опыта, где «прогноз грузооборота» всегда осуществлялся на каждый год, «по данным статистических рядов за пять прошлых лет», Неопиханов переносит эту идею плана-прогноза и в совершенно новые условия советской действительности. «В былые времена при устойчивости хозяйственной жизни этот метод был почти единственным»,— замечает Неопиханов, имея в виду

---

[1] «Материалы к перспективному плану», вып. 2; А. А. Неопиханов. О перспективном плане железнодорожного транспорта на пятилетие 1923/24—1927/28 гг. М., 1924.

[2] Ср. выступление Струмилина на президиуме Госплана 29 марта 1924 г. и его же статью «Транспорт и сельское хозяйство» в «Плановом хозяйстве», 1924 г., № 3, стр. 91, где прирост грузооборота за пять лет определялся по меньшей мере в 98%. В настоящем издании см. стр. 126.

[3] ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 179, л. 117. Курсив наш.— *С. С.*

Таблица 5

Пятилетка Неопиханова по железнодорожному транспорту *

Годы	Длина эксплуатационной сети (в тыс. км)	Грузооборот (отправки)			Эксплуатационный бюджет (в млн. руб.)		Чистый доход (+) или дефицит (—), (в млн. руб.)	Коэффициент эксплуатации	Капитальные затраты (в млн. руб.)
		млн. *т*	в % к 1922/23 г.	прирост за год	приход	расход			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1913 **	58,5	132,4	—	—	985,9	573,3	+412,4	59,2	(188)
1922/23	69,6	58,0	100	—	372,1	373,2	—1,1	100,3	(18)
План									
1923/24	73,6	63,5	109	9,5	570,6	594,7	—24,1	104	48,5
1924/25	74,5	73,0	126	15,0	646,7	662,3	—15,6	102	86,8
1925/26	74,9	78,2	135	7,1	685,2	702,0	—16,8	102	81,1
1926/27	75,1	83,2	143	6,4	729,1	746,9	—17,8	102	88,8
1927/28	75,4	87,0	150	4,6	769,3	801,8	—32,5	104	97,4
За 5 лет	+5,8	384,9	+50	—	3400,9	3507,7	—106,8	—	402,6
Исполнение									
1923/24	73,9	67,5	116	16,4	691,8	665,5	+26,3	96,2	23,8
1924/25	74,4	83,5	144	23,7	953,5	796,6	+156,9	83,5	81,2
1925/26	74,6	116,8	201	39,8	1367,0	1184,9	+182,1	86,7	217,2
1926/27	75,8	135,9	234	16,4	1644,3	1385,7	+258,6	84,3	309,0
1927/28	76,9	150,6	260	10,8	1851,8	1468,3	+383,5	79,3	438,0
За 5 лет	+7,3	554,4	+160	—	6508,4	5501,1	+1007,4	—	1069,2

* См. «Материалы к перспективному плану», вып. 1, стр. 22, 37, 64. Исполнение по отчетности НКПС и материалам Госплана.

** В границах Советской России.

статистический метод экстраполяции от прошлого к будущему. Но и в новых условиях, несмотря на то что опыт революции «дает нам основание признать закономерность общественной жизни («былых времен», конечно.— *С. С.*), в общем нарушенной», Неопиханов по-прежнему танцует в своих плановых построениях от все той же дореволюционной статистической печки. По его словам, «при прогнозе будущего обойтись без статистического метода оказывается прямо невозможным, в результате чего к выявлению возможного на пятилетие грузооборота и был применен метод: статистических тенденций за прошлые (довоенные.— *С. С.*) годы, по размерам своей продукции наиболее близкие к современной продукции, и т. д.» [1].

Какие плодотворные результаты дал этот «метод», мы уже видели. Каких-либо иных движущих идей в области планирования указанная работа тоже не открывает. А потому останавливаться на ней здесь дольше нет оснований.

Пятилетка Кондратьева

Следующим опытом перспективного планирования является сельскохозяйственная пятилетка проф. Кондратьева, вышедшая из Земплана Наркомзема РСФСР и одобренная с небольшими поправками и сельскохозяйственной секцией Госплана [2]. В сельскохозяйственной секции эта пятилетка доложена была Кондратьевым 17 января 1924 г., а в президиуме Госплана — 4 июля 1925 г.

[1] А. А. Неопиханов. Указ. соч., стр. 20—21.

[2] Н. Д. Кондратьев и Н. П. Огановский. Перспективы развития сельского хозяйства СССР. «Труды Земплана», вып. I. М., 1924 и сл. выпуски.

В связи с сильно затянувшейся (с декабря 1923 г. до 1926 г.) разработкой и публикацией материалов этой пятилетки «мероприятия» и соответствующие вложения запроектированы Земпланом на пятилетие 1924/25—1928/29 гг., в то время как продукция проектировалась на 1923/24—1927/28 гг. Таким образом, здесь *следствие*, т. е. рост продукции, явно опережает свои *причины*, т. е. запроектированные мероприятия. Этот курьез, впрочем, вполне гармонирует с общей методологией всего построения пятилетки Кондратьева. Исходя из своей идеи плана-*прогноза*, а не плана-*программы действий*, Кондратьев проектировал развитие сельского хозяйства как стихийный результат заложенных в нем внутренних тенденций, перед лицом которых наши мероприятия не могут, конечно, иметь решающего значения. В предисловии Земплана сказано: «Именно из внимания к особенностям сельского хозяйства всему построению плана придан в значительной мере *генетический* характер. В силу этого предлагаемый *план отправляется от анализа тенденций фактического стихийного развития сельского хозяйства*» [1].

Если сельское хозяйство Союза развивается стихийно, то, конечно, наши мероприятия в этом деле могут играть лишь совершенно подсобное, третьестепенное значение. Никакой *соразмерности* между мероприятиями и развитием хозяйства при этом допущении мыслить не приходится, ибо в противном случае, если бы это развитие в основном определялось нашими мероприятиями, его невозможно было бы трактовать «генетически» как стихийное. Вот почему Кондратьев и К° могли совершенно спокойно проектировать темпы роста сельского хозяйства сами по себе, а мероприятия НКЗ — в полном отрыве от этих темпов, сами по себе.

В идеологическом отношении пятилетка Кондратьева отражала собою совершенно определенную *реставраторскую* установку ее составителей. Нет никакого сомнения, что «генетическая» их ставка на крестьянскую стихию уже сама по себе исходила из вполне определенной целеустремленности, или «телеологии». Строя свои «желательные перспективы» в соответствии с абстрактным «принципом развития производительных сил народного хозяйства», они конкретизировали его как чисто индивидуалистическое развитие со ставкой на крепкого хозяйственного мужичка — эту основную опору всякой народнической идеологии.

Их апелляция к объективным законам «экономической динамики», которые они пытались выявить путем «учета *фактических* линий развития» и «анализа направления и факторов развития сельского хозяйства за *последние десятилетия*» [2], т. е. за *капиталистический* период его развития, не означала ничего другого, кроме апелляции к тенденциям капиталистического развития. Конечно, в интересах маскировки своей концепции Кондратьеву на словах приходилось раскланиваться и перед идеей коллективизации деревни. «Однако,— тотчас же оговаривался он,— в данный исторически переходный период коллективная форма землепользования еще не является господствующей и общераспространенной. *Реально* в течение известного времени мы будем иметь дело с широким распространением и других, низших, форм землепользования». И во имя этого реализма, учитывая «выявившиеся тенденции у населения», автор проектирует в качестве «наиболее вероятного» развития на период своей пятилетки «хуторскую и отрубную» *формы* землепользования [3]. Для некоторых районов эта господствующая форма несколько модифицируется, например, в северо-восточном районе проектируется «поселково-отрубная» форма, а в юго-во-

---

[1] «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства», «Труды Земплана», вып. V. М., 1924, стр. 3. Курсив наш.— *С. С.*

[2] Н. Д. Кондратьев и Н. П. Огановский. Указ. соч., стр. 2. Курсив наш.— *С. С.*

[3] «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства». «Труды Земплана», вып. V. М., 1924, стр. 57.

сточном и поволжском — «поселково-отрубная и частично хуторская с типом *американско-фермерского хозяйства*», но ни в одном районе никаких «тенденций» к коллективизации авторы плана отнюдь не обнаруживают.

В связи с этим уклоном к американскому типу фермерского хозяйства разрешается в пятилетке Кондратьева и «важнейший» в земельной политике вопрос об оптимальных размерах землеобеспечения двора. «Первое время после революции,— пишет автор пятилетки,— руководящим принципом перераспределения земли был принцип уравнительности... По самому существу своему он является принципом, проникнутым идеей *потребительного* хозяйства. Руководящей идеей настоящего перспективного плана является идея развития *производительных* сил сельского хозяйства... С такой точки зрения ясно, что типы рациональной организации хозяйства в каждом районе в значительной мере уже предопределяют и те пределы колебаний землеобеспеченности вверх и вниз, в рамках которых хозяйство может быть рационально организовано... Основной бич современной деревни, как ясно из предыдущего, лежит... в крайнем распылении и раздроблении хозяйств. Осторожная *тенденция к их укрупнению* должна быть признана настоятельной задачей плана восстановления сельского хозяйства» [1].

Несмотря на всю «осторожность» формулировок, замысел плана совершенно ясен. Общинная уравнительность не устраивает авторов плана, они против уравнительности и распыления земли, они, несомненно, за концентрацию и укрупнение, но не в виде колхозов-гигантов, а за гораздо более умеренную концентрацию, за «осторожное» укрупнение, в объеме индивидуального кулацкого или, скажем, фермерского хозяйства. «Вот почему по требованию плана *необходимо установить на практике* политику *доброжелательного отношения к трудовой аренде*» [2]. Для колхоза она ни к чему, а для крупного крестьянского хозяйства — очень кстати. И даже термин «трудовая» здесь употреблен не из старонароднической симпатии к такому словоупотреблению, а просто для прикрытия ст. 28 Земельного кодекса, допускающего «трудовую аренду». На самом же деле пятилетка отнюдь не возражает и против наемного труда в деревне. Помилуйте, какой же фермерский, т. е. уже нетрудовой, а чисто капиталистический, тип сельского хозяйства может развиваться без наемного труда? «Вот почему,— убеждает нас автор плана,— к *практике наемного труда* должно быть установлено определенное, *лишенное одиозности* отношение» [3].

К этому нужно еще добавить, что налоговая *прогрессия* в деревне по плану «*не должна быть очень сильной*, так как в противном случае она явится *тормозом для перехода хозяйства из низших групп в более высокие* по их экономической мощи» [4]. В то же время авторы плана довольно решительно высказывались против «*огульного протекционизма* в целях сжатия импорта», за «*международное разделение труда*» и, в частности, за привлечение «иностранных средств на началах аренды и концессий» [5]. А в общем, несмотря на некоторую завуалированность отдельных формулировок, эта пятилетка представляла собой довольно развернутую программу расширения нэпа в деревне.

При этом Кондратьев в своих плановых установках был человеком очень покладистым. Он вовсе не требовал слишком радикальных перемен в советских законах и учреждениях. Его бы совершенно устроил и тот правый оппортунизм *на практике*, который кое-где культивировал-таки у нас и «доброжелательное» отношение к кулацкой аренде, и «лишенное одиозности» отношение к эксплуатации наемного труда в крепких хозяй-

---

[1] «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства». «Труды Земплана», вып. V. М., 1924, стр. 58. Курсив наш.— *С. С.*
[2] Там же. Курсив наш.— *С. С.*
[3] Там же, стр. 59. Курсив наш.— *С С.*
[4] Там же, стр. 55. Курсив наш.— *С. С.*
[5] Там же, стр. 49—52. Курсив наш.— *С. С.*

ствах и тому подобные методы расширения нэпа. Именно на основе такой практики пятилетка Земплана трактовала режим нэпа как режим государственного капитализма и определяла его просто как режим «*капитализма*, пытающегося (!) упорядочить процессы народнохозяйственной жизни путем сознательного и глубокого вмешательства государства» [1]. И не случайно также целая глава в этой пятилетке, трактующая о возрождении нашего хозяйства в период нэпа, озаглавлена: «Период *реставрации* сельского хозяйства» [2]. Это не обмолвка, а точное выражение основной задачи пятилетки Кондратьева.

Как же к ней отнеслись в Госплане?

Сельскохозяйственная секция, которой руководил тогда П. И. Попов, приняла эту пятилетку в общем довольно снисходительно. Правда, от ее внимания отнюдь не ускользнула общая тенденция плана, по которой все мероприятия (по улучшению скота, чистосортным семенам, агропомощи, землеустройству и т. п.) направлены «по линии более крупных хозяйств». Но секция в то время считала это, по-видимому, неизбежным. «Мероприятия эти,— говорил П. И. Попов,— в максимальной степени будут использованы экономически более мощными крестьянскими хозяйствами. Но, с другой стороны, иной подход невозможен, потому что нельзя создать мероприятия для мелких хозяйств одни и для крупных хозяйств другие... Проблема внедрения мероприятий в *мелкие* хозяйства может быть разрешена только путем создания из них *коллективов*, но в настоящих условиях *нет еще экономических предпосылок для широкого* развития коллективов» [3].

Однако эта идея не нашла поддержки в президиуме Госплана. Между прочим, уже тогда в противовес скептицизму Попова по части предпосылок коллективизации там выдвинута была в качестве такой предпосылки идея тракторизации: «Такой экономической предпосылкой в отношении механизации,— возражали ему,— является, например, применение трактора» [4]. И вообще критика идей пятилетки Кондратьева в президиуме Госплана при участии ряда аграрников-экономистов из Коммунистической академии была очень острой и решительной. Отмечалась и примитивность методологии: «Бралась тенденция развития и экстраполировалась» (Л. Н. Крицман). Брались под обстрел и общие установки: «Вопрос об аграрно-индустриальном развитии хозяйства получил в плане *народническую* форму» (Батуринский). Указывалось на полное отсутствие классовой дифференциации мероприятий в отношении различных слоев деревни (Голендо и др.). И в конце концов резолюция Госплана в отношении этого плана гласила: «Принять как *первое* приближение и... *доработать* план на основе всех указаний» [5]. Если учесть, что этот план и без того уже дорабатывался в разных инстанциях из кулька в рогожку свыше полутора лет, то такая резолюция, конечно, означала окончательные похороны его по первому разряду. И, действительно, в стенах Госплана он больше никогда не появлялся.

В отношении темпов развития сельского хозяйства кондратьевская группа не имела, казалось бы, никаких оснований для их преуменьшения. В качестве ярых аграризаторов при запроектированной ими политике благоволения к крестьянской верхушке они, конечно, проектировали максимальные темпы роста производительных сил деревни, осуществимые, по их разумению, при данной политике, т. е. при ставке на единоличника — кулака в условиях расширения нэпа.

---

[1] Там же, стр. 3. Курсив наш.— *С. С.*

[2] «Перспективы развития сельского хозяйства СССР». «Труды Земплана», вып. I. М., 1924, стр. 86. Курсив наш.— *С. С.*

[3] ЦГАОР СССР, ф. 4372, оп. 1, д. 230, л. 6. Курсив наш.— *С. С.*

[4] Там же, д. 230, л. 10. Курсив наш.— *С. С.*

[5] Там же, д. 231, л. 191. Курсив наш.— *С. С.*

Тем более интересно, в какой мере оправдался их «прогноз» в отношении этих темпов (см. табл. 6).

Таблица 6

Пятилетка Кондратьева по сельскому хозяйству *
(СССР без Туркестана, Закавказья и ДВО)

Годы	Посевная площадь (в млн. *га*)					Скот в переводе на крупный	
	зерновые хлеба	технические и прочие культуры	итого			в млн. голов	в %
			абс.	в %			
				к 1923 г.	прирост за год		
1	2	3	4	5	6	7	8
1913	96,0	11,3	107,3	—	—	80,0	—
1922	60,4	8,1	68,5	—	—	50,3	—
1923	68,6	9,4	78,0	100	13,8	57,5	100
План							
1924	не указано	не указано	85,0	109	9,0	не указано	—
1925			90,6	116	6,6		—
1926			96,2	123	6,1		—
1927			101,1	130	5,1		—
1928	90,6	15,4	106,0	136	4,8	74,1	129
Исполнение							
1924	78,8	14,9	93,7	120	20,1	66,0	115
1925	84,1	16,0	100,1	128	6,8	70,4	122
1926	90,4	15,8	106,2	136	6,0	75,0	130
1927	92,0	16,6	108,6	139	2,3	78,2	136
1928	90,6	19,0	109,6	140	0,9	79,1	138

* См. Н. Д. Кондратьев и Н. П. Огановский. Перспективы развития сельского хозяйства СССР, «Труды Земплана», вып. 1, М., 1924, стр. 29, 137—138 и 148. Вследствие неряшливости профессорской работы на разных страницах приводятся итоги, не вполне совпадающие друг с другом и с требованиями арифметики.

Исполнение исчислено по изданиям ЦСУ: «Статистический справочник СССР за 1928 г.», М. 1929, стр. 178 и сл.; «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917—1927», М., 1927, стр. 168 и сл., 188 и сл.; «Сельское хозяйство СССР 1925—1928 гг.», М., 1929, стр. 174, 187, 198 и т. д. Посевы 1913 г. приняты с поправкой на недоучет в 10%, 1922 г. — с поправкой в 25% и 1923 г. — с поправкой 20%.

Данные за 1913 (по скоту 1916 г.), 1922, 1923 гг. и плановый период мы приводим здесь в том виде, как они исчислены авторами плана, по территории Союза (без Туркестана, Закавказья и ДВО) и с поправками на недоучет, принятыми в Земплане. Отчетные данные за 1924—1928 гг. приведены нами к той же территории по данным ЦСУ (единоличные и коллективные хозяйства). И вот оказывается, что по этим вполне сравнимым данным пятилетка Кондратьева осуществилась уже в три года. Это тем более показательно, что Советская власть за эти годы отнюдь не благоприятствовала в своей политике процветанию кулака-единоличника. Она шла своим собственным путем, нажимая на кулака и вытесняя его во имя скорейшей коллективизации середняцко-бедняцких масс деревни. И, несмотря на огромные трудности первых шагов на этом пути, несмотря на активный саботаж кулацкой верхушки, этот путь уже дал нам много больше, чем сулила отвергнутая политика Кондратьевых и Огановских.

Довольно показательна с точки зрения последующего планового опыта и программа вложений в сельское хозяйство пятилетки Кондратьева. Выступая очень рьяно против сверхиндустриализаторских «перспективных ориентировок» Госплана последующих лет, Кондратьев, Макаров и К°

всегда требовали значительного расширения вложений в сельское хозяйство за счет соответствующего сужения проектируемого размаха индустриализации. Спрашивается, однако, каков же их собственный размах в этом отношении? Сколько они сами требовали вложений в интересах аграризации страны?

Оказывается, немного. Все их вожделения на этот счет не превышали по всей РСФСР за пять лет 540 млн. червонных рублей, включая сюда мелиорацию земель, ветеринарию и лесное хозяйство[1]. Собственно, на развитие сельского хозяйства в этой программе значилось только 451 млн. руб., в том числе по госбюджету — 88,2 млн., по местному бюджету — 143,5 млн., по сельскохозяйственному кредиту — 163,2 млн. и за счет хозорганов и населения — 57,1 млн. руб. Самыми крупными статьями в этой программе были: мелиорация — 82,9 млн. руб., животноводство — 78,8 млн., коневодство — 42 млн., ветеринария — 41,8 млн., землеустройство — 39,1 млн., переселение — 26,2 млн. и травосеяние — 25,2 млн. руб. Никакой крупной технической реконструкции в этом плане не заверстано. И те небольшие средства, какие здесь указаны, распылялись на многие тысячи мельчайших объектов, например, в программе мелиорации значились 782 пруда, 8993 шахтных колодца, 543 трубчатых колодца, 120 фильтров и т. д. и т. п. Ни борьбы с засухой в широком масштабе, ни каких-либо других больших идей здесь и не намечалось. На машинизацию намечалось затратить за все пять лет 21,4 млн. руб., на семеноводство — 12,3 млн., на тракторизацию — 4,7 млн., на искусственные удобрения — 2,8 млн. руб. Понятно, что ни о каком повышении урожайности в плане Кондратьева и речи не могло быть. О масштабах коллективизации в этом плане можно судить хотя бы по тому, что из 39,1 млн. руб. затрат на землеустройство на долю колхозов уделялось за пять лет 780 тыс. руб., т. е. менее 2%.

Особенно поражает в этих наметках крайняя убогость кондратьевской программы по части механизации и химизации сельскохозяйственного производства. Исходя из нынешних установок, эта часть плана представляется особо одиозной, она прямо пахнет вредительством. Но *тогда* все это представлялось в несколько ином освещении. Для восстановления правильной исторической перспективы напомним, что при обсуждении в президиуме Госплана очень куцой в отношении сельскохозяйственного машиностроения и производства химических удобрений пятилетки Калинникова раздавались такие речи: «Вы полагаете, что крестьянин будет покупать фосфаты? Ничего подобного, фосфаты всегда покупали *частные хозяева,* а крестьянин покупать их не будет. В результате и получается, что фосфаты будут лежать у вас на складах так же, как сельскохозяйственные машины, потому что в них нет потребности[2]. И нужно сказать, что так думал отнюдь не вредитель или невежда в вопросах сельскохозяйственной экономики. Эти слова принадлежат бывшему председателю сельскохозяйственной секции Госплана П. И. Попову.

Конечно, нельзя забывать, что *тогда* перед нами еще не стояла вплотную, как очередная задача дня, *сплошная* коллективизация деревни. А шансы механизации и химизации земледелия при ставке на развитие мелкого крестьянского *единоличного* хозяйства были очень ограничены и особо широких перспектив в этой области нам не сулили. И все же минимализм пятилетки Кондратьева в указанном отношении превосходит всякие пределы.

Чтобы иллюстрировать это фактами, приведем несколько цифр. До войны у нас было всего 187 тракторов на всю страну, на 1 октября 1924 г. их уже насчитывалось по СССР 2560, а через пять лет — 42 136 с общей

---

[1] «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства». «Труды Земплана», вып. V. М., 1924, стр. 82; «Советское землеустройство и мелиорация». «Труды Земплана», вып. VI. М., 1925, стр. 210 и др.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 4374, оп. 1, д. 138, л. 384. Курсив наш.— *С. С.*

мощностью в 4709 тыс. *л. с.* Кондратьевцы проектировали за то же пятилетие дать РСФСР всего 16 тыс. тракторов, т. е., даже с поправкой на территорию, раза в два преуменьшили наши реальные возможности. По сельскохозяйственному машиноснабжению они проектировали затратить в РСФСР за все пятилетие 21,4 млн. руб., а на самом деле только за один последний год этой пятилетки (1928/29) на машиноснабжение РСФСР было затрачено свыше 90 млн. руб., т. е. в 4,5 раза больше. А общая сумма затрат по финансированию сельского хозяйства РСФСР по сравнению с планом Кондратьева оказалась в такой соотношении (в млн. червонных рублей).

Годы	План	Исполнение
1924/25	58	104
1925/26	72	157
1926/27	89	239
1927/28	106	286
1928/29	125	384
Итого . . .	450	1170

Приведенные цифры не вполне сравнимы, так как в «исполнение» мы не включали вложений «за счет населения» и некоторых других, учтенных в плане. И все же исполнение раза в 2,5 превышает «прогноз» Кондратьева.

Таким образом, генеральная линия партии на социалистическую индустриализацию страны уже за эти годы в порядке побочного эффекта обеспечила нам возможность и в области финансирования сельского хозяйства дать ему неизмеримо больше того, что поддавалось предвидению наиболее ярых аграризаторов буржуазного лагеря.

* * *

Не останавливаясь на других, менее важных опытах отраслевого перспективного планирования за восстановительный период, мы могли бы всем им дать следующую краткую характеристику. В области методологии все эти примитивные опыты отличаются крайним эмпиризмом. Дальше «метода» экстраполяции «стихийного» роста за прошлые годы на будущее время с весьма проблематичными поправками к нему на основе «экспертных» оценок вероятной в этом будущем емкости рынка, возможного накопления и тому подобных факторов дело не шло. В области идеологии этих плановых опытов чувствуется совершенно определенная установка составителей — не столько на восстановление довоенных *масштабов*, сколько на реставрацию довоенных *общественных отношений* в народном хозяйстве страны. В области проектировки темпов развития мы наблюдаем здесь крайний минимализм, вытекающий, если отвлечься от сознательного вредительства, прежде всего из полного неверия в творческие силы и возможности советского строя.

Идея *затухающих* кривых развития, которая в качестве рабочей гипотезы использовалась во всех перспективных проектировках того времени, тоже обязана своим происхождением восстановительному периоду. В качестве авторов этой идеи обычно называют Громана и Базарова. Однако нужно признать, что на практике она начала применяться гораздо раньше, чем оформилась в «теорию». «Довоенный уровень» для всех буржуазных идеологов того времени со взглядами, устремленными всегда назад, вообще представлялся чрезвычайно заманчивым и далеким идеалом. В советских условиях хозяйства, по их представлению, крайне несовершенных, это был предел, его же не прейдеши. Большие успехи первых лет нэпа на путях

восстановления вызывали явное недоумение у этих идеологов и требовали объяснения. Профессор Калинников привел по этому поводу на суде следующую версию:

«Наша буржуазная идеология давала нам *одно объяснение* для быстрого темпа восстановления, это — за счет громадных (?) материальных и производственных ресурсов, которые после Октябрьской революции перешли от буржуазии к Советской власти» [1].

Но на самом деле остатки буржуазного наследия в области материальных запасов, сохранившиеся от периода империалистической и гражданской войн, к 1921 г. были совершенно ничтожны, а производственные ресурсы оборудования были крайне потрепаны и обесценены. И за счет этих жалких остатков прежнего буржуазного величия при старом укладе жизни для восстановления потребовались бы, наверное, не годы, а целые десятилетия. Это, однако, не мешало специалистам буржуазного лагеря тешить себя объяснением, что наши бурные успехи за счет «разбазаривания» последних остатков буржуазного наследия должны естественно кончиться вместе с этими остатками. А отсюда, дескать, вытекала с неизбежностью или капитуляция Советской власти перед мировым капиталом ради займов, или перманентно *затухающая кривая развития*.

Фактическое движение темпов роста промышленной индустрии за 1924/25—1926/27 гг. (соответственно 57%, 39% и 19% по планируемому кругу предприятий) и некоторые другие аналогичные факты как будто подтверждали чаяния буржуазных идеологов. «Ученые» школы Громана, конечно, не упустили возможности возвести такие эмпирические факты в степень экономического закона. Но никакого непреодолимого закона здесь, разумеется, не было. На стадии восстановительного процесса, когда для расширения продукции требуются только относительно незначительные дополнительные вложения оборотных средств, возможности роста *при одних и тех же ресурсах,* конечно, выше, чем по завершении этой стадии, когда требуется одновременно увеличить не только оборотные, но и основные фонды. Отсюда за *последние* годы восстановительного процесса, когда в одной отрасли за другой мы уже вплотную подходили к 100-процентному использованию старых фондов, некоторое замедление роста из-за отсутствия ресурсов для широкого развертывания *новых* капитальных работ было вполне естественно. Но наши возможности накопления не оставались неизменными. Они с каждым годом возрастали. И очень скоро, даже скорее, чем это предвидели иные оптимисты, они обеспечили нам вопреки всяким пессимистическим прогнозам новое ускорение темпов и явно *восходящую* кривую развития.

Так называемый восстановительный процесс, по мысли его буржуазных теоретиков, должен был восстановить не только довоенные масштабы производства, но и довоенные соотношения, т. е., говоря яснее, капиталистическую структуру хозяйства. В «Сводном докладе о контрольных цифрах народного хозяйства 1925/26 г.», не увидевшем света, автор его, Громан, писал, между прочим, следующее: «Исследовать восстановительный процесс — значит понять его закономерность, ибо все происходящее подчинено определенным законам. Какая *основная* гипотеза должна лежать в основе этого исследования? Мы должны предположить, что мы имеем тенденцию приближения к довоенным размерам, *соотношениям и формам связей* между отдельными элементами народного хозяйства... Вторая гипотеза заключается в том, что в течение наступающего года мы используем все оставшиеся у нас человеческие и материальные производительные силы на 100%... таким образом, мы к концу года предполагаем приближение к *системе равновесия, бывшей до эпохи начала экономической разрухи*».

---

[1] «Известия», 28 ноября 1930 г. Курсив наш.— *С. С.*

Столь обнаженная реставраторская трактовка восстановительного процесса встретила тогда же решительный отпор в коммунистической среде Госплана. «Теория» Громана была отвергнута, а в официальном печатном докладе комиссии по контрольным цифрам на 1925/26 г. прямо сказано, что «довоенные соотношения были в глазах комиссии *не нормой, не моделью* перспективных построений, а лишь некоторым условным *масштабом измерений*». Вместе с тем комиссия отмечала моменты *реконструкции* в самом восстановительном процессе и заключала: «Мы можем теперь уже сказать с достаточной уверенностью, что *система равновесия*, к которой стремится эта динамика, *будет иметь весьма мало общего с довоенной*...» [1]

О прямом *плановом* вредительстве за восстановительный период в Госплане у нас пока мало данных. Скорее за эти годы можно говорить о *буржуазных влияниях и реставраторских устремлениях* идеологов буржуазии в плановых построениях того времени. Как было показано выше, все опыты перспективного планирования этого времени были явно неудачны и обречены на провал. Ни один из них даже не представлялся на одобрение правительства. Их минимализм бил в глаза и неизменно выправлялся в порядке текущего планирования и оперативной ведомственной работы.

Коммунистическое руководство Госплана в этот период было уже достаточно искушено, чтобы отвергать сомнительные установки и выявлять грубые ошибки первых перспективных построений, но партийная прослойка Госплана была еще очень слаба для того, чтобы обеспечить творческое ее участие и авторитетное руководство на всех этапах перспективного планирования.

4. ОПЫТЫ СИНТЕТИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ НА НОВУЮ СТУПЕНЬ

В первых опытах текущего и перспективного планирования (до 1925 г.) в Госплане составлялись только отдельные отраслевые планы и программы. До увязки их в единый народнохозяйственный план дело не доходило уже потому, что эти опыты, взятые в отдельности, были еще весьма несовершенны. Лишь в 1925 г. Госплану удалось подняться на следующую ступень планирования. Мы имеем в виду первые контрольные цифры на 1925/26 г., где вместо прежних разрозненных производственных программ и отраслевых планов встречаемся уже с замыслом целостного народнохозяйственного плана, правда, пока только на один год. Но к этому времени плановые органы настолько уже овладели техникой проектирования отраслевых планов, что и в области перспективного планирования построение сводной народнохозяйственной пятилетки стало совершенно назревшей очередной задачей.

К тому же, мы уже на опыте убедились, что проектировать перспективы развития отдельной отрасли хозяйства, хотя бы на пять лет, без ясного представления о перспективах развития смежных отраслей и всего народного хозяйства в целом — вообще крайне неблагодарная и малопродуктивная работа.

Мы уже ясно сознавали, что *целостную* концепцию развития всего народного хозяйства нельзя получить в результате простого *суммирования* соответствующих наметок по отдельным отраслям. Но получить эту концепцию сверху, из одних лишь абстрактных целевых установок, без конкретной проработки и учета имеющихся возможностей не только по каждой отдельной отрасли хозяйства, но даже по отдельным крупнейшим объектам строительства и производственным единицам, было бы совершен-

---

[1] «Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 г.» М., 1926, стр. 14. Впрочем, в других отношениях методологическое влияние школы Громана все же заметно сказалось на построении этих первых контрольных цифр Госплана.

но бюрократической утопией. Поэтому Госплан должен был уже с самого начала опереться в своей работе на силы ведомственных аппаратов, хотя ведомственные проектировки на первых порах могли для него послужить лишь сырым материалом, требующим тщательного отбора и дальнейшей обработки. Лишь в результате такого отбора и обработки ведомственных материалов Госплан мог выработать уже и общую, хотя бы ориентировочную, концепцию народнохозяйственного плана, на основании которой надлежало затем снова, и притом не один раз, пересмотреть и связать внутреннею цепною связью все отдельные — отраслевые и порайонные — элементы этого плана.

На эту черновую работу по подготовке народнохозяйственного плана путем последовательных к нему эмпирических приближений потрачено было немало сил и времени. Запроектировать программу развертывания какой-либо отдельной отрасли или производства при наличии общего задания о масштабах и темпах этого развертывания — это чисто техническая задача. С ней уже и на предшествующем этапе справлялись наши инженеры и техники. Но создать общую концепцию плана в виде стройной *системы* технико-экономических и социальных заданий на ряд лет вперед — это была для нас новая и методологически гораздо более сложная задача.

А между тем эта задача *синтетического* планирования с завершением так называемого восстановительного периода становилась особо острой и злободневной. До тех пор, пока дело шло только о повышении процента нагрузки *наличного* оборудования и оживлении консервированных предприятий, это можно было делать без особо крупных затрат, а значит, и без особого риска и по отдельным отраслям, считаясь только с конъюнктурой рынка и финансовыми возможностями. Но, когда перед нами стала проблема широкой *реконструкции* народного хозяйства, предполагающей огромную строительную программу на целый ряд лет вперед, проектировать такую программу вслепую, по отдельным отраслям хозяйства, без синтетической их увязки в общем плане реконструкции, предполагающем на новой технической базе и новую *структуру* производственных пропорций, было бы гораздо опаснее. Здесь при ошибочном представлении об этой новой структуре или вредительском умысле легко было создать уже не преждевременное *оживление,* а долговременное омертвление капитальных фондов в тех или иных отраслях производства. Говоря иначе, здесь мы рисковали проектировкой определенных производственных диспропорций.

Процесс вредителей из промпартии показал нам, что этот риск был очень реальным. Вредители сознательно стремились к омертвлению капитальных затрат (например, в текстильной промышленности) и к созданию диспропорций (задержкой развертывания электростроительства, производства топлива и металла) в народном хозяйстве.

И ошибок, и злого умысла в этом деле можно было избежать только при синтетической увязке всех частей народнохозяйственного плана в целостную систему.

Насколько эта потребность в синтетическом народнохозяйственном подходе к построению даже отдельных отраслевых планов уже назрела к началу реконструктивного периода, можно усмотреть хотя бы из следующего факта. Приказом Президиума ВСНХ от 21 марта 1925 г. было образовано «Особое совещание по воспроизводству основного капитала госпромышленности СССР» (ОСВОК) для разработки перспективного плана *промышленности* на 1925/26—1929/30 гг. Но, несмотря на свой узковедомственный состав и задачу, эта плановая ячейка ВСНХ, конкурируя до некоторой степени с Госпланом в своей работе, отнюдь не ограничилась рамками одной промышленности. В ее материалах вы найдете и специальный выпуск, посвященный «Перспективам развития сельского хозяйства» (серия III, вып. II), и доклад о «Задачах транспортной политики в связи

с развитием отдельных отраслей промышленности» и целый ряд других аналогичных работ, вплоть до синтетического доклада о «Балансе народного хозяйства СССР». Несомненно, уже у ОСВОК мы встречаемся с очень широким, хотя и не удавшимся замыслом построения перспективного плана промышленности как отрезка *синтетического* плана всего народного хозяйства в целом.

Подобно этому Трансплан НКПС в своих проектировках грузооборота координировал свою работу уже в стадии черновых проработок с проектировками ВСНХ, НКЗ и т. д. Но наиболее обобщающей плановой продукцией этого подготовленного периода были три синтетические перспективные ориентировки Госплана СССР. Первая из них (на 1925/26—1929/30 гг.) была закончена и доложена съезду плановых органов в марте 1926 г., следующая (на 1926/27—1930/31 гг.) была представлена на обсуждение 2-му съезду плановых органов в марте 1927 г., и третья (на 1925/26—1931/32 гг.) была готова уже осенью 1927 г., к XV съезду партии, давшему развернутые директивы к построению первой пятилетки [1].

И план ОСВОК, и перспективные ориентировки Госплана являются еще весьма сырыми полуфабрикатами синтетического планирования. Но как подготовительная стадия к построению первого пятилетнего плана эти черновые наброски представляют большой интерес и заслуживают пристального внимания.

Пятилетка ОСВОК

Промышленная пятилетка ОСВОК на 1925/26—1929/30 гг. [2], составленная под руководством Пятакова, наряду с сельскохозяйственной пятилеткой Земплана, представляет для нас теперь особый интерес, помимо всего другого, и с точки зрения отражения в планировании тех идеологических уклонов от генеральной линии партии, какие имели место в нашей хозяйственной практике.

Если аграризаторы из Земплана довольно ярко отразили в своей работе черты правооппортунистического уклона, то пятилетка Пятакова, выступавшего тогда в роли крайнего сверхиндустриализатора, должна бы отразить в себе если не теорию, то практику «левых» загибов троцкистской оппозиции. Пятаков еще в конце 1926 г. рекламировал свою работу в следующих выражениях: «Эта пятилетка является *единственной* пятилеткой, *солидно и* конкретно проработанной в ВСНХ» [3]. Тем не менее она даже не вносилась в Госплан, так как не получила необходимой апробации и в собственном ведомстве. В последних сводных выпусках пятилетки ОСВОК неудовлетворительность этой работы чувствуют уже и сами ее составители. Особенно ясно это выражено в V выпуске, посвященном финансовому плану пятилетки. Этот запоздавший выпуск, помеченный 1927 г., оперирует уже опытом первых двух лет запроектированной пятилетки и, опираясь на этот опыт, констатирует: «Жизнь показала, что *эта пятилетка неосуществима и*, очевидно, будет составляться новая» [4].

Основным ее дефектом в то время считалась и Пятаковым и другими его соратниками финансовая необеспеченность намеченной программы

---

[1] С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы, изд. 2. М., 1930.

[2] «Материалы Особого Совещания по воспроизводству основного капитала при Президиуме ВСНХ СССР», серия I «Пятилетие гипотезы по отраслям промышленности», кн. 1—29. М.—Л., 1926; серия II «Материалы к критике гипотез», кн. 1. М.—Л., 1926; серия III «Перспективы развития промышленности на 1925/26—1929/30 гг.», кн. I—IX. М.—Л., 1927.

[3] См. прения в Коммунистической академии по докладу В. П. Милютина от 26—27 сентября 1926 г. «Вестник Коммунистической академии», кн. XVII, 1926, стр. 211.

[4] «Материалы ОСВОК», серия III, вып. V. «Финансовые перспективы развития промышленности». М., 1927, стр. 83.

вложений, так как план был сверстан с дефицитом до 2 млрд. руб.[1] Пятаков пытался помочь этому горю политикой повышения отпускных цен. Но и опыт 1925/26 г. с повышением цен не оправдал возлагавшихся на него надежд. И в 1926 г. присяжный экономист ВСНХ А. М. Гинзбург в предисловии к V выпуску материалов ОСВОК констатирует: «Текущий год показал, что проектировка гипотез по капитальным работам на 1926/27 и 1927/28 гг. *является преувеличенной*», а присяжный финансист ОСВОК С. Абрамович меланхолически объясняет эту «ошибку» ОСВОК тем, что «основы гипотез намечались главным образом летом 1924/25 г., когда ближайшие перспективы рисовались в *очень розовом свете*»[2].

1924/25 год был действительно годом максимального за весь восстановительный период подъема промышленности. Кроме того, мы знаем, что в этот период еще не были созданы вредительские центры в плановых органах. Стало быть, специальных «директив» к преуменьшению темпов у составителей этой пятилетки не могло быть, скорее наоборот, и ведомственное усердие, и сверхиндустриализаторский пыл Пятакова толкали их в сторону преувеличенного оптимизма. Ну, а результаты? О них лучше всего судить путем сопоставления столь «солидно и конкретно» проработанных гипотез ОСВОК с советской действительностью (см. табл. 7).

«Гипотезы» ОСВОК, очевидно, для пущей гипотетичности их даются почти по всем элементам только за проектируемые годы без всякого их сопоставления с отчетными данными за базисный год. Вследствие этого намеченный темп роста этих элементов за первый год пятилетки остается под вопросом и по существу пятилетка превращается в четырехлетку. Лишь в одном выпуске этот очень существенный дефект выправлен в отношении себестоимости продукции в червонном выражении[3]. Прибавив к этой себестоимости прибыль, исчисленную планом, мы получили полную продукцию данного круга предприятий (гр. 5, табл. 7). Продукция эта охватывает почти полностью весь круг планируемой промышленности ВСНХ, по которому мы приводим цифры исполнения. Но в абсолютном выражении цифра плана за базисный год значительно ниже исполнения. Это объясняется тем, что в плане дается *готовая к выпуску* продукция по «трестовской» оценке, а в исполнении — *вся* продукция по «заводской» оценке[4]. В цифрах исполнения за все годы дана только планируемая промышленность ВСНХ. Впрочем, для сравнимости за последний год сюда включена продукция и тех трестов, пищевой промышленности, которые за это время перешли в другое ведомство. Тем не менее и без этой поправки исполнение резко превышает план как по продукции, так и по накоплению и объему вложений.

Таким образом, «неосуществимая» пятилетка ОСВОК, будто бы рисовавшая наши перспективы в слишком «розовом» свете, уже за первый год заметно отстала от действительности и в общем по продукции осуществилась полностью в четыре года.

Основной грех этой пятилетки заключается в том, что она на все пятилетие проектирует *затухающие* темпы роста производства, а между

---

[1] «Вестник Коммунистической академии», кн. XVII, 1926, стр. 211; «Материалы ОСВОК», серия III, вып. V. М., 1927, стр. 81. «Перед страной выдвигается проблема вложения в промышленность дополнительных примерно 2 миллиардов рублей, проблема, по-видимому, для рассматриваемого пятилетия не осуществимая».

[2] «Материалы ОСВОК», серия III, вып. V. «Финансовые перспективы развития промышленности». М., 1927, стр. 4 и 10.

[3] «Материалы ОСВОК», серия III, вып. IV, 1927, стр. 98. Здесь же дано «снижение этой себестоимости за все годы в отношении базисного 1924/25 г.», стр. 99.

[4] Привести исполнение за все годы по ранее принятой, *трестовской* оценке для сравнимости с планом невозможно вследствие изменения методов учета, но можно установить, что для 1924/25 г. «заводской» метод оценки повышает продукцию примерно на 16% против «трестовского», а наши итоги того же года (4977 млн. и 4255 млн. руб.) расходятся на 17% (см. табл. 7).

Таблица 7

Промышленная пятилетка ОСВОК на 1925/26—1929/30 гг.*
(Планируемая крупная промышленность)

Годы	Продукция (в млн. руб.) в довоенных ценах, абс.	в довоенных ценах, в % к 1924/25 г.	в довоенных ценах, в % к предыдущ. году	в современных ценах, абс.	в современных ценах, в %	Индекс цен к концу года	Себестоимость (в %)	Выработка одного рабочего (в %)	Накопление (в млн. червонных рублей), прибыль	Накопление, амортизация	Капитальные вложения, в млн. червонных рублей
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
План											
1924/25	2 460	100	—	4 255	100	100	100	100	—	—	—
1925/26	3 205	130	30	5 435	128	101,5	98,5	(111)	494	278	935
1926/27	4 168	169	29	6 375	150	?	94,8	?	562	358	1549
1927/28	5 144	209	23	7 459	175	?	89,7	?	653	429	1454
1928/29	5 923	241	15	8 216	193	?	86,1	?	738	488	1251
1929/30	6 698	272	13	8 928	210	(79,6)	80,0	(178)	787	535	959
За 5 лет	25 138	1021	—	36 413	856	—	—	—	3234	2088	6148
Исполнение											
1924/25	3 018	100	57	4 977	100	100	100	100	456	323	426
1925/26	4 213	139	39	6 969	140	101,5	101,8	111	614	365	930
1926/27	5 034	167	19	8 300	167	94,4	100,0	126	659	398	1193
1927/28	6 189	205	23	9 780	197	94,1	93,8	149	835	444	1539
1928/29	7 659	254	23	11 991	240	94,1	89,6	166	(1075)	(460)	1679
1929/30	9 480	314	24	14 370	288	—	83,4	182	(1560)	(500)	2917
За 5 лет	32 575	1079	—	51 410	1032	—	—	—	4743	2167	8258

* См. «Материалы ОСВОК», серия III, вып. IV, 1927, стр. 98; вып. V, 1927, стр. 87, 42, 51 и Бюллетени ЦОС ВСНХ. План дает валовую продукцию по трестовской оценке, исполнение учтено по так называемой заводской оценке, превышающей первую примерно на 16%. В остальном сопоставляемые цифры вполне сравнимы.

тем, начиная с 1927/28 г., вступают в работу уже значительные фонды заново реконструированных и совершенно новых производственных единиц, продукция которых явно недооценивалась планом. Эта недооценка эффективности капитальных работ в промышленности сказалась и в крайне уродливом распределении по годам плана вложений. Самая большая сумма намечалась на 1926/27 г., а затем проектировалось резкое затухание кривой вложений. Авторы плана запроектировали в этом отношении действительно неосуществимое напряжение для *первых* лет пятилетки, думая, что без этого оказалась бы нереальной даже та затухающая кривая роста продукции, которую они наметили. А между тем и меньшие вложения первых лет обеспечили более значительное и притом ускоряющееся нарастание продукции.

В отношении качественных показателей проектировки ОСВОК оказались тоже перевыполненными. Достигнутый прирост производительности заметно выше намеченной нормы. А снижение себестоимости, хотя формально и несколько ниже плана, на самом деле значительнее его, ибо достигнуто при гораздо меньшем снижении цен на промышленные материалы и полуфабрикаты. Цены промтоваров по группе «А» снижены всего на 4% вместо запроектированных 22%, т. е. раз в пять меньше, чем

намечалось по плану. За счет этого фактора проектировалось снижение себестоимости на 6,2%, а достигнуто, по-видимому, раз в пять меньше. Таким образом, за счет *рационализации* производства мы, несомненно, снизили себестоимость в бо́льшей мере, чем это казалось возможным «оптимистам» ОСВОК.

Опыт этой пятилетки поучителен в двух отношениях. Составители этого плана из числа буржуазных специалистов и при отсутствии вредительских директив промпартии, тогда еще не родившейся, органически не в состоянии были видеть «в очень розовом свете» наше будущее и, даже подстегиваемые всей обстановкой к преувеличенным планам, оказались безнадежными минималистами. Но еще любопытнее, что вместе с ними в рядах минималистов оказался, скользя вниз по затухающей кривой, и такой «левый» загибщик и «сверхиндустриализатор», как тогдашний руководитель ОСВОК Пятаков.

XIII. ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ СССР И ЭПИГОНЫ НАРОДНИЧЕСТВА [1]

1. К ВОЗРОЖДЕНИЮ НАРОДНИЧЕСТВА

Идеология народничества всегда заключала в себе черты реакционной утопии. Надежды на то, что Россия, минуя стадию капитализма, прямо через нашу сверху донизу прогнившую сельскую общину попадает в царство коммунизма, были насквозь утопичны и реакционны. Они приводили к слепой идеализации безнадежно отсталых форм сельского хозяйства и к сплошному отрицанию действительно прогрессивных сдвигов страны в сторону насаждения крупной фабрично-заводской индустрии. Чуждые диалектической логике, народники не видели, что успехи крупной индустрии, шествовавшей у нас под знаменем капитализма, несмотря на все отрицательные стороны последнего, являются все же огромным прогрессом по сравнению с изживаемыми в процессе его развития пережитками феодально-крепостного уклада деревни. Они не понимали, что путем мощного развития крупной индустрии капитализм повышал общий уровень производительных сил страны на такую высоту, на которой он уже перерастал старые формы государственного и социального равновесия и властно ставил в порядок дня политическую, а затем и социальную революцию. Народники расценивали нашу победно растущую промышленность как искусственно взращиваемый за счет «народных» соков чужеядный цветок, с которым у них не связано было никаких программ действия, никаких надежд. Они угрюмо отходили в сторону от фабричной копоти и шума и, сойдя, таким образом, с большой дороги русской революции, отдавались: в теории — революционной фразеологии, а на практике — проповеди малых дел народолюбия и питанию в собственной среде разных крестьянофильских иллюзий.

Через десять лет после Октябрьской революции, разумеется, нет уже никакой почвы для старонароднической идеологии. Махровые цветы революционно-народнической фразы о борьбе с царизмом за социализацию земли давно уже за полной ненадобностью облетели, тусклые огни якобы «социалистического» отрицания российского капитализма, увы, вместе с ним догорели. Облетели цветы, догорели огни... Но не в этих цветах и огнях революционной романтики, по-видимому, теплилась подлинная душа нашего российского народничества. Его классовая подоплека — интересы так называемого «трудового» крестьянства — сохранилась в полной своей неприкосновенности. Эти интересы по-прежнему требуют своего идеологического отображения хотя бы и в новых формах — применительно к новой обстановке. А если есть такой спрос, неизбежно появляется и предложение. И мы уже теперь вполне явственно можем указать все основные элементы кристаллизующейся на наших глазах новонароднической идеологии.

[1] «Плановое хозяйство, 1927, № 7—8.

Особенно благоприятным для оформления этой идеологии явился тот момент, когда мы подошли вплотную к концу восстановительного периода в нашем народном хозяйстве и на очередь была выдвинута основная проблема дальнейшего развития: по пути индустриализации или аграризации страны. В этот момент, как известно, даже в нашей собственой, марксистской среде обнаружилось некоторое разномыслие, наметились разные, довольно пестрые аграрные уклоны и уклончики. И хотя они встретили более чем дружный отпор в рядах партии пролетариата, тем более сочувственный отклик и развитие нашли себе эти уклоны в идеологически чуждой нам среде — за пределами партии и марксизма.

Нет нужды говорить, что в выступлениях против намеченной нами линии на индустриализацию со стороны отдельных «марксистов» вроде Сокольникова или Шанина и таких эпигонов народничества, как, скажем, проф. Кондратьев и проф. Макаров, имеются весьма существенные различия. Но не в них сейчас дело. Нас интересует здесь только идеология этих эпигонов.

Как и следовало ожидать, наиболее острый с ними спор у нас должен был возникнуть вокруг плановых перспектив нашего хозяйственного развития.

Эпигоны народничества никак не могут примириться с тем весьма энергичным темпом развертывания промышленности, какой намечается в наших планах. Правда, это уже не капиталистическая промышленность, но все же они и сейчас не прочь рассматривать ее как искусственно насаждаемый чужеядный цветок, который сможет столь ярко распуститься на нашей почве лишь в ущерб сельскому хозяйству, за счет сугубого истощения жизненных соков деревни. Только таким подходом и можно себе объяснить истерические выступления проф. Кондратьева на съезде плановиков об «ужасно тяжелом» положении забытой деревни, уровень благосостояния которой будто бы уже и ныне вдвое ниже довоенного и которой намеченные пятилеткой перспективы индустриализации угрожают еще новыми, доныне не испытанными бедствиями. Конечно, в этих типично народнических ламентациях и на этот раз, как и всегда, было гораздо больше пылкой экспрессии, чем холодной логики. И уже в порядке исправления своей стенограммы почтенный профессор внес в нее некоторые весьма существенные поправки. Но и в других, более продуманных своих выступлениях против намеченной индустриализации страны наши эпигоны народничества упорно отстаивают свои аграрно-крестьянофильские позиции. И в интересах очищения общественной атмосферы от всяких демагогических миазмов мы должны серьезно посчитаться с этой компанией.

Интересы подлинной смычки пролетариата с середняцко-бедняцкими массами деревни настоятельно требуют от нас в указанном отношении полной договоренности и ясности. Нам не нужно для этого никаких посредников, выступающих в роли непрошенных радетелей деревни. Но именно для того, чтобы надолго отбить у них охоту выступать в этой роли, мы должны оценить по достоинству всю их идеологическую аргументацию и все их ламентации и показать всем и каждому воочию, чего они стоят.

2. НА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

Выступая против основных позиций Госплана в области индустриализации страны, наши идеологические противники начинают издалека. Они прежде всего обрушиваются на нашу методологию планирования.

Методология планирования — область, весьма мало исследованная. И мы с охотой прислушиваемся к каждому новому слову, сказанному в этой области. Но, к сожалению, наши противники немного дают в этом отношении. В сущности, своей задачей проф. Кондратьев и его друзья считают

не столько разработку или критику тех или иных конкретных методов построения перспективных планов, сколько постановку более общей задачи о пределах и возможностях планового предвидения вообще. И разрешают они ее, как и следовало ожидать, весьма ограничительно.

По мнению проф. Кондратьева, содержание всякого плана сводится к правильному, научному *предвидению* тех или иных путей грядущего хозяйственного развития в данной области. Возможности научного предвидения в области общественного хозяйства, однако, чрезвычайно ограничены. А потому прежде всего мы должны ограничить свои прогнозы лишь областью наиболее основных линий хозяйственного развития. Да и эти прогнозы лучше всего было бы ограничить лишь качественными характеристиками, не стремясь, по возможности, к цифровому выражению даже наиболее общих тенденций.

В отношении возможности предвидения таких событий, как «конкретные размеры экспорта, конкретный уровень цен в определенный момент времени и т. д.», проф. Кондратьев вообще настроен более чем скептически. «Для того чтобы предвидеть их точно,— замечает он,— нам нужно было бы располагать почти идеальным знанием хозяйственного положения в исходный момент и почти всей совокупности закономерностей хода относящихся сюда окружающих событий» [1]. А поскольку такими знаниями мы не располагаем, то, очевидно, и всякие попытки планового предвидения подобных событий заранее осуждены на неудачу.

Будучи последовательным, проф. Кондратьев должен был бы прийти к тому уже давно провозглашенному буржуазной наукой выводу, что сама задача планового социалистического хозяйства иррациональна, т. е. *научно не разрешима,* а потому если *научный* социализм все же ставит перед собой такую проблему, то он, несомненно, впадает в этом пункте в утопию.

Так далеко, однако, проф. Кондратьев не идет. Он сам активно участвовал, хотя и без особенного успеха, в плановой работе Земплана. И это кое к чему обязывает.

Но уже в самом его подходе к задачам хозяйственного плана заложено глубочайшее внутреннее противоречие. Если бы задачи плана сводились к задачам научного предвидения того хода вещей, который целиком обусловлен совокупностью известных нам и еще не открытых объективных закономерностей, то нам вовсе не нужно было бы планировать. В самом деле, какой смысл заключался бы в «плане» проведения затмения солнца или осуществления капиталистического кризиса в установленные научным прогнозом числа и сроки? Ведь осуществление этих событий не нуждается в нашем содействии!

Если бы наше народнохозяйственное будущее на все 100% было уже продетерминировано обстоятельствами, от нашей воли не зависящими, то бесцельно было бы строить какие бы то ни было планы народного хозяйства. И в капиталистическом строе, подчиненном в своем развитии стихийным законам рынка, их не строили. Но мы уже в достаточной степени освободились от *безраздельного* господства этой слепой стихии. Октябрьская революция уже приоткрыла нам двери из царства необходимости в царство свободы. И мы теперь более чем когда-либо вправе вслед за Марксом поставить перед собой новую задачу: мы до сих пор только изучали мир, но дело идет о том, чтобы *изменять* его.

Именно поэтому в отличие от проф. Кондратьева характерной особенностью всякого хозяйственного плана мы считаем не элементы вкрапленного в этот план научного предвидения, а целевую установку плана как *системы хозяйственных заданий и предуказаний.* Это не освобождает нас, конечно, от необходимости реального учета наших объективных возмож-

---

[1] «Пути сельского хозяйства», 1927, № 2, стр. 13—14.

ностей при построении такой системы заданий. Научные исследования наличных ресурсов и объективных тенденций хозяйственного развития страны составляют необходимую *предпосылку* планирования, но отнюдь не определяют собой самого содержания плана. Опираясь на одни и те же познавательные ресурсы, идеологи различных социальных групп могут построить весьма различные планы. У одних, например, может при этом получиться план индустриализации, а у других — план аграризации страны. И теоретически оба такие плана могут оказаться равно возможными. Но осуществится из них на деле только один: тот, который будет принят к исполнению и активно поддержан волевыми усилиями трудящихся масс. Концентрировать и мобилизовать коллективную волю производителей на тех или иных хозяйственных задачах — вот в чем видим мы основное назначение плана. А это далеко выходит за пределы чисто познавательных задач кабинетной науки.

Кабинетные ученые часто забывают, что коллективная воля производителей есть тоже один из факторов хозяйства, и притом — далеко не последний, особенно в наших условиях. Они и не подозревают, что всякий объективный прогноз будущего, игнорирующий этот объективный фактор, не может в наших условиях иметь научного значения. Чтобы избежать этой ошибки, эти ученые должны бы в число своих познавательных задач при построении хозяйственного плана включить и задачу предвидения коллективной воли производителей. Это отнюдь не безнадежная задача, конечно. Но проблема *предвидения* волеустремлений того или иного класса по самому своему существу в высокой степени пассивна. Мы ставим ее себе при построении наших планов гораздо активнее. Мы не ограничиваем себя задачей стороннего наблюдения в целях предвидения тех или иных волеизъявлений масс. Мы сами, сознавая себя элементом этих масс, стремимся активно сформировать и сконцентрировать их волю на определенных конкретных заданиях, идущих по пути осуществления конечных идеалов пролетариата.

Конечно, это нелегкая задача. Выдвигаемые нами проблемы и намечаемые планом мероприятия для их осуществления могут в том или другом случае и не привлечь к себе достаточного внимания трудящихся масс. Более того, иной раз они могут быть даже прямо отвергнуты по тем или иным соображениям теми органами, которые от имени пролетариата осуществляют власть в стране. Несомненно, такие — не поддержанные коллективной волей пролетариата — плановые мероприятия не осуществятся, хотя бы с точки зрения всех остальных — *объективных* — моментов хозяйства они были задуманы совершенно правильно и вполне реально. Но может ли это в какой-либо мере дискредитировать нашу общую целевую установку и понимание задач планирования?

С точки зрения проф. Кондратьева, может. Подкрепляя свой принципиальный скептицизм в отношении возможностей планирования неоднократными ссылками на конкретные «просчеты» и «ошибки» Госплана, он особенно охотно пользуется опытом 1925/26 г. Вот, мол, в директивах контрольных цифр на 1925/26 г. предполагалось снижение оптовых цен, а они повысились; в отношении экспорта, эмиссии и текущих счетов в кредитных учреждениях намечалось такое-то повышение, а получилось совершенно иное и т. д. Конечно, ни для кого не секрет, в том числе и для проф. Кондратьева, какая судьба постигла наш проект контрольных цифр на 1925/26 г. Как известно, комиссия Каменева, которая по поручению СТО должна была вынести от имени правительства свою резолюцию о контрольных цифрах Госплана, ни разу не собралась, и потому этот документ остался без всякой санкции. Они не были отвергнуты, но в то же время никто не был обязан и принимать их к исполнению. Казалось бы, что в таких условиях нельзя еще трактовать те или иные директивы этого года как ошибочные только потому, что они не осуществились. Как, в самом

деле, могли быть выполнены на 100% даже те директивы Госплана, которые никем не приняты к исполнению?

Но не так думает проф. Кондратьев. «Раз известная система мероприятий предполагалась, а потом не осуществилась, значит,— отвечает на такие сомнения наш ученый профессор,— предположения по поводу ее были нереальны, *значит, прогноз вероятного направления мероприятий был ошибочен.* Значит, и в целом прогноз в той форме, как он был сделан, оказался не под силу» [1].

В чем соль этого столь глубокомысленного замечания? Не в том ли, что даже *система мероприятий*, составляющая душу всякого плана, должна строиться не в порядке волевой установки, а в порядке прогноза, т. е. объективного предвидения наиболее вероятного хода вещей. Однако прибегать к теории вероятности для того, чтобы определить, чего мы *хотим* в своих планах, нет необходимости. Если же мысль автора заключается в том, что хорошие плановики должны из пиэтета к научной объективности превратиться в ученых кастратов, лишенных всяких собственных страстей и устремлений, и «хотеть» лишь того, что *по теории вероятностей* является наиболее осуществимым в данных условиях времени и места, то он глубоко заблуждается. Кастрировать плановую волю пролетариата в нашей стране не удастся даже столь просвещенным критикам наших методов планирования, каким является проф. Кондратьев.

Мы охотно допускаем, что проф. Кондратьеву или какому-либо иному эпигону народничества представляются наиболее «вероятными» с точки зрения их «приемлемости» и осуществимости в нашей крестьянской стране те мероприятия, какие, хотя бы ценою обращения СССР в колонию иностранного капитала, будут обеспечивать у нас наибольшее развитие сельскохозяйственной — зерновой и сырьевой — продукции для экспорта за границу. Но если бы это было и так, советский пролетариат не признал бы такую целевую установку *своей* программой и не пошел бы по этому самоубийственному для него пути. Мы никогда не откажемся от своих целей только потому, что их осуществление не обеспечено стопроцентной вероятностью, ибо *воля пролетариата и наши планы,* концентрирующие эту волю для борьбы за поставленные им перед собой задачи, сами могут и должны стать тем *решающим* шансом, какого недоставало для их успешного разрешения.

Но, может быть, в задачи прогноза реальности предлагаемых Госпланом мероприятий, по мнению проф. Кондратьева, должно входить «предвидение» и таких обстоятельств, как то, соберется ли комиссия вовремя для их утверждения или нет, будут ли они той или иной комиссией целиком одобрены или в известной части отклонены и т. д. Если отсутствие *такого* прогноза наш критик считает признаком нереальности наших планов, то он по-своему прав, конечно. Реальность планов можно себе мыслить поразному. Если подходить к плановому делу по-чиновничьи, то, пожалуй, и впрямь верхом реализма будет построить такой план, который лучше всего соответствует щедринскому «чего изволите?». Но в советских условиях нет места для таких подходов. Нам не приходится заботиться и строить прогнозы о том, чего изволит «начальство». Наш план должен лишь творчески осмыслить и отобразить на данном отрезке времени кратчайший путь к социализму. И если это важнейшее условие соблюдено, если в этом отношении план задуман реалистически, то мы не сомневаемся, что *немного раньше или немного позже* такой план будет у нас воспринят и приведен в действие. Таким образом, мы заранее готовы к тому, что далеко не всякая наша плановая идея будет *сразу же* воспринята всей советской общественностью. Нет, мы готовы к длительной и упорной борьбе за плановое начало вообще и за те частные плановые идеи, которые по тем или иным

---

[1] «Пути сельского хозяйства», 1927, № 2, стр. 14. Курсив наш.— *С. С.*

причинам требуют для своего признания известного времени и проверки жизненным опытом.

Основное наше разногласие с проф. Кондратьевым в области методологии планирования сводится к тому, что он до сих пор еще трактует наше советское хозяйство как хозяйство капиталистического типа.

В капиталистическом хозяйстве тоже приходилось кое-кому строить перспективные хозяйственные расчеты. Проф. Кондратьев в качестве примера таких расчетов приводит исчисления грузооборота и рентабельности проектируемых железных дорог, перспектив заселения имеющихся земель в Соединенных Штатах Америки к 1950 г. и др. Все такие расчеты ставят своей задачей лишь более или менее грубую хозяйственную ориентировку в порядке *предвидения* будущего, исходя из экстраполяции на ряд лет вперед тех коэффициентов прироста населения, продукции, грузооборота и т. д., какие определились из прошлого. Такого рода расчеты вполне приемлемы для нашего профессора. Более того, он великодушно допускает у нас даже более широкое применение подобных перспективных «предвидений», чем то, какое наблюдалось в капиталистическом хозяйстве. «Мы отдаем себе полный отчет в том,— говорит он,— что наше государство, руководящее значительным сектором всего народного хозяйства и ставящее своей задачей глубокое воздействие на остальной сектор его, стоит перед более сложными проблемами, чем частный предприниматель или капиталистическое государство. Оно нуждается поэтому и в более *объемлющих и широких* перспективных построениях» [1]. Но это *количественное* расширение, в представлении нашего профессора, отнюдь не должно перейти в *качественно* иной подход к построению планов в новых условиях.

Он не видит, что если в капиталистическом хозяйстве, т. е. при безраздельном господстве *стихийных* процессов развития, мы вынуждены были ограничиваться выявлением — путем экономического анализа и грубых цифровых экстраполяций от прошлого к будущему — лишь наиболее основных *тенденций* развития, то для новых хозяйственных условий такое пассивное *предвидение* будущего является уже преступным капитулянтством перед наполовину обузданной стихией. Почему мы должны заниматься пассивным предвидением даже того, что в нашей воле активно предуказать? Являясь уже полновластным хозяином 96% фабрично-заводской продукции, Советское государство приглашается к кабинетному предвидению того, кому оно захочет реализовать эту продукцию, на каких условиях и т. д., вместо того, чтобы разумно управлять этим хозяйством в согласии с намеченными ему задачами.

Приглашая плановиков к усилению экономического анализа, проф. Кондратьев сам настолько мало уделяет ему внимания, что просмотрел даже то принципиальное различие в экономике советского хозяйства по сравнению с капиталистическим, которое наголову опрокидывает все его представления о роли предвидения в плановой методологии.

Мы не отказываемся ни от выявления стихийных тенденций развития в тех отраслях нашего хозяйства, где они сохраняют еще свое значение, ни от приемов прогноза методами экстраполяции по статистическим и динамическим коэффициентам в тех случаях, когда нам нечем еще их заменить, но все эти методы и приемы имеют для нас лишь чисто подсобное, *служебное значение*. Уже теперь мы не видим в СССР таких областей хозяйства, в которых бы целиком господствовали не зависящие от нашей воли законы хозяйственной стихии. А раз это так, то за начало координат при постройке наших планов мы можем и должны брать не то, что может быть предусмотрено в порядке прогноза, а то, что может быть предуказано в порядке целевой установки.

---

[1] «Пути сельского хозяйства», 1927, № 2, стр. 30. Курсив наш.— *С. С.*

Мы знаем, что все отрасли хозяйства связаны между собою неразрывной цепной связью взаимной обусловленности. Построить перспективный план всего народного хозяйства при этих условиях путем простого сложения изолированно друг от друга построенных планов отдельных отраслей хозяйства — невозможно. Мы преодолеваем эту трудность тем, что выбираем из всех отраслей хозяйства в качестве ведущего звена лишь одну, проектировка которой по закону цепной связи должна последовательно определить собой перспективы развертывания и всех других звеньев. Если бы при этом в качестве такого ведущего звена мы избрали, скажем, сельское хозяйство с его 25 млн. индивидуально хозяйствующих субъектов, то здесь нам в максимальной степени пришлось бы посчитаться с законами неорганизованной стихии. Предвидению путем выявления стихийных тенденций развития и экстраполяции от прошлого к будущему по разным коэффициентам пришлось бы, к полному удовлетворению проф. Кондратьева и его друзей, отвести здесь первое место. А в результате перехода от сельского хозяйства к другим отраслям по законам цепной связи печать этой индивидуалистической стихии отживающего прошлого со всеми ее омертвевшими коэффициентами легла бы и на все другие части перспективного плана. Например, экстраполированные из прошлого коэффициенты прироста продукции сельскохозяйственного сырья ограничили бы в наших планах развертывание соответствующих отраслей промышленности, грузооборота и т. д.

Но наша задача — не увековечить те или иные коэффициенты прошлого, автоматически перенося их в будущее, а радикально изменить их в интересах этого будущего. Уже поэтому ясно, что нас отнюдь не прельщают методы автоматической экстраполяции коэффициентов капиталистического прошлого в социалистическое будущее. И потому в качестве ведущего звена хозяйства мы избираем ту его отрасль, которая в наибольшей степени обобществлена и всецело подчинена нашему волевому на нее воздействию. Таким ведущим звеном у нас мы считаем крупную промышленность, перестраиваемую нами на базе электрификации. Здесь и в планах намечаемого нами переоборудования старых заводов, и в проектах нового индустриального строительства уже не приходится слишком много внимания уделять выявлению каких-либо *стихийных тенденций*. Инженерная проектировка таких планов вполне определяется целевыми заданиями и трезвым учетом наличия в стране необходимых для их осуществления производительных сил и ресурсов. А вместе с тем, раз эти задания уже сформулированы, они по закону цепной связи определят собой размах роста не только промышленности, но и сырьевой продукции сельского хозяйства, и грузооборота страны, и товарооборота, и всех остальных важнейших элементов народного хозяйства.

Конечно, следуя в проектировках плана от ведущего звена — промышленности — по полигону цепной связи с нею всех остальных звеньев народного хозяйства, мы должны будем в последнем счете вновь вернуться к промышленности и посмотреть, отвечает ли и она тем встречным требованиям, какие к ней могут быть предъявлены со стороны других отраслей хозяйства. Для того чтобы весь указанный полигон замкнулся без всякого разрыва и дал при балансовой проверке достаточные соответствия между производством, потреблением и накоплением во всех отраслях хозяйства, нужны очень отчетливое знание цепной связи отдельных отраслей хозяйства между собой и очень точные технические расчеты при взаимной их увязке. Ивестно, что даже при гораздо более простой операции — например, при инструментальной съемке на план какой-либо местности — тот полигон, который наносится на планшетку и который при точном отсчете всех углов должен бы в точности сомкнуться, никогда на деле сразу не смыкается. Гораздо труднее получить полную увязку всех частей в плане, охватывающем все народное хозяйство в целом. И так как обнаружить

неувязку плана можно лишь, дойдя до *последнего* его звена, то необходимые поправки приходится затем проводить *по всем звеньям цепи,* от первого до последнего. А в результате может получиться новая неувязка, хотя бы и меньшего значения. И тогда снова придется внести в ведущее звено добавочные поправки и снова провести их по всем звеньям от первого до последнего.

Этот путь *последовательных вариантных приближений* к целостному, внутренне увязанному во всех частях народнохозяйственному плану мы и применяем в своей проектировке перспективных планов.

Осуществляемая этим путем задача построения плана как *системы цифровых заданий* всем отраслям хозяйства очень далека, конечно, от представлений проф. Кондратьева о задачах планирования путем прогноза *основных тенденций* хозяйственного развития. Применяемый нами метод следования от основной директивы плана на индустриализацию страны к частным цифровым заданиям, необходимым для реализации этой директивы, по всем звеньям народнохозяйственного полигона совершенно не понят почтенным профессором. Всякую цифру плана, т. е. всякий *элемент* расчета передачи основных директив плана по всей цепи хозяйственных звеньев для балансовой их увязки, он рассматривает как особое предсказание. Его возмущает обилие и детализация этих прогнозов, далеко выходящих за пределы возможного научного предвидения, и он смело квалифицирует такой подход к плану как «фетишизм цифры».

Но фетишизирует наши цифры, придавая им несвойственное значение, не кто иной, как проф. Кондратьев. Мы сами отнюдь не считаем их предсказаниями. Чтобы понять всю нелепость его цифробоязни, представим себе, что, изучая проект Днепростроя, мы не нашли бы в нем цифрового ответа, скажем, на такие вопросы: во что обойдется нам эта постройка, сколько она потребует разных материалов и труда для своего осуществления, какова будет продукция станции, себестоимость и продажная цена одного киловатта энергии, рентабельность проектируемых вложений и т. д. и т. п. Мы, конечно, ни на минуту не заблуждаемся насчет значения тех цифр, какие нам предлагаются в проекте в ответ на такие вопросы. Это ориентирующие нас расчетные цифры, а не прогнозы в кондратьевском смысле. Если проект отвергается, то ни одна из них сама по себе не имеет никаких шансов на осуществление. Но даже в том случае, если проект получает санкцию, мы знаем, что нередко, как показывает нам опыт хотя бы Волховстроя, такие *расчетные* цифры отнюдь не оправдываются на все 100% в *отчетных.* И все же мы не могли бы утвердить проект Днепростроя без самых детальных цифровых расчетов, освещающих указанные вопросы. И непонятно, почему это в меньшей мере необходимо, если вместо одного Днепростроя нам нужно обосновать целесообразность капитального строительства, эквивалентного десяткам или даже целой сотне Днепростроев.

Характерно, что проф. Кондратьев отнюдь не выказывает никакой цифробоязни, когда он подходит к такому хозяйственному плану, какой представляет, скажем, ежегодный государственный бюджет любой капиталистической страны. А ведь в бюджете все параграфы и статьи его приходной и расходной сметы тоже представляют собою прежде всего лишь *облеченные в цифровое выражение волеизъявления* государственной власти, а не кабинетные прогнозы того, что должно осуществиться в силу объективных тенденций экономического развития, независимо от чьей-либо воли. На компетенцию буржуазных государств строить такого рода директивные планы и осуществлять их с достаточной степенью точности проф. Кондратьев не посягает. Но вот если Советское государство применительно к своему гораздо более широкому охвату всех командных хозяйственных позиций в стране приходит в постройке своих плановых *директив* от проектировки одного лишь государственного бюджета к контрольным цифрам всего народного хозяйства, то наш ученый профессор сразу же

приходит в состояние смертельного беспокойства о том, что мы слишком много проектируем цифр и явно выходим за пределы возможного предвидения.

Это беспокойство было бы, конечно, совершенно неуместным для эпигонов народничества, если бы наши контрольные цифры были только прогнозами, да еще к тому же плохими, поскольку они выходят за пределы *возможного* предвидения. Поскольку эпигонам народничества в их устремлениях на аграризацию страны совсем не по дороге с нами в нашей целевой установке на индустриализацию, они могли бы только радоваться, что мы так неумело планируем, строя несбыточные, никуда не годные прогнозы. И если они все же беспокоятся, то именно потому, что отлично чувствуют *директивное* значение наших контрольных цифр и отнюдь не столь уверены в их несбыточности, сколь им этого хотелось бы.

Директивного значения наших планов отнюдь не отрицает даже проф. Кондратьев. Он лишь хочет свести его к минимуму такой постановкой проблемы планирования, по которой не плановые директивы должны определять собою направление нашего хозяйственного развития, а, наоборот, они сами должны определиться прогнозом тенденций стихийного хода событий. Прогноз выдвигается здесь на первое место. Его роль уже не служебная, а определяющая при построении хозяйственных перспектив. «Выдвигая те, а не иные перспективы,— замечает проф. Кондратьев,— мы *тем самым даем или, точнее, принимаем на себя* определенную директиву в организации наших мероприятий и действий» [1].

Этот прекрасный рецепт — не давать, а «принимать на себя» плановые директивы — чрезвычайно поучителен. В стране сложились определенные общественные отношения, кратко именуемые: диктатура пролетариата. Пролетариат дорогой ценой — ценою своей крови и многолетних героических усилий — завоевал, наконец, себе возможность свободно претворять свою волю в действие. Это — бытие. Но вот на сцену выскакивает некий лабораторный гомункулус, олицетворяющий в своих прогнозах будущего примат «сознания», и провозглашает перед лицом освобожденного пролетариата:

Стой! Ты должен не давать, а «принимать на себя» продиктованные моими «прогнозами» директивы и программы действий...

Нет, уважаемый гомункулус, напрасно беспокоитесь. Не пройдет у нас эта идеология.

3. НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

Наша плановая практика привлекает критическое внимание эпигонов народничества, разумеется, в еще большей степени, чем плановая теория. Правда, эта практика имеет пока еще слишком недолгую историю. Но все же она уже имеет ее. И наши критики очень усердно стараются извлечь из нее все, что только может быть поставлено в упрек нашей экономической политике вообще и нашей плановой практике в частности.

Посмотрим же, насколько им это удается.

С особенным удовольствием наши критики пляшут и играют по поводу «ошибок» и «просчетов» первых конкретных цифр Госплана на 1925/26 г.— тех самых, которые высокоавторитетная комиссия Каменева так и не удосужилась ни принять, ни отвергнуть.

Основной их грех, по представлению народнической критики, заключается в том, что они наметили чересчур резкий курс на индустриализацию. Запроектированные размеры капитальных вложений в промышленность не соответствовали фактическому темпу накоплений в стране, и потому стремление осуществить эту непосильную задачу могло лишь привести нас к перенапряжению наших средств и в области кредита, и в

[1] «Пути сельского хозяйства, 1927, № 2, стр. 11. Курсив наш.— *С. С.*

области эмиссии, и в других областях, а такое перенапряжение неизбежно должно было стать источником целого ряда хозяйственных затруднений.

Хозяйственные затруднения в 1925/26 г. у нас, действительно, наблюдались. И поэтому неудивительно, что всякое правдоподобное их объяснение *ошибками плана* воспринималось нашими хозяйственниками без особой критики. Одно время пользовалось у нас успехом и это приведенное выше объяснение. Но теперь прошло уже достаточно времени, чтобы, вооружившись фактами и цифрами, проверить его основательно. Мы не сомневаемся, что для народнической психики наши шаги по пути индустриализации всегда будут казаться слишком поспешными. Но могут ли наши наметки в этой области быть признаны чрезмерными с *объективной* точки зрения — об этом лучше судить по следующим фактам.

По первоначальному варианту контрольных цифр на 1925/26 г. капитальные вложения в промышленность без электрификации были определены Госпланом в 800 млн. червонных рублей [1]. Но, как указывалось уже, эти цифры не были утверждены. По плану же промышленности была утверждена, правда с порядочным запозданием, только 23 марта 1926 г., программа вложений в сумме 820 млн. руб., включая 75 млн. руб. условных заграничных кредитов, а за вычетом их — 745 млн. руб. Заграничные кредиты запоздали и не были использованы в данном году. Но зато сверх основного плана правительством дополнительно в течение года было утверждено по разным отраслям промышленности еще на 42,8 млн. руб. вложений. Таким образом, всего утверждено было вложений на сумму 788 млн. руб., не считая иностранных кредитов [2], т. е. всего на 1,5% меньше первоначальной программы. При этом надо вспомнить, что резкая критика контрольных наметок Госплана за их преувеличенность и чрезмерный оптимизм началась со стороны разных профессоров — Литошенко, Макарова и прочей ученой братии проф. Кондратьева — еще с августа 1925 г. И правительство имело достаточно времени, чтобы взвесить всю их аргументацию и учесть все уже выявившиеся за полгода действительные просчеты контрольных цифр, прежде чем оно утвердило вышеуказанную сумму вложений.

Но, может быть, в данном случае не только Госплан, но и правительство просчиталось, наметив себе такую программу, какая, если поверить проф. Кондратьеву, заведомо была нам «не под силу»?

Лучший ответ на это могут нам дать лишь отчетные цифры о фактическом выполнении вышеуказанной строительной программы. Мы знаем теперь, что вследствие запоздания в утверждении, недостаточной организационной подготовки и многих других «детских» болезней нашего строительства в этой программе допущено было очень много серьезных промахов и ошибок, но тем не менее по своему объему она отнюдь не оказалась для нас непосильной. Уже в предварительном отчете Промфинплана значится фактически израсходованной на строительство сумма в 780 млн. руб., что составляет 99% утвержденного плана. А в докладе В. В. Куйбышева IV съезду Советов мы находим следующие строки: «Проверка отчетных данных за 1925/26 г. показывает, что действительный объем капитальных работ будет превышать 800 млн. руб., так как *часть капитальных работ была отнесена на счет текущего ремонта*» [3].

Как велика эта часть, мы точно не знаем [4]. Но мы можем привести

---

[1] «Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 г.», изд. 2, М.— Л., 1925, стр. 32.

[2] «Сводный производственно-финансовый план госпромышленности». М., 1927, стр. 122 и сл.

[3] «Промышленность СССР к IV съезду Советов». Материалы к докладу председателя ВСНХ СССР В. В. Куйбышева. М., 1927, стр. 12. Курсив наш.— *С. С.* В более поздних подсчетах ВСНХ дается уже цифра в 811 млн. руб.

[4] По имеющимся у нас сведениям, сумма сделанных уже поправок по этой статье дала 23 444 тыс. руб. Но это, несомненно, еще сильно преуменьшенный итог.

следующую справку. По 60 трестам общесоюзной промышленности с основными фондами в 3025 млн. червонных рублей и выпуском продукции по себестоимости в 2333 млн. руб. капитальный ремонт за 1924/25 г. составил 60,9 млн. руб., а текущий — 130,2 млн. По эмпирическим коэффициентам из заграничной практики известно, что капитальный ремонт нормально достигает около 2,5% от выпуска продукции, а текущий — только 1,75%, т. е. всего 0,7 от капитального. В нашем же случае на капитальный ремонт затрачено 2,6%, т. е. по норме, а на текущий — 5,65% стоимости выпуска, т. е. в 3,2 раза выше нормы. Отсюда нетрудно заключить, что в 1924/25 г. только по указанным 60 трестам под видом «текущего» ремонта, т. е. без всякого плана, было произведено капитальных затрат на сумму не менее 87 млн. руб., а если сделать поправку и на остальные, не учтенные нами тресты с основными фондами 2475 млн. руб., то общий итог таких внеплановых капитальных вложений по всем предприятиям ВСНХ составит, вероятно, до 150 млн. руб. или около того. За 1925/26 г. только по 75 трестам «текущий» ремонт поглотил 214 млн. руб. при капитальном ремонте в 90 млн. руб., что обозначает перерасход по текущему ремонту *сверх нормы* в 151 млн. руб. А если сделать поправку и на неучтенные тресты, то этот перерасход придется увеличить еще миллионов на 80.

О чем же это говорит? О недостатке или избытке ресурсов для капитальных работ? Если мы ежегодно *сверх плана* капитальных вложений, выполняемого с достаточной точностью, ухитряемся находить еще десятки, если не сотни, миллионов рублей и для превышения этого плана в порядке анархических к нему поправок за счет внутренних ресурсов промышленности, то это отнюдь не может служить доказательством непосильности для нас того темпа индустриализации, какой мы наметили себе в *плановом* порядке.

Может быть, нам скажут, что вследствие перерасхода в части капитального строительства мы вынуждены были обескровить промышленность в части оборотных ее ресурсов и тем самым создать целый ряд затруднений в ее развертывании? Это допущение, однако, тоже отнюдь не подтверждается фактами. В самом деле, по контрольным цифрам на 1925/26 г., государственная промышленность по кругу предприятий, учитываемых Центральным отделом статистики (ЦОС) ВСНХ, имела задание расширить свою продукцию в довоенных ценах на 30,7%, а фактически, по отчетным данным ВСНХ, развернула ее на 38,9% [1]. Таким образом, и это задание оказалось выполненным на все 100%. Правда, это потребовало повышения оборотных средств государственной промышленности в материальной и денежной форме с 2271 млн. до 2882 млн. червонных рублей, т. е. на 611 млн. руб., или на 27%. Но такие средства, как показывает сводный баланс нашей государственной промышленности, нашлись у нее и оказались вполне достаточными для указанного развертывания [2].

Правда, возможно еще одно сомнение. Мы не знаем, ценою какого напряжения для нашей кредитной и эмиссионной системы достигнуто то финансирование промышленности, какое потребовалось для вышеуказанных ее достижений. Но в докладе В. В. Куйбышева мы находим некоторый материал и для разрешения этих сомнений. План финансирования промышленности ВСНХ на 1925/26 г. и его выполнение, по тем предварительным данным, какими ВСНХ располагал к весне 1927 г., может быть представлен в следующем крайне интересном сопоставлении (в млн. червонных рублей) [3].

---

[1] Ср. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 г.» М., 1926, стр. 79 и «Ежемесячный статистический бюллетень» ВСНХ ЦОС, сентябрь 1926 г., стр. 9. По данным ЦСУ, для всей цензовой промышленности прирост ее продукции за 1925/26 г. в довоенных цензах исчисляется еще выше, в 44,8%. «Статистический справочник СССР», изд. ЦСУ, 1927, стр. 181.

[2] «Сводный баланс на 1.X.1925 г.». Промиздат ВСНХ, 1927, стр. 10.

[3] «Промышленность СССР к IV съезду Советов». Материалы к докладу председателя ВСНХ СССР В. В. Куйбышева. М., 1927, стр. 21.

Источники	План	Исполнение
1. Прибыль и амортизация	730	900
2. Финансирование капитальных затрат	322	362
3. Иностранный кредит	121	13
4. Рост задолженности НКФ и пр.	40	125
5. Банковский кредит	400	220
Итого по 1—5	1613	1620
6. Реализация неликвидных ценностей	40	10
7. Сокращение кассы и текущих счетов	—	45
Всего	1653	1675

Как видим, в общем и целом промышленности не потребовалось больше средств, чем предполагалось по ее планам. Но по отдельным статьям эти планы оправдались далеко не так, как предполагалось. И прежде всего нужно отметить основное отличие. Собственное накопление промышленности, уже по предварительным подсчетам, оказалось на 170 млн. больше, чем предполагалось, вследствие чего банковский кредит оказалось возможным сократить на целых 180 млн. против плана. Такие факты отнюдь не могут служить доказательством недостаточности в стране ресурсов для осуществления намеченного планом темпа индустриализации.

В самом деле, почему программа вложений в промышленность на капитальный ремонт и новое строительство задумана нереалистично, если на ее осуществление требуется всего 800 млн. руб., в то время как внутреннее накопление самой промышленности достигает уже 900 млн. руб. в год? А ведь, если учесть еще те прибыли, которые запрятаны в отчетности трестов под маской преувеличенной их потребности в текущем ремонте, то придется фактическое накопление промышленности оценивать даже значителвно выше учтенного.

Правда, одна лишь наличность достаточных ресурсов для проведенного финансирования промышленности не оправдывала бы еще его размеров, если бы, скажем, оказалось, что усиленное финансирование промышленности *в ущерб* сельскому или другим отраслям хозяйства привело нас или по крайней мере угрожает привести страну к кризису индустриального перепроизводства. Но ведь этого нет. Разве для проф. Кондратьева и его друзей не ясно, что и в 1927 г. не город страдает от недопроизводства продуктов деревни, а, наоборот, деревня и вся страна в целом предъявляют такой спрос на продукты городской промышленности, который мы никак не можем полностью насытить. Эту диспропорцию между производством города и деревни никуда ведь не денешь. Она налицо.

Правда, проф. Кондратьев пытался оспаривать и самый факт наличности у нас этой диспропорции. Но весьма неудачно. Мы имеем в виду его выступление в институте экономики (РАНИОН) от 11 марта 1927 г. с докладом «О природе нашего хозяйственного подъема» за последнее пятилетие. В этом докладе он очень энергично оспаривает попытки объяснить наши затруднения в 1925/26 г. ссылками на ту диспропорцию в размерах продукции сельского хозяйства и промышленности, о которой у нас велась столь оживленная полемика еще осенью 1926 г. *Концепцию* о диспропорции проф. Кондратьев признал во всех ее вариантах «несостоятельной» и предложил «отвергнуть», выдвигая взамен ее другую, свою собственную концепцию объяснения наших хозяйственных затруднений. Концепция, однако, остается концепцией, а факты — фактами. И хотя в оригинале

стенограммы доклада проф. Кондратьева мы находим весьма решительное утверждение: «*Никакой диспропорции* как раз в годы наибольших затруднений — в конце 1924/25 г.— *не было*», однако по зрелом размышлении, в порядке исправления своей стенограммы, наш профессор предпочел его заменить другим, гораздо более скромным: «Никакого *обострения* диспропорции», видите ли, в 1924/25 и 1925/26 гг. не было.

Тем не менее в обеих стенограммах у него сохранилась следующая цифровая справка, подтверждающая его право отрицать самый факт диспропорции. «В 1925/26 г. продукция сельского хозяйства,— по справке проф. Кондратьева,— дает 87%, а продукция промышленности — 91% довоенного уровня». Откуда, дескать, всякому должно быть ясно, что об относительном *недопроизводстве* индустриальной продукции, если исходить из довоенных норм, в 1925/26 г. у нас не могло быть и речи. К сожалению, те неоспоримые «хвосты», которые все же стояли в 1925 г. у дверей наших магазинов, говорят нам довольно ясно, что либо довоенный аршин неприменим к нашим условиям, либо приведенные профессором цифры весьма дефектны. А вернее всего, и то, и другое не в порядке. Достоверно во всяком случае одно, что исчисление довоенной продукции, на которое в данном случае опирался докладчик, уже пересмотрено ЦСУ и исправлено. А в связи с этим, по последним расчетам Госплана, принятым в его пятилетке, продукция промышленности в 1925/26 г. у нас достигала лишь 89% довоенной нормы по своему физическому объему, в то время как продукция сельского хозяйства превзошла уже 99% [1].

Таким образом, факт диспропорции между объемом промышленной и сельскохозяйственной продукции СССР в 1925/26 г., а особенно к концу 1924/25 г., когда высокий уровень 1925 г. был уже налицо, а промышленность стояла еще на уровне всего 66% довоенной продукции, едва ли подлежит спору — тем более, что подъем уровня благосостояния трудящихся после революции создает огромный добавочный спрос на продукты широкого потребления. Этот факт уже сам по себе является достаточно солидным источником всякого рода хозяйственных затруднений. И наиболее здоровым способом их изживания может стать только хорошо продуманная программа индустриализации.

Однако проф. Кондратьев в названном выше докладе «О природе нашего хозяйственного подъема» выдвигает иное объяснение причин наших хозяйственных затруднений, которое заслуживает специального внимания.

Оригинально в этом докладе, конечно, не то, что наш бурный хозяйственный подъем 1921/22—1925/26 гг. имел, по определению проф. Кондратьева, «явно выраженный характер *восстановительного* подъема». Это ведь отнюдь ни для кого не ново. Оригинально в нем лишь то, что в объяснение наших беспримерных хозяйственных достижений за указанное пятилетие докладчик ничего не захотел отнести за счет планового начала в хозяйстве СССР, столь отличающего его от стран нашего капиталистического окружения, но зато все хозяйственные затруднения, сопровождавшие этот подъем, отнес целиком за счет «ошибок» планирования.

Нас очень мало занимает здесь та сама по себе весьма банальная логическая схема, которая положена была докладчиком в основу его анализа нашего экономического подъема. Вся эта довольно убогая концепция легко укладывается в два-три положения.

«Страна располагала выведенным во время гражданской войны из действия запасом капитала в промышленности и сельском хозяйстве». Для оживления их не хватало оборотных средств. Денежная реформа дала эти средства за счет банковской эмиссии. Отсюда — хозяйственный подъем.

---

[1] «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.» М., 1927, стр. 23.

А все хозяйственные наши затруднения — товарный голод и пр.— объясняются опять-таки более чем просто.

«Как ни разнообразна система наших плановых мероприятий, все они, как центральному звену, соподчинены задаче индустриализации страны». Но ставка на индустриализацию «перерождается» в ставку на сверхиндустриализацию. «Наши вложения... превосходили размер реальных накоплений». Этому содействовала ошибочная политика в деревне, где «понятие *кулак* толкуется слишком широко». Борьба с кулацким элементом «превращается в борьбу не только против кулаков, а и против растущих некулацких элементов деревни», что задерживает процессы накопления в стране. Этот «дефицит в накоплении,— по утверждению нашего критика,— покрывался как раз за счет форсирования эмиссии новых бумажных денег», что и привело к целому ряду затруднений. Итак, избыточная эмиссия — вот в чем разгадка всех наших хозяйственных диспропорций и затруднений.

Мы не станем здесь оспаривать этой легковесной концепции, взлелеянной в недрах Наркомфина, по которой денежная эмиссия, как гоголевский Тарас Бульба, сама же породила наш хозяйственный подъем, сама же угрожает его и убить. Если бы проф. Кондратьев не плавал в своем анализе лишь на поверхности явлений обращения, то ему было бы понятно, что и денежная реформа, и большие выпуски банковской эмиссии стали у нас возможными лишь благодаря бурному хозяйственному подъему в области производства и потому, будучи следствием этого подъема, никак не могут расцениваться в качестве причин этого явления. Едва ли стоит также разъяснять проф. Кондратьеву, что реальные «вложения» не могут превзойти реальных «накоплений», ибо нельзя вложить куда-либо то, чего еще нет. Довольно ясно также, что ставка на индустриализацию в программе идеологов пролетариата всегда будет представляться ставкой на «сверхиндустриализацию» для всех идеологов тех слоев крестьянства, которые, по признанию самого Кондратьева, столь легко смешиваются в нашей практике с кулацкими.

Отметим лишь, что психологическая теория «перерождения» ставки на индустриализацию в нашем советском строительстве в ставку на сверхиндустриализацию представляет самое слабое место в «экономическом» анализе нашего профессора, ибо она ровно ничем не обоснована.

Отдельные лица, конечно, легко могут сбиваться с индустриализации и на сверхиндустриализацию, и на аграризацию Но и эти сбои отнюдь не случайны. Идеологов «трудового» крестьянства, например, ни за что не собьешь ни на что другое, кроме аграризации. Но советская политика в целом определяется в последнем счете не отдельными лицами, а определенным классом. Что же может толкнуть целый класс на действия, противоречащие его интересам?

Конечно, если бы все хозяйственные затруднения, какие у нас имели место за последние годы, проф. Кондратьев приписывал просто неудачному составу или несовершенной организации наших плановых органов, то нам не пришлось бы с ним спорить. «Планирование народного хозяйства,— как это свидетельствует и сам проф. Кондратьев,— не только новое, но и исключительно трудное дело. И мы не знаем ни людей, ни учреждений, которые обладали бы даром абсолютного знания и предвидения, чтобы не делать ошибок».

Наши плановые органы, конечно, не претендуют на папскую непогрешимость. Ошибки всегда возможны. Но в данном случае спор идет о таких «ошибках», которые отнюдь не связаны с несовершенством наших методов планирования или неудовлетворительным составом плановых органов. Под сомнение ставится сама целевая установка планирования на индустриализацию страны, ответственность за которую отнюдь нельзя возложить на одни лишь наши плановые органы.

Правда, в нужный ему момент проф. Кондратьев очень ловко подменяет понятие индустриализации словом «сверхиндустриализация». Но от этого дело не меняется, ибо применяет он его для обозначения не тех крайних уклонов отдельных товарищей к сверхиндустриализации, которые вовсе не встретили у нас общественного признания, а для того фактического курса на индустриализацию, который на деле проводится у нас в жизнь Советом Труда и Обороны и всей советской общественностью.

Тут уж в разных терминах, относящихся к одному и тому же явлению, сказывается лишь различие идеологических оценок этого явления. *Эпигоны народничества не приемлют той политики, которая проводится нами в области индустриализации страны, вот в чем суть спора*, а не в том, как ее назвать.

Как же должны были отразиться эти идеологические разномыслия в оценке наших методов планирования?

Мы это отчасти уже видели выше. Мы не только поставили себе задачу индустриализации страны, но за последние пять лет сознательными плановыми усилиями на этом пути добились огромных практических достижений. «Наш хозяйственный подъем, грандиозный по своему объему» не может отрицать ведь даже проф. Кондратьев.

Но он отнюдь не склонен его объяснять теми возможностями, какие перед нами открыла Октябрьская революция, передавшая в руки Советской власти все командные высоты на хозяйственном фронте и впервые за всю мировую историю создавшая условия для сознательного планового руководства общественным хозяйством. По его концепции мы имели подъем, потому что *использовали благоприятную конъюнктуру*, ну, а при хорошей конъюнктуре недурно поднимаются и капиталистические страны. К чему же здесь приплетать революцию и созданные ею плановые возможности? Тем более, что за счет нашего планирования до сих пор для нас вырастали одни лишь диспропорции и затруднения.

«Если,— читаем мы в исправленной проф. Кондратьевым стенограмме его доклада,— одной из основных предпосылок нашего подъема было финансирование нашего хозяйства, главным образом за счет притока новых денежных средств и новых кредитов, которые развивались на базе выпуска новых денег, то именно в этом лежали одновременно сила и слабость нашего подъема. *Сила постольку, поскольку мы, так сказать, «использовали конъюнктуру»* и могли, выпуская деньги, финансировать народное хозяйство *только потому, что каналы народнохозяйственного обращения ко времени нэпа совершенно опустели*, потому что с первыми шагами нашего общего подъема и подъема нашего товарооборота получили возможность расширить эмиссию без ущерба для покупательной силы денег. Слабость — постольку, поскольку эта возможность была строго ограничена и поскольку пределы ее было легко перешагнуть» [1].

Какова глубина экономического анализа! До сих пор мы думали, что из ничего нельзя никакими методами извлечь нечто. Но вот оказывается, что из пустых каналов обращения довольно легко при уменьи извлечь, как из рога изобилия, даже весьма грандиозный хозяйственный подъем. И это оказалось возможным, по свидетельству нашего критика, *только потому*, что каналы обращения *совершенно опустели*. Только потому! Это изумительно. Можно ли извлечь из нормальных каналов человеческого мышления более богатую и блестящую идею или для этого пришлось бы согласно приведенной теории предварительно опустошить их до состояния абсолютной, торичеллиевой пустоты?

Но если уже в объяснении нашего хозяйственного подъема проф. Кондратьев поставил едва ли досягаемый рекорд экономического глубокомыслия, создав свою теорию обогащающей пустоты, то в области экономиче-

---

[1] Курсив наш.— *С. С.*

ского анализа наших затруднений он побивает свои собственные рекорды. Мы уже знаем, что, по мнению проф. Кондратьева, наш хозяйственный подъем сопровождался перенапряжением ресурсов. Говоря иначе, наблюдавшийся рост промышленности не был здоровым естественным плодом нашего хозяйственного возрождения; это был *искусственно подстегиваемый нашей ошибочной политикой рост*, чреватый тяжелыми последствиями.

В такой постановке вопроса нет еще ничего нового. И в старые времена народники всегда примерно так же расценивали успехи индустриализации. Но дальше есть уже и кое-что оригинальное. Отметив ряд наблюдавшихся диспропорций и затруднений в нашем хозяйстве за истекшее пятилетие, наш критик спрашивает: откуда же они возникли? «Могли ли они иметь место в силу чисто стихийных рыночных условий»? И отвечает: «*Нет, не могли.* Они не могли бы иметь места *потому, что в процессе рыночной конкуренции* той или другой, может быть очень дорогой, ценой такие явления, как *несоответствия* в наших и мировых ценах, в спросе на товары и товарном предложении, в размерах вложений и накопления и т. д., *были бы восстановлены.* Очевидно, что здесь действовали какие-то другие силы. Эти силы у нас можно связать только с воздействием на народное хозяйство мероприятий планового характера, с мероприятиями, проводимыми в порядке *руководства* народным хозяйством» [1].

Итак, там, где господствует рыночная стихия, т. е., скажем, в капиталистическом обществе, не могли бы иметь места никакие хозяйственные диспропорции, а вот у нас, где они возникают, их можно объяснить *только* мероприятиями планового характера, только плановым руководством хозяйства. Вот это уже, поистине, ново и оригинально. До столь наивной апологетики рыночной стихии в качестве регулятора народного хозяйства уж, наверное, до сих пор никто не договаривался. Здесь нашим эпигоном побиты все рекорды. Как! Разве в капиталистическом обществе не имеют места жесточайшие хозяйственные кризисы и диспропорции? И разве они не потому именно возникают в нем, что там господствует необузданная стихия конкуренции и анархия производства вместо плана? И разве в советском хозяйстве в условиях нэпа мы уже на все 100% овладели в порядке планового руководства рыночной стихией? Почему же у нас не могут еще иметь места затруднения, возникающие из чисто стихийных условий рынка?

Профессорская логика нашего критика очень изобретательна. Нарушения хозяйственного равновесия стихийного происхождения согласно этой логике не могли бы иметь места *потому*, что такого рода нарушения в процессе рыночной конкуренции рано или поздно были бы устранены. Но как может быть устранено то, чего «не могло» быть или чего нет? Это, очевидно, такого же рода задача, как создать нечто из ничего, извлечь из пустых каналов обращения хозяйственный подъем страны и тому подобные «перлы и адаманты» профессорского глубокомыслия.

В качестве еще одного из таких перлов приведем следующий образчик «обобщений» нашего профессора. Выдвинув свое положение о том, что за пятилетие хозяйственного подъема «различные основные элементы нашего народного хозяйства в этом процессе подъема росли неравномерно» и что, в частности, накопление у нас отставало от производства, а производство — от потребления, наш профессор замечает: «Теперь позвольте попытаться сделать некоторые обобщения. Если хотите, то из предыдущего изложения получается картина некоторого *перевертывания отношений* в росте отдельных элементов нашего хозяйства. Действительно, *естественно* ожидать, что при развитии хозяйства потребление будет расти медлен-

[1] Цитируем по просмотренной и исправленной докладчиком стенограмме его доклада. Курсив здесь и далее наш.— *С. С.*

нее, чем производство, производство — медленнее, чем накопление. За истекшее время, *за время восстановительного процесса* у нас, сталкиваемся с обратными отношениями». И далее, отнюдь не связывая этих особенностей с условиями восстановительного процесса, проф. Кондратьев заключает, что такие «изменения соотношений», если они не случайны и носят глубокий характер, «должны вызвать нарушения равновесия народного хозяйства и хозяйственные затруднения».

А между тем это совсем не так. Уже во время прений по докладу проф. Кондратьева, Л. Н. Крицман указал ему, что для восстановительного процесса вполне «естественны» именно те соотношения, какие наблюдались. Ведь основные фонды в этом периоде у нас были в избытке, а недоставало нам для их оживления лишь оборотных средств. Поэтому достаточно было незначительного накопления этих средств, чтобы получить несоразмерно большой производственный эффект. Это значит, что производство должно было обгонять накопление. А проф. Кондратьев перевертывает это отношение и формулирует его иначе: накопление отстает от производства. И в этой перевернутой формулировке принимает за выражение нарушения какого-то равновесия.

Точно так же обстояло дело и с отставанием темпов производства от потребления. До тех пор пока основные фонды были в избытке, почти все расширение производства шло по линии производства средств существования. Темп развертывания производства тканей, одежды, пищевкусовых продуктов и т. п. был выше *среднего* темпа развертывания продукции по *всем* отраслям производства. Именно это обеспечивало возрастание личного потребления вообще и зарплаты в частности, даже с некоторым обгоном по сравнению с общим ростом *всей* продукции, включая сюда и производство средств производства.

И если наш исследователь не понял этого и вполне нормальные для *восстановительного* процесса явления предлагает рассматривать как ведущие к *нарушению* хозяйственного равновесия, то он ровно ничего не понял в этом деле и все перевернул вверх тормашками. Восстановительный процесс потому ведь и получил такое наименование, что он призван был восстановить нарушенное равновесие между отношениями в производстве средств производства и заработной платы, основных и оборотных фондов и т. д. И если одни из этих элементов пострадали в процессе войны и революции более, чем другие, то смешно было бы требовать *равномерного* их возрастания в интересах восстановления равновесия.

Нет, мы не можем удовлетвориться такого рода анализами. Сами мы подходим к объяснению причин нашего подъема и наших затруднений совсем иначе.

Достаточно вспомнить только начальную дату нашего хозяйственного подъема — 1921/22 г., чтобы сразу же откинуть такие его объяснения, которые связывают его с последствиями денежной реформы и благодетельным влиянием денежной эмиссии. Червонец появился у нас в обиходе лишь с начала 1923 г., совзнак отпал только с марта 1924 г. А между тем уже за первый год нашей плановой работы, т. е. за 1921/22 г., несмотря на то что это был год небывалого неурожая в стране, мы увеличили промышленную продукцию СССР на 36%, а производительность труда — даже на целых 52%. Такого прироста производительности мы не наблюдали уже ни разу в последующие годы, несмотря на денежную реформу и другие достижения. Спрашивается, как же проф. Кондратьев объяснит этот первый скачок производительности труда, послуживший началом нашего хозяйственного подъема? Из денежной реформы его не объяснишь. А вот из плановых наших мероприятий он объясняется очень просто.

Как известно, Госплан СССР начал функционировать только с апреля 1921 г. Но уже в первом его плане, одобренном в СТО 28 сентября того же года, была намечена новая политика в области использования наших чрез-

вычайно тогда скромных хлебных ресурсов и в области оплаты труда. Число государственных нахлебников по этому плану сразу же было сокращено с 35 млн. душ до 7 млн., но зато эффективная оплата труда производственных работников была одновременно повышена почти в 3 раза. Производительность труда в первый же квартал этого года дала повсеместно резкий скачок вверх. А это обеспечило возможность дальнейшего повышения зарплаты и производительности труда, повышения нагрузки транспорта, расширения товарооборота и эмиссионных возможностей и т. д. и т. п.[1]

Таким образом, если не извращать перспективы, то придется признать, что плановое регулирование хозяйства было одним из основных факторов того подъема, который у нас ярко обозначился с первого же года после прекращения гражданской войны и провозглашения начал новой экономической политики. Не следует ведь забывать, что нэп явился у нас не только развязыванием стихии рынка, но и введением ее в определенные рамки. Рынок плюс план — вот формула нэпа.

Ну, а откуда же происходят, спросят нас теперь, наши хозяйственные затруднения вроде товарного голода, роста розничных накидок, пресловутых «ножниц» между ценами городской и сельской продукции, наших валютных и экспортных затруднений и т. п., если вы их не склонны объяснять плановыми ошибками и просчетами?

На это пришлось бы ответить так. Мы отнюдь не отрицаем влияния и плановых ошибок на возникновение или усиление многих из наших затруднений, в особенности на тех участках планового фронта, где подвизаются и проявляют свое влияние такие испытанные «друзья» индустриализации и планового дела вообще, как наши эпигоны народничества. *Но в гораздо большей степени наши трудности объясняются отсутствием планового руководства во многих областях хозяйства или недостаточным вниманием к плановой работе и ее требованиям.*

Когда-то в спорах со старыми народниками мы, марксисты, утверждали, что Россия в гораздо большей степени страдает от недостаточного развития капиталистических отношений в стране, чем от их развития. Теперь, обращаясь по адресу их эпигонов, мы можем перефразировать это положение словами: СССР в *гораздо большей степени страдает от недостаточного развития системы планового регулирования народного хозяйства и отсутствия плановой дисциплины в стране, чем от возможных промахов и просчетов в этой области.*

Чтобы избежать голословности, обратимся еще раз к опыту наших контрольных цифр на 1925/26 г. Они не лишены были известных дефектов, но все же это была система цифр и внутренне связанных между собою мероприятий. Конечно, мы надеемся, что когда-нибудь наши хозяйственные планы будут выполняться всеми уже в силу внутренней их убедительности и авторитетности. Но пока этого еще нет. И поскольку они не были санкционированы твердым авторитетом власти, директивы этих цифр в большей своей части остались без исполнения. В то же время мы знаем, что этот год был годом обострения целого ряда хозяйственных затруднений. Спросим же себя, больше или меньше было бы этих затруднений, если бы все директивы этого плана были приняты к исполнению?

Важнейшим затруднением 1925/26 г. был, как известно, товарный голод на продукты промышленности. Устранить ту основную диспропорцию между продукцией города и деревни, какая является, на наш взгляд, причиной этого голода, нельзя в один год. Но смягчить ее наш план все же пытался. С этой именно целью в нашем плане была дана директива ограничения номинального повышения зарплаты не выше 8,6% без повышения квартплаты или на 16% (на 6 р. 50 к. в месяц) при условии, что вместе

[1] С. Г. Струмилин. На хозяйственном фронте. Сборник статей (1921—1925). М. — Л., 1925, стр. 333.

с тем будет повышена квартирная плата рабочих *вдвое* в целях доведения ее до себестоимости содержания жилищ. Эта директива не была выполнена. Номинальная плата промышленных рабочих фактически возросла на 24%, а квартирная плата — всего на 5%. Таким образом, покупательный спрос городского пролетариата был увеличен против плана процентов на 14, т. е. на сумму свыше 600 млн. руб. Спрашивается, должно ли было это отступление от директив плана обострить товарный голод? Да, конечно. Выполнима ли была эта директива? Да, судя по опыту хотя бы следующего 1926/27 г., такого рода директивы выполняются, если исходят из достаточно авторитетных инстанций.

Кто же здесь совершил ошибку? Ответ ясен. Если план должен быть только прогнозом, то здесь явная ошибка плана. А если план — директива, то вся беда наша в том, что мы оказались без этой директивы в нужный момент.

Теперь обратимся к следующей директиве. По контрольным цифрам следовало снизить отпускные цены промышленных продуктов на 9%, что позволило бы ввиду хорошего урожая снизить и сельскохозяйственные цены процентов на 8. На деле же промышленные цены выросли на 4,4%, вследствие чего и сельскохозяйственные цены вместо снижения дали прирост на 2,6%. А раствор «ножниц» между этими ценами вместо снижения на 2 пункта дал соответствующее повышение со 115 до 117 пунктов. Конечно, это ударило и по рабочему бюджету, сведя на нет весь номинальный обгон плана в области зарплаты, и по крестьянскому — снижая его покупательную способность.

Спрашивается, положительно или отрицательно следует расценивать такие отступления от плана? Конечно, отрицательно. Ни общее повышение цен, ни увеличение раствора «ножниц» нам ни с какой точки зрения не были желательными. Но, может быть, мы не властны воздействовать на цены? Нет, и это неверно. Опыт снижения и оптовых и розничных цен в 1927 г. ясно утверждает за нами такие возможности. Правда, это не легкая задача, даже при наличии достаточной целеустремленности в этом направлении всех компетентных органов. А была ли такая целеустремленность в 1925/26 г.? Нет, не было. Директива Госплана о снижении цен никем, в сущности, не была подтверждена. Напротив, столь влиятельные хозяйственники, как Пятаков, Смирнов и др., вели даже весьма энергичную агитацию за повышение цен. А в общем мы оказались *без плана* на этом фронте. И тогда рыночная стихия, подкрепленная нашей ошибкой на фронте зарплаты, «регульнула» нас по-своему. И опять-таки, если подходить к плану как к прогнозу, то пришлось бы говорить об ошибке плана, а если план может и должен служить в этой области директивой, то ошибкой придется признать и здесь скорее *отсутствие* твердого плана и капитуляцию перед стихией.

Пойдем далее. Повышение промышленных цен против плана неизбежно должно было повысить на целые сотни миллионов и норму накопления промышленности. А это последнее — снизить потребность в банковском кредите и эмиссии. И, действительно, мы можем констатировать «просчеты» контрольных цифр по всем этим статьям. Но о чем свидетельствуют такие просчеты? Да только о том, что в этих не принятых к руководству цифрах мы, действительно, имели хорошо продуманную *систему* заданий. И если она потерпела ущерб в одном звене, то это неизбежно должно было отразиться и на всех остальных звеньях цепи. Большая часть затруднений этого года, таким образом, проистекала не из того, что мы *имели* плохой план, а из того, что мы, в сущности, *не имели* никакого целостного плана.

Наши просчеты с указанной точки зрения чрезвычайно поучительны. Но еще поучительнее, может быть, то, что если отвлечься от второстепенных элементов плана, оставшихся в 1925/26 г. без всякой санкции

и сосредоточить внимание только на тех основных заданиях — в области размеров продукции промышленности, нагрузки транспорта, капитальных вложений, государственного бюджета и т. п.,— которые в порядке *отдельных* планов получили необходимую санкцию власти, то окажется, что ни одно из таких заданий не оказалось непосильным для нашей республики.

Опираясь на этот опыт, мы не сомневаемся, что и впредь, как бы нас ни расхолаживали своим скептицизмом поклонники рыночной стихии, мы сможем не только проектировать, но и осуществлять самые широкие хозяйственные планы. Ибо, если всякая эпоха ставит перед собой конкретно в конце концов только разрешимые задачи, то это в особой степени применимо к нашей эпохе диктатуры пролетариата, не в теории только, а уже на деле выдвинувшей в порядок дня широчайшие задачи планирования.

Опыт последних лет показал нам уже не раз, что не плановые просчеты, а *бесплановость* представляет собой наиболее серьезную угрозу социалистическому строительству.

4. НА ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

Споры о прошлом всегда много теряют в своей остроте, когда мы переходим от них к решению судеб грядущего. Прошлого все равно ведь не вернешь, а судьбы грядущего можно еще повернуть и так, и иначе. Вот почему пятилетка Госплана, намечающая определенную программу экономической политики на целый ряд лет вперед, привлекла к себе чрезвычайно живое внимание не только наших идеологических друзей, но и врагов. Вокруг этой программы надо было ждать наиболее упорных идеологических боев разных течений. И эти бои уже завязываются по всей линии.

Впереди других бойцов, атакующих нашу пятилетку, как и следовало ожидать, оказались проф. Кондратьев и проф. Макаров[1]. Наша целевая установка на индустриализацию совсем уже их не устраивает.

Спрашивается, что же они ей противопоставляют? Какова их собственная экономическая платформа?

Само собою разумеется, что они тоже не «против» индустриализации вообще. Они только против «крайностей индустриализма». «Против ставки на индустриализацию, как таковой,— заверяет нас проф. Кондратьев,— конечно, не может быть никаких возражений»[2]. Дело ведь не в словах, а в тех конкретных цифровых масштабах индустриализации, какие намечаются в том или ином плане.

И вот, переходя к этим конкретным цифрам, по которым продукция промышленности за пять лет возрастает на 69,3%, в то время как сельское хозяйство — только на 24,1%, а из общей суммы капитальных вложений государства в 17,6 млрд. руб. на долю промышленности падает 32,3%, в то время как на долю сельского хозяйства — только 6,8%, проф. Кондратьев ставит свою резолюцию.

«Эти немногие суммарные цифры дают общее представление о намечаемом размахе развития народного хозяйства и о проектируемом перераспределении производительных сил. Они позволяют признать, что *проект плана достаточно резко проводит ставку на индустриализацию страны*»[3].

Мы склонны были бы рассматривать такую оценку нашего плана как лучшую похвалу. Поставить вопрос *достаточно* резко — это именно то, что мы хотели. Вот если бы мы поставили его слишком рыхло или *чересчур* резко, это было бы хуже. Тем не менее наша постановка отнюдь не удовлетворяет проф. Кондратьева. И не удовлетворяет она его именно вследствие ее «резкости» или «крайности», а не каких-либо иных качеств.

---

[1] См. их выступления на 2-м съезде плановых работников в марте 1927 г. и в «Плановом хозяйстве», 1927, № 4 и 5.

[2] «Плановое хозяйство», 1927, № 4, стр. 7.

[3] Там же, стр. 8.

Основная предпосылка его в критике наших плановых перспектив та же, что и в анализе нашего планового опыта в прошлом. Она сводится к тому, что мы намечаем непосильные для нас темпы индустриализации, не соответствующие возможным у нас темпам накопления, а потому и нереальные. В доказательство этого он приводит и общие соображения и некоторые цифровые данные. Мы постараемся оценить здесь и те, и другие.

Мы не станем здесь останавливаться только на одном замечании проф. Кондратьева о том, что мы не приводим «*никакого* обоснования своих цифр накопления». Проф. Кондратьев поторопился с этим замечанием, так как, делая его, он имел в руках только мою вступительную статью к тому коллективному труду в 700 страниц, который представляет собой наш проект пятилетки. В этом томе наш критик найдет достаточно расчетов, обосновывающих принятые нами цифры накоплений по разным отраслям хозяйства. Весьма вероятно, что они его не удовлетворят, ибо и в проектировке накоплений мы считаем возможным не только путь предвидения, но и путь предуказаний. Но если его не удовлетворят наши расчеты, пусть предложит свои, более удовлетворительные. Тогда будет виднее, кто прав. А пока мы во всяком случае считаем излишним останавливаться на такого рода критических замечаниях, которые доказывают лишь одно: что наш критик не дал еще себе труда ознакомиться с тем планом, который он столь усердно оспаривает.

Обратимся поэтому сразу к наиболее вескому аргументу из арсенала проф. Кондратьева — аргументу фактического характера.

«Нам кажется, что С. Г. Струмилин явно преувеличил исходные цифры накопления, т. е. накопление в 1925/26 г. Промышленное накопление с амортизацией он определяет в 889 млн. руб. Между тем, другими источниками оно определяется цифрой приблизительно в 747—814 млн. руб. Преувеличив исходные цифры, уже в силу одного этого он должен был, далее, преувеличить и накопление в следующие годы» [1].

Приведенный аргумент выглядит очень солидно. Названы и «другие источники», а именно «объяснительная записка к бюджету 1926/27 г.» и промфинплан ВСНХ. Но характерен уже выбор этих источников. Несмотря на то что автор пишет в апреле 1927 г. о цифрах 1925/26 г., он опирается для посрамления *наших* плановых предположений *на предположения* ВСНХ и *«исчисления»* объяснительной записки Наркомфина. А почему бы нам для разрешения такого вопроса не обратиться к *отчетным* данным за давно уже истекший 1925/26 г.? Такие данные уже были оглашены, например, на IV съезде Советов в докладе председателя ВСНХ В. В. Куйбышева. О чем же они говорят?

«При составлении плана на 1925/26 г. *предполагалось*,— значится в материалах к этому докладу,— что общая сумма прибыли вместе с амортизацией составит всего 730 млн. руб. Когда составлялся план на 1926/27 г., размер прибыли, по показаниям трестов, был *исчислен* вместе с амортизацией за 1925/26 г. в сумме 814 млн. руб. Ныне, на основании *отчетных данных* (к сожалению, еще неполных), можно твердо сказать, что общий размер накопления внутри промышленности за 1925/26 г.— около 900 млн. руб.» [2].

Допустим, что проф. Кондратьеву, когда он критиковал наш план, еще не известны были эти цифры, опубликованные только в апреле 1927 г. Тем менее, стало быть, могли ими воспользоваться мы при составлении критикуемой пятилетки. И тем не менее наша предположительная циф-

---

[1] «Плановое хозяйство», 1927, № 4, стр. 15.

[2] «Промышленность СССР к IV съезду Советов». Материалы к докладу председателя ВСНХ СССР В. В. Куйбышева. М., 1927, стр. 20. По более полным данным, эта цифра определяется уже в 928 млн. руб., не считая накопления в синдикатах и сырьевых органах ВСНХ.

ра — 889 млн. руб. — оказалась наиболее близкой к действительности, отнюдь не являясь в то же время преувеличенной.

Какой же вывод можно извлечь из этого? Очевидно, лишь тот, что «другие источники», привлеченные проф. Кондратьевым для посрамления нашей работы, отнюдь не могут служить этому назначению. *Прогноз* записки Наркомфина о 747 млн. руб. накопления, даже если в нем участвовал по должности руководителя Конъюнктурного института НКФ такой большой спец этого дела, как проф. Кондратьев, отнюдь еще не может опорочить цифры 889 млн. руб. из пятилетки Госплана уже потому, что, как всякий прогноз, он и сам еще нуждается в подтверждении. Но еще менее он может служить этой цели после того, как появились отчетные цифры, его посрамляющие. Проф. Кондратьев не учел этого обстоятельства и попал в... не совсем удобное положение. Использовав в 1927 г. столь неудачные прогнозы о 1925/26 г. в целях опорочения нашей цифры, он попутно доказал полное отсутствие понимания хозяйственной конъюнктуры не только сегодняшнего и завтрашнего дня в порядке нормального конъюнктурного предвидения, но даже конъюнктуры прошлого года — в порядке, так сказать, попятного прогноза, т. е. прогноза задним числом.

Всякий, кто наблюдал хотя бы поверхностно конъюнктуру промышленности в 1925/26 г., мог без труда заметить, что эта конъюнктура оказалась на деле гораздо более благоприятной, чем это учитывалось в планах промышленности. Достаточно сказать, что вместо ожидаемого снижения цен мы имели в этом году повышение их. Уже из этого можно было заключить, что и предварительные плановые предположения о накоплении промышленности должны быть превзойдены в действительности. И мы учли это в своей пятилетке. А вот профессиональный конъюнктурщик, проф. Кондратьев, забыл в критический момент об этой своей специальности и даже в попятном прогнозе о результатах *истекшего* года впал в грубейшую ошибку. Можно ли при таких условиях особенно доверять его прогнозам о том, что будет или чего не будет через пять лет?

Проф. Кондратьев хотел нас уверить, что такого накопления, какое мы проектируем на пять лет вперед, не будет, ибо мы преувеличили уже исходные цифры 1925/26 г. Однако этот первый его аргумент оказался, говоря мягко, не соответствующим действительности. Обратимся к следующему.

В качестве второго аргумента, хотя у проф. Кондратьева он стоит на первом месте, мы рассмотрим его ссылку на довоенную норму накопления. «Полагают, — замечает он со ссылкой на очень грубые прикидки А. Л. Вайнштейна, — что в довоенное время в России накопление составляло около 8,5% от народного дохода». Сопоставляя затем эту цифру с данными пятилетки, по которым накопление только в пределах одного государственного сектора определяется для 1925/26 г. в 8,7% и для 1930/31 г. в 12,6% от всего народного дохода, наш критик заключает: «Трудно допустить, чтобы в стране, где реальный доход стоит ниже довоенного, где доходы весьма нивелированы, где частное накопление идет явно замедленным темпом, процент накопления был выше довоенного» [1].

В этом аргументе все крайне легковесно. Начнем хотя бы с цифры накопления для 1913 г. Она получена Вайнштейном путем сопоставления прикидки проф. Соболева о годовом накоплении довоенных лет с цифрой народного дохода за 1913 г. по Прокоповичу. Расчет проф. Соболева дает, в сущности, только прирост эмиссии ценных бумаг и вкладов в кредитных учреждениях, а потому отнюдь не отражает реального прироста всех *товарных* ценностей в стране. Весь прирост, учтенный проф. Соболевым, оценивается всего в 1,5 млрд. руб. Но он совершенно не учитывает, например, прироста ценности всех недвижимостей в городах и селах, прироста

---

[1] «Плановое хозяйство», 1927, № 4, стр. 14—15.

капиталов всей неакционерной промышленности, торговли, транспорта. коммунальных предприятий и т. д. и т. п. Одни лишь городские недвижимости с 1904 по 1914 г. выросли у нас с 11 до 21 млрд. руб., что дает прирост не менее 1 млрд. в год. Таким образом, только эта одна поправка увеличивает цифру проф. Соболева с 1,5 млрд. до 2,5 млрд. руб. в год, что в отношении к народному доходу в 16,4 млрд. руб. составит уже 15,2%. Таким образом, цифра 8,5%, от которой отправляется проф. Кондратьев, совершенно недостоверна.

Еще менее, однако, достоверно его предположение, что с падением абсолютной цифры народного дохода должен падать и процент накопления. Кто и где установил такой закон? Гораздо правдоподобнее обратное допущение: что с абсолютным *возрастанием* народного дохода, а вместе с тем и народного богатства, процент ежегодного накопления и к доходу и ко всему народному богатству падает. Это допущение не только подтверждается опытом капиталистических стран, например Соединенных Штатов Америки, но в известной части и экономической теорией, обобщающей этот опыт. Вспомним общеизвестный закон падения нормы прибыли с повышением органического строения капитала, установленный К. Марксом.

К сожалению, однако, нашим эпигонам народничества, как известно, законы Маркса не писаны. Они устанавливают свои собственные законы и считают даже совершенно излишним давать какие-либо обоснования для такого утверждения, что если в 1925/26 г. народный доход СССР составляет, скажем, только 95% довоенного, то и процент накопления в СССР должен быть ниже довоенного.

Наконец, заслуживает внимания ссылка нашего критика на нивелировку и замедление темпа частного накопления в СССР. В какой мере это накопление замедлено, мы не знаем в точности. В частности, если иметь в виду крестьянство, то едва ли его накопление идет в настоящий момент замедленным темпом. Если же речь идет о замедлении накопления в *капиталистическом* секторе, в связи с довольно резким сокращением его удельного веса в стране, то это довольно естественно для страны, осуществляющей социализм. Но непонятно, почему это может опорочить намеченные нами темпы накопления по *государственному* сектору. Ведь, чем меньше из общей суммы народного дохода извлекает частный капитал, тем больше остается для государственного накопления.

В конце концов от всей аргументации нашего критика остается в силе только один голый психологический факт. Проф. Кондратьеву «трудно допустить», чтобы в такой стране, как Союз Советских Социалистических Республик, темп накопления мог опередить нормы капиталистической России. Мы охотно готовы признать этот прискорбный факт, столь характерный для псевдосоциалистической идеологии наших эпигонов народничества. Но подобные факты не заменяют аргументов.

Настоящие социалисты не могут сомневаться в том, что социалистический строй располагает достаточными преимуществами перед капиталистическим в темпе развертывания своих производительных сил, а следовательно, и в возможном темпе накопления. И если мы на *первое* пятилетие реконструкционного периода запроектировали все же более чем скромные темпы накопления, то это отнюдь не означает отказа от значительного повышения этих темпов для последующих лет. В первом пятилетии у нас еще слишком много других задач, помимо задачи производственного накопления. Мы еще не изжили целого ряда детских болезней нашего организационного роста. Мы еще только учимся плановому руководству нашим хозяйством. Для нас пока гораздо важнее *количественного* роста производственных фондов *качественная* реконструкция использования наличных ресурсов и производительных сил страны. Мы стремимся к возможным достижениям в области обобществления этих ресурсов и оптимального перераспределения производительных сил. Мы должны обеспе-

чить себе совершенно бесперебойное финансирование намечаемых планом капитальных работ, а потому с особенной осторожностью оцениваем свои возможности в области накопления.

В самом деле, рентабельность фабрично-заводской промышленности в 1913 г., по имеющимся массовым данным, достигала 13,1% к номинальному основному капиталу, а по нашей пятилетке она ни за один год не поднимается выше 10,7% к основным фондам *без земли*, или 6% к обороту *без акциза*[1]. Довоенные нормы, если их привести к сравнимому виду с нашими, достигли бы примерно 18% к *реальной* стоимости основных фондов (строений и оборудования — без земли) или 12% к обороту без акциза, т. е. оказались бы чуть ли не вдвое выше проектируемых нами. Снижая наши нормы, мы учитывали здесь проектируемое нами снижение цен и повышение заработной платы, чего в старой, капиталистической России не практиковалось. Но, как бы то ни было, мы исходим из настолько пониженных против довоенного уровня норм рентабельности, что скорее заслуживаем упрека в излишней осторожности, чем в преувеличении этих норм. И это верно не только в отношении промышленности.

Так, например, довоенная торговля давала прибыли в пределах СССР только по торговым заведениям I—III разряда около 594 млн. руб. при обороте 8596 млн. руб., т. е. 6,9% от оборота. По наиболее крупным подотчетным предприятиям норма облагаемой прибыли падала до 4,2% от оборота. А в нашей пятилетке ни за один год она не поднимается выше 1,7% от оборота. По железнодорожному транспорту чистый доход от эксплуатации за 1913 г. достигал 484 млн. руб. при номинальном капитале их сооружения в 7353 млн. и реальном — за вычетом износа — 4693 млн. руб., что дает 10,3% к реальному капиталу и 6,3% к номинальному, а по нашей пятилетке чистый доход от эксплуатации ни за один год не поднимается выше 5,7% от *реального* имущества железных дорог (к началу года) и т. д.

Все эти сопоставления ясно показывают, насколько обоснованы обвинения нашей пятилетки в том, что она исходит из преувеличенных по сравнению с довоенными норм накопления.

Даже при весьма элементарной грамотности в области изучения нашей современной и дореволюционной экономики наш ученый критик не мог бы впасть в такие грубые ошибки, как вышеуказанные. Но, как видно, и элементарная грамотность не всегда обязательна для профессоров.

Было бы интересно наряду с критикой наших цифр услышать те, какие представляются вполне реальными самому проф. Кондратьеву. К сожалению, он их не называет в цитируемой статье. Из других выступлений проф. Кондратьева, однако, известно, что он желал бы «ограничить темп капитального промышленного строительства, снизив его размеры примерно на 15%»[2]. Это ограничение по линии «практики» индустриализации может вытекать из двух оснований. Его можно мотивировать «непосильностью» для нас более высокого темпа, во-первых, по условиям возможного в стране накопления и, во-вторых, по условиям необходимости иного, более целесообразного перераспределения народного дохода.

Что же именно имеют в виду наши эпигоны?

В тезисах проф. Кондратьева взята следующая установка: «*Крайности индустриализма* характеризуются прежде всего тем, что мы приняли *непосильный темп* развития промышленности. Именно этот темп развития промышленности заставляет в поисках средств на капитальные вложения идти по пути *значительных изъятий материальных средств из деревни* по пути неблагоприятного соотношения цен на сельскохозяйственные и индустриальные товары. Крайности индустриализации, далее, заключа-

[1] С. Струмилин. Проблема промышленного капитала в СССР. М., 1925, стр. 13 и 35—39; «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.», стр. 53 (приложение).
[2] «Большевик», 1927, № 13, стр. 35.

ются в том, что мы идем по пути *непосильного развития тяжелой индустрии,* производящей средства индустриального производства. Именно этот путь приводит к тому, что процесс индустриализации в настоящее время не повышает, а *ослабляет степень снабжения деревни* необходимыми ей продуктами хозяйственного и личного потребления» [1].

Классовая подоплека этого тезиса чрезвычайно прозрачна. «Непосильность» намеченных темпов индустриализации здесь приобретает весьма условный характер. Они непосильны без ущерба для классовых интересов известных слоев деревни. Вот в чем соль идеологии эпигонов народничества.

Еще ярче, однако, эта классовая установка выявлена у проф. Н. П. Макарова. В его критике нашей пятилетки общая цифра возможных капитальных вложений за пять лет в сумме около 17,6 млрд. руб. отнюдь не оспаривается. И весь спор переносится в область того или иного распределения этих накоплений. А именно, в порядке «экспертного» своего заключения проф. Макаров предлагает ассигнования на сельское хозяйство за счет казны увеличить против проекта Госплана на сумму свыше 1 млрд. руб. за пятилетие, сбалансировав эту поправку за счет промышленности. К этому надо еще прибавить «более решительное снижение цен на индустриальные товары», которое им проектируется в 25—30% вместо 17, что даст еще минимум 1 млрд. руб. в пользу деревни. За счет кого же? За счет заработной платы городских рабочих, конечно [2].

Сам Макаров формулирует это следующими словами: «Задача иной сбалансировки вложений и накоплений должна быть выполнена *отчасти путем сокращения предположенных вложений в индустрию, отчасти путем меньшего подъема дохода городского населения* для усиления капиталонакопления в самой индустрии» [3].

Так вот где зарыта собака. Дело не в том, стало быть, что мы проектируем слишком высокий процент накоплений, а в том, что направляем их не туда, куда хотелось бы нашим эпигонам народничества.

Вопрос идет о миллиардах, в использовании которых можно пойти очень различными путями. На этих путях сталкиваются интересы города и деревни, интересы пролетария и хозяйственного мужичка. Здесь есть основание для серьезных социальных конфликтов. Поэтому мы вынуждены здесь остановиться.

Эпигоны народничества приглашают нас ориентироваться на интересы деревни. Мы тоже не склонны игнорировать эти интересы. Но нам известно, что интересы «деревни», взятой в целом, это нечто весьма противоречивое. Интересы деревенской бедноты одни, интересы сельской буржуазии другие. О чьих же, собственно, интересах пекутся наши эпигоны?

Это нетрудно решить. Ведь тот же Макаров, который, скажем, требует более решительного снижения индустриальных цен, совершенно откровенно мотивирует это необходимостью большего «*капиталонакопления* в сельском хозяйстве». Но удешевление цен для батрацко-бедняцкой части деревни, отчуждающей труд, отнюдь не ведет еще к капиталонакоплению. В лучшем случае оно могло бы повысить уровень ее *потребления,* да и то лишь в том случае, если бы оно осуществлялось не за счет сужения промышленного строительства и снижения оплаты труда городского пролетариата, как этого хочет проф. Макаров. Программа Макарова для деревенской бедноты означает прежде всего сужение рынка сбыта ее рабочей силы и понижение доходов от отхожих промыслов и тому подобных заработков. А вот хозяйственный мужичок при тех же условиях сумеет осуществить известное «капиталонакопление благодаря более благоприятной

[1] «Большевик», 1927, № 13, стр. 38.

[2] «Номинальная заработная плата должна быть приостановлена в своем росте».— требует от нас проф. Кондратьев («Большевик», 1927, № 1, стр. 43).

[3] «Плановое хозяйство», 1927, № 5, стр. 56—57. Курсив наш.— *С. С.*

конъюнктуре». В особенности, если согласно программе Кондратьева, будет пересмотрено «понятие кулачества», облегчено существующее обложение, которое, по его мнению, ложится «чрезмерно тяжелым бременем на *развивающиеся* слои крестьянских хозяйств», обеспечена «свобода экспорта» и т. д.[1]

Эпигоны народничества отнюдь, однако, не стремятся к повышению личного потребления бедняцких слоев деревни. Проф. Кондратьев решительно возражает против той политики, которая, «фаворизуя бедноту», сдерживает «рост хозяйственно мощных слоев деревни»[2]. А проф. Макаров, усвоив марксистскую терминологию, нашим же добром бьет нам челом, гордо провозглашая «Примат производства, а не потребления, неизбежен на данной стадии развития народного хозяйства СССР»[3]. Говоря проще, наши профессора отнюдь не интересуются уровнем благосостояния пролетарских и полупролетарских трудящихся масс, представляющих собой основную предпосылку *производства.* Они лишь хлопочут о более благоприятной конъюнктуре для *капиталонакопления* «хозяйственно мощных слоев деревни».

Это уж не столько примат производства, сколько примат накопления, и притом *частного* капиталонакопления, в ущерб развитию государственной промышленности, т. е. за счет накопления *социалистического,* к тому же в первую очередь *кулацкого* накопления за счет ограничения потребления *пролетарских* слоев населения.

У проф. Макарова проповедь воздержания в интересах осуществления «примата производства» звучит очень внушительно. В нашей пятилетке даже для наиболее «фаворизируемых» слоев городского пролетариата запроектирован прирост потребления всего в 50% за пять лет по физическому объему, или в 33% по денежной оценке, в то время как капитальные затраты в производстве должны возрасти за те же пять лет с 2084 млн. до 4329 млн. руб., т. е. на целых 107% в денежной оценке. Это ли не примат производства? Но проф. Макаров отнюдь этим не удовлетворен. Он называет это «потребительским» уклоном и требует от нас жертв. Как ветхозаветный пророк, он вдохновенно взывает к нам: «Доходы и потребление города должны быть подчинены целостному интересу народного хозяйства. Индустриализация страны требует жертв...»[4] (!)

Мы знаем, что воздержание во имя накопления для всего мелкого буржуа — самая большая добродетель. Это его «закон и пророки». И потому нам понятен пафос проф. Макарова, ратующего за эту добродетель, в интересах «хозяйственно мощных слоев деревни». Но при чем тут, спрашивается, индустриализация? Почему проф. Макаров от ее *имени* требует жертв, раз эти жертвы по его программе должны быть принесены сельскому капиталонакоплению как раз *за счет индустриализации?* Такая игра словами никого не обманет.

Жертвы в пользу хозяйственного мужичка мы отнюдь не можем отождествить с жертвами в интересах индустриализации.

Мы очень охотно идем навстречу интересам деревни. Индустриализация страны, умножая и удешевляя товары, направляемые в деревню, расширяя рынок для товарной продукции деревни и для поглощения аграрного перенаселения, является лучшим залогом плодотворности наших забот о деревне. Но мы идем на удешевление цен для деревни лишь *в меру снижения себестоимости* индустриальной продукции. И притом лишь за счет технической и всякой иной *рационализации труда,* а не за счет *оплаты* труда пролетариата и *снижения темпа* развертывания социалистической промышленности, как этого хотелось бы идеологам хозяйственного мужич-

---

[1] «Большевик», 1927, № 13, стр. 37 и далее.
[2] Там же, стр. 41.
[3] «Плановое хозяйство», 1927, № 5, стр. 57.
[4] Там же

ка в деревне. Советская власть придает огромное значение подъему сельского хозяйства и благосостояния бедняцко-середняцких слоев деревни. Она не жалеет для этого миллиардных затрат. Но перед ней стоят и другие, не менее важные задачи, требующие еще более значительных затрат и усилий. И во всяком случае политика *жертв* пролетариата во имя капиталонакопления кулацких верхушек деревни — не наша политика.

Пролетариату СССР пришлось уже и без того принести немало жертв. И ему предстоит их еще, быть может, гораздо больше впереди. Но во имя других, более высоких целей.

Здесь, однако, может возникнуть другой вопрос. Если наши эпигоны не правы, требуя для осуществления своей программы в деревне жертв со стороны городского пролетариата, то, может быть, они правы в другом. Может быть, наша программа индустриализации и обобществления вследствие своей чрезмерности действительно предполагает, как это утверждает проф. Кондратьев, необходимость «значительных изъятий» из ресурсов деревни. Не требует ли партия пролетариата каких-либо слишком тяжелых *жертв* от крестьянских масс во имя чуждых им общественных идеалов? Такая политика была бы, несомненно, весьма рискованной. И она во всяком случае шла бы вразрез с той основной идеей «смычки» города с деревней, которую нам завещал В. И. Ленин.

Но, к счастью, мы вовсе не нуждаемся ни в каких жертвах со стороны беднейших слоев деревни. Строя социализм, мы уже с самых первых шагов повышаем не только продуктивность, но тем самым и благосостояние трудящихся масс и в городе, и в деревне. В частности, наша пятилетка проектирует повышение благосостояния деревни за пять лет из расчета на душу процентов на 30. Уже из этого можно бы заключить, что наша программа отнюдь не рассчитывает на какие-либо тяжелые жертвы со стороны крестьянства. Можно, однако, привести и более детальный расчетный баланс взаимоотношений города и деревни по пятилетке Госплана [1].

Ориентировочный расчетный баланс деревни за 1926/27—1930/31 гг.
(в млн. червонных рублей)

А. Что мы даем деревне:	
1. На финансирование сельского хозяйства	1200
2. На дорожное строительство	589
3. На элеваторы и холодильники	191
Итого по капитальным вложениям	1980
4. На сельские школы, больницы и пр.	2000
5. На содержание учреждений Наркомзема	543
6. На содержание шоссейных и грунтовых дорог	245
Итого по обслуживанию нужд деревни	2788
7. На содержание сельского и волостного самоуправления	800
8. Снижение промышленных цен для деревни (на 9,8%)	2130
Всего по 1—8 за пять лет	7703
Б. Что мы берем у деревни:	
1. Единый сельхозналог	1656
2. Прочие денежные налоги	4040
3. Дорожная повинность	105
Итого по налогам и повинностям	5801
4. Чистый остаток в пользу деревни	1902
Баланс	7703

[1] «Перспективы развертывания народного хозяйства на 1926/27—1930/31 гг.».

В приведенном расчете не все статьи одинаково бесспорны. Так, например, участие деревни в уплате прочих налогов, кроме сельхозналога, принятое нами по исчислениям ЦСУ в 33,6% от общего их итога, по-видимому, несколько преувеличено[1]. А расходы на культурные нужды деревни, принятые здесь только в 50% от затрат *местного* бюджета по этой статье, вероятно, сильно преуменьшены. Снижение промышленных цен при потреблении деревни за пять лет в 21,8 млрд. руб. по ценам 1925/26 г., определившееся по нашему расчету всего в 2135 млн. руб., тоже едва ли не преуменьшено[2]. Надо помнить, что пятилетка проектирует общее снижение промышленных цен за счет опта и розничной накидки к 1930/31 г. в 21%, а мы в среднем за пятилетие учли здесь снижение этих цен всего на 9,8%. И тем не менее сальдо расчетов в пользу деревни получилось у нас в размере около 2 млрд. руб.

Это достаточно наглядно показывает, что мы не только строить социализм за *счет деревенской бедноты* не собираемся, не только ни одного миллиона на индустриализацию не извлекаем из деревни, но даже из затрат на такие общегосударственные нужды, как оборона страны, администрация, суд и т. д., ни одного гроша на деревню не перелагаем.

Конечно, приведенный расчетный баланс взаимоотношений города и деревни в *целом* слишком огулен. Он отнюдь еще не раскрывает полностью нашей политики в отношении различных социальных слоев деревни. С *кулацко-эксплуататорской верхушки деревни* мы, несомненно, взимаем в порядке прогрессивного обложения и всеми другими методами гораздо больше, чем возвращаем ей в порядке обслуживания деревни. За счет этих слоев сельской буржуазии, нравится ей это или нет, мы отнюдь не прочь финансировать социалистический сектор хозяйства вообще и индустриализацию в частности. Зато в отношении широких пролетарских и полупролетарских масс деревни мы предпочитаем совсем иную политику. От налогов мы их в значительной массе вовсе освобождаем, а на обслуживание их хозяйственных и культурных нужд в интересах общего хозяйственного подъема страны затрачиваем очень большие средства. И вот в результате этой весьма дифференцированной классовой политики *общий* расчетный баланс между городом и деревней *пока*, несомненно, складывается в пользу деревни.

Так обстоит дело в наших перспективах на будущее. Но, может быть, до сих пор было иначе? Может быть, мы уже за прошлое время слишком много ресурсов извлекли из деревни и налоговыми путями, и политикой цен и теперь лишь слегка облегчаем это бремя? Может быть, проф. Кондратьев прав, что благосостояние деревни ныне чуть ли не вдвое ниже довоенной нормы? Говоря иначе, правда ли, что Октябрьская революция оказалась столь разорительной для русской деревни, как в этом нас хотят уверить Кондратьевы и К°?

Нет, неправда. Октябрьская революция, конечно, требовала жертв. И их за время гражданской войны было принесено немало и рабочими и крестьянами. Но эти жертвы давно уже оправданы завоеваниями революции. Мы имеем здесь в виду не только социально-политические, но и экономические завоевания. В частности, уровень благосостояния трудящихся масс в городе и деревне уже превзошел довоенный. И если в отношении деревни это еще оспаривается, то через год — два и здесь всякие споры станут уже невозможными.

---

[1] «Статистическое обозрение», 1927, № 6, стр. 75.

[2] Валовая цифра приобретения деревней промышленных продуктов, включая сюда и предметы хозяйственного потребления, для 1925/26 г., принята по «Контрольным цифрам народного хозяйства СССР на 1926/27 г.» (М., 1926, стр. 132—133) в 3325 млн. руб., для 1926/27 г.— в 3674 млн. руб., для 1930/31 г.— в 152,5% нормы 1925/26 г.

В самом деле, по расчетам пятилетки Госплана, валовой доход от сельского хозяйства на душу сельского населения в довоенной оценке достигал в 1913/14 г. 90,5 руб., в 1925/26 г. при среднем урожае — 83,2 руб., а при фактическом — 86,8 руб. Но если сделать поправку на продукцию отпавших помещиков за довоенные годы и на продукцию совхозов для наших лет, то получим 82,4 руб. для 1913/14 г. и 82 руб. по среднему, 85,5 руб. по фактическому урожаю для 1925/26 г. Таким образом, по физическому объему своей продукции крестьянское хозяйство уже превзошло свой довоенный уровень. Но тут выплывает вопрос о ценах.

Деревня вынуждена была доныне сбывать свою продукцию по менее выгодным для нее ценам, чем в довоенное время. И это не случайно. Промышленность пострадала от хозяйственной разрухи за время мировой и гражданской войн гораздо сильнее, чем сельское хозяйство. И производительность труда в промышленности упала значительно ниже, чем в сельском хозяйстве, по отношению к довоенному уровню. Однако эта причина смещения цен в указанной области по мере восстановления довоенных норм производительности в индустрии за последние годы постепенно утрачивала свое значение. Вместе с тем сближались между собою и лезвия так называемых ценовых «ножниц». Но известный разрыв цен сохранился. Продукты сельского хозяйства даже при довоенных затратах труда должны расцениваться несколько ниже довоенной нормы по отношению к другим товарам в связи с национализацией земли. Платежи в Крестьянский банк, аренда за помещичьи земли отпали. Земельная рента, которая повышала рыночную цену сельскохозяйственных продуктов, в очень значительной своей части (абсолютная рента) уже не входит в нее. Таким образом, для наличного ныне соотношения цен имеются вполне достаточные экономические основания.

Объяснить пониженный уровень сельскохозяйственных цен какими-либо искусственными мероприятиями или злым умыслом тех или иных органов Советской власти нет оснований. Это ясно уже из того, что все наши плановые усилия мы направляем к *уничтожению* указанного разрыва цен. Но с нашей точки зрения для этого имеется один лишь надежный путь — это дальнейшее повышение производительности труда в промышленности в результате намеченной индустриализации страны. Если мы *удешевим* производство городских изделий в большей мере, чем сельскохозяйственных продуктов, мы получим возможность соответствующего смещения цен в пользу деревни.

Переходя от этих общих соображений к цифрам, мы должны прежде всего констатировать следующий факт. Мы не имеем надежного измерителя интересующего нас смещения цен. Так называемые крестьянские индексы Конъюнктурного института построены для другого специального назначения. Оптовый индекс не характерен для деревни, ибо там нет оптовых сделок. А розничный индекс Конъюнктурного института до самого последнего времени регистрировал только цены частного рынка, несмотря на то, что огромная доля покупок деревни совершается в кооперативах. Чтобы оценить, какое это имеет значение, сопоставим старый индекс Конъюнктурного института за январь — март 1927 г. с новым, в котором по требованию СТО учтены с надлежащим весом и частные и кооперативные цены[1] (см. табл. на стр. 245).

Итак, старый индекс преувеличивал сельскохозяйственные цены на 10%, а промышленные — даже на целых 23%! И, стало быть, тот раствор «ножниц», которым нас так пугали официальные бюллетени возглавляемого проф. Кондратьевым Конъюнктурного института, отражал собой не

---

[1] «Экономический бюллетень института НКФ», 1927, № 5, стр. 6. Постановление СТО о включении в индекс цен кооперативной и государственной торговли состоялось 11 августа 1926 г.

Показатели	Старый индекс		Новый индекс		Разница в % к новому индексу
	абс.	отн.	абс.	отн.	
1. Промышленные цены	2,68	1,13	2,17	1,10	23,5
2. Сельскохозяйственные цены	2,08	0,88	1,89	0,92	10,0
Тотальный индекс	2,37	1,00	2,06	1,00	15,0
«Ножницы» (1 : 2)	1,29	—	1,15	—	12,2

столько действительность, сколько неумеренное пристрастие этого почтенного учреждения к ценам частного рынка.

Уже в 1923/24 г. доля частника в обороте страны составляла у нас всего около 45%, а к 1926/27 г. она упала до 20% всего посреднического оборота. Но в индексах проф. Кондратьева это не находило себе никакого отражения. Для него конъюнктурный интерес по-прежнему представляли только спекуляции частника, ибо только в них находила свое полное отражение *стихия рынка*. Помилуйте, какое значение с этой точки зрения могли для него представлять «указные» цены обобществленной торговли, продиктованные из Наркомторга, хотя бы по ним реализовалось 80% оборота? Ведь Наркомторг не стихия. И вот, несмотря на то что главной задачей индекса НКФ было следить за изменениями покупательной силы червонца по всей стране, нам в течение ряда лет преподносился для этой цели индекс, отражающий собой лишь тот весьма ограниченный уголок рынка, где еще находила себе пищу стихия частной спекуляции. Целые годы, пользуясь этим «спекулянтским» индексом, нас пугали и призраками надвигающейся инфляции, и политически весьма для нас одиозным раствором «ножниц». Потребовался специальный приказ СТО, чтобы наши ученые-конъюнктуристы заметили, что на рынке у нас подвизаются и другие силы, помимо частника-спекулянта. И лишь теперь мы можем воочию убедиться, насколько преувеличены были те опасности, которыми нас запугивали.

Общий уровень цен в старом индексе проф. Кондратьева был преувеличен процентов на 15, «ножницы» — процентов на 12. Исходя из этого, «ножницы» 1925/26 г., исчисленные по спекулянтскому сектору рынка в 1,24, следовало бы понизить до 1,11 или около того. Однако примем даже тот коэффициент 1,15, который зафиксирован по новому индексу для января — марта 1927 г.[1] Тогда, исходя из объема продаж и приобретений деревни за 1925/26 г. и принятого смещения цен не в пользу деревни в 15%, нетрудно оценить общее его значение по всему СССР.

По исчислению контрольных цифр Госплана, за исключением внутридеревенского оборота, деревня реализовала в городе за 1925/26 г. своих земледельческих продуктов на 2411 млн. червонных рублей и кустарных изделий — на 520 млн. руб., а сама приобрела промышленных изделий всего на 3325 млн., в том числе в городе — на 2389 млн. руб.[2] Эти цифры, вероятно, весьма далеки от точности, но необходимый нам масштаб товарооборота деревни они все же выявляют. Смещение цен при «ножницах» в 1,15 можно рассматривать двояко. Если *сельскохозяйственные* цены нормальны, то, значит, промышленные вздорожали на 15%, и, стало быть, деревня переплатила на них $\frac{(2389 - 520) \cdot 15}{115} = 244$ млн. червонных рублей против довоенной нормы. А если *промышленные* цены нормальны,

[1] Отметим, что для следующего квартала мы имеем новое снижение «ножниц» по индексу НКФ с 1,15 до 1,11 и по бюджетному — с 1,08 до 1,07.

[2] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1926/27 г.» М., 1926, стр. 126—128.

то, значит, сельскохозяйственные понижены, и недобор деревни против довоенной нормы следует оценивать в $2411 \cdot 0{,}15 = 362$ млн. руб. Таким образом, «потери» деревни на ценах за 1925/26 г. колеблются в пределах от 244 млн. до 362 млн. и в среднем могут быть определены в 303 млн. руб.

Это весьма солидная сумма. Но если бы Советская власть своим плановым вмешательством не снижала цены в государственной и кооперативной торговле, то эта сумма потерь деревни была бы несравненно выше. Цены *частного* рынка, как это видно из вышеприведенного сопоставления старого и нового индексов Конъюнктурного института НКФ, еще менее выгодны для деревни. Стихия частного рынка, несмотря даже на противодействие пониженных цен обобществленной торговли, ухитряется раздвигать пасть своих «ножниц» для ущемления деревни очень широко. При растворе «ножниц» в 1,29, согласно показаниям частного рынка, потери деревни вместо 303 млн. составили бы по такому же счету за один лишь год от 420 млн. до 700 млн. руб., т. е. чуть ли не *вдвое* больше фактических потерь 1925/26 г. А что же было бы, если бы частник вовсе не встречал на своем пути никакого противодействия кооперации?

Это нетрудно сообразить. Все те выгоды, какие деревня получила в результате Октябрьской революции, стихия частного рынка обратила бы *целиком* на удешевление сельскохозяйственной продукции и увеличение рентабельности частного торгового капитала. А деревенская беднота попрежнему осталась бы ни при чем. Не этого ли именно и добиваются такие поклонники хозяйственно мощных слоев деревни и капиталонакопления в сельском хозяйстве, как проф. Кондратьев, Макаров и прочая братия?

Впрочем, признают ли они еще какие-либо выгоды, полученные деревней от революции?

А между тем, ни для кого не секрет, что обложение деревни в 1920-х годах значительно ниже довоенного. И всякого рода платежи за землю, отпавшие с революцией, тоже кое-что значат. По расчетам А. Л. Вайнштейна, все прямые и косвенные налоги в деревне достигали в 1912 г. 6 р. 78 к. на душу, да платежи за аренду помещичьих земель и в банк — 3 р. 76 к., а всего не менее 10 р. 54 к. довоенных, или до 18 р. 97 к. червонных на душу. А в 1925/26 г., по исчислениям НКФ, все налоги, падающие на земледельческое население, не превышают в СССР 8 р. 8 к. на душу[1]. И, стало быть, разница в пользу деревни составляет на душу 10 р. 89 к., а на все 117 млн. душ населения деревни — свыше 1270 млн. червонных рублей.

Если из этой суммы теперь исключить около 300 млн., потерянных деревней на ценах, то все же останется около миллиарда рублей, которые надо рассматривать как чистый выигрыш деревни за счет революции.

Эту цифру, конечно, можно оспаривать и уточнять. Мне лично она представляется минимальной. Но если даже согласиться с теми скептиками, которые фактические потери деревни на ценах определяют в 3—4 раза выше показаний наших индексов, то и в таком случае придется признать, что выигрыш деревни от революции превосходит эти потери[2]. Понизится лишь абсолютная величина этого выигрыша.

---

[1] «Экономическое обозрение», 1927, № 5, стр. 173 и 185.

[2] Отмеченный скептицизм к показаниям наших индексов о растворе «ножниц» основывается на том соображении, что, несомненно, деревня продает по более дешевым, а покупает по более дорогим ценам, чем те *средние* цены для всей страны, какие фиксируют наши индексы. Это совершенно верно. Однако это *одинаково верно* не только для 1925/26, но и для 1913 г. и потому не может существенно отразиться на растворе «ножниц», призванных отметить лишь то, что *изменилось* с 1913 г. В самом деле, допустим, что продает деревня, скажем, на m% дешевле, а покупает на n% дороже тех средних городских цен, по которым строятся наши

Как видим, не только к концу проектируемой пятилетки, но и к началу ее благосостояние деревни в СССР превосходило уровень 1913 г. и вообще довоенный уровень, ибо 1913 год и по объему народного дохода от сельского хозяйства, и по соотношению цен был особенно благоприятен для русской деревни. Так, например, если принять за норму средние цены за целое десятилетие 1890—1899 гг., то сельскохозяйственные цены в 1913 г. достигли 147,2% этой нормы, в то время как промышленные — только 137,7%. Говоря иначе, если бы мы исходили в исчислении «ножниц» не от 1913 г., а от 1890—1899 гг., то для 1913 г. пришлось бы определить «ножницы» в 137,7 : 147,2 = 93,6%, и тогда для 1925/26 г. они вместо 117% по *оптовому индексу* ЦСУ понизились бы до 111%, а к концу пятилетки, в 1930/31 г., достигли бы вследствие снижения промышленных цен на 17,6% при стабильности сельскохозяйственных уровня 91,3% нормы 1890—1899 гг.[1]

Даже наиболее рьяные радетели деревни не смогут отрицать, что наша пятилетняя программа развертывания хозяйства значительно улучшает положение деревни. Но, может быть, если бы мы последовали советам этих радетелей, то сделали бы для деревни еще больше?

Мы это категорически отрицаем. Предлагаемый нам курс одновременно и на снижение темпа индустриализации, и на более резкое снижение промышленных цен внутренне противоречив и явно утопичен. Если мы снизим намеченную сумму вложений в промышленность, то не сможем расширить и удешевить ее продукции в той степени, в какой намечаем. А если бы все же при этих условиях были понижены и цены, то возросший спрос не удалось бы удовлетворить пониженным производством. И мы пришли бы к тяжелому кризису, на котором порядочно заработал бы частный посреднический капитал, но ничего не выиграла бы деревня. Таким образом, ратуя субъективно за интересы деревни, эпигоны народничества объективно служат лишь интересам частного капитала.

Но мы должны сказать больше. Программа наших последышей народничества, так же как и программа их предшественников, не только утопична, но и реакционна, ибо она направлена против развития производительных сил страны.

В пятилетке Госплана показано, насколько индустриальный труд в наших условиях продуктивнее сельскохозяйственного. Из расчета на одного годового работника, по довоенной оценке, вновь созданная за 1925/26 г. сумма стоимостей в городе была втрое выше, чем в деревне, а к 1930/31 г. она будет вчетверо выше. Уже из этого видно, каким тормозом в развитии общего уровня производительности труда в стране было бы всякое снижение темпа индустриализации.

Проф. Кондратьев считает необходимым «решительно отвергнуть» приведенные в пятилетке соображения о сравнительной производительности сельскохозяйственного и промышленного труда[2]. И мы вполне

индексы. Но если это имело место и в довоенное время, то множители *m* и *n* при исчислении индексов, попав в числитель и знаменатель дробей, сократятся и исчезнут. А если было иначе, то это прежде всего требуется доказать. До сих пор, однако, это никем еще не доказано. И едва ли может быть доказано, ибо довоенных цен, по которым деревня покупала, скажем, промышленные продукты, взять неоткуда. Такие суррогаты их, как те, которыми пользуется Конъюнктурный институт НКФ для своих «крестьянских индексов», т. е. цены 1913 г., восстановленные опросом *по памяти* в 1925 г., через 12 лет, заведомо непригодны для этой цели. А лучших нет.

[1] Проф. Макаров пытался утверждать, что 1913 г. был «нетипичным» в обратную сторону, т. е. менее благоприятным для деревни, чем десятилетие 1890—1899 гг. Но это утверждение можно объяснить лишь арифметической ошибкой ученого профессора. Ср. статью Н. П. Макарова «Несколько замечаний о перспективах развертывания народного хозяйства СССР». «Плановое хозяйство», 1927, № 5 стр. 44 и кн. М. П. Кохна «Русские индексы цен». М., 1926, стр. 158.

[2] «Плановое хозяйство», 1927, № 4, стр 29.

понимаем, насколько это для него *необходимо*. Но, увы, факты — упрямая вещь, и их не опровергнешь одной риторикой.

В самом деле, проф. Кондратьев ссылается на тот признаваемый и нами факт, что для измерения «абсолютного уровня» производительности труда в сложных производствах у нас нет никаких измерителей. Это верно. Но ведь нас интересуют здесь не абсолютные величины, а лишь их *соотношения* во времени и в пространстве.

Находя, что мы в своем сопоставлении подменяем «понятие производительности труда понятием *его доходности»*, проф. Кондратьев ошибается, конечно, ибо мы оперируем с понятием *народного* дохода, т. е. вновь созданной в стране суммы стоимостей, а не с понятием доходности труда. И, в частности, земледельцам мы приписываем не тот доход, который они фактически получили, а ту сумму стоимостей, которую они произвели своим трудом, независимо от того, какая доля этой суммы у них оказалась изъятой налогами, рентой и прочими перераспределительными приводами. К тому же мы оперируем ценами 1913 г., когда регулятор меновой стоимости не подвергался еще никаким ограничениям планового порядка и когда, стало быть, в обмен вступали если не вполне эквивалентные, то все же приближающиеся к эквивалентным стоимости.

Проф. Кондратьев, однако, очень строг. Этого ему мало. «Вот если бы С. Г. Струмилин доказал,— замечает он,— что в 1913 г. цены на товары *вполне* совпадали с трудовыми стоимостями последних, тогда он *мог бы* по данным о доходе судить о сравнительной производительности труда. Но именно это-то доказать и невозможно, именно эта-то посылка, если ее принять, и неверна» [1].

Итак, проф. Кондратьев не отрицает возможности по данным о народном доходе, падающем на единицу труда в разных отраслях хозяйства, судить о *сравнительной* производительности в них труда. Он лишь отрицает полное совпадение цен с трудовыми стоимостями на капиталистическом рынке. И мы это тоже отрицаем. Но так ли уж нам необходима для практических целей эта полнота совпадения? Попробуем это проанализировать.

Прежде всего нужно знать, *в какую сторону* отклонялись у нас цены продуктов земледелия от их трудовой стоимости в капиталистической России. Практика показывает, что земледельческие продукты расценивались у нас на рынке скорее выше, чем ниже их трудовой стоимости.

А если это так, то, заменяя при сопоставлении продуктивности труда в городе и деревне народный доход на одного годового работника, выраженный в *ценах* 1913 г., соответствующими трудовыми *стоимостями,* мы лишь усилили бы ту разницу, которую обнаружили в оспариваемом проф. Кондратьевым расчете.

Годовая продуктивность индустриального работника значительно выше, чем у земледельческого, даже если ее измерять в *ценностных* единицах, уже потому, что и квалификация его много выше и использование рабочего времени в течение года несравненно эффективнее. Индустриальный рабочий работает достаточно эффективно круглый год, а земледелец - только летом.

Но эта разница оказалась бы еще выше, если бы мы сумели перейти от учета создаваемых в городе и деревне стоимостей к учету соответствующих им потребительных благ. Количество их, создаваемое в единицу времени промышленным рабочим, в связи с техническим прогрессом промышленности ежегодно возрастает в гораздо более быстрых темпах, чем в земледелии. С этой точки зрения достаточно было бы оценить по достоинству хотя бы один лишь факт механизации индустриального труда. Еще в 1890 г. мы имели в промышленности на одного рабочего всего 0,23 HP

---

[1] «Плановое хозяйство» 1927. № 4. стр. 29. Курсив наш.— *С. С.*

установленной мощности механических двигателей, а в 1916 г., накануне революции, эта норма повысилась до 1,23 HP на рабочего, т. е. в 5,3 раза. Одна механическая лошадиная сила эквивалентна по своей энергетической работе 12 рабочим. Стало быть, суммируя человеческую и механическую энергию, можно сказать, что производительная мощность одного индустриального рабочего возросла за 26 лет с (0,08 + 0,23) HP до (0,08 + 1,23) HP, т. е. на 323%. В земледелии же механизация труда вследствие распыленности рабочей силы в мелких индивидуальных хозяйствах и многих других причин до 1927 г. почти не прививалась. И в общем, по нашему расчету, с 1887 по 1913 г. (т. е. тоже примерно за 26 лет) производительность труда возросла здесь всего на 27%.

Нельзя допустить, чтобы такого рода факты были вовсе не известны нашим эпигонам народничества. Проморгать такой факт, как огромный технический прогресс в промышленности при соответствующей технической отсталости в земледелии,— это уже было бы рекордом идеологического ослепления. Но если они знают этот факт, то почему же так «решительно отвергают» столь элементарный из него вывод, что производительность труда в земледелии несравненно ниже, чем в промышленности?

Мы понимаем, почему такого рода выводы столь неприятны нашим народолюбцам, что они готовы их оспаривать вопреки даже всякой очевидности.

Признав более высокую производительность труда за промышленностью, трудно бороться против индустриализации. Признав, что обобществленный индустриальный сектор в самом себе заключает достаточно ресурсов для дальнейшего роста и обобществления производительных сил страны, нет уже оснований столь рьяно ратовать за капиталонакопление хозяйственного мужичка якобы в интересах социалистического строительства. Тут уж все маски и прочие благолепные прикрытия пришлось бы отбросить в сторону и выступить с открытым забралом не в качестве доброхотных радетелей угнетенной трудовой деревни, привлекаемой к чрезмерным жертвам во имя социализма, а в качестве присяжных ходатаев за интересы хозяйственного мужичка как такового, за частное капиталонакопление без всяких прикрас, за жертвы пролетариата в пользу Колупаевых и Разуваевых, возрождающих капитализм. Конечно, столь обнаженная идеология — без единого фигового листочка — не слишком привлекательна. И наши эпигоны предпочитают донашивать старые костюмы внеклассового «народолюбия».

Но факты остаются фактами. И последыши «народолюбия», так же как их родоначальники дореволюционной эпохи, таят в своей идеологии все черты утопической реакционности. Однако если старые народники под маской своего прекраснодушного крестьянофильства отражали еще в известной мере *реакцию пережитков феодализма*, с его романтикой патриархально-общинного уклада, *против разлагающего их капитализма*, то нынешние их преемники излечились уже от всякой романтики. После социалистической революции, когда навыки общинного уклада, казалось бы, впервые приобретают для нас некоторое положительное значение, наши эпигоны народничества решительно отказываются от каких-либо надежд на крестьянскую общину и отдают явное предпочтение столыпинской программе землеустройства. И это вполне последовательно, ибо если их отцы в интересах хозяйственного мужичка отражали еще реакцию пережитков *феодализма* против победоносного *капитализма*, то в новых условиях детям этих отцов приходится отражать уже реакцию, правда, весьма отсталого, но все же вполне определившегося мелкобуржуазного *капитализма* против победного шествия *социализма*.

Социологически и ту, и другую реакции в их стремлении повернуть вспять колесо истории можно заранее признать в равной мере безнадежно утопическими. Однако это неравносильно признанию их безвред-

ности. Те вредные трения, тормозящие наше хозяйственное продвижение вперед, какие создаются на нашем пути реакционной идеологией неонародничества, не следует игнорировать. С нею нужно бороться. Ее необходимо развенчать и тем самым обезвредить.

5. НА АРИФМЕТИЧЕСКОМ ФРОНТЕ

В том походе, который эпигоны народничества предприняли против нашей наметки перспектив развертывания народного хозяйства СССР, далеко не последнее место занимает критика наших расчетов и отдельных цифровых заданий с точки зрения их чисто арифметической несогласованности между собою. Арифметика, разумеется, не должна заслонять собой в хозяйственных планах экономики. Но и ею пренебрегать не следует. А потому мы готовы дать бой нашим ученым критикам и на этом фронте.

Как известно, состояние нашей отчетности не позволяет нам до сих пор построить целостный баланс народного хозяйства даже за прошлые годы. Тем более трудно было бы построить такой строго увязанный во всех своих элементах провизорный баланс на целых пять лет вперед. И в нашей пятилетке мы не ставили этой утопической задачи. Правда, везде, где это было возможно, мы пользовались методом балансовой проверки наших плановых предположений, но, к сожалению, это далеко не везде удавалось нам сделать. Вынужденные в разных разделах работы пользоваться цифрами различного происхождения, а потому и различного значения, мы очень часто вовсе не могли сопоставлять их абсолютных величин и довольствовались уже тем, что нам удавалось установить достаточную гармонию в *темпах* их роста или понижения за пятилетие.

Поясним это примером. Если бы мы захотели сопоставить абсолютную цифру товарной продукции промышленных изделий широкого потребления с емкостью рынка на эти изделия, исчисляемой по бюджетам, то в нашей пятилетке получилась бы следующая арифметическая их неувязка [1].

Годы	Производство	Емкость рынка	«Перепроизводство»	
	(в млн. червонных рублей)		(в млн. руб.)	(в %)
1925/26	8120	3749	4371	116
1930/31	11167	5300	5867	111
Прирост (в %)	37	41	34	—

Как видим, из абсолютных цифр можно бы заключить, что у нас налицо огромное перепроизводство предметов широкого потребления. Из арифметики это следует. Но ни один грамотный экономист не поверил бы такой арифметике, ибо всем известно, что в 1925/26 г. мы испытывали в стране товарный голод, а не кризис перепроизводства. Вот почему нам вовсе незачем было сравнивать приведенные цифры в абсолютном их значении. Мы прекрасно знаем, что данные бюджетов, в особенности крестьянских, дают чрезвычайно преуменьшенные цифры потребления продуктов промышленности, а итоги товарной продукции преувеличены за счет внутренних ее оборотов. В полемике с проф. Литошенко мы указывали, в каких огромных поправках нуждаются эти цифры. В частности, за

[1] «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27 — 1930/31 гг.», стр. 20 и 142. Цифра 6110 млн. руб., показанная на стр. 20 для 1930/31 г., понижена здесь до 5300 млн. руб. за счет понижения цен на 17,7%.

1925/26 г. по бюджетам деревня потребила промышленных продуктов всего на 1492 млн. руб., а по контрольным цифрам Госплана это потребление пришлось исчислить в 3325 млн. руб., т. е. с увеличением на 122%[1]. Но если бюджеты сами по себе малопригодны для исчисления *абсолютных* масштабов емкости рынка, то для характеристики сравнительной изменчивости этой емкости с изменением уровня благосостояния различных бюджетных групп они могут дать очень ценные указания. И потому, приведя в нашей пятилетке свой расчет емкости рынка, мы оговорили, что придаем ему «лишь иллюстративное значение», и воспользовались из него только *темпами* вероятного расширения рынка.

Конечно, и в темпах не трудно ошибиться, когда оперируешь со столь сомнительным статистическим материалом, как крестьянские бюджеты. Кстати сказать, наш расчет, что емкость рынка на промышленные продукты в городе возрастет за пять лет на 72%, а в деревне — на 48% по *физическому объему* продукции, дает весьма разные общие выводы в зависимости от того, из каких абсолютных цифр для города и деревни исходить в начальную дату пятилетки. Если принять за исходные *данные бюджетов*, то средний прирост емкости потребительского рынка для всей страны за пять лет с 1925/26 г. увеличится на 63%. И тогда нам угрожают и впредь явления товарного голода[2]. А если исходить из более правдоподобного исчисления контрольных цифр, то вместо 63% получим среднюю взвешенную прироста емкости всего в 60%. И тогда к концу пятилетки мы добьемся существенного смягчения товарного голода. Но если не преувеличивать возможной точности подобного рода иллюстративных расчетов, то довольно отчетливое представление «*о направлении и масштабах* роста потребительского рынка» мы все же из них получили. Именно это и не более того мы и хотели дать нашими исчислениями емкости рынка[3].

Но иначе к подобным расчетам относятся наши критики. Они готовы сопоставлять между собою даже совершенно не сопоставимые по своему происхождению и значению цифры нашей пятилетки. И если эти цифры не дают того арифметического баланса, которого, конечно, совершенно безрезультатно в таких случаях ищут наши критики, они тотчас же торжествуют победу, делая выводы о нереальности всех наших плановых предположений.

Как велико усердие наших критиков, проявляемое ими в указанном — арифметическом — направлении, можно усмотреть хотя бы из следующего примера.

Чтобы доказать преувеличенность наших расчетов возможного накопления в государственном секторе к концу пятилетки, проф. Кондратьев пользуется следующим арифметическим приемом. Вычитая из народного дохода 1925/26 г., исчисленного нами в 21 541 млн. червонных рублей, сумму накоплений в государственном секторе 1868 млн. руб. и деля полученную разность на население, он получает таким образом душевое «потребление» 1925/26 г. — 138,6 руб. Далее, исходя из предположений пятилетки о приросте «благосостояния» населения к 1930/31 г. на 31%, он увеличивает 138,6 руб. на этот процент, что дает ему 181,6 руб., умножает эту цифру на население 1930/31 г., определяет таким образом все «потребление» 1930/31 г. в 28 638 млн. руб., вычитает эту цифру из народного

---

[1] Ср. «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.», стр. 20 и «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1926/27 г.». М., 1926, стр. 128.

[2] При росте всей продукции, включая кустарную, только на 59% и *товарной* продукции предметов широкого потребления на 63% (в ценах 1925/26 г.). «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.», стр. 21 и 143.

[3] Там же, стр. 16.

дохода в 29 328 млн. руб. и в результате получает остаток для накопления только в 690 млн. руб. вместо исчисленных пятилеткой 3693 млн. руб.

Затем следует торжество, ибо, по его мнению, приведенной арифметикой «вся внутренняя необоснованность цифр накопления и отсутствие их внутренней балансовой увязки с данными о доходе и потреблении» доказуются совершенно неопровержимо [1].

Однако торжество это несколько преждевременно. Для того чтобы опрокинуть те или иные *экономические* расчеты, увы, недостаточно знакомства с четырьмя действиями арифметики. Надо еще понимать значение величин, которыми оперируешь. А этого-то понимания и не обнаружил наш ученый критик. И потому при безупречной арифметике в одном этом расчете он допустил не менее трех грубейших экономических ошибок.

Ошибка первая. Свою цифру «потребления» (28 638 млн. руб.) проф. Кондратьев исчислял в ценах 1925/26 г., наша же цифра народного дохода (29 328 млн. руб.) дана в ценах 1930/31 г., т. е. с учетом намеченного их снижения. А между тем даже элементарная арифметика не рекомендует производить вычитания фунтов из саженей или бутылок из ведер без предварительного приведения их к одному измерителю.

Проф. Кондратьев не заметил этого обстоятельства. Он даже ссылается на какой-то «анализ», из которого он заключил, что народный доход 1930/31 г. исчислен нами «без учета проектируемого снижения промышленных цен» [2]. Однако это сущий вздор. В табличке народного дохода он дается у нас параллельно и в довоенных ценах, и в червонной валюте, причем доход от промышленности показан возросшим в довоенных ценах на 74,5%, а в червонной валюте — только на 44%, т. е. со снижением ровно на 17,5% [3]. Тут нечего было «анализировать», достаточно было уметь читать по печатному.

Если бы наш критик учел намеченное снижение цен и в своей цифре «потребления», то она с 28 638 млн. руб. понизилась бы процентов на 11, т. е. *миллиарда на три* с хвостиком. Таков арифметический масштаб первой его ошибки.

Ошибка вторая. Путем вычитания *накопления в одном только государственном секторе из всего* народного дохода нельзя получить потребительный фонд населения, ибо накопление происходит и в других секторах хозяйства. В частности, за 1925/26 г. накопление в кооперативном и частном секторах достигло, по расчетам Госплана, не менее 725 млн. червонных рублей [4]. Внеся эту поправку в расчеты проф. Кондратьева, получим душевое «потребление» для 1925/26 г. не в 138,6 руб., а в 133,5 руб., для 1930/31 г.— $133{,}5 \times 1{,}31 = 175$ руб. на душу, или $175 \times 157{,}7 = 27\,600$ млн. руб. на все население в ценах 1925/26 г. вместо исчисленных Кондратьевым 28 638 млн. руб. Эта вторая ошибка нашего профессора, тоже, стало быть, дала ему для посрамления пятилетки *свыше миллиарда.*

Третья ошибка. Проф. Кондратьев, а за ним Вайнштейн, Герчук и прочие идеологические птенцы той же школы, по-видимому, очень твердо убеждены, что благосостояние населения измеряется потреблением, а не доходом. И потому, если в пятилетке сказано, что *благосостояние* населения за пять лет возрастет на 31%, то они на такой же процент повышают и нормы *личного потребления* населения. Но это грубейшая ошибка. Даже рабочий не проедает весь свой доход, а кое-что и сберегает на черный день в сберегательной кассе или в ином порядке. Но еще в большей степени

---

[1] «Плановое хозяйство», 1927, № 4, стр. 15—17.

[2] Там же, стр. 16.

[3] «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.», стр. 25.

[4] «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1926/27 г.», стр. 313.

это относится к крестьянству и другим слоям населения. Они не только истребляют, но и накопляют. И притом при возрастающих доходах производственные затраты в деревне, по общему правилу, обгоняют у них личное потребление[1]. Поэтому при росте благосостояния на 31% личное потребление населения за пятилетие увеличивается не на 31%, а значительно меньше. Но зато крестьянин обзаведется лишним инвентарем, скотом, постройками и т. д.

Мы не беремся и эту ошибку нашего критика оценить в цифрах. Весьма вероятно, однако, что и ее пришлось бы исчислять в сотнях миллионов. Конечно, для ученого такого масштаба, как проф. Кондратьев, у которого даже рядовые ошибки измеряются миллиардами, это уже совершенный пустяк. О нем и разговаривать не стоит. Но все же общий итог приведенной арифметической операции в четыре с лишним миллиарда, приписанных к потреблению, чтобы сократить возможный фонд накопления, в достаточной мере объясняет, почему у проф. Кондратьева никак не увязывается наша цифра накопления с его расчетами потребления.

Бесчеловечно было бы утомлять читателя полным перечислением всех остальных балансовых «неувязок» и «противоречий» в нашей пятилетке, которые открыты проф. Кондратьевым или его друзьями тем же методом арифметических манипуляций с нашими цифрами и сопоставления их с другими — собственного изобретения. Но еще один пример такой «неувязки» привести необходимо. Тем более, что критики считают ее особенно убийственной для нашей пятилетки и потому особенно много уделяют ей внимания.

Дело идет о том пресловутом дефиците сельскохозяйственной продукции, который впервые еще на съезде плановиков «обнаружили» у нас проф. Кондратьев и присоединившийся к нему проф. Макаров, а за тем подробно развили в своих статьях Кондратьев и Вайнштейн со ссылками на участие в этой работе и целого ряда других лиц[2].

В нашей пятилетке не дано развернутого баланса производства и распределения сельскохозяйственной продукции на пять лет вперед, так как у нас не было для этого целого ряда элементов даже за отчетные годы. Но по бюджетам рабочих мы исчислили вероятное потребление городским населением продукции деревни. Пользуясь этим расчетом и присоединяя к нему свои собственные расчеты потребления сельскохозяйственных продуктов сельским населением, наши критики построили такой баланс, из которого явствует, что в 1930/31 г. у нас не только не хватит сельскохозяйственной продукции для экспорта, но даже придется покрывать ввозом *миллиардные* дефициты.

Достигаются эти дефициты следующими арифметическими приемами.

Городское душевое потребление сельскохозяйственных продуктов, исчисленное нами по ценам потребителя для 1925/26 г. в 102,4 руб. за год, понижается до 68,3 руб. за счет торговой накидки, повышается на 30% для 1930/31 г. и умножается на население. Для деревни за норму потребления 1925/26 г. принимается 51,2 руб. на душу, увеличивается эта норма для 1930/31 г. тоже на 30%, как и для города, а затем умножается на население. В результате получается общее потребление города и деревни в 1930/31 г. на сумму 11 162 млн. червонных рублей, а «чистая продукция» сельскохозяйственных предметов питания по ценам производителя исчисляется проф. Кондратьевым в 9854 млн., откуда дефицит против потребления в 1308 млн. червонных рублей[3].

---

[1] Так, например, если личное потребление продуктов промышленности в деревне должно возрасти за 5 лет, по нашему расчету, на 48%, то хозяйственное, по данным бюджетов, возрастет на 70%.

[2] «Плановое хозяйство», 1927, № 4, стр. 1.

[3] Там же, стр. 22—24.

Характерно, что в этом «балансе» нет ни одной величины, заимствованной непосредственно из пятилетки. Весь расчет принадлежит самому проф. Кондратьеву. И совершенно непонятно, почему за его просчеты в приведенном балансе должен отвечать кто-либо еще, помимо автора действительно весьма малограмотного произведения.

В самом деле: прежде всего совершенно произвольна принятая им поправка на торговую накидку в ценах городского потребителя продуктов деревни. Эта накидка в данном случае состоит не только из транспортных и торговых расходов, но также из стоимости переработки зерна в крупу, муку и хлеб, маслосемян — в постное масло и т. д. По специальному подсчету для рабочих бюджетов за ноябрь 1925 г., сумма всех этих накидок составила около 85% от стоимости первичной сельскохозяйственной продукции. Таким образом, душевое потребление горожан в 102,4 руб. понижается с приведением к ценам производителя до 55,4 руб. вместо 68,3 руб. С увеличением на 30% за пятилетие и умножением на все городское население получим с этой поправкой потребление города за 1930/31 г. в 2105 млн. руб. вместо 2637 млн. руб. Разница в 532 млн. руб., таким образом, составляет масштаб первой ошибки проф. Кондратьева.

Еще произвольнее норма сельского потребления сельскохозяйственных продуктов, принятая им в 51,2 руб. для 1925/26 г. Проф. Кондратьев напрасно ссылается на нас, будто мы исчислили ее для 1924/25 г. в 47,2 руб. на душу. В нашей работе сказано: «Крестьянину в 1924/25 г. *все питание,* по оценке бюджетов, обошлось за год всего в 47,2 руб. на душу, а рабочему — в 106 руб.» [1]. Но крестьянин покупает и сахар, и соль, и селедки, и другие продукты, не входящие в состав сельскохозяйственной продукции, а кроме того, платит за помол муки на мельнице, тратится на крупорушке, на маслобойне и т. д. И все это входит в те же 47,2 руб. И если проф. Кондратьев исходил из нашей цифры, то он должен был бы сделать с нее порядочную скидку для получения продуктов питания *только* сельскохозяйственного происхождения, и притом в ценах производителя *без переработки.* А он вместо того еще увеличил ее на 8,5%. Но особенно произвольным является повышение этой нормы еще на 30% для 1930/31 г. Ведь в нашей пятилетке запроектировано повышение той же нормы за пять лет всего на 6,6% [2]. Чем же может быть мотивировано это отступление от пятилетки? Ведь речь идет здесь лишь о продуктах *питания* сельскохозяйственного происхождения. А душевой прирост этих продуктов, включая сюда зерновые культуры, мясо и молоко, если исходить из фактического урожая 1925/26 г., за пять лет составляет всего 9—10%.

Не думает ли проф. Кондратьев докармливать сельское население клевером и викой или льном, пенькой и прочими техническими культурами, прирост которых за пятилетие ожидается в гораздо более высоком проценте?

А между тем, если отвергнуть это нелепое допущение и исходить из нормы прироста в 6,6% вместо 30%, то сразу же, без всяких других поправок, цифра сельского потребления для 1930/31 г. снизится с 8525 млн. до 6970 млн. руб., т. е. на 1555 млн. руб. А вместе с тем исчезнет и весь пресловутый дефицит, сочиненный проф. Кондратьевым. Такова вторая ошибка нашего профессора.

В сумме по обеим статьям потребление города и деревни составит тогда для 1930/31 г. 9075 млн. руб., т. е. на 2087 млн. руб. меньше итога, исчисленного проф. Кондратьевым, и вместо дефицита в 1308 млн. руб. даст еще избыток для экспорта в несколько сот миллионов.

---

[1] «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27—1930/31 гг.», стр. 12.

[2] Там же, стр. 173.

Мы не станем более утруждать читателя разбором других расчетов наших идеологических противников, столь же «убедительно» вскрывающих прочие дефициты и «внутренние» балансовые неувязки в пятилетке Госплана. Все они построены по одному шаблону. Берется одна или две данности по пятилетке, прибавляется ряд коэффициентов собственноручного изготовления, затем все эти числа подвергаются четырем действиям арифметики, и в результате обнаруживается «внутренняя» балансовая неувязка... этих чисел и коэффициентов.

Говоря откровенно, нас не очень удивляет, что эпигоны народничества вкладывают в эти расчеты гораздо больше арифметики, чем статистического знания и экономического понимания окружающей действительности.

Перспективные хозяйственные расчеты на несколько лет вперед — дело новое. Эти расчеты и все связанные с ними экономические построения могут оказаться *более* или *менее* удачными или даже совсем неудачными. Окончательное суждение об этом придется отложить до завершения пятилетки. А до тех пор нашим расчетам можно, разумеется, *противопоставлять* какие угодно другие. Не в этом дело.

Изумляет нас лишь отсутствие чувства юмора у наших критиков. Неужели, проделывая свои критические манипуляции совершенно серьезно, они не чувствуют всего комизма предъявляемых ими к нашей работе требований? Почему во имя *внутренней* балансовой увязки этой работы мы должны были строить ее так, чтобы она гармонировала со всеми благоглупостями, *привносимыми к ней со стороны* тем или иным досужим критиком?

Такой большой «дефицит» в чувстве юмора у наших последышей народничества угрожает им большими неувязками в их идеологическом «балансе». Это плохой признак. Экономическая школа, которая сама себя ставит без всякой надобности в столь смешное положение и совершенно заслуженно подвергается публичному осмеянию, плохо кончит.

Это признак вырождения школы.

* * *

В 1927 г., когда мы писали эти строки, школа Кондратьева пользовалась еще в советских кругах значительным весом и авторитетом. Тогда наш призыв — «ее необходимо развенчать и обезвредить»,— как и наш прогноз, что она «плохо кончит» казались многим лишь весьма понятным полемическим увлечением. Однако кончила она даже хуже, чем можно было думать.

Полное моральное вырождение кондратьевщины сказалось при этом уже в том, что она самими устами своих лидеров, растеряв все свои идеологические предпосылки, признала все свое прошлое одной сплошной ошибкой.

XIV. К ДИСКУССИИ О ПЕРВОЙ ПЛАНОВОЙ ПЯТИЛЕТКЕ

1. НАШИ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И ОППОЗИЦИЯ[1]

Критические упражнения оппозиции по поводу директив ЦК партии о пятилетнем хозяйственном плане уже получили достойную отповедь на страницах «Правды» (17 октября 1927 г.). Однако эта критика, забегая несколько вперед, направляла свои стрелы не только против директив ЦК к построению плана, но и против самого плана, увы, не существующего. Оппозиция, конечно, знает не хуже нас, что все те материалы по пятилетнему плану, которые до последнего времени были опубликованы Госпланом СССР и другими плановыми органами, представляют собой еще не законченную, черновую работу. Ни сам Госплан, ни тем более высшие органы власти и партия их не санкционировали и потому отвечать за них не могут. Ответственны за них пока только мы, непосредственные участники и руководители этих черновых проработок. И, если уж оппозиция почтила попутно и нас своим критическим вниманием, то мы, отнюдь, не уклоняясь от всяческой ответственности за свою работу, охотно ей ответим.

Мы отнюдь не считаем свою работу свободной от целого ряда существенных дефектов. Совсем напротив, сознавая лучше других, сколько глубочайших препятствий и почти непреодолимых трудностей лежит на нашем пути к построению вполне надежного, безошибочного перспективного плана, мы не рассчитываем сразу разрешить эту задачу. Мы идем к ней весьма осторожно путем последовательных вариантных приближений. В течение последних трех лет мы построили уже три таких варианта, каждый раз проверяя себя опытом истекшего года и включая новый год в пятилетку. Каждый раз мы предлагаем свои проекты на суд общественной критики, внимательно к ней прислушиваемся и вносим в следующий вариант все необходимые с нашей точки зрения поправки.

Мы с готовностью восприняли бы и критику оппозиции, если бы в ней нашли хоть одно *деловое* замечание, хоть одну *обоснованную* поправку. К сожалению, этого нет. По-видимому, до сих пор оппозиция руководствовалась в своей критике нашей работы отнюдь не деловыми соображениями.

В самом деле. Основной упрек оппозиции в отношении наших проектировок сводится к тому, что мы преподносим к десятилетию Октябрьской революции «крохоборческий, насквозь пессимистический план» и, следовательно, работаем *«против социализма»*.

Это очень сильно сказано. Но ведь такие утверждения нужно чем-либо подтвердить. Чем же их подтверждает оппозиция?

Наше «крохоборчество» или их демагогия?

Наше крохоборчество, по мнению оппозиции, видно из двух фактов. Во-первых, мы проектируем совсем недостаточный прирост «личного потребления» к концу пятилетия по сравнению с довоенными нормами царской России, и, во-вторых, эти нормы даже к концу пятилетия далеко еще

[1] «Правда», 30 ноября 1927 г

не достигают того, чем уже к началу ее располагают такие капиталистические страны, как Германия, Соединенные Штаты Америки и т. д.

Мы не хотели бы здесь вдаваться в критику тех цифр, которыми при этом оперирует оппозиция. Отметим лишь, что некоторые из этих цифр, заимствованные ею некритически из вторых рук, заведомо недостоверны. Дело, однако, не в цифрах, а в подходе к вопросу. Интересно, что за мерку нашего прогресса со времени царизма принимается *не производство, а личное потребление* и притом не рабочее потребление, а вообще *среднее* душевое потребление. Это ли марксистский подход к делу?

Объяснить его не трудно, конечно. До войны мы довольно много ввозили из-за границы и мануфактуры, и бумаги, и галантереи, и всякой иной дребедени, за которую с нас взимал изрядную дань иностранный капитал. Теперь мы не платим этой дани. От нас отошли такие крупные промышленные центры и предприятия, как Лодзь, Нарвская мануфактура и многие другие. Чтобы возместить все эти потери, нужно сделать огромный сдвиг в производстве. В 1913 г. у нас по СССР производилось 2238 млн. *м* хлопчатобумажной ткани, в 1926/27 г.— 2359, т. е. 105% довоенной продукции, а за пять лет по весьма осторожному отправному варианту Госплана мы рассчитываем увеличить эту продукцию еще на 79%. Но если пересчитать эти темпы из расчета на душу да еще с учетом отпавшего ввоза, то коэффициенты получаются гораздо более скромные. И оппозиция предпочитает, конечно, использовать для своей аргументации эти наиболее низкие коэффициенты. По ее расчетам, мы к 1931/32 г. даже по «новейшему» оптимальному варианту ВСНХ достигаем лишь 106,8% довоенной нормы душевого потребления.

Это, конечно, совершенно неправдоподобная цифра. Сам ВСНХ в опубликованной им наметке пятилетки дает цифру 144,8% [1]. Но, если бы даже расчеты оппозиции были более правдоподобны, разве они что-нибудь доказывают без учета ввоза 1913 г., ныне замещаемого собственной продукцией? Почему же авторы контртезисов умолчали об этом обстоятельстве? По невежеству или демагогии ради?

Странное впечатление вызывает также пользование средними для всего населения душевыми нормами потребления 1913 г. в качестве аршина для нашей советской современности. Разве авторы контртезисов не знают, что после 1913 г. у нас имела место социальная революция, которая начисто смела одни классы и укрепила другие? И о чьем же, собственно, потреблении они пекутся? Потребление буржуазных групп, несомненно, сократилось. Но разве о них пекутся наши оппозиционеры? А если их интересует потребление пролетариата, то им следовало бы обратиться непосредственно к бюджетам *этой* социальной группы населения. И тогда они убедились бы, что уже ныне нормы потребления рабочих значительно превосходят довоенные.

Чтобы не быть голословными, приведем несколько весьма красноречивых цифр (см. табл. 1).

О чем говорят эти цифры? Они говорят, что уже в 1925—1926 гг. уровень жизни наших рабочих заметно превосходил довоенные нормы. Наш рабочий энергично заменяет в своем бюджете черную муку белой, рыбу мясом, постное масло скоромным, повышает потребление сахара, мануфактуры и т. д. И это не удивительно. Ведь уже в 1925/26 г. реальный заработок нашего рабочего, включая пенсии и пособия по соцстраху, превысил довоенную норму минимум на 11%, в 1926/27 г.— на 24%, а в сентябре 1927 г. (65 р. 30 к. + 2 р. 87 к. = 68 р. 17 к. при индексе 2,03 = = 33 р. 60 к. довоенных) он уже достиг 134% довоенной нормы. Удивительно лишь разве то, что экономисты из оппозиции не стыдятся перед ли-

---

[1] «Контрольные цифры пятилетнего плана народного хозяйства и социально-культурного строительства РСФСР». М., 1927, стр. 138.

Таблица 1

Годовое потребление рабочих по бюджетам

Предметы потребления	1908—1911 гг.	1925/26 г.	
		абс.	в %
1	2	3	4
А. Питание взрослого едока			
1. Мука ржаная (фунтов)	283	268	95
2. Мука пшеничная »	216	353	164
Итого	499	621	124
3. Рыба (фунтов)	43,2	27,7	64
4. Мясо и сало (фунтов)	61,5	96,5	157
Итого	104,7	124,2	119
5. Масло постное (фунтов)	17,5	16,9	97
6. Масло коровье »	5,4	7,7	142
Итого	22,9	24,6	107
7. Сахар и конфеты (фунтов)	33,2	42,5	128
Б. Одежда, белье и обувь на 1 душу (в довоенных рублях)	20,4	23,5	115

цом таких фактов запугивать рабочих сказкой о том, что и через пять лет, в 1931 г., когда их заработок еще вырастет процентов на 40 с хвостиком, они будут потреблять тех или иных предметов первой необходимости «97% от довоенного». Неужели людям, именующим себя «ленинцами», к лицу такие сказки, навевающие томную грусть о «добрых старых временах» капитализма у всех старых баб пережившего себя мещанства.

Не на них ли делает ставку оппозиция?

Не менее фальшиво в устах оппозиции выглядят сопоставления наших планов с достижениями таких капиталистических стран, как Германия и Соединенные Штаты Америки. Да, конечно, и через пять лет мы не будем еще производить столько каменного угля и чугуна, сколько их производится уже ныне в этих странах. Душевая норма чугуна, равная нашей нынешней, была достигнута в Соединенных Штатах еще в 1850 г. И если Смилга и Пятаков или еще кто-либо из оппозиции знает секрет, как нам за пять лет пройти путь, для которого американскому капитализму потребовалось целых 77 лет, то пусть они нам его раскроют.

Или, может быть, они только пошутить изволили?

Кстати, с какого это времени чугун и уголь стали у оппозиции предметами личного потребления? Впрочем, если оппозиция не находит для своего личного потребления уж ничего легче и питательнее американского чугуна, то немудрено, что и ее шутки столь нелепы и тяжеловесны.

Если оппозиция находит наши планы крохоборческими, то ей следовало бы предложить свои, более оптимистические. Они уж, кстати сказать, пробовали свои способности в этом направлении. Опыт пятилетки ОСВОК, сработанной под руководством Пятакова, у нас всех перед глазами. И увы, никаких Америк по части сверхамериканских темпов ему в этой пятилетке открыть не удалось. Мы уже прожили из нее целых два года и знаем, что вместо намеченного ОСВОК 61% прироста продукции за эти годы мы фактически достигли 70%, т. е. превзошли ожидания Пятакова. И весь его

«размах» сказался только в том, что он собирался для своих 61% ухлопать 2484 млн. руб. вложений, а нам удалось достигнуть лучших результатов с затратой всего 1774 млн. руб.

Такова не крохоборческая пятилетка Пятакова, которую он еще только год тому назад рекламировал как «единственную пятилетку, солидно и конкретно проработанную в ВСНХ» [1].

Известен нам также и «размах» Смилги, упрекающего нас в крохоборчестве.

Год тому назад он уверял нас всех с большим апломбом, что столь «высокие» темпы развития, как 15% в год, намеченные им на 1926/27 г., объясняются лишь «хвостами» восстановительного периода и что впредь мы должны ожидать «дальнейшего *резкого замедления* темпов». В частности, на 1927/28 г. он пророчил нам не свыше 5—7% подъема промышленной продукции [2].

И что же, за 1926/27 г. мы имели не менее 18% прироста продукции госпромышленности, на 1927/28 г. по контрольным цифрам намечено 15,8. Да и в среднем за все пятилетие 1927/28—1931/32 гг. по перспективной ориентировке Госплана запроектировано не меньше 87% прироста, т. е. опять-таки около тех же 14—15% в год.

Иными словами, в проектировке темпов роста нашей продукции мы превосходим по меньшей мере в 2—3 раза ту обычную для капиталистических стран норму, которую еще год тому назад Смилга признал для нас высшим пределом.

Мы вполне поняли бы Смилгу, если бы он перед лицом таких наших наметок упрекал нас, как это делают Кондратьев, Макаров и компания, в чрезмерном преувеличении и отсутствии реализма. Это было бы по крайней мере последовательно. Но ведь он теперь кричит о нашем «крохоборчестве» и «пессимизме». Что же это такое, если не самая бесшабашная и безответственная демагогия?

Чтобы покончить с этим вопросом, приведем еще только одну справку. В конце 1920 г. VIII съезд Советов утвердил известный план электрификации, который, по мысли В. И. Ленина, должен был стать второй программой партии. По этому плану предполагалось достигнуть в области промышленности за 10 лет 183% довоенного уровня [3]. Тогда этот план многим представлялся мало реальным, так как он требовал для своего осуществления 17 млрд. вложений при дефиците в 6 млрд. золотых рублей. Но никому даже из самых завзятых нынешних оппозиционеров не приходило в голову применить к нему ярлык *крохоборческого* плана. Теперь мы можем с уверенностью сказать, что названный план будет выполнен в срок и полностью. К 1931 г. наша промышленность по нынешней наметке Госплана достигнет даже не 183, а минимально 193% уровня 1913 г. И необходимые для этого вложения покрываются полностью внутренними ресурсами страны, без всякого дефицита.

Как видим, у нас нет никаких оснований для пессимизма. Экономическая программа партии, начертанная еще твердой рукой Ленина, будет по нашим планам выполнена даже с известным превышением. И если члены партии, именующие себя «ленинцами», с пеной у рта дискредитируют теперь эту ленинскую программу, как крохоборческую, насквозь пессимистическую и направленную против социализма, то дело здесь не столько в программе, сколько в них самих.

Дело в том, что наша оппозиция и в оценке нашей хозяйственной программы уже очень далеко отошла от Ленина.

---

[1] «Вестник Коммунистической академии», кн. 17, 1926, стр. 211.
[2] Там же, стр. 197.
[3] «План электрификации РСФСР. Введение к докладу VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России». М., 1920, стр. 189.

2. ОТВЕТ КРИТИКАМ ГОСПЛАНА[1]

Работа по составлению перспективного плана хозяйства такой страны, как СССР, конечно, очень трудна. И потому мы не удивляемся, что нас критиковали. Однако мы до сих пор не думали, что дело критики плановой работы такое легкое, каким оно оказалось, судя по некоторым выступлениям на нашем съезде. Плановое дело можно сопоставить со строительным искусством. Но когда нужно было получить отзыв о проекте Днепростроя, то для этого потребовалось выписать большого специалиста этого дела Купера из Америки. Он изучал проект несколько месяцев и тогда лишь дал свой отзыв. А наша пятилетка, хотя она по объему намеченного строительства превышает сотню Днепростроев, нашла здесь на съезде десяток Куперов, которые даже без всякого ее изучения дали о ней самые решительные и категорические оценки. Чем это объясняется? Высокой квалификацией наших самородных Куперов в области планового дела? Или младенческим его состоянием, при котором не требуется никакой квалификации, чтобы выступать в качестве эксперта, способного в четверть часа разрешить все сложнейшие проблемы по таким проектам, над созданием которых как-никак работали многие месяцы целые сотни ученых специалистов?

Боюсь, что для многих из нас плановое искусство — не только еще не наука, хотя бы и прикладная, но и не инженерное дело, для которого все же требуется большая выучка и соответствующее сознание ответственности за всякую экспертизу.

В области плановой работы «экспертные» оценки, к сожалению, еще слишком часто не имеют под собой никакого научного фундамента. А потому и в критике плановых работ мы так часто имеем дело лишь с экспертными суждениями той же ценности.

Тем не менее надо сказать, что целый ряд высказанных здесь критических замечаний мы признаем совершенно правильными и принимаем их не только к сведению, но и к руководству в нашей дальнейшей работе.

В качестве важнейшего дефекта нашей работы здесь не раз отмечалась недостаточность или даже полное отсутствие районной проработки хозяйственных перспектив по целому ряду отраслей хозяйства. Это действительно очень большой дефект нашей пятилетки. Мы его вполне сознаем. И потому именно, считая свою работу незаконченной, предлагаем здесь лишь материалы к перспективному плану — перспективную ориентировку, а не готовый пятилетний план хозяйства. Большой вины за собой, однако, по поводу этого дефекта мы не чувствуем, ибо районной проработки плана без участия районов мы осуществить не могли. Взять на себя такую задачу здесь, в центре, в отношении страны, охватывающей одну шестую часть мира, было бы верхом бюрократического самомнения. Поэтому мы сразу же привлекли к своей работе все ведомства и республиканские госпланы, а через них и районные плановые органы.

К сожалению, однако, ни ведомства, ни республики не откликнулись пока с достаточной активностью на наш призыв. Мы не говорим, что они не хотели нам помочь в этом деле. Весьма возможно, что они просто оказались бессильными проделать ту работу, какую мы от них ожидали. Но если они по собственному опыту знают, как трудна порайонная проработка планов даже по отдельным отраслям хозяйства, даже по отдельным республикам Союза, то им не следовало бы уже поэтому предъявлять слишком повышенные требования в этом отношении к Госплану СССР, работающему в масштабе всего народного хозяйства Союза.

Во всяком случае в этом вопросе мы вправе предъявить встречный

[1] Заключительное слово по докладу о перспективном плане развития народного хозяйства на 2-м Всесоюзном съезде плановых органов. «Экономическая жизнь», 2 апреля 1927 г.

иск к нашим ведомственным и республиканским плановым органам. Ведь ни один из них не может нас упрекнуть в том, что мы начали свою работу без их ведома и согласия. На предыдущем съезде плановых органов (1926 г.) мы при общем согласии, вкупе и влюбе решили приступить к общей работе по генеральному и перспективному планам, договорились об организационных формах сотрудничества в этой области и принялись за работу. Но чуть ли уже не со второго дня после съезда оказалось, что эта работа в каждом плановом органе ведется по-своему.

Госплан СССР повел согласно решению съезда одновременную работу и по генеральному и по перспективному планам. Но уже Госплан РСФСР решил, что он сначала должен построить генплан, и потому до сих пор даже не приступил к работе по пятилетке. Не знаю, далеко ли продвинулась у него работа и по генплану, но знаю отлично, что обслуживающий Госплан РСФСР Земплан РСФСР занял такую позицию, которая далеко не обеспечивает скорого построения генплана даже в границах РСФСР. Земплан, как известно, решил, что генплана вообще строить не следует, что предвидеть на 10—15 лет вперед невозможно и что поэтому следует себя сразу же ограничить рамками пятилетки. Спрашивается, когда же будет у нас генплан по РСФСР при такой позиции Земплана и когда мы смогли бы приступить к построению пятилетки по СССР, если бы ждали порайонной ее проработки от Госплана РСФСР? Говорить о плановой дисциплине при таком разнобое и взаимной независимости всех плановых органов друг от друга и даже от решений их общих съездов, разумеется, невозможно. А без плановой дисциплины вообще и без активного сотрудничества республик и ведомств в частности такие большие работы, как перспективный план народного хозяйства СССР, едва ли мы сможем когда-либо построить вполне удовлетворительно.

Ввиду сказанного все, что мы могли сделать в части районной проработки, мы считаем лишь первой рабочей гипотезой, подлежащей дальнейшему изучению и уточнению совместно с плановыми органами на местах.

Из других возражений, которые мы хотели бы отвести, прежде всего отмечу указания на неполноту наших докладов. Нельзя объять необъятное. Ни в какой энциклопедии, а не только в двухчасовом докладе, невозможно было бы ответить на все, что могли бы у нас спросить любознательные критики по поводу перспектив нашего хозяйства на целые пять лет вперед. И без того уже нас упрекают, что мы в своих расчетах пытались предусмотреть гораздо больше моментов, чем это возможно по состоянию нашего познания и возможностей предвидения. Правда, в последнем упреке мы усматриваем такой подход к планированию, которого мы не разделяем. Нам представляется, что наш перспективный план должен дать не сумму *предвидений,* а систему экономической политики, т. е. *систему хозяйственных заданий и предуказаний,* выраженных в цифрах. Эти задания должны быть вполне *реальными* в смысле осуществимости при достаточном с нашей стороны волевом напряжении для их осуществления. Но они вовсе не осуществятся или осуществятся в совершенно иных масштабах, если Советская власть пойдет по другой линии экономической политики.

Если бы в наших планах дело шло только о предвидении объективно неизбежного, независимого от воли хозяйствующих субъектов, что вполне подходит к условиям стихийного развития капиталистических стран, то нам, действительно, приходилось бы все строить на научных прогнозах будущего. Но тогда не могло бы быть и речи о планах. Нет смысла строить план организации затмения солнца или капиталистического кризиса, ибо они и без всякого плана в свое время наступят. В советских же условиях план строить целесообразно и необходимо именно для того, чтобы сосредоточить коллективную волю хозяйственников и рабочих всей страны на тех или иных заданиях. Вот почему в отличие от проф. Кондратьева и

некоторых других наших критиков мы считаем центральным фокусом всякого плана не предвидение, а задания и предуказания.

Если эти задания и предуказания будут включены в систему экономической политики Советской власти, то намечаемый нами путь развития хозяйства будет осуществляться; в противном случае, если план будет отвергнут, мы отнюдь не берем на себя ответственность ни за один из заключающихся в нем «прогнозов».

Наши критики, строя все на предвидении, думают, что составители плана должны предвидеть и то, будет ли предлагаемая ими система мероприятий экономической политики принята или отвергнута[1]. К сожалению, автор этого требования еще не разъяснил нам, какими методами он собирается строить научные прогнозы о вероятных решениях Совнаркома или Политбюро ЦК. Мы во всяком случае иначе понимаем свою задачу. Составляя проекты хозяйственных планов, по нашему глубокому убеждению, мы должны заботиться прежде всего об их целесообразности. Гадать заранее о том, сумеем ли мы убедить в этой целесообразности и те органы, от которых зависит утверждение планов, мы не имеем нужды. Забегать вперед и угадывать, какой из возможных планов окажется наиболее приемлемым для тех или иных органов власти,— это не плановая политика, а что-то другое. Это означало бы прежде всего отказ от каких-либо новых творческих идей, ибо, как будут приняты *новые* идеи, никому неизвестно. Говоря иначе, это обрекало бы плановую работу на безнадежный хвостизм, чтобы не употребить более сильное выражение — прохвостизм.

Всякий плановый работник — это общественный деятель и как таковой должен отстаивать свои убеждения независимо от того, разделяются ли они начальством или нет. Конечно, мы можем ошибаться, но не застрахованы от ошибок и люди, стоящие на других ступенях общественной работы. Вот, например, Сокольников здесь говорил, что в первой пятилетке мы запроектировали слишком большую эмиссию, а теперь переборщили в другую сторону и оцениваем наши эмиссионные возможности чересчур низко. Действительно, еше год тому назад мы, работники Госплана, оспаривали пессимизм Сокольникова в области оценки эмиссиионных возможностей СССР. Но правительством была принята точка зрения Сокольникова, руководившего тогда ведомством финансов, и, подчиняясь этому решению, мы поручили в новой пятилетке проектировку раздела об эмиссии другим лицам, разделявшим точку зрения Сокольникова. Тем временем, однако, Сокольников, попав и сам в среду работников Госплана, очевидно, уже несколько изменил свою точку зрения в данном вопросе. И решить, когда он был более прав в этом деле вовсе не так уж просто.

В числе действительно крупных дефектов нашей работы здесь справедливо отмечали слабую разработку наших хозяйственных перспектив в культурном разрезе, о чем говорил Аникст. Наши наметки в этой области нашли свое отражение лишь в финансовом плане, т. е. в перспективах расходного бюджета. Но сделать это лучше без содействия республиканских госпланов мы не могли. Вся культурная работа по просвещению и здравоохранению сосредоточена у нас, в республиканских наркоматах, непосредственно с Госпланом СССР не связанных, а республиканские госпланы до сих пор ничего нам по этому вопросу не дали. И прежде всего не дал нам ничего для пятилетки Аникст, работавший доныне в разрезе одного лишь генерального плана. Успеет ли он теперь в оставшийся срок исправить эту ошибку, неизвестно. Но без помощи его и товарищей из республиканских госпланов мы не беремся решать эту проблему.

[1] «Раз известная система мероприятий предполагалась, а потом не осуществилась, значит, предположения по поводу ее были не реальны, значит, *прогноз вероятного направления мероприятий* был ошибочен», — заключает, например, проф. *Кондратьев* в своей статье «План и предвиденье». «Пути сельского хозяйства», 1927, № 2, стр. 14. Курсив наш. — *С. С.*

Упрекали нас еще в недостатке внимания к проблеме экспорта и импорта. Эта проблема у нас в плане достаточно проработана, и, когда книга будет опубликована, будет виднее, заслужили ли мы указанный упрек.

Менее удовлетворительно у нас разработана проблема безработицы, и над ней еще придется серьезно потрудиться. За счет одних лишь капитальных вложений мы не изживем безработицы в ближайшем пятилетии. В качестве дополнительных мер мы ставим на обсуждение проблему сокращения рабочего дня и увеличения числа смен. Трудность этого пути заключается в том, что среди безработных мало квалифицированных рабочих. Другая мера, проектируемая нами, направлена к сокращению безработицы путем омоложения работающих кадров за счет увольнения стариков, которые уже достаточно поработали и могли бы быть переведены на пенсию. Но и тут требуются еще серьезные подсчеты, во что обойдется нам такая мера и насколько она окупится результатами.

Теперь от этих общих замечаний перейдем к более частным.

Начнем с Громана. Он находит, что уровень благосостояния деревни, по данным пятилетки, возрастет не на 30, а всего на 20%. Мы не согласны с его расчетом. Конечно, все такие расчеты довольно условны, и если расценивать благосостояние крестьянина в ржаных рублях, как это в сущности делает Громан, то его расчет будет правильным. Но тогда пришлось бы для сравнимости в таких же единицах рассчитывать и подъем благосостояния города, что едва ли рационально. Если же за меру благосостояния города и деревни принять душевой доход, выраженный в денежном, а не в натуральном измерителе, т. е. в товарном рубле, то правильнее будет наш расчет. По физическому объему доход крестьянина поднимается до 115%, индекс цен падает до 88% по отношению к 1925/26 г. Отсюда 115 : 88 = 130,7%. Громан обращает внимание, что для приобретения промышленных продуктов крестьянин использует лишь 26% от своего дохода. Это верно, если учитывать весь его доход, и деньгами и натурой. Но в % к денежному доходу крестьянина эта величина возрастает с 26 до 79%. Считать по отношению «ко всей продукции», как это предлагает Громан, было бы неправильным. Ведь покупательная способность рубля определяется только ценами *товарной* продукции. Если крестьянин за каждый пуд проданного зерна получит вместо 1 рубля, скажем, 1 р. 20 к., выраженные в ситце, то и каждый остающийся в закроме пуд зерна он будет расценивать по той же цене 1 р. 20 к. И тогда, выраженное в ситцевом рубле, его благосостояние вырастает уже до 115 × 120 = 138%. Но мы и ситцевый рубль считаем не лучше ржаного. По общетоварному же индексу, как сказано выше, мы оцениваем ожидаемый прирост благосостояния деревни примерно в 30%.

Другое замечание Громана относилось к зарплате. Зарплата не должна, по его мнению, поглощать полностью весь эффект от повышения производительности труда. Это верно. Именно поэтому при росте производительности на 50% мы повышаем номинальную зарплату только на 33%. И лишь реальная плата возрастает до 50%. Когда мы утверждаем, что реальная заработная плата должна расти в соответствии с ростом производительности труда, то ставим этому росту известный предел. Она не должна обгонять производительность. Более того, достигнув определенного минимума, она должна отставать от нее. Весь вопрос для нас лишь в том, наступил ли уже такой момент. Мы в этом сомневаемся. Если бы мы ожидали прироста производительности за ближайшее пятилетие в 100—200%, то тогда, конечно, мы не стремились бы в таком же проценте повышать и зарплату, хотя бы за счет снижения цен. Но этого нет. По уровню зарплаты мы сильно отстаем даже от капиталистических стран. За 1926/27 г. зарплата возросла уже на 12%, на остальные четыре года остается, стало быть, всего около 19%, т. е. в среднем по 4—5% в год. На такую величину она возрастет при сдельной плате даже

самотеком, без каких-либо пересмотров тарифных ставок. Проектировать более низкий прирост просто нереально.

Третье замечание Громана. Он считает совершенно недопустимым ожидаемое нами, хотя и в незначительном размере, нарастание разрыва в уровнях благосостояния города и деревни. Эту идею подхватили и другие. Вишеров, например, заговорил по этому поводу даже о нарушении заветов Ильича. Это, конечно, лишь забавное недоразумение. Разве завет о смычке между городом и деревней предполагает уравнение заработков крестьянина и рабочего, независимо от качества и количества их работы? Но ведь тогда такую же уравнительность мы должны были бы уже провести и в самом городе по отношению к квалифицированным и неквалифицированным рабочим. Таких заветов для текущего момента Владимир Ильич нам не давал. Да и самую опасность, вытекающую из имеющегося разрыва в уровне благосостояния города и деревни, не следует преувеличивать. Разрыв велик, если его измерять *средними* для всего сельского и городского населения величинами. А этого делать не следует. Крестьянина влечет в город не средний городской заработок, а тот, на который он реально может рассчитывать, т. е. заработок чернорабочего. Но неквалифицированный рабочий и в городе зарабатывает раза в три меньше рабочего средней квалификации. Значит, средний крестьянин и ныне живет не хуже такого неквалифицированного рабочего. И все дело в том, что и в деревне наряду с зажиточным и середняком имеется достаточно бедняков, для которых и заработок чернорабочего является большой приманкой.

Теперь обратимся к замечаниям Базарова. В его указаниях было много правильного. Но его призыв к большему разделению труда в международном масштабе как будто бы несколько преждевремен. Если речь идет о мелких поправках, то кто же будет их оспаривать. Блоху подковывать вручную мы не станем, конечно, без нужды. А если потребуется, то заведем «мелкоскопы» и блоху подкуем по-ученому. В его постановке вопроса слишком много трагизма. Ниоткуда не вытекает, что мы стоим перед призраками холода и голода. Этаких прогнозов принимать всерьез не следует. В полной мере разрешить поставленную проблему о международном разделении труда можно лишь двумя путями: или ускорением международной революции, или капитуляцией перед капиталистическим окружением. Для нас приемлем только первый путь. Но если Базаров предлагает осуществить уже в течение ближайшего пятилетия мировую революцию, то так пусть он и скажет. Однако, по мнению Базарова, в пределах ближайшей пятилетки даже революция нам не дала бы того, что он хотел бы. Тогда этот разговор надо отложить до будущего.

В критических замечаниях Гухмана, на наш взгляд, не было существенных возражений. Он рекомендовал нам учитывать все плюсы и все минусы, выставляя, как подметил Г. М. Кржижановский, против каждого нашего «за» свои «контра».

Мы тоже делали это, как умели. И если он может в качестве опытного лоцмана провести нашу плановую ладью лучше нас между всеми этими «про» и «контра», не посадив ее на мель, то пусть это делает. В одном он неправ — будто мы не даем характеристики специфических особенностей и трудностей настоящей пятилетки. Это свидетельствует о том, что он плохо читал нашу работу. То место, которое он цитировал, относится к задачам перспективного планирования вообще, а не применительно к 1926/27—1930/31 гг. А если бы он почитал и дальнейшее, то увидел бы все те конкретные трудности и задачи, какие мы отмечаем именно для этого пятилетия.

Нет нужды возражать Эссену, который радовался здесь, что они не сделали ошибки: не работали над перспективным планом. Мы думаем, что это как раз большая ошибка работников Госплана РСФСР, и они это

скоро сами почувствуют. Можно себе представить пятилетку, которую они должны будут закончить через месяц, если они вовсе над ней не работали. Если они думают, что такую работу можно проделать хоть в три дня, то, понятно, как она будет хороша.

Перейдем к замечаниям проф. Кондратьева.

Он сугубо оговаривался, что у него нет аграрного уклона, что он индустриалист чистой воды и что поэтому его замечания следует принимать исключительно как деловые поправки и возражения. Мы хорошо, однако, знаем симпатии Кондратьева и к индустриализации и к плановой работе вообще и потому не имеем нужды останавливаться на этой его самооценке. Оставим в стороне и те из «деловых» замечаний проф. Кондратьева, которые все дефекты пятилетки Госплана относили за счет тех или иных персональных «особенностей» ее составителей, вроде фетишизма цифры и тому подобных жупелов. Однако надо заметить, что у нас в Госплане до сих пор в отношении к цифрам не наблюдалось излишнего преклонения, ибо мы знаем им цену, но не было у нас и того чересчур легковесного отношения, которое проявляют некоторые из наших критиков. Мы отнюдь не придаем нашим цифровым расчетам и плановым заданиям того значения, какое им, по-видимому, склонен приписывать проф. Кондратьев. Это не пророчества, которые непременно должны исполниться в указанные сроки, а предуказания, которые следует осуществить, если мы хотим достигнуть известного хозяйственного эффекта.

Проф. Кондратьев упрекал нас, что у нас нет экономического анализа и экономического понимания тех хозяйственных проблем, которые перед нами стоят. Но, спрашивается, что предъявил в этом отношении он сам в своей деловой критике?

Образчик первый. Сей ученый муж упрекает нас в преувеличении нами наших возможностей накопления. В вашей первой пятилетке, говорит он, вы исходили из стабильности промышленных цен, а накопление в промышленности оценивалось ниже нынешнего. А теперь снижаете цены на 17,5%, а прибылей ожидаете получить больше прежнего.

Это был бы довольно серьезный упрек, если бы он соответствовал действительности. Но этого нет. В пятилетке (1925/26—1929/30 гг.) мы проектировали не стабильность, а снижение себестоимости и промышленных цен, и притом не на 17, а на 20% [1]. И стало быть, для повышения накопления при новом варианте нет никаких препятствий.

Откуда же проф. Кондратьев взял свою «стабильность»?

Допустим, что он не успел как следует ознакомиться с материалами новой пятилетки, только что представленной съезду. Но ведь первая пятилетка опубликована год тому назад. И проф. Кондратьев уже успел раскритиковать ее печатно [2]. Как же это вышло, что он даже не прочел ее толком? При такой «особенности» нашего критика, когда он читает книгу, а видит в ней... то, чего в ней нет, отнюдь не замечая того, что там напечатано черным по белому, немудрено проглядеть и экономический анализ, и все, что угодно.

Но вот другой упрек. За 1926/27 г. по пятилетке мы ожидаем накопления в промышленности прибылей и амортизации на 1023 млн. руб., а между тем еще в контрольных цифрах на тот же год мы оценивали это накопление гораздо скромнее — в 602 млн. руб. Не ясно ли из этого, что Струмилин тенденциозно преувеличивает наши возможности накопления?

Однако и здесь наш критик слишком поторопился. Цифра 602 млн. руб., на которую он ссылается, не имеет того значения, которое он ей приписывает. Он и здесь не вчитался в заголовок таблицы. Это не полное

---

[1] «Проблемы планирования в СССР», изд. «Плановое хозяйство». М., 1926, стр. 29 («...намеченное снижение промышленных цен за пятилетку процентов на 20 и сельскохозяйственных на 6%» и т. д.).

[2] «Пути сельского хозяйства», 1927, № 2, стр. 20 и сл.

накопление, а лишь та его доля, какая намечалась на *финансирование* промышленности по линии ВСНХ. А полное накопление уже за 1925/26 г. определилось по ВСНХ в 900 млн. руб. и ожидается, по весьма осторожному расчету Промплана ВСНХ, за 1926/27 г. в сумме 916 млн. руб.[1] Мы же внесли в нее поправку лишь за счет не учтенных в этой цифре предприятий других ведомств.

Надо совсем не разбираться в источниках и в экономическом значении тех цифр, которыми оперируешь, чтобы попасть в такой просак, в каком оказался наш почтенный критик, стремясь во что бы то ни стало уличить нас в противоречиях.

Этим же стремлением объясняется и нижеследующее «деловое» указание проф. Кондратьева. В первых контрольных цифрах Госплана сумма продукции за 1913 г. по промышленности определялась в 5621 млн. довоенных рублей и по сельскому хозяйству (земледелие и животноводство) — в 11 782 млн., а ныне в пятилетке те же величины исчисляются в цифрах в 6354 и 10 225 млн. руб., т. е. первая сильно возросла, а вторая уменьшилась.

Да, это так. В отношении довоенной продукции промышленности мы пользуемся данными ЦСУ, которые подверглись за это время пересчету и изменению. Не могли же мы в угоду проф. Кондратьеву повторять и ныне ту цифру ЦСУ, от которой оно само уже отказалось. Что же касается продукции сельского хозяйства, то она понизилась потому, что мы ее пересчитали, исходя из данных о *среднем* урожае за целое пятилетие, так как урожай 1913 г. был рекордным и отнюдь не может служить мерилом довоенной продукции. Это оговорено мною в примечании. Но, конечно, проф. Кондратьев не обязывался изучать то, что он критикует. Во всяком случае на первый взгляд не совсем ясно, почему именно он недоволен поправками и уточнениями к контрольным цифрам 1925/26 г., поклонником которых мы его до сих пор отнюдь не считали.

Впрочем, проф. Кондратьев выступал в одном ученом собрании, где контрольные цифры Госплана были им использованы без всякой критики, с полным удовлетворением. А именно, ссылаясь на них, он доказывал, что никакой диспропорции в размерах сельскохозяйственной и промышленной продукции у нас в годы наибольших хозяйственных затруднений не было[2], что все это, дескать, сказки, которые выдумали злые люди.

Проф. Кондратьеву очень не понравились наши поправки к старым контрольным цифрам 1925/26 г. уже потому, что они весьма существенно поправляют нашего критика в его отрицании диспропорции. По исправленным подсчетам пятилетки, в сельском хозяйстве к 1925/26 г. мы достигли уже 99%, а в области промышленной продукции, по ценам реализации,— едва 87% довоенного уровня. Может быть, и эти цифры не являются окончательными. Но во всяком случае они точнее прежних. И вопреки утверждениям Кондратьева они вполне подтверждают, что диспропорция в развитии промышленности и сельского хозяйства к 1925/26 г. была налицо — даже по отношению к довоенным соотношениям. Этой диспропорции, являвшейся одной из серьезнейших причин и товарного голода в деревне и вытекающих из него ценовых «ножниц»

---

[1] «Промышленность СССР к IV съезду Советов». Материалы к докладу председателя ВСНХ В. В. Куйбышева. М., 1927, стр. 21.

[2] В оригинале стенограммы доклада проф. Кондратьева в РАНИОНЕ от 11 марта 1927 г. значится: «Никакой диспропорции как раз в годы наибольших затруднений — в конце 1924/25 г. — не было. В % довоенного уровня продукция государственной промышленности (была в это время) не на более низком, а может быть и на более высоком, уровне, чем уровень сельского хозяйства. В 1925/26 г. мы имели продукцию сельского хозяйства 87%, а продукцию промышленную — 91% довоенного уровня». В исправленной проф. Кондратьевым стенограмме вместо «никакой диспропорции» стоит «никакого обострения диспропорции». Поправка существенная, но едва ли гармонирующая с приведенными автором в его докладе цифрами.

продукции промышленности и сельского хозяйства, нельзя изжить полемическими методами проф. Кондратьева. Изживем мы ее всерьез лишь путем системы плановых мероприятий к решительной индустриализации страны.

Теперь обратимся еще к одной «чудовищной» ошибке, на которой особенно настаивает проф. Кондратьев. В нашем докладе имеется иллюстративный расчет увеличения за пять лет городского спроса на продукты сельского хозяйства — с 2538 млн. до 3935 млн. руб. Из него видно, какой мощный толчок к развитию сельского хозяйства обещает нам намеченная в пятилетке индустриализация хозяйства и связанный с ней рост городов. Но Н. Д. Кондратьев с торжеством заявляет, что такой темп потребления города совсем не вяжется с продукцией деревни, что к 1930 г. у нас получится огромный дефицит в сельскохозяйственных продуктах. И вместо вывоза нам придется ввезти их из-за границы — по расчету нашего критика — на целых 4 млрд. руб.

Такой баланс поистине чудовищен. Но, к счастью, всю ответственность за него должен взять на себя его составитель профессор Кондратьев, ибо это его творение. Мы не могли дать полного баланса между предложением и спросом на продукты сельского хозяйства для 1930 г., ибо, к сожалению, ЦСУ не разработало нам пока для этого бюджетных материалов о потреблении деревни даже за 1925/26 г. Откуда же заимствовал проф. Кондратьев недостающие для его построения коэффициенты? Он их сам «сконструировал». Но, увы, не совсем удачно. В самом деле, дефицит в 4 млрд. для 1930 г. может получиться только в том случае, если душевую норму *городского* потребления продуктов деревни распространить сгоряча, без всяких лишних колебаний и на все сельское население. Продукция деревни — 17 млрд., норма потребления горожанина — 132,5 руб., население — 157,7 млн. душ, произведение двух последних величин дает около 21 млрд. руб., откуда дефицит продукции — 4 млрд. Такой расчет чересчур, однако, элементарен. Проф. Кондратьев знает, что продукция деревни выражена в ценах производителя, а нормы потребления горожанина — с очень изрядной торговой накидкой. И он, по его словам, учел это обстоятельство. Норму горожан он понизил за счет накидки на 30%, но зато потребление крестьян по калорийному его значению оказалось выше городского на 20%. Одна поправка погашается другой, и в результате — тот ужасающий дефицит, открытый проф. Кондратьевым, о котором он поведал нам на съезде [1].

Однако не так страшен черт, как его малюют. Если попробовать применить метод, рекомендованный проф. Кондратьевым для 1930 г., к 1925/26 г., и для этого года получится дифицит, исчисляемый миллиардами. А между тем этот год уже прошел. И нам отлично известно, что мы имели в этом году не ввоз, а вывоз сельскохозяйственных продуктов. Удивляться, однако, этому не приходится. Ведь фантастические коэффициенты и допущения Кондратьева ровно ничем, ни экономически, ни статистически, не обоснованы. Разве от калорий можно переходить к ценности продукта? Крестьянин пьет, скажем, снятое молоко, а рабочий потребляет сливочное масло. Количество калорий может быть одно и то же, а цена разная. Цена одной калории ржаного зерна в деревне и крупчатки в городе тоже далеко не одна и та же. И разница эта отнюдь не покрывается торговой накидкой в 30%, о которой говорит проф. Кондратьев, ибо здесь надо учесть и разное качество продукции и стоимость переработки сельской продукции в муку, хлеб, масло и т. д. По бюджетам 1924/25 г., стоимость душевого питания крестьянина определилась в

[1] Эти поправки, правда, понижают уже фонд потребления города и деревни с 21 млрд., названных им в его речи, до 17 млрд. Но если сопоставлять их не с валовой продукцией сельского хозяйства в 17 млрд., а с условно чистой, за вычетом семян и кормов, то дефицит получится все же порядка нескольких миллиардов.

47 руб., а рабочего — в 106 руб. за год, т. е. на 125% выше. И это несмотря на то, что по калорийности питание крестьянина обильнее городского. Почему же проф. Кондратьев удовольствовался своей поправкой на торговую накидку в 30% и оценил душевое потребление продуктов сельского хозяйства в деревне дороже городского? Не потому ли только, что ему очень хотелось посрамить наши расчеты? Конечно, гораздо правдоподобнее было бы скинуть на торговую накидку и стоимость переработки для рабочего вместо 30, скажем, хотя бы 50% и оценить потребление крестьянина не на 20% выше, а хотя бы на 20% ниже городской нормы, но тогда уже никакого дефицита у проф. Кондратьева не получилось бы ни для 1925/26 г., ни для 1930 г. И стало быть, весь этот смехотворный баланс с *произвольными* коэффициентами вовсе не понадобился бы нашему критику.

Мы не знаем, что можно доказать подобными арифметическими упражнениями, которыми нас здесь хотели убить наповал. Во всяком случае никакого экономического анализа и даже элементарного понимания значения тех цифр, с которыми он оперировал, наш критик в данном случае не проявил.

Следующий образчик деловой критики проф. Кондратьева. Его совершенно не удовлетворяет наша оценка взаимных расчетов между городом и деревней. По его мнению, эти расчеты складываются ныне гораздо печальнее для деревни, чем даже в довоенное время. Тяжесть обложения деревни в порядке налогов и смещения цен определяется им огромной суммой в 2 млрд. руб. И вообще благосостояние крстьянина, по его расчетам, вдвое ниже довоенной нормы. Это сообщение могло бы привести в ужас кого угодно. Но, к счастью, проф. Кондратьев ровно ничем не подтвердил своих сенсационных заявлений. А верить ему на слово нет оснований.

Наши расчеты во всяком случае отнюдь не подтверждают столь пессимистических оценок Кондратьева. Конечно, тяжесть обложения деревни не ограничивается одним сельхозналогом. Но и то, что она получает от государства, не ограничивается одними лишь школами и больницами. Сельхозналог в 1925/26 г. составил 245 млн. руб. Косвенные налоги по всей стране достигали 1064 млн., и если их распределять пропорционально покупкам продуктов промышленности, то на долю деревни из них придется отнести около 25—26%, т. е. примерно еще 266 млн. руб. Затем следует учесть результаты смещения цен не в пользу деревни. В чем они выражаются? Товарная продукция сельского хозяйства, выброшенная крестьянством в этом году за пределы деревни, оценивалась в 2305 млн. червонных рублей. «Ножницы» цен в пользу города по сравнению с 1913 г. составляли по индексу Госплана 117%, т. е. на каждый рубль своей продукции деревня теряла при реализации ее в городе, говоря грубо, 17 коп. В общей сумме это составит 391 млн. руб. Но не следует забывать, что деревня производит и продукты промышленности. Учитывая только кустарное производство деревни без наемного труда — по данным ЦСУ — в 1315 млн. руб., получим при том же индексе выигрыш на ценах в пользу деревни не менее 14,5%, или 190 млн. руб. И стало быть, в общем деревня проиграла в этом году на ценах около 201 млн. руб. А всего вместе с налогами — не менее 712 млн. руб.

Но, конечно, деревня не однородна. И указанные платежи и потери падали далеко не одинаково на разные слои крестьянства. Помимо продаж на городской рынок, деревня в порядке одного лишь *внутрикрестьянского* оборота продала и купила за 1925/26 г. сельскохозяйственных продуктов на сумму 2648 млн. руб., причем одни слои, *продававшие* эти продукты, потеряли на этом из-за «ножниц» до 450 млн. руб., а другие слои, *покупавшие* хлеб, наоборот, выгадали эту сумму. И если учесть, что продают избытки своей продукции более зажиточные слои деревни, а поку-

пают — беднейшие, то придется признать, что пониженные цены на продукты деревни далеко не для всех слоев ее одинаково убыточны. Для бедняков они во всяком случае не безвыгодны, повышая несколько их благосостояние за счет более богатых слоев.

А если обратиться к довоенным данным и остановиться хотя бы на расчетах одного из сотрудников проф. Кондратьева — А. Л. Вайнштейна, то окажется, что платежи и налоги крестьянства в 1912 г. составляли не менее 10 р. 82 к. на душу. И стало быть, на все 117 млн. душ сельского населения 1925/26 г. они составили бы свыше 1250 млн. довоенных, или около 2250 млн. червонных рублей. Таким образом, несмотря на «ножницы», современное крестьянство выгадало за счет революции 1,5 млрд. руб. в современной валюте.

Конечно, это чрезвычайно грубый иллюстративный расчет. Если считать иными методами, могут получиться иные цифры. Но во всяком случае, даже если вместо 712 млн. насчитать вместе с проф. Кондратьевым 2 млрд. платежей и потерь для современной деревни, то и тогда еще не будет превзойдена довоенная норма в 2,25 млрд. Спрашивается, за счет чего же благосостояние этой деревни понизилось вдвое против довоенного? За счет того, что исчезли помещики и их земля досталась крестьянину? Но ведь это совсем неправдоподобно. Продукция деревни и ныне достигает уже на душу почти довоенной нормы, а если сравнивать ее без учета продукции помещиков, то и превышает ее уже на несколько процентов (на 7%). Тяжесть обложения меньше. И потому черный пессимизм проф. Кондратьева в отношении благосостояния современной деревни ничего ни делового, ни объективного, на наш взгляд, в себе не заключает.

Столь же пессимистически оценивает Кондратьев и ближайшие перспективы развития сельского хозяйства. По его мнению, темпы развития, намеченные в этой области нашей пятилеткой, сильно преувеличены. Но никаких объективных доказательств, оправдывающих такую оценку, он не привел. Два года тому назад Н. Д. Кондратьев в этом же зале докладывал нам первую пятилетку Наркомзема, которая уже к моменту ее обсуждения в Госплане оказалась значительно превзойденной жизнью. Судя по этому опыту, мы не можем слишком переоценивать значение пессимистических прогнозов нашего критика. Мы нисколько не сомневаемся, что жизнь и на этот раз опровергнет их таким же образом, как опровергала до сих пор.

Чтобы покончить с такого рода критикой, которую мы слышали здесь со стороны проф. Кондратьева и его идеологических друзей, отметим лишь следующее. Критикуя в своем докладе вульгарно народнические представления, по которым не только базой дореволюционного, полукрепостного, помещичьего хозяйства, но и базой грядущего социалистического накопления и строительства может стать лишь массовый труд крестьянина-землепашца, мы не имели в виду специально проф. Кондратьева. Но весь тот полемический пыл, с которым он обрушился на наш доклад, питается, по-видимому, именно этими весьма обветшалыми идеологическими иллюзиями. Выступая яростным заступником деревни и совершенно непозволительно преувеличивая ее бедствия и всякие невзгоды, он совсем не замечает, что мы уже пережили революцию и находимся в совершенно новой обстановке, в которой крестьянство вовсе не нуждается в таких непрошенных заступниках, ибо нет уже классов, заинтересованных в его эксплуатации, а строительство социализма в руках пролетариата может успешно идти вперед лишь путем непрерывного *облегчения,* а не *отягощения* участи всех трудящихся. Лишь находясь в путах этой идеологии, наш критик мог столь основательно запутаться в своих собственных возражениях. В самом деле, разве так обращаются с цифрами ученые? Ослепленный своей отжившей идеологией, он сам впадает в са-

мые непозволительные ошибки, вместо того чтобы находить их там, где он их столь усердно изыскивает.

Переходя к замечаниям Туманова, надо отметить, что в некоторых отношениях он тоже обнаружил аграрный уклон, за что и удостоился одобрения проф. Кондратьева. Он, конечно, запротестует против такой оценки. Но ведь и все другие представители этого уклона тоже протестуют и заявляют себя самыми ярыми индустриалистами. И Шанин говорил, что индустриализация нужна, только ее следует начинать с другого (читай: с аграрного) конца. Если Кондратьев, Шанин и другие хотят называть себя индустриалистами, а нас — сверхиндустриалистами или как-либо иначе, то это их дело. Но мы все же предпочли бы кошку называть кошкой, а кролика — кроликом. Туманов хотел изобразить составителей пятилетки врагами машинизации, не понимающими, что плуг лучше сохи, что машинный труд лучше ручного и т. п. Конечно, это не серьезно. Мы вовсе не оспариваем того, что в определенных районах нужны тракторы, а в других — уборочные машины, что вообще в сельском хозяйстве, как и везде, весьма желательно повышение производительности труда. О таких вещах не спорят. Вопрос шел о том, что, поскольку у нас имеется для капитальных вложений весьма ограниченное количество миллионов, то следует решить, куда именно с наибольшим эффектом для повышения общего уровня производительности труда их следует направить.

И тут надо сказать сразу, почему машины в сельском хозяйстве не имели до сих пор нигде такого распространения, как в промышленности. Дело в том, что сельскохозяйственные машины — плуги, жнейки, молотилки — работают не круглый год, а всего около 11—17 дней за целый сезон. Скажите, можно ли при таких нормах использования равнять машины, удваивающие производительность труда рабочего, в сельском хозяйстве и в промышленности? Ответ ясен. Вот в чем корни нашего спора. Вот почему, между прочим, мы готовы тратить огромные средства на индустриализацию, и гораздо меньше — на машинизацию сельского хозяйства и тому подобные нужды. Хотя, если нам докажут, что для такого-то района в общих задачах гармонического развития всего народного хозяйства, для того чтобы поднять столько-то десятин нови, необходимо, скажем, вместо 50 тысяч дать 100 тысяч тракторов, то мы их дадим без отказа. Здесь спор пойдет лишь по линии правильности расчетов.

По поводу критических замечаний проф. Макарова можно ограничиться немногим. Он нас очень разнес, подавляя своим авторитетом. Потрясая перед нами листочками наших тезисов, он категорически заверил съезд, что «таких» планов проектировать *нельзя*. Но, почему именно нельзя, это после той уничтожающей экспрессии, с которой высказался наш профессор, не требовало уже никакой мотивировки. Правда, он высказал несколько ценных, хотя и далеко не новых для нас, соображений из области методологии планирования. Мы их уже давно пропагандируем и с удовлетворением отмечаем, что проф. Макаров хорошо их усвоил. Но почему это могло бы послужить аргументом против наших планов? Следовало бы все же показать, в чем именно мы погрешили в области применения нашей методологии и к каким это привело конкретным дефектам. Но у проф. Макарова не нашлось в этом отношении ничего конкретного, кроме крайне неудачной ссылки на фантастические расчеты проф. Кондратьева о четырехмиллиардном дефиците сельскохозяйственной продукции. Цену этих расчетов мы уже знаем.

Что же касается общих идеологических упреков Макарова нашему построению, то все они сводятся к следующим трем-четырем пунктам. Во-первых, он утверждает, что наш индустриализм примитивен. Но почему примитивен? Неизвестно. Он утверждает, что мы стоим за «узкий» индустриализм, а он — за широкий, требующий значительного усиления

вложений... в сельское хозяйство. Но за счет чего можно их усилить? За счет сужения вложений в промышленность? Это надо досказать. И тогда все станет ясно. «Широкий» индустриалист требует сужения капитальных вложений в индустрию. Не так ли? В таком случае он действительно может претендовать на эту квалификацию. Во-вторых, проф. Макаров упрекает нас в прегрешениях против марксизма. Я очень порадуюсь, когда марксизму нас будут учить даже профессора Макаров и Кондратьев — после того, разумеется, как они усвоят это учение. Но, увы, этого еще нет. Проф. Макаров называет нашу точку зрения «потребительской», ибо она отправляется от населения, а не от производства. Но он не заметил, что, отправляясь от населения, мы учитываем прежде всего рабочие руки, а не рты и желудки. Мы ставим проблему оптимального использования *рабочей силы*. Это чисто производственный подход. Еще одно замечание относится к проблеме цен. Проф. Макаров заявляет нам, что проектируемое нами соотношение цен не будет принято деревней. Это очень сильный аргумент. Я не знаю только, почему мы такие заявления должны выслушивать от проф. Макарова, а не от самой деревни. Если крестьяне поддержали Советскую власть, а не те партии, которые предлагали им что-то другое, значит, мы умеем находить с ними общий язык и взаимное понимание.

Вопрос о ценах для крестьянина стоит иначе, чем это думают многие. Крестьянину важно не количество копеек, в которых оценивается его хлеб, а количество ситца, которое он может получить за пуд хлеба. С этой точки зрения мы проектируем не стабильность, а повышение сельскохозяйственных цен. Можно утверждать, что для крестьян желательно было бы еще большее повышение. Но вне учета реальных возможностей того или другого повышения такая постановка для нас неприемлема. Она отражала бы уже не народнохозяйственный и не социалистический, а какой-то крестьянофильский подход.

Номинально мы оставляем цены сельскохозяйственной продукции стабильными до конца пятилетки. Но не следует забывать, что мы принимаем за исходный уровень 1925/26 г. В этом году индекс сельскохозяйственных цен достигал 1,71, а к 1 марта 1927 г. он упал уже до 1,59. Значит, чтобы снова его довести до 1,71 к 1930 г., сельскохозяйственные цены даже номинально придется поднять на 7,5% против нынешнего уровня, в то время как промышленный индекс за истекший год не изменился и все намеченное снижение промышленных цен на 17,5% нам предстоит осуществить только за четыре оставшиеся года. Это не легкая задача. Возможно, что нам удастся достигнуть и большего. Но работники ВСНХ отнюдь нас в этом не обнадеживали. Тот предел снижения цен, который они нам указывали, не превышает 12—15% за пятилетие.

Последний упрек проф. Макарова касается проблемы наших международных связей. Он отмечает нашу изолированность от мирового хозяйства. Если это относится к скромным размерам намеченного экспорта и импорта, то мы с удовольствием примем всякое конкретное указание, за счет чего их можно было бы еще увеличить. Но и в намеченных масштабах они дают нам все, что необходимо для выполнения намеченного плана капитальных вложений и реконструкции хозяйства. Если же речь идет о том, что мы не рассчитываем на приток новых ресурсов из-за границы в виде сколько-нибудь крупных займов, то это отнюдь не вытекает из нашего принципиального нежелания использовать и эту возможность, если она представится. Мы просто предпочитаем эту возможность сохранить в резерве, чтобы не просчитаться.

Смелее в этом отношении пятилетка ВСНХ, которая вводит в свой баланс и такой проблематический ресурс, как иностранные займы. Впрочем, при распределении их по отраслям хозяйства ВСНХ очень великодушно предоставляет все средства от займов транспорту, а для промыш-

ленности резервирует только внутренние госбюджетные ресурсы. Как расценивают работники ВСНХ нашу пятилетку, нам не совсем было ясно. Из выступления А. М. Гинзбурга можно было заключить, что все наши расхождения такого порядка, что будет очень легко уладить их и договориться. Когда же я слушал других ораторов из ВСНХ, например Сабсовича, то выходило, что ни наша, ни их пятилетки в равной степени никуда не годятся. На какой базе в этом случае можно бы договориться, неизвестно. Его скептицизм чересчур уж преувеличенный. Сабсовичу хотелось бы видеть в наших проектах учет гораздо больших достижений. Нам тоже этого хотелось бы. Но ведь наша пятилетка и без того уже предвидит и в области сельского хозяйства и в других такие темпы развития, каких не видел еще капиталистический мир и какие, скажем, наши «идеологические друзья» из Наркомзема считают совершенно нереальными. Мы не согласны с ними и убеждены, что в наших проектировках имеется еще очень порядочный запас прочности. Но не лучше ли его сохранить в резерве?

В отношении принципа ударности в плановом деле, к которому нас призывал здесь Гинзбург, я думаю, что это не плохой принцип, если им не злоупотребляют. Но не следует перебарщивать. Было уже у нас немало опытов в этом роде. Мы провозглашали: «Все на транспорт», «Все на топливо» и т. д. Но чаще всего получалось при этом так, что хвост вытащишь — нос увязнет, нос вытащишь — хвост увязнет. Как бы не вышло, что увязнут наши окраины, когда мы начнем «ударять» по центру, или обратно. Как бы не вышло, что у нас общая цепная связь всех районов и отраслей хозяйства от таких ударностей порвется и кому-нибудь смажет по голове... Наряду с ударностью не следует упускать из виду и идею пропорциональности.

Я хотел бы еще остановиться на замечаниях В. И. Зейлингера. Он тоже находил, что в некоторых наших расчетах концы с концами не сходятся. Но в приведенном им контррасчете имеется существенное упущение. Он сравнивает рост накопления по государственному сектору и всему народному хозяйству, упуская из виду повышение удельного веса самого государственного сектора во всем народном хозяйстве. Если он учтет это обстоятельство, то и весь его расчет изменится. Народный доход государственного сектора поднимается за пять лет примерно с 30 до 40%. Процент накопления в этом секторе повышается за то же время, говоря грубо, с 20 до 25%, а в частном секторе падает с 15 до 10%. При тех предпосылках в области обобществления, какие мы имеем, при намеченном сокращении доли чисто капиталистических хозяйств в общей массе частнохозяйственных крестьянских и прочих ячеек, такие задания вполне осуществимы. А при их реальности становятся реальными и те расчеты, в которых так сомневался Зейлингер.

Нам не хотелось бы здесь спорить ни с Сокольниковым, ни с Вишеровым. Одно только надо сказать и им и всем другим пессимистам, пугающим нас разными призраками. Здесь было сказано, что мы, как былинный богатырь, стоим на распутье: в одну сторону пойдешь — встретишь голод, в другую — холод, в третью — не знаю что, вероятно, контрреволюцию... В подлинной былине, которую напомнил здесь Базаров, тоже предсказывались аналогичные страсти. Былинный богатырь, как известно, презрел, однако, все напророченные ему беды, изведал все пути, преодолел все опасности и тем самым опроверг все паникерские предсказания. Мы не сомневаемся, что и наш советский богатырь — пролетариат — не остановится на своем пути перед теми большей частью призрачными страхами, которыми его пугают. Он пойдет неуклонно вперед и своим собственным хозяйственным опытом еще не раз докажет, что вся та паника, которая не раз уже малодушно сеялась в наших рядах, не имеет под собой достаточно реальных оснований.

3. ИЗ ДИСКУССИИ В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ[1]

Отвечая на целый ряд выступлений, которые здесь имели место в течение нескольких заседаний, хотелось бы начать с докладчика[2]. По-видимому, у нас, работников Госплана, есть с ним известные недоразумения, но принципиальных расхождений нет. Недоразумения эти заключаются в том, что от нас докладчик требует, по-видимому, действительно больше того, что мы могли дать. Вот как можно кратко характеризовать суть этого нашего спора. Мы готовы согласиться, что у нас недостаточно экономического анализа, что мы недостаточно глубоко ответили на целый ряд качественных вопросов, которые встают у читателей наших материалов к пятилетнему плану. Ну что ж, исправляйте наши недочеты! Мы для того и публиковали наши материалы раньше, чем они получили формальное утверждение, чтобы сделать возможным то коллективное творчество плана, о котором говорил здесь Г. М. Кржижановский. А что касается Коммунистической академии, то ее мы с особенной охотой хотим привлечь к совместному творчеству в этой области. Итак, если наша работа вас не удовлетворяет,— а она, по-видимому, многих не удовлетворяет,— то благоволите указать конкретно, чем вы недовольны, почему недовольны и как вы считаете нужным исправить наши ошибки. Если бы вы не ограничились только негативной критикой, а указали бы на ряд положительных поправок и практических мероприятий к улучшению нашей работы в этой области, мы, вероятно, скоро нашли бы общий язык.

Но остановимся сначала на общих замечаниях. Тут были такого рода замечания: у вас недостаточно анализа, следовало применить метод изучения социальной обусловленности. Как раз об этом говорил проф. Лященко. Но как это делается и в чем заключается этот метод? Вот если бы П. И. Лященко дал нам хотя бы один конкретный пример применения своего метода и сообщил, чем именно мы против него погрешили, то такое предметное обучение было бы чрезвычайно полезным для нас, а может быть, и для него самого, потому что он тогда понял бы, что это не так просто делается, как выговаривается.

Первым в прениях выступил Бессонов. Спор, который им возбужден по теоретическому вопросу о роли тарифов в плановом хозяйстве, представляет очень большой интерес. Но это такой большой вопрос, что о нем надо разговаривать специально. Свою точку зрения мы высказали в печати. Здесь же мы ограничимся тем, что согласимся с Бессоновым, что эта проблема должна быть по-марксистски поставлена и разрешена, что до сих пор в этом отношении нами ничего не сделано. Но мы не согласны с ним в том отношении, что после пересмотра нам придется радикально изменить нашу тарифную политику, которая сводится к дифференциации тарифов, к тому, что мы совершенно сознательно строим новые дороги на окраинах и перевозим грузы там по значительно более дешевым ценам, чем это было бы, если бы мы их исчисляли по конкретным издержкам производства для данной окраинной дороги, для данного перегона и т. д. Это расширяет сферу нашего народного хозяйства, это позволяет нам подтягивать окраины к центру, притягивать их экономически, что соответствует одной из основных директив нашей хозяйственной политики в самом широком смысле этого слова.

Теперь обратимся к замечаниям проф. Лященко, который выступал по этому поводу неоднократно. И на этот раз он повторил свои основные замечания, которые сводятся к тому, что он удовлетворен нашими целе-

---

[1] Заключительное слово по докладу о пятилетнем плане развития народного хозяйства в Коммунистической академии 28 января 1928 г. (С. Г. Струмилин. Проблемы планирования в СССР. М. — Л., 1932).

[2] На данной дискуссии С. Г. Струмилин выступал в качестве содокладчика. — *Прим. ред.*

выми установками и готов под ними подписаться, но совершенно не удовлетворен тем методом инженерной проектировки, к которому мы прибегали, и тем , что все цифровые выражения директив, которые находятся в нашем плане, с его точки зрения, ничем не обоснованы. При этом, хотя он очень «дружески», по его словам, к нам настроен, он говорит, что наш план построен не марксистским методом. Мы хотели бы все-таки, чтобы хоть такого рода замечания были подкреплены какими-нибудь доказательствами. Если бы было верно только то, что этот план построен не марксистским методом, то и этого одного достаточно было бы, чтобы признать его никуда не годным. Поэтому надо прежде всего остановиться на этом. Какие имеются соображения у проф. Лященко в доказательство этой основной мысли, на которой он так настаивает? Он говорит, что метод инженерной проектировки потому не марксистский метод, что его применял еще Фурье в своих фаланстерах. Это метод утопического социализма. Методы, применявшиеся при построении фаланстеров,— вы помните, там были даже проектировки антикитов и антильвов и тому подобные курьезы,— конечно, не соответствуют реалистическому духу марксистской философии. Но почему это может быть отнесено к нашей работе? В пользу этого никаких аргументов в выступлениях П. И. Лященко мы не нашли ни в стенограмме, ни в печати.

Да и можно ли вообще метод проектировки Фурье, примененный им в его фаланстерах, назвать инженерным методом? Утопический метод отличается от метода научно-социалистического прежде всего тем, что он не опирается на науку, а инженерное дело строится целиком на научной базе. У Фурье не было этого фундамента. Вспомните, с помощью каких сил он предполагал осуществить свои проекты. Он надеялся заинтересовать какого-нибудь благодетельного и просвещенного принца. Вот в чем заключается прежде всего утопизм Фурье. У него не было *классовой* точки зрения. Он не понимал, что только определенный класс, идеологию которого он отражал, мог реально осуществить его план.

Как же мы подходим к постановке своего плана? Наш план сознательно строится на тех целевых установках, которые отражают целеустремленность определенного класса — пролетариата. Наша пятилетка реальна лишь в той мере, в какой мы сумеем организовать пролетариат для ее осуществления. Поэтому мы и придаем такое значение целевой установке. Поэтому мы и ограничиваем *самостоятельное* значение того метода прогноза, о котором говорит проф. Лященко, противопоставляя его нашему методу. Он прямо говорит, что тот метод, который он бы противопоставил нашему, есть метод изучения социальной обусловленности, *метод предвидения.* Если бы мы жили в обществе, целиком подчиненном стихийным законам рынка, тогда могли бы и должны были бы говорить только об изучении социальной обусловленности разных явлений и на основе этой обусловленности выдвигать те или иные предвидения. Но, конечно, тогда мы не называли бы этого научного исследования планом.

Весь подход наш совершенно иной. Мы считаем утопичным такой подход, который бы сводился лишь к тому, что я извлекаю, как паук, из своего собственного желудка, научную паутину и строю известный прогноз, который непременно должен осуществиться. Извините пожалуйста, он не сможет осуществиться, если вы не заинтересуете в этом тот класс, который должен его осуществлять, а заинтересовать его серьезно можно только тем, что ведет к осуществлению его идеала.

Научное обоснование плановых проектировок, конечно, необходимо. Но лишь в той мере, в какой нужно, чтобы этот ваш план был не только поддержан массами, но и технически осуществим и реалистичен. В нашей пятилетке вы не найдете никаких фантастических антильвов или антикитов именно потому, что ее проектировали научно образованные инженеры. И в этом смысле наш план целиком реалистичен.

В чем заключается ошибка проф. Лященко, когда он нам говорит о непригодности метода инженерной проектировки социальных конструкций? Мы думаем, в том, что он забывает об одной оговорке. Инженерная проектировка осуществляется нами на *основе определенных заданий.* Как мы вообще строим социализм в нашей стране? Разве мы его строим только руками коммунистов? Нет. Мы знаем, что мы еще не можем себе позволить такой роскоши. Мы должны привлекать к этому строительству — и в этом наша сила — все те ресурсы, которые имеются в нашей стране. Если, например, вы посмотрите состав Госплана, то увидите, что на одного экономиста-коммуниста там имеется десяток инженеров беспартийных. Без специальных знаний инженеров всех родов оружия, привлекаемых по каждой отдельной отрасли, мы не могли бы создавать наших планов. Но для того, чтобы именно *социальные* конструкции могли творить инженеры, чуждые нам иной раз по духу, стоящие вне того марксистского учения, которое нас одухотворяет, мы должны с особым ударением подчеркнуть роль тех целевых установок партийных и правительственных директив, в пределах которых мы строим свои планы. Так вот, если вы этим специалистам-инженерам дадите вполне определенное задание *какую* социальную структуру им предстоит построить, и используете их технические знания только для того, чтобы в пределах этого задания они вам вычертили рабочие чертежи и дали все схемы заданной постройки, тогда вы и этих инженеров-специалистов запряжете в самую плодотворную работу по строительству коммунизма. Они будут строить вам такие социальные конструкции, какие соответствуют вашим общим установкам. И если вами дана марксистская установка, то и инженерный проект будет ей отвечать в полной мере.

Г. М. Кржижановский говорил здесь о том, что инженерная проектировка планов предполагает социальную инженерию. Мы думаем о социальном инженере, как о такой объединяющей комбинации знаний и технических и экономических на основе общемарксистского мировоззрения, которая позволит нам творчески, без всякой помощи со стороны проектировать социальную реконструкцию всего нашего хозяйства в том направлении, в каком нам нужно. Но если отвлечься от этого образа социального инженера, который пока можно было бы применить только к некоторым нашим вождям, то придется сказать, что, разумеется, только их руками строить конкретные хозяйственные планы мы пока еще не можем. Для этого мы слишком пока еще бедны такими силами. Но на той социальной базе, которую дает нам партия, и на тех технологических знаниях, которые нам дают инженеры-специалисты, мы можем и теперь создавать нужные нам социальные конструкции. Возьмите хоть ту проектировку, которая связана с постройкой Днепростроя. Инженерная это проектировка или нет? Инженерная. Можно ли ее назвать марксистской? Нет. А между тем это составная часть плана ГОЭРЛО, того самого, который В. И. Ленин называл второй *программой партии.* Не следует забывать, однако, что и наш план — это есть прежде всего известная совокупность Днепростроев. Именно к ним сводится техническая основа нашего плана, поскольку мы имеем в виду прежде всего план капитального строительства как основную составную часть нашей работы. Тов. Кржижановский здесь говорил о том, что нельзя ограничивать содержание перспективного плана планом капитального строительства. В моем докладе тоже говорится, что помимо этого план должен представлять собой целостную систему экономической политики, т. е. систему социальных, экономических и политических мероприятий, на основе которых плановое строительство становится реалистическим. Но во всяком случае, с теми или иными оговорками, совершенно ясно, что в центре нашей проектировки лежат такого рода крупные строительства, которые должны совершенно изменить экономическую физиономию районов, а вследствие этого

и всей страны и которые базируются на определенной целевой установке — приближения к социализму.

Теперь по поводу упреков проф. Лященко, что у нас все «предусматривается» и ничто не обосновывается. Хотелось бы знать, какое именно «обоснование» им мыслится для тех отдельных цифр, которые мы давали. Ну, если мы говорим, что капитальные затраты у нас достигнут за пять лет 22 млрд. руб., то как, путем какого экономического анализа можно обосновать эту самую цифру — 22 млрд.? Какой экономический анализ может указать, что нужно проектировать не 23 млрд. и не 21 млрд., а ровно 22 млрд.? Мы бы очень хотели, чтобы нам хотя бы одну из тех цифр, которые у нас в перспективах проектируются, исчислил и аналитически «обосновал» проф. Лященко или кто-нибудь другой. Но этого, вероятно, никто не сделает по той простой причине, что путем экономического анализа нельзя получить никакой конкретной арифметической величины. В результате экономического анализа мы можем установить известные директивы. Вот, скажем, такую директиву, что мы должны запроектировать такой темп капитальных вложений, чтобы двинуть нашу промышленность более быстрым темпом, чем она возрастает в странах капиталистического мира.

Это одна из директив, из которых мы исходили. Обоснована ли эта директива или нет? Пусть проф. Лященко скажет. Может быть, он потребует от нас большего обоснования, чем мы даем. А наши обоснования в этом отношении несложны. Во-первых, опираясь на марксистско-ленинскую экономическую науку, мы утверждаем, что социалистическое хозяйство *может* дать больший эффект, чем хозяйство капиталистическое, и, во-вторых, основываясь на том, что если бы мы оказались не в состоянии реализовать эти преимущества нашего переходного к социализму строительства, то мы, несомненно, потерпели бы поражение вследствие падения удельного веса нашего хозяйства в мировом, мы заключаем, что наши планы *должны* обеспечить нужный нам темп развития.

Это устанавливает известный лимит. Но только лимит, а не конкретную цифру. Рост производства в Соединенных Штатах Америки, где он наиболее бурен, определяется в 5—6% в год, а мы запроектировали около 15% в последнем варианте. Это больше 5, но и 10% тоже больше, и 12%, и 30% было бы больше. Скажите, пожалуйста, чем можно обосновать именно 15%? Мы располагали, разумеется, и другим лимитом в тех ресурсах, какие поддаются нашему учету и какие мы могли запроектировать на протяжении пятилетки.

Этот экономический, или, точнее говоря, статистико-экономический, анализ устанавливает лишь пределы и к тому же далеко не точные. А в этих пределах мы должны дать конкретные цифры — цифры, которые выражают меру не качественного, а количественного роста нашего хозяйства, не приводя нас к внутренним противоречиям со всей массой других конкретных проектировок той же пятилетки. Эти цифры нельзя получить в результате решения системы *уравнений*, они в лучшем случае удовлетворяют требованиям известной *системы неравенств*, не выходя за пределы установленных лимитов. Вот почему нелепо было бы «обосновывать» каждую цифру в отдельности.

В некоторых случаях, впрочем, когда мы проектируем, скажем, накопление, мы производим очень детальные расчеты. Но как раз эти расчеты возмущают проф. Лященко. Он не понимает, зачем нам нужны такие детали, как число телеграмм, которые будут посланы в 1931 г. А между тем без числа почтово-телеграфных отправлений нельзя учесть и почтово-телеграфный доход.

Очевидно, тут есть какое-то коренное взаимное непонимание, когда говорят, что мы не обосновываем наши установки, и в то же время досадуют по поводу тех детальных расчетов и цифр, которые, с нашей точки

зрения, как раз являются определенными обоснованиями отдельных элементов плана.

Слушая проф. Лященко, можно подумать, что в Госплане сидят какие-то невежественные люди, которые нашей экономики не знают, не изучают ее и приходят с цифрами, неизвестно откуда взятыми. Но все это, конечно, не так. Трудно сказать, много ли имеется у нас в СССР таких исследовательских учреждений, не исключая и Коммунистической академии, которые более конкретно изучали советскую экономику, чем Госплан. Посмотрите только содержание журнала «Плановое хозяйство». В каждом номере вы увидите какое-нибудь исследование,— может быть, небольшое, но это потому, что журнал не позволяет помещать больших,— вы увидите там всегда новые достижения в области изучения нашей конкретной экономики. Сейчас работники Госплана и ВСНХ подготавливают работу по динамике народного хозяйства России за 40 лет. Это девятитомный труд, там освещается и динамика промышленности, и сельского хозяйства, и транспорта, и бюджета, в сущности все стороны народного хозяйства. Почему мы это делаем? Потому что понимаем, что без изучения конкретной экономики и очень далеко идущего изучения, на много лет назад, мы бы не могли строить наши конкретные планы. Но мы вовсе не считаем своей обязанностью повторять в таких конкретных планах все те исследования, которые прорабатываем и публикуем самостоятельно.

Ронин находит неудачной постановку вопроса о примате производительных сил в движении к социализму в нашем изложении. Весьма возможно, что поставлен он не совсем удачно. К сожалению, в чем неудачность этой постановки, выяснить оказалось невозможным, потому что цитата, на которую он ссылается, выпала из его стенограммы, стенографистки ее не записали. В силу этого мы не знаем самого содержания этого упрека по существу. Может быть, его ввела в заблуждение неточная формулировка. Во всяком случае, если нам приписывается такая мысль, что в Советском Союзе хозяйство и даже социализм строятся вопреки развитию производительных сил, против этого развития, ну, извините, никогда, ни в одном из наших выступлений печатных и, надеюсь, в устных тоже такого утверждения не было. К чему нам строить социализм против развития производительных сил? Никакого противоречия между развитием производительных сил и развитием социализма быть не может. Наоборот. По нашему мнению, именно, когда мы двигаемся в направлении к социализму, то и развитие производительных сил происходит наиболее эффективно. Вот наша точка зрения. Можно прочесть ту формулировку, которая имеется в печатном виде в нашей пятилетке. Мы ставили в ней задачей плана «бесперебойное развитие этих производительных сил в целях возможного повышения благосостояния трудящихся масс и скорейшего продвижения к социализму при одновременном повышении обороноспособности страны» [1]. Стало быть, прежде всего мы говорим о развитии производительных сил. Но мы не ограничиваемся этим, а говорим, куда должно идти это развитие. В чем же дело? Мы возражаем против примата производительных сил «вообще», который выдвигают некоторые экономисты только потому, что они как раз этим приматом хотят отмести все остальные указания о направлении развития и сказать, что они уже не имеют решающего значения. Так, например, Базаров утверждал, что критерием годности плана должен служить примат производительных сил в том смысле, что если план дает развитие производительных сил, то он уже хорош, если же он этого развития производительных сил не дает, значит, он плох. А вот если он не дает продвижения к социализму, то, поскольку речь идет только о пятилетнем плане и т. д., даже понятное

[1] «Перспективная ориентировка на 1927/28—1931/32 гг.» М., 1928, стр. 3.

движение можно допустить, с его точки зрения, и это не является критерием негодности плана.

Вот против этого мы и возражаем, именно против этого отметания некоторых дополнительных характеристик. Мы ведь теперь не говорим просто об «индустриализации» страны, а говорим о социалистической индустриализации. К чему это нас обязывает? Мы можем мыслить эту индустриализацию по-разному. Вспомните хотя бы установку Сокольникова и Шанина. Они тоже высказывались за индустриализацию. Но это была установка на индустриализацию путем подъема и развития нашего сельского хозяйства, через увеличение экспорта наших сельскохозяйственных изделий и т. д. Это была бы индустриализация через аграризацию и рост частнохозяйственных сил деревни. Таким образом, такие характеристики, как социалистическая индустриализация, страхуют нас от известных уклонов даже внутри нашей партии. Когда же об индустриализации будут говорить Макаров или Кондратьев, то для них такая страховка еще нужнее. Точно так же, если о развитии производительных сил будет говорить тот же Кондратьев, это будет совершенно другое, чем тогда, когда об этом будем говорить мы. В одном случае будет мыслиться просто развитие производительных сил, без дальнейшего уточнения, а в другом оно будет мыслиться по направлению к социализму.

У В. Е. Мотылева были попытки показать конкретно, к чему приводит недостаток экономического анализа в нашей пятилетке. Подход т. Мотылева, по-моему, является наиболее правильным. Он говорит: плох был ваш экономический анализ, и вот из-за этого вы впали в такие-то грубейшие ошибки. Вот, товарищи, если бы каждый из вас таким же образом констатировал и конкретизировал те ошибки, в которые мы впали, как это сделал т. Мотылев. нам гораздо легче было бы найти общий язык. Хорошо было бы, если бы и проф. Лященко указал нам сам наши ошибки вместо весьма неудачной ссылки на Кондратьева, который, дескать, нашел эти крупные ошибки. Проф. Лященко напрасно поверил на слово Кондратьеву. Я очень сожалею, что проф. Лященко не читал нашего ответа Кондратьеву. Если бы он его прочел, он понял бы, насколько те неувязки, на которые он ссылался, являются плодом творчества самого Кондратьева и в какой мере мы к ним совершенно не причастны.

Но оставим этот вопрос и перейдем к конкретным указаниям неувязок в нашем плане, которые мы слышали здесь, в этой аудитории.

Тов. Мотылев говорил, что у нас в пятилетке разница между оптимальным и отправным вариантами по капитальным вложениям 20%, а по их эффекту — всего 7—8%. Явная ошибка. Да, товарищи. Это грубейшая ошибка. Но эта ошибка т. Мотылева, а вовсе не наша. Такого соотношения в нашей пятилетке нет. В самом деле, к чему относятся эти цифры при роста в 7—8%? Они относятся ко *всему* народному доходу. Но разве мы начинаем эту пятилетку с пустого места? Разве наши капитальные вложения прибавляются к нулю? Мы собираемся вложить по одному варианту — 18,5 млрд., а по другому варианту — 22 млрд. Но у нас, кроме этих вложений, в народное хозяйство было уже вложено к октябрю 1927 г. около 61 млрд. Естественно поэтому, что, если мы хотим говорить об эффективности тех вложений, которые мы за эти пять лет проектируем, нужно сопоставить капитальные вложения не с полной суммой народного дохода, а с тем *приростом* народного дохода, который обусловлен новыми вложениями за эти пять лет. Народный доход по отправному варианту возрастает за пять лет с 25 млрд. до 33,5 млрд., всего на 8446 млн. руб. По оптимальному варианту он возрастает с 25 млрд. до 36 млрд. руб., т. е. примерно на 10 923 млн. Вторая сумма на 30% больше первой. Стало быть, при увеличении вложений на 20% их эффект возрастает не на 7—8%, как это сосчитал т. Мотылев, а на целых 30%. Подобно этому по промышленности при увеличении затрат по оптималь-

ному варианту на 23% их эффект возрастает при правильном подсчете не на 11%, а на целых 43%.

Спрашивается, мало это или много? Это трудно сказать. Но во всяком случае аргумент В. Е. Мотылева о 7—8% теряет свое значение. Это просто неграмотное обращение с цифрами и больше ничего.

Еще забавнее другое критическое замечание т. Мотылева. Сопоставляя оптимальный вариант по пятилетке Госплана и по контрольным цифрам ВСНХ, он находит, что капитальные вложения в обоих этих вариантах почти тождественны, а эффективность по проектировке ВСНХ значительно больше. Тут явное недоразумение. Нужно сказать, что оптимальный вариант ВСНХ и наш оптимальный вариант ровно ничем не отличаются. И т. Мотылев никакой в них разницы обнаружить не мог бы, если бы он делал правильные сопоставления. Но он взял у ВСНХ вариант с *учетом 7-часового рабочего дня и увеличения числа смен,* а у Госплана он взял не тот же самый вариант, а другой, составленный по наметке ВСНХ, *без учета 7-часового рабочего дня и увеличения числа смен*[1]. Если бы, значит, он читал внимательно наши работы, то, несомненно, не впал бы в такое забавное недоразумение и не стал бы упрекать нас за то, что увеличение числа смен дает повышенную продукцию.

У т. Мотылева есть еще одна мысль, которая тоже им ставится в упрек нашему методу планирования. Он говорит о затухающем характере кривой развития, которая намечается в нашей пятилетке. Правда, этот упрек им обращен главным образом по адресу старой пятилетки ВСНХ, где особенно резко проявлялась эта особенность. Надо сказать, что по вопросу о кривых развития у нас в Госплане было много споров. И мы слышали очень много различных точек зрения по этому поводу. В порядке проектировки генерального плана мы, действительно, наметили кривую, сначала в первом пятилетии, затухающую, а затем возрастающую. Эту точку зрения оспаривал вначале Базаров, который предложил нам другой вид кривой — сначала, в первой пятилетке, возрастающей, а в последующие — затухающей. Почему мы отвергли эту точку зрения и приняли такую, по которой темп развития сначала якобы затухает, а потом увеличивается? По очень простой причине. Мы входим в эту пятилетку из очень быстрого в своем росте предыдущего восстановительного периода. Остатки и хвостики этого восстановительного периода в первые годы текущей пятилетки еще будут сказываться. А затем этот рост несколько замедлится. Капитальные вложения текущей пятилетки вполне скажутся, по нашему мнению, только в следующих пятилетиях, вследствие слишком длинных сроков строительства. Может быть, мы в этом несколько просчитались? Может быть, мы уже к концу этого пятилетия начнем ощущать значительный эффект новых вложений? Но во всяком случае мы уверены, что в следующие пятилетки мы будем иметь уже *определенно возрастающие темпы.*

В. Е. Мотылев *априори* разрешает вопрос в пользу возрастающих темпов даже для первого пятилетия. Я думаю, что этот вопрос таким образом решить нельзя. Нужно оценить все те конкретные факты, из которых мы исходим, и проверить их. Может быть, мы и перегнули палку в сторону осторожности. Но это требует еще проверки[2]. Я лично отнюдь не склонен к пессимизму. В 1926 г. мы с этой самой трибуны выслушивали упреки совсем с другой стороны. Смилга гораздо пессимистичнее расценивал шансы реконструкционного периода. Он заявил, что за 1927/28 г. мы

---

[1] Госплановский вариант с учетом 7-часового рабочего дня, опубликованный в журнале «Плановое хозяйство», 1927, № 10, по-видимому, остался вовсе не известным нашему строгому критику.

[2] Как известно, в окончательном варианте пятилетки после проверки нам удалось разделаться и с затухающей кривой, несмотря на определенное противодействие вредителей.

больше 5—6% не сделаем. Мы и тогда ему возражали. И, действительно, в старой пятилетке мы запроектировали на 1927/28 г. 13% роста, в 1928/1929 г.— уже 17%, а последнее слово ВСНХ, против чего не возражал и Госплан, когда было установлено, что мы можем целый ряд фабрик пустить в три смены, уже намечает 23% роста. При этом пришлось признать, что мы *недооцениваем как раз эффекта тех новых капитальных затрат,* которые уже *сейчас вступают* в действие. Конечно, это еще не новые предприятия, их еще нет. Вводится в строй целый ряд старых, заново переоборудованных предприятий. Таким образом, мы отнюдь не застрахованы от просчетов. Когда определяешь темпы на несколько лет вперед, можно просчитаться. Но во всяком случае не нужно забывать и о том, что высокие темпы развития не даются даром. Они не случайно приводят на эту кафедру Шанина с предостережениями против перенапряжения. 23% мы получим[1]. К этому нас принуждает обострение товарного голода. Но это связано с угрозой перенапряжения, и само собой разумеется, что мы не стали бы проектировать сознательно на целое пятилетие вперед хроническое перенапряжение.

Теперь рассмотрим замечания Базарова. Базаров немного коснулся истории наших споров. Он сказал, что теперь мы можем похерить большую их часть, потому что отныне у нас уже установилась общая платформа. Но в таком случае после этого ему следовало бы поставить точку. Если установилась общая платформа, если мы уже стоим на общей платформе, то не о чем, стало быть, и спорить. Однако Базаров сейчас же взял свои слова обратно, обрушившись против всех тех наших замечаний, которые были направлены против его старой платформы, ныне им якобы оставленной во имя общей, объединенной платформы. Мало того, он пошел в некоторых отношениях даже дальше своей прежней установки. Для примера возьмем хотя бы этот самый спор о примате производительных сил, в защиту которого он выступил. До сих пор мы с ним по этому вопросу не спорили. Идея этого «примата» целиком принадлежала Громану, а Базаров ее оспаривал. Он говорил, что собственно, между развитием производительных сил, устремлением к социализму и ростом благосостояния нет никакого внутреннего противоречия. Их незачем противопоставлять уже потому, что повышению производительных сил в наших условиях неизбежно будет сопутствовать и продвижение к социализму и повышение благосостояния трудящихся масс. Это вполне правильно. Но сегодня он обрушился на нас за отвержение примата производительных сил в струвианском его толковании.

Базаров высказался, например, здесь за развитие производительных сил по американскому образцу. Спросим себя, однако, что означает этот американский образец? Можем ли мы развиваться по американскому образцу? Можем. Будут ли вырастать наши производительные силы, если мы восстановим капитализм и пойдем теми путями, которыми шла до сих пор Америка? Да. У нас естественные условия таковы, что, по-видимому, мы сможем повышать наши производительные силы, двигаясь к капитализму довольно быстрыми шагами. Но будет ли это то развитие производительных сил, которое нам нужно? Нет, это будет не то развитие производительных сил, совсем не то. На настоящем этапе истории нас не может уже удовлетворить развитие производительных сил само по себе, без характеристики, в каком направлении оно идет. Мы думаем, что мы можем идти своим путем, путем советским, а не американским, и на этом пути достичь такого темпа в развитии производительных сил, который обгонит даже американский темп, обгонит именно благодаря тому, что будет идти нашим, советским, социалистическим путем.

---

[1] Фактически этот план был выполнен по всей цензовой промышленности в неизменных ценах на 23,5% («Контрольные цифры Госплана на 1929/30 г.». М., 1929, стр. 167).

Дальше очень характерным было выступление Базарова в защиту независимости науки. Среди марксистов этот тезис независимости науки большой популярностью не может пользоваться. Мы знаем, что надклассовых наук нет. Это настолько элементарно для каждого марксиста, что аргументировать это более подробно нет никакой надобности. Если бы была независимая наука, это была бы такая наука, которая стояла бы над классами, парила бы выше их, творила бы свой суд и расправу над этими борющимися классами. Такой объективной, внеклассовой, надклассовой науки мы не признаем, в особенности если говорить об общественной науке, о чем здесь шла речь. Стало быть, мы можем говорить только о классовой науке. Но что значит говорить о классовой науке? Что это за наука? Это та наука, которая служит интересам данного класса. Тут Базаровым было допущено легкое изменение нашей формулировки. Мы не говорили, что наука должна быть служанкой «директив», да еще «директив вождей». Речь шла о том, что наука должна служить пролетариату. Во всяком случае, если эта наука — *наша* классовая наука, то она для себя не нашла бы ничего зазорного в том, чтобы служить интересам пролетариата. Старик Маркс тоже находил, что наука должна *служить* обществу. Базаров говорил, что только в средние века наука обрекалась быть служанкой теологов. А разве в новейшие века она не обслуживала интересы буржуазии? Правда, Базаров говорит, что буржуазия провозгласила независимость науки. Но тут же оговаривается, что это были только слова, а независимости никакой нет и не было.

Но спрашивается, зачем же далась эта независимость Базарову? Мы говорим, что наука классовая, что она всегда служит классу. Но ведь мы отнюдь не хотим того, чтобы она фальсифицировала свои выводы в угоду кому бы то ни было. Это неизбежно только тогда, когда речь идет о науке, которая служит интересам класса отмирающего. Эта наука нередко должна фальсифицировать истину в интересах своего класса. Она-то и стремится обычно напялить этот мундир независимости. А наука, служащая классу, которому принадлежит будущее, вовсе не должна что-либо фальсифицировать. Чем она объективнее освещает положение вещей, тем лучше она служит этому классу. Поэтому мы вовсе не вкладываем ничего обидного для пролетарской науки в то положение, что она может и должна служить своему классу.

Теперь обратимся к следующему замечанию. Мы утверждали, что качественные различия являются чаще всего по существу только недостаточно осознанными количественными различиями. Базаров иронизировал здесь по поводу этого якобы «гносеологического новшества», которое можно рассматривать как результат увлечения пифагорейским учением о мистическом значении цифири. Для шутки это, может быть, и хорошо. Но если бы мы чаще обращались к старикам, то ни о новшествах, ни о какой-либо мистике по поводу нашего утверждения говорить не пришлось бы. Здесь имеются в виду только общеизвестные выводы физики и химии, т. е. весьма положительных наук. Вот что, например, пишется в одной очень хорошей книге:

«Современные натуралисты прекрасно знают, как часто изменения количества ведут к изменениям качества. Почему одна часть солнечного спектра производит на нас ощущение красного цвета, другая — зеленого и т. д.? Физика отвечает, что тут *все дело в числе* колебаний частиц эфира... То же подтверждает химия. Озон имеет другие свойства, чем обыкновенный кислород. Откуда это различие? В молекуле озона *иное число* атомов, чем в молекуле обыкновенного кислорода» [1].

---

[1] Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. Госполитиздат, 1956, стр. 570. Курсив наш. — *С. С.*

Значит, то, что мы осознали как другое *качество, есть* только другое *количество.* Это далеко не ново и совершенно чуждо мистики.

Базаров хочет посмеяться по поводу того, что Струмилин, этот скромный статистик, взялся не за свое дело — толковать о гносеологии, хотя никогда не был причастен к философии. Но вот наши старики — они понимали кое-что в философии. Приведенные слова принадлежат Плеханову. Можно было бы такие же свидетельства найти и у Энгельса. Они не ссылаются на гносеологию. Они ссылаются на физику, на химию, на современных натуралистов. В чем же дело? Когда Базаров захотел сначала меня сделать пифагорейцем, а потом смилостивился и согласился с тем, что я просто статистик и поэтому уже по своей *профессии* придаю такое большое значение числу, то мне пришло в голову, что он сам заговорил о гносеологии и пифагорейцах только потому, что это его специальность, поскольку он причастен к философии. У него не было иных оснований притягивать здесь к ответу эту высокую особу — гносеологию, с которой я, действительно, немного имел дела в своей жизни.

Дальше Базаров здесь говорил о *комчванстве.* Действительно, это вещь нехорошая. Но кстати ли вообще было упоминать комчванство при обсуждении данного вопроса. Однако мы думаем, что и *спецчванство* — тоже нехорошая вещь. Конечно, за ту пару лет, когда я, сидя в тюрьме, штудировал от нечего делать кантианцев, махистов, эмпириомонистов и прочих идеалистов, я не мог сделать столь больших успехов в гносеологии, чтобы удовлетворить Базарова, который в этом деле большой спец. Недаром же разбору его философских трудов уделил в свое время столько места В. И. Ленин. Но если учесть те отзывы Ильича, которыми он характеризовал труды Базарова, то едва ли даже в этих трудах можно усмотреть особые основания для спецчванства перед нами — простаками, не причастными к философии.

В заключение нашего спора с Базаровым заметим следующее.

Возражения своих оппонентов против его установки в методологии планирования он склонен объяснить лишь их «через край бьющей благонамеренностью». Установка на то, что критерием годности плана может стать помимо развития производительных сил еще дополнительное требование о приближении к социализму, ему представляется настолько необоснованной, что он даже затрудняется сказать, кто мог такое требование прокламировать. Мы можем ответить на это.

«При составлении пятилетнего плана народного хозяйства..,— указывается в резолюции XV съезда ВКП(б),— необходимо стремиться к достижению наиболее благоприятного сочетания следующих элементов: расширенного потребления рабочих и крестьянских масс; расширенного воспроизводства (накопления) в государственной индустрии на основе расширенного воспроизводства в народном хозяйстве вообще; более быстрого, чем в капиталистических странах, темпа народнохозяйственного развития и *непременного систематического повышения удельного веса социалистического хозяйственного сектора,* что является *решающим и главным* моментом во всей хозяйственной политике пролетариата» [1].

Что же касается кивка по поводу чьей-то благонамеренности, то заметим лишь следующее. Можно понять интеллигентское чванство — всегда и при всяких обстоятельствах быть в оппозиции, оставаться в мундире неблагонамеренности. Но гораздо естественнее, если революционер, десятки лет подряд носивший с честью знамя «неблагонамеренности», после революции остается верным своим *убеждениям, а не мундиру,* и потому может лишь улыбнуться на вздорный упрек в его «благонамеренности». Во всяком случае было бы очень странно, если бы кто-нибудь из

---

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II. 1954, стр. 452—453. Курсив наш. — *С. С.*

таких революционеров стал замазывать в споре с противниками принципиальные с ними разногласия только для того, чтобы не попасть в одиозный, по их мнению, разряд благонамеренных.

4. О ТЕМПАХ НАШЕГО РАЗВИТИЯ [1]

В связи с закончившейся в Госплане работой по пятилетнему плану народного хозяйства вновь оживляются старые споры о темпах возможного хозяйственного роста в советских условиях [2]. Ободряемые фактическими успехами нашего развития, плановые органы Союза все смелее становятся в своих перспективных наметках. В проекте пятилетки на 1926/27 — 1930/31 гг. мы не решались еще запроектировать прирост продукции цензовой промышленности за пять лет свыше 77%. Через год, в пятилетке на 1927/28—1931/32 гг., наш оптимальный вариант проектировался уже с приростом в 108%, а в декабрьском варианте ВСНХ на 1928/29—1932/33 гг. мы уже намечали прирост в 167%, т. е. увеличение продукции более чем в 2,5 раза за одно пятилетие [3].

Всем памятно, что даже первые значительно более скромные наметки Госплана встречались в свое время известной частью нашей общественности весьма скептически и признавались заведомо преувеличенными. Тем более пищи для скепсиса этих критиков в стиле проф. Кондратьева, Макарова и иже с ними дают новые проектировки. И мы уже слышали голоса о том, что запроектированный ВСНХ «темп роста является *беспримерным* во всей истории».

Конечно, такого рода упреки меньше всего нас смущают. Октябрьская революция тоже заслуживает названия беспримерной в истории. Тем более пищи для скепсиса этих критиков в стиле проф. Кондратьева, крайним скептикам. Намечаемые в наших перспективных проектировках темпы развития, несомненно, беспримерны. Но до сих пор они осуществлялись даже с некоторым превышением против плана. И те, кто хочет оспорить их реальность в отношении будущего, должны иметь в своем арсенале более солидные аргументы, чем простая ссылка на историю. Уже в рамках капиталистического общества мы наблюдаем крайнюю неравномерность развития. Как правило, чем позже вступает на путь капиталистического развития та или иная страна, тем более быстрые темпы роста она усваивает, догоняя и обгоняя своих более зрелых конкурентов.

У всех на глазах молодая Германия опережала в своем развитии старую Англию. Еще разительнее то опережение, которое мы наблюдаем в развитии Соединенных Штатов Америки по сравнению со всеми их западноевропейскими конкурентами. А головокружительный рост хозяйственной мощи Японии, позже всех вступившей на путь капиталистического развития, разве не показателен в этом отношении? Дореволюционная Россия тоже имела относительно высокие темпы развития именно потому, что она позже других вступила на путь капиталистического развития и могла уже сразу в готовом виде переносить к себе все технические достижения своих конкурентов, не повторяя заново их промахов и ошибок. После же Октябрьской революции, по мере того как с каждым годом мы все более овладеваем рычагами *планового* воздействия на хозяйственное развитие страны, возможности СССР к опережению в темпах роста капиталистические страны становятся уже несравненно выше и многообразнее. Возможности СССР расти не только в количественном, но

---

[1] «Плановое хозяйство», 1929, № 1.

[2] «О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР». Дискуссия в Коммунистической академии. М., 1928; статьи В. Е. Мотылева в «Большевике», 1928, № 3—4, 10 и 18, и наш ответ ему там же, в № 13—14.

[3] В утвержденной пятилетке этот прирост еще вырос до 179%.

и в качественном отношении «беспримерными» во всей истории темпами огромны. И хозяйственный план, который не удовлетворял бы этому требованию «беспримерности», т. е. не обеспечивал бы нам возможности в течение известного срока догнать и перегнать опередившие нас в своем хозяйственном развитии страны, уже по этому одному был бы нами забракован.

Однако догонять и перегонять тоже можно по-разному. Если бы, например, мы поставили своей задачей обогнать Соединенные Штаты в одно пятилетие, то, несмотря на всю «благонамеренность» такой установки, едва ли кто-нибудь одобрил бы этот «план». Говоря иначе, необходимо иметь известную *меру* даже в границах «беспримерности». Соблюдена ли эта мера в последних проектировках ВСНХ и Госплана? Вот вопрос, заслуживающий самого серьезного обсуждения И он, несомненно, в течение ближайших месяцев станет в центре дискуссий о пятилетке.

К какому выводу в этом отношении нам придется прийти в результате предстоящей дискуссии загадывать было бы преждевременно. У нас нет никаких *априорных* критериев преувеличенности тех или иных темпов. Априори можно сказать лишь одно: проектируемые в СССР темпы могут и должны быть выше капиталистических, но они не должны все же превышать имеющихся в стране реальных ресурсов. Таким образом, вся проблема сводится к конкретному учету имеющихся в стране ресурсов (т. е. возможных затрат труда и капитальных вложений) и меры их эффективности, вернее, план должен быть правильно *энергетически* построен. В настоящее время мы не имеем еще полной программы намечаемой на пятилетие реконструкции и связанного с нею баланса вложений и накоплений. Однако, если судить по тем элементам, которые уже нам известны, темпы, намечаемые ВСНХ для оптимального варианта, *отнюдь не представляются нам чрезмерными.* Правда, сами работники ВСНХ оценивают их как предельно напряженные. Но для оптимального варианта такое напряжение вполне закономерно и даже необходимо.

Конечно, было бы большим риском идти на осуществление *заведомо* перенапряженных планов. Но, хотя в нашей экономической литературе делались уже неоднократно попытки доказать наличность в советской хозяйственной практике такого перенапряжения в связи с преувеличенными планами индустриализации, мы отнюдь не можем признать их сколько-нибудь убедительными. С аргументацией проф. Кондратьева по этому вопросу мы уже посчитались в другом месте [1]. Но и новейшие варианты аналогичной аргументации, исходящие из других кругов, столь же, на наш взгляд, слабы и малоубедительны.

Мы имеем в виду последнее выступление Шанина «против избыточного финансирования» [2]. Это избыточное или, как он еще иначе его называет, *«инфляционное* финансирование» народного хозяйства вообще и нашей промышленности в особенности, которое он довольно решительно требует «прекратить», ровно ничем им не подтверждается.

Да и не может быть подтверждено за отсутствием такого факта.

Дело в том, что даже промышленность, финансирование которой мы особенно форсируем за последние годы, отнюдь не ставит перед собой неосуществимых целей [3].

В самом деле, сопоставим размер капитальных затрат в основные фонды планируемой промышленности с объемом внутреннего в ней накопления ресурсов (в млн. червонных рублей):

---

[1] «Индустриализация СССР и эпигоны народничества». Наст. издание, стр. 216—255.

[2] «Плановое хозяйство, 1928, № 10.

[3] Конечно, заявки ВСНХ, как и всякого другого ведомства, на потребные ему средства зачастую страдают известным преувеличением, но мы имеем в виду не эти заявки, а утвержденные планы.

Годы	Чистая прибыль	Амортизация	Итого	Капитальные затраты
1925/26	631	345	976	780
1926/27	636	398	1034	1034
1927/28	825	440	1265	1298
За три года	2092	1183	3275	3112
1928/29	1300	500	1800	1630
За четыре года . . .	3392	1683	5075	4742

Как видим, внутренние ресурсы нашей промышленности с избытком покрывают капитальные затраты. Говоря иначе, промышленность сама создает те реальные ценности, которые потребны для ее расширения. Где же тут место для «инфляционного финансирования», т. е. финансирования бумажного, за которым не стоят реальные ценности? Правда, промышленность через бюджет и кредит получает больше, чем сама отдает им, покрывая этим избытком свою возрастающую потребность в оборотных средствах. Но, поскольку оборотные средства отлагаются в виде вполне реальных *товарных* ценностей, финансирование их даже за счет эмиссионных ресурсов едва ли может быть названо инфляционным.

Шанин, очевидно, думает иначе. Но в таком случае ему следовало бы доказать, что мы *перефинансировали* на том или ином участке нашу промышленность и что благодаря этому у нее оказался избыток средств в *денежной* форме. Это, однако, совершенно недоказуемо. Анализ сводных балансов промышленности, наоборот, показывает явное снижение ее денежных средств по отношению к общему итогу всех ресурсов. В самом деле, вот несколько цифр из сводного баланса нашей госпромышленности (см. табл. 2).

Как видим, валовая продукция ВСНХ за два года возросла в червонном выражении на 70%, а оборотные средства — только на 33%, далеко отставая от довоенной нормы, причем в денежной их части, т. е. по текущим счетам и кассе, мы наблюдаем даже абсолютное снижение. Правда, чужие средства в общих ресурсах ВСНХ достигают уж довольно высокой нормы. Но без привлечения их мы, разумеется, не могли бы получить тот небывалый рост продукции, какой мы имели. Снижение же *денежной* части оборотных фондов свидетельствует даже о явном кредитном зажиме промышленности. И напрасно Шанин пытается эту кредитную рестрикцию превратить в *избыточное,* инфляционное финансирование.

Его намерения чрезвычайно прозрачны. Но его методы борьбы против якобы преувеличенных темпов индустриализации совершенно не оригинальны. Проф. Кондратьев тоже пугал нас призраками инфляции. Этот прием чересчур часто применялся за последние годы и, казалось бы, потерял уже кредит даже у присяжных паникеров из лагеря антииндустриалистов.

Проектируя высокие темпы индустриализации, мы, конечно, чувствуем потребность в известной страховке себя от возможности тех или иных срывов в области финансирования. Но если в прежних проектировках эта страховка отражалась в огромном скрытом «запасе прочности» предлагаемых перспективных расчетов, то теперь мы идем к той же цели иным путем — путем одновременного построения *двух* вариантов. И чем смелее проектируем мы оптимальный вариант, тем осторожнее должен быть построен тот отправной вариант, который призван обеспечить нам вполне бронированный минимум финансирования намеченной программы рекон-

Таблица 2

Основные элементы свободного баланса промышленности ВСНХ

(в млн. руб.)

Статьи баланса	Акционерная промышленность России 1913 г.		Промышленность ВСНХ по балансам на 1 октября						% прирост та за два год а
			1925 г.		1926 г.		1927 г.		
	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	абс.	в %	
1	2	3	4	4	6	7	8	9	10
А. Основные фонды (имущество) *	244,8	52,4	5 037,2	64,0	5 206,2	59,9	6 174,2	62,0	22,6
Б. Оборотные фонды									
1) Сырье, топливо, материалы	—	—	1 125,3	14,3	1 420,5	16,3	1 551,4	15,6	37,9
2) Полуфабрикаты и готовые изделия	—	—	1 302,8	16,6	1 534,8	17,6	1 666,4	16,7	27,9
Итого по 1 и 2	1550,5	33,2	2 428,1	30,9	2 955,3	33,9	3 217,8	32,3	32,5
3) Ценные бумаги	—	—	214,9	2,7	333,2	3,83	391,5	3,93	82,2
4) Текущие счета	—	—	159,7	2,0	174,4	2,0	141,1	1,42	—11,6
5) Касса	—	—	30,9	0,4	29,0	0,33	30,2	0,30	—2,3
Итого по 3—5	670,8	14,4	405,5	5,1	536,6	6,2	562,8	5,65	38,8
Итого по Б	2221,3	47,6	2 833,6	36,0	3 491,9	40,1	3 780,6	38,0	33,4
Всего по А и Б	4666,1	100	7 870,8	100	8 698,1	100	9 954,8	100	26,5
В том числе:									
Привлеченных средств	974,2	20,9	671,1	8,5	1 446,1	16,6	2 226,0	22,4	231,7
Общий итог баланса	7730	165,7	10 296	130,8	11 843	136,2	13 144	132,0	27,7
Валовая продукция соответствующего года *	—	—	4 837,4	61,5	6 906,3	79,4	8 237,3	83,6	70,3

* Основные фонды даны за все годы, включая Центроспирт и Чаеуправление, но за вычетом амортизации.

** Без акциза.

струкции. Именно поэтому и в прошлогодней проектировке и ныне отправной вариант пятилетки Госплана значительно скромнее оптимального.

Размер разрыва между этими вариантами представляет с указанной точки зрения немалый интерес. Особенное внимание ему уделено было в прошлогодней дискуссии В. Е. Мотылевым. Исходя из необходимости полного учета эффективности вложений в оптимальном варианте и достаточной осторожности в отправном, т. Мотылев находил запроектированный нами в прошлогодней «Перспективной ориентировке» Госплана разрыв между двумя вариантами явно недостаточным. Не возражая против проверки этого обстоятельства при переработке пятилетки, мы сомневались все же в возможности значительного увеличения указанного разрыва. В пылу полемики т. Мотылев предъявил нам по этому поводу целый ряд жесточайших обвинений, вплоть до зачисления в разряд *«противников* быстрого темпа индустриализации СССР».

«Несмотря на умелую и последовательную критику народнических взглядов на темп индустриализации,— замечает он,— тов. Струмилин сам преуменьшал в своих работах и выступлениях возможный темп индустриализации» [1].

Едва ли это обвинение можно признать вполне добросовестным. Тов. Мотылеву известно, что в своих докладах о пятилетке мы излагали не свои, а коллективные работы Госплана. Темпы развития в этих работах казались большинству критиков пятилетки скорее преувеличенными, чем преуменьшенными. Что же касается нас самих, то мы всегда подчеркивали наличие в этих работах большого запаса «осторожности».

Лишь проверка опытом может подтвердить реальность наших перспективных наметок. И только под влиянием этого опыта мы отваживаемся в каждой новой проектировке повышать темпы развития. Еще в 1927 г. не только Госплан, но и ВСНХ выступали перед XV съездом партии с одним и тем же *оптимальным* вариантом повышения продукции ВСНХ за пять лет на 108%, а ныне даже по минимальной программе нами проектируется 130% прироста. Тов. Мотылев последовательности ради должен был бы прибавить поэтому к числу «противников» высоких темпов индустриализации наряду со Струмилиным, очевидно, и В. В. Куйбышева и многих других. Но кто же тогда окажется в рядах сторонников высоких темпов? Вот вопрос.

Тов. Мотылев имел неосторожность в своем критическом выступлении в Коммунистической академии по поводу «перспективной ориентировки» Госплана высказать пару грубо ошибочных суждений. Затем он повторил их в «Большевике» (№ 3—4 за 1928 г.). И даже после того, как эти ошибки были ему с полной ясностью показаны, он, пытаясь сохранить за собой в этом споре последнее слово, упорно отстаивал в печати свои явно безнадежные позиции (см. «Большевик» № 10 и 17—18, 1928 г.). Однако общественный интерес спора при этом явно иссякает, ибо вместо деловых соображений в арсенале нашего оппонента, по-видимому, остались одни лишь полемические приемы. В самом деле, приведем для образчика пару примеров.

Прием 1. В последнем своем выступлении [2] т. Мотылев пытается истолковать ряд наших замечаний и оговорок как явную уступку его взглядам и рассматривает их поэтому как «прикрытое отступление» своего оппонента. Прием довольно искусный, однако едва ли заслуживающий подражания. Дело в том, что Струмилин никогда не давал обещаний по всем вопросам непременно отстаивать *диаметрально* противоположное тому, что думает или утверждает т. Мотылев. Найдется, несомненно, много вопросов, в которых мы являемся или можем оказаться даже полными

[1] В. Е. Мотылев. Проблема темпа развития СССР. М., 1929, стр. 142.
[2] «Большевик», 1928, № 17—18.

единомышленниками. Но это не имеет ровно никакого отношения к предмету нашей дискуссии. Взять хотя бы вопрос о затухающих или возрастающих темпах развития нашего хозяйства в реконструкционный период. Здесь мы сходимся с т. Мотылевым во взглядах довольно близко. Мы точно так же, как и Мотылев, предвидим нарастание, а не затухание этих темпов, хотя, быть может, не с середины, а лишь с конца ближайшей пятилетки. Но поскольку об *этом* у нас не было спора, никто из нас не имеет оснований рассматривать такое единомыслие как результат победоносной дискуссии.

Тов. Мотылеву не мешало бы усвоить, что пятилетка Госплана — это коллективный, а не единоличный труд, и что поэтому каждый из участников этой работы, *взятый в отдельности,* отнюдь не может принять на себя ответственность за все ее недочеты и достоинства. Именно поэтому, возражая на диспуте в Коммунистической академии т. Мотылеву в своем заключительном слове по одним вопросам, мы отнюдь не находили поводов спорить с ним по вопросу о характере кривой нашего развития.

Объясняя, почему составители пятилетки исходили из гипотезы затухающих темпов развития для первой пятилетки, мы мотивировали эту точку зрения следующим образом: «Мы входим в эту пятилетку из очень быстрого в своем росте предыдущего восстановительного периода. Остатки и хвостики этого восстановительного периода в первые годы текущей пятилетки еще будут сказываться. А затем этот рост несколько замедлится. Капитальные вложения текущей пятилетки *вполне* скажутся только в следующих пятилетиях вследствие слишком длинных сроков строительства». Но, приведя эту *общую* установку составителей пятилетки, мы тотчас же внесли следующие совершенно недвусмысленные оговорки: «Может быть, мы в этом несколько просчитались, может быть, мы уже к концу *этого* пятилетия начнем ощущать значительный эффект новых вложений. Но во всяком случае *мы уверены, что в следующие пятилетки мы будем иметь уже определенно возрастающие темпы.* Тов. Мотылев *априори* разрешает вопрос в пользу возрастающих темпов даже для первого пятилетия. Я думаю, что этот вопрос так априорно не решается... Может быть, мы и перегнули палку в сторону осторожности. Но это требует еще проверки. Я *лично* отнюдь не склонен к пессимизму». И ссылаясь на плановый опыт 1927/28 г., свидетельствующий о несомненной недооценке нами эффективности уже завершенных капитальных затрат, я заключил: «Таким образом, вы видите, что мы отнюдь не застрахованы от просчетов» [1].

Эта установка очень близка к тому, что говорил т. Мотылев. И потому он трубит победу: «О чем свидетельствует эта цитата? О том, что и в этом вопросе, являющемся одним из центральных, т. Струмилин также *отступил.* Он вынужден был согласиться с нами, что недооценивал эффекты новых капитальных затрат, что кривую темпов надо проверить. Он вынужден был сам привести факты против пессимистической установки в этом вопросе» [2].

Спрашивается, однако, от чего же это Струмилин «отступил» в данном случае? Отступление предполагает ведь предварительное наступление или вообще спор по данному пункту. Но, не будучи сторонником «пессимистической» установки в этом вопросе, я лично никогда не отстаивал этой оспариваемой т. Мотылевым установки, а потому мне не от чего было и отступать. Недооценку эффекта наших плановых приводов в проектировках Госплана, обеспечивающую им большой резерв прочности, мы действительно признаем и признавали уже не раз и до нашего спора

---

[1] «О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР». Дискуссия в Коммунистической академии, стр. 110—111, в наст. издании стр. 273—283.

[2] «Большевик», 1928, № 17—18, стр. 125. Курсив наш.— *С. С.*

с т. Мотылевым[3], но не в порядке вынужденных признаний, а с полным удовлетворением по поводу мощности и полнокровности нашей советской системы.

Прием 2. Еще оригинальнее следующий полемический прием. В. Е. Мотылев обвинял нас в недооценке директив XV съезда, приписывал нам утверждение, что в них нет «ничего нового». В своем ответе мы отвергли это нелепое обвинение. В нашу задачу вовсе не входила оценка директив съезда. Мы лишь пытались объяснить, *почему* мы не сделали особо заметных промахов в *целевой установке* нашей старой пятилетки, что, в сущности, никем не оспаривалось. И объяснялось это тем, что XV съезд в своих директивах не *менял* прежних установок партии на индустриализацию страны и другие задачи плана, а лишь *развивал* их в целостную программу. А с этой точки зрения о директивах XV съезда, конечно, можно смело сказать, что в них «нет ничего такого *абсолютно* нового и *неожиданного,* чего бы не было и раньше в целом ряде постановлений предыдущих партийных съездов и руководящих центров»[2].

«Итак,— торжествует по поводу этих слов в своем *четвертом* выступлении т. Мотылев,— *по новому* толкованию т. С[трумилина] в директивах не было лишь ничего *абсолютно нового* и *неожиданного*... Ответ т. С[трумилина] свидетельствует об его *отступлении,* об его отказе от прежней оценки директив»[3].

Однако спрашивается, на каком основании т. Мотылев, приводя цитату из нашего основного доклада в Комакадемии, говорит о ней, как о чем-то для него *новом.* Ведь это именно ее он извратил в своей предыдущей статье, выбросив словечко *«абсолютно»* и категорически утверждая, что «Струмилин не нашел в этих директивах *ничего нового»*[4]. Теперь, перечитав заново ту же старую фразу, он уже усвоил, что нами сказано совсем иное, что, на наш взгляд, «в директивах не было лишь ничего *абсолютно* нового и *неожиданного».* Оспаривает ли это т. Мотылев? Нет, не оспаривает. Напротив, в этих словах он усматривает наше отступление перед его критикой. А между тем они целиком содержатся уже в первом нашем выступлении и не поддаются никаким кривотолкам. Таким образом, не Струмилин, а т. Мотылев отступил в данном пункте от своих обвинений и тщетно пытается прикрыть это фразой о «новых» толкованиях Струмилина.

Того факта, что все обвинение его в данном случае обосновывалось на одном лишь вольном или невольном искажении наших слов, никуда не денешь. Но т. Мотылев, по-видимому, неисправим в этом отношении. Желая подкрепить свое обвинение по поводу недооценки нами директив съезда ссылкой на Г. М. Кржижановского, он приводит, между прочим, следующие его слова: «Эти установки съезда, *конечно, пронизаны мыслями Владимира Ильича.* Но надо откровенно признать, что в материалах наших пятилеток они еще не нашли *развернутого* выражения»[5]. И затем уже от себя делает следующий вывод: «Таким образом, т. Кржижановский также возражал т. Струмилину по поводу его оценки директив и вопреки утверждениям т. Струмилина заявлял, что директивы еще *не нашли своего отражения* в проектах пятилетки»[6].

---

[1] И в 1925 г. мы отмечали, что «мы не раз уже ошибались в сторону *недооценки* наших хозяйственных перспектив», и в 1927 г. в спорах о пятилетке выражали свое убеждение, что в «наших проектировках имеется еще очень порядочный запас прочности», и не имели оснований в этом раскаиваться (С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы. М.— Л., 1928, стр. 316, 323, 424, 497)

[2] «О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР». Дискуссия в Коммунистической академии. стр. 31.

[3] «Большевик», 1928, № 17—18, стр. 119. Курсив наш.— *С. С.*

[4] «Большевик», 1928, № 10, стр. 78. Курсив наш.— *С. С.*

[5] «О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР». Дискуссия в Коммунистической академии, стр. 70. Курсив наш. — *С. С.*

[5] «Большевик», 1928, № 17—18, стр. 119. Курсив наш.— *С. С.*

Подчеркнутые нами слова т. Кржижановского ясно показывают, что он, как и мы, не усматривал в установках съезда никакой ревизии мыслей Ильича и в этом смысле не видел в них ничего *абсолютно* нового или *неожиданного*. Но т. Кржижановский подчеркивает, что все же в наших пятилетках они не нашли еще развернутого выражения. Это правильно. И мы нигде не утверждали обратного. Но вот т. Мотылев без излишней застенчивости похерил это словечко «развернутого», и у него получается уже совсем другое, прямо противоположное. По его резюме выходит, что мысли Ильича вообще *не нашли* своего отражения в материалах Госплана. И это чудовищное утверждение приписывается им председателю Госплана и одному из ближайших учеников Ленина. Сомневаюсь, чтобы такие грубые передержки могли послужить к вящей полемической славе т. Мотылева.

Прием 3. Объясняя, почему развитие нашего хозяйства, взятого в целом, не может пока выражаться слишком высокими коэффициентами, мы писали следующее: «Мы растем пока как следует только одной своей *половинкой,* обращенной лицом к социализму. Но зато мы растем не только количественно, но и качественно, повышая с каждым годом удельный вес социалистического сектора в общем балансе. Этот факт социализации тоже не должен быть забытым при оценке эффективности наших плановых установок. Он объясняет *замедленный* рост нашего хозяйства, *взятого в целом, в настоящем.* Но в то же время он сулит нам *ускорение темпов* роста по мере обобществления остатков частнохозяйственного сектора в *ближайшем будущем*» [1].

«Это рассуждение т. С[трумилина],— авторитетно заявляет т. Мотылев,— в основном также ошибочно. Что наличие частного сектора в нашей экономике замедляет темп хозяйственного развития, что окончательная ликвидация этого сектора значительно ускорит этот темп,— очевидно и бесспорно. Но совершенно неверно, что «факт социализации... объясняет замедленный рост нашего хозяйства, взятого в целом, в настоящем». Прогрессирующее вытеснение частного сектора, социализация нашего хозяйства должны, несомненно, *ослаблять* из года в год замедляющее действие этого сектора, т. е. *ускорять* темп развития... Таким образом, вопреки утверждению т. Струмилина, *факт социализации* не только не объясняет замедленного роста нашего хозяйства, но опровергает его взгляды на неизбежность замедленного роста» [2].

На этом полемическом приеме стоит остановиться. С первого взгляда может показаться, что т. Мотылев, действительно, серьезно оспаривает наше утверждение. Но это одна лишь видимость. В самом деле, что утверждается нами? Что необходимость обобществления частного сектора до тех пор, пока вес его велик, замедляет наш рост в настоящем, но в то же время обещает ускорение темпов в ближайшем будущем. А т. Мотылев излагает то же самое, но своими собственными словами. «Замедляющее» действие частного сектора — это и для него *бесспорный* факт. Но, видите ли, *из года в год* это замедляющее действие будет ослабляться, и мы будем поэтому «ускорять темп развития». Да ведь это именно мы и утверждали. В чем же наша ошибка? Вот уж поистине: «Не вмер Данило — болячка его задавила».

Неукротимый полемист даже там, где ему ровно нечего возразить, делает суровое лицо и укоряет нас в ошибках в надежде, что читатель не разберется и поверит ему на слово.

Кто же отступает?

Чтобы решить этот вопрос по-деловому, надо прежде всего точно установить предмет и границы спора. Со своей стороны мы оспаривали вы-

---

[1] «Большевик», 1928, № 13—14, стр. 114.
[2] «Большевик», 1928, № 17—18, стр. 124.

ступление т. Мотылева в Комакадемии только по двум основным пунктам. Первый из них касался размеров превышения темпов оптимального варианта пятилетки Госплана над отправным. Тов. Мотылев утверждал, что намеченная работниками Госплана разница в темпах по этим двум вариантам явно недостаточна, что оптимальный вариант при сравнении его с отправным резко преуменьшен, как это явствует из сопоставления прироста капитальных затрат по этому варианту на 20% «с их эффектом» всего в 7—8%. Мы же, не отрицая возможности спора по этому пункту, указывали, что так просто этот вопрос не решается, что в определении эффекта капитальных затрат т. Мотылев допустил грубейшую ошибку, что этот эффект следует оценивать не в 7—8%, а по меньшей мере в 30%, и объяснили, почему это так.

Спрашивается, что же признал за собой эту ошибку т. Мотылев или нет? Да, признал. В последней его статье он уже забыл о своих 7—8% и принимает нашу цифру в 30%. Правда, по его словам, и этот эффект в 30% при увеличении капитальных затрат на 20% «является *явно* недостаточным»[1]. Но дальнейший спор по этому вопросу становится совершенно бесплодным, ибо т. Мотылев не выдвигает в защиту своего утверждения ни одного поддающегося проверке аргумента, если не считать ссылки на то, что в новых проектировках пятилетки по оптимальному варианту даются уже более высокие темпы развития, чем в старой пятилетке. Последнее утверждение совершенно правильно. Но верно и то, что в новой пятилетке сильно повышаются и капитальные затраты, и темпы роста не только по оптимальному, но и *по отправному варианту*. И разница между ними по-прежнему остается «явно» неудовлетворительной, если подходить к ней с масштабами т. Мотылева.

В самом деле, вот какое сопоставление получается по последнему варианту Госплана и ВСНХ (декабрь 1928 г.) в сравнении с «Перспективной ориентировкой 1927 г.» (см. табл. 3).

Приведенные показатели еще подлежат дальнейшей проработке и уточнению. И мы надеемся, что «вилка» между обоими вариантами, в которую мы хотим уловить действительное развитие, еще расширится. Но во всяком случае пока что мы стоим перед несомненным фактом. При возрастании обоих вариантов расстояние между ними вопреки чаяниям т. Мотылева не увеличилось, а даже сократилось. Правда, капитальные вложения и в новой проектировке по оптимальному варианту на 20% превышают отправной. Но эффективность их, выраженная в приросте продукции, вместо 43% дает ныне только 21% прироста.

И понять ошибку т. Мотылева, не предвидевшего такой возможности, можно лишь вспомнив следующее наше замечание: эффективность вложений нельзя измерять *только* объемом продукции. Снижение себестоимости и соответствующий ему рост производительности труда тоже являются весьма существенным показателем эффективности затрат. А этот показатель вырастет для оптимального варианта в последней проектировке значительно быстрее, чем в прежних.

Тов. Мотылев отказался от своего сопоставления капитальных затрат в 20% с их «эффектом» в 7—8%. Но как? Сначала он пытался отрицать самый факт такого сопоставления. А когда это не прошло, он избирает такую гипотетическую формулу: «Допустим, что соответствующее место в первой статье не отличалось достаточной ясностью и давало основания для такого толкования»[2].

Как видим, и здесь мы имеем дело только с полупризнанием. Однако факт остается фактом. Статья т. Мотылева напечатана, наши цитаты из нее могут быть в любое время проверены. И нам незачем делать гипоте-

---

[1] «Большевик», 1928, № 17—18, стр. 123.
[2] Там же, стр. 128.

Таблица 3

Эффективность вложений в планируемую госпромышленность по проектам пятилетнего плана

Варианты плана	Капитальные вложения за 5 лет в млн. руб. с учетом снижения строительного индекса	Показатели эффективности вложений						
		валовая продукция						Прирост производительности труда в %
		в ценах 1926/27 г.			с учетом снижения цен			
		за 5-й год пятилетки (в млн. руб.)	прирост за пять лет		за 5-й год пятилетки (в млн. руб.)	прирост за пять лет		
			абс.	в %		абс.	в %	
1	2	3	4	5	5	7	8	9
На 1927/28—1931/32 гг.								
Оптимальный	7 124	15 763	7 998	103,0	12 160	4 395	56,6	62,3
Отправной	5 791	13 814	6 049	77,9	10 832	3 067	39,2	56,9
Разница, абс.	1 333	1 949	1 949	25,1	1 328	1 328	17,4	5,4
В % к отправному варианту	23,0	14,1	32,2	32,2	12,3	43,3	44,4	9,5
На 1928/29—1932/33 гг.								
Оптимальный	13 087	28 981	18 157	167,7	20 753	10 568	103,8	94,9
Отправной	10 900	24 793	13 997	130,0	19 074	8 732	84,0	83,0
Разница, абс.	2 187	4 188	4 160	37,7	1 679	1 836	19,8	11,9
В % к отправному варианту	20,1	16,9	29,7	28,9	8,8	21,0	23,6	14,3

гические допущения. Выступление т. Мотылева в отмеченном нами месте отличалось полной ясностью. И допущенную им ошибку можно ликвидировать только полным и открытым ее признанием.

Второй пункт нашего спора касается того недоразумения, по которому т. Мотылев, сопоставляя госплановский оптимальный вариант пятилетки с вариантом ВСНХ, хулил один, хвалил другой и вообще рассматривал их как два совершенно самостоятельных варианта. Мы доказали точными фактами и ссылками на печатные документы, что оба эти варианта ровно ничем не различаются и, стало быть, ни один из них не обладает никакими преимуществами перед другим. Тов. Мотылев не мог этого оспорить. Но и тут он, не желая признать свою ошибку открыто, отделывается лишь весьма глухим полупризнанием: «Т. С[трумилин] смог выявить лишь наличие в моих статьях пары частных замечаний, основанных, быть может (!?), на недоразумении» [1].

Кто читал нашу полемику, тот знает, что дело шло не о частных замечаниях, а о весьма категорических нападках т. Мотылева на работу Госплана путем противопоставления ей якобы значительно лучшей работы ВСНХ. Комическое недоразумение, в которое здесь впал т. Мотылев, не вызывает никаких сомнений. Почему же он затрудняется это прямо, по-большевистски признать и тем самым закончить без нужды затянувшийся спор?

Мы не станем решать этот вопрос. На наш взгляд, т. Мотылев недаром назвал свою статью: «Прикрытое отступление». Прикрытое отступление т. Мотылева, несмотря на все его полемические приемы, заслуживающие лучшей участи, достаточно обнаружилось. И продолжать спор дальше было бы совершенно бесполезной тратой времени.

[1] «Большевик», 1928, № 17—18, стр. 127.

XV. ТАРИФНАЯ ПРОБЛЕМА В СССР[1]

1. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТАРИФОВ

Железнодорожные тарифы, как известно, и у нас, в СССР, и на буржуазном Западе строятся по принципу довольно резкой дифференциации в зависимости от двух моментов: от различной стоимости перевозимых грузов, во-первых, и от дальности их перевозок — во-вторых.

В горячей полемике, которая возникла в связи с пересмотром всей системы действующих тарифов, была подвергнута сомнению, между прочим, целесообразность и закономерность этого принципа дифференциации, составляющего самую основу действующей тарификации перевозок. То или иное разрешение этого спора чревато серьезнейшими последствиями не только для нашего транспорта, но и для перспектив развития всего нашего хозяйства СССР в целом.

В чем же суть этого спора?

Зачинщик спора Бессонов утверждает, что существующая дифференциация тарифов является результатом неправильного теоретического подхода к построению тарифов. Наши тарификаторы придерживаются, дескать, заведомо неприемлемой для нас, марксистов, теории «платежеспособности грузов», представляющей собой транспортную модификацию пресловутого «закона» спроса и предложения. Именно из-за этой теории платежеспособности и получилась столь резкая дифференциация действующих тарифных ставок. Со своей стороны Бессонов рекомендует строить тарифы, отбросив прочь чисто рыночный принцип платежеспособности и заменив его в качестве опорного пункта «объективно производственным принципом издержек производства или себестоимости». При этом предполагается, что себестоимость железным дорогам перевозок разных грузов не может зависеть от различной *оценки* этих грузов и должна по общему правилу возрастать только пропорционально весу грузов и расстоянию перевозок. Говоря иначе, всякая дифференциация тарифных ставок в зависимости от ценности грузов и дальности перевозок принципиально *отвергается*. А всякие отступления от этого принципа допускаются лишь в качестве временного компромисса, вынужденного невозможностью слишком резкой ломки установившихся на транспорте грузовых потоков и соответствующего им размещения производственных фондов.

В какой мере прав Бессонов в своих утверждениях?

На наш взгляд, он прав только в одном. Пользовавшаяся до сих пор большим влиянием у тарификаторов из НКПС *теория платежеспособности грузов* должна быть отвергнута. Как и все другие модификации теории спроса и предложения, она скользит лишь по поверхности явлений

---

[1] «Плановое хозяйство», 1928, № 8.

рынка и потому не может нам дать сколько-нибудь удовлетворительное объяснение протекающих гораздо глубже процессов ценообразования. Как в начале нашего спора, так и теперь мы не менее решительно, чем и сам Бессонов, отвергаем эту крайне убогую, мещански поверхностную и явно фетишистскую теорию уже потому, что она не дает нам достаточного объяснения фактов и надежного руководства в практическом построении тарифов.

Но из того, что какая-либо *теория* плохо объясняет и обосновывает действующую *практику* тарификации, отнюдь еще нельзя без дальнейших обоснований отвергать вместе с теорией и практику дифференциальных тарифов. В этом пункте, т. е. в отрицании закономерности и целесообразности существующей и у нас и на Западе *практики* дифференциальных тарифов, Бессонов, на наш взгляд, глубоко не прав. И в этом мы видим основной смысл и интерес нашего спора.

Бессонов поднимает спор на принципиальную высоту. Он переносит его в область теории. И в этом его заслуга. В своих теоретических предпосылках мы с Бессоновым стоим на базе марксизма. Значит, *объективная* возможность договориться у нас имеется. Попробуем же еще раз по-деловому объясниться и реализовать эту возможность.

Практика дифференциальных тарифов представляет собою экономический факт, который можно расценивать по-разному. Но прежде всего его надо объяснить. Откуда эта практика возникла, где ее корни в прошлом, почему она не отмирает в настоящем? Теорию платежеспособности мы отвергаем. Значит, надо предложить другую, более приемлемую с точки зрения марксизма. Что же дает нам в этом отношении Бессонов?

Вчитываясь в опубликованные им статьи, можно извлечь даже два ответа на поставленный вопрос. Один сводится к тому, что существующая практика тарификации объясняется тлетворным влиянием австрийской школы политической экономии на умы наших тарификаторов. Второй — объясняет эту практику как результат спекулятивных махинаций железнодорожных магнатов. Оба ответа, на наш взгляд, равно неудовлетворительны. И мы их решительно отвергаем.

Бессонов пишет: «Теоретический принцип платежеспособности представляет собой прямое порождение австрийской теории ценности, выводящей ценность из предельной полезности благ. Субъективная ценность перевозки для грузоотправителя в качестве основания для назначения провозных плат составляет теоретический лейтмотив всех тарифных рассуждений, начиная от Эмиля Закса в Германии и Витте в России и кончая современными теоретиками этого дела — Загорским, Оранжереевым и др. Теория тарифов — это последнее убежище, в котором австрийская школа уцелела в Советском Союзе, ничем не тревожимая и в полной теоретической сохранности» [1].

О чем здесь идет речь? Если только об идеологическом родстве теорий Витте, Загорского и других тарификаторов с постулатами австрийской школы, то мы вполне присоединяемся к сказанному с той лишь поправкой, что теория тарифов, увы, отнюдь еще не *последнее* убежище австрийцев на нашей почве. А если о том, что не только теория, но и практика наших тарифов есть «прямое порождение австрийской теории», то, конечно, мы отнюдь не склонны незаслуженно приписывать этой теории так много чести.

Идеи теоретиков вообще отнюдь не определяют собою экономического бытия, а, наоборот, сами определяются этим бытием.

Роль личности «австрийцев» в истории построения тарифов едва ли сколько-нибудь заметна даже на родной им по духу почве монополистического капитализма. А в наших, советских условиях растлевающее влия-

---

[1] «Экономическая жизнь», 18 февраля 1928 г.

ние буржуазной австрийской школы на экономику социалистического транспорта, которым кого-то пугает Бессонов, это и вовсе жупел, которым, конечно, можно еще привести к молчанию более робких оппонентов из числа беспартийных специалистов, но убедить кого-либо в серьезной опасности для нас этого влияния едва ли возможно.

Но у Бессонова имеется в запасе еще одно объяснение происхождения дифференциальных тарифов. Опровергая вздорное обоснование принципа платежеспособности у буржуазных экономистов идеями «справедливости», Бессонов утверждает: «На самом деле дифференциация тарифов по родам грузов и по расстояниям *целиком выросла из политики рефакций и вымогательства,* при которой вся справедливость железных дорог сводилась к тому, чтобы драть с мелкого (и бедного) грузоотправителя как можно больше, а с крупного (и богатого) как можно меньше» [1]. И в другом месте, ссылаясь на приведенное у Маркса разоблачение той же политики рефакций и вымогательств со стороны железнодорожных монополистов, он пишет еще решительнее: «Итак, для Маркса принцип платежеспособности («прямо пропорционально стоимости товаров») *был лишь результатом спекулятивных махинаций железнодорожных магнатов,* искажавших во имя своих интересов подлинную природу ценообразования на транспорте «пропорционально протяжению и весу», т. е. пропорционально издержкам перевозок» [2].

Разоблачение махинаций магнатов капитала дело при всяких обстоятельствах весьма полезное и похвальное. Но объяснение фактических *процессов ценообразования* в капиталистическом обществе *политикой вымогательств* или иных *спекулятивных махинаций* магнатов капитала, как это делает здесь Бессонов, едва ли приемлемо для марксиста. Но особенный протест вызывают такие утверждения, когда они связываются с именем Маркса.

Мы уже отмечали в печати, и теперь нам остается лишь повторить здесь, что, на наш взгляд, совершенно недопустимо навязывать Марксу столь поверхностные и плоские объяснения. Конечно, железнодорожные магнаты не менее всяких других склонны к наживе, вымогательству и спекуляциям. Но злая воля таких магнатов проявляется в действии лишь постольку, поскольку это допускают объективные законы экономики капиталистического общества. И задача экономиста — путем углубленного анализа вскрыть эти объективные законы, вместо того чтобы беспомощно плавать на поверхности всякого рода спекуляций и махинаций. Железнодорожные тарифные ставки, как и другие цены в капиталистическом обществе, отнюдь не случайно отклоняются от стоимости. Эти отклонения — и конъюнктурные и стойкие — можно и должно объяснить. Но если бы Маркс хотел объяснять все отклонения цен от стоимости в капиталистическом обществе «целиком» одними лишь спекулятивными махинациями магнатов капитала, то ему не пришлось бы писать III том «Капитала». И различный уровень органического строения капитала, и регулирующее действие закона равной прибыли, и роль земельной ренты в процессах ценообразования — все это оказалось бы совершенно излишними теоретическими тонкостями перед лицом столь осязательных и толстых фактов, как вымогательство капиталистов.

— Ну, а если бы магнаты капитала,— спрашивали мы уже раз Бессонова,— в один прекрасный день вовсе отказались от всяких спекулятивных махинаций и занялись бы только вполне солидной коммерческой деятельностью? Отпали бы с этого дня отклонения цен от стоимости в капиталистическом обществе вообще и на транспорте в частности или нет?

---

[1] «Транспорт и хозяйство», 1928, № 5, стр. 73. Курсив наш. — *С. С.*

[2] «Экономическая жизнь», 16 марта 1928 г. Курсив наш. — *С. С.*

Бессонов, уже дважды выступавший против нас в печати, на этот вопрос не ответил ни полслова. Мы с удовлетворением принимаем этот молчаливый отказ от неудачной попытки навязать Марксу такой вывод, которого он никогда бы не сделал, и поставим на этом месте точку.

Факт дифференциации тарифов остался, таким образом, у Бессонова без достаточного объяснения с точки зрения теории Маркса. И нам предстоит самим разрешить эту задачу. Но предварительно придется устранить следующее существенное недоразумение.

Сражаясь во славу марксистской ортодоксии с буржуазным «принципом платежеспособности» в области тарифной политики, Бессонов весьма решительно предлагает заменить его «принципом себестоимости». Несведущий читатель мог бы на этом основании подумать, что «принцип себестоимости» представляет собою образчик менее буржуазной или даже последовательно социалистической идеологии. Но в этом кроется глубочайшее недоразумение. Правда, по созвучию термины «себестоимость» и «трудовая стоимость» весьма родственны. Однако по своему содержанию они так же далеки и чужды друг другу, как вульгарная политэкономия — учению классиков буржуазной политической экономии и К. Маркса.

Бессонов с удовлетворением констатирует, что «в области промышленных цен давление жизни давным-давно заставило уже буржуазную мысль отказаться от чисто рыночной («австрийской») теории ценообразования и ввести в свою теорию цен (даже монопольных) в качестве опорного пункта объективно производственный принцип издержек производства или себестоимости» [1]. Это не совсем точно, ибо даже родоначальник австрийской школы Бем-Баверк никогда не отказывал в известном признании принципу издержек производства. Точнее было бы сказать, что буржуазная мысль всегда воздавала честь и закону спроса и предложения и принципу «себестоимости» как «одинаково правомерным факторам ценообразования». Но о чем же это свидетельствует? Да только о том, что оба они в равной мере являются плодами буржуазной, а не социалистической идеологии. И с этой точки зрения для нас хрен редьки не слаще.

Правда, трактуя о *ценах*, и Маркс не отказывался пользоваться категорией издержек производства. Но ведь в применении к ценам Маркс не отрицал и действия закона спроса и предложения [2]. Более того, именно действием этого закона рыночной конкуренции он объясняет те отклонения цен от стоимости, которые приводят в капиталистическом обществе к равенству нормы прибыли в разных сферах производства. Существенная разница между Марксом и апологетами буржуазного строя в этом отношении сводится, однако, к тому, что Маркс, отнюдь не отрицая роли издержек производства и соотношения спроса и предложения в процессах ценообразования, не ограничивался этим, а шел дальше в своем анализе ценообразования вплоть до основной его базы, т. е. до закона стоимости, а буржуазные экономисты вполне удовлетворяются своими плоскодонными принципами платежеспособности и себестоимости, категорически отрицая в то же время закон стоимости со всеми его последствиями.

Почему же Бессонов отдает столь решительное предпочтение буржуазному принципу себестоимости перед таким же буржуазным принципом платежеспособности?

С нашей точки зрения, это можно объяснить только тем, что в себестоимости он усматривает уже прямое отражение закона стоимости, т. е. тем, что он чересчур решительно сближает эти понятия. Иной раз он их сближает даже до полного отождествления. В полемике с Батицким у него

---

[1] «Плановое хозяйство», 1928, № 6, стр. 63.

[2] См. К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25. ч. I, стр. 197 и сл.

имеется, например, такое утверждение: «В действительности принцип себестоимости или издержек производства, вообще говоря, насчитывает за собой не 70 лет существования, как думает т. Батицкий, а по меньшей мере *несколько тысячелетий»* [1]. Это очень смелое утверждение. Бессонову известно, что издержки производства плюс средняя норма прибыли, т. е. цены производства, по Марксу, регулируют обмен товаров только начиная с капиталистической эры, а до этого обмен осуществлялся по трудовой стоимости. Значит, следуя за Бессоновым, приходится признать одно из двух: либо капитализм существует уже несколько тысяч лет, либо сам Бессонов вовсе не различает себестоимости от трудовой стоимости.

А между тем различать их необходимо. Говоря словами Маркса, «обмен товаров по их стоимостям или приблизительно по их стоимостям требует поэтому гораздо более низкой ступени, чем обмен по ценам производства, для которого необходима определенно высокая степень капиталистического развития» [2]. Бессонов не должен упускать из виду, что в себестоимости учитываются только денежные, а не полные трудовые затраты. Так, например, вместо полных затрат живого труда там находит свое отражение лишь выплаченная за этот труд зарплата. А наряду с этим в себестоимость включаются акцизы, пошлины, налоги и тому подобные издержки, вовсе не обусловленные трудовыми затратами. Спрашивается, может ли исчисленная таким образом себестоимость в какой-либо мере сближаться с понятием трудовой стоимости? Конечно, не может. И мы это, надеюсь, в достаточной степени иллюстрировали конкретным анализом советской калькуляционной практики [3].

Бессонов совершенно прав, когда он, следуя за Марксом, утверждает, что транспорт является таким же материальным производством, как и всякая другая отрасль промышленности, и выводит отсюда, что и законы образования *стоимости* на транспорте не должны ничем отличаться от образования ее во всех остальных сферах материального производства. Это безусловно верно, хотя и не ново. Не понятно только, зачем Бессонову понадобилось изображать нас противниками этого тезиса и поучать нас такими ссылками на Маркса, которые мы сами уже неоднократно использовали в печати и притом даже раньше Бессонова.

Однако из того верного положения, что законы образования *стоимости* на транспорте те же, что и в промышленности, нельзя еще сделать никаких полезных выводов для тарификации перевозок, ибо тарифы отражают в себе рыночные цены, а не трудовую стоимость перевозок. Цены же нашей продукции и на транспорте и в промышленности отнюдь не совпадают со стоимостью этой продукции. Правда, *средний уровень* этих цен для всего общественного производства целиком определяется законом стоимости, но по отдельным производствам мы имеем очень большие отклонения от этого уровня. Причем именно потому, что это *отклонения* от стоимости, их нельзя выводить из *закона стоимости,* а нужно привлекать к объяснению еще какие-то иные дополнительные экономические категории. И всякому марксисту должно быть понятно, что такими *дополнительными* факторами ценообразования в капиталистическом обществе являются стихийные законы рынка, а у нас, в плановом хозяйстве,— сознательная экономическая политика Советской власти.

Бессонов, приписывая нам мысль, «что транспорт не то, что промышленность, что это, пожалуй, даже не материальное производство, что это простой «накладной расход» на промышленное производство и что по-

---

[1] «Транспорт и хозяйство», 1928, № 5, стр. 70. Курсив наш.— *С. С.*

[2] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25. ч. I, стр. 193.

[3] С. Г. Струмилин. Процессы ценообразования в СССР, «Плановое хозяйство», 1928, № 5, 6, 7. В наст. издании стр. 346—397.

этому законы ценообразования в промышленности не могут относиться к транспорту»[1], явно не понял и потому исказил нашу мысль до неузнаваемости. Никогда таких вещей мы не утверждали. В «Экономической жизни» от 2 марта 1928 г., на которую ссылается наш оппонент, сказано только следующее: «...Транспорт обслуживает все народное хозяйство в целом. По отношению к этому последнему издержки транспорта являются необходимыми *накладными* издержками. И вопрос о таксировке отдельных грузов есть вопрос о *распределении накладных расходов общественного производства* по транспорту между отдельными видами продукции».

В обывательском представлении «накладные» расходы — это прежде всего нечто, гонимое Рабкрином, иначе говоря, это заведомо излишние, непроизводительные расходы, которые надо всемерно сокращать, если уже их нельзя совсем избегнуть. Но Бессонов, столь рьяно пропагандирующий ориентировку на издержки производства, мог бы несколько лучше разбираться в таких понятиях, как прямые и накладные издержки. К сведению Бессонова можем сообщить, что в понятии накладных затрат нет ничего одиозного. Накладные расходы производства, по общему правилу, столь же общественно необходимы и производительны, как и прямые производственные затраты. Калькуляционная практика промышленности, которую Бессонов сам желает распространить и на транспорт, всегда относила к накладным издержкам производственные затраты всех *обслуживающих* основное производство цехов и вспомогательных производств, к которым обычно относится не только собственный транспорт трестов, но и силовые станции этих трестов, ремонтные мастерские и т. д. Мы идем дальше этой практики лишь в том отношении, что выходим за рамки отдельного треста и говорим о всем общественном производстве в целом.

Наперекор утверждению Бессонова мы думаем, что законы образования стоимости и цен на транспорте таковы же, как и во всех остальных сферах хозяйства. Издержки производства на транспорте должны исчисляться так же, как и в промышленности. Разделение на прямые и накладные издержки мы заимствовали именно из индустриальной калькуляционной практики. Мы лишь распространяем ее на все народное хозяйство в целом. И говорим, что если бы мы мысленно объединили все это хозяйство в единый трест, то затраты транспортной промышленности, обслуживающей нас перевозками, наряду с затратами районных электростанций, снабжающих нас энергией, и затратами целого ряда других обслуживающих производств нам пришлось бы рассматривать в цене конечного продукта как *накладные* затраты.

Можно ли оспаривать, что транспортная промышленность *обслуживает* народное хозяйство? Едва ли. Правда, Бессонов пытается это сделать ссылкой на Маркса, который рассматривает ее как «*самостоятельную* отрасль производства». Но ведь и производство электрической энергии давно уже сложилось у нас в самостоятельную отрасль промышленности. И тем не менее мы не можем ее рассматривать как вполне *самодовлеющее* производство, в отрыве от тех производств, которые оно призвано обслуживать своей энергией. Не является самодовлеющим, несмотря на свою организационную самостоятельность, и транспорт. Недаром Маркс говорит о «дополнительном производственном процессе транспортной промышленности»[2]. Это значит, что продукцией транспорта надо считать не исчисляемые нами в качестве измерителя его работы тонна-километры, а те материальные грузы, перемещаемые в пространстве, производство которых восполняется этим «дополнительным» процессом их перемещения к месту назначения. Иначе говоря, грузовой

[1] «Плановое хозяйство», 1928, № 6, стр. 67.

[2] К. Маркс. Капитал. т. II. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 169.

транспорт можно рассматривать лишь как заключительную стадию общественного производства.

Чем же должна определяться стоимость перевезенных транспортом *грузов?*

Мы отвечаем на это в полном согласии с теорией Маркса: стоимость их определяется суммой трудовых затрат во всех стадиях производства, не исключая заключительной стадии, т. е. работы транспорта. Но, анализируя отдельные слагаемые этой суммы, мы сталкиваемся с проблемой прямых и накладных затрат вообще и с проблемой затрат транспорта, зависящих и не зависящих от движения, в частности.

Прямые затраты — это те, которые могут быть по условиям производства с полной определенностью отнесены непосредственно к тому или иному конкретному продукту или однородной по качеству группе продуктов. Их, стало быть, можно отнести к стоимости этих продуктов безо всяких условностей. Но благодаря *общественному характеру современного крупного производства* имеется целый ряд трудовых затрат, обслуживающих одновременно производство целого комплекса разнокачественных благ. Это так называемые накладные затраты. Например, труд инженера, руководящего всей фабрикой или даже целым комбинатом фабрик и заводов. Мы знаем, что этот труд производительный, образующий стоимость. Но в какой доле его следует разнести на разные товары, выпускаемые, скажем, таким комбинатом, как Югосталь? Это вопрос уже более сложный. Однако калькуляционная практика отвечает на него довольно решительно, распределяя такого рода накладные затраты пропорционально прямым. И это, на наш взгляд, единственно приемлемый с точки зрения теории трудовой стоимости метод. Труд *общественного* обслуживания производства на какой-либо его стадии, если мы не хотим внести произвола в определение относительной ценности для нас разных благ, может быть разлагаем между ними лишь пропорционально уже учтенной на предшествующих стадиях производства их удельной трудоемкости или, что то же, пропорционально *прямым* затратам овеществленного в них труда.

Применяя этот принцип распределения индивидуально неразложимых затрат к транспорту, мы относим к ним все так называемые не зависящие от движения затраты. Сюда относится содержание управленческого аппарата, ремонт станционных строений, амортизация их и целый ряд других расходов того же рода. Их величина заведомо ничем не связана ни с родом, ни с весом перевозимых грузов, ни с дальностью их пробегов. Это типичные накладные расходы. Их можно относить к тем или иным категориям грузов только условно, пропорционально овеществленному в них труду, тогда как зависящие от движения затраты в качестве прямых расходов транспорта поддаются точному отнесению к тем или иным грузам и возрастают, согласно теории в прямой пропорциональной зависимости от веса и дальности пробегов данных грузов.

Как видим, для того чтобы прийти к этим выводам, нам отнюдь не приходилось апеллировать к принципу платежеспособности, закону спроса и предложения и тому подобным рыночным факторам. Мы целиком оставались до сих пор на почве закона трудовых затрат и той практики калькуляции издержек производства, какая у нас господствует во всех отраслях промышленности. И тем не менее наши выводы заключают в себе вполне достаточное теоретическое определение существующей практики дифференциальных тарифов на транспорте. В своих статьях в «Экономической жизни» мы уже иллюстрировали это цифровым расчетом [1]. Воспроизведем этот расчет еще раз.

[1] С. Струмилин. Тарифная проблема в плановом хозяйстве. «Экономическая жизнь», 2 марта 1928 г.; «Еще о тарифной проблеме». «Экономическая жизнь», 4 и 6 апреля 1928 г.

Зависящие от движения издержки железных дорог составляют у нас ныне примерно около 0,5 коп. из расчета за тонна-километр груза. Не зависящие и мало зависящие от размеров грузооборота затраты можно оценить грубо в 4% от стоимости поступающих на железные дороги грузов. Исходя из этих коэффициентов, издержки транспорта по перевозкам различных грузов за тонну можно выразить в зависимости от цены груза и дальности его пробега следующей весьма элементарной формулой: $x = 0{,}5\,l + 0{,}04\,v$, где l — тарифное расстояние в километрах, а v — оценка груза франко — станция отправления в рублях и копейках за тонну. Допустим, что нам нужно протарифицировать три груза: дрова, ценою 6 руб. за тонну, зерно ценою 60 руб. за тонну и какие-либо промизделия, например сахар, ценою 600 руб. за тонну. Тогда получим следующую таблицу (см. табл. 1).

Таблица 1

Издержки железных дорог по перевозке тонны груза
(в рублях и процентах от оценки груза *)

Пробег в км	Дрова (6 руб.)				Зерно (60 руб.)				Промизделия (600 руб.)			
	издержки		итого		издержки		итого		издержки		итого	
	зависящие	независящие	абс.	%	зависящие	независящие	абс.	%	зависящие	независящие	абс.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
50	0,25	0,24	0,49	8,2	0,25	2,40	2,65	4,4	0,25	24,00	24,25	4,04
100	0,50	0,24	0,74	12,3	0,50	2,40	2,90	4,8	0,50	24,00	24,50	4,08
200	1,00	0,24	1,24	20,7	1,00	2,40	3,40	5,7	1,00	24,00	25,00	4,17
300	1,50	0,24	1,74	29,0	1,50	2,40	3,90	6,5	1,50	24,00	25,50	4,25
500	2,50	0,24	2,74	45,7	2,50	2,40	4,90	8,2	2,50	24,00	26,50	4,42
1000	5,00	0,24	5,24	87,4	5,00	2,40	7,40	12,3	5,00	24,00	29,00	4,83
2000	10,00	0,24	10,24	170,7	10,00	2,40	12,40	20,7	10,00	24,00	34,00	5,67
3000	15,00	0,24	15,24	254,0	15,00	2,40	17,40	29,0	15,00	24,00	39,00	6,50

* Исключая прямые затраты на погрузку и разгрузку товаров.

Как видим, чем дороже груз на единицу веса, тем медленнее возрастает для него наш перевозочный тариф и тем более дальнюю он может выдержать перевозку. Причем на коротких расстояниях дорогие грузы тарифицируются значительно выше дешевых, а на дальних эта разница постепенно выравнивается. Конечно, фактические тарифы строятся у нас эмпирически, вне всякой зависимости от теории трудовой стоимости и потому далеко не совпадают с нормами нашей таблицы. Но общий характер их изменения в зависимости от ценности груза и тарифного расстояния тот же, что и в нашей таблице.

Насколько наша схема отличается от действующих в 1928 г. тарифов, видно из следующей справки (см. табл. 2).

Как видим, дешевые грузы тарифицируются на близких расстояниях выше, чем следовало бы по нашей схеме, дорогие — ниже. На дальних пробегах все грузы тарифицируются выше нормы. Фактическая дифференциация тарифов для дешевых грузов круче теоретической, для дорогих, наоборот, много положе. Но эти отклонения от нормы объяснимы в порядке учета отклонений цен от стоимости в результате той или иной экономической политики и сами по себе отнюдь не умаляют значения представленной нами схемы.

Конечно, наша схема призвана лишь *иллюстрировать* известную теоретическую мысль. Как и всякая другая схема, она сознательно упро-

Таблица 2

Провозная плата с обязательными дополнительными сборами*
(в рублях и копейках за тонну, по действующему тарифу № 100)

Пробег (в км)	Дрова (6 руб.)				Хлеб в зерне (60 руб.)				Сахар (600 руб.)			
	провозная плата	дополнительные сборы	итого абс.	итого %	провозная плата	дополнительные сборы	итого абс.	итого %	провозная плата	дополнительные сборы	итого абс.	итого %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
50	0,73	0,50	1,23	20,5	1,98	1,17	3,15	5,3	3,79	1,47	5,26	0,9
100	1,08	0,50	1,58	26,3	3,96	1,17	5,13	8,6	7,57	1,47	9,04	1,5
200	1,65	0,50	2,15	35,8	7,92	1,17	9,09	15,2	15,15	1,47	16,62	2,8
300	2,09	0,50	2,59	43,2	9,61	1,17	10,78	18,0	22,21	1,47	23,68	3,9
500	2,85	0,50	3,35	55,8	12,01	1,17	13,18	22,0	34,33	1,47	35,80	6,0
1000	5,67	0,50	6,17	102,9	15,28	1,17	16,45	27,4	55,84	1,47	57,31	9,6
2000	11,37	0,50	11,87	197,9	20,58	1,17	21,75	36,3	67,91	1,47	69,38	11,6
3000	17,03	0,50	17,53	292,2	25,25	1,17	26,42	44,0	79,73	1,47	81,20	13,5

* Сбор за погрузку и выгрузку грузов — 2%; сбор на образовательные цели и местные налоги с грузов не включены. Приняты к учету сборы: 1) станционный, 2) организационный, 3) за взвешивание, 4) особый сбор со складочного помещения.

щает действительные процессы ценообразования на транспорте. На самом деле, «зависящие» от движения расходы изменяются не только в зависимости от веса груза и дальности пробегов, но и от скорости движения и целого ряда других измерителей. Говоря иначе, мы имеем здесь не *прямую пропорциональность* затрат от расстояния, а значительно более сложную функциональную зависимость. Но не эти усложняющие общую картину детали интересуют нас в данном споре.

Самой ценной для марксиста особенностью предложенной схемы является, на наш взгляд, то, что она не требует никаких, даже временных, компромиссов с буржуазной идеологией, никаких эклектических комбинаций из «принципа» себестоимости с «принципом» платежеспособности и тому подобной теоретической мешанины. Целиком стоя на почве закона стоимости, мы обосновываем необходимость дифференциальности тарифов, исходя из одного лишь учета соотношения прямых и накладных издержек труда на транспорте.

Как же реагирует на эту теоретическую установку Бессонов?

Насколько можно понять, он не реагирует на нее никак, так как, по-видимому, даже не заметил этой установки. Согласен он или возражает против неизбежности разнесения «накладных» расходов *всякого* производства пропорционально овеществленным в комплексной продукции прямым затратам труда? Неизвестно. Настаивает ли он по-прежнему на том, чтобы издержки транспорта определялись так же, как и в промышленности, или уже готов установить для транспорта особые методы калькуляции накладных затрат? Неизвестно. Приведенной нами аргументации он вообще не касается, а излагает наш подход следующим образом: «В № 82 «Экономической жизни» т. Струмилин изложил свой способ решения тарифной проблемы, заключающейся в том, что тарифы на 40% строятся по издержкам производства и на 60% — по платежеспособности грузов» [1].

Не ясно ли, что Бессонов упорно не хочет или не может понять, о чем идет спор?

Вопрос нами ставится о том, как следует определять трудовую стоимость перевозимых грузов, а вовсе не о том или ином «сочетании» равно

[1] «Плановое хозяйство», 1928, № 7, стр. 59.

непригодных для этой цели принципов себестоимости и платежеспособности. И Бессонов тщетно пытается ускользнуть от этой постановки спорной проблемы.

Истолковав по-своему предложенный нами способ решения тарифной проблемы, Бессонов оспаривает его следующим образом.

Во-первых, он находит принцип разнесения зависящих и независящих расходов «неверным», но, почему он неверен, не объясняет. Во-вторых, он заявляет, что эксперимент, на который зовет тарифную политику Струмилин, «*не нужен и вреден,* ибо он покоится на неправильных предпосылках», но, какие именно предпосылки неправильны и почему, не сообщает [1]. В-третьих, «в переводе на язык практики», Струмилин, по словам Бессонова, предлагает «полный переворот в современной тарифной системе», угрожающий нам «катастрофой». А в-четвертых, оказывается со слов того же Бессонова, что «если откинуть способ аргументации (Струмилина.— *С. С.*), то самый метод сочетания *двух принципов* не нов. В качестве переходной меры за два месяца до выступления т. Струмилина он был предложен и принят коллегией НКПС по докладу автора этих строк (т. е. Бессонова. — *С. С.*)» [2].

Итак, выдвинутое нами решение тарифной проблемы не только неверно, ненужно и катастрофически вредно, но к тому же еще и не ново, так как Бессонов предложил его месяца на два раньше нашего. Это курьезное предъявление авторских прав со стороны Бессонова даже на «неверные», «ненужные» и «вредные» идеи своих оппонентов, как и всякое проявление самоотвержения, заслуживает всяческого поощрения. И потому мы охотно уступаем ему эклектическую похлебку из «двух принципов» в области тарифных построений, которая ему принадлежит по праву. Но нам кажется, что столь легко «откинутый» им «способ аргументации» за идею дифференциальных тарифов заслуживал с его стороны большего внимания.

Можно даже усомниться, понял ли Бессонов предложенный нами принцип разверстки независящих расходов. «Ошибка т. Струмилина,— по объяснению нашего оппонента,— заключается в том, что он «независящие расходы» (к тому же преувеличенно исчисленные) включает в тарифы всегда в одном и том же размере, независимо от расстояния. Между тем совершенно очевидно, что известная часть «независящих» расходов, падающих на данную перевозку, *обратно пропорциональна* дальности пробега» [3].

В этих словах явное недоразумение. Никаких таких расходов, которые падали бы на данную *перевозку* обратно пропорционально дальности пробега, не бывает. И на проф. Михальцева Бессонов напрасно ссылается. Нет у проф. Михальцева об этом ни слова. По-видимому, речь идет не о «перевозке», а о пудо-верстной ставке. Вот из расчета на 1 пудо-версту или 1 тонна-километр не зависящие от движения затраты действительно падают обратно пропорционально пробегу. И если Бессонову именно это «совершенно очевидно», то в чем же наша ошибка? Ведь именно потому независящие расходы и падают обратно пропорционально пробегу из расчета на тонна-километр, что они *не зависят* от дальности пробега. Например, «независящие» затраты по перевозке тонны зерна составляют по нашей прикидке за всю перевозку 2 р. 40 к. независимо от пробега. Это значит, что на 1 тонна-километр при пробеге в 10 *км* эти затраты составят 24 коп., а при 100 *км* пробега — 2,4 коп. Зависимость явно обратно пропорциональная. Против чего же возражает Бессонов?

В качестве конкретного возражения против нашей схемы Бессонов выдвинул еще следующее: Струмилин, на его взгляд, «переоценивает»

[1] «Экономическая жизнь», 4 мая 1928 г. Курсив наш. — *С. С.*
[2] «Плановое хозяйство», 1928, № 7, стр. 59.
[3] Там же, стр. 63.

значение так называемых независящих расходов железных дорог, определяя их в 60%. «Лет 30—40 назад такая цифра могла казаться приемлемой. Сейчас она *явно* устарела» [1]. И в доказательство этого Бессонов ссылается на всевозможные литературные источники, беспокоит имена разных профессоров и не делает только одного, не заглядывает в текущую отчетность НКПС. А если бы он заглянул туда, то нашел бы как раз ту цифру, которую оспаривает [2]. Впрочем, ему кто-то уже указал его ошибку. И в последнем своем выступлении он уже сам удостоверяет: «Действительно, официальные отчеты так именно и оценивают долю «независящих» расходов на железных дорогах» [3]. И теперь он пытается лишь ослабить это признание тем, что деление не зависящие и независящие расходы весьма условно и что при желании можно эту официальную отчетную цифру снизить до 30 и даже до 25%.

Может быть, это и так. Мы не проверяли расчетов проф. Михальцева и Фролова. Но именно поэтому мы предпочитаем пользоваться вместо весьма сомнительных выкладок и извлечений из вторых рук подлинными отчетами НКПС тем более, что, если бы принятую нами цифру пришлось понизить, предложенная нами схема расчета от этого отнюдь не изменилась бы. Переводя спор на конкретные *цифры*, которые могут быть даны только правильно поставленной отчетностью, Бессонов уходит от существа спора о *методах* определения стоимости перевозок.

Констатируя это, мы в конце концов приходим к следующим выводам. Отрицая правомерность факта дифференциальных тарифов в советском хозяйстве, Бессонов не представил достаточного теоретического объяснения *наличности* этого факта. Но, как нами показано, оно имеется и может быть дано на основе анализа процессов образования трудовой стоимости, общих и для транспорта и для промышленности. Бессонов должен либо заняться по существу этим анализом и опровергнуть его методологические основания, либо пересмотреть в корне свое отношение к принципу дифференциации тарифов на транспорте.

2. ТАРИФЫ И ПЛАН

Мы считаем установленным, что известная дифференциация тарифных ставок по стоимости грузов и тарифному расстоянию не только не противоречит, но даже прямо вытекает из теоретически правильного метода калькуляции трудовых затрат на транспорте.

Если мы от учета трудовых затрат перейдем к более легкому в наших условиях учету денежных затрат, образующих так называемую себестоимость перевозок, то и здесь различие в методах разнесения зависящих и независящих расходов неизбежно приведет нас к той же дифференциации тарифов. И если это до сих пор не вошло еще прочно в практику калькуляции перевозочных тарифов, то это прежде всего объясняется той особенностью транспортной промышленности, что она всегда работает, так сказать, на чужие грузы. Их стоимость транспорту по общему правилу даже неизвестна. В результате железные дороги калькулируют не реальную стоимость этих грузов франко — станция прибытия, а только себестоимость какой-то весьма абстрактной средней величины, именуемой «тонна-километром». Если мы в конце концов твердо усвоим себе, что транспортная промышленность, как и всякая другая, призвана производить реальные товары, а не отвлеченные тонна-километры, и примем к учету при разнесении накладных затрат транспорта различную стои-

---

[1] «Экономическая жизнь», 4 мая 1928 г.

[2] «Сводный годовой отчет по железнодорожному транспорту за 1924/25 г.», изд. НКПС. М., 1926, стр. 52—53; то же за 1925/26 г., 1927, стр. 10.

[3] «Плановое хозяйство», 1928, № 7, стр. 59.

мость этих товаров, то никаких споров о методах калькуляции перевозочных тарифов у нас не возникнет.

Но можем ли мы работу советского тарификатора ограничить элементарной задачей калькуляции фактических издержек перевозок того или иного груза для определения тарифной ставки или должны признать его задачу в плановом хозяйстве значительно сложнее?

В тезисах «О порядке генерального пересмотра тарифов», предложенных Бессоновым в феврале 1928 г. НКПС, сказано:

«*Единственным* принципом тарифной системы, *соответствующим природе советского хозяйственного строя, задачам правильного* развития районов и основам рационального транспортного хозяйства, является принцип *реальной стоимости* (издержки производства плюс фонд накопления) *транспортной продукции,* который и следует положить в основу советской тарифной системы». Если принять этот тезис *всерьез,* то проблема тарификации сведется к простой арифметике. Исчисляются «издержки производства», приплюсовывается установленный процент прибыли — и дело в шляпе. Цена перевозок зафиксирована.

Но где же в таком случае место для той или иной *плановой* экономической политики в области транспорта? Разве «природа» советского хозяйства противоречит задачам сознательного планового воздействия на народное хозяйство путем той или иной политики цен вообще и тарифной политики в частности? И разве обобществленный транспорт не является той командной высотой, овладев которой мы получаем один из наиболее мощных рычагов воздействия на всю экономику страны?

Достаточно только поставить эти вопросы, чтобы отвергнуть всякую схему, которая, совлекая нас с пути экономической политики на путь тарифной арифметики, вырывала бы у нас из рук в эпоху величайшей социальной революции один из важнейших рычагов регулирования хозяйственных процессов. Лишь в совершенно заоблачном отрыве от реальной действительности можно впасть в такой теоретический транс, из которого родятся подобные регулятивные идеи. Конечно, мы чрезвычайно нуждаемся в доброкачественной тарифной арифметике, точно определяющей стоимость перевозок в различных транспортных условиях, но не для того, чтобы автоматически фиксировать эти нормы в своде действующих тарифов, а лишь для того, чтобы сознательно отступать от них в ту или другую сторону в связи с намеченной хозяйственным планом экономической политикой.

Относится ли серьезно к своему тезису сам Бессонов? Это мне не совсем ясно. В его статьях на этот счет имеются довольно разноречивые утверждения.

В самом деле, посмотрим, как ставит и разрешает Бессонов чрезвычайно актуальную для нас проблему политики цен в советском хозяйстве.

«Должны ли мы в нашей *политике цен,* — спрашивает он, — заботиться лишь о том, чтобы в общем и целом, в масштабе всего СССР или в масштабе важнейших отраслей нашего хозяйства или отдельных отраслей промышленности, цены совпадали со стоимостями, или мы должны добиваться этого совпадения в более мелких звеньях общественного производства?» И отвечает на это весьма категорически: «Конечный пункт нашей *политики цен заключается в максимально точном отображении нашей ценой тех реальных затрат труда,* общественным выражением которых она является. Успехи в достижении этой цели являются в то же время и успехами нашего планового хозяйства» [1].

Итак, наша политика цен в переходном обществе, каким является СССР, должна быть направлена к максимально точному совпадению цен с трудовой стоимостью обмениваемых благ. Это очень ясное и определен-

[1] «Плановое хозяйство», 1928, № 6, стр. 71, 72. Курсив наш.— *С. С.*

ное требование. Но оно прежде всего предполагает *уже осуществленным* такое гармоническое перераспределение общественных производительных сил, при котором все потребности находят себе достаточно полное и равномерное удовлетворение, ибо только в условиях такого стойкого равновесия между потребностями и средствами их удовлетворения не остается объективных оснований для отклонения цен от стоимости. Однако, где же такая гармония в окружающей нас действительности? И, во-вторых, оно означает принципиальный отказ от неэквивалентного обмена, т. е. отказ от какого бы то ни было перераспределения рыночными методами народного дохода между различными отраслями хозяйства и социальными секторами, от чего, однако, в условиях диктатуры пролетариата мы отнюдь не имеем никаких оснований зарекаться.

Лишь в коммунистическом обществе, т. е. *после* изжития всех хозяйственных диспропорций и классовых дисгармоний, мы могли бы решиться на проектируемую Бессоновым политику. Однако тогда уже не пришлось бы говорить о политике цен, ибо коммунистическое общество не будет нуждаться в ценах. Но на *путях к коммунизму*, в эпоху весьма напряженной классовой борьбы и коренного переустройства всей хозяйственной базы страны, такая доктринерская «политика» ценообразования, которую правильнее было бы назвать сознательным отказом от всякой политики цен, представляет собой явную утопию и притом весьма реакционную.

Цены, вполне соответствующие стоимости, не создают никаких стимулов для реконструкции наличных производственных пропорций. Они стало быть, целесообразны лишь с того момента, когда эти пропорции нас удовлетворяют, но не тогда, когда мы их расцениваем как «диспропорции» и всемерно стремимся к их устранению. Такие цены не двигали бы нас вперед, к *новым* производственным пропорциям. А всякая остановка в условиях классовой борьбы с устремленными *назад* силами капиталистического окружения означает для нас попятное, т. е. политически реакционное, движение.

Директивы XV съезда, к которым апеллирует Бессонов, отнюдь не оправдывают его установки в области политики цен. Ориентировка на пассивное следование цен за движением издержек производства вообще не нуждалась бы ни в каких специальных директивах. А между тем мы имеем целый ряд директив в этой области, предполагающих весьма активную политику цен. Возьмем хотя бы директиву о снижении промышленных цен в целях сжатия так называемых «ножниц» между уровнями индустриальных и сельскохозяйственных цен. Эта директива, несомненно, направлена против оппозиционного требования «максимальной» перекачки средств из сферы крестьянского хозяйства в сферу «индустрии», но в то же время она предостерегает и от другой крайности, т. е. полного отказа «от привлечения средств деревни к индустрии». Иными словами, съезд в своих директивах не только не отвергает, а даже прямо предполагает целесообразность известного перекачивания народного дохода из частного сектора в социалистический вообще и из сельского хозяйства в индустрию в частности. Другая директива того же съезда гласит: «В политике цен на продукты сельского хозяйства пятилетний *план должен исходить из необходимости* установления устойчивых и соответствующих планам производственного и личного потребления страны и экспорта *соотношений* в развитии отдельных отраслей сельского хозяйства» [1]. О чем говорит эта директива? О том, что политикой цен, т. е. относительным повышением одних цен по сравнению с другими, нам надлежит изменить наличные соотношения культур в соответствии с требованиями плана, с требованиями экономической политики.

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, 1954, стр. 460. Курсив наш. — *С. С.*

Требования экономической политики, диктующие нам те или иные отклонения цен от стоимости, весьма многообразны. Цены на сельскохозяйственные машины и минеральные удобрения мы зачастую снижаем значительно ниже их стоимости в интересах скорейшего подъема сельского хозяйства, цены на табак и водку, наоборот, сильно повышаем, чтобы сузить их потребление в интересах охраны здоровья. Область транспортных тарифов представляет собою, разумеется, не менее широкое поле приложения рациональной политики цен, чем промышленность. И когда Бессонов требует, чтобы законы ценообразования, применяемые в промышленности, были распространены и на транспорт, мы всецело к этому присоединяемся и делаем вывод: значит, и на транспорте вполне уместна и целесообразна активная политика цен со всеми ее атрибутами.

У Бессонова можно найти и такие места, где он как будто приемлет использование железнодорожных тарифов в качестве рычага экономической политики. «Не подлежит ни малейшему сомнению,— замечает он, в частности,— что пролетарское государство в течение длительного периода будет использовать тарифы, как орудие перераспределения народного дохода» [1]. Но ведь такое признание обязывает к определенным выводам. Перераспределение народного дохода через тарифы предполагает неэквивалентность этих тарифов стоимости перевозок, т. е. реальным затратам труда с ними связанным. И если Бессонов уже признал целесообразность для пролетарского государства такой политики тарифов, которая предполагает эту неэквивалентность, то зачем же он одновременно настаивает на «максимально точном» отображении в тарифах стоимости перевозок. Это два разных и совершенно несовместимых друг с другом принципа тарифной политики.

В связи с директивой XV съезда, по которой «пятилетний план должен уделить особое внимание вопросам подъема экономики и *культуры отсталых национальных окраин и отсталых районов*» [2], перед транспортом ставится одна из благороднейших проблем перспективного плана советского хозяйства. И если такие проблемы способна разрешать даже буржуазия, то тем более ресурсов для их решения имеется в арсенале планового хозяйства. Как же разрешается эта задача в капиталистических странах и как ее пришлось бы разрешить по Бессонову?

Лучшим и наиболее испытанным средством экономического подъема отсталых районов методами транспортной политики в капиталистических странах считается проведение новых железных дорог в эти районы и обеспечение им вполне доступных дифференциальных тарифов. Конечно, такие дороги и тарифы, связывающие центр с отдаленными, экономически отсталыми районами, заведомо могут оказаться на целый ряд лет явно убыточными. И все же предприниматель-буржуа очень часто идет на эти убытки, заранее обеспечивая себе их покрытие скупкой за бесценок земельных площадей, прилегающих к новым дорогам, в расчете на неизбежное повышение рентабельности этих земель вследствие экономического приближения их к рынкам сбыта.

В чем заключается здоровая идея таких спекуляций? В том, что транспорт нельзя рассматривать изолированно от других отраслей хозяйства. *Хозяйство всякого района надо рассматривать в целом*, как единый комбинат, в котором временная убыточность транспорта зачастую является совершенно необходимой предпосылкой конечной рентабельности всего комбината в целом.

Эта очень элементарная истина, давно уже вошедшая в обиход работников Госплана и положенная ими в основу экономического районирования СССР, осталась, по-видимому, совершенно чуждой Бессонову. Он *в прин-*

[1] «Экономическая жизнь», 16 марта 1928 г.

[2] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК» ч. II. 1954, стр. 463. Курсив наш. — *С. С.*

ципе отвергает убыточные дороги и убыточные тарифы, ибо всякий тариф по его предположению должен в точности соответствовать «реальной стоимости *транспортной* продукции», полностью покрывая издержки производства и сверх того обеспечивая нормальную прибыль. Это, конечно, совсем другая, не госплановская установка. Здесь транспорт рассматривается уже как нечто вполне самодовлеющее, оторванное от всего народного хозяйства. Это уже не *дополнительный* производственный процесс, как его называл Маркс, а совершенно *независимая* от всех других производственных процессов продукция «тонна-километров» или «пудо-верст» как таковых. Каждый тонна-километр должен самоокупаться, каждая пудо-верста должна за свой пай обеспечивать рентабельность транспорта, как бы это ни отражалось на интересах всего народного хозяйства в целом,— вот к чему ведет эта установка. И это узкосиндикалистское, чтобы не сказать цеховое, замыкание в собственных интересах неизбежно приводит к соответствующему извращению и в области наших плановых задач и перспектив.

Мы не имеем еще развернутого перспективного плана в районном разрезе, и потому проблема районирования капитальных вложений, т. е. географического размещения новых промышленных и всяких иных предприятий, до сих пор не нашла еще себе достаточного отражения в наших плановых ориентировках. Однако общие целевые установки в этом отношении давно уже определились. «Мы должны планировать не на дальнейший гипертрофический рост немногих центров, а на децентрализацию и возможно равномерное распределение новых промышленных поселений по всей стране. Самый характер городов при современных средствах сообщения и методах снабжения энергией может и должен быть изменен в корне»,— писали мы еще год тому назад и указывали, в каком направлении следует проектировать эти изменения, чтобы «комбинировать промышленный и сельский труд в наивыгоднейших сочетаниях» [1]. Вместе с тем у нас уже с первых шагов в этой работе наметилось общее смещение промышленных центров с запада на восток, к более отсталым окраинам.

«При выборе районов размещения промышленности указывается в пятилетке по промышленности,— мы прежде всего исходили из основной задачи — достичь максимальной эффективности капитальных вложений в промышленность и, в частности, максимального снижения цен. В силу этого пятилетний план промышленности стремился, поскольку это оказалось возможным, приблизить производство к сырьевым и энергетическим базам, с одной стороны, и к районам потребления продукции — с другой... Как пример приближения к источникам сырья можно указать на запроектированное развитие хлопчатобумажной промышленности в Средней Азии и Закавказье, развитие крахмало-паточной промышленности на кукурузной базе на Северном Кавказе, развитие крупного машиностроения на Урале и Украине поблизости от источников металлургического сырья и пр... Что касается ориентировки на близость рынка потребления, то в этом отношении пятилетка стремилась предусмотреть перенесение некоторых отраслей промышленности *прежде всего на восточные окраины*, ибо ненормально такое положение, когда громадная масса сырья перевозится в центр, иногда за тысячи верст, для того чтобы здесь перерабатываться и затем доставляться на места потребления за те же тысячи верст. Мы наметили развитие спичечной, сахарной, кожевенной и текстильной промышленности в Сибири, в Семиречье, на Урале» и т. д.[2]

Как бы ни оценивать эту установку в отдельных ее предложениях, но в целом мы ее и сейчас считаем правильной. Она отвечает, на наш взгляд,

[1] «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР», Госплан СССР, 1927, стр. 11, 150.

[2] «Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР». М., 1927, стр. 176. Курсив наш. — *С. С.*

и директивам XV съезда о подтягивании экономически отсталых районов. Бессонова, однако, эта установка совершенно не удовлетворяет. Он усматривает в ней «замалчивание проблемы транспорта» в результате «неправильной теории районирования, которая сложилась в русской экономической литературе давным-давно и упорно держится до сих пор, «питаясь соком «платежеспособной» тарифной системы». Из дальнейшего видно, что речь здесь идет, собственно говоря, о системе дифференциальных тарифов в той тарифной политике, которая дает «железным дорогам широкую возможность понижать ставки на одни грузы *за счет других*, на одни перевозки *за счет других*, создавая тем самым,— как выражается Бессонов,— *иллюзию сокращения расстояния, ликвидации затрат на перемещение грузов* и т. д.» [1].

Рассматривая дифференциальные тарифы как «специфический метод *ускорения промышленного развития* в капиталистических странах за счет удешевления провоза сырья, удешевления рабочей силы, расширения сбыта изделий и повышения промышленной прибыли», Бессонов не приемлет его, однако, для советских условий. Избегая всяких «иллюзий», он требует, чтобы при учете эффективности вложений в тех или иных районах мы исходили из учета «реальных затрат транспорта на передвижение грузов», а не действующих тарифных ставок, которые продиктованы теми или иными соображениями экономической политики.

Мы тоже стоим прежде всего за трезвый расчет, чуждый всяких иллюзий. Но разве экономическая политика строится без всякого расчета? Если мы в целях ускоренного развития, скажем, Кузнецкого бассейна устанавливаем убыточный тариф на перевозку угля по сибирским магистралям, то этот удешевленный тариф нельзя уже *игнорировать* при расчетах рентабельности проектируемых в районе этих магистралей Тельбесского или Магнитогорского заводов. В таком удешевленном тарифе кристаллизована воля законодателя, направленная именно к тому, чтобы вложения в Тельбесский и другие заводы в данном районе стали рентабельными и могли покрыть своей рентабельностью убытки транспорта. Это тоже расчет, но только выходящий за пределы элементарной тарифной арифметики. Он охватывает все хозяйство района в целом и учитывает на целые десятилетия вперед его перспективы. Вот почему мы никак не можем согласиться, чтобы такие плановые экономические расчеты, находящие свое отражение в тарифах, игнорировались как ничего не сто́ящие иллюзии и подчинялись примату калькуляционной арифметики Бессонова.

При расчетах сравнительной эффективности вложений в разных районах должно исходить только из действующих и проектируемых в плановом порядке *тарифных ставок* и ни из чего другого. Если действующие тарифы вызывают сомнение с точки зрения их соответствия нашей экономической политике, то их, разумеется, надо пересмотреть. Известно, что по инициативе Госплана вся наша тарифная система, строившаяся от случая к случаю, подвергается генеральному пересмотру. Но мы не откажемся при этом пересмотре от идеи, что транспорт должен еще в большей мере, чем раньше, быть активным рычагом нашей экономической плановой политики. В новом тарифе и впредь, стало быть, найдут свое место целевые надбавки и скидки по сравнению с нормой реальных затрат транспорта. И эти целевые отклонения цен от стоимости в наших тарифах придется всем рассматривать не как иллюзии, а как твердую директиву Советской власти, подлежащую учету не только при перевозках грузов, но и при всех плановых проектировках новых капитальных вложений.

Чудовищной нелепостью было бы продиктовать дешевые тарифы, скажем, для кузнецкого угля и отказаться от его добычи на том основании, что если, мол, посчитать стоимость перевозки не по этому удешевленному

[1] «Плановое хозяйство», 1928, № 6, стр. 79—81.

тарифу, а по «реальным» затратам транспорта на данном его участке, то добыча кузнецкого угля окажется «нерентабельной». Но ведь это значит заранее отказаться от развития грузооборота данного района до таких размеров, какие и при установленном дешевом тарифе обеспечат полную его рентабельность. Говоря иначе, это значит не видеть дальше своего носа и вовсе не учитывать тех перспектив, во имя которых всегда ведется такая тарифная политика.

Ошибочность позиции Бессонова обнаруживается и в другой плоскости. Предлагая тарифицировать перевозки по реальной их себестоимости, он неизбежно толкает нас на декретирование особых тарифов для каждой железной дороги и даже для каждого участка, ибо «реальные затраты» разных дорог в зависимости от густоты грузооборота чрезвычайно колеблются. Это и теоретически непоследовательно. Не требует же от нас Бессонов, чтобы мы установили различную для каждой шахты Донугля цену за тонну «плиты» или «штыба» только потому, что реальные затраты по добыче их в каждой шахте весьма различны. Практически же это требование прямо губительно. В зависимости от различной густоты оборота мы вынуждены были бы установить наиболее дешевые тарифы для перевозок в давно обжитых центральных районах и наиболее дорогие для перевозок на окраины из центра и тормозить подъем отсталых районов в интересах гипертрофического развития промышленных центров.

Хочет ли этого Бессонов? Нет, не хочет. Оспаривает ли он устремление авторов пятилетки «к усилению единства народного хозяйства Союза и к наиболее полному и экономически целесообразному разделению труда между районами» [1]. Нет, не оспаривает. Напротив, сваливая с больной головы на здоровую, он их упрекает в том, что промышленность «не расселяется» в наших перспективных планах, в том, что она «остается в *старых* районах», причем он пытается убедить всех, что это вытекает как раз из нашей неправильной политики в области тарифов, «*приспособленных именно к старым районам*» [2]. Как же это у него увязываются концы с концами?

Прежде всего вовсе неверно, что в наших проектировках мы размещаем новые вложения в старых районах. По имеющимся у нас подсчетам вложений в промышленность, мы повышаем удельный вес наших восточных окраин, начиная с Урала, по меньшей мере процентов на 30 за пятилетие. Но эта проектировка исходит из действующей тарифной политики, которая выравнивает тарифные ставки по всей сети и таким образом *удешевляет* их для окраин за счет центра, которая для наиболее дальних перевозок дает особенно пониженные ставки и таким образом удаленные окраины сугубо *приближает* к центру и которая не останавливается даже перед постройкой в отсталых районах заведомо *убыточных* пионерных дорог для *ускоренного развития* этих районов. Если это называется «приспособлением» тарифов к интересам *старых* районов, то как назвать установку Бессонова, которая принципиально отвергает все указанные методы, стимулирования экономического подъема отсталых районов?

Мы думаем, что здесь не может быть двух мнений. Установка Бессонова во всяком случае не отвечает требованиям планового хозяйства вообще и директивам XV съезда партии в частности. И потому мы отвергаем ее.

---

[1] «Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР». М., 1927, стр. 176.

[2] «Плановое хозяйство», 1928, № 6, стр. 78, 87.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЯТИЛЕТКИ[1]

(1928/29—1932/33 гг.)

Запроектированный Госпланом перспективный план развертывания народного хозяйства СССР на 1928/29—1932/33 гг. можно рассматривать с различных сторон. В нем содержится прежде всего определенный план реконструкции энергетической базы нашего хозяйства, т. е. известная строительная программа, затем соответствующая ей производственная программа и, наконец, определяющая классовое лицо всего плана социально-экономическая программа. Ко всем этим программам можно подходить аналитически, развертывая их в отраслевом, районном или в классово-секториальном разрезах, или синтетически, с точки зрения общего равновесия всей проектируемой хозяйственной системы в целом.

Ставя своей задачей показать, как разрешаются в нашем плане эти наиболее общие синтетические проблемы хозяйственного равновесия или, говоря иначе, основные балансовые проблемы плана, мы тем самым выявим с достаточной определенностью и общий социально-классовый профиль этого плана.

Метод общей балансовой поверки отдельных отраслевых и районных проектировок плана применим и в области некоторых наиболее общих технических проблем, намечаемых нашей пятилеткой. Возьмем хотя бы проблему построения наиболее рационального с точки зрения оптимального использования наших естественных ресурсов и транспортных средств *энерго-баланса* страны. Но для освещения социально-экономических проблем плана такие балансы имеют лишь подсобное значение и подлежат изучению в несколько иной связи. Те балансовые проблемы, на которых мы хотели бы сосредоточить свое внимание в настоящей работе, могут быть подразделены на две категории. Наиболее общие — это, во-первых, баланс производства и распределения рабочей силы и связанные с ним проблемы труда и, во-вторых, баланс производства и распределения народного дохода, т. е. результатов этого труда. К более частным, хотя и крайне важным балансовым проблемам мы относим, во-первых, проблему финансового равновесия (баланс вложений и накопления в связи с проблемой резервов, бюджетный баланс и прочие элементы синтетического финплана) и, во-вторых, проблему рыночного равновесия (общий баланс спроса и предложения в связи с проблемой цен и частные балансы: стройматериалов, хлебофуражный, экспортно-импортный и т. п.).

Попытаемся же хотя бы в наиболее общих чертах коснуться этих проблем.

1. ПРОБЛЕМЫ ТРУДА

В стране диктатуры пролетариата на первое место, естественно, выдвигаются вопросы, связанные с расширенным воспроизводством и оптимальным использованием рабочей силы. И прежде всего здесь стоит вопрос о пределах возможного количественного и качественного роста кадров само-

[1] Доклад V съезду плановых работников 8 марта 1929 г. (С. Г. Струмилин. Социальные проблемы пятилетки. М., 1929).

го пролетариата — этой основной базы нашего обобществленного хозяйства.

Если исходить из демографических коэффициентов роста населения в СССР, то мы располагаем практически неисчерпаемыми источниками живой рабочей силы. Достаточно сказать, что наш естественный прирост по СССР в 3,5 раза превышает средний прирост по всей Западной Европе. Ежегодно население СССР при 150 млн. душ увеличивается минимум на 3,5 млн. душ, тогда как все страны капиталистической Западной Европы, взятые вместе, дают на 370 млн. душ прирост не свыше 2,5 млн. За пять лет весь прирост населения в СССР составит 17,9 млн. душ (11,8%), в том числе в рабочем возрасте (16—59 лет) = около 9,1 млн. (11,1%). Если к этому прибавить наличное аграрное перенаселение деревни к началу пятилетки, которое определялось около 8—9 млн. и городскую армию безработных (свыше 1 млн. человек), то в общем перед нами встанет грандиозная *задача — обеспечить в предстоящем пятилетии работой до 19 млн. работоспособных лиц.*

Аграрное перенаселение деревни, это историческое наследие целой эпохи, едва ли возможно изжить целиком в одно пятилетие. Тем не менее намеченная программа интенсификации сельского хозяйства при значительном расширении эксплуатируемой площади и повышении урожайности должна в значительной мере рассосать избытки труда в деревне.

Правда, наряду с интенсификацией сельского хозяйства план намечает и значительную машинизацию земледельческого труда. Достаточно сказать, что количество одних жнеек за пять лет мы увеличиваем по отправному варианту на 1600 тыс., молотилок — на 492 тыс. и тракторов — на 159 тыс. штук. А эти машины, по самому скромному нормативному расчету, дадут нам в 1932/33 г. экономию в живом труде не менее 693 млн. человеко-дней, что соответствует примерно 2,5 млн. годовых работников. Однако рост производства и интенсификации земледелия за счет повышения доли более трудоемких культур, а также за счет улучшения обработки (лишняя вспашка до 30 млн. *га*, очистка семян до 75% всего посева, рядовой посев вместо разбросного на 60 млн. *га*, доставка и разброска свыше 5 млн. *т* искусственных удобрений и т. д.) поглотит значительно больше дополнительного труда, чем дает вышеуказанная экономия от машинизации. И в общем баланс труда в сельском хозяйстве в переводе на полноценный мужской труд, по весьма приблизительным расчетам, можно выразить в следующих цифрах (см. табл. 1).

В настоящей таблице учтено не все сельское, а только занятое сельским хозяйством население. За пять лет оно даст нам естественный прирост не менее 14,4 млн. душ, а в рабочем возрасте — 7,6 млн. душ. В переводе на мужской труд это дает в приходе за пять лет 6,8 млн. новых полных работников. Как же они используются?

Внутренняя потребность деревни в рабочей силе за пять лет возрастает по всем статьям. Особенно крупный прирост затрат рабочей силы проектируется по интенсивным культурам сырьевого значения по первичной переработке сельскохозяйственных продуктов и по животноводству. Общее повышение занятой рабочей силы в деревне возрастает на 7,8—9,5 млн. полных работников, что не только покрывает полностью весь естественный прирост рабочей силы в деревне, но и снижает на весьма крупную величину (от 1 млн. до 2,7 млн.) аграрное перенаселение деревни. А с прибавкой к этому городского спроса на рабочую силу, который поглотит до 2,5 млн. работников деревни, неиспользованный резерв рабочей силы в деревне сокращается еще более резко — с 7,5 млн. до 2,4 млн. полных работников, или от 8,5 млн. до 2,6 млн. работников обоего пола (без перевода на мужской труд).

Если учесть, что в то же время за счет машинизации мы *сократили* потребность в рабочей силе примерно на ту же величину, то можно бы за-

Статьи баланса	Баланс (в среднем за год)		
	1927/28 г.	1932/33 г.	
		отправной вариант	оптимальный вариант
1	2	3	4
Сельскохозяйственное население . . .	114,8	129,2	129,2
В том числе в рабочем возрасте (16—59 лет)	60,1	67,7	67,7
I. *Приход рабочей силы* (в мужских единицах)			
1. В рабочем возрасте (16—59 лет)	54,1	60,9	60,9
2. Дети и старики (фактич. использованные)	2,9	2,9	2,9
Итого	57,0	63,8	63,8
II. *Расход рабочей силы* (в мужских единицах)			
1. В полеводстве	—	—	—
а) зерновые культуры	7,29	8,00	8,28
б) корне-клубнеплоды	2,42	3,30	3,75
в) технические	1,83	3,13	3,68
Итого	11,54	14,43	15,71
2. Животноводство	11,59	13,84	14,04
3. Луговодство, садоводство, виноградарство	2,81	3,18	3,25
4. Лесоводство, рыболовство, охота .	1,21	1,32	1,32
5. Переработка сельскохоз. продуктов	2,60	3,40	3,60
6. Извоз и другие промыслы	4,90	5,32	5,30
Итого производственного труда (1—6)	34,65	41,49	43,22
7. Домашний труд и прочие непроизводственные занятия	14,80	15,78	15,73
Итого (1—7) . .	49,45	57,27	58,95
8. Убыль в города	—	2,16	2,48
9. Неиспользованный остаток в деревне	7,55	4,37	2,37
Баланс (полных работников) . . .	57,00	63,8	63,8
Аграрное перенаселение (в млн. физич. лиц)	8,49	4,86	2,63

ключить, что *без* машинизации мы смогли бы полностью изжить все аграрное перенаселение целиком. Однако это совершенно неверно. Без машинизации мы не смогли бы изжить аграрного перенаселения даже и в гораздо более скромном масштабе, чем запроектировано в плане. Дело в том, что аграрное перенаселение деревни — явление в высокой степени сезонное. Громадный избыток труда в зимнее время, достигавший в феврале 1928 г. около 15,9 млн. работников (25,4% общего их итога), перекрывается в

Таблица 1

в сельском хозяйстве СССР на полного работника)

Структура в % к итогу			Прирост за 5 лет			
1927/28 г.	1932/33 г.		отправной вариант		оптимальный вариант	
	отправной вариант	оптимальный вариант	абс.	в %	абс.	в %
5	6	7	8	9	10	11
—	—	—	14,4	12,5	14,4	12,5
—	—	—	7,6	12,6	7,6	12,6
94,9	95,5	95,5	6,8	12,5	6,8	12,5
5,1	4,5	4,5	—	—	—	—
100	100	100	6,8	11,9	6,8	11,9
—	—	—	—	—	—	—
12,8	12,5	13,0	0,71	9,7	0,99	13,6
4,2	5,2	5,9	0,88	36,3	1,33	54,9
3,2	4,9	5,8	1,30	71,0	1,85	101,1
20,2	22,6	24,7	2,89	25,0	4,17	36,1
20,3	21,7	22,0	2,25	19,4	2,45	21,1
4,9	5,0	5,1	0,37	13,2	0,44	15,7
2,1	2,1	2,1	0,11	9,1	0,11	9,1
4,6	5,3	5,6	0,80	30,8	1,00	38,5
8,6	8,3	8,3	0,42	8,6	0,40	8,2
60,8	65,0	67,8	6,84	19,7	8,57	24,7
26,0	24,7	24,6	0,98	6,6	0,93	6,3
86,8	89,8	92,4	7,82	15,8	9,50	19,2
—	3,4	3,9	2,16	—	2,48	—
13,2	6,8	3,7	—3,18	—42,1	—5,18	—68,6
100	100	100	6,8	11,9	6,8	11,9
13,2	6,8	3,7	—3,63	—42,1	—5,86	—68,6

рабочую пору дефицитом рабочей силы (в августе 1928 г.— около 1,6 млн. работников), вынуждающим к работе в праздничное время, к использованию труда детей и стариков, чрезмерному увеличению рабочего дня и т. д. Машинизация труда как раз снижает эти летние пики чрезмерной нагрузки. Два с половиной миллиона *годовых* работников, освобождаемых к 1932/33 г. в связи с машинизацией, в пересчете на весьма короткий сезон работы этих машин, в среднем не свыше 1—2 месяца, означают экономию

в рабочей силе на эту пару месяцев не менее 15 млн. душ. И эти 15 млн. работников освобождаются машинами в самую горячую рабочую пору. В результате получается гораздо более равномерная годовая нагрузка сельскохозяйственного населения. И благодаря этому деревня может не только значительно расширить масштабы своего сельского хозяйства, но и отпустить часть избыточной рабочей силы на постоянную индустриальную работу в города.

Использование рабочей силы в городах рисуется в следующих цифрах по имеющимся в Госплане расчетам (см. табл. 2).

Как видим, коэффициент использования наличной у нас в городах рабочей силы очень далек от 100%. Огромную долю ее поглощает мало эффективный домашний труд и другие непроизводственные занятия, не говоря уже о занятиях явно паразитирующих групп населения. Однако удельный вес пролетариата в общем балансе труда заметно растет, а если учесть еще крупный рост учащихся, обещающих в будущем повышение квалификации этого пролетариата, то можно сказать, что возрастающий коэффициент использования труда обеспечен нашим планом не только в количественном, но и в качественном отношениях.

Удельный вес резерва безработных сокращается по отправному варианту от 6,4 до 3,9% от общего запаса рабочей силы. Однако по сравнению с технически необходимым резервом по условиям нормального оборота рабочей силы он еще очень велик и мог бы быть снижен по меньшей мере тысяч на 300—400. В частности, запроектированный масштаб страхования старости облегчит в значительной мере эту задачу. И по оптимальному варианту плана безработица в городах снижается почти до вышеуказанной нормы технически необходимого резерва [1].

Однако нужно со всей серьезностью подчеркнуть, что столь благоприятные перспективы изживания городской безработицы целиком опираются на запроектированные огромные сдвиги в области роста сельского хозяйства. Если бы в какой-либо мере не оправдались намеченные планы реконструкции сельского хозяйства, оказалось бы невозможным и намеченное выше сокращение городской безработицы.

Полная ликвидация безработицы в кратчайший срок замедляется тем огромным подъемом производительности труда, какой намечается по плану в связи с технической реконструкцией производства. Чтобы конкурировать с капиталистическим Западом, мы вооружаем наш труд технически по наивысшему доступному нам уровню. Энерговооруженность промышленного рабочего возрастает за пять лет на 110%, транспортного — на 50%. В связи с этим годовая производительность труда индустриального рабочего, по весьма скромным расчетам, должна возрасти от 85 до 110%, а часовая при сокращении рабочего дня с 7,71 до 6,86 часов к концу пятилетки возрастет еще значительнее.

С учетом гораздо менее вооруженной кооперативной и частной промышленности прирост производительности выразится, конечно, гораздо более скромными показателями. Но ведущая в этом отношении роль индустрии по сравнению с другими отраслями труда, а вместе с тем социалистического сектора по сравнению с частным выявляется с полной отчетливостью. Если за меру производительности в *каждой* отрасли труда принять чистую продукцию, падающую на одного годового работника, в неизменных ценах, а общие индексы по секторам и всему народному хозяйству выводить с учетом удельного веса трудовых затрат в различных отраслях, то получим для отправного варианта следующую картину (см. табл. 3).

Для получения удельного веса трудовых затрат по каждой отрасли мы пользовались произведением числа занятых лиц на годовую зарплату, желая таким образом учесть не только количество, но и качество занятого

[1] Фактически безработица была ликвидирована уже в 1931 г.

Таблица 2

Баланс использования рабочей силы в городах СССР
(в рабочем возрасте 16—59 лет)

Статьи баланса	Баланс (среднегодовой) в тыс. душ			Структура баланса в %			Прирост за 5 лет			
	1927/28 г.	1932/33 г.		1927/28 г.	1932/33 г.		отправной вариант		оптимальный вариант	
		отправной вариант	оптимальный вариант		отправной вариант	оптимальный вариант	абс.	в %	абс.	в %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
I. Приход рабочей силы										
1. Городское население	17 656	18 866	18 866	100	88,7	87,2	1210	6,8	1210	6,8
2. Приток из деревни	—	2 400	2 760	—	11,3	12,8	2400	—	2760	—
Итого в приходе	17 656	21 266	21 626	100	100,0	100,0	3610	20,4	3970	22,5
II. Расход рабочей силы										
1. Работа по найму (пролетариат)	6 837	8 726	9 155	38,7	41,0	42,3	1889	27,6	2318	33,9
2. Трудовые занятия не по найму	2 550	3 035	3 177	14,4	14,3	14,7	485	19,0	627	24,6
3. Нетрудовые занятия (буржуазия)	169	182	180	1,0	0,9	0,8	13	7,7	11	6,5
4. Домашний труд	4 897	5 716	5 820	27,7	26,9	26,9	819	16,7	923	18,8
5. Учащиеся в рабочем возрасте	849	1 279	1 290	4,8	6,0	6,0	430	50,7	441	51,9
6. Прочие непроизводственные занятия *	1 158	1 430	1 430	6,6	6,7	6,6	272	23,7	272	23,5
7. Неопределенные занятия и деклассированные группы	63	63	63	0,4	0,3	0,3	—	—	—	—
Итого в расходе	16 523	20 431	21 115	93,6	96,1	97,6	3908	23,6	4592	27,8
8. Остаток (безработные)	1 133	835	511	6,4	3,9	2,4	—298	—26,4	—622	—54,9
Баланс	17 656	21 266	21 626	100,0	100,0	100,0	3610	20,4	3970	22,5

* Пенсионеры, заключенные и пр.

Таблица 3

Динамика производительности труда
(отправной вариант)

Отрасли и сектора	Занятых лиц (в тыс.)		Удельный вес по трудовым затратам		Индекс производительности 1932/33 г. (1927/28 г. = 100)
	1927/28 г.	1932/33 г.	1927/28 г.	1932/33 г.	
1	2	3	4	5	6
А. Отрасли					
1. Промышленность:					
а) цензовая (с акцизом)	3 210	4 214	12,4	13,2	165,3
б) мелкая	2 470	3 006	6,6	6,5	110,6
Итого (1)	5 680	7 220	19,0	19,7	145,8
2. Строительство:					
а) городское	637	1 543	3,0	5,4	138,1
б) сельское	(618)	(554)	2,8	1,9	120,2
Итого (2)	1 255	2 097	5,8	7,3	134,0
Итого (1—2)	6 935	9 317	24,8	27,0	142,6
3. Транспорт	1 315	1 389	4,9	4,1	162,1
4. Связь	95	91	0,3	0,2	131,5
Итого (3—4)	1 410	1 480	5,2	4,3	160,7
5. Торгово-складское дело	1 065	1 357	3,8	3,7	123,0
Итого (1—5)	9 410	12 154	33,8	35,0	139,8
6. Сельское и лесное хозяйство	38 600	46 000	66,2	65,0	117,7
Всего (1—6)	48 010	58 154	100	100	129,9
Б. Сектора					
1. Государственный	5 642	7 628	20,5	22,4	158,5
2. Кооперативный	1 484	7 416	4,3	13,7	120,9
Итого	7 126	15 044	24,8	36,1	144,3
3. Частный	40 884	43 110	75,2	63,9	116,2
Всего	48 010	58 154	100	100	126,3

труда. Труд самостоятельных ремесленников и земледельцев расценивается при этом так же, как *наемный* труд в соответствующих занятиях. Для сельского труда, кроме того, внесена поправка на разницу в покупательной силе рубля в деревне по сравнению с городом (+35%). Таким образом, квалификация труда приведена, по возможности, к одному и тому же (реальному) измерителю. Взвешивание частных индексов произведено по весам 1932/33 г.

Как видим, общее количество лиц, занятых производственным трудом в основных отраслях хозяйства, возрастет за пять лет на 10 млн. душ, или на 21%, при росте всего населения только на 11,8%. Это соотноше-

ние может служить мерилом повышения использования рабочей силы и сокращения явной и скрытой безработицы. Но наряду с этим следует отметить и качественный рост рабочей силы. Удельный вес более квалифицированного, индустриального труда, занятого в социалистическом секторе, растет почти в полтора раза, вес более сырого труда по частному сектору соответственно падает. Этот сдвиг означает прирост средней квалификации всей занятой в стране рабочей силы по меньшей мере на 5—6%.

В среднем по всем секторам производительность труда возрастает за пять лет всего процентов на 26. Но причиной такого относительно довольно скромного роста является лишь огромный вес в общей массе труда сырой и маловооруженной рабочей силы индивидуальных крестьянских хозяйств. Уже в колхозах мы имеем гораздо более заметный рост производительности, а в государственном секторе благодаря высокой технике она возрастает в 3—4 раза быстрее, чем в частном. Конечно, высокая техника требует больших капитальных затрат и тем самым сильно ограничивает применение живого, невооруженного труда.

Но и с меньшими затратами живого труда при высокой технике достигается гораздо более высокий производственный эффект. И это позволяет нам повышать благосостояние трудящихся даже при снижении рабочего дня таким темпом, которого не знает капиталистический мир. Значение намеченного снижения рабочего дня в нашей пятилетке можно оценить следующими цифрами. В 1932/33 г. каждый индустриальный рабочий будет в среднем работать на 159 часов меньше, чем в 1927/28 г. И за счет этого мы получаем возможность дать работу 312 тыс. новых рабочих, сокращая на эту же цифру наличный резерв безработных. Говоря иначе, без сокращения рабочего дня мы имели бы при той же производственной программе в 1932/33 г. вместо 835 тыс. 1147 тыс. безработных, т. е. даже несколько больше, чем их по нашему балансу числилось в 1927/28 г. Что же касается намеченного планом подъема благосостояния пролетариата, то его можно характеризовать следующим образом.

По отправному варианту номинальная оплата индустриального труда повышается на 37%. Но сверх этого по линии социализированной зарплаты, в порядке страхования старости рабочих, стипендирования их детей в школьном возрасте, дополнительного обучения взрослых и тому подобных затрат в пользу рабочих, мы проектируем дополнительное повышение бюджета рабочих еще на 3—4%. Включая эту прибавку, повышение благосостояния рабочих за пять лет по номиналу даст около 42%, а реально с учетом снижения цен — не менее 58%. По оптимальному варианту рост рабочего бюджета намечается по номиналу на 47%, а реальный — на 71%.

Чтобы иметь масштаб для сравнения, отметим, что в капиталистических странах заработная плата за пятилетие 1923—1928 гг. почти стабильна. В Соединенных Штатах она поднялась всего на 2—3%, в Англии с 1922 по 1927 г. она снизилась на 0,3%, во Франции тоже падает заметным образом. В то же время у нас, в СССР, реальный уровень зарплаты за истекшее пятилетие (1922/23—1927/28 гг.) вырос на 126%, т. е. в два с четвертью раза. В сравнении с этим темпом намечаемый нами рост на предстоящее пятилетие в пределах от 58 до 71% является, конечно, более скромным. Но, исходя из масштаба намеченной программы строительства, мы не могли бы дать более высокий подъем оплаты труда, ибо в противном случае у нас не хватило бы средств для капитальных затрат, без которых оказался бы необеспеченным и намеченный в плане рост зарплаты. Однако по сравнению с капиталистическим Западом и этот рост гарантирует нам огромные достижения.

Как известно, в довоенное время зарплата русского рабочего и номинально, и реально безнадежно отставала от всех «передовых» стран развитого капитализма. Так, например, если за 1905—1909 гг. английский *реальный* уровень зарплаты принять за 100, то в Германии он составлял 63,5,

во Франции — 55,5, а в царской России — не свыше 44. Весной 1928 г., по исчислениям Международного бюро статистики труда, мы имеем уже такой ряд по высоте реального уровня зарплаты: Лондон — 100, Берлин — 71, Париж — 56, Москва — 52, Прага — 47, Вена — 45, Рим — 43, Варшава — 40 и т. д. Таким образом, даже по оценке органов Лиги наций, а они едва ли могут быть заподозрены в особом к нам пристрастии, мы уже догнали и перегнали по реальному уровню жизни рабочего целый ряд капиталистических стран.

Но органы Лиги наций в своих сопоставлениях опираются только на данные строго формального заработка рабочего и уровень цен важнейших пищевых продуктов. Они вовсе не учитывают, например, таких вычетов из зарплаты европейского рабочего, как взносы по социальному страхованию, которые в Германии достигают 7,5% заработка рабочих, а у нас вовсе отсутствуют, они не учитывают различного уровня налогов, квартирной платы и целого ряда других особенностей труда и быта в различных странах. Если же все это учесть, как это сделал Ф. Д. Маркузон в своем исследовании, доложенном в Наркомтруде, то получается, что реальный уровень жизни московского рабочего уже в августе 1928 г. был на несколько процентов выше, чем у берлинских рабочих. Таким образом, уже к началу пятилетки наш советский рабочий в Москве стоит по своему уровню жизни выше рабочих Парижа и Берлина. А через пять лет, при выполнении намеченной в плане программы, мы, несомненно, догоним и перегоним в указанном отношении не только Берлин, но и Лондон.

В соответствии с ростом оплаты индустриального труда план намечает в общем не менее значительный прирост заработной платы и во всей массе наемного труда, взятого в целом. При этом для более отсталых в отношении уровня жизни категорий трудящихся, например для учителей, медицинского персонала, батраков и т. п., намечается более быстрый темп роста заработной платы, для других категорий — более медленный.

Какой рост и какие структурные сдвиги намечаются в общей массе наемного труда по пятилетнему плану, можно видеть в табл. 4.

В общем итоге за пять лет мы увеличиваем нашу армию пролетариата на 3,4 млн., или на 30%. По оптимальному варианту эта цифра возрастает еще сильнее — на 4,4 млн., или на 39%. Но по отдельным отраслям труда и секторам хозяйства этот рост далеко не одинаков. Слабее всего (только на 10% [1]) запроектирован рост транспортного персонала в связи с крупной реконструкцией транспорта, сильнее всего (на целых 202%) — должно возрасти число строителей, призванных осуществлять нашу огромную программу реконструкции. Гораздо медленнее растет основное ядро промышленных рабочих (на 25% по отправному и на 32% по оптимальному варианту). Но было бы неправильно только этот последний процент принимать за меру индустриализации нашего хозяйства. Строительное дело есть такая же отрасль индустрии, как и все остальные, а в момент реконструкции даже самая показательная, ибо слабый рост занятого труда в остальных отраслях является как раз прямым следствием быстрого темпа строительства. Вся индустриальная группа пролетариата, включая строителей, возрастает на 1,8 млн. работников по отправному и на 2,4 млн. по оптимальному варианту, т. е. на 40—60%. Темп не шуточный, особенно если учесть, что число строителей здесь дано в переводе на *годовых* рабочих при запроектированном удлинении строительного сезона по меньшей мере на 15—20%.

Заслуживает также внимания резкое повышение удельного веса обобществленного сектора за счет сокращения частного. Наиболее быстрый рост наемного труда запроектирован в кооперативном секторе в связи с намеченным обобществлением кустарей, а также крупным ростом совхозов и колхозов.

[1] Не включая сюда автотранспорт.

Таблица 4

Структура распределения наемного труда в СССР *

(в тыс. работников и в %)

Отрасли труда и сектора	1927/28 г. (в тыс. работников)	Отправной вариант (в тыс. работников)					Оптимальный вариант (в тыс. работников 1932/33 г.)	Структура (в %)			Прирост за 5 лет (в %)	
		1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.		1927/28 г.	1932/33 г. отправной вариант	1932/33 г. оптимальный вариант	отправной вариант	оптимальный вариант
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1. Промышленность												
а) цензовая	3 072	3 204	3 408	3 574	3 736	3 843	4 080	27,1	26,0	25,9	25,1	32,8
б) мелкая	408	414	438	462	486	510	523	3,6	3,5	3,3	25,0	28,2
Итого	3 480	3 618	3 846	4 036	4 222	4 353	4 603	30,7	29,5	29,2	25,1	32,3
2. Строительство	624	795	1 023	1 199	1 378	1 527	1 882	5,5	10,3	11,9	145,0	202,1
Итого по индустриальному труду (1—2)	4 104	4 413	4 869	5 235	5 600	5 880	6 485	36,2	39,8	41,1	43,3	58,1
3. Сельское и лесное хозяйство	2 124	2 230	2 634	2 508	2 649	2 805	2 867	18,7	19,0	18,2	32,1	35,0
4. Транспорт и связь	1 410	1 387	1 416	1 449	1 457	1 480	1 545	12,4	10,0	9,8	5,0	9,6
5. Торговля и кредит	743	806	872	943	1 021	1 104	1 246	6,5	7,5	7,9	48,6	67,7
6. Прочие (поденно-переменные рабочие)	401	410	419	428	436	445	462	3,5	3,0	2,9	11,0	15,2
Итого на хозяйственных работах (1—6)	8 782	9 246	9 940	10 563	11 163	11 714	12 605	77,3	79,3	80,0	33,4	43,5
7. Личная прислуга	353	361	367	376	384	392	405	3,1	2,6	2,6	11,3	15,0
8. Культурно-просветительные учреждения	737	775	819	879	938	1 010	1 031	6,5	6,8	6,5	37,0	39,9
9. Здравоохранение	384	405	430	454	478	501	519	3,4	3,4	3,3	30,5	35,0
10. Прочие государственные и общественные учреждения	1 094	1 114	1 125	1 138	1 151	1 164	1 204	9,7	7,9	7,6	6,4	10,0
Всего (1—10)	11 350	11 901	12 681	13 410	14 114	14 781	15 764	100	100	100	30,2	38,9
В том числе:												
А. Государственный сектор	7 959	8 355	8 936	9 462	9 956	10 390	11 143	70,1	70,3	70,7	30,5	40,0
Б. Кооперативный	1 075	1 197	1 364	1 526	1 698	1 876	2 083	9,5	12,7	13,2	74,5	93,8
Итого (А—Б)	9 034	9 552	10 300	10 988	11 654	12 266	13 266	79,6	83,0	83,9	35,8	46,4
В. Частный сектор	2 316	2 349	2 381	2 422	2 460	2 515	2 538	20,4	17,0	16,1	8,6	9,6
Общий баланс	11 350	11 901	12 681	13 410	14 114	14 781	15 764	100	100	100	30,2	38,9

* В эту и следующие таблицы включены все поправки и уточнения, внесенные секциями в план после обсуждения его на съезде плановых работников.

Значительный количественный рост кадров пролетариата, намеченный по плану, должен сопровождаться еще более крупным качественным ростом этих кадров. Высокая техника понижает спрос на продолжительную профессиональную тренировку рабочих для приобретения специальных навыков, но предъявляет зато значительно более высокий спрос в отношении общего культурного уровня рабочего. Расширение воспроизводства квалифицированной рабочей силы за предстоящее пятилетие должно пойти, таким образом, прежде всего по линии школьной подготовки.

Мы уже и в настоящее время можем отметить в этой области значительные достижения по сравнению с довоенным уровнем. В 1927/28 г. число обучающихся в низшей школе превышало довоенный уровень на 45%, в средней — на 54, в профессиональной — на 139%. И только по вузам это превышение доныне было более скромным (на 26%)[1]. Но в предстоящее пятилетие, имея в виду необходимость поднятия культуры до уровня значительно опередивших нас в этом отношении стран Запада, наш план намечает в области социально-культурного строительства гораздо более резкие сдвиги. Так, например, по Соцвосу мы увеличиваем ассигнования за пять лет минимум на 99%, по Политпросвету (печать, кино, радио и пр.) — на 132, по профессиональному образованию — на 219% и т. д. В оптимальном варианте эти темпы, конечно, еще выше (см. табл. 5).

Грандиозный объем вышеприведенной программы говорит сам за себя. В этой программе, однако, можно различать две задачи: во-первых, обеспечить простое воспроизводство рабочей силы и, во-вторых, содействовать расширенному ее воспроизводству в количественном и качественном отношениях. Затраты на осуществление второй задачи принципиально не отличаются от капитальных затрат на материальное строительство. Их производственный эффект мы будем тоже получать в течение целого ряда лет после момента вложения. Правда, этот эффект не всегда поддается точному учету. Но тем не менее мы его получим в свое время.

С указанной точки зрения большой интерес представляет в нашей таблице статья затрат на материальное «обеспечение учащихся» во время пребывания их в школе. Здесь имеется в виду не тот стипендиальный фонд, который отпускается из бюджета и обслуживает не только детей рабочих, но и крестьян и прочих граждан, а дополнительный специальный фонд, образуемый в порядке социального страхования, предназначенный для обслуживания только детей застрахованных рабочих и служащих. Мы имеем в виду распространить этот фонд на обслуживание детей рабочего, уже начиная с семилетки и профессиональной низшей и средней школы. Только при наличии такого фонда мы сможем осуществить план обязательного прохождения семилетки всем подрастающим рабочим населением наших городов. Только при этом условии у нас будет обеспечен необходимый нам рост квалифицированных рабочих, техников и инженеров вполне доброкачественного социального состава, т. е. с преобладанием детей рабочих не только в низах, но и в командном составе нашей индустрии и всех хозорганов.

Это будет стоить значительных средств. Но это окупится сторицей. И прежде всего окупится тем, что мы получим возможность значительно дешевле оплачивать наш инженерно-технический командный состав. Значительный разрыв между оплатой квалифицированного рабочего и инженера обусловлен прежде всего сравнительно высокими издержками воспроизводства инженеров, падающими на индивидуальный бюджет обучающихся или их семей. Но с момента, когда государство берет на себя обязательство обеспечить не только бесплатность обучения, но и содержание всех учащихся за время обучения, экономические основания для резкой дифференциации в оплате рабочего и инженера отпадают. А какую это

[1] «Народное просвещение в СССР», изд. ЦСУ. М., 1929, стр. 198.

Т а б л и ц а 5

Бюджет социально-культурного строительства
(в червонной валюте каждого года)

Источники и назначение	Ежегодный фонд (в млн. руб.)			1932/33 г. (в % к 1927/28 г.)		Сумма фондов за 5 лет (в млн. руб.)	
	1927/28 г.	1932/33 г.					
		отправной вариант	оптимальный вариант	отправной вариант	оптимальный вариант	отправной вариант	оптимальный вариант
1	2	3	4	5	6	7	8
Источники							
1. Госбюджет	433	953	1 075	220	248	3 680	3 855
2. Местный бюджет	797	1 647	1 885	206	237	6 403	6 936
3. Соцстрах	969	2 108	2 449	218	253	7 863	8 630
4. Прочие источники	259	637	717	246	277	2 415	2 671
Итого (1—4)	2 458	5 345	6 126	217	249	20 361	22 092
Назначение							
1. Просвещение:							
а) учреждения социального воспитания	583	1 162	1 369	199	235	4 556	5 014
б) школы профессионального образования	225	717	729	319	324	2 632	2 674
в) печать, кино, радио и пр.	151	351	363	232	240	1 342	1 397
г) Главнаука	70	109	109	156	156	471	471
д) обеспечение учащихся	—	358	499	—	—	863	1 130
Итого (1)	1 029	2 697	3 069	262	298	9 864	10 686
2. Здравоохранение	597	1 102	1 274	185	213	4 376	4 823
3 Социальное обеспечение	93	201	278	216	299	738	860
Итого (1—3)	1 719	4 000	4 621	233	269	14 978	16 369
4. Страхование, пособия и пр.	739	1 345	1 505	182	204	5 383	5 723
Всего (1—4)	2 458	5 345	6 126	217	249	20 361	22 092

может дать экономию, можно видеть уже из того, что, скажем, содержание студента в вузе за пять лет может нам обойтись в 2000—3000 руб., а разница в оплате квалифицированного рабочего и инженера за 20—30 лет его работы обошлась бы нам по нынешним нормам тысяч в 30—40 по меньшей мере. Мы уже не говорим здесь о той социальной размычке между рабочим и инженером, которая так часто возникает на почве резких разрывов в их благосостоянии и которая тоже чревата неблагоприятными производственными эффектами.

В вышеприведенном бюджете социально-культурного строительства отсутствует одна очень важная статья. Это затраты на новое жилищное строительство, достигающие по плану за пять лет не менее 4955 млн. руб. Эти затраты, направленные на улучшение быта рабочих, имеют тоже огромное культурное и производственное значение. Увеличивая обобществленный жилфонд в городах за пять лет на целых 40%, что позволит поднять душевую обеспеченность *рабочих* жилой площадью на 23%, мы тем самым не только предоставляем более благоприятные условия для культурного быта рабочих, но и создаем базу для более прочной оседлости пролетариата. А это, если учесть значение не порванных еще его связей с деревней и слишком частых переходов с места на место в поисках лучших условий труда и быта, отнюдь не безразличный факт и с производственной точки зрения. Огромный оборот рабочей силы в нашей индустрии, отмеченный статистикой, представляет собой совершенно нерациональную трату производственных ресурсов, а полукочевое — между городом и деревней — состояние значительных «отхожих» кадров наемного труда задерживает полную консолидацию пролетариата в единый социально и культурно целостный класс, способный не только к высоким производственным достижениям, но и к мощному отпору всяким извне идущим классовым влияниям. Вот почему намеченная планом программа жилищного строительства должна привлечь к себе самое широкое общественное внимание.

Здесь следует отметить еще одно очень важное обстоятельство. До сих пор серьезнейшим препятствием к крупному жилищному строительству была слишком низкая квартирная плата. Но поправки, внесенные в квартирный закон, и тот прирост квартплаты, который непосредственно связан с ростом заработной платы, уже ныне обеспечивает нам в общем безубыточность эксплуатации жилого фонда. Намеченное повышение заработной платы за пятилетие обеспечит нам дальнейшее повышение квартплаты самотеком минимум на 22%. А это дает уже возможность вполне рентабельного использования нашего жилфонда. И потому никакого искусственного повышения ставок на предстоящее пятилетие не потребуется. В интересах охраны рабочего бюджета от всяких излишних на него покушений это следует зафиксировать особым постановлением. Дальнейший пересмотр закона о квартплате в сторону ее повышения по крайней мере в течение пятилетки должен быть исключен.

2. ПРОБЛЕМЫ НАКОПЛЕНИЯ

Масштабы намеченного планом социалистического накопления за пятилетие определяются прежде всего общим темпом возрастания всего народного дохода в стране, затем — темпами обобществления в различных отраслях хозяйства и, наконец, той долей народного дохода, которая должна обеспечить надлежащий рост потребления трудящихся масс.

Народный доход представляет собой наиболее обобщенный показатель эффекта намеченной планом реконструкции народного хозяйства и с этой точки зрения заслуживает специального изучения. В наиболее суммарных итогах динамика народного дохода СССР за 1927/28—1932/33 гг. может быть представлена в следующем виде (см. табл. 6).

Таблица 6

Народный доход (чистая продукция) СССР
(в млрд. червонных рублей в ценах каждого года)

Отрасли хозяйства	Народный доход (в млрд. червонных рублей)			Структура (в % к итогу)			Прирост за 5 лет			
	1927/28 г.	1932/33 г.		1927/28 г.	1932/33 г.		отправной вариант		оптимальный вариант	
		отправной вариант	оптимальный вариант		отправной вариант	оптимальный вариант	абс.	в %	абс.	в %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Сельское и лесное хозяйство . . .	11,28	16,37	16,74	45,7	40,3	38,7	5,09	45,1	5,46	48,4
2. Промышленность (с акцизом) . . .	7,81	13,92	14,81	31,6	34,2	34,2	6,11	78,2	7,00	89,6
3. Строительство	1,59	3,45	4,10	6,5	8,5	9,5	1,86	117,0	2,51	157,9
4. Транспорт и связь	1,26	2,34	2,62	5,1	5,7	6,1	1,08	85,7	1,36	107,9
5. Торговая выручка (накидка) . . .	2,74	4,59	5,00	11,1	11,3	11,5	1,85	67,5	2,26	82,5
Итого	24,68	40,67	43,27	100,0	100,0	100,0	15,99	64,8	18,59	75,3
То же (в млрд. руб. по физическому объему)	24,68	44,82	50,20	—	—	—	20,14	81,6	25,52	103,4
Всего на душу населения в рублях:										
а) червонных	163,1	240,4	255,7	—	—	—	77,3	47,4	92,6	56,8
б) по физическому объему	163,1	264,9	296,7	—	—	—	101,8	62,4	133,6	81,9

Приведенные итоги не дают исчерпывающего учета народного дохода СССР, так как в них еще не учтены некоторые второстепенные статьи (гужевой транспорт, некоторые разделы коммунального хозяйства и т. п.), но для изучения динамики явления они достаточно показательны. Обращает на себя внимание в этой таблице прежде всего именно громадный процент прироста народного дохода. Если исключить действие снижающихся цен, то по физическому своему объему, т. е. в неизменных ценах, мы определяем по двум вариантам прирост народного дохода от 80 до 100%. Даже из расчета на душу, т. е. с учетом прироста населения, мы ожидаем от 60 до 80% прироста душевого дохода за одно пятилетие.

Если сопоставить эти коэффициенты с нормами роста капиталистических стран, то придется признать их беспримерными. Наиболее крупный прирост народного дохода на душу населения можно отметить в Соединенных Штатах — на 53% за десятилетие 1880—1890 гг., но и он не идет ни в какое сравнение с нашей наметкой, так как соответствует годовому темпу в 4,5%, а наш расчет для СССР дает не менее 10—12%. Если же обратиться к более близкому времени, то и американские темпы сильно падают, а европейские и вовсе способны внушить уныние любому апологету капитализма. Так, например, по сводке всех соответствующих подсчетов буржуазной статистической науки С. Н. Прокопович пришел к следующим выводам. За последнюю четверть века перед войной душевой уровень народного дохода, приведенный к неизменным ценам, во всех передовых странах капитализма являет весьма неприглядную картину старческого маразма или, говоря иначе, полной стабилизации. Правда, в более молодой капиталистической стране — США можно все же отметить за 1900—1913 гг. ежегодный прирост душевого дохода в 1,2%, но уже в юнкерской Пруссии с 1896 по 1913 г. мы наблюдаем едва 0,2% прироста за год, в старой Англии за время с 1895 по 1913 г.— круглый ноль, а в «прекрасной» Франции за 1894—1911 гг.— даже отрицательный годовой «прирост» (—0,8%).

Констатируя эти столь печальные факты, Прокопович меланхолически заключает: «Итак, тот экономический кризис, который переживает в настоящее время Западная и Центральная Европа, вызван вовсе не мировой войной. Уже с конца 1890-х годов страны старой европейской культуры вступили в полосу народнохозяйственной *депрессии и застоя* — не только Англия, но и Франция, и даже Германия... Мы имеем здесь дело с *поворотным моментом* в истории старых культурных стран... Остановка в росте народного благосостояния, вызвавшая глубокое социальное недовольство и брожение в трудящихся массах, привела к усиленной погоне за рынками дешевого сырья и к борьбе за эти рынки, приведшей к мировой войне. Но война эта,— отмечает дальше Прокопович,— не улучшила, а в чрезвычайной мере ухудшила экономическое и социальное положение Европы» [1]. И в доказательство этого он приводит целый ряд убийственных статистических цифр и фактов, из которых, между прочим, явствует, что после войны большинство «передовых» стран капиталистической Европы не восстановило еще доныне и того уровня народного дохода, на котором оно остановилось перед войной. Так, например, Германия в 1925 г. достигла лишь 99% довоенной нормы, Англия — 85,6, Франция — 79,1% и т. д.

Конечно, объяснить такие факты можно по-разному. Так, Прокопович, который в порядке ревизии своих старых взглядов давно уже откатился от Маркса назад — лет этак на 100 — к его высокопреподобию Т. Р. Мальтусу, пытается объяснить эту стабилизацию капитализма истощением «*природных* богатств и убывающей производительностью последовательных затрат труда и капитала...». Ну, а мы в таком загнивании капитализма отнюдь не склонны видеть *естественных* пределов росту производитель-

[1] С. Н. Прокопович. Народный доход западноевропейских стран. М.—Л., 1930, стр. 48—49. Курсив наш. — *С. С.*

ных сил и думаем, что если данная историческая форма общественного производства действительно исчерпала уже заложенные в ней экономические возможности, то, значит, на смену ей грядет другая, более производительная. И факты из области динамики нашей советской экономики как будто вполне нелицеприятно подтверждают правильность такого заключения.

Дело не в том, конечно, что мы запроектировали *на будущее* высокий рост душевого уровня народного дохода, а в том, что мы уже доказали на своем опыте возможность таких темпов. За три года (с 1924/25 по 1927/28 г.) мы имели прирост народного дохода из расчета на одну душу в 31%, т. е. не менее 10% за год. В свете этих данных и наши расчеты на последующие годы пятилетки отнюдь не могут быть признаны чересчур оптимистическими. Несмотря на то что за годы мировой и гражданской войны Советский Союз в условиях интервенции и блокады пережил столь глубокую хозяйственную разруху, какой не знала ни одна капиталистическая страна, мы уже в 1926/27 г. достигли довоенного уровня народного дохода, в 1928/29 г. мы стоим примерно на уровне 116%, а через четыре года твердо рассчитываем подняться по меньшей мере до 170% довоенного уровня. Таковы заданные нашим планом темпы хозяйственного роста СССР.

Большой интерес представляет вытекающее из плана изменение структуры народного дохода. Как видно из табл. 6, доля сельского хозяйства падает за пять лет с 46 до 39%. Это результат индустриализации народного хозяйства. Но он еще несколько преуменьшен в данном случае за счет крупного снижения цен индустриальной продукции при стабильности сельскохозяйственных. При условии неизменных цен доля сельского хозяйства в общем итоге к концу пятилетки выразилась бы еще более низким процентом (36,7%). Еще резче сдвиги структуры народного дохода в секториальном разрезе. Доля частного сектора в общей продукции народного дохода уже в отправном варианте падает с 47 до 35%, а в оптимальном она еще ниже (до 32,9%).

В дополнение к этому наиболее суммарному показателю обобществления можно добавить следующие, более частные. Продукция цензовой промышленности уже в 1927/28 г. была обобществлена на 98,3%, и частный сектор падает в ней за пять лет с 1,7 до 1%. Паровой транспорт обобществлен на все 100%. В торговле процессы обобществления идут тоже чрезвычайно энергично. Частная розница по отправному варианту сокращается за пять лет с 25 до 12%, а по оптимальному — до 9%. Весь же частный товарооборот в опте и рознице падает с 14 до 4,6% или даже до 3,2%. И только в сельском хозяйстве преобладает еще частнохозяйственная стихия. Но и здесь обобществленный сектор возрастает за пять лет по меньшей мере раз в семь, с 1,8 до 13—15%, по валовой продукции, по товарной — до 23—25%, а по зерновым хлебам — даже до 43%.

Общий баланс чистой продукции страны по социальным секторам и распределение ее по классам населения представлены в следующем ориентировочном расчете (см. табл. 7).

Конечно, сопоставления такого рода всегда носят весьма условный характер. При учете личных доходов населения всегда неизбежен в некоторой доле многократный их учет. Доход прислуги является, например, прямым вычетом из дохода нанимателей. Заработная плата государственного аппарата покрывается главным образом за счет налогов, представляющих вычет из личных доходов всех налогоплательщиков и т. д. Кроме того, точность подобных исчислений и вообще не слишком велика даже в отношении истекших лет, а в провизорных балансах, т. е. в расчетах на будущее время, она, конечно, еще меньше. Тем не менее без такой, хотя бы весьма примерной, ориентировки мы не могли бы судить о социальном профиле всего плана, взятого в целом.

В чем же сказываются его наиболее характерные черты?

Таблица 7

Баланс производства и распределения народного дохода СССР
(с учетом снижения цен)

Социальные сектора и классы	В млн. червонных рублей			Структура (в % к итогу)			Прирост за 5 лет			
	1927/28 г.	1932/33 г.		1927/28 г.	1932/33 г.		отправной вариант		оптимальный вариант	
		отправной вариант	оптимальный вариант		отправной вариант	оптимальный вариант	абс.	в %	абс.	в %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
А. В приходе (по секторам)										
1. Государственный сектор	10 566	19 529	21 397	42,8	48,0	49,4	8 963	84,8	10 831	102,5
2. Кооперативный »	2 447	7 096	7 649	9,9	17,4	17,7	4 649	190,0	5 202	212,6
Итого	13 013	26 625	29 046	52,7	65,4	67,1	13 612	104,6	16 033	123,2
3. Частный сектор	11 669	14 049	14 224	47,3	34,6	32,9	2 380	20,4	2 555	21,9
Всего	24 682	40 674	43 270	100,0	100,0	100,0	15 992	64,8	18 588	75,3
Б. В расходе (по классам)										
1. Пролетариат:										
а) сельскохозяйственный	554	1 053	1 100	2,2	2,6	2,5	499	90,1	546	98,6
б) индустриальный и пр.	8 638	15 664	17 509	35,0	38,5	40,5	7 026	81,3	8 871	102,7
Итого	9 192	16 717	18 609	37,2	41,1	43,0	7 525	81,9	9 417	102,4
2. Трудящиеся не по найму:										
а) в земледелии *	11 357	16 369	17 228	46,0	40,2	39,8	5 012	44,1	5 871	51,7
б) в прочих отраслях	1 747	1 974	1 793	7,1	4,9	4,1	227	13,0	46	2,6
Итого	13 104	18 343	19 021	53,1	45,1	43,9	5 239	40,0	5 917	45,2
3. Предпринимательские группы:										
а) в земледелии	1 490	2 088	1 772	6,0	5,1	4,1	598	40,1	282	18,9
б) прочие	588	351	306	2,4	0,9	0,7	—237	—40,3	—282	—48,0
Итого	2 078	2 439	2 078	8,4	6,0	4,8	361	17,4	0	0
4. Прочие группы	504	568	568	2,0	1,4	1,3	64	12,7	64	12,7
Итого доходов населения—брутто (1—4)	24 878	38 067	40 276	100,8	93,6	93,1	13 189	53,0	15 398	61,9
В том числе повторный счет . .	2 404	2 925	3 358	9,7	7,2	7,8	521	21,7	954	39,7
Всего без повторного счета —нетто	22 474	35 142	36 918	91,1	86,4	85,3	12 668	56,4	14 444	64,3
Накопление обобществленного сектора	2 208	5 532	6 352	8,9	13,6	14,7	3 324	150,5	4 144	187,7
Баланс	24 682	40 674	43 270	100,0	100,0	100,0	15 992	64,8	18 588	[illegible]

Прежде всего следует отметить, что доля накопления в обобществленном секторе, т. е. сумма прибылей и рентных доходов государственных и кооперативных предприятий, включая сюда и чистый доход от лесного хозяйства, возрастает за пять лет с 9 до 15% от общей суммы народного дохода. В связи с этим сумма доходов населения (нетто) возрастает несколько медленнее, чем общая сумма народного дохода. Но если средний темп роста этих доходов для всех групп достигает только 62%, то доход пролетариата возрастает вдвое, т. е. значительно быстрее средней нормы для всего населения. А доход буржуазно-предпринимательских групп, наоборот, дает наиболее скромный прирост, всего на 17% по отправному варианту и нулевой рост по оптимальному, при абсолютном сокращении дохода всей городской предпринимательской группы (за счет резкого сокращения частной торговли). В отношении кулацкой верхушки деревни мы исходим из допущения, что в предстоящем пятилетии удельный вес ее уже начнет падать, но абсолютный рост численности по отправному варианту будет все же иметь место, несколько отставая от общего роста населения, а вместе с тем будет расти и сумма ее доходов. Общий сдвиг в распределении доходов от буржуазии к пролетариату тем не менее получает в приведенной таблице чрезвычайно яркое выражение.

Однако эти общие сдвиги не характеризуют еще динамики сравнительного *уровня* благосостояния различных социальных групп. Показателем такового может быть только *душевой* доход этих групп. И притом *реальный* доход, т. е. с учетом изменения индекса цен. Дать такие индексы для всех групп табл. 7 не представляется возможным, но по основным группам городского и сельского населения мы имеем такую проектировку. По расчетам В. И. Каца, давшего расчленение личных доходов населения по социальным группам на основе проектировок секций Госплана, мы должны оценивать прирост реального душевого дохода за пять лет в городе на 51% и в деревне — на 52%. По оптимальному варианту соответствующие нормы — 66 и 67%. При весьма небольшой точности таких расчетов можно считать, что и в городе и в деревне мы будем иметь в общем примерно одинаковый рост душевого дохода. Но если для города в целом мы имеем только 51% прироста душевого дохода, то городской пролетариат повышает его на 58%, т. е. беднейшая группа получает прирост выше среднего. Точно так же и в деревне: если все население на круг повысит свой доход от 52 до 67%, то сельский пролетариат повысит его минимум на 64%, а беднота, объединенная в колхозы,— даже на 66—79%. Таким образом, беднейшие группы деревни во всяком случае получают более быстрый рост благосостояния, чем все городское население. И, стало быть, разрыв между уровнем благосостояния этих беднейших групп деревни и средним городским уровнем должен постепенно выравниваться.

В приведенных показателях не выявлена еще роль бюджета как одного из важнейших перераспределителей народного дохода. Путем налоговых изъятий бюджет снижает ресурсы индивидуальных хозяйств и, обращая часть этих ресурсов на финансирование народного хозяйства, увеличивает масштабы и темпы социалистического накопления. Особый интерес представляет в этом отношении в связи с нашей классовой политикой в деревне роль бюджета в качестве рычага перераспределения народного дохода и социалистического накопления за счет основных масс сельскохозяйственного населения. Проблема эта довольно сложна, так как бюджет оперирует не только налоговыми рычагами, но и кредитными методами, а, кроме того, наряду с изъятиями через бюджет осуществляется культурное и хозяйственное обслуживание нужд деревни. Пользуясь, однако, проектировками бюджетно-финансовой секции Госплана в отношени роста отдельных приходных и расходных статей бюджета и теми данными о социальном расслоении деревни за отчетные годы, какие выявлены недавно в ра-

Таблица 8

Расчетный баланс взаимоотношений государства с деревней за 1928/29—1932/33 гг.*

(в млн. червонных рублей)

Показатели \ Группы	Отправной вариант: предприниматели	середняки	бедняки	итого	батраки	всего по индивидуальным хозяйствам	колхозы и совхозы
1	2	3	4	5	6	7	8
Приход за 5 лет	9 075	55 900	9 650	74 625	4 380	79 005	4 320
I. Изъятия							
1. Сельхозналог и самообложение	1 179	1 619	40	2 838	—	2 838	157
2. Прочие налоги	1 390	5 570	785	7 745	653	8 398	312
Итого (1—2)	2 569	7 189	825	10 583	653	11 236	469
3. Займы и сберкассы (сальдо)	54	336	58	448	26	474	24
Итого (1—3)	2 623	7 525	883	11 031	679	11 710	493
Процент изъятия	28,9	13,5	9,2	14,8	15,5	14,8	11,4
II. Возвраты							
1. Административно-судебные расходы	53	703	175	931	48	979	56
2. Культурные расходы	228	3 035	755	4 018	206	4 224	241
3. Дорожное хозяйство	141	871	150	1 162	68	1 230	62
4. Страхование старости	—	—	86	86	24	110	30
Итого (1—4)	422	4 609	1 166	6 197	346	6 543	389
5. Финансирование народного хозяйства (сальдо)	90	1 128	282	1 500	—	1 500	1 650
Итого (1—5)	512	5 737	1 448	7 697	346	8 043	2 039
Сальдо баланса (I—II)	+2 111	+1 788	—565	+3 334	+333	+3 667	—1 546
6. Выигрыш на ценах							
а) промышленные продукты	445	2 207	348	3 000	181	3 181	—
б) сельскохозяйственные продукты	111	552	87	750	—	750	—
Итого	556	2 759	435	3 750	181	3 931	—
Общее сальдо	+1 555	—971	—1 000	—416	+152	—264	—1 546

* Эти расчеты надо рассматривать только как ориентировочные.

боте комиссии СНК о тяжести обложения, мы можем представить следующий ориентировочный расчет (см. табл. 8).

В этом балансе мы не учли тех изъятий из ресурсов деревни, какие осуществляются в процессе неэквивалентного обмена продуктов деревни

на городские продукты, ибо эти изъятия совершенно не поддаются учету. Имеющиеся у нас индексы цен с базой 1913 г. объективной мерой неэквивалентности обмена в пользу города служить не могут, ибо и для 1913 г. никто никакой эквивалентности не установил. А с тех пор условия производства в городе и деревне претерпели весьма существенные изменения. Каковы ныне «ножницы» между ценой и стоимостью продуктов земледелия, никто в точности не знает. Несомненно лишь одно, что такие «ножницы» даже после того повышения хлебных цен, какое имело место осенью 1928 г., еще оставались и были постепенно изжиты лишь в последующие годы.

Не учтены в нашем балансе также возвратные изъятия в порядке паевых накоплений *кооперации* (около 1 млрд. руб. за пятилетие) и некоторые другие.

Таким образом, этот баланс не дает исчерпывающей картины расчетных отношений деревни со *всеми* ее контрагентами. Но в качестве баланса расчетов ее с государством, или, говоря точнее, с государственным и местным бюджетами, он представляет собою достаточно полное и точное отображение действительности.

Если рассматривать весь индивидуальный сектор деревни в целом, то чистое сальдо изъятий из деревни налогами и займами за вычетом тех возвратов, какие он получает в порядке бюджетного финансирования и кредита от государства, за пять лет составит около 3,6 млрд. руб. Необходимо заметить, что за предшествующее пятилетие соответствующее сальдо по расчетным данным тоже составило около 3 млрд. руб. За счет этого сальдо мы можем финансировать обобществленный сектор хозяйства или использовать его для удовлетворения нужд обороны страны и других общегосударственных потребностей. Из табл. 8 видно, что свыше 40% этого сальдо, а именно 1546 млн. руб., по нашему плану обращается на колхозно-совхозное строительство, т. е. на финансирование процессов обобществления в деревне. Таким образом, известная перекачка из частного сектора в социалистический, несомненно, происходит. Но наряду с этим идет перераспределение народного дохода между различными социальными группами деревни. Предпринимательская группа дает бюджету за пять лет 2111 млн. руб., середняцкая — 1788 млн., но зато бедняцкая сама получает из этих средств свыше полумиллиарда рублей. Достигается этот результат классовым характером нашего прямого обложения. Процент изъятий дохода у высших групп населения в 3 раза выше, чем у низших. И с ростом душевого уровня благосостояния этот процент заметно повышается в предстоящем пятилетии. Но при учете влияния этого прироста налоговых изъятий не следует забывать еще одно очень важное обстоятельство: нашу политику цен, запроектированную в плане.

Как известно, существующее соотношение цен промышленной и сельскохозяйственной продукции по сравнению с довоенным не вполне благоприятно для деревни. Но в течение пятилетия ценовые «ножницы» могут быть полностью изжиты. Производительность индустриального труда у нас растет значительно быстрее, чем в сельском хозяйстве. И это позволяет снизить индустриальные цены за пять лет в большей степени, чем сельскохозяйственные. В сущности, в 1928/29 г. сельскохозяйственные цены даже несколько возросли против 1927/28 г. (на 5,5%), и, хотя к 1932/33 г. они снова снижаются примерно на 3%, уровень их все же останется на 2,4% выше 1927/28 г. Индустриальные же цены в рознице за пять лет будут снижены почти на 20%. В результате указанных смещений цен деревня будет продавать свои продукты несколько дороже прежнего, а покупать городские — значительно дешевле. Общий выигрыш деревни за счет смещения цен в зависимости от роста ее товарообмена с городом поддается учету в следующих цифрах по отправному варианту:

Выигрыш деревни
(в млн. руб.)

Годы	На сельско-хозяйственных товарах	На промышленных товарах	Итого
1928/29	152	—	152
1929/30	162	143	305
1930/31	162	443	605
1931/32	155	919	1074
1932/33	119	1676	1795
За 5 лет	750	3181	3931

Таким образом, в общем счете деревня с избытком возмещает себе на ценах все, что из нее извлекает государство в порядке налоговых и кредитных изъятий. Но по отдельным социальным группам этот баланс выглядит весьма различно. Предпринимательская группа даже с учетом выигрыша на ценах все же отдает из своего бюджета свыше полутора миллиардов, а бедняки и середняки, наоборот, увеличивают свои ресурсы почти на 2 млрд. Однако этот выигрыш (на ценах) особого рода. Он не сопровождается никакими потерями в бюджете. И с этой точки зрения его вовсе не следует вводить в *расчетный* баланс между деревней и фиском, хотя при учете благосостояния деревни, измеряемого суммой достающихся ей потребительских благ, этот выигрыш, несомненно, подлежит учету. От снижения цен *в меру снижения себестоимости,* в сущности, никто ничего не теряет и все кое-что выигрывают. А если учесть еще, что в данном случае промышленные цены снижаются с отставанием на несколько процентов от себестоимости, то кое-какой выигрыш от этой операции получат не только рабочие и крестьяне, т. е. отдельные потребители, но и общая касса социалистического накопления.

Несколько иначе дело обстоит с ценами крестьянской продукции. Здесь ведь мы имеем дело не с падением, а даже с некоторым подъемом их, по крайней мере в отправном варианте. Однако не следует забывать, что и здесь повышение хлебных цен, имевшее место с осени 1928 г., в достаточной степени обусловлено плановой установкой на экономическое стимулирование расширенного воспроизводства зерновых культур. Прежние цены недостаточно стимулировали этот крайне необходимый для нас процесс. Мы не имеем *точных* данных об издержках производства сельскохозяйственной продукции. Но все имеющиеся данные определенно говорят о том, что прежние цены не гарантировали даже минимально необходимой рентабельности данного производства. А в таком случае, повышая хлебные цены, мы лишь в известной мере расплачиваемся с деревней за те позаимствования из ее продукции, к которым мы были вынуждены прибегать в труднейшие годы нашего хозяйственного развития.

С точки зрения необходимости достаточной стимуляции зернового хозяйства законен другой вопрос. Достаточно ли для этой цели то повышение хлебных цен, какое уже имело место осенью 1928 г. (+14%)? Лучшим ответом на этот вопрос будут те или иные успехи зернового хозяйства за ближайшую пару лет. Однако не следует забывать, что если мы *номинально* в отправном варианте стабилизуем хлебные цены на уровне 114% от цен 1927/28 г., то *реально* в связи со снижением индустриальных цен и повышением покупательной силы крестьянского рубля на 15% мы получим повышение их к 1932/33 г. до 131% от уровня 1927/28 г. А это уже весьма ощутительный сдвиг в направлении к необходимому повышению рентабельности сельского хозяйства, в особенности если одновременно учесть запроектированное повышение урожайности.

За счет этих сдвигов в связи с возрастанием производительных сил деревни и намечается вышеуказанный рост благосостояния сельского населения. Но даже при условии такого роста возможное привлечение деревни к участию в социалистическом накоплении страны, как было выше указано, ограничивается довольно скромными цифрами по сравнению с другими источниками.

В самом деле, суммируя главнейшие источники вложений в народное хозяйство по обобществленному сектору, мы получим следующую картину (см. табл. 9).

В эту таблицу мы включаем и амортизационные фонды, поскольку они используются для воспроизводства изнашиваемых частей основных фондов. К тому же, если учесть, что эти фонды в главной своей массе отнюдь не воспроизводят выбывшие за ветхостью и негодностью предприятия и их оборудование в прежнем их виде, а замещают их всегда новыми конструкциями *с учетом всех достижений технического прогресса,*— то станет ясно, что и они служат для реконструкции нашей технической базы не менее других источников. Именно имея в виду это действие технического прогресса, Маркс утверждал, что использование амортизационных фондов обеспечивает обычно не простое, а (если рассматривать его в общественном масштабе) расширенное воспроизводство общественных благ[1]. Но если даже брать лишь накопление в тесном смысле этого слова, т. е. без амортизации, то получим за пять лет весьма внушительный итог в 34—39 млрд. руб.

Из них не менее 24 млрд. руб. падает на прибыль и ренту, получаемые Советским государством по праву хозяина от национализированных предприятий, лесов и земель. Это основной и решающий источник социалистического накопления. Его доля уже в 1927/28 г. достигла 55%, а к концу пятилетки достигает 73% общего итога.

На втором месте стоят налоговые ресурсы в той их части, в которой они извлекаются бюджетом сверх потребностей непроизводственной части расходного бюджета и потому могут быть обращены на финансирование народного хозяйства. Однако налоги, даже с учетом их переложения, падают на все группы населения, в том числе и на пролетариат. Но все налоговое бремя, падающее на плечи пролетариата, Советская власть возмещает с избытком увеличением заработной платы. И потому интерес самостоятельного источника для социалистического накопления могут представить только те налоги, которые притекают к нам от непролетарской части городского и сельского населения. Спрашивается, в какой же доле эта часть населения привлекается в качестве принудительных вкладчиков в наше социалистическое строительство?

Если исходить из общего итога налоговых изъятий для социалистического накопления за пять лет в 5—6 млрд. и допустить, что их уплатят разные группы населения, в той же пропорции, в какой это имело место за последний отчетный 1927/28 год, то получим примерно следующее: на городскую буржуазию и кулацкую группу деревни упало бы что-то около 640 млн. руб., на прочее непролетарское население города и деревни — до 2640 млн. руб., а все остальное падает на пролетариат и само государство. Иными словами, доля частного, непролетарского сектора в социалистическом строительстве не достигает и 10% общего итога плана.

Правда, в этот итог входят еще такие источники, как займы и эмиссия. Но, во-первых, и в размещении этих сумм первое место будет принадле-

[1] «Такое воспроизводство в расширенном масштабе, — оговаривается, однако, Маркс,— вытекает не из накопления — не из превращения прибавочной стоимости в капитал, а из обратного превращения стоимости, которая, ответвившись, отделившись в денежной форме от тела основного капитала, превратилась в новый — в добавочный или в более эффективный основной капитал того же рода» (К. Маркс. Капитал, т. II. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 193).

Таблица 9

Главнейшие источники социалистического накопления в СССР *
(в млн. червонных рублей каждого года)

Источники накопления	1927/28 г.	Отправной вариант							За 5 лет	
		1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	структура в % к итогу		отправной вариант	оптимальный вариант
							1927/28 г.	1932/33 г.		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
А. Прибыль и рента										
1. Промышленность	948	1 610	2 051	2 466	2 892	3 259	23,7	37,2	12 278	13 581
2. Транспорт и связь	270	413	503	588	748	897	6,8	10,3	3 149	3 587
3. Коммунальное хозяйство	215	228	235	276	352	413	5,4	4,7	1 504	1 658
4. Торговля и кооперация	254	348	454	519	663	773	6,4	8,8	2 757	2 968
5. Кредитные учреждения	220	263	292	341	361	418	5,5	4,8	1 675	1 940
6. Сельское хозяйство	4	8	19	34	43	68	0,1	0,8	172	189
7. Лесной доход	210	237	267	308	343	383	5,3	4,4	1 538	1 699
8. Прочие рентные доходы	87	97	108	120	130	141	2,2	1,6	596	643
Итого (А)	2 208	3 204	3 929	4 652	5 532	6 352	55,4	72,6	23 669	26 265
Б. Прочие источники										
1. Налоговые ресурсы	694	976	1 055	1 045	1 049	1 151	17,4	13,2	5 276	5 544
2. Займы государственные и местные (сальдо)	419	527	470	504	637	667	10,5	7,6	2 805	3 500
3. Паевое накопление кооперации	187	252	274	273	292	301	4,7	3,4	1 392	2 167
4. Эмиссия (по частному сектору)	365	170	165	157	155	95	9,2	1,1	742	1 034
5. Отчисления Цустрах и Госстрах	111	120	136	151	167	184	2,8	2,1	758	800
Итого (Б)	1 776	2 045	2 100	2 130	2 300	2 398	44,6	27,4	10 973	13 045
Итого накопления (А + Б)	3 984	5 249	6 029	6 782	7 832	8 750	100	100	34 642	39 310
В. Амортизация	1 139	1 252	1 380	1 543	1 729	1 977	28,6	22,6	7 881	8 341
Всего (А + Б + В)	5 123	6 501	7 409	8 325	9 561	10 727	128,6	122,6	42 523	47 651

* В прибылях économie госпромышленности учтены электростанции и сделана поправка в 10% на местную (не планируемую) промышленность; лесной доход взят за вычетом эксплуатационных расходов на лесное хозяйство; в прочих рентных доходах учтена плата за недра, аренда, концессионные предприятия и пр.

жать, несомненно, пролетариату, а не буржуазии, и, во-вторых, этого рода изъятия не принадлежат к числу безвозмездных, а изъятия по займам к тому же приносят нормальный доход. И если буржуазия будет покупать наши займы, то, конечно, только в меру того, насколько это ей покажется выгодным.

Обращаясь от накопления к вложениям, мы получаем следующее их распределение в пределах обобществленного сектора (см. табл. 10).

В приведенный итог не входят те затраты, которые в порядке кредита направляются на финансирование индивидуального сектора крестьянского хозяйства, на контрактацию посевов и т. п., но входят все затраты не только на новое строительство, но и на капитальный ремонт и реконструкцию действующих государственных и кооперативных предприятий. В оборотных фондах учтен только прирост товарных ценностей, без учета прироста кассы и тому подобных бумажных ценностей. Сопоставляя итог вложений с вышеуказанной суммой накоплений, мы видим, что намеченная программа социалистического строительства вполне обеспечена реальными ресурсами. Вместе с тем в нашем распоряжении имеются еще некоторые резервы, которые в первую очередь будут обращены через кооперацию на кредитное финансирование индивидуального сельского хозяйства и на другие нужды.

В более благоприятных условиях оптимального варианта, разумеется, и сумма накоплений и общая программа вложений соответственно возрастают по меньшей мере на 15—20%, но покрытие вложений внутренними ресурсами без привлечения в некоторой сумме иностранных кредитов оказалось бы гораздо труднее. Мы, однако, не имеем в виду останавливаться более подробно на проблемах финансирования вообще и бюджетного равновесия в частности, так как это составляет особую — вполне самостоятельную и очень большую — тему.

Существенный интерес представляет вопрос о доле социалистического накопления в общем итоге накопления страны и о соотношении между накоплением и народным доходом в секториальном разрезе. Для этого сопоставления мы воспользуемся данными о динамике народного дохода и имущественных фондов страны в *неизменных* ценах. Основные фонды СССР, по ориентировочному расчету, подлежащему еще дальнейшему уточнению, выразятся в следующих цифрах (см. табл. 11).

Как видим, доля социалистического сектора в основных фондах поднимается за пять лет с половины до двух третей общего итога. В абсолютных цифрах накопление основных фондов по социалистическому сектору достигнет за пятилетие от 40 млрд. до 51 млрд. руб. (108—138%), в то время как по частному она едва достигает 6—7 млрд. (19—20%). Но к накоплению основных фондов следует еще прибавить прирост товаро-материальных (оборотных) фондов. И тогда в итоге мы получим почти полную сумму народного имущества СССР и его динамики за предстоящее пятилетие (см. табл. 12).

Физический объем всех основных и оборотных фондов вырастает за пять лет с 82 млрд. до 140 млрд. руб., т. е. на 57,5 млрд., или на 70%, а по оптимальному варианту — еще больше: на 74 млрд. или на 90%. Масштаб обобществления в этой области виден уже из того, что доля частного сектора в народном хозяйстве падает за пять лет с 47 до 30%. Народный доход по отношению к наличному имуществу страны составляет около 30%. Но интереснее всего сопоставить средний годовой прирост народного богатства, т. е. накопления, с годовым доходом, за счет которого он накопляется. В этом отношении мы получаем следующие показатели (в ценах 1927/28 г.).

Итак, в среднем по всему Союзу на ежегодное накопление по плану предполагается обратить около 32% народного дохода. И, стало быть, на нужды потребления будет обращено до 68%. Нужно сказать, что это очень

Таблица 10

Программа вложений по обобществленному сектору народного хозяйства
(в млн. червонных рублей каждого года)

Отрасли хозяйства	1927/28 г.	Отправной вариант							За 5 лет	
		1928/29 г.	1929/30 г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.	структура в % к итогу		отправной вариант	оптимальный вариант
							1927/28 г.	1932/33 г.		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
А. Основные фонды *										
1. Промышленность	1 326	1 678	2 077	2 370	2 662	2 915	36,9	33,1	11 702	13 280
2. Электрификация	274	314	397	489	560	630	7,6	7,2	2 390	2 920
3. Сельское хозяйство	199	309	514	689	876	1 000	5,5	11,4	3 388	3 959
4. Ирригация	37	40	60	85	100	115	1,0	1,3	400	450
5. Лесное хозяйство	11	20	30	37	43	48	0,3	0,5	178	195
Итого (3—5)	247	369	604	811	1 019	1 163	6,8	13,2	3 966	4 604
6. Транспорт:										
а) железнодорожный	713	818	1 006	1 147	1 341	1 522	19,8	17,3	5 834	6 540
б) порты и водные пути	24	35	47	65	92	123	0,7	1,4	362	447
в) морской	32	32	39	44	51	57	0,9	0,6	223	275
г) речной	35	56	65	74	76	76	1,0	0,9	347	372
д) безрельсовый и пр.	78	135	168	209	265	321	2,2	3,7	1 098	1 196
Итого (6)	882	1 076	1 325	1 539	1 825	2 099	24,6	23,9	7 864	8 830
7. Связь	35	55	56	56	57	54	1,0	0,6	278	307
8. Коммунальное хозяйство	180	204	231	283	338	429	5,0	4,9	1 485	2 233
9. Жилстроительство	473	523	689	808	938	1 053	13,2	12,0	4 011	4 511
10. Торговля и кооперация	176	260	337	385	407	451	4,9	5,1	1 840	2 170
Итого (А)	3 593	4 479	5 716	6 741	7 806	8 794	100	100	33 536	38 855
Б. Оборотные фонды	992	949	1 149	1 327	1 518	1 659	27,6	18,9	6 602	8 384
Всего (А+Б)	4 585	5 428	6 865	8 068	9 324	10 453	127,6	118,9	40 138	47 239
То же в % к 1927/28 г.	100	118,4	149,7	176,0	203,4	228,0	—	—	—	—

* Вложения на индустриальное и транспортное жилстроительство выделены из соответствующих отраслей и показаны в общем итоге с городским строительством: вложения в школьный, больничный фонд и прочее культурное строительство учтены особо (см. табл. 11).

Таблица 11

Основные фонды народного хозяйства СССР к концу года

(в млн. руб. по неизменным ценам 1925/26 г.)

Отрасли хозяйства и сектора	Абсолютные размеры (в млн. руб.)			Структура (в % к итогу)			Прирост за 5 лет			
	1927/28 г.	1932/33 г.		1927/28 г.	1932/33 г.		отправной вариант		оптимальный вариант	
		отправной вариант	оптимальный вариант		отправной вариант	оптимальный вариант	абс.	в %	абс.	в %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Отрасли										
1. Промышленность	10 824	29 319	34 424	15,4	25,2	26,9	18 495	170,9	23 600	218,0
2. Сельское хозяйство	28 741	38 101	38 887	41,0	32,7	30,4	9 360	32,6	10 146	35,3
3. Коммунальное хозяйство	2 274	3 654	4 715	3,3	3,1	3,7	1 380	60,7	2 441	107,3
4. Транспорт и связь	11 939	20 698	22 613	17,0	17,8	17,7	8 759	73,4	10 674	89,4
5. Торгово-складское дело	701	2 933	3 517	1,0	2,5	2,8	2 232	318,4	2 816	401,7
Итого (1—5)	54 479	94 705	104 156	77,7	81,3	81,5	40 226	73,8	49 677	91,2
6. Жилфонд (городской)	11 971	14 365	15 251	17,1	12,3	11,9	2 394	20,0	3 280	27,4
7. Школьный фонд	1 974	4 136	4 944	2,8	3,6	3,9	2 162	109,6	2 970	150,5
8. Лечебный фонд	1 074	2 047	2 231	1,5	1,8	1,7	973	90,6	1 157	107,7
9. Прочие государственные фонды	656	1 185	1 197	0,9	1,0	1,0	529	80,6	541	82,5
Всего (1—9)	70 154	116 438	127 779	100	100	100	46 284	66,0	57 625	82,1
Сектора										
А. Государственный	35 786	71 143	81 211	51,0	61,1	63,6	35 357	98,8	45 425	126,9
Б. Кооперативный	1 198	5 745	6 778	1,7	4,9	5,3	4 547	379,5	5 581	465,8
Итого (А+Б)	36 984	76 888	87 989	52,7	66,0	68,9	39 904	107,9	51 006	137,9
В. Частный	33 170	39 550	39 790	47,3	34,0	31,1	6 380	19,2	6 619	20,0
Всего (А+Б+В)	70 154	116 438	127 779	100	100	100	46 284	66,0	57 625	82,1

Таблица 12

Народное богатство СССР

(в млрд. червонных рублей по неизменным ценам 1927/28 г.)

Сектора	Общие фонды (в млрд. руб.)			Структура			Прирост за 5 лет			
	1927/28 г.	1932/33 г.		1927/28 г.	1932/33 г.		отправной вариант		оптимальный вариант	
		отправной вариант	оптимальный вариант		отправной вариант	оптимальный вариант	абс.	в %	абс.	в %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
А. Народное имущество к концу года										
1. Государственный сектор	40,5	80,5	90,8	49,3	57,6	58,2	40,0	98,8	50,3	124,2
2. Кооперативный сектор	3,5	13,7	18,2	4,2	9,8	11,7	10,2	291,4	14,7	420,0
Итого	44,0	94,2	109,0	53,5	67,4	69,9	50,2	114,1	65,0	147,7
Частный сектор	38,2	45,5	46,9	46,5	32,6	30,1	7,3	19,1	8,7	22,8
Всего	82,2	139,7	155,9	100	100	100	57,5	70,0	73,7	89,7
Б. Народный доход										
1. Государственный сектор	10,6	23,3	26,7	42,8	52,0	53,2	12,7	119,8	16,1	151,9
2. Кооперативный сектор	2,4	8,1	9,0	9,8	18,1	17,9	5,7	237,5	6,6	275,0
Итого	13,0	31,4	35,7	52,6	70,1	71,1	18,4	141,5	22,7	174,6
3. Частный сектор	11,7	13,4	14,5	47,4	29,9	28,9	1,7	14,5	2,8	23,9
Всего	24,7	44,8	50,2	100	100	100	20,1	81,4	25,5	103,2
То же в % к народному имуществу	30,0	32,1	32,2	—	—	—	—	—	—	—

Сектора	Среднее за 5 лет в млрд. руб. (отправной вариант)		
	народный доход	накопление	%
1. Государственный	18,0	8,0	44,4
2. Кооперативный	5,6	2,0	35,7
Итого	23,6	10,0	42,4
3. Частный	12,5	1,5	12,0
Всего	36,1	11,5	31,9

высокая норма накопления по сравнению с капиталистическими странами. Лишь Соединенные Штаты и Германия в лучшие свои годы к ней сколько-нибудь приближались. Но особенно характерен высокий процент накопления по социалистическому сектору (около 42% в год). Конечно, такой высокий темп возможен только потому, что здесь учтено не только внутреннее накопление за счет прибыли социалистического сектора, но и все те суммы, которые поступают в накопление этого сектора в порядке перераспределения народного дохода из других секторов, т. е. за счет налогов, займов и т. п. Но во всяком случае этот темп является наиболее характерным показателем тех сдвигов по линии обобществления народного хозяйства, какие обеспечиваются нашим перспективным планом.

Нужно, однако, заметить, что вышеприведенный темп накопления благодаря игре индексов при переводе в неизменные цены представляется нам несколько преувеличенным. Если выразить потребление и накопление народного дохода в червонной валюте каждого года без всяких поправок на индексы, то получим такую картину (см. табл. 13).

Здесь процент накопления по отправному варианту в среднем за пять лет не превышает 26% и лишь в оптимальном варианте поднимается до 31%. Однако чрезвычайно показателен быстрый рост этого процента по обоим вариантам в течение всего пятилетия. Это, конечно, свидетельствует о несомненной напряженности плана. Но в известной мере этот рост можно рассматривать и как прямое следствие быстрого роста обобществленного сектора хозяйства. По мере обобществления все большая доля прибавочного продукта страны попадает в сферу планового перераспределения. Это отражается и на повышении масштабов бюджетных операций, измеряемых в процентах от всего народного дохода, и на росте всего финплана в целом. А при таком общем росте, даже допуская значительный рост фондов потребления, мы все же имеем возможность одновременно повышать не только абсолютный масштаб, но и *долю* накопления.

В приведенной таблице на первый взгляд может показаться, что повышенный рост доли накопления в оптимальном варианте достигается ценою *снижения* потребления населения. Однако это неверно. В оптимальном варианте цены всех продуктов снижаются быстрее, чем в отправном. Поэтому если выразить фонд потребления за 1932/33 г. в ценах 1927/28 г., то получим для отправного варианта по розничному индексу 35,5 млрд., а для оптимального — 37 млрд. руб., т. е. значительно больше. Эти цифры обеспечивают повышение душевого прироста потребления за пять лет по отправному варианту на 58% и по оптимальному на 66%. Конечно, не весь потребительский фонд обращается на покупку товаров, но приведенные показатели в достаточной степени иллюстрируют, что запроектированное в оптимальном варианте плана накопление отнюдь не угрожает нам реальным снижением уровня личного потребления трудящихся масс.

Таблица 13

Потребление и накопление народного дохода

(в млрд. руб. по ценам соответствующих лет)

Варианты плана и годы	Народный доход (в млрд. руб.)	Фонды потребления		Валовые вложения	Амортизация	Накопление в основные и оборотные фонды		Прирост основных фондов	
		в млрд. руб.	в % к гр. 2			в млрд. руб.	в % к гр. 2	в млрд. руб	в % к гр. 2
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1927/28	24,7	20,0	81,1	7,99	3,33	4,66	18,9	3,72	15,1
Отправной вариант:									
1928/29	27,5	21,3	77,4	9,70	3,48	6,22	22,6	4,64	16,9
1929/30.	30,5	22,8	74,9	11,37	3,70	7,67	25,1	5,84	19,1
1930/31.	33,5	24,5	73,0	13,04	4,00	9,04	27,0	6,87	20,5
1931/32	36,9	26,7	72,4	14,58	4,38	10,20	27,6	7,68	20,8
1932/33	40,6	29,6	73,0	15,76	4,81	10,95	27,0	8,54	21,0
За 5 лет	169,0	124,9	73,9	64,45	20,37	44,08	26,1	33,57	19,9
Оптимальный вариант:									
1928/29	27,5	21,3	77,4	9,70	3,48	6,22	22,6	4,64	16,9
1929/30	30,9	22,2	71,8	12,41	3,70	8,71	28,2	6,47	20,9
1930/31	34,8	23,6	67,9	15,22	4,04	11,18	32,1	8,23	23,6
1931/32	38,7	25,8	66,8	17,34	4,49	12,85	33,2	9,39	24,3
1932/33	43,3	28,8	66,4	19,55	5,01	14,54	33,6	10,96	25,3
За 5 лет	175,2	121,7	69,5	74,22	20,72	53,50	30,5	39,69	22.7

3. ПРОБЛЕМЫ РЫНКА

Проблема рыночного равновесия в условиях планового хозяйства в последнем счете сводится к запроектированию таких цен реализации намеченных планом масс товарной продукции, при которых спрос широкого рынка покрывается полностью возможным предложением. Но спрос широкого рынка в свою очередь определяется запроектированным приростом доходов населения, т. е. намеченным темпом роста заработной платы, повышением урожайности крестьянского хозяйства и целым рядом других проектировок плана, обусловливающих, с одной стороны, рост благосостояния трудящихся мас, а с другой — сумму изъятий из индивидуальных доходов в порядке налогового обложения, займов, сберкасс и т. д. Все эти элементы, определяющие в последнем счете соотношение спроса и предложения, поддаются плановому регулированию. Поэтому если в тот или иной момент мы переживаем кризис сбыта или товарный голод, то это следует рассматривать не в качестве какой-то вне нас стоящей объективной необходимости, а лишь как результат недостаточно умелого планирования.

Конечно, в стране диктатуры пролетариата его потребительские интересы приобретают несравнимо большее значение, чем в странах диктатуры буржуазии. Поэтому, скажем, постоянная тенденция к предельно возможному повышению зарплаты в Стране Советов может чаще, чем в других условиях, приводить к переоценке намеченных возможностей именно в этом направлении, откуда неизбежно вытекает угроза товарного голода. Наоборот, в странах капитализма постоянной угрозой является призрак относительного перепроизводства и кризиса сбыта. Но если в последних странах эти кризисы нарастают стихийно, то в наших условиях стихия рынка может быть заранее уложена в то или другое русло в порядке плановой предусмотрительности.

Понятно, что и в наших условиях эта задача на *первых* этапах нашего развития представляет гораздо большие объективные трудности, чем можно этого ожидать для последующих моментов. Огромная строительная программа, какую мы намечаем в интересах скорейшей индустриализации страны, создает значительный дополнительный спрос строительных рабочих на предметы широкого потребления, отнюдь не обеспечивая одновременно производства этих предметов в достаточном количестве для удовлетворения указанного дополнительного спроса. Если бы мы могли пойти по линии более высоких темпов производства средств потребления, чем средств производства, то наша задача разрешалась бы много проще. Но такая «простота» была бы, по пословице, хуже воровства. Она облегчила бы нам на сегодня рыночное равновесие внутри страны, но понизила бы вес нашей советской системы в решающий момент на весах международного равновесия.

Правильное решение проблемы рыночного равновесия в наших условиях лежит на ином пути. Если мы не можем увеличивать в желаемых темпах производство и предложение товаров, то должны замедлить в соответствующей мере рост платежеспособного спроса. Вовлекая в строительство дополнительную рабочую силу, мы вынуждены мириться с более медленным темпом роста зарплаты, чем это было бы возможно при иных комбинациях. Но все же мы сможем обеспечить эти кадры и весь пролетариат в целом *возрастающими* нормами потребления. Конкретно это сводится к проектировке повышающихся темпов накопления в балансе производства и распределения народного дохода, а в балансе спроса и предложения товаров на широком рынке — к такой проектировке цен, зарплаты, налогов и прочих изъятий, при которых реальный платежеспособный спрос не превысил бы возможного предложения. *Теоретически* это вполне разрешимая задача. Но огромная трудность ее решения заключает-

ся в том, чтобы *практически* не выйти за пределы плана в осуществлении всех намеченных проектировок.

Основным методом поверки всякого плана с точки зрения требований рыночного равновесия является построение провизорного баланса спроса и предложения. Эта задача настолько сложна и теоретически мало разработана, что целый ряд ведомств пользуется для ее разрешения различными приемами и приходит поэтому к весьма различным выводам. Именно поэтому при ЦСУ был создан специальный экспертный совет по изучению балансов спроса и предложения.

Не имея возможности рассмотреть эту проблему здесь во всех ее деталях, остановимся только на основных выводах и прежде всего приведем здесь ту систему индексов, в которой нашла свое отражение намеченная планом политика цен (см. табл. 14).

Таблица 14

Индексы цен
(1913 г.=100)

Показатели	1927/28 г.	1932/33 г.		Изменение в % к 1927/28 г.	
		отправной вариант	оптимальный вариант	отправной вариант	оптимальный вариант
1	2	3	4	5	6
1. Индекс оптовых цен ЦСУ:					
а) сельскохозяйственный	156	158	150	+ 1,0	— 4,0
б) промышленный	187	151	144	—19,0	—23,0
Тотальный	177	154	147	—13,0	—17,0
2. Индекс розничных цен ЦСУ (общеторговый):					
а) сельскохозяйственный	209	183	166	—12,3	—20,6
б) промышленный	205	165	158	—19,6	—22,9
Тотальный	207	172	161	—16,9	—22,0
3. Бюджетный индекс (по взвешенным ценам)					
а) сельскохозяйственный	217,0	194,0	182,0	—10,5	—16,0
б) промышленный	217,5	178,0	172,0	—18,0	—21,0
Общий неполный (33 товара)	217,3	188,0	178,0	—13,3	—18,0
Тотальный (40 товаров)	205,0	185,0	176,0	—10,0	—14,0
4. Строительный (с учетом рационализации)	247	158	145	—36,0	—41,3

Сельскохозяйственные цены производителей по обоим вариантам в общем итоге близки к стабильности. Но по отдельным культурам в зависимости от ожидаемых изменений в издержках производства намечаются известные изменения. Так, например, при стабильности цен на зерновые культуры на уровне 1928/29 г. цены технических культур (лен и хлопок) снижаются на несколько процентов, цены продуктов животноводства поднимаются на пару процентов и т. д. В рознице мы проектируем уже заметное снижение сельскохозяйственных цен (на 12—20%) за счет рационализации товаропроводящей сети и главным образом за счет вытеснения из оборота частника с его преувеличенной торговой накидкой.

Промышленные цены при снижении себестоимости на 30—35% снижаются в опте только на 20—23%. Объясняется это, с одной стороны,

Таблица 15

Структура бюджета городского пролетариата в червонной валюте
(по ценам соответствующих лет)

Статьи бюджета	Общие итоги (в млн. руб.)			На 1 душу (в руб.)			Структура в % к итогу		
	1927/28 г.	1932/33 г. отправной вариант	1932/33 г. оптимальный вариант	1927/28 г.	1932/33 г. отправной вариант	1932/33 г. оптимальный вариант	1927/28 г.	1932/33 г. отправной вариант	1932/33 г. оптимальный вариант
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. Доходы	6 691	11 823	12 843	373,8	512,6	530,5	100	100	100
Б. Расходы									
1. Покупка сельскохозяйственных продуктов	2 891	4 847	5 009	161,2	210,1	206,9	43,2	41,0	39,0
2. Покупка промтоваров	2 288	3 724	4 174	127,8	161,5	172,4	34,2	31,5	32,5
3. Квартира и коммунальные услуги	582	1 100	1 220	32,6	47,7	50,4	8,7	9,3	9,5
4. Культурно-просветительные и общественно-политические расходы	355	922	1 053	19,9	40,0	43,5	5,3	7,8	8,2
5. Налоги	20	45	52	1,1	2,0	2,1	0,3	0,4	0,4
6. Прочие расходы	236	520	565	13,3	22,5	23,3	3,5	4,4	4,4
Итого расходов	6 372	11 158	12 073	355,9	483,8	498,6	95,2	94,4	94,0
7. Денежное накопление	334	600	773	18,7	26,0	32,0	5,0	5,1	6,0
Всего (1—7)	6 706	11 758	12 846	374,6	509,8	530,6	100,2	99,5	100
Балансовая разница	—15	+65	—3	—0,8	+2,8	—0,1	—0,2	+0,5	—
Баланс	6 691	11 823	12 843	373,8	512,6	530,5	100	100	100
То же в %	100	177	192	100	137	142	—	—	—

потребностями накопления, а с другой — требованиями баланса спроса и предложения. При более резком снижении этих цен запроектированный планом рост платежеспособного спроса не встречал бы себе достаточного покрытия. В рознице мы проектируем снижение того же порядка, что и в опте.

Бюджетный рабочий индекс (тотальный по 40 товарам) благодаря влиянию коммунальных услуг снижается только на 10—14%. Крестьянский индекс (общий неполный по 33 товарам), в котором не играют никакой роли коммунальные услуги, снижается более значительно — на 13—18%. Но особенный интерес представляет проектировка индекса стоимости строительства. Учитывая возможную рационализацию в этой области, план в среднем по всем видам строительства, включая сюда и капитальный ремонт, проектирует снижение на 36—41%. Специально по промышленному строительству, где нынешний индекс значительно выше среднего, намечается и более резкое его снижение (40—47%). В результате этого снижения индекс строительства, бывший выше всех остальных, выравнивается с другими индексами и достигает вполне приемлемой величины. А вместе с тем мы получаем огромную экономию в капитальных затратах на строительство. И, наоборот, недовыполнение плана по снижению строительного индекса явится серьезнейшей угрозой всему плану строительства.

Наряду с ценами важнейшим элементом для построения баланса спроса и предложения является проектировка структуры потребления трудящихся масс. Эта проектировка базируется на анализе фактических бюджетов рабочих и служащих и их структурных изменений под влиянием роста благосостояния, с одной стороны, и сдвигов цен — с другой. В наиболее общих итогах результаты этой работы представлены в табл. 15.

Как видим, намеченный прирост зарплаты довольно существенно меняет структуру пролетарских бюджетов. Доля затрат на коммунальные услуги, культурные потребности и прочие мелкие расходы заметно возрастает. Денежное накопление, из которого, между прочим, значительная доля размещается в государственных займах, тоже заметно растет. А зато *доля* товарных приобретений несколько снижается. В абсолютных размерах из расчета на душу потребление товаров, конечно, растет и даже весьма значительно. Приведенная таблица не обнаруживает этого в достаточной степени, так как показывает приобретения в сниженных ценах. Если же перевести душевое потребление промтоваров в неизменные цены 1927/28 г., то получим такие показатели:

Душевое потребление за год

Потребление	1927/28 г.	1932/33	
		отправной вариант	оптимальный вариант
1. Промтоваров:			
в руб.	161	235	246
в %	100	146	153
2. Сельскохозяйственных товаров:			
в руб	128	197	218
в %	100	154	170

Проделав соответствующие расчеты для земледельческого населения, а также для непролетарских групп городского населения, причем для последних за отсутствием полных бюджетов пришлось ограничиться лишь самыми приблизительными подсчетами, мы получили возможность определить общую сумму платежеспособного спроса населения. Спрос организованного рынка, равно как и все товарное предложение, дан уже в готовом виде в соответствующих отраслевых планах. И общий баланс спроса и предложения выявился в следующих цифрах (см. табл. 16).

Таблица 16

Баланс спроса и предложения промышленных товаров

(в млн. червонных рублей)

Статьи баланса	1927/28 г.	Провизорные балансы (план): отправной вариант: 1928/29 г.	1929/30г.	1930/31 г.	1931/32 г.	1932/33 г.: отправной вариант	1932/33 г.: оптимальный вариант	1932/33 г. в % к 1927/28 г.: отправной вариант	1932/33 г. в % к 1927/28 г.: оптимальный вариант
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А. Предложение									
1. Запасы товаров к началу года:									
а) у производителей	1 250	1 350	1 450	1 600	1 750	1 950	2 100	156	168
б) в товаропроводящих каналах	1 630	1 982	2 342	2 743	3 174	3 825	4 302	235	264
Итого запасов	2 880	3 332	3 792	4 343	4 924	5 775	6 402	201	222
2. Товарная продукция:									
а) крупной промышленности (с акцизом)	11 292	12 955	14 720	16 404	18 265	20 139	22 546	178	200
б) мелкой промышленности	2 360	2 631	2 819	3 038	3 246	3 520	3 477	149	147
Итого	13 652	15 586	17 539	19 442	21 511	23 659	26 023	173	191
3. Прочее предложение	477	429	580	780	940	1 200	1 255	252	263
Итого (1—3)	17 009	19 347	21 911	24 565	27 375	30 634	33 680	180	198
4. Торгово-транспортная накидка	3 446	3 640	4 053	4 498	4 959	5 515	5 937	160	172
Всего (1—4)	20 455	22 987	25 964	29 063	32 334	36 149	39 617	177	194
Б. Спрос									
1. Организованного рынка:									
а) на средства производства	6 905	8 296	9 314	10 314	11 170	12 114	13 234	175	192
б) на предметы потребления	1 010	1 100	1 200	1 290	1 410	1 520	1 617	150	160
Итого	7 915	9 396	10 514	11 604	12 580	13 634	14 851	172	188
2. Широкого рынка (населения):									
а) на средства производства	2 230	2 493	2 806	3 135	3 520	4 055	4 400	182	197
б) на предметы потребления	6 380	6 631	7 404	8 087	8 796	9 551	10 307	150	162
Итого	8 610	9 124	10 210	11 222	12 316	13 606	14 707	158	171
3. Прочий спрос	406	544	678	787	884	1 004	1 172	247	289
4. Запасы товаров к концу года:									
а) у производителей	1 350	1 450	1 600	1 750	1 950	2 150	2 300	159	170
б) в товаропроводящих каналах	2 309	2 683	3 137	3 625	4 376	5 200	5 940	225	257
Итого	3 659	4 133	4 737	5 375	6 326	7 350	8 240	201	225
Всего (1—4)	20 590	23 197	26 139	28 988	32 106	35 594	38 970	173	189
Балансовая разница	—135	—210	—175	+75	+228	+555	+647	—	—
Баланс	20 455	22 987	25 694	29 063	32 334	36 149	39 617	177	194

Примечание: В предложении запасы и товарная продукция взяты в оптовых отпускных ценах; в спросе широкий и организованный рынки — в ценах потребления, запасы у производителей — в оптовых и отпускных ценах, а в товаропроводящих каналах — в ценах себестоимости каждого звена.

Как и следовало ожидать, при том огромном масштабе индустриальной продукции, какой намечен планом, потребность рынка в промышленных товарах в общем вполне обеспечивается возможным предложением. При этом товарные запасы в каналах обращения возрастают на 164%, значительно опережая прирост спроса на широком рынке (+71%). На средства производства спрос населения растет быстрее, чем на средства потребления. Это, конечно, определяется потребностями крестьянства, которое при росте благосостояния прежде всего стремится полнее удовлетворить свои хозяйственные нужды.

Если исчислить всю сумму выявленных планом потребностей и сопоставить ее с размерами предложения, то получается некоторая балансовая разница. В самых крупных суммах эта разница не превышает 1—2% балансового итога. И при той точности проектировки балансов, какая нам сейчас доступна, такая разница не выходит за пределы вероятной ошибки. Но все же весьма характерно, что в первые годы пятилетки эта разница фигурирует со знаком минус, т. е. указывает на недостаток товаров, а к концу пятилетки меняет свой знак на плюс, что говорит уже даже о некотором их избытке.

Следует подчеркнуть, что цель построения провизорных балансов отнюдь не в выявлении реальных размеров дефицита или избытка товаров. Если бы такой дефицит или избыток в балансе по своей величине превзошел вероятную ошибку расчета, то пришлось бы изменять предпосылки, на которых он строится, т. е. масштабы продукции и индексы цен или уровень проектируемой зарплаты, займов, налогов и т. д., до тех пор, пока не было бы достигнуто необходимое рыночное равновесие. Значит, целью баланса является проверка правильности именно этих предпосылок, или, говоря иначе, *условий*, искомого рыночного равновесия. В самом балансе показателем его напряженности или благополучия с точки зрения угрозы товарного голода является масштаб накопления товарных запасов в каналах обращения и соотношение темпов роста спроса и предложения.

О накоплении запасов было уже сказано. В производственных фондах они вследствие намеченной рационализации снабжения относительно падают, но зато в каналах обращения резко растут. Что же касается динамических показателей роста спроса и предложения, то и они в нашем плане достаточно благоприятны. Так, весь спрос широкого рынка за пять лет по отправному варианту возрастает на 58%, а предложение — на 77%, по оптимальному варианту спрос растет на 71%, а предложение — на 94%. И здесь, стало быть, выявляются известные резервы для дополнительного накопления товарных запасов в каналах обращения, сверх того двухнедельного фонда, на который они уже увеличены в строке запасов торговой сети. Предложение отдельных индустриальных товаров на широкий рынок — с учетом сальдо и вычетом потребности организованного рынка — возрастает за пять лет в следующих размерах (см. табл. 17).

Как видим, предложение водки заметно сокращается по плану в обоих вариантах. Эта плановая инициатива по линии борьбы с алкоголизмом окажется, однако, плодотворной лишь в том случае, если с первых же шагов будет достаточно энергично поддержана всей нашей организованной общественностью, с тем чтобы обеспечить не меньшие достижения на самогонном фронте. Мы не для того сокращаем производство казенного вина, чтобы расчистить почву для процветания самогона. Нашей общественности предстоит выдержать очень трудный экзамен в этой борьбе, доказав на деле, что мы стоим уже на достаточно высоком культурном уровне, чтобы справиться с таким общественным бедствием, как алкоголизм.

Из других промышленных изделий наименьший прирост предложения падает на такие продукты, как соль, потребность в которой легче всего насыщается; значительно быстрее увеличивается предложение таких про-

Таблица 17

Предложение на широкий рынок отдельных промтоваров

Товары	Единицы измерения	Душевые нормы за год: абсолютные величины: 1927/28 г.	1932/33 г.: отправной вариант	1932/33 г.: оптимальный вариант	1932/33 г. в % к 1927/28 г.: отправной вариант	1932/33 г. в % к 1927/28 г.: оптимальный вариант
1	2	3	4	5	6	7
1. Водка	бутылка	5,7	4,5	3,5	79	61
2. Соль	*кг*	11,9	13,3	13,3	112	112
3. Махорка	*кг*	0,56	0,60	0,68	107	121
4. Ситец	*м*	15,2	20,4	21,3	134	140
5. Папиросы	шт.	302	435	436	144	144
6. Спички	коробка	29,9	38,6	47,3	129	158
7. Керосин	*кг*	6,2	9,4	10,6	152	171
8. Галоши	пара	0,22	0,31	0,39	141	177
9. Сахар-песок	*кг*	7,7	11,9	13,9	155	181
10. Обувь	пара	0,40	0,65	0,74	164	186
11. Сукно и шерстяные ткани	*м*	0,48	0,84	1,17	175	244
12. Подсолнечное масло	*кг*	1,73	3,77	4,33	218	250
13. Чай	*кг*	0,17	0,45	0,592	272	359
14. Сельскохозяйственные машины	руб.	0,94	3,50	4,07	372	432
15. Химудобрения	коп.	4,1	112,3	130,0	2739	3171
Итого в неизменных ценах	руб.	28,9	43,5	48,3	151	167

дуктов, как сахар, обувь, сукно, растительные жиры, потребность в которых далеко еще не насыщена. Но особенно грандиозный рост план обеспечивает сельхозмашинам (включая тракторы) и химическим удобрениям — в соответствии с намеченной программой развития сельского хозяйства.

Удовлетворит ли такое предложение возможный спрос по каждому из этих продуктов в отдельности? На это не легко дать вполне точный и обоснованный ответ. Только в некоторых частных случаях эта задача несколько облегчается. Так, учтя дополнительную потребность в горючем в связи с ростом числа тракторов, можно уже сейчас сказать, что намеченный в плане выпуск керосина на широкий рынок окажется недостаточным и его придется увеличить.

В других случаях без построения специальных балансов спроса и предложения по каждому товару в отдельности такие выводы получить гораздо труднее.

Мы не имеем еще расчлененных балансов по отдельным товарам. Возможно, что и при общем благополучии по всей товарной массе в целом у нас обнаружится все же некоторый дефицит по тем или иным отдельным товарным группам. Тогда придется, конечно, внести необходимые коррективы в план производства таких товаров. Но в общем уже теперь можно сказать с уверенностью, что все возможные просчеты такого рода не смогут изменить общей картины.

В наших проектировках имеются достаточные резервы, а в плановой системе — достаточные рычаги, для того чтобы, не меняя общих контуров плана, внести нужные частные коррективы, если они потребуются, и обеспечить в конце концов необходимое нам рыночное равновесие.

XVII. ПРОЦЕССЫ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ В СССР[1]

1. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ УСТАНОВКА

В условиях капиталистического хозяйства, как известно, *средний уровень цен* всей товарной массы, взятой в целом, определяется стоимостью, т. е. суммой общественно необходимых трудовых затрат, овеществленных в этой товарной массе. Но конкретные цены отдельных товарных групп и товаров отнюдь не совпадают с их трудовой стоимостью. Они отклоняются вверх и вниз от своего стоимостного уровня, определяемого условиями *производства* под влиянием тех или иных условий *распределения*. В капиталистическом обществе общественное распределение благ осуществляется в порядке стихийной конкуренции между собой на рынке продавцов и покупателей. В этой всеобщей конкурентной борьбе на рынке всех против каждого и каждого против всех необходимо все же различать следующие классовые группировки.

Капиталисты во взаимной борьбе между собою за покупателя заинтересованы только в возможно высокой норме прибыли на свой капитал. Поэтому условием равновесия для них в этой борьбе является *равная* норма прибыли в разных производствах независимо от уровня органического строения капитала в каждом из них. Отсюда как неизбежное и вполне закономерное последствие проистекает отклонение цен от стоимости кверху в производствах с повышенным строением капитала и книзу — в производствах с пониженным его строением.

Капиталисты в своих претензиях на участие в распределении народного дохода опираются на свое — фактически ими монополизированное — право собственности на средства производства. Подобно этому, землевладельцы в капиталистическом обществе на основании присвоения монополии распоряжения землей и недрами требуют себе за право использования этих естественных богатств в производстве известной доли народного дохода, именуемой рентой.

Пролетариат выступает на товарном рынке только как потребитель. Его интересует прежде всего потребительная стоимость приобретаемых им благ. Но если пропорция благ, выброшенных на рынок, не позволяет ему удовлетворить все свои потребности в пределах тех покупательных средств, которыми он располагает, равномерно, то за дефицитные товары он готов будет под влиянием конкуренции заплатить и выше их стоимости, возмещая эти переплаты в ценах благ, изобилующих на рынке. В этом именно и сказывается так называемый закон спроса и предложения.

Однако в качестве потребителя на рынке выступает не только пролетариат, но и другие классы. И если диспропорция между спросом и предложением по отдельным товарам приводит, скажем, к тому, что предложение предметов широкого потребления оказывается недостаточным и они продаются выше их стоимости, а предметы роскоши и комфорта имеются в относительном избытке и продаются ниже их трудовой стоимости, то мы, несомненно, и за счет этой диспропорции имеем в отклонении цен

[1] «Плановое хозяйство», 1928, № 5, 6, 7.

от стоимости определенный рычаг социального перераспределения народного дохода, ибо продукты широкого потребления достаются преимущественно одним классам населения, а предметы роскоши и комфорта — другим.

Наконец, и государство в качестве аппарата господства известных классов создает через систему акцизов, пошлин и иных промысловых сборов дополнительную шкалу отклонений цен от стоимости в целях перераспределения народного дохода. В той части, в которой он извлекается на оплату услуг госаппарата, государственная власть обычно извлекает его с таким расчетом, чтобы оплачивались эти услуги средствами совсем не тех классов, которые ими пользуются.

Мы перечислили здесь все основные рычаги стойких отклонений цен от стоимости, действующие на капиталистическом рынке. Это монополия собственности на землю рентьеров, различная степень монополизации прочих средств производства буржуазией в разных отраслях хозяйства и монопольно классовый характер государственной власти, с одной стороны, при обездоленности основной пролетарской массы потребителей как в средствах производства, так и в политической власти — с другой стороны.

Можно было бы еще указать на общую анархию капиталистического хозяйства, обреченного уже вследствие отсутствия общего хозяйственного плана на постоянные *частные* и периодические *общие* нарушения равновесия между спросом и предложением на том или ином рынке, со всеми вытекающими отсюда *конъюнктурными* колебаниями цен вокруг среднего их уровня для каждой данной товарной группы. Но мы сознательно отвлекаемся пока от этих отклонений конъюнктурного характера. В течение полного конъюнктурного цикла отклонений вверх и вниз от среднего уровня такие колебания взаимно уравновешиваются, в то время как вышеуказанные причины отклонения цен от стоимости, опирающиеся на *монопольные* привилегии господствующих классов, действуют постоянно в одном направлении и влекут за собой соответствующее перераспределение народного дохода.

Говоря лишь о длительных и стойких отклонениях цен от стоимости в сторону превышения трудовых затрат, мы, в сущности, всегда имеем дело с ценами *монопольного* происхождения. Что же касается одновременного отклонения других цен в обратную сторону, то оно представляет собою лишь оборотную сторону той же медали. Всякое превышение одних цен над их стоимостным уровнем неизбежно должно сопровождаться соответствующим снижением других, ибо средний уровень цен всех товаров согласно нашей теоретической предпосылке в точности соответствует их стоимости.

Яснее всего это можно проследить в отношении тех цен, которые сознательно диктуются рынку как монопольные. Какой-нибудь капиталистический трест, монополизируя в своих руках снабжение рынка тем или иным товаром, устанавливает на этот товар цену по своему произволу, так как не встречает достаточно мощных конкурентов. Правда, этот «произвол» отнюдь не безграничен. Монополист не может, назначив какую угодно цену, продать сколько угодно товара. Законы рынка ограничивают его произвол в том отношении, что, чем выше назначит он цену, тем меньше реализует своей продукции. Опыт показывает, однако, что в известных пределах монополист может увеличить свою общую выручку от реализации и прибыль, даже при некотором сужении производства. И тогда это должно неизбежно сказаться на ценах других, немонопольных товаров. Емкость рынка не безгранична. Весь избыток этой емкости, поглощаемый повышением цен монопольной группы товаров, сказывается дефицитом емкости для остальных товаров и понижает их цены. А затем в последнем счете такие смещения цен влекут за собой определенные сдвиги в струк-

туре общественного потребления и воспроизводства соответствующих благ. В нашу задачу не входит более детальный анализ проблемы монопольных цен на капиталистическом рынке. Нам хотелось бы зафиксировать лишь следующие выводы.

Помимо конъюнктурных колебаний цен циклического характера, на капиталистическом рынке происходит постоянно целая серия стойких смещений и сдвигов цен от стоимостного их уровня во всех отраслях хозяйства. Эти смещения отнюдь не случайны для капиталистического общества. Они столь же закономерны, как и определяющий их факт монопольного сосредоточения в руках господствующих классов и земли, и прочих средств производства, и самой государственной власти, санкционирующей характерные для этого общества условия присвоения и распределения народного дохода. Таким образом, если стоимостной уровень товаров целиком определяется условиями их воспроизводства, то причины стойких отклонений рыночных цен от этого уровня нам приходится отыскивать уже только в условиях присвоения и распределения благ. И тем не менее все же эти отклонения оказывают прямое и решающее влияние не только на размеры потребления, но и на масштабы воспроизводства различных групп товаров. Говоря иначе, в процессах ценообразования в капиталистическом обществе мы находим типичный пример такого переплетения причин и следствий, где производственный базис, определяя собою всякие юридические и политические надстройки, в свою очередь испытывает на себе их обратное воздействие.

И далее. Капиталистическое хозяйство анархично. Но если бы оно даже могло преодолеть стихию рынка и устанавливало вполне сознательно и масштабы производства всех необходимых ему благ и цены, то в этом хозяйственном плане были бы предусмотрены все те же стойкие отклонения цен от стоимости разных товаров вверх и вниз, какие наблюдаются и ныне. Вся разница при этом свелась бы лишь к тому, что основная тенденция к уравнению нормы прибыли, осуществлявшаяся ранее в результате рыночной конкуренции *стихийно*, стала бы центральной целевой установкой *плана*. Рыночные цены, гласила бы эта плановая установка, должны устанавливаться с таким расчетом, чтобы норма прибыли по всем предприятиям была одна и та же, т. е. чтобы раздел общей прибавочной стоимости в стране осуществлялся пропорционально доле участия каждого предпринимателя в общей сумме капитальных фондов.

Но такой план, обеспечивающий стойкие отклонения цен от стоимости, тем самым должен был бы закрепить сознательно и соответствующие им диспропорции в производстве различных благ по отношению к предъявляемой рынком сумме потребностей, ибо такие диспропорции в производстве и удовлетворении наличных потребностей страны являются неизбежным дополнением тех или иных сдвигов в ценах.

К таким выводам нас приводит свойственный капитализму разрыв между общественным характером производства и условиями частного присвоения, нашедшими себе столь яркое выражение в законе средней нормы прибыли. Капиталистическое руководство, даже будь оно плановым, не смогло бы организовать производство так, чтобы оно давало максимум того, что оно способно дать всему обществу в целом, ибо оно руководит общественным хозяйством, исходя лишь из своих собственных узкогрупповых или даже чисто индивидуальных интересов, явно противоречащих интересам всего общества в целом.

Октябрьская революция, однако, открыла перед нами новую эру общественного хозяйства. Закон средней нормы прибыли в советских условиях хозяйства является уже явным пережитком. Он для нас отнюдь не обязателен. Абсолютная земельная рента после национализации земли тоже утратила свое действие на процессы ценообразования. И, естественно, возникает вопрос, как же в новых, советских условиях переходного периода

должны складываться процессы ценообразования как в той части, в какой они определяются законами рынка, так и в той, где они поддаются регулирующему воздействию плановых органов?

Мы практически регулируем и рыночные цены, и связанные с ними неразрывной цепью нормы накопления. Но достаточного теоретического освещения эта проблема у нас еще не получила. Рассуждая абстрактно, можно было бы заключить, что, поскольку социализм должен обеспечить оптимально равномерное удовлетворение всех потребностей общества, в социалистическом плане следует проектировать такое распределение труда, которое в корне исключает какие-либо диспропорции между производством и потреблением, а стало быть, и какие-либо отклонения цен от стоимости производимых благ. Но это слишком абстрактная постановка вопроса, прежде всего потому, что при коммунизме у нас уже не будет *рыночного* распределения общественной продукции и вопрос о «ценах» вообще потеряет всякий смысл и актуальное содержание. В условиях же переходного периода и при социализме, когда проблема цен особенно для нас важна и актуальна, мы отнюдь не можем без конкретного анализа фактических процессов ценообразования во всей их многосложности установить те или иные закономерности и целевые установки.

В самом деле, действие закона равной нормы прибыли на цены в условиях социалистического общества теряет свое значение в обобществленном секторе. Но остается еще и частный сектор производства. Абсолютная земельная рента отпадает после революции. Но дифференциальная рента остается и, стало быть, по-прежнему оказывает известное действие на образование цен. Капиталистическое государство разрушено, но диктатура пролетариата существует. И наша налоговая система — пошлины и акцизы — является отнюдь не маловажным фактором ценообразования. А главное, не следует забывать, что диктатура пролетариата получает в ценах гораздо более гибкое *орудие классовой политики*, чем это было возможно для буржуазии. В капиталистическом хозяйстве цены и норма прибыли определялись все же стихийными факторами. Каждый предприниматель в отдельности и даже все они в совокупности не могли регулировать цены и прибыль по своему произволу. А ныне в советском хозяйстве мы их можем изменять по своему усмотрению в довольно широких пределах.

Именно в порядке нашей классовой хозяйственной политики мы зачастую идем на такие резкие отклонения цен от стоимости, какие вовсе были бы невозможны в условиях стихийного регулирования рыночных цен. Например, мы совершенно сознательно устанавливали в интересах подъема крестьянского хозяйства убыточные для себя цены на сельскохозяйственные машины и удобрения. Этого не допустила бы стихия рынка. В интересах индустриализации страны мы удешевляем цены на топливо и средства производства за счет повышения нормы прибыли в легкой промышленности. В интересах интенсификации земледелия мы в районах льна и хлопка продаем по удешевленным ценам рожь и пшеницу и планомерно стремимся установить посредством соответствующих заготовительных цен более высокую рентабельность трудоемких технических культур по сравнению с более экстенсивными — зерновыми. В интересах классового регулирования потребления различных социальных групп населения мы назначаем цены на предметы роскоши, на шелковые ткани и тонкие сукна с гораздо большей прибылью, чем, скажем, на черный хлеб и демократические ситцы. В интересах обобществления мы устанавливаем даже *на одни и те же продукты разные цены* и прочие условия продажи для частного торговца и кооперации, разные тарифные ставки для перевозок в адрес частного и обобществленного секторов и т. д.

Столь активная *политика* цен, несомненно, может даже углубить свойственные и капиталистическому рынку разрывы между ценой и стоимо-

стью. И все же в переходный период мы едва ли сможем, да и не захотим, отказаться от столь мощного рычага перераспределения народного дохода и реконструкции всего народного хозяйства, каким в руках организованного пролетариата является регулятор плановых цен. Дело в том, что переходный период к социализму есть прежде всего период технической и социально-экономической реконструкции во всех областях хозяйства. Но если в пределах социалистического сектора мы располагаем достаточными рычагами реконструкции и помимо регулятора цен, то в отношении частнохозяйственного сектора этот регулятор является одним из наиболее прямых и безболезненных рычагов реконструкционного воздействия не только на распределение, но и на все производственные процессы.

Полное соответствие цен закону стоимости не создает никаких специальных стимулов для изменения установившихся уже производственных пропорций. Оно равносильно *отказу от всякой политики цен* и может быть оправдано лишь с того момента, когда наличные производственные пропорции в стране будут *вполне* удовлетворять нас.

Таким образом, курс на *сближение* плановых цен с трудовой стоимостью едва ли соответствует *реконструкционным* задачам переходного периода к социализму. Он во всяком случае означал бы отказ от активной политики больших производственных сдвигов в *частнохозяйственном секторе* вообще и в сельском индивидуалистическом хозяйстве в особенности. Ибо в этой области гораздо легче вызвать революцию в производстве через революцию в ценах, чем наоборот.

Но вполне сознательное плановое маневрирование ценами требует отчетливого знания, в какую сторону и насколько именно отклоняются проектируемые нами цены от трудовой стоимости данного рода продукции. Если, скажем, нам необходимо расширить посевной клин льна или подсолнуха в соответствии с ростом наших потребностей и мы должны для этого поднять цены этих культур выше их стоимости, то мы прежде всего должны знать, какова эта стоимость в данный момент.

Располагаем ли мы такими знаниями в нашей повседневной плановой практике? Нет, еще не располагаем. Однако все элементы для такого познания у нас накоплены уже в достаточном количестве. Издержки производства и обращения и нормы накопления благодаря имеющейся оперативной отчетности по госсектору и бюджетным исследованиям крестьянского хозяйства поддаются самому детальному изучению. Нужно лишь по-исследовательски овладеть этим материалом, подвергнуть его должному анализу и синтезу в свете марксистской теории и извлечь все практически ценные выводы для планового использования.

В охвате всего народного хозяйства такой анализ издержек производства и норм накопления представляет собой, однако, слишком широкую задачу для отдельного исследователя. Над этой проблемой придется поработать еще не мало целыми коллективами. Но отдельные главы такой коллективной работы могут быть выполнены и в одиночку. В частности, нам кажется, что в первую очередь следовало бы подвергнуть изучению структуру цен советской промышленности.

Попробуем же посильно разрешить эту задачу.

2. СОСТАВ ПРОДУКЦИИ

Отчетность государственной промышленности в части учета издержек производства не подвергалась до последнего времени официальным, ведомственным сводкам. Объясняется это отчасти недооценкой практического значения этого рода отчетности, отчасти столь далеко идущей «рационализацией» штатов центральной бухгалтерии, при которой она уже физически не в состоянии выполнять своего прямого назначения. Во всяком случае приходится констатировать весьма печальный факт, что

поступающая с мест богатейшая отчетность об издержках производства накапливалась в стенах ВСНХ лишь в качестве обильной пищи для «грызущей критики мышей».

Работники Госплана, которым в связи с активно выдвигаемой у нас проблемой снижения цен эти материалы были, по-видимому, нужнее даже, чем самому ВСНХ, пытались неоднократно отвоевать у архивных мышей ВСНХ часть их законной добычи и сделать из нее более рациональное употребление[1]. Но нашими слабыми силами мы не могли, разумеется, охватить всего материала и подвергнуть его исчерпывающему анализу и обработке. К тому же за прошлые годы материал трестовской отчетности об издержках производства обладал целым рядом дефектов, которые мы даже при всем желании не могли бы выправить, не располагая всей суммой трестовской отчетности. К счастью, в отчетности за 1925/26 г. таких дефектов гораздо меньше, и предлагаемая ниже сводка счетов производства по 73 трестам общесоюзной промышленности может быть использована гораздо полнее и продуктивнее.

Чтобы иметь представление о масштабе охвата предлагаемой нами сводки по трестам союзного значения, приведем следующую справку об их удельном весе в общем итоге цензовой промышленности[2] (см. табл. 1).

Как видно по данным ЦСУ, промышленность союзного значения, включая электростанции, обнимает по числу заведений всего 11,2% общего их числа. Но это наиболее крупные заведения, и потому по продукции на ее долю падает до 48% общего итога, а по количеству рабочих и механической двигательной силы — даже много больше. Валовая продукция, однако,— плохой показатель, потому что в добывающей промышленности, охваченной почти на 100% союзными трестами, она за отсутствием сырья низка, а в обрабатывающей, в зависимости от ценности перерабатываемого сырья, гораздо выше на единицу затраченного труда. А потому лучше исходить непосредственно из количества труда, овеществляемого в той или иной группе предприятий. В таком случае на предприятия союзного значения придется отнести около 52% всей создаваемой в крупной промышленности суммы стоимостей.

ЦСУ относит, однако, к разряду промышленных заведений союзного значения несколько более широкий круг фабрик и заводов, чем тот, по которому ведется бухгалтерская отчетность в союзном ВСНХ. Круг предприятий, охваченных нашей сводкой, может быть охарактеризован следующими данными (см. табл. 2).

Эта таблица составлена главным образом по статистической отчетности ЦОС ВСНХ[3]. Валовая продукция здесь учитывается так же, как и в ЦСУ, т. е. по заводской оценке в отпускных ценах без акциза, за исключением текстильной группы, где очищение от акциза технически затруднительно. По этому признаку наша сводка охватывает лишь около 96% валовой продукции, учтенной по общесоюзной промышленности органами ЦСУ. Наряду с данными ЦОС мы приводим, однако, для сравнения и бухгалтерский учет валовой продукции (себестоимость плюс прибыль) по тем же 73 трестам. Этот учет включает и акциз, но зато исключает внутритрестовский

---

[1] См. сводки за 1923/24 и 1924/25 гг., опубликованные Ф. Л. Дрибиным в «Плановом хозяйстве», 1925, № 9 и 1927, № 2.

[2] «Фабрично-заводская промышленность СССР в 1925/26 году», изд. ЦСУ СССР. М., 1927, таблицы на стр. 27 и 112.

[3] «Промышленность СССР в 1925/26 операционном году», т. II. М., 1927 и «Ежемесячные статистические бюллетени» ЦОС ВСНХ. По Сахаротресту: «Экономические итоги работы Сахаротреста за 1925 г.». М., 1927; «Материалы по статистике сахарной промышленности за 1925/26 г.». М., 1927 и др. Отработанные дни рабочих по Сахаротресту взяты за полный (октябрьский) год. По ЦОС их учтено всего 12 753 тыс., по ЦСУ — 13 875 тыс.

Таблица 1

Состав цензовой промышленности СССР по социальным секторам и формам подчиненности за 1925/26 г.

(данные ЦСУ)

Секторы и формы подчиненности	Действовало заведений		Мощность двигателей к концу года		Рабочие в среднем за год		Отработано ими человеко-дней		Валовая продукция*		Среднее число рабочих на 1 заведение
	абс.	в % к итогу	в тыс. НР	в % к итогу	в тыс.	в % к итогу	в млн.	в % к итогу	в млн. червонных рублей	в % к итогу	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I. Государственный сектор											
1. ВСНХ СССР	1 459	11,2	2187,4	60,7	1211,1	52,7	306,2	52,0	4767,0	47,8	830
2. Республ. ВСНХ	1 047	8,1	376,2	10,4	265,8	11,6	69,1	11,7	1198,2	12,1	253
3. ГубСНХ	2 449	18,8	442,7	12,3	449,7	19,6	116,7	19,8	1895,9	19,0	184
Итого (1—3)	4 955	38,1	3006,3	83,4	1926,6	83,9	492,0	83,5	7861,1	78,9	389
4. Прочих наркоматов	816	6,3	112,8	3,1	76,9	3,4	20,3	3,4	491,2	4,9	94
5. Горкомхоз	451	3,5	228,7	6,3	27,0	1,2	7,4	1,3	134,3	1,3	60
6 Прочие	2 327	17,9	176,6	4,9	110,9	4,8	28,8	4,9	441,7	4,5	48
Итого (4—6)	3 594	27,7	518,1	14,3	214,8	9,4	56,5	9,6	1067,2	10,7	60
Итого (1—6)	8 549	65,8	3524,4	97,7	2141,4	93,3	548,5	93,1	8928,3	89,6	251
II. Кооперативный сектор	2 297	17,6	63,6	1,8	96,4	4,2	25,6	4,3	639,3	6,4	42
III. Частнокапиталистический сектор	2 166	16,6	18,4	0,5	58,0	2,5	15,1	2,6	398,3	4,0	27
Всего (I—III)	13 012	100	3606,4	100	2295,8	100	589,2	100	9965,9	100	176

* Валовая продукция исчислена по заводскому методу в отпускных ценах трестов без акциза, кроме текстильной продукции, где акциз входит уже в стоимость полупродукта — пряжи.

Т а б л и ц а 2

Итоги производства по 73 трестам ВСНХ за 1925/26 г. *

Отрасли промышленности	Число трестов	В них действовало заведений (заводов, шахт и т. п.)	Рабочий персонал в среднем за год			Отработано дней (в тыс.)		Продукция (в млн. червонных рублей)		
			служащие	рабочие	младший обслуживающий персонал	рабочими	младшим обслуживающим персоналом	заводская оценка без акциза	трестовская оценка	
									без акциза	с акцизом
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Текстильная	22	214	27 092	484 859	16 265	123 773	4 556	1943,6	1372,3	1450,8
2. Металлическая	23	189	48 886	327 578	23 087	93 841	6 562	893,8	830,4	830,4
3. Сахарная	1	145	10 377	62 672	6 336	18 332	1 645	485,6	351,3	583,8
4. Нефтяная	4	41	6 618	41 893	3 509	11 971	1 052	454,8	313,7	313,9
5. Каменноугольная	5	211	11 741	141 162	6 292	37 241	2 063	218,8	265,0	265,0
6. Химическая	7	48	4 528	29 410	1 710	7 390	477	204,2	204,1	212,4
7. Пищевая	2	128	2 957	10 045	821	2 620	234	166,9	172,7	544,9
8. Электротехническая	4	33	5 232	25 218	1 597	6 529	444	132,4	138,7	138,7
9. Лесная	4	50	1 140	12 603	960	3 429	287	43,7	94,8	94,8
10. Бумажная	1	10	1 254	11 434	809	3 056	226	39,4	68,3	68,3
Итого	73	1069	119 825	1 146 874	61 386	308 182	17 546	4583,2	3811,3	4503,0

* Данные по Сахаротресту относятся только к основному производству сахара-песка и рафинада, сельхозы, винокуренные и прочие побочные производства не вошли в учет. Расхождение данных о продукции по лесной и бумажной промышленности в гр. 9 и 10 объясняется, по-видимому, тем, что в бухгалтерской отчетности (гр. 10) проведены по счету производства собственные лесозаготовки, импортная целлюлоза, бумага и тому подобные статьи.

оборот. В общем итоге при этом прибавка акциза почти уравновешивает исключение внутритрестовского оборота, но по различным отраслям производства расхождение получается очень солидное.

Особой оговорки заслуживают данные по Сахаротресту. Этот трест почему-то освобожден от обязанности представлять счет производства по тем формам, какие установлены для всех остальных трестов. Кроме того, он добился права составлять свой годовой баланс на 1 января еще тогда, когда все остальные тресты составляли его на 1 октября. Никаких разумных оснований для таких привилегий Сахаротресту указать невозможно. Производство сахара сезонное, начинается с октября, кончается к весне, и в январский срок захватывает все производственные процессы в самом их разгаре. Трест вынужден поэтому фактически все производственные счета приурочивать все же к сезонному, а не к календарному году. И в результате между балансом и счетами производства получается величайший разнобой. Вместе с тем, крайне затруднялась и сводка данных по Сахаротресту с данными по всем остальным производствам. В частности, очень трудно получить сопоставимые данные о затратах труда и результатах производства по Сахаротресту. Еще прискорбнее этот разрыв производственного и отчетного периода сказывается на точности калькуляции. Практика Сахаротреста в этой области сводится к тому, что прямые затраты по производству сахара *за кампанию,* т. е., скажем, за октябрь—февраль, складываются с накладными, исчисленными за *календарный год* и, стало быть, охватывающими две различные производственные кампании. Накладные расходы по Сахаротресту исчисляются многими десятками миллионов рублей и с каждой кампанией резко возрастают. К каким совершенно нетерпимым искажениям отчетности это должно приводить, понять не трудно. Этот дефект необходимо устранить. А пока волей-неволей нам придется пользоваться той отчетностью, какая есть.

Итоги валовой продукции по данным текущей статистики ЦОС не совпадают с данными бухгалтерской отчетности ВСНХ не только вследствие разных методов учета, но и вследствие разного охвата продукции. Бухгалтерская отчетность в отличие от статистической охватывает продукцию не только основного производства, но и вспомогательных, например продукцию силовых станций, заводского транспорта, ремонтных мастерских и т. д. Большая часть продукции таких вспомогательных или подсобных производств проходит, конечно, по внутреннему обороту трестов и потому не имеет рыночного значения. Но в известной части она отпускается и на сторону, и в этой части подлежит учету наравне с продуктами основных производственных цехов.

В общих по всей нашей сводке итогах мы имеем такое расчленение производимой трестами к выпуску продукции (см. табл. 3).

Как видим, союзные тресты, помимо товаро-материальных ценностей, отпускают на сторону и энергию, и транспортные, и ремонтные услуги. Правда, общий их итог, включая сюда и работы по капитальному ремонту собственного имущества трестов, не превышает и 7,5% от общезаводской себестоимости выпуска. Но все же это величина, которую не приходится игнорировать при общем учете промышленной продукции.

Разделение выпуска товарной продукции в приведенной таблице на материалы, полуфабрикаты и готовые изделия чрезвычайно условно, ибо то, что для одного предприятия является готовым изделием,— например, пряжа для прядильной фабрики — для другого будет лишь полуфабрикатом — пряжа для прядильно-ткацкой фабрики — или даже только материалом — пряжа для ткацкой фабрики. Больше интереса представляет разделение этих ценностей на потребленные внутри трестов и выпускаемые на сторону. Благодаря внутренним безденежным переходам продукции из одного производственного отделения на другое и с одной фабрики на другую в пределах одного и того же треста валовой оборот нашей союзной

Таблица 3

Выпуск продукции за 1925/26 г. по 73 трестам

(в млн. червонных рублей)

Элементы ценности выпуска	Валовой оборот		В том числе		
	абс.	в %	потреблено в собственном производстве	реализовано и увеличено запасов	
				абс.	в %
1	2	3	4	5	6
А. По заводской себестоимости					
1. Товары и материалы					
а) материалы и отходы	571,9	6,7	494,5	77,4	1,7
б) полуфабрикаты	3003,9	35,1	2783,0	220,9	4,9
в) готовые изделия	2939,6	34,3	296,5	2643,1	58,7
Итого законченной продукции	6515,4	76,1	3574,0	2941,4	65,3
г) прирост незавершенного производства	66,4	0,8	—	66,4	1,5
Итого товаро-материальной продукции	6581,8	76,9	3574,0	3007,8	66,8
2. Энергия своей выработки					
а) электрическая	74,0	0,9	67,4	6,6	0,1
б) паровая и пр.	21,3	0,2	21,3	0,0	0,0
Итого энергии	95,3	1,1	88,7	6,6	0,1
3. Заводской транспорт					
а) по доставке на завод	17,0	0,2	4,5	12,5	0,3
б) внутризаводской	10,3	0,1	9,3	1,0	0,0
в) по вывозу с завода	12,0	0,1	0,1	11,9	0,3
Итого услуг транспорта	39,3	0,4	13,9	25,4	0,6
4. Услуги прочих вспомогательных цехов					
а) по основному производству	368,8	4,3	357,0	11,8	0,3
б) по капитальному строительству	123,2	1,4	0,6	122,6	2,7
в) на сторону	93,7	1,1	13,4	80,3	1,8
Итого услуг (а, б, в)	585,7	6,8	371,0	214,7	4,8
5. Прочие статьи	19,2	0,2	16,2	3,0	0,1
Итого заводской себестоимости	7321,3	85,4	4063,8	3257,5	72,4
Б. Услуги административного аппарата	69,5	0,8	—	69,5	1,5
В. Услуги торгового аппарата	117,0	1,4	—	117,0	2,6
Г. Прочие счета, не вошедшие в калькуляцию	604,2	7,1	—	604,2	13,4
Полная коммерческая себестоимость	8112,0	94,7	4063,8	4048,2	89,9
Д. Чистая прибыль	454,8	5,3	—	454,8	10,1
Цена продукции	8566,8	100	4063,8	4503,0	100

промышленности почти вдвое превышает товарную ее продукцию, выпускаемую на сторону, т. е. через рынок.

Конечно, масштаб внутреннего оборота продукции в промышленности целиком определяется ее организационными формами. В мелкой мастерской кустаря нет никаких внутренних переходов, и потому валовой продукт целиком поступает на рынок. На крупной современной фабрике, объединяющей под одной крышей целый ряд последовательных ступеней производства, внутренние переходы гораздо значительнее. А когда, в послереволюционное время, мы трестировали эти фабрики и заводы в огромные производственные комбинаты с безденежным обменом продукции не только внутри отдельных фабрик, но и в пределах всего комбината, то этот внутритрестовский оборот стал еще грандиознее. Вот почему, между прочим, надо с особой осторожностью пользоваться такими показателями, как выпуск, или «выработка», продукции на одного рабочего, при сопоставлении довоенной и современной продукции, частной и обобществленной промышленности и т. д.

Гораздо более сравнимую картину могли бы дать такие сопоставления по *валовому* обороту продукции. Но, к сожалению, наша статистика не учитывает его обычно вовсе. И только в бухгалтерской отчетности мы находим необходимые элементы для такого учета по госпромышленности. Но за отсутствием в нашем распоряжении бухгалтерской отчетности по *частнокапиталистическому* сектору мы не можем использовать валовой оборот для таких сопоставлений. Не лишне будет, однако, отметить, что если *весь* внутренний оборот продукции по 73 трестам определился по таблице 3 в 4064 млн. червонных рублей, то на долю внутризаводского оборота в этом числе, по данным ЦОС ВСНХ, падает примерно 1576 млн. руб.[1], или 39%, и, стало быть, на долю внутритрестовского обмена следует отнести остальные 61%. При сопоставлениях с довоенной, нетрестированной промышленностью это обстоятельство не следует во всяком случае упускать из виду. Заметим еще, что бухгалтерский учет, несомненно, заметно преуменьшает внутренний оборот, оценивая все переходы продукции по цеховой или заводской его себестоимости, т. е. без учета целого ряда накладных затрат и чистой прибыли, тогда как в довоенное время все переходы с одной фабрики на другую совершались через рынок — по полной рыночной расценке.

Исключение внутритрестовского оборота из учета промышленной продукции, свойственное нашему времени, оказывает очень существенное влияние на общую структуру промышленных цен по сравнению с довоенным временем. При одной и той же сумме прибылей и налогов или затраченного труда и зарплаты эти элементы цены производства возрастают в своем процентном значении в общем итоге стоимости *товарной* продукции в той же мере, в какой товарный выпуск этой продукции сокращается по отношению ко всей сумме валовой продукции, включая сюда и безденежные внутритрестовские обороты. Процент прибыли в действительном выпуске по нашей таблице раза в два выше, чем в выпуске валовом. Такое же соотношение получилось бы и по отношению к другим элементам прибавочной стоимости и зарплаты, входящим в рыночную цену продукта.

Это очень важно иметь в виду при всех сопоставлениях структуры наших цен с довоенными. В печати уже раздавались жалобы на слишком значительное у нас возрастание зарплаты в цене продукта по сравнению с довоенными нормами. А между тем это наблюдение отражает в себе прежде всего вполне естественный результат иной организации промышленности и иных методов учета. Процессы обобществления в нашем хозяйстве, между прочим, сказываются и в том, что с возрастанием роли трестов и комбинатов в нашем производстве из рыночного оборота

[1] Ср. «Промышленность СССР в 1925/26 операционном году», т. II, изд. ЦСУ СССР. М., 1927, стр. 4.

Таблица 4

Выпуск продукции 73 трестов за 1925/27 г. по отраслям промышленности

(в тыс. рублей)

Элементы стоимости продукции \ Отрасли	Текстильная (22 треста)	Металлическая (23 треста)	Лесная (4 треста)	Нефтяная (4 треста)	Бумажная (1 трест)	Химическая (7 трестов)	Электротехническая (4 треста)	Угольная (5 трестов)	Сахарная (1 трест)	Пищевая (2 треста)
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
I. Валовой оборот										
1. Товары и материалы	3 023 199	1 682 622	116 684	319 366	49 090	223 110	123 656	254 992	674 475	114 672
2. Энергия своей выработки	27 610	29 003	1 753	8 906	8 473	1 598	1 315	16 622	—	—
3. Заводской транспорт	7 242	13 327	3 193	4 400	1 296	499	—	6 885	2 502	—
4. Услуги прочих цехов	182 931	156 254	3 727	102 728	4 178	24 154	34 952	57 612	19 052	5
5. Прочие статьи	643	17 912	—	—	—	100	—	—	477	65
Итого по заводской себестоимости	3 241 625	1 899 118	125 357	435 400	63 037	249 461	159 923	336 111	696 506	114 742
II. Внутренний оборот										
а) в тысячах	2 096 520	1 155 142	64 162	203 360	29 302	98 523	60 124	112 425	226 007	18 262
б) в % валового оборота	64,7	60,8	51,2	46,7	46,4	49,5	37,6	33,8	31,8	15,9
III. Действительный выпуск										
1. Товары и материалы	1 105 023	682 453	56 931	173 824	31 331	145 323	84 978	160 991	470 499	96 415
2. Энергия своей выработки	322	1 466	15	92	20	18	868	3 825	—	—
3. Заводской транспорт	2 440	11 372	3 051	827	332	499	—	6 883	—	—
4. Услуги прочих цехов	36 801	46 399	1 198	57 297	2 052	4 998	13 953	51 987	—	—
5. Прочие статьи	519	2 286	—	—	—	100	—	—	—	65
Итого по заводской себестоимости	1 145 105	743 976	61 195	232 040	33 735	150 938	99 799	223 686	470 499	96 480
6. Трестовские расходы										
а) административные	16 142	10 979	2 817	4 903	1 592	4 193	3 222	3 040	17 093	5 508
б) торговые	30 744	16 220	8 830	2 532	7 892	12 619	9 522	2 729	6 059	19 883
в) прочие счета	49 530	26 819	26 264	18 606	6 967	15 145	5 149	22 155	48 662	384 941
Итого	96 416	54 018	37 911	26 041	16 451	31 957	17 893	27 924	71 814	410 332
7. Прибыль или убыток	209 259	32 441	—4 242	55 814	18 068	29 456	21 040	13 401	41 438	38 115
Цена продукции	1 450 780	830 435	94 864	313 895	68 254	212 351	138 732	265 011	583 751	544 927

выпадает все большая для материалов и прочих средств производства и ныне уже обращается у нас внутри наших трестов в плановом порядке, без участия рынка. И это неизбежно должно сказаться на строении цен остальной продукции, поступающей на рынок. Тенденция возрастания доли вновь созданной стоимости ($m + v$) по отношению к перенесенной стоимости (c) в цене продукции, поступающей на рынок, с ростом социализации оборота средств производства представляет собою совершенно *неизбежный* закон переходного периода.

По отдельным отраслям производства состав выпуска выражается в следующих цифрах (см. табл. 4).

Наибольшее расхождение между валовым оборотом и выпуском мы находим в текстильной промышленности. На втором месте следует металлическая, затем — лесная, нефтяная и т. д. На последнем месте стоят пищевые тресты. Но нужно отметить, что сюда вошли только два производства — чаеразвесочное и спиртоочистительное. Если бы очистка спирта и разлив были объединены в одном тресте с его производством, то, конечно, и здесь внутренний оборот выразился бы совсем иными цифрами.

В отношении трестовских расходов нужно иметь в виду, что в них учтено не только содержание трестовского аппарата, но и акцизы, налоги и тому подобные накладные расходы, причем в одних трестах они проходят большей частью по общезаводским, в других — по трестовским счетам и потому без дальнейшего расчленения на элементы не дают сопоставимой картины.

В отношении веса «услуг» в общем итоге выпуска продукции на первом месте стоит нефтяная и угольная промышленность. Здесь в это понятие входят работы по бурению и тому подобные разведочные и подготовительные работы за счет капитальных затрат, которые могут быть полностью амортизированы лишь в течение ряда лет, но полная стоимость которых подлежит учету уже в год производства. В нефтяной промышленности на «услуги» такого рода падает до 25% общего выпуска продукции, в каменноугольной промышленности — 23%, во всех остальных этот процент не поднимается выше 6, за исключением электротехнических трестов, где за счет монтажных работ доля «услуг» в общей продукции поднимается до 14%

3. СОСТАВ ИЗДЕРЖЕК ПРОИЗВОДСТВА

Разбивка издержек производства на главнейшие элементы в отчетности трестов дается по следующей схеме[1]. Элементы подсчитываются особо по каждому основному производству, т. е. изготовляющему фабрикаты или полуфабрикаты, например в льняных трестах особо по чесальному, прядильному, ткацкому и красильно-отбельно-отделочному. Затем точно так же особой строкой они даются по каждому подсобному производству, например по ремизобердному, рисовально-насекальному, лаборатории, краскотерке, лаковарке и т. д. Потом следуют элементы издержек по всем вспомогательным (обслуживающим) цехам, к которым относятся прежде всего разные ремонтные мастерские, силовые станции, водоснабжение и заводской транспорт всех видов. Кроме того, в некоторых трестах имеются еще так называемые побочные, утилизационные и тому подобные особые производства, например торфяные и лесные разработки, совхозы, мельницы и т. д. К сожалению, эта классификация производств и цехов недостаточно разработана ВСНХ и в разных трестах понимается по-разному. В нашей сводке все эти цехи и производства объединяются в одной строке «*основные затраты*». Исключили мы отсюда целиком только совхозы Сахаротреста, по которым имеется особый счет производства.

Вторым разделом в отчетности трестов следуют так называемые *комплексно-распределительные* счета: цеховые, общезаводские расходы, текущий ремонт, начисления на зарплату, накладные расходы на рабочую

[1] См. форму № 19 по формулярам 1925/26 г.

силу и пр. Эти счета мы тоже вынуждены были использовать лишь в общих итогах, так как не по всем трестам имелось надлежащее их разделение.

В общей сумме итоги затрат по I и II разделам, за исключением той части их, которая составляет внутренний оборот ценностей в производстве, образуют *заводскую* себестоимость продукции. А с прибавкой административных и торговых расходов треста и некоторых других затрат, не включенных по разным причинам в заводскую себестоимость, получаем так называемую *полную коммерческую* себестоимость продукции треста (см. табл. 5).

Приведенная разбивка не отличается особой точностью. Несмотря на наличие подробно разработанных инструкций ВСНХ, далеко не все тресты справились удовлетворительно с предложенной им задачей. Заполнение некоторых граф в соответствующей форме зачастую явно неудовлетворительно, имеет недопустимые пробелы и балансовые неувязки. Но в общих итогах по всем трестам эти мелкие дефекты и пробелы едва ли могут существенно сказаться.

Основная особенность нашей советской отчетности об издержках производства заключается в том, что издержки на оплату труда выделяются и учитываются в ней по всем счетам с особенной тщательностью и почти исчерпывающей полнотой. В отчетности довоенной капиталистическая бухгалтерия отнюдь не ставила себе такой задачи. Интересуясь в своих калькуляциях в гораздо большей мере технико-экономическими, чем социальными, моментами, старый калькулятор выделял особо зарплату лишь производственных цехов, отнюдь не разлагая на элементы такие комплексные счета, как счет текущего ремонта и целый ряд других. А в нашей сводке мы могли совсем обойтись, скажем, без статьи «текущий ремонт», поскольку он целиком разложен на свои составные элементы: зарплату, материалы, топливо и т. д. Правда, в этой сводке остаются все же такие статьи, как «энергия и транспорт», которые при наличии собственной продукции энергии и транспортных «услуг» в свою очередь разлагаются на зарплату, материалы и прочие элементы. Но в нашей сводке под этими статьями, в графе «действительные затраты», значатся лишь не разлагаемые на элементы *остатки* соответствующих счетов, т. е. прежде всего денежная оплата *покупной* энергии, *чужого* транспорта и т. д.

Такие же остатки показаны у нас и по счетам начислений на зарплату и накладных расходов на рабочую силу. Дело в том, что по счету начислений проходят не только взносы на соцстрах, но и стоимость содержания культурно-просветительных учреждений при заводе и прежде всего школ фабрично-заводского ученичества, амбулаторий, завкомов и т. п. Таким образом, эти «начисления» сами распадаются в значительной части на зарплату, материалы и прочие элементы. Подобно этому, в накладные затраты на рабочую силу, помимо других статей, входит содержание, отопление и освещение рабочих жилищ, оплата труда практикантов, не участвующих в производстве, оплата простойных дней и тому подобные затраты, в свою очередь разлагающиеся на материалы, зарплату и прочие элементы. Вполне естественно поэтому, что то соотношение между зарплатой и начислениями, какое у нас получается в таблице в результате разложения всех счетов на составные элементы, совсем не похоже на то, какое вытекает непосредственно из установленных норм начислений.

По статье «услуги других производств» в нашей сводке учитывается прежде всего оплата всякого рода подрядных работ по ремонту, монтажные работы, осуществляемые чужим персоналом и тому подобные затраты. Такого рода «услугами» обмениваются между собой, конечно, и отдельные цехи собственных заводов каждого треста. Но в этой части они составляют *внутренний* оборот предприятия и не проводятся по графе «действительные затраты».

Таблица 5

Издержки производства за 1925/26 г. по 73 трестам ВСНХ

(в млн. червонных рублей)

Элементы затрат	Заводская себестоимость					Административные расходы	Торговые расходы	Прочие	Всего (гр. 6, 7, 8, 9)	
	основные затраты	затраты цеховые, общезаводские, ремонт и пр.	итого валовые затраты	в том числе					в млн. руб.	в % к итогу
				внутренний оборот	действительные затраты					
1	1	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Материалы										
а) основные	1105,5	36,4	1141,9	322,9	819,0	—	—	—	819,0	20,3
б) вспомогательные	247,1	51,7	298,8	71,1	227,7	—	—	—	227,7	5,6
в) прочие	136,7	27,1	163,8	43,5	120,3	4,1	3,0	0,2	127,6	3,1
г) полуфабрикаты и пр.	3152,3	12,5	3164,8	3046,0	118,8	—	—	—	118,8	2,9
д) сокращение остатка незавершенного производства	0,4	—	0,4	—	0,4	—	—	—	0,4	0,0
Итого	4642,0	127,7	4769,7	3483,5	1286,2	4,1	3,0	0,2	1293,5	31,9
2. Топливо	259,9	19,3	279,2	106,0	173,2	0,2	0,4	—	173,8	4,3
3. Энергия	53,6	45,8	99,4	89,1	10,3	0,3	0,7	—	11,3	0,3
4. Транспорт	23,6	6,2	29,8	10,7	19,1	5,5	16,5	82,2	123,3	3,1
5. Услуги других производств	229,4	205,6	435,0	372,1	62,9	1,9	7,7	4,0	76,5	1,9
6. Амортизация	117,8	71,0	188,8	—	188,8	0,9	0,8	49,1	239,6	5,9
7. Страхование	4,1	5,7	9,8	—	9,8	0,1	0,1	0,0	10,0	0,2
8. Зарплата	604,5	225,4	829,9	—	829,9	24,5	22,2	13,0	889,6	22,0
9. Начисления на зарплату	—	133,6	133,6	—	133,6		4,2	5,0	147,9	3,6
10. Накладные расходы на рабочую						5,1				
силу	—	54,5	54,5	—	54,5	2,0	1,3	5,5	63,3	1,6
11. Акцизы	—	288,7	288,7	—	288,7	0,2	21,2	382,0	692,1	17,1
12. Налоги и сборы	—	35,7	35,7	—	35,7	14,6	26,0	4,6	80,9	2,0
13. Рента и пр.	20,9	27,6	48,5	—	48,5	2,6	6,4	10,8	68,3	1,7
14. Проценты	—	—	—	—	—	—	—	42,2	42,2	1,1
15. Прочие денежные расходы	81,4	37,3	118,7	2,4	116,3	7,5	6,5	5,6	135,9	3,3
Итого	6037,2	1284,1	7321,3	4063,8	3257,5	69,5	117,0	604,2	4048,2	100

Во всяком случае «услуги других производств» точно так же, как энергия и транспорт в *издержках производства*, даются в значительно более низких цифрах, чем они показаны в итогах *выпуска*, так как здесь они уже очищены от таких элементов, как зарплата, материалы и пр., поскольку мы имеем дело с *внутренним* производством «услуг» одних цехов данного предприятия другим. Нужно заметить, что термин «услуги» охватывает по инструкции ВСНХ все элементы выпуска продукции и перемещения ее из одного производства в другое, *за исключением* переброски *реальных товаро-материальных* ценностей — готовых изделий, полуфабрикатов и т. д.[1] Иными словами, под «услугами» здесь понимаются такие результаты трудовых затрат, которые, представляя собой несомненную производственную и меновую стоимость, не приобретают все же такой товарно-материальной оболочки, в которой они могли бы длительно сохраняться на складе, перевозиться с места на место, быть *самостоятельным* объектом купли-продажи и т. д. Конечно, все эти «услуги» материализуются в конце концов в том или ином виде. Например, ремонтные «услуги» и монтажные работы увеличивают собой стоимость заводского оборудования или погашают его изнашивание. Транспортные «услуги» включаются в цену готового продукта и т. д. Но, кристаллизуясь при этом, с точки зрения производителей таких «услуг», всегда в *чужом* продукте, они реализуются или проводятся по книгам при внутризаводских расчетах как лишенные всякой материально-товарной оболочки трудовые затраты.

Кстати сказать, с точки зрения инструкции ВСНХ к числу «услуг» относится и электрическая энергия. Это едва ли правильно. Конечно, энергию нельзя сохранять и накапливать на товарных складах обычного типа. Но теоретически это вполне осуществимо при наличии специальных аккумуляторов энергии. Во всяком случае затраты механической энергии в издержках производства имеют совершенно иную функцию, чем трудовые затраты. Первые только переносят свою стоимость на изготовляемый продукт, а вторые — создают новую стоимость. Впрочем, эта ошибка терминологии в инструкции не имеет для нас особого значения, так как энергия учитывается в издержках производства как совершенно самостоятельный элемент.

Главной трудностью при составлении этой сводки является выделение внутреннего оборота по каждому *элементу* издержек в отдельности. При определении действительного выпуска выделить внутреннее потребление отдельных видов продукции из валового их оборота гораздо проще. Но там бухгалтерия дает нам лишь *общую* оценку потребленного в производстве полуфабриката, энергии или услуг без расчленения их на элементы. Поясним это примером. Допустим, что мы имеем дело с прядильно-ткацкой фабрикой. Пусть нам дано, что на 73,8 млн. руб. пряжи по себестоимости пошло в переработку на той же фабрике и на 26,2 млн. руб. выпущено на рынок. В суммарном счете производства по всей фабрике будет тогда в графе материалов стоять и весь хлопок, приобретенный со стороны, и пряжа собственного производства на 73,8 млн. руб. Эта пряжа составляет внутренний оборот. Но ее необходимо разложить на элементы. И это делается согласно инструкции ВСНХ, исходя из допущения, «*если сумма элементов* участвует в производстве в размере 73,8%, то и *каждое слагаемое* (элемент) в отдельности участвует в производстве в том же размере[2].

Такое гипотетическое допущение, конечно, далеко от достоверности. Если, скажем, я перерабатываю у себя на фабрике низкие номера пряжи, а продаю высокие, то в первых у меня будет преобладать элемент материалов, а во вторых — зарплата. И, стало быть, по счету пряжи на производ-

---

[1] «Формы бухгалтерской годовой отчетности для трестов, синдикатов и т. д.». М., 1927, стр. 166 и сл.

[2] Там же, стр. 173.

ство тканей следовало бы снести материалов больше 73,8%, а зарплаты — меньше этой нормы. Такого же рода погрешности неизбежны и при отнесении на производство тех или иных элементов через посредство счета текущих ремонтов, цеховых, общезаводских и тому подобных «собирательно-распределительных» счетов. Весьма сложная шахматная корреспонденция этих счетов позволяет в *общих итогах* определить сумму внутреннего оборота затрат, но в отношении разбивки их на элементы дает, по признанию самих составителей инструкции, только «приближенный ответ»[1].

При разбивке на элементы административных и торговых расходов применительно к данной таблице мы условно относили возобновление мелкого инвентаря и канцелярские расходы на «материалы», отопление — на «топливо», освещение — на «энергию», водоснабжение и канализацию, типографские расходы, текущий ремонт, уборку и охрану помещений, хранение товаров — на «услуги», содержание транспорта, провоз и доставку, разъезды и командировки — на «транспорт».

Некоторые элементы расходов, например амортизацию, акцизы и налоги и в особенности рентные статьи (попенщина, плата за недра, арендная плата и пр.), мы имели возможность проверить и исправить по специальным счетам трестовской отчетности.

В отношении расходов по оплате чужого транспорта приведенные в таблице итоги заведомо неполны, так как по многим трестам издержки по доставке материалов включаются в стоимость последних и не показываются особыми статьями.

В статье «проценты» нами учтено *сальдо* результатов по кредитным операциям трестов, считая в приходе проценты, полученные за кредит, а также проценты и дивиденды от имеющихся в портфеле треста ценных бумаг, а в расходе — проценты уплаченные и потери по безнадежным долгам.

Если к очищенным от повторного счета издержкам производства прибавить чистую прибыль трестов, то получим рыночную цену соответствующей продукции (см. табл. 6).

Предложенная таблица представляет собой результат огромного труда учетно-бухгалтерского персонала нашей промышленности. Но, в общем, это еще в достаточной степени сырая работа, нуждающаяся в углубленном экономическом анализе и в целом ряде расшифровок. Нам предстоит еще рассмотреть, как распадаются перечисленные элементы цен продукции на $c+v+m$, какими величинами может быть выражена для разных производств и всей промышленности в целом «норма прибавочной стоимости» и «норма прибыли», каково соотношение между трудовыми затратами и «ценой производства» в разных отраслях промышленности, за счет каких именно элементов и в какой мере возникают у нас отклонения цен от стоимостей и целый ряд других относящихся к данной сфере экономических проблем.

Употребляя здесь и ниже условно понятия «прибавочная стоимость», «прибавочный труд», «норма прибыли», «капитал» и тому подобные термины капиталистической экономики, мы не должны, конечно, упускать из виду той внутренней трансформации их содержания, которая происходит у нас в эпоху строящегося социализма. «Устранение капиталистической формы производства,— как это предвидел уже Маркс,— позволит ограничить рабочий день необходимым трудом. Однако необходимый труд, при прочих равных условиях, должен все же расширить свои рамки. С одной стороны потому, что условия жизни рабочего должны стать богаче, его жизненные потребности должны возрасти. С другой стороны, пришлось бы причислить к необходимому труду часть теперешнего прибавочного труда,

---

[1] «Формы бухгалтерской годовой отчетности для трестов, синдикатов и т. д.», стр. 174.

Таблица 6

Структура промышленных цен за 1925/26 г. по главнейшим отраслям общесоюзной промышленности

(73 треста; в тыс. червонных рублей)

Элементы затрат \ Отрасли	Текстильная	Металлическая	Лесная	Нефтяная	Бумажная	Химическая	Электротехническая	Угольная	Сахарная	Пищевая	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1. Материалы											
а) основные	398 680	158 640	4 324	1 744	4 458	45 312	39 150	2 225	134 167	30 283	818 983
б) вспомогательные	71 992	51 634	1 864	17 999	4 392	26 307	28	28 297	19 057	6 115	227 685
в) прочие	46 063	25 506	1 496	15 820	2 989	11 994	4 272	4 504	11 999	2 945	127 593
г) полуфабрикаты и пр.	47 908	17 571	62	2 556	172	5 387	2 800	70	—	42 278	118 799
д) сокращение остатка незавершенного производства	—	—	—	—	—	214	—	—	—	226	440
Итого материалов	564 643	253 351	7 746	38 119	12 011	89 214	46 250	35 096	165 223	81 847	1 293 500
2. Топливо	24 238	94 324	933	18 349	934	4 835	1 784	9 139	17 959	1 299	173 794
3. Энергия	5 024	2 661	55	23	25	1 609	1 127	387	49	318	11 278
4. Транспорт	8 239	7 764	16 758	12 489	11 723	5 662	1 870	13 865	31 215	13 665	123 250
5. Услуги других производств	12 971	8 393	874	9 186	380	9 224	1 029	24 707	7 338	2 335	76 437
6. Амортизация	70 371	45 035	2 142	73 966	2 726	6 580	5 158	16 142	14 707	2 796	239 623
7. Страхование	3 533	3 121	325	101	167	553	363	280	1 410	156	10 009
8. Зарплата	306 951	273 192	26 087	46 542	12 493	34 650	39 678	97 803	35 550	16 689	889 635
9. Начисление на зарплату	63 531	30 703	6 436	11 750	2 602	6 822	3 448	13 115	6 131	3 364	147 902
10. Накладные на рабсилу	22 215	14 335	227	7 066	355	2 590	1 632	10 995	2 408	1 526	63 349
11. Акцизы	78 584	12	7	245	—	8 334	—	—	232 471	372 486	692 139
12. Налоги	28 253	10 117	3 126	7 238	2 597	5 101	3 136	3 004	12 446	5 898	80 916
13. Рента и пр.	4 481	5 460	24 142	21 372	1 625	1 526	794	6 067	999	1 821	68 287
14. Проценты	4 698	10 889	5 503	782	90	—69	2 991	6 264	11 276	—228	42 196
15. Прочие денежные расходы	43 789	38 637	4 745	10 853	2 458	6 264	8 432	14 746	3 131	2 840	135 895
Итого затрат	1 241 521	797 994	99 106	258 081	50 186	182 895	117 692	251 610	542 313	506 812	4 048 210
16. Прибыль или убыток	209 259	32 441	—4 242	55 814	18 068	29 456	21 040	13 401	41 438	38 115	454 790
Цена продукции	1 450 780	830 435	94 864	313 895	68 254	212 351	138 732	265 011	583 751	544 927	4 503 000

именно тот труд, который требуется для образования общественного фонда резервов и общественного фонда накопления» [1].

Таким образом, и прибавочный продукт и прибавочная стоимость — у нас явно отживающие понятия. Деление вновь созданной стоимости на $v+m$ в прежнем значении этих обозначений теряет свое социальное содержание *классового* распределения народного дохода. На смену ему приходит иное подразделение по линии *потребления* и *накопления*. Однако с учетом такой трансформации понятий деление вновь созданной за каждый производственный период стоимости на фонд потребления рабочих (v) и фонд накопления (m), включая сюда и общественные резервы, сохраняет для экономического анализа процессов ценообразования свой интерес и в новом значении.

Конечно, отношение $m:v$ следует переименовать, назвав его вместо нормы прибавочной стоимости *нормой накопления*, прежний необходимый продукт можно назвать *фондом потребления*, «прибавочный» — *фондом накопления*, и т. д. Но, до тех пор пока эти термины не приобрели права гражданства, приходилось прибегать и к старым.

Приведенный выше материал, несмотря на его дефекты, представляет, на наш взгляд, огромный интерес. Заметим лишь, что при расчленении отдельных элементов мы не всегда в точности следовали за показаниями первичных материалов. Так, например, в отдельных трестах в графу «налоги и сборы» включались и подоходный налог, и отчисления в соцстрах, и плата за недра, и многие другие весьма разнородные вещи. Везде, где это было возможно, мы проверяли такие сборные статьи и расчленяли их согласно требованиям более рациональной классификации. В частности, особое внимание уделялось нами статьям рентного характера, которые представляют специфический интерес в наших условиях и которые тем не менее были потоплены частью в налоговых сборах, частью в «прочих денежных расходах», а частью, например в отношении попенной платы, т. е. лесной ренты,— даже в стоимости материалов. Тщательной чистке подвергалась нами и категория чистой прибыли, под которой мы понимаем здесь сальдо прибылей и убытков по разным трестам до всяких отчислений из прибылей в подоходный налог, в разные резервные фонды, в фонд улучшения быта рабочих и т. п. Наименее надежны наши данные, даже после поправок, по Сахаротресту, поскольку он освобожден от представления сводного счета производства и дает лишь отдельные элементы для составления такой сводки.

4. АНАЛИЗ СОСТАВА ЦЕН

Экономический анализ цен ставит своей задачей прежде всего достаточно четкое выделение из общей стоимости учтенной валовой продукции тех ее элементов, которые только воспроизводят собою затраты ранее накопленных основных и оборотных фондов, отделение их от тех, которые образуют собою вновь созданную стоимость. Абстрактная экономическая теория дает нам в этом отношении лишь общее указание, что к числу первых следует относить *потребленные в производстве «основные и оборотные части» постоянного капитала*, в частности «снашивание средств труда», т. е. амортизацию и материалы, а ко вторым — *оплату живой рабочей силы*, занятой в производстве, и *прибавочную стоимость*, которая в свою очередь «распадается на различные производные формы: процент на капитал, земельную ренту, налоги и т. д.» [2]. Но в конкретной экономике

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 539. Курсив наш. — *С. С.*

[2] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 57. В другом месте читаем: «Стоимость товара равна стоимости заклю-

мы всегда наталкиваемся на целый ряд таких элементов, экономическая природа которых с указанной точки зрения далеко не ясна и которые поэтому могут быть уложены в столь простую схему подразделений лишь с допущением известных условностей и оговорок.

В самом деле, начнем хотя бы с материалов. В это понятие «материалов» мы без всяких колебаний можем включить и топливо. Электрическую энергию уже труднее подвести под рубрику «материалов», так как понятие «энергии» противополагается понятию «материи». Однако это только физическое, а не экономическое противоположение. И мы не придаем ему существенного значения. Но вот с элементом «услуг» дело обстоит менее бесспорно.

Имея в виду, что едва ли не все затраты, связанные с транспортными и всякими иными «услугами других производств», подлежали бы по сути дела включению в стоимость тех или иных потребленных в производстве *материальных* ценностей, мы склонны считать и их наряду с материалами в числе издержек, лишь воспроизводящих в цене продукта свою стоимость. К этому как будто обязывает и другое соображение. Мы не должны допускать двойного учета вновь созданной стоимости, а это было бы неизбежно, если бы мы «услуги *других* производств», фигурирующие уже в *выпуске* этих производств, зачли бы во вновь созданную стоимость и по тем производствам, где они учитываются в издержках производства. Скажем, один цех производит ремонт, монтажные, буровые или иные работы, а другие их используют. Очевидно, что новая стоимость, создаваемая такого рода работами, или услугами, должна учитываться только один раз — по месту их *производства.* И, стало быть, там, где их *потребляют,* они могут лишь воспроизводить свою стоимость.

Несколько особо стоит вопрос о так называемых «прочих денежных расходах». Поскольку из них исключены уже и материалы, и зарплата, и все элементы прибавочной стоимости, в них, по-видимому, не содержится ничего иного, кроме оплаты тех или иных «услуг». И, действительно, туда включены все почтово-телеграфные расходы, т. е. «услуги» связи, содержание ревизионных комиссий, охрана консервированных заводов, расходы по рекламе и всякие иные денежные затраты того же рода. В общем подавляющую долю этих затрат составляет оплата чьей-либо *деятельности.* Но это деятельность персонала, *постороннего* по отношению к составу рабочих и служащих отчетных производств, и потому оплата его услуг не может пройти по *зарплате* этих производств. Вместе с тем это в большинстве своем «услуги» таких учреждений или лиц, продукция которых нигде не учитывается. Спрашивается, как же рассматривать издержки по оплате такого рода «услуг»: как общественно необходимые эксплуатационные затраты постоянного капитала, требующие своего возмещения в цене продукта, или как простой вычет из прибавочной стоимости?

Иначе говоря, куда их отнести: к c или к m?

Это сомнение связано с некоторой неясностью самого понятия «услуг» в нашей экономической литературе. Существует мнение, что понятие всякой «услуги» *тождественно* с понятием непроизводительного труда, т. е. такого труда, который обменивается на личный доход, а не на капитал. Такого рода услуги представляли бы собой, конечно, только известную потребительную стоимость для их приобретателя, и затраты на их оплату можно было бы рассматривать лишь как известный вычет из его дохода, будь то зарплата, рента или прибыль. Но такое отождествление понятия всякой «услуги» с непроизводительным трудом едва ли может быть разумно обосновано.

чающегося в нем постоянного капитала плюс стоимость воспроизведенного в нем переменного капитала плюс приращение этого переменного капитала, т. е. произведенная прибавочная стоимость» (там же, стр. 163).

Что такое услуга? В самом общем смысле этого слова услугой называют всякую полезную деятельность или работу, поскольку она платно или бесплатно *отчуждается*, т. е. оказывается *другому* лицу или коллективу. Труд по самообслуживанию или в своем собственном производстве не может быть назван услугой ибо услуга всегда предполагает известное *двухстороннее* социальное отношение. Труд, уже овеществленный в момент отчуждения в товаре, тоже не подходит под понятие «услуг». Услуга *предоставляется* всегда в форме деятельности, а не готовой вещи, хотя это отнюдь не мешает овеществлению тех или иных услуг в *процессе их использования*. Услуги повара *овеществляются* в изготовленном им обеде, но услугой и здесь мы называем только труд по изготовлению обеда, а не самый обед. С этой точки зрения услуги всегда нематериальны. Тем не менее их можно рассматривать как товары. «Для производителя этих услуг,— говорит К. Маркс,— они — товары. Они имеют определенную потребительную стоимость (воображаемую или действительную) и определенную меновую стоимость» [1]. Однако одни и те же услуги могут быть использованы и для производственных целей, и для личного потребления. И если в первом случае, обмениваясь на деньги — капитал, они представляют собою меновую стоимость для обеих сторон, во втором они обмениваются непосредственно на личный доход потребителя и в этом последнем случае *для покупателя* представляют собою уже *только* потребительную стоимость.

Это подразделение услуг на личные и производственные имеет для нас решающее значение, ибо «*непроизводительным трудом*» согласно экономической теории является «труд, производящий личные услуги». Необходимо иметь в виду это указание Маркса, для которого отнюдь не всякая услуга является непроизводительным трудом. По Марксу, «различение между *производительным трудом* и *непроизводительным*... основано на том, обменивается ли труд на деньги как на таковые или же он обменивается на деньги как на капитал». Характер труда или род профессии лиц, оказывающих услуги, не имеет в этом отношении никакого значения. «Например, повара́ и официанты в ресторане являются производительными работниками, поскольку их труд превращается в капитал для владельца ресторана. Эти же лица являются непроизводительными работниками в качестве домашней прислуги, поскольку я не создаю себе капитала из их услуг, а трачу на них свой доход. Но фактически те же самые лица и в ресторане являются для меня, как потребителя, непроизводительными работниками» [2]. У Маркса не возникает никаких сомнений, что, помимо личных услуг, обмениваемых на доход, бывают и такие *услуги*, которые обмениваются на капитал и, стало быть, являются производительным трудом. «...Если...— говорит он,— часть так называемого непроизводительного труда воплощается в материальных потребительных стоимостях, которые с таким же успехом могли бы быть товарами («пригодными для продажи товарами»), то, с другой стороны, часть услуг, существующих в чистом виде, не принимающих предметной формы, не получающих в виде вещи самостоятельного бытия отдельно от исполнителя этих услуг и не входящих составной частью в стоимость какого-нибудь товара,— может быть куплена на капитал (*непосредственным* покупателем труда), может возмещать свою собственную заработную плату и доставлять прибыль» [3].

---

[1] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. I, стр. 140. Эта ценность услуг, даже непроизводительных определяется, по Марксу, так же, как и для производительных. «А именно — издержками производства, необходимыми для их содержания или для их производства» (там же стр. 141).

[2] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. I, стр. 155, 417, 140.

[3] Там же, стр. 149.

В свете этих указаний следует признать, что элемент «прочих денежных расходов», представляющий оплату *услуг производству* со стороны, т. е. услуг, обмениваемых на капитал, по общему правилу независимо от характера этих услуг не может рассматриваться как простой вычет из прибыли. Эти затраты оборотного капитала должны найти свое возмещение в рыночной цене продукта на таких же основаниях, как и материалы, т. е. в порядке полного воспроизводства в продукте стоимости затраченных услуг и материалов, без всякого ущерба для нормальной рентабельности предприятий. Это ясно уже из того, что если бы те или другие из сторонних услуг производству, например затраты на рекламу, не окупались бы целиком, понижая прибыль какого-либо предприятия ниже *средней* нормы, то хозяйственный расчет предпринимателя не позволил бы ему длительно ими пользоваться. Мы говорим здесь лишь об услугах, получаемых предприятием со стороны, ибо услуги, оказываемые производству своим персоналом, как выше указано, способны не только возмещать произведенные затраты, но и создавать новую стоимость.

В условиях капиталистической экономики всякие трудовые затраты, и физического и умственного труда, независимо от того, овеществляются ли они в товаре или нет, производительны, поскольку они *обеспечивают* предпринимателю, т. е. *создают* ему или *сохраняют* на известном уровне, определенную норму прибыли; этим все определяется. Всякие трудовые затраты вообще и всякие услуги в частности, поскольку они *необходимы капиталистам* в целях извлечения прибыли, производительны, и, если они приобретаются со стороны, их воспроизводство в постоянной части капитала само собою подразумевается. Но в условиях советской экономики критерий рентабельности тех или иных затрат не может уже играть столь решающей роли. В наших условиях производительным придется, очевидно, считать не тот труд, который необходим с точки зрения интересов капитала, а тот, который признается *общественно необходимым*, хотя бы в создаваемой им стоимости он лишь окупал издержки своего воспроизводства без всякой прибыли. Этот новый критерий, с одной стороны, расширяет категорию производительного труда, а с другой, несомненно, ее суживает, ибо далеко не всякие услуги, создающие прибыль предпринимателю, общественно необходимы. Извлечению прибыли могут служить и «услуги» рекламбюро и даже «услуги» проституток какого-нибудь по-капиталистически организованного лупанария. Но мы отнюдь не склонны признать их по этой причине общественно необходимыми.

В условиях социалистического хозяйства становятся излишними и отпадают и целый ряд торговых операций, и реклама, и многое другое. Но если вытравить из *рекламы* то, что в нее привносится чуждым нам капиталистическим духом соперничества во имя наживы, то все же останется *информация* о тех или иных видах продукции, их назначении, способах использования и т. д., общественной необходимости которой нельзя отрицать даже при социализме. Стало быть, и реклама представляет собою в наших условиях излишество лишь в той мере, в какой она выходит за рамки добросовестной деловой информации. Эти *излишества* мы, несомненно, должны были бы относить к непроизводительным затратам, подобно затратам на благотворительные цели и тому подобные нужды, совершенно чуждые производственным задачам предприятий. Их-то уж во всяком случае следовало бы рассматривать при анализе издержек производства как простой вычет из фонда накоплений — m. Возможная ошибка здесь едва ли велика, ибо и вся-то сумма учтенных нами издержек по указанной сборной статье не превышает 3% цены продукции.

Отнесение амортизации к воспроизводимой части постоянного капитала не вызывает сомнений. Под сомнением здесь может быть лишь точность исчисления износа амортизируемого имущества. По нашему мнению, действующие у нас нормы амортизации заведомо преувеличены.

А это означает, что, относя амортизацию в преувеличенном исчислении к перенесенной стоимости средств производства, мы тем самым, несомненно, в известной мере преуменьшаем долю вновь созданной стоимости вообще и стоимости прибавочного продукта в частности. Но по столь же преувеличенным нормам амортизации, как наши, учитывается износ имущества и во всем капиталистическом мире. Наши ошибки в этом отношении не мешают во всяком случае сравнимости наших данных с иностранными.

Затраты по страхованию имущества играют в издержках производства совершенно аналогичную роль с амортизационными отчислениями. Они призваны создать фонд восстановления имущества на случай его гибели. Разница только в том, что страхование имущества от огня или наводнений представляет собою страховку от стихийных бедствий, тогда как амортизация страхует нас от хронически накапливающейся по мере изнашивания гибели этого же имущества. Если бы имущество не страховалось от огня, то нам все равно пришлось бы учитывать в издержках производства по той же статье противопожарные меры и пожарные убытки. С другой стороны, можно было бы и, наоборот, наряду со страхованием от огня организовать и специальное страхование от износа имущества. Тогда страхующие органы за известную ежегодную ставку оплачивали бы периодически капитальные ремонты, а через определенное число лет — и полную восстановительную стоимость ликвидируемых за негодностью предприятий. Таким образом, оплата услуг по страхованию, так же как и амортизационные отчисления не подлежат, на наш взгляд, включению во вновь создаваемую стоимость продукции. Они лишь воспроизводят собою стоимость средств производства (c) в цене товара [1].

Такую же роль следует приписать и затратам по текущему ремонту, поскольку его назначение — поддерживать эксплуатационную годность имущества на известном уровне, восстанавливая ежегодно его текущий износ.

В той мере, в какой мы пользуемся для ремонта услугами других производств или подрядными работами, это неоспоримо. Но поскольку речь идет не о потреблении, а о производстве ремонта в специально ремонтных цехах и производствах, то здесь ремонтные услуги являются такой же продукцией, как и всякая другая, и потому она в свою очередь разлагается на элементы перенесенной стоимости (материалы, топливо и пр.) и вновь созданную стоимость (зарплата, налоги, прибыль и т. д.). В нашей сводке, как уже было отмечено, свой текущий ремонт уже разложен на

---

[1] В условиях капиталистического хозяйства и *частного* присвоения, по Марксу, расходы на страхование «должны покрываться за счет прибавочной стоимости и представляют собой вычет из нее» (К. Маркс. Капитал, т. II. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 24, стр. 199). И это понятно, ибо, принимая страховой риск на себя, каждый капиталист в *отдельности* повысил бы свою норму прибыли на все время вплоть до несчастного случая, который *для него* мог и не наступить. Но в том же месте Маркс оговаривается: «...Рассматривая дело с точки зрения всего общества, необходимо, чтобы всегда имело место добавочное производство, т. е. производство в более широком масштабе, чем требуется для простого возмещения и воспроизводства существующего богатства... для того, чтобы иметь в распоряжении средства производства для устранения последствий тех чрезвычайных разрушений, которые вызываются случайностями и силами природы» (там же). Этот случай применим и к социалистическому хозяйству, не знающему прибавочной стоимости. Здесь одинаково необходимо предусмотреть дополнительные затраты для *возмещения* ущерба в имуществе как в результате «случайности» (стихийные бедствия), так и постоянного действия «сил природы» (выбывание из строя за ветхостью и негодностью строений, коррозия сооружений и т. п.). Ресурсом для общественного накопления (m) такая дополнительная продукция служить не может, для личного потребления (v) — тоже, стало быть, ее единственно возможное назначение *в наших условиях* — возмещение c путем включения в *перенесенную* стоимость средств производства.

эти элементы, а чужой вошел в «услуги прочих производств». При этом можно отметить, что общая сумма издержек по текущему ремонту в 73 трестах составляла за 1925/26 г. около 190 млн. руб., а неразложенный их остаток по нашей сводке не превышал 8 млн. руб., или 4,2% общего итога затрат по текущему ремонту.

В довоенных данных об издержках производства русской промышленности весь ремонт фигурировал своей валовой суммой, причем там не было даже четкого расчленения на текущий ремонт и капитальный. И потому, относя его целиком к перенесенной стоимости, мы, несомненно, сильно преуменьшали этим долю вновь созданной стоимости в общей массе продукции [1].

В рубрику оплаченного труда мы отнесли зарплату в тесном смысле этого слова, а также все начисления и накладные расходы на рабочую силу по социальному страхованию и прочие расходы по обслуживанию трудящихся. Некоторые из этих накладных расходов, например оплата отпусков и простойных дней, выходные пособия при увольнении, коммунальные услуги, т. е. квартира, отопление, освещение, оплата проездов на работу, наградные за выслугу лет и т. п., обеспечиваемые рабочим натурой или деньгами, представляют прямое дополнение к индивидуальной зарплате. Они непосредственно поступают в бюджет рабочего и по существу от прочих элементов личного заработка не отличаются. Другие элементы, например соцстрах, школы фабзавуча, амбулатории, заводские столовые, ясли, содержание месткомов и тому подобных учреждений, обслуживающих рабочих, тоже призваны обеспечить необходимое для промышленности воспроизводство рабочей силы, но уже не в индивидуальном, а в коллективном порядке. Это, так сказать, обобществленная доля зарплаты, распределяемая по принципу: «каждому по его потребностям».

Таким образом, к оплаченному труду, создающему согласно теории *новую стоимость*, мы относим не только оплату труда рабочих основных и вспомогательных производственных цехов, но и всего персонала обслуживающих рабочую силу этих цехов непроизводственных учреждений данных трестов, включая сюда учителей, врачей и лиц тому подобных профессий. Труд этих работников мы рассматриваем, стало быть, в данном случае как производительный. Правда, они не производят товаров. Но уже Маркс указал, что это несущественно. С точки зрения капиталистических отношений их труд производителен уже потому, что он обменивается здесь, в трестах, на «капитал», а не на «доход» в отличие, скажем, от труда учителей Наркомпроса, врачей Наркомздрава и прочего персонала учреждений, которые существуют за счет госбюджета и не создают прибавочного продукта. А с более широкой точки зрения, выходящей за рамки капитализма, он и подавно производителен, ибо с этой точки зрения производительным трудом будет «такой труд, который или производит товары или непосредственно производит, формирует, развивает, сохраняет, воспроизводит самоё рабочую силу» [2].

В нашей советской практике «учебный цех» пользуется в отчетности трестов всеми правами гражданства на тех же основаниях, как и все другие вспомогательные и подсобные цехи, мастерские, силовые станции и лаборатории. В связи с этим, как было уже указано, издержки производства и по этому «цеху», как и по другим, разлагаются на элементы — материалов, топлива, рабочей силы и пр. И содержание этого цеха по воспроизводству квалифицированной рабочей силы, таким образом, только частью попадает в рубрику вновь созданной стоимости, в части же израс-

---

[1] С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы. М. — Л., 1928, стр. 94.

[2] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 26, ч. I, стр. 154.

ходованных учебных и прочих материалов попадает в рубрику перенесенной стоимости.

В таком расчленении этого расхода есть известная условность. В зарплате, выдаваемой рабочим треста на руки, тоже есть элементы, которые затем обращаются на обучение их детей в тех или иных школах, на содержание яслей, столовых, лечебных учреждений и др. Издержки этих учреждений тоже разлагаются на зарплату, материалы и пр. И тем не менее зарплату, выданную на руки рабочим, мы уже не подвергаем никаким дальнейшим разложениям и целиком относим за счет вновь созданной стоимости.

Но это отнюдь не случайно. До тех пор пока воспроизводство рабочей силы замыкается в рамках индивидуального хозяйства рабочей семьи, предприятию, потребляющему рабочую силу, нет дела до отдельных элементов, на которые разлагаются издержки ее производства. Но с того момента, когда общественное разделение труда проникает постепенно и в эту область производства рабочей силы, по мере того как специализация и рационализация труда в этой области выделяют из сферы семейного, домашнего труда целый ряд функций и придают им новую организационную форму крупного *общественного* производства, эти новые отрасли общественного воспроизводства рабочей силы подпадают под действие тех же законов, какие управляют и во всех остальных отраслях хозяйства.

Советские тресты строились как комбинат, который берет на себя не только производство известной группы материальных товарных ценностей, но и организацию воспроизводства необходимой ему рабочей силы в тех пределах, в которых оно уже поддается общественной организации. Наши комбинаты строят своим рабочим жилища, обеспечивают их целым рядом обслуживающих учреждений, повышают их квалификацию и т. д. И к издержкам производства этих специальных своих «цехов» комбинат не может относиться иначе, чем к издержкам всех остальных цехов. Принцип хозяйственного расчета в связи с интересами общественной рационализации дела требует и здесь, как и везде, совершенно иного, *гораздо более бережного*, подхода к затратам живой рабочей силы, чем к издержкам уже овеществленного, мертвого труда. И этот иной социальный подход находит уже свое отражение в методах калькуляции советской бухгалтерии. Частный предприниматель-капиталист не заинтересован в столь тщательном выделении и отграничении оплаты живого труда от всех остальных видов затрат, которое характерно для нашей советской бухгалтерии. Его хозрасчет ограничивается интересами частнохозяйственной экономии в издержках производства ради увеличения личной прибыли. А мы должны включать в это понятие гораздо более широкие задачи общественной экономии затрат живого труда.

Переходя к элементам накопления (m), куда мы относим, помимо чистой прибыли, сальдо процентных платежей за пользование кредитом, рентные платежи и налоги, нужно сказать следующее. В капиталистических странах все эти подразделения имеют гораздо большее значение, чем у нас, ибо там прибыль достается одним слоям буржуазии, проценты — другим, рента — третьим, а налоги — государству. Но в советской экономике, где государство совмещает в своем лице и владельца предприятий, и банкира, и землевладельца, и фиск, и таким образом под разными титулами получает все эти виды дохода, разграничение их носит гораздо более условный характер. Национализация земли, лесов и недр приводит к тому, что целый ряд рентных платежей поступает в казну на одинаковых основаниях с налогами и даже частенько смешивается с ними в отчетности фиска под общей рубрикой «налоговых доходов», а в отчетности трестов под общим наименованием «налогов и сборов». Прибыли трестов и банковские проценты тоже в известной своей доле попадают в бюджет под титулом «подоходного *налога»,* а в другой — в порядке прямого «отчисления

Таблица 7

Основные элементы отпускных цен по 73 трестам за 1925/26 г.

А. Абслютные данные (в тыс. червонных рублей)

Отрасли / Элементы	Металлическая	Угольная	Электротехническая	Текстильная	Лесная	Химическая	Нефтяная	Бумажная	Сахарная	Пищевая	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I. Перенесенная стоимость (*c*)											
1. Материалы	253 351	35 096	46 250	564 643	7 746	89 214	39 119	12 011	165 223	81 847	1 293 500
2. Топливо и энергия	96 985	9 526	2 911	29 262	988	6 444	18 372	959	18 008	1 617	185 072
3. Услуги транспорта и пр.	54 794	53 318	11 331	64 999	22 377	21 150	32 528	14 561	41 684	18 840	335 582
4. Амортизация и страхование	48 156	16 422	5 521	73 004	2 467	7 133	74 067	2 893	16 117	2 952	249 632
Итого по *c*	453 286	114 362	66 013	732 808	33 578	123 941	163 086	30 424	241 032	105 256	2 063 786
II. Вновь созданная стоимость											
1. Оплаченный труд (*v*)	318 230	121 913	44 758	392 697	32 750	44 062	65 358	15 450	44 089	21 579	1 100 886
2. Фонд накопления (*m*)											
а) акцизы	12	—	—	78 584	7	8 334	245	—	232 471	372 486	692 139
б) налоги и сборы	10 117	3 004	3 136	28 253	3 126	5 101	7 238	2 597	12 446	5 898	80 916
в) рентные статьи	5 460	6 067	794	4 481	24 142	1 526	21 372	1 625	999	1 821	68 287
г) проценты	10 889	6 264	2 991	4 698	5 503	—69	782	90	11 276	—228	42 196
д) прибыль	32 441	13 401	21 040	209 259	—4 242	29 456	55 814	18 068	41 438	38 115	454 790
Итого по *m*	58 919	28 736	27 961	325 275	28 536	44 348	85 451	22 380	298 630	418 092	1 338 328
Вся вновь созданная стоимость (*v*+*m*)	377 149	150 649	72 719	717 972	61 286	88 410	150 809	37 830	342 719	439 671	2 439 214
Цена продукции (*c* + *v* + *m*)	830 435	265 011	138 732	1 450 780	94 864	212 351	313 895	68 254	583 751	544 927	4 503 000

прибылей». И установить между этими категориями дохода какое-либо принципиальное различие очень трудно. Можно, конечно, условиться, что налогами мы будем называть только ту часть прибавочного продукта страны, которую фиск извлекает из частного или государственного хозяйства в принудительном порядке для удовлетворения *непроизводственных* функций государства. Там же, где Советская власть извлекает доход по праву *хозяина* предприятий и денежных фондов или владельца поверхности и недр земли в целях *производственного* их использования, там будем называть эти виды дохода по-старому — прибылью, процентами и рентой. Но такое разграничение по назначению различных элементов дохода Советского государства не может изменить того основного единства их по происхождению, которое позволяет все эти виды дохода объединить под общей рубрикой: *фонд накопления*.

В наиболее общих подразделениях цены промышленной продукции после сказанного можно представить в следующем виде (см. табл. 7).

В нашей статистике довольно употребительно понятие «чистой продукции». Чтобы получить ее, обычно из валовой продукции вычитают только материалы, топливо и амортизацию. В качестве первого приближения такой метод очистки, конечно, вполне законен. Но этим методом мы можем получить только условно «чистую» продукцию, ибо не исключаем затрат на оплату приобретаемых со стороны услуг транспорта, связи и других производств и не учитываем гибели имущества от пожаров и прочих стихийных бедствий. По всем этим статьям учтено нами 345,6 млн. руб. (см. табл. 6), что по отношению к 2439 млн. руб. вновь созданной стоимости составило бы прибавку около 14%. Таков масштаб вероятной ошибки при исчислении чистой продукции по общепринятому методу.

Наш расчет, основанный на бухгалтерской отчетности, позволяет достигнуть большей точности. Но и он далеко не безупречен. И тут следует прежде всего отметить два дефекта. Дефектны наши нормы амортизации, установленные на основе так называемых «экспертных», т. е., говоря проще, весьма глазомерных, оценок. И, во-вторых, не столь уж ясна природа учтенных нами рентных статей. Конечно, и «долевые отчисления» за недра, и корневая плата за древесину, и арендная плата за земли госфонда, и даже арендная плата за торговые помещения трестов представляют собою прежде всего те или иные разновидности ренты; но, с одной стороны, в этих платежах чаще всего фиксируется не вся рента, а, с другой стороны, в них частенько содержится кое-что и сверх ренты, например амортизация арендуемых помещений, оплата издержек по лесоустройству в попенной плате и т. д. В какой мере эти плюсы и минусы уравновешивают друг друга, сказать трудно. Но более точного расчета и бухгалтерия представить не может.

Некоторые элементы рыночных цен фигурируют в нашей сводке и со знаком минус. По статье «процент» сальдо платежей для химических и пищевых трестов сложилось так, что для них эта статья оказалась не расходной, а приходной. Эти отрицательные затраты пришлось обозначить знаком минус. По лесной промышленности вместо прибылей оказался убыток, тоже отмеченный знаком минус. Правда, «убыточность» нашей лесной промышленности весьма условна. Она целиком объясняется потерями на курсе валюты по экспортным операциям лесных трестов, что отнюдь не связано с условиями производства в лесной промышленности. Но тем не менее факт остается фактом.

5. ЦЕНЫ И СТОИМОСТЬ

В относительных величинах структура цен продукции по разным отраслям промышленности представляется в следующем виде (см. табл. 8).

Как видим, структура цен в разных производствах чрезвычайно различна. Особенно крупные колебания в этой структуре создаются за счет

Т а б л и ц а 8

Основные элементы отпускных цен по 73 трестам за 1925/26 г.

Б. Относительные данные (в %)

Отрасли / Элементы	Металлическая	Угольная	Электротехническая	Текстильная	Лесная	Химическая	Нефтяная	Бумажная	Сахарная	Пищевая	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
I. Перенесенная стоимость (*c*)											
1. Материалы	30,5	13,2	33,3	38,9	8,2	42,0	12,1	17,6	28,3	15,0	28,8
2. Топливо и энергия	11,7	3,6	2,1	2,0	1,0	3,0	5,9	1,4	3,1	0,3	4,1
3. Услуги транспорта и пр.	6,6	20,1	8,2	4,5	23,6	10,0	10,4	21,4	7,1	3,5	7,4
4. Амортизация и страхование	5,8	6,2	4,0	5,1	2,6	3,4	23,6	4,2	2,7	0,5	5,5
Итого по *c*	54,6	43,1	47,6	50,5	35,4	58,4	52,0	44,6	41,2	19,3	45,8
II. Вновь созданная стоимость											
1. Оплаченный труд (*v*)	38,3	46,0	32,2	27,1	34,5	20,7	20,8	22,6	7,6	4,0	24,5
2. Фонд накопления (*m*)											
а) акциз	0,0	—	—	5,5	0,0	3,9	0,1	—	39,9	68,4	15,4
б) налоги и сборы	1,2	1,1	2,3	1,9	3,3	2,4	2,3	3,8	2,1	1,0	1,8
в) рентные статьи	0,7	2,3	0,6	0,3	25,5	0,7	6,8	2,4	0,2	0,3	1,5
г) проценты	1,3	2,4	2,2	0,3	5,8	—0,0	0,2	0,1	1,9	—0,0	0,9
д) прибыль	3,9	5,1	15,1	14,4	—4,5	13,9	17,8	26,5	7,1	7,0	10,1
Итого по *m*	7,1	10,9	20,2	22,4	30,1	20,9	27,2	32,8	51,2	76,7	29,7
Вся вновь созданная стоимость ($v+m$)	45,4	56,9	52,4	49,5	64,6	41,6	48,0	55,4	58,8	80,7	54,2
Цена продукции ($c+v+m$)	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Норма накопления ($m:v$) в %	18,5	23,7	62,7	82,7	87,2	101,0	130,8	145,1	673,7	1917,5	121,2

резкого колебания налоговых элементов и, в частности, акцизов. Удельный вес их в пищевых трестах и в Сахаротресте по сравнению с весом оплаченного труда достигает совершенно исключительных размеров. По весу материалов в цене продукта на первых местах стоят химическая промышленность (42%) и текстильная (39%), на последних — топливная (12—13%) и лесная (8%). Но зато вес транспортных и прочих услуг в лесном деле достигает почти 24%, в то время как в текстильном он падает до 4,5%. Амортизация особенно большой вес получает в нефтяной промышленности, топливо и энергия — в металлургии и металлообработке, рентные сборы — в лесных трестах (попенщина), прибыль — в бумажных и т. д.

В среднем по всем учтенным отраслям перенесенная стоимость составляет 45,8%, заработная плата — 24,5% и фонд накопления — 29,7%. Вся вновь созданная стоимость достигает, таким образом, 54,2% рыночной цены продукта. По исчислениям ЦСУ, для всей цензовой промышленности «чистая» продукция составляет 3957 млн. руб. из 9956 млн., т. е. всего 39,8% валовой [1]. Но ЦСУ оценивает продукцию без акциза. В нашем расчете вновь созданная стоимость, даже за вычетом акциза, составила бы все же не менее 45% трестовской продукции (без акциза). Это расхождение отчасти объясняется специфическим составом трестов союзного значения, с преобладающим в них весом бедной сырьем добывающей промышленности. Но главной основой этого расхождения следует считать разные методы исчисления продукции. ЦСУ, исчисляя продукцию по заводской оценке, т. е. со включением всего *внутритрестовского оборота материалов*, тем самым значительно преувеличивает их вес в общем итоге учтенной стоимости.

Большой интерес представляет вопрос о том: заметно ли и в какую именно сторону изменяется с развитием нашего хозяйства доля вновь созданной стоимости, т. е. народного дохода, в общем итоге валовой продукции промышленности. В печати было высказано мнение, что эта доля народного дохода при намечающихся у нас перспективах снижения цен должна падать. Однако это утверждение явно несостоятельно. Значение дроби $\frac{v+m}{c+v+m}$ от снижения товаро-материальной слагаемой c в знаменателе может только возрастать, а не падать. Другое дело, если бы в перспективе намечалось еще более энергичное снижение оплаты труда (v) и прибавочного продукта (m). Лишь тогда числитель нашей дроби обгонял бы в своем падении общее снижение знаменателя, т. е. вновь создаваемая ценность падала бы в общей цене продукта. Но такой перспективы текущий наш опыт пока не подтверждает. Правда, рост производительности снижает у нас затраты на единицу продукта, но эта экономия почти целиком обращается на повышение оплаты труда, и потому общий размер на единицу продукта мало меняется; что же касается нормы накопления, то ее снижать в годы величайшего напряжения в области реконструкционного строительства мы тоже не имеем достаточных оснований. А опыт прошлых лет свидетельствует, скорее, о росте этих норм, чем о падении.

Средняя норма накопления, включая акцизы, по 73 трестам определилась у нас в 121,6%, а без акциза не превышала 59%, по всей промышленности СССР за 1925/26 г. она и с акцизом не превышала 108—110% к фонду зарплаты, но по отдельным отраслям она колебалась от 18,5 до 1940%. Чем же объясняется столь разительная колеблемость этой нормы?

Правда, квалификация труда в различных отраслях промышленности у нас тоже колеблется в довольно широких пределах. Но эти колебания уже учтены в различной оплате труда разной квалификации. Рабочий день у нас колеблется уже в гораздо меньшей степени — от 6 до 8 часов

[1] «Фабрично-заводская промышленность СССР в 1925/26 году», изд. ЦСУ М., 1927, стр. 148.

для различных категорий труда. При этом снижение его для компенсации более тяжелых и вредных условий труда или в интересах более слабых категорий трудящихся, например женщин и подростков, должно лишь выравнивать условия труда на наших предприятиях. В той же части, в какой у нас остаются все же существенные различия в продолжительности или в интенсивности труда разных рабочих, они уравновешиваются в условиях сдельной оплаты труда, добавочных приплат за сверхурочные часы и т. д. соответствующими различиями в оплате труда.

К. Маркс в своем анализе капиталистического хозяйства исходит из предпосылки, «что степень эксплуатации труда, а следовательно, норма прибавочной стоимости и длина рабочего дня, имеет одинаковую величину, стоит на одинаковом уровне во всех сферах производства, на которые распадается общественный труд данной страны. Что касается значительных различий в эксплуатации труда в разных сферах производства, то уже А. Смит обстоятельно показал, что они выравниваются в силу всякого рода действительных или основанных на предрассудке компенсирующих условий, и, следовательно, различия эти, как только кажущиеся и преходящие, не должны приниматься в расчет при исследовании общих отношений. Другие различия, например, в уровне заработной платы, покоятся главным образом на указанном уже в начале «Капитала», кн. I, стр. 11 [К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 52—53] различии между простым и сложным трудом, причем, хотя они и делают участь рабочих в различных сферах производства далеко не одинаковой, однако нисколько не затрагивают степени эксплуатации труда в этих различных сферах» [1]. И в другом месте он поясняет: «Такая общая норма прибавочной стоимости,— в виде тенденции, как и все экономические законы,— была допущена нами в качестве теоретического упрощения; однако в действительности она является фактической предпосылкой капиталистического способа производства...» [2] При капитализме эта уравнительность в условиях эксплуатации труда достигалась, однако, лишь *косвенным путем*, т. е. путем стихийной конкурентной борьбы на рынке труда между самими рабочими в поисках наилучших условий найма, с одной стороны, и между хозяевами в погоне за наиболее рентабельным трудом — с другой. В советской же экономике эта уравнительная тенденция является плодом не только объективных условий оплаты труда, но и сознательной активной политики всех организованных сил страны.

И хозорганы и профсоюзы прилагают у нас каждый со своей стороны все усилия к *плановому* подтягиванию зарплаты в отсталых отраслях труда и утверждению определенного устойчивого равновесия в намечаемой динамике роста оплаты и производительности труда. Таким образом, у нас равная норма прибавочного продукта, или, что то же, норма накопления, становится не только объективным выводом из стихийного течения рыночных отношений, но и целевой установкой хозяйственного плана. На данной ступени нашего развития оплата труда в соответствии с его результативностью является экономическим законом развития советского хозяйства.

Мы строим коммунизм, и каждый его строитель должен себя чувствовать не орудием, а самоцелью этого строительства. В таких условиях неприменим термин «норма *эксплуатации труда*». Но резервирование и накопление продукта в целях коллективного его использования на те или иные социальные нужды свойственно всякому разумному коллективу. Поэтому говорить о *нормах* отчуждения и накопления части продукта на такие нужды мы можем и в советской экономике. Мы требуем от *всех* трудящихся участия в создании этого общественного фонда накопляемого

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 154.

[2] Там же, стр. 191.

Показатели \ Отрасли	Металлическая	Угольная	Электротехническая	Текстильная
1	2	3	4	5
1. Основные и оборотные фонды (в млн. червонных рублей)				
а) в строениях и оборудовании . .	962,6	318,5	95,1	1 308,8
б) в товарах и материалах	489,2	49,6	123,8	443,1
Итого к концу года (C) . .	1 451,8	368,1	218,9	1 751,9
Собственные средства трестов (C^1) . .	1 195,5	295,2	172,0	1 991,0
2. Оплаченный труд:				
а) в млн. человеко-дней (t) . . .	119,6	42,7	8,68	140,8
б) в млн. червонных рублей (v)	318,2	121,9	44,8	392,7
в) в рублях и копейках за 1 день ($v : t$)	2,66	2,85	5,16	2,79
3. Строение фондов:				
а) $C : t$ в рублях на 1 человеко-день	12,1	8,62	25,2	12,4
б) $C : v$	4,6	3,0	4,9	4,5
в) то же (в % к средней норме)	87,0	57,0	92,0	85,0
4. Фонд накопления (в млн. руб.)				
а) по отчетным данным	58,9	28,7	28,0	325,3
б) при средней норме накопления	386,8	148,3	54,4	477,0
5. Чистая прибыль:				
а) отчетная (в млн. червонных рублей)	32,4	13,4	21,0	209,3
в % к C	2,7	4,5	12,2	10,5
б) при средней норме прибыли в млн. руб.	97,6	24,1	14,1	162,0
6. Продукция (в млн. руб.)				
а) по рыночным ценам	830,4	265,0	138,7	1 450,8
б) по ценам производства	895,6	275,7	131,8	1 403,4
в) по стоимости	1 158,3	384,6	165,2	1 602,6
7. Отклонения рыночных цен (в %)				
а) от цен производства	—7,3	—3,9	+5,2	+3,4
б) от стоимости	—28,3	—31,1	—16,0	—9,5

* Основной фонд (C) по Сахаротресту взят нами на 1 января 1927 г. за вычетом имущества В товарах и материалах учтено «незавершенное производство», исчисляемое Сахаротрестом ис-

продукта. И каждый трудящийся должен при этом обеспечить нам *равную* норму накопляемого труда.

Таким образом, если бы мы хотели приблизить рыночную расценку наших товаров к их трудовой стоимости, нам пришлось бы, установив для извлечения из производства ту или иную норму накопления, исходить при начислении прибылей, налогов и рентных сборов из этой нормы, равной для всех производств и отраслей хозяйства. Но, как видно из приведенной таблицы, наши плановые органы пока отнюдь не ставят перед собой такой задачи. Наша политика цен исходит из совершенно иных задач и практических соображений. Топливо и металл, например, в интересах индустриализации страны продаются значительно ниже их стоимости, но зато весь недобор по этим производствам погашается с избытком акцизом на водку, потребление которой этой мерою сильно сдерживается в интересах народного здравоохранения.

Конечно, благодаря такой политике у нас на рынке и ныне, как и в прежние времена, имеет место неэквивалентный обмен, ведущий к извест-

Таблица 9

продукция по 73 трестам за 1925/26 г.

Лесная	Химическая	Нефтяная	Бумажная	Сахарная	Пищевая	Итого
6	7	8	9	10	11	12
30,5	139,5	758,1	52,7	303,6	97,2	4 066,6
57,5	96,0	105,9	36,0	294,8	101,7	1 797,6
88,0	235,5	864,0	88,7	598,4	198,9	5 864,2
24,2	230,6	892,9	76,8	516,2	180,2	5 574,6
9,19	9,39	15,12	6,25	23,2	3,78	378,7
32,7	44,1	65,4	15,4	44,1	21,6	1 100,9
3,56	4,70	4,33	2,46	1,9	5,71	2,91
9,6	25,1	57,1	14,2	25,8	52,6	15,5
2,7	5,3	13,2	5,8	13,6	9,2	5,3
51,0	100,0	249,0	109,0	257,0	174,0	100,0
28,5	44,3	85,5	22,4	298,6	418,1	1 338,3
39,9	53,6	79,6	18,8	53,6	26,3	1 338,3
—4,2	29,5	55,8	18,1	41,4	38,1	454,8
—17,4	12,8	6,2	23,6	8,0	21,2	8,16
2,0	18,8	73,0	6,2	42,3	14,7	454,8
94,9	212,4	313,9	68,3	583,7	544,9	4 503
101,1	201,8	331,1	56,4	584,6	521,5	4 503
106,2	221,6	308,0	64,7	338,7	153,1	4 503
—6,1	+5,3	—5,2	+21,1	—0,2	+4,5	0,0
—10,6	—4,2	+1,9	+5,6	+72,3	+256,0	0,0

сельхозов и других подсобных предприятий; собственные средства (C^1) исчислены по всему тресту, кусственно и притом с огромным преувеличением.

ному перераспределению народного дохода между отраслями и социальными секторами народного хозяйства. Но до тех пор, пока это перераспределение совершается в интересах пролетариата и направляется к подъему производительных сил страны, мы можем признать его вполне целесообразным. Целесообразно ли оно в каждом частном случае — это дело уже конкретного исследования. Изучая структуру цен по табл. 8, мы, например, убеждаемся, что текстильные товары дают нам еще весьма скромную по отношению к средней норме долю накопляемого продукта. И потому включение здесь в рыночную цену умеренного акциза (5,5% от цены продукта) не вызывает пока особых возражений. Но в отношении производства сахара, где норма накопления за счет акциза достигает 677%, мы не могли бы признать ее рациональной. Сахар нельзя рассматривать как предмет роскоши. Это прекрасный пищевой продукт с огромным запасом энергии. Удешевление этого возбудителя трудовой энергии масс и в интересах подъема общей производительности труда, и в интересах развития сельского хозяйства, и даже в интересах более успешной борьбы с алко-

голизмом — крайне желательно и необходимо. И потому в своих перспективных планах мы намечаем значительное расширение продукции сахара при соответствующем снижении акциза.

Если бы мы располагали средней нормой накопления для всего народного хозяйства СССР, то нам не трудно было бы установить, как велико отклонение цен от стоимостей, а также — в каких направлениях и в каком масштабе происходит у нас общее перераспределение народного дохода через рыночные цены. Но пока мы не располагаем такими данными. Однако если *условно* допустить, что средние для учтенных нами отраслей промышленности нормы прибыли и накопления довольно близки к средним для всего народного хозяйства, взятого в целом, то относительное отклонение рыночных цен от цен производства и от трудовой стоимости соответствующих товаров в пределах данного круга производства выразилось бы в следующих цифрах (см. табл. 9).

Основные и оборотные фонды нами взяты здесь по активу балансов на 1 октября 1926 г. (по Сахаротресту на 1 января 1927 г.) с дооценкой по действительной стоимости имущества за вычетом износа[1]. Оплаченный труд в человеко-днях учтен здесь полнее, чем в таблице 2, так как сюда мы прибавили, насколько нам это удалось, отработанное время служащих предприятий и трестов, а также всех рабочих по хозяйственным лесозаготовкам и торфозаготовкам тех же трестов. Точного учета по этим дополнительным статьям у нас не имелось, но по отношению к общим итогам возможная неточность наших поправок весьма незначительна. Сопоставляя общий итог отработанного времени 378,7 млн. человеко-дней с общей суммой вновь созданной стоимости 2439 млн. руб., получаем около 6 р. 40 к. на каждый отработанный день труда средней квалификации при средней оплате такого дня примерно в 2 р. 90 к.

Строение фондов мы можем измерять двояко: или количеством средств производства, авансируемых на единицу живого труда, или по соотношению между C и v в денежном их выражении. Показатели, полученные нами в данной таблице, едва ли очень точны и вполне соизмеримы, так как оценка имущества в разных отраслях при инвентаризации произведена была слишком грубо и неравномерно. По расчетам некоторых исследователей, эта оценка в среднем преувеличена процентов на 40, причем в химической промышленности это преувеличение поднимается до 58%, в хлопчатобумажной — до 69, в нефтяной — до 85%, в то время как в металлургической, каменноугольной и лесной оно не выше десятка процентов, а в некоторых отраслях и вовсе падает до нуля[2]. При этих условиях ясно, что и общий показатель высоты строения наших производственных фондов и частные показатели по отдельным отраслям нуждаются в серьезных поправках. Тем не менее, они все же небезынтересны. В среднем для всех трестов «постоянный их капитал» или в наших условиях основные и оборотные фонды по нашей таблице в 5,3 раза превышает годовые затраты на оплату труда. Значит, чтобы обеспечить возможность работы новым кадрам рабочей силы, нам нужно при среднем годовом заработке — за 270 дней по 2 р. 90 к. — около 780 руб. накопить и вложить в промышленность свыше 4 тыс. руб. капитальных вложений на каждого нового работника, а чтобы устроить на индустриальную работу целый миллион безработных, потребовалось бы сразу свыше 4 млрд. руб. капитальных затрат.

Уже этот грубый расчет показывает, перед какими трудными задачами мы стояли в нашей борьбе с безработицей. Но значение вложений с

---

[1] Собственные средства трестов сверх имущества и товарно-материальных ресурсов включают и денежные средства, но за вычетом из этих статей сальдо задолженности трестов.

[2] С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы, стр. 148.

указанной точки зрения в разных отраслях труда далеко не одинаково В лесной и каменноугольной промышленности эффект капитальных затрат с точки зрения поглощения добавочного труда при нынешней технике гораздо выше средней нормы, а, скажем, в сахарной, пищевой и нефтяной — несравненно ниже. Для разных отраслей труда это объясняется по-разному. Сахарное производство сезонное, работает около 100 дней в году, а средства производства требуются такие же, как и для годового труда. В пищевой промышленности у нас учтены только малотрудоемкие — чаеразвесочная и спиртоочистительная — операции, а стоимость материала, поступающего в эти заключительные операции, очень велика. В нефтяном деле мы имеем колоссальную механизацию трудовых процессов и потому небольшое использование живого труда. Но так или иначе и качество и количество живого труда, падающее в разных отраслях труда на единицу «постоянного капитала», отнюдь не случайно и представляет для нас громадный практический интерес в хозяйственном планировании.

Отметим лишь попутно, что наши показатели строения фондов не совсем совпадают с той категорией «органического состава капитала», о которой трактует теория[1]. В «Капитале» К. Маркса речь идет об отношении постоянного капитала к переменному, но там имеется в виду лишь *авансированный* переменный капитал, т. е. достаточный для производства в течение *одного периода оборота*, а у нас учтена *годовая* заработная плата. Конечно, период одного оборота переменного капитала различен для разных производств и отнюдь не равен году. Но определить его статистически чрезвычайно трудно, и мы пока отказались от этой задачи.

Исчисленные нами в таблице «цены производства» при равной норме прибыли и трудовая стоимость продукции, при равной норме накопления $(m : v)$, несмотря на всю их условность, весьма показательны. Как видим, наши рыночные цены весьма далеки и от тех, и от других. Но если отклонения их от цен производства колеблются в более узких пределах — от $-7{,}3$ до $+21{,}1\%$, то по отношению к трудовой стоимости диапазон этих колебаний гораздо шире; от -31 до $+256\%$.

Это, между прочим, заслуживает внимания Бессонова и его единомышленников, воображающих, что рыночные цены нашей промышленности в отличие от железнодорожных тарифов близко следуют закону стоимости.

6. МЕТОДЫ КАЛЬКУЛЯЦИИ

Мы уже видели, что доля накопляемого продукта составляет у нас в рыночной цене промизделий в среднем около 30%. Это немалая величина. Тем не менее вся она, распределяясь весьма неравномерно между разными отраслями производства, регулируется отнюдь не законом стоимости, а той или иной политикой цен.

Но, может быть, по крайней мере остальные 70% рыночной цены целиком определяются только трудовыми затратами? Это было бы, конечно, вполне целесообразно, ибо для целей перераспределения достаточно было бы планомерного регулирования размеров прибыли и налоговых изъятий. Однако этого нет. И при существующих методах калькуляции рыночных цен быть не может.

Это следует уже из того, что расценка материалов, топлива и энергии при учете затрат дается в наших калькуляциях по *рыночным* ценам, часто весьма далеким от их трудовой стоимости. Поскольку здесь речь идет прежде всего о таких материалах, как металл, каменный уголь, лес, то их цены, как мы уже видели, устанавливаются у нас ниже стоимости

---

[1] См. К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 626.

Возможно, что это отчасти уравновешивается преувеличенными нормами амортизации, но, в какой именно степени, это нам не известно. Далее, в издержки производства входит заметной статьей оплата железнодорожных тарифов, которые, отражая ту или иную тарифную политику, тоже отнюдь не совпадают с законом стоимости на транспорте. Наконец, особо существенное влияние на определение издержек производства тех или иных товаров оказывает метод распределения так называемых накладных, или «пропорциональных», расходов.

Издержки производства допускают много классификационных подразделений в зависимости от своего назначения. Но деление на прямые и накладные расходы в калькуляционных целях является основным. К прямым затратам можно отнести лишь те материалы и тот живой труд, которые *непосредственно* обращаются на производство *данного* рода и сорта изделий. Сюда относятся, стало быть, лишь *индивидуально разложимые* по ступеням производства и конкретным видам изделий *основные* материалы и *производственная* зарплата. *Но благодаря общественному характеру современного крупного производства* ряд трудовых процессов и материальных затрат обслуживает производство целого ассортимента изделий или даже ряд производств, *взятых в целом.* Разнести эти затраты по отдельным ступеням производства и конкретным видам изготовляемых товаров можно лишь на основании тех или иных *условных* допущений, т. е. *косвенным* путем. Их-то и называют накладными.

По определению официальной инструкции НК РКИ, изданной в 1925 г., «накладными расходами считаются все расходы предприятия, которые не идут *непосредственно* на изготовление продукции и по характеру своему не могут быть разнесены *прямым* путем на изделия» [1]. Эта формула содержит в себе слишком много негативных элементов, чтобы быть вполне определенной. Но инструкция содержит подробнейший перечень всех накладных расходов, не оставляющий никаких сомнений. Из этого перечня явствует, что к накладным расходам следует отнести: 1) цеховые, т. е. накладные, расходы *производственных цехов*, 2) *все* издержки *вспомогательных цехов* (силовых станций, ремонтных цехов, лабораторий и т. п.) и 3) *общезаводские* накладные расходы. В частности, сюда входят оплата всего обслуживающего персонала, вспомогательные материалы, топливо и энергия, ремонт, амортизация, страхование, транспортные и другие услуги, налоги, аренда, проценты, начисления на зарплату, накладные расходы на рабочую силу и т. д.

Бухгалтерия ВСНХ, по-видимому, не провела в жизнь этой инструкции РКИ, *согласованной* с ВСНХ. По крайней мере по форме **№ 11 сводного** отчета, в прямые расходы по какой-то совершенно непонятной причине включаются и ремонты, и амортизация, и налоги, и вообще все что угодно [2]. При этом как курьез отметим, что эта форма в свою очередь *согласована* с НК РКИ. И, таким образом, очевидно, только аппарат РКИ остается в существенном разногласии с самим собою.

Можно было бы еще допустить, что с 1925 по 1927 г. в бухгалтерской науке произошли какие-то большие сдвиги, и РКИ вынуждена была отказаться от своих заблуждений 1925 г. Однако и этого не было. Инструкция РКИ стоит на высоте бухгалтерских достижений. И мы можем ей вполне довериться в указанном отношении.

Следуя инструкции РКИ, насколько позволяет имеющийся у нас отчетный материал, мы получили следующее разложение рыночных цен учтенной нами продукции на прямые затраты и накладные расходы плюс прибыль, включение которых в цену товара происходит у нас на таких же основаниях, как и начисление налогов и акцизов, т. е. вне всякой прямой

---

[1] «Организация учета и отчетности производственных предприятий», изд. НК РКИ СССР. М., 1925, стр. 125 и сл. Курсив наш. — *С. С.*

[2] «Формы годового отчета и баланса», изд. ВСНХ СССР. М., 1927, стр. 35.

зависимости от трудовых затрат, овеществленных в данной продукции (см. табл. 10).

Таблица 10

Прямые затраты и накладные расходы по продукции 73 трестов за 1925/26 г.

(в % рыночных отпускных цен)

Отрасли промышленности	Отпускная цена (в млн. руб.)	Прямые затраты			Накладные расходы				Прибыль (m'')	Итого
		материалы (c)	труд (v)	итого	материалы, амортизация и пр. (c)	труд (v)	акцизы, налоги и пр. (m')	итого		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Текстильная	1450,8	30,8	15,3	46,1	19,7	11,8	8,0	39,5	14,4	100
Электротехническая . . .	138,7	30,2	15,9	46,1	17,4	16,3	5,1	38,8	15,1	100
Металлическая	830,4	21,2	18,9	40,1	33,4	19,4	3,2	56,0	3,9	100
Химическая	212,4	23,9	10,8	34,7	34,5	9,9	7,0	51,4	13,9	100
Угольная	265,0	0,9	32,8	33,7	42,2	13,2	5,8	61,2	5,1	100
Сахарная	583,7	23,0	2,6	25,6	18,2	5,0	44,1	67,3	7,1	100
Лесная	94,9	4,6	20,4	25,0	30,8	14,1	34,6	79,5	—4,5	100
Бумажная	68,3	6,8	12,6	19,4	37,8	10,0	6,3	54,1	26,5	100
Пищевая	544,9	13,3	0,8	14,1	6,0	3,2	69,7	78,9	7,0	100
Нефтяная	313,9	1,4	10,1	11,5	50,6	10,7	9,4	70,7	17,8	100
Итого	4503,0	20,9	13,4	34,3	24,9	11,1	19,6	55,6	10,1	100

Из приведенной таблицы видно, что прямые затраты в среднем по всем учтенным нами трестам составляют не свыше 48% от себестоимости, или 34% от полной отпускной цены продукции, включая прибыль. По отдельным трестам этот последний процент падает и гораздо ниже, до 11%, и ни в одной отрасли не поднимается выше 46%. Таким образом, если бы мы достигли даже полной точности в определении *прямых* затрат овеществленного и живого труда, падающих на тот или иной товар, мы еще очень далеки были бы от полного учета его трудовой стоимости.

Накладные расходы называют еще «пропорциональными», ибо они обычно разносятся пропорционально тем или иным измерителям данного ассортимента товаров. Прежняя калькуляционная практика была чрезвычайно многообразна в выборе таких измерителей для распределения накладных расходов. Согласно же инструкции РКИ разбивка цеховых накладных расходов должна осуществляться пропорционально *производственной зарплате*, а общезаводских — пропорционально полной цеховой стоимости данных изделий[1]. Однако фактическая практика органов ВСНХ, по-видимому, все же гораздо пестрее. Так, например, в инструкции ВСНХ для металлических трестов цеховые расходы рекомендуется еще распределять пропорционально следующим измерителям: «1) по производственной зарплате, 2) по весу годных изделий, 3) по топливу, идущему в колошу (для доменных производств), 4) по общей сумме основных грузов (шихта, топливо, чугун), 5) по времени, затраченному установкой на данную работу», т. е. по пяти различным признакам. Но в то же время из инструкции для металлообрабатывающей промышленности, выпущенной годом позже, мы уже узнаем, что калькуляционная конференция этой отрасли отказалась от множественности признаков для разнесения цеховых расходов и остановилась на одном — производственной зар-

[1] Ср. «Организация учета и отчетности производственных предприятий», стр. 148—149 и «Методы калькулирования в промышленности», под ред. проф. Белова, вып. I—XII, ВСНХ. М., 1926—1928.

плате. Правда, это делается со следующей оговоркой: «Метод разнесения этих расходов пропорционально *только одному* измерителю — производственной зарплате *нельзя признать вполне точным*, но, как указано выше, *необходимость упростить учет* и до некоторой степени *унифицировать его заставила* конференцию остановиться на нем» [1].

Из этой оговорки, видно, что наши практики не очень охотно идут на такую «унификацию», видят в ней только *техническое* «упрощение», т. е. совсем не чувствуют новой идеологической установки в этой директиве, но все же понемногу ее осуществляют.

Названная конференция калькуляторов металлообработки приняла в 1927 г. метод разнесения накладных расходов пропорционально прямым затратам производственной зарплаты не только в отношении цеховых, но и для общезаводских расходов [2]. В инструкциях другим отраслям промышленности мы имеем несколько иные формулировки. Общезаводские расходы рекомендуется разносить пропорционально полной «цеховой стоимости» фабрикатов, «за вычетом основных материалов», или «пропорционально прямым расходам минус сырье и полуфабрикаты, или пропорционально стоимости переделов» и т. д. [3] Несмотря на то, что все эти инструкции имеют одного редактора, мы не находим в них единства идеи, ясности мысли и сколько-нибудь отчетливой ее формулировки. Однако ясно, что в этом пункте ВСНХ не следует за инструкцией РКИ, рекомендующей разносить общезаводские расходы пропорционально цеховой стоимости изделий без всяких вычетов затрат на материалы.

Иначе отосится ВСНХ к распределению так называемых административных и торговых расходов правлений, куда, помимо зарплаты аппарата, трестов, включаются такие крупные статьи, как налоги и сборы, транспортные расходы и т. п. Общеадминистративные расходы правления, проценты за кредит и торговые расходы согласно инструкции ВСНХ распределяются между отдельными видами и сортами продукции «пропорционально их заводской себестоимости или пропорционально *полной* себестоимости» [4], выпущенной и проданной продукции.

Наша калькуляционная практика развивается много лет вне всякой ее связи с экономической теорией. И почему именно в одном случае следует те или иные затраты распределять по одному признаку, а в другом — по другому, нам не объясняет ни одна инструкция. Но если вдуматься в суть этой практики и обобщить ее основные тенденции, то можно прийти к таким выводам. Накладными затратами, вообще говоря, мы называем такие затраты, которые в результате *общественного* характера нашего производства могут быть отнесены только на целый более или менее сложный ассортимент изделий за раз. Но в зависимости от характера этих затрат одни из них относятся к более узкому, другие — к более широкому кругу производимых изделий и операций, одни более тесно связаны с их производством, другие — менее тесно. Например, цеховые расходы находятся в более тесной связи с непосредственным производственным процессом, общезаводские — в менее тесной, а трестовские и вовсе слабо с ним связаны. В связи с этим все накладные затраты делятся на зависящие от размеров *данного* производства, мало зависящие и вовсе от них не завися-

---

[1] «Методы калькулирования в промышленности»; «Инструкция и калькуляционные формы в металлургической промышленности», вып. VIII. М., 1927, стр. 31—32; «Металлургическая промышленность», вып. XI, М., 1928, стр. 5.

[2] Там же, «Металлургическая промышленность», стр. 23, 27.

[3] Там же, «Инструкция и калькуляционные формы в маслобойной промышленности», вып. VII. М.— Л., 1927, стр. 25; «Инструкция и калькуляционные формы в металлургической промышленности», вып. VIII, стр. 33.

[4] Там же, «Инструкция и калькуляционные формы в бумажной промышленности», вып. VI. М.— Л., 1927, стр. 59; «Инструкция и калькуляционные формы в маслобойной промышленности», вып. VII, стр. 26; «Инструкция и калькуляционные формы в металлургической промышленности», вып. VIII, стр. 40.

щие. И уже вследствие этого различия накладных расходов можно ожидать известной модификации и в методах их условной разверстки по отдельным видам и сортам продукции.

Но принцип этой разверстки, если мы не хотим быть эклектиками, должен быть все же единым. Если фактором, образующим стоимость, мы признаем только трудовые затраты, если мы не хотим путем произвола в условной разверстке накладных затрат исказить те безусловные соотношения между разными товарными стоимостями, какие вытекают из заведомо овеществленного в них труда, то косвенная разверстка общественных производственных затрат, именуемых *накладными* расходами, должна осуществляться в точном соответствии с *прямыми* индивидуальными затратами на производство конкретных изделий данного ассортимента. Итак, первое обобщение, вытекающее из требований закона стоимости в применении к калькуляции гласит: накладные расходы следует распределить пропорционально прямым затратам, или, говоря иначе, не поддающийся точному разложению труд подлежит разверстке в соответствии с трудом, точно разверстанным.

Прямые затраты, однако, складываются, как известно, в общем из двух элементов — основных материалов и производственной зарплаты, или, говоря иначе, из мертвого труда, привнесенного из *других* производств, и из труда живого, овеществленного в *данном* производстве. Пропорционально каким же из этих затрат следует распределять те или иные из учитываемых нами накладных расходов? Мы уже видели, что наша практика одну часть накладных расходов (цеховые) без всяких колебаний распределяет пропорционально только одному из этих элементов, т. е. живому труду, а другую часть (трестовские) — пропорционально полной заводской себестоимости, т. е. всей массе учтенного живого и мертвого труда. В отношении же общезаводских расходов, занимающих промежуточное положение между цеховыми и трестовскими, наблюдаются известные колебания. Инструкции ВСНХ решают этот вопрос по аналогии с цеховыми, а инструкции РКИ — по аналогии с трестовскими накладными расходами.

В чем же здесь зерно истины? И чем можно объяснить отмеченные колебания?

Нам кажется, что теоретически правильным было бы такое положение. *Зависящие* от размеров работы данного производства накладные расходы должны бы распределяться в соответствии только с теми прямыми затратами труда, которые характеризуют собою *данное* производство, т. е. в соответствии только с живым трудом, без всякого учета привнесенной сюда извне стоимости материалов и тому подобных затрат. И наоборот, *не зависящие или малозависящие* от работы данного производства накладные расходы, очевидно, определяются условиями всего общественного производства в целом, а не только специальными условиями данной ступени производства. А потому их надлежит разверстывать пропорционально полной трудоемкости данной группы товаров или, говоря иначе, пропорционально полной сумме учтенных затрат в данном ассортименте изделий. Конечно, деление накладных расходов на зависящие и не зависящие от размеров работы данного производства в достаточной степени условно. Всегда найдутся такие затраты, которые будет трудно отнести без колебаний к той или иной категории. Но во всяком случае такое деление с интересующей нас точки зрения было бы гораздо более плодотворно, чем чисто формальное деление затрат по месту их производства на цеховые, общезаводские, общетрестовские и т. д.[1] Несомненно, в каждой из этих кате-

---

[1] Кстати сказать, «деление накладных расходов на зависящие от нагрузки предприятий и не зависящие от таковой» предусматривалось уже с первых шагов советской калькуляционной практики («Материалы по себестоимости продукции

горий затрат, хотя и в разной пропорции, найдутся и зависящие и не зависящие от нагрузки предприятия накладные затраты. Вот почему для них не было установлено твердого критерия разверстки. И калькуляторы-практики, нащупывая его эмпирически, от случая к случаю, не могут найти по этому вопросу общего языка и прийти к вполне единому мнению.

Еще труднее положение наших калькуляторов-практиков в тех производствах, где условной разверстке подлежат не только второстепенные накладные, но и основные производственные затраты. А это случается вовсе не редко. Такой случай имеет место везде, где результатом *единого* производственного процесса является не один, а несколько разнокачественных рыночных продуктов или наряду с основным продуктом появляется та или иная побочная продукция или так называемые полезные отходы, угары, брак и т. п. Чаще всего мы наблюдаем это в химических производствах, где одна и та же реакция разменного разложения дает всегда по меньшей мере два различных продукта. Другой типичный случай представляет добыча и обработка полиметаллических руд, например серебросвинцовых, добыча и аффинаж платины от ее многочисленных спутников и т. д. Наконец, назовем еще для примера процесс нефтеперегонки, где из одного и того же материала в одном и том же процессе получается последовательно целая серия весьма разноценных возгонов. Что же касается полезных отходов, угаров, брака и тому подобных побочных продуктов,то они являются обычными спутниками основной продукции почти во всех производствах.

По какому же принципу разверстываются по отдельным сопутствующим продуктам общие затраты в таких комплексных производствах?

Изучая инструкции ВСНХ, мы находим в них такие довольно беспомощные указапия. В инструкции химическим трестам на случай одновременного производства двух и более фабрикатов рекомендуется: «В этом случае по установленным общим правилам калькулируется смесь этих фабрикатов, и продукция расценивается пропорционально коэффициентам, устанавливаемым Главхимом по соглашению с калькуляционным п/отделом ВСНХ СССР». Но исходя из какого принципа будет устанавливать эти коэффициенты Главхим? — спросит читатель, не удовлетворяясь этой досадной отсылкой от Анны к Кайяфе. Исходя из «колебаний *продажных цен*, в связи с которыми строятся коэффициенты» [1],— весьма кратко сообщает нам инструкция.

Итак, для того чтобы определить себестоимость своих изделий, Главхиму надлежит обратиться за справкой не в свой калькуляционный отдел, а на рынок — к прейскуранту продажных цен. Но хуже всего то, что и обращение к рынку в условиях советской экономики, где рынок уже не диктует бесконтрольно своих цен, а во все большей степени воспринимает их от Наркомторга, не сулит никаких плодотворных результатов. Главхим будет через рынок обращаться к Наркомторгу, а Наркомторг, если он не захочет брать своих цен с потолка, неизбежно обратится к Главхиму. И, таким образом, следуя инструкциям наших калькуляторов, мы никогда не вышли бы из этого заколдованного круга.

Апелляция к рынку в инструкциях по калькуляции себестоимости тем не менее отнюдь не случайна. Она повторяется с теми или иными модификациями каждый раз, как только калькуляционный отдел того или иного предприятия подходит к таким моментам ценообразования, которые при общественном характере производства могут и должны выходить за пределы данного предприятия.

промышленности», 1923). Но за отсутствием ясного сознания цели такого подразделения и установленного перечня тех и других расходов оно до сих пор не вошло в жизнь.

[1] «Методы калькулирования в промышленности», вып. V, стр. 20—21.

Чтобы иллюстрировать эту мысль примером, обратимся хотя бы к металлургии полиметаллических руд. При одновременном получении, скажем, серебра и свинца из одной и той же руды калькуляция данного производства может дать лишь суммарные затраты по добыче и разделению данной группы металлов. Расчленение же этих затрат между серебром и свинцом она рекомендует производить по рыночным коэффициентам. В этом есть известный смысл, ибо, кроме сложных серебросвинцовых руд, в природе находятся и раздельные руды каждого из этих металлов. Ценность каждого товара определяется к тому же не индивидуальными затратами на данном руднике или заводе, а всей суммой их по всему общественному производству данного товара в целом. Отсюда ясно, что если учтенные прямые затраты на добычу 1 *кг* серебра в масштабе всей страны значительно выше, чем на выплавку 1 *кг* свинца, то и в отношении тех затрат, которые не поддаются точному расчленению в смешанном серебросвинцовом производстве, мы можем условно допустить разложение их пропорционально известной уже нам трудовой стоимости этих продуктов в раздельных производствах. Но для этого нужно апеллировать не к рынку, где в цене находят свое отражение не только затраты труда и материалов, но и рентные, и налоговые, и всякие иные новообразования, а непосредственно к производственной отчетности других родственных трестов и предприятий.

Такой путь, разумеется, закрыт для капиталистических предприятий, ибо для этого им пришлось бы проникать в коммерческие «тайны» своих конкурентов. И потому они ориентируются на рыночные цены. Но для нас открыты все пути, ибо в социалистическом производстве не существует коммерческих тайн. Вот почему советская калькуляционная практика делает ошибку, апеллируя к отживающему свой век рынку. Однако, чтобы изжить такого рода ошибки, наша калькуляция должна далеко выйти за пределы простейших элементов заводской или даже трестовской калькуляции. Ей предстоит расширить свои рамки до калькуляции затрат по изготовлению тех или иных взаимно заменимых благ в масштабе всего общественного их воспроизводства в целом.

Проблема заменимости благ в общественном их производстве имеет весьма существенное значение не только для процессов образования цен, но и для учета стоимости продуктов. Допустим, что какой-нибудь цели, например повышению урожая с десятины посева на 100 *кг* пшеницы, одинаково удовлетворяют различные количества навоза, фосфоритной муки, томасшлака или иных искусственных удобрений. В таком случае мы все эти удобрители независимо от всех других их качеств будем считать взаимно заменимыми для данной цели и расценивать относительно друг друга не по сравнительной величине затрат на их производство и доставку к месту использования, а по сравнительной эффективности их в этом использовании. Говоря иначе, производства заменимых благ мы должны рассматривать как единое производство и расценивать по средним для всех этих производств затратам, падающим на единицу производимого ими эффекта, т. е. на единицу их потребительной стоимости.

Этот момент не находит, однако, надлежащего отражения в нашей калькуляционной практике. Во всех случаях, когда дело идет о расценке наряду с основной продукцией каких-либо производств побочной их продукции, в частности так называемых полезных отходов или угаров, брака и т. п., наши калькуляторы рекомендуют вычитание из общих издержек производства стоимости отходов для получения себестоимости основной продукции. Но когда дело доходит до указаний, по какому же принципу надлежит расценивать при этом вычитаемые отходы, то мы не находим в инструкциях ВСНХ никакой идеологической отчетливости и определенности. Например, оценка угаров льняной промышленности «производится применительно к шкале, выработанной комиссией по расценке угаров при

ВТС», в силикатной промышленности рекомендуется вычитать «стоимость отходов по цене возможного использования (?)», в металлообработке брак оценивается точно так же, «в зависимости от возможности его использования» и т. д. [1] Все эти указания не блещут теоретической определенностью и явно недостаточны для практического их использования. И лишь в одной инструкции мы находим директиву, идеологически вполне определенную. «Цена отходов,— читаем в этой инструкции,— устанавливается правлением треста по *предельной их полезности*» [2].

В печати отмечалось влияние австрийской школы политической экономии на идеологию наших тарификаторов из НКПС. Отрицать его не приходится. Однако не следует и переоценивать это влияние. Десять лет диктатуры пролетариата в нашей стране не прошли, конечно, бесследно. Руководство в СССР осуществляется Коммунистической партией на основе марксистско-ленинской экономической теории. Поэтому нам не угрожают особыми опасностями эти осколки потерпевшей крушение буржуазной идеологии. Но все же им не следовало бы столь откровенно выползать из своих щелей и красоваться в виде хозяйственных директив трестам на страницах официальных инструкций ВСНХ СССР. Тем не менее это все же иной раз случается благодаря той величайшей идеологической беспризорности, в которой пребывают наши калькуляционные ячейки и тому подобные практические хозяйственные органы. Калькуляционные инструкции составляются у нас, конечно, весьма знающими инженерами. Но трактуемые ими проблемы выходят довольно далеко за пределы чисто технической компетенции инженеров. Конечно, даже очень хороший калькулятор-практик из инженеров не может теоретически осмыслить свою работу без помощи экономиста-теоретика. Если же спросить ВСНХ о его инструкциях по калькуляции: заглядывал ли в них когда-либо хотя бы мимоходом сколько-нибудь компетентный в вопросах экономической теории марксист,— то ответ получится заведомо отрицательный. Иначе ведь не получилось бы такого конфуза, как проповедь архибуржуазной теории предельной полезности от имени ВСНХ Союза Социалистических Республик.

Было бы большой ошибкой думать, что инженера Войтехова, пустившего в ход директиву об использовании теории предельной полезности в калькуляции, или проф. Белова, одобрившего в качестве редактора эту работу, можно обвинить в особом пристрастии к одиозной теории австрийской школы. Ничего подобного. Можно с уверенностью сказать, что скорей всего они просто младенчески «невинны» по части всяких экономических теорий. И лучшим доказательством этого может послужить тот факт, что категория «предельной полезности», к которой они отсылают в своей инструкции тресты, увы, отнюдь им в их калькуляционных затруднениях никакой пользы дать не может.

Чтобы разъяснить инженеру Войтехову всю практическую бесполезность теоретического понятия «предельной полезности» в деле калькуляции, заметим лишь следующее.

Исходя из субъективных оценок *потребителем* полезности для него различных благ в зависимости от степени насыщения той или иной его потребности, австрийская школа определяет высоту ценности благ величиной «предельной» их полезности, т. е. *наименьшей* пользы, какую можно извлечь из единицы данного рода благ в данном хозяйстве при заданном их количестве. Однако если дело идет о благах, производимых специально для сбыта, то из них в данном хозяйстве нельзя извлечь никакой иной пользы, кроме выручки той или иной денежной суммы в результате их реализации на рынке. Таким образом, предельная полезность *этих* благ, именуемая австрийцами «субституционной» пользой, всецело определяет-

[1] «Методы калькулирования в промышленности», вып. II, 1926, стр. 21; вып. XII, 1928, стр. 22; вып. XI, 1928, стр. 35.

[2] «Методы калькулирования в промышленонсти», вып. V, стр. 25.

ся *рыночной ценой* таких благ[1]. Иными словами, стоимость их определяется предельной полезностью, а эта последняя — рыночной ценою. И, стало быть, инженер Войтехов, предлагая трестам руководствоваться при оценке отходов этой мещански убогой «теорией», не дает им, в сущности, никакого практически годного рецепта. Рыночные цены не даются ведь нашим трестам в готовом виде. Их еще требуется определить. А инженер Войтехов не мог бы для этой цели извлечь из арсенала австрийской школы ничего более вразумительного, чем весьма вульгарное указание, что оценка товаров покупателем определяется «степенью относительной редкости» этих товаров, или, говоря иначе, соотношением спроса и предложения.

Однако эта весьма подержанная обывательская премудрость как раз меньше всего пригодна в наших советских условиях *планового* регулирования цен. И во всяком случае она ровно ничего не может дать для калькуляции цен, строящихся на базе трудовых затрат и трудовой стоимости хозяйственных благ. Лишь теория Маркса могла бы в этом деле оказать существенную пользу нашим калькуляторам. Но, к сожалению, они слишком мало уделяли ей внимания.

В свете теории Маркса проблема трудовой оценки отходов разрешается довольно просто. Мы знаем, что согласно этой теории слиток золота, найденный без всякого труда на дороге, представляет собою такую же ценность, т. е. содержит в себе столько же овеществленного труда, как и золото, добываемое из рудников в нормальных условиях воспроизводства данного хозяйственного блага. И вообще трудовая стоимость каких-либо благ определяется не фактическими затратами труда в том или ином конкретном предприятии, а средними общественно необходимыми затратами на их воспроизводство в масштабе всего народного хозяйства. Какие же выводы отсюда следуют в применении к оценке тех или иных отходов?

Очевидно, до тех пор, пока эти отходы, например шлаки при выплавке чугуна, не находят себе никакого полезного применения, мы их рассматриваем как не имеющие никакой стоимости отбросы производства. И потому все затраты производства относим целиком на основной продукт — чугун. Но с того момента, как установлено, что, скажем, томасшлак может быть использован в качестве удобрения, причем тонна томасшлака эквивалентна по своему действию такому-то количеству килограммов, скажем, суперфосфата, томасшлак становится *полезным* отходом, т. е. побочным продуктом производства. И если мы не знаем, каких *конкретных* затрат стоит получение этого *побочного* продукта в металлургическом производстве, то нам стоит только обратиться к калькуляции таких производств, как добыча фосфоритов, дающих уже в качестве *основного* продукта потребительные стоимости, эквивалентные по своему действию томасшлаку. Томасшлак и фосфориты являются в известных пределах заменимыми благами и, стало быть, в качестве таковых овеществляют в себе равные количества общественно необходимого труда на единицу полезного эффекта. Вот критерий для расценки всякого рода полезных отходов и тому подобных побочных продуктов.

Их расценку в комплексных производствах мы можем и должны производить, минуя рынок, *непосредственно из калькуляций* затрат в более простых производствах, дающих эквивалентные полезности в качестве вполне обособленной и потому поддающейся точной калькуляции продукции. А тогда за вычетом трудовой расценки побочного продукта мы получим в остатке долю производственных затрат и по основному продукту комплексного производства. Для осуществления указанного метода, разумеется, необходимы известные организационные предпосылки. В обобществлен-

---

[1] Е. Бем-Баверк. Основы теории ценности хозяйственных благ. СПб., 1903, стр. 176—177.

ном производстве и калькуляция должна быть организована на более широких общественных началах, чем на частнокапиталистических предприятиях. Секретность калькуляций у нас отпадает. Отдельные калькуляционные ячейки могут и должны объединяться вышестоящими органами для обмена взаимным опытом и наблюдениями в целые комплексы по линии производства заменяемых ими благ. Тогда при надлежащем методологическом руководстве их работой из центра нам в плановом хозяйстве не придется напрасно тревожить ни пресловутую «предельную полезность», ни отмирающие стихийные расценки рынка.

Особый интерес в методике калькуляции представляет собой проблема качества продукции. Во всех производствах, где мы имеем дело с сортировкой или «браковкой» различного качества продукции, перед калькулятором встает огромной трудности вопрос о сравнительной расценке высших и низших сортов или так называемого брака. Возьмем для примера процесс сортировки хлопкового волокна на хлопкоочистительных заводах или льняного волокна после его расчески на соответствующих машинах. И плохое и хорошее волокно получается с одного и того же поля, зачастую даже с одного и того же стебля. Стало быть, сказать, что более длинные и прочные волокна потребовали больших трудовых затрат, чем короткие и слабые, калькулятор не может. Точно так же в угледобыче из одного и того же пласта мы получаем и плиту, и рядовой уголь, и штыб, и орешек. Из одной и той же обжигательной печи мы извлекаем и лучше и хуже обожженный кирпич, и цельный и битый. Из одного и того же кряжа на лесопилке получаются доски без сучка и задоринки и со всякими изъянами. Из одной и той же мясной туши на бойне мы выкраиваем и филейную вырезку, и грудинку, и голяшки. Во всех этих случаях нам известна лишь общая сумма затрат на весь полученный ассортимент, но, как ее разнести по сортам, по какому критерию,— это вопрос, требующий самого серьезного рассмотрения.

Как разрешается эта проблема в инструкциях ВСНХ?

Какого-нибудь общего ее решения мы не нашли в этих инструкциях. В большинстве из них мы вообще не находим по этому вопросу никаких указаний. Лишь в одной инструкции для калькуляции разных сортов проката рекомендуется «приведение продукции прокатного производства к нормальному сортаменту и пересчет себестоимости на единицу *приведенной* продукции» [1]. Но как раз этот случай не типичен для рассматриваемой проблемы, ибо в данном случае речь идет о таких сортах проката, которые различаются не столько качественно, как количественно — размером и профилем изделий — и вполне поддаются *раздельной* калькуляции. Тем не менее идея приведения разносортной продукции к какому-то нормальному стандарту, принимаемому за единицу измерения, заслуживает всяческого внимания. И вся трудность использования этой идеи сводится к нахождению технически пригодных приемов измерения *качества* разносортной продукции. А это хоть и не легкая, но все же принципиально вполне разрешимая задача.

Проблема соизмеримости качества различных *сортов* какого-либо *одного* товара, т. е. продуктов *одного и того же назначения*, сводится, на наш взгляд, к измерению их сравнительной полезности, или эффективности, с точки зрения этого их назначения. Мы не могли бы соизмерить сравнительную полезность для нас, скажем, тонны чугуна и тонны томасшлака, поскольку эти продукты имеют совершенно различное назначение. Но если речь идет о таких благах, какие могут быть использованы, хоть и с неравным успехом, но для одной и той же цели, то мы должны их рас-

---

[1] «Методы калькулирования в промышленности», вып. VIII, 1927, стр. 43 и сл. На практическом использовании этого приема «приведения» в данном конкретном случае мы не останавливаемся, так как считаем его неудачным или по меньшей мере весьма дискуссионным.

сматривать как *заменимые блага*. Они становятся соизмеримыми. И нам остается лишь установить более или менее точные коэффициенты эквивалентности этих благ с точки зрения ожидаемого от них эффекта. Вместе с тем эти коэффициенты дадут нам меру эквивалентности тех же благ и по трудовой их стоимости, ибо *заменимые* блага, как уже было отмечено выше, овеществляют в себе согласно теории равные количества общественно необходимого труда на единицу полезного эффекта.

Практическое измерение качества различных сортов товара мерою полезного их эффекта в различных случаях требует, разумеется, различных приемов. Но это в общем уже дело техники товароведения, лабораторных испытаний, заводских калькуляций и прочих приемов прикладной науки, именуемой стандартизацией. Лишь в качестве иллюстрации остановимся на двух-трех примерах.

Поставим, например, своей задачей соизмерить полезный эффект плиты и штыба при сжигании их в силовых установках. Для этого придется учесть, конечно, не только весовое соотношение плиты и штыба, потребных для получения одного и того же энергетического эффекта, но и разницу в издержках производства на единицу этого эффекта при пользовании тем и другим сортом угля, в зависимости от разного их качества. Задача сводится, стало быть, к получению сравнительной калькуляции производства энергии из того и другого сорта угля *при прочих равных условиях*. Такую калькуляцию может нам дать любая крупная электростанция или теплотехнический институт или иное подобного же рода учреждение. Как же ее должен использовать калькуляционный отдел Донугля или другого добывающего углетреста? Очевидно, он должен установить такие коэффициенты эквивалентности для сравниваемых сортов угля, франко-рудник, при которых издержки производства, скажем, на 1000 *квт-ч* энергии, включая сюда все затраты на перевозку и хранение угля, облуживание и амортизацию силовых установок и т. д., были бы *равны* и при том, и при другом сорте топлива.

Вопрос о «качестве» сравниваемых сортов топлива разрешается, таким образом, в конечном счете на основе калькуляционных расчетов. Однако для этой цели приходится использовать калькуляцию не только того предприятия, где *производятся* данные сорта топлива, но и тех, где оно *потребляется*.

Точно так же может быть разрешен вопрос о сравнительном качестве разных сортов всяких иных материалов и товаров *производственного* назначения. Полезный эффект битого кирпича по сравнению с цельным в строительном производстве ниже потому, что для использования битого кирпича требуется больше труда и вспомогательных материалов (извести, цемента) на один кубический метр кладки. Эта разница поддается учету в калькуляциях строительства и, стало быть, может послужить мерой «качества» сравниваемых сортов материала.

Несколько сложнее стоит вопрос об измерении качества различных сортов товара, предназначенных для личного потребления. И здесь, разумеется, мерой качества должен служить прежде всего *полезный эффект* сопоставляемых сортов изделий, поддающийся вполне *объективной* оценке и измерению. Например, качество одежды, полученной из волокна различной прочности, можно соизмерить сравнительным сроком ее службы, разницей затрат на стирку и починку за время службы, относительной теплопроводностью ткани, если она должна защищать от холода, и другими технико-экономическими показателями. Точно так же высшее качество «филейной вырезки» по сравнению с «голяшками» определится прежде всего количеством усвояемых калорий, которое организм может извлечь из единицы веса того и другого сорта, сравнительными затратами труда и дополнительных вкусовых приправ и материалов, необходимых для приготовления соответствующих блюд из того и другого продукта, и тому

подобными коэффициентами *хозяйственного* их эффекта. Но, разумеется, эти коэффициенты нельзя уже извлечь в готовом виде из тех или иных *производственных* калькуляций. Они должны быть получены в результате специальных экспериментальных исследований в соответствующих институтах товароведения и других учреждениях по стандартизации.

Во избежание недоразумений заметим сразу, что все эти коэффициенты эквивалентности различных сортов того или иного товара по полезному их эффекту имеют в виду лишь *хозяйственную* эффективность этих благ и отнюдь не должны совпадать с *субъективными* оценками потребителя, «предельной» для него полезностью тех или иных благ и тому подобными категориями. Мы не игнорируем того факта, что потребителя интересует не только прочность и долговечность ситца, но и его рисунок. Но, поскольку и вкусы поддаются специальному изучению, мы можем изготовлять рисунки на *все* вкусы, отнюдь не считаясь с этим моментом при определении полезного эффекта разных тканей. Точно так же позволительно ожидать, что рыночный спрос на филейную вырезку будет предъявляться гораздо более энергично, чем на грудинку и голяшки, поскольку разница в их расценке учтет лишь полезный их эффект без внимания к *вкусовым* запросам потребителя. Но, во-первых, вариации вкуса могут быть и здесь перекрыты в известной степени разными способами приготовления. Хороший гарнир, соус или салат к грудинке не менее эффективен в этом отношении, чем богатый выбор рисунков для дешевых ситцев. Голяшки, не использованные в домашней кухне, могут быть обращены на заводскую выварку весьма питательного и вкусного «бульона» и т. д. А, во-вторых, повышенный спрос на те или другие сорта товара может оказать известное действие на рыночные *цены*. Но он отнюдь не должен оказывать никакого влияния на калькуляцию издержек производства и трудовой *стоимости* интересующих нас благ.

Мы не можем исчерпать здесь всех тех интереснейших и труднейших проблем, какие стоят уже сегодня или встанут в ближайшие годы перед теоретиками и практиками советской калькуляции. С каждым годом, чем сильнее будет наше организованное влияние на рыночные цены, тем важнее будет для нас располагать хорошо продуманными методами и рационально построенными органами калькуляционного дела. Нам хотелось здесь наметить лишь основные вехи путей развития этого дела. Но эта цель не была бы вполне достигнута, если бы мы не прибавили к сказанному следующего.

Наша калькуляционная практика исходила из капиталистического опыта и традиций. Ее основная единица измерения — рубль. Конечно, это не плохая единица в особенности когда ею пользуются для измерения кристаллизованного в тех или иных вещных ценностях мертвого труда. Но задача всякой калькуляции — получить итог затрат в производстве и мертвого и живого труда. В существующей калькуляционной практике и живой труд измеряется рублями выплаченной зарплаты. Но зарплата не отражает собой *всей* стоимости, создаваемой живым трудом. И в этом лежит основной грех современной калькуляции. Она суммирует *неравнозначные* с точки зрения образования трудовой стоимости величины. Оперируя *формально* вполне тождественным для обоих случаев измерителем — рублем, она по существу совершает элементарнейшую ошибку сложения фунтов с аршинами или рублей с полтинниками.

К чему приводит эта ошибка?

Прежде всего к неполному учету затрат живого труда, т. е. *добавляемой* в процессе производства стоимости по сравнению с *воспроизводимой лишь* в этом процессе стоимостью материалов и прочих средств производства. А во-вторых, к неточному распределению накладных затрат, ибо они по необходимости разделяют судьбу прямых расходов, и если прямые расходы в одних случаях учитываются полнее, чем в других, то эта ошибка

распространяет свое влияние и на калькуляцию накладных затрат, т. е. обслуживающего труда и пр. Правда, вышеуказанный недоучет отчасти восполняется такими добавочными денежными затратами, как налоги, рентные платежи, проценты по заемным средствам и т. п. Однако эти затраты, так же как и начисляемая средняя норма прибыли, определяются вне всякой прямой связи с условиями труда в различных производствах и удельной трудоемкостью тех или иных изделий. А потому измеряемая рублем денежная себестоимость того или иного продукта отнюдь не может служить сколько-нибудь надежной мерой его трудовой стоимости.

Этого обстоятельства во всяком случае не следовало бы забывать тем марксистам, которые, пропагандируя внедрение закона стоимости в советскую практику ценообразования, требуют с этой целью, чтобы цены нашей продукции целиком определялись так называемой «себестоимостью» этой продукции. Некритическое сближение категории трудовой стоимости товаров с совершенно отличным от нее понятием капиталистической их «себестоимости» привело бы нас не к торжеству теоретических идей Маркса, а лишь к их вульгаризации.

Капиталистическое предприятие не интересовалось трудовой стоимостью своей продукции. Ему достаточно было определить *денежную* себестоимость этой продукции, чтобы судить путем сопоставления с рыночными ценами о сравнительной ее рентабельности. Но для советского хозяйства, которое само диктует рынку цены на свои продукты, капиталистическая действительность теряет свое контролирующее значение. Для него, чтобы проверить целесообразность и эффективность намечаемой им политики цен, необходимо иметь ясное представление о *действительной стоимости* так или иначе расцениваемых им благ.

А действительная стоимость определяется лишь трудовыми затратами, а не только всецело зависящими от нашего произвола элементами «себестоимости», как, скажем, все налоги, пошлины, акцизы, попенщина, плата за недра и т. п.

Поэтому советская калькуляция уже теперь должна наряду с денежными расходами уделять гораздо больше внимания, чем это делалось доныне, учету *трудовых* затрат и в денежном, и в натуральном их измерении. А в будущем ей придется калькулировать исключительно трудовые затраты, *приводя к трудовой единице измерения* все виды издержек производства и обращения.

Но это уже особая тема, заслуживающая специального рассмотрения.

7. О ПРОМЫШЛЕННОМ НАКОПЛЕНИИ

Если принять за мерило накопления «норму прибыли», то в среднем для промышленности союзного значения эта норма колебалась от —17,5% по лесной промышленности до +21,2% по пищевой. Однако для советской промышленности такая мерка мало показательна. Капиталистический предприниматель, действительно, может накоплять только за счет прибылей. И если вместо прибылей получается убыток, то для него теряет всякий интерес продолжение производства. Но не так обстоит дело в советском хозяйстве. Здесь хозяином предприятия является государство, которое получает не только предпринимательскую прибыль, но и вообще весь прибавочный продукт, производимый в данном предприятии, и, стало быть, может осуществлять накопление не только за счет прибылей, но и за счет налогов, ренты, процентов, уплачиваемых данным предприятием Госбанку или Промбанку и т. д.

В самом деле, лесная промышленность в 1925/26 г. дала нам 4,2 млн. руб., или 17,5% убытку. И с частнохозяйственной точки зрения ее следовало бы признать крайне нерентабельной и закрыть. Но, взглянув в ее счет производства (см. табл. 7), мы увидим, что эта промышленность

уплатила нашим банкам одних процентов 5,5 млн. руб., а если к этому прибавить налоги и попенщину (27,2 млн.), поступившие в казну от тех же лесных трестов, то окажется, что лесная промышленность была для нас весьма рентабельной, и если бы мы закрыли эти «убыточные» тресты, то одна казна потеряла бы за год свыше 28,5 млн. руб. дохода, не говоря уже о потерях лесных рабочих, которые в таком случае остались бы без работы и попали на иждивение той же государственной казны или соцстраха.

Таким образом, для нас мерой рентабельности и возможного накопления в промышленности может быть только норма накопления, но ни в коем случае не норма прибыли. А если еще принять в расчет, что за Советским государством в качестве подлинного хозяина обобществленной промышленности стоит сам рабочий класс, то придется признать, что с точки зрения его интересов зачастую не выгодно закрывать даже такие предприятия, которые не способны дать не только прибыли, но и какихлибо иных элементов *прибавочного* продукта.

Это значительно расширяет рамки возможной эксплуатации наличных средств производства в стране и наши шансы в соревновании на международном рынке. До тех пор, пока у нас имеется резерв неиспользованной рабочей силы, мы можем работать даже на таких предприятиях, которые способны полностью оплатить за счет вновь создаваемой стоимости только занятую в них рабочую силу. А если бы препятствием к расширению производства явилась недостаточность внутреннего рынка, то мы могли бы с выгодой для народного хозяйства выбрасывать на внешний рынок свои товары даже по таким ценам, которые не только не обеспечивают высоких «прибылей», но и допускают возврат в виде экспортной премии доли налогов, попенщины и других элементов дохода казны.

Все элементы накопления составляют у нас по таблице 8 до 30% продажной цены промтоваров. Стало быть, таков верхний предел расхождения экспортных цен с ценами внутреннего рынка, до которого мы можем спускаться при неблагоприятной конъюнктуре в интересах возможно полной загрузки работой наших предприятий и сокращения резервной армии безработных. Но, разумеется, этот предел колеблется в довольно широком диапазоне для разных производств и для некоторых может быть поднят значительно выше названной цифры.

Норма накопления, фактически производимого в разных отраслях промышленности, весьма различна. Это результат отклонения цен от стоимости. Установление средней нормы накопления для всего народного хозяйства не мешало бы нам и впредь повышать или понижать цены отдельных товаров по сравнению с их стоимостью, но оно позволило бы нам делать это более сознательно и планомерно. В частности, оно позволило бы нам вполне объективно разрешить один из тех вопросов налоговой политики, который особенно нас тревожит и волнует. Мы имеем в виду вопрос о сравнительной тяжести обложения различных социальных групп населения.

Теория переложимости налогов не дает надежных критериев для разрешения этой проблемы уже потому, что она совершенно игнорирует трудовую теорию стоимости. Для нее все косвенные налоги переложимы, поскольку они входят в цену продукта, не затрагивая средней *нормы прибыли*. Но мы не можем исходить из такого критерия. Налоги, входящие в цену продукта, если эта цена не отклоняется от трудовой стоимости, не могут рассматриваться как переложимые, ибо предполагают вполне эквивалентный обмен продавца и покупателя. Переложимы лишь такие налоги, которые, поднимая цену продукта *выше его стоимости*, влекут за собой неэквивалентный обмен и, стало быть, известное перераспределение народного дохода в процессе обращения. Если бы мы могли использовать *этот* критерий переложимости, мы, несомненно, получили бы совершенно иную

картину тяжести обложения разных групп населения, чем та, которую мы себе рисуем.

В приведенных выше данных о структуре отпускных цен союзной промышленности мы ограничились лишь итоговыми данными о размерах прибылей и других важнейших элементах прибавочного продукта. Она заслуживает, однако, значительно большего внимания с нашей стороны.

Прежде всего приведем здесь развернутый счет прибылей и убытков по 73 трестам (см. табл. 11).

Таблица 11

Сводный счет прибылей и убытков по 73 трестам за 1925/26 г.
(в тыс. червонных рублей)

Наименование статей	Прибыли	Убытки	Сальдо	
			прибылей	убытков
1	2	3	4	5
1. Реализация товаров	699 473	18 238	681 235	—
2. » материалов	7 236	3 092	4 144	—
3. Выполнение работ на сторону	8 250	691	7 559	—
4. Выполнение комиссионных поручений	569	—	569	—
5. Реализация процентных бумаг и инвалюты	423	296	127	—
6. Дивиденды от участия в других предприятиях	4 220	—	4 220	—
7. Проценты за кредит	46 934	70 879	—	23 945
8. Безнадежные долги	2 085	24 556	—	22 471
9. Переучет материальных ценностей	28 688	15 147	13 541	—
10. Переоценки и снижения цен	7 124	9 163	—	2 039
11. Пени и неустойки	2 574	3 430	—	856
12. Торговые расходы	—	118 838	—	118 838
13. Административные расходы	—	64 035	—	64 035
14. Поправки по амортизационным отчислениям	10 428	15 131	—	4 703
15. Содержание законсервированных заводов	—	4 596	—	4 596
16. Стихийные бедствия	—	3 928	—	3 928
17. Выбывшее имущество	—	5 212	—	5 212
18. Простои	—	3 563	—	3 563
19. Доходы от арендных статей	1 161	—	1 161	—
20. Случайные доходы и расходы	66 976	70 556	—	3 580
Итого	886 141	431 351	454 790	—
21. Отчисления в резерв:				
а) снижение цен	—	40 022	—	40 022
б) погашение сомнительных долгов	1 268	15 695	—	14 427
Итого (*а—б*)	1 268	55 717	—	54 449
Всего	887 409	487 068	400 341	—

Максимальная величина в этом счете падает на сальдо прибылей и убытков от реализации товарных ценностей (685 млн.). Эта валовая накидка на заводскую себестоимость подлежит, однако, снижению за счет разных трестовских расходов, не вошедших в заводскую калькуляцию, и увеличению — за счет реализации услуг и некоторых коммерческих и финансовых операций трестов. Особого внимания в счете прибылей и убытков заслуживают отчисления в резерв снижения цен и погашения

сомнительных долгов. Мы решительно оспариваем закономерность этих статей в названном счете. В порядке *распределения* полученных прибылей можно, разумеется, делать отчисления в какие угодно резервы. Но все же это будет резервированная прибыль, а не убыток. И потому уменьшать на эту сумму прибыль текущего года, как это делалось в бухгалтерии ВСНХ, ни в коем случае не приходится. Впрочем, этот чересчур наивный прием сокрытия прибылей от обложения уже привлек к себе внимание НКФина, и в 1926/27 г. указанные бухгалтерские «резервы» претерпели существенную метаморфозу. Из «убытков» они снова обратились в прибыль.

Из других статей заслуживают детального расчленения административные и торговые расходы трестов (см. табл. 12).

Таблица 12

Общеадминистративные и торговые расходы по 73 трестам общесоюзной промышленности за 1925/26 г.

(в тыс. руб.)

Статьи расходов	Общеадминистративные	Торговые	Итого	
			абс.	в % к итогу
1	2	3	4	5
1. Зарплата	24 518	22 236	46 754	25,24
2. Накладные на рабочую силу	2 006	1 321	3 327	1,80
3. Начисления на зарплату	5 149	4 203	9 352	5,02
4. Содержание ревизионных комиссий	884	—	884	0,47
5. Канцелярские и хозяйственные расходы	4 007	2 903	6 910	3,79
6. Издательство	409	—	409	0,22
7. Содержание и ремонт помещений:				
а) аренда	2 529	6 395	8 924	4,78
б) освещение	279	673	952	0,51
в) отопление	217	417	634	0,34
г) водоснабжение и канализация	60	96	156	0,08
д) уборка двора и помещения	221	852	1 073	0,58
е) текущий ремонт	1 135	1 423	2 558	1,37
ж) страхование	53	76	129	0,07
з) амортизация	945	796	1 741	0,93
и) возобновление мелкого инвентаря	77	105	182	0,10
к) охрана помещений	44	557	601	0,32
л) разные	15	116	131	0,07
Итого (а — л)	5 575	11 506	17 081	9,15
8. Командировки и разъезды	4 099	1 828	5 927	3,18
9. Налоги и сборы	13 851	45 750	59 601	32,09
10. Нотариальные и биржевые сборы	717	2 172	2 889	1,55
11. Транспорт	1 435	14 668	16 103	8,14
12. Реклама	—	536	536	0,29
13. Хранение товара	—	4 789	4 789	2,57
14. Комиссионные	—	214	214	0,11
15. Разные и случайные расходы	6 841	4 905	11 746	6,38
Всего	69 491	117 031	186 522	100

Приведенная нами расшифровка дана по отчетности трестов в том виде, как эти расходы были учтены нами в сводных таблицах по издержкам производства. При окончательном утверждении балансов соответствующих трестов в эти счета были внесены некоторые изменения, и в счет прибылей и убытков они включены уже в исправленном виде. Но эти исправления не имеют существенного значения. Большой интерес представляет вопрос, во что нам обходится администрирование нашей про-

Таблица 13

Распределение прибылей и убытков общесоюзной промышленности за 1925/26 г.
(в тыс. руб.)

Статьи \ Отрасли	Текстильная	Нефтяная	Металлическая	Сахарная	Пищевая	Химическая	Бумажная	Электротехническая	Угольная	Лесная	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
А. Прибыль											
1. Остаток прибыли до отчетного года	313	36 885	10 261	—	833	457	—	1 536	61	—	50 346
2. Прибыль за 1925/26 г.	199 090	52 027	33 075	40 423	30 594	27 903	17 731	14 592	14 544	2 369	432 348
Итого	199 403	88 912	43 336	40 423	31 427	28 360	17 731	16 128	14 605	2 369	482 694
3. Распределение прибыли:											
а) в подоходный налог и местные сборы	18 125	4 198	1 748	3 491	3 143	2 633	1 755	1 399	809	226	37 527
б) в доход казны	91 500	23 000	12 379	15 000	9 105	13 400	7 000	6 100	4 525	—	182 009
в) в фонд улучшения быта рабочих	21 776	7 174	4 185	3 693	2 558	2 802	1 598	1 335	2 140	214	47 475
г) в резервный фонд	36 193	9 566	6 266	7 387	2 116	5 054	3 195	2 670	2 747	429	75 623
д) в уставный фонд	577	—	—	—	1 349	2 643	4 143	48	—	—	8 760
е) на расширение производства	4 169	7 374	1 578	—	—	180	—	565	—	910	14 776
ж) в ОДК Промбанка	15 231	—	1 003	3 693	4 086	609	—	1 241	1 172	—	27 035
з) на погашение убытка прошлых лет	3 592	—	725	—	—	2	—	192	1 329	584	6 424
и) в фонд премирования	452	120	79	92	70	63	40	33	34	6	989
к) оставлено на балансе	7 788	37 480	15 373	7 067	9 000	974	—	2 545	1 849	—	82 076
Б. Убыток											
1. Остаток убытка до отчетного года	9 070	—	17 879	—	—	525	—	590	2 751	21 271	52 086
2. Убыток за 1925/26 г.	25	—	13 623	—	—	1 407	—	—	1 723	10 429	27 207
Итого	9 095	—	31 502	—	—	1 932	—	590	4 474	31 700	79 293
3. Списано убытка:											
а) за счет резервных фондов	2 235	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2 235
б) с прибыли отчетного года	3 592	—	—	—	—	2	—	192	1 329	584	5 699
в) оставлено на балансе	3 268	—	31 502	—	—	1 930	—	398	3 145	31 116	71 359

Таблица 14

Налоговые и рентные платежи в бюджет по 73 трестам общесоюзной промышленности за 1925/26 г.

(в тыс. руб.)

Виды платежей \ Отрасли	Металлическая	Текстильная	Нефтяная	Угольная	Электротехническая	Химическая	Лесная	Бумажная	Пищевая	Сахарная	По всем отраслям
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
А. По калькуляции											
1. Патентный сбор	1 177	1 552	266	560	453	426	377	144	869	78	5 902
2. Уравнительный сбор	4 924	23 491	652	1 432	1 776	3 963	690	1 585	3 944	7 475	49 932
3. Гербовый сбор	2 070	909	492	29	523	249	497	?	?	?	4 769
4. Нотариальный и биржевой сборы	471	621	343	57	223	239	90	16	671	484	3 215
5. Прочие налоги и сборы	1 516	2 124	850	983	384	331	297	868	159	3 838	11 350*
6. Пошлины	869	—	4 635	—	—	—	1 294	—	—	—	6 798
7. Акцизы	12	78 584	245	—	—	8 334	7	—	372 486	232 471	692 139
8. Рента	4 052	2 778	21 338	5 855	31	126	23 941	1 099	—	145	59 365
а) земельная	353	666	497	201	31	66	11	—	—	30	1 855
б) за недра	1 642	169	20 841	5 634	—	60	—	—	—	—	28 346
в) лесная (попенщина)	2 057	1 943	—	20	—	—	23 930	1 099	—	115	29 164
Итого по калькуляции	15 091	110 059	28 821	8 916	3 390	13 668	27 193	3 712	378 129	244 491	833 470
Б. Из прибылей											
1. Подоходный налог	1 748	18 125	4 198	809	1 399	2 633	226	1 755	3 143	3 491	37 527
2. Отчисления в доход казны	12 379	91 500	23 000	4 525	6 100	13 400	—	7 000	9 105	15 000	182 009
Итого из прибылей	14 127	109 625	27 198	5 334	7 499	16 033	226	8 755	12 248	18 491	219 536
Всего платежей	29 218	219 684	56 019	14 250	10 889	29 701	27 419	12 467	390 377	262 982	1 053 006

* Прочие налоги и сборы—11 350 тыс. руб.— составляются из: а) оценочного сбора—391 тыс. руб., б) налогов со строений—1056, в) налога на жилые помещения—13, г) местного сбора — 352, д) налогов на лошадей и автомобили — 294, е) на сделки по продаже и покупке — 59, ж) попудных с прибываемых и отправляемых грузов — 98, з) разных и нераспределенных — 9069 тыс. руб.

мышленности. Если из общего итога административных расходов исключить налоги и сборы (14 568 тыс. руб.), которые не имеют отношения к содержанию управленческого аппарата, то получим около 55 млн. руб. затрат на 4,5 млрд. продукции, что составляет 1,2% от продажной цены продукции. Цена не малая. И мы, несомненно, постараемся ее уменьшить за счет рационализации управления. Но если учесть, что этой ценой мы избавились от несравненно больших затрат на содержание всей нашей дореволюционной крупной буржуазии, то придется признать такую цену чрезвычайно скромной [1].

О том, как распределились прибыли 73 союзных трестов за 1925/26 г., можно судить по данным таблицы 13.

Всего распределено было 400 млн. руб. Из них в доход казны поступило 182 млн., или 45,5%, туда же под наименованием подоходного налога пошло еще 37,5 млн., или 9,4%, а всего отчислено для перераспределения через бюджет 219,5 млн., или 55%. Непосредственно на увеличение промышленных фондов, включая сюда и отдел долгосрочного кредитования Промбанка, оставлено 126,2 млн., или 31,6%; в фонд улучшения быта рабочих, на жилищное строительство, клубы и пр. дано 47,5 млн., или 12%; на премирование, наградные и пр.— менее 1 млн., или 0,25%. Остальные суммы обращены на погашение убытков прошлых лет или остались на балансе нераспределенными [2].

Однако не следует думать, что перечисленными суммами исчерпывается весь тот фонд накопления, какой нам дает союзная промышленность. Если подсчитать только те суммы, какие получает *бюджет* от промышленности, то получим следующие цифры (см. табл. 14).

В этих итогах учтен не весь прибавочный продукт, производимый в союзной промышленности, так как сюда не входит часть прибылей, остающаяся внутри промышленности, проценты, уплаченные за кредит, и арендная плата, идущая в доход муниципальных учреждений. И все же только те суммы, какие поступают в распоряжение бюджета от 73 трестов, достигают 1053 млн. руб. Можно сомневаться, целесообразно ли строить столь сложную систему налогов и весьма дорогой аппарат их взимания, чтобы извлекать из государственной промышленности под десятками наименований ту долю создаваемого в ней прибавочного продукта, какую можно было бы получить оттуда несравненно проще и дешевле в порядке регулирования нормы накопления и распределения прибылей [3].

К сожалению, наш бюджет и вообще вся наша финансовая система, отдавая дань инерции прошлого, не поспевают еще за всеми требованиями весьма своеобразно и мощно развивающейся новой советской экономики.

---

[1] Промышленная буржуазия дореволюционной России тоже не мало затрачивала на оплату администрации. По данным ЦСУ, в 1913 г. только на *«добавочное вознаграждение»* правлениям, директоратам и т. п., т. е. на тантьемы и наградные, было выплачено 43,5 млн. золотых, или 78 млн. червонных, рублей. Да *себе* в карман, сверх того, хозяева положили не менее 320 млн. золотых, или 570 млн. червонных, рублей чистоганом (С. Г. Струмилин. Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы, стр. 90).

[2] Отметим, что итоги прибылей по табл. 13 на 5 млн. руб. выше, чем в табл. 11, в связи с учетом последних поправок при утверждении отчетности трестов, а именно по металлопромышленности — на 2 млн. и по лесной — на 2,8 млн. руб.

[3] По налоговой реформе 1930 г. все многочисленные виды налогов и сборов были объединены в единый налог с оборота.

XVIII. ПЛАНОВЫЕ НАМЕТКИ НА 1929/30 г.[1]

Контрольные цифры на 1929/30 г. впервые проектируются на основе утвержденного перспективного плана народного хозяйства. Этот год является уже вторым годом нашего пятилетнего плана. И с этой точки зрения контрольные цифры на 1929/30 г. представляют собой особый интерес. В них впервые подводятся итоги выполнения нашего перспективного плана за первый год пятилетки и утверждаются основные плановые вехи и задания второго года. В этих контрольных цифрах мы должны дать первую обстоятельно конкретизированную проверку той генеральной линии нашей хозяйственной политики, которая нашла свое отражение в пятилетке.

В порядке самокритики мы должны прежде всего использовать все уроки хозяйственного опыта 1928/29 г. и, отразив их конкретно в необходимых уточнениях и коррективах к перспективным наметкам второго года пятилетки, тем самым дать уже вполне выверенный и законченный плановый профиль 1929/30 г.

Что же дает нам хозяйственный опыт первого года пятилетки?

1. УРОКИ 1928/29 г.

Уже предварительные подсчеты, которые основываются на данных конъюнктурной статистики за первые 10—11 месяцев этого года, позволяют нам с достаточной точностью характеризовать общий объем и структуру хозяйственного роста Советского Союза за 1928/29 г.

По наиболее общему показателю роста *народного дохода* страны в целом в его физическом выражении мы можем констатировать выполнение нашего плана за первый год пятилетки на 100% без заметного снижения или превышения первоначальных предположений. Но по отдельным отраслям хозяйства мы имеем уже существенные отступления от плановых наметок. А если перейти от неизменных цен к рыночной оценке чистой продукции страны, то эти отклонения окажутся еще значительнее. В наиболее суммарном выражении они могут быть охарактеризованы в следующих цифрах.

В неизменных ценах народный доход за 1928/29 г. превысил план всего на 159 млн. руб., или на 0,6%. В пределах той точности, какая нам доступна в исчислениях подобного рода, такие расхождения вообще можно игнорировать. Но в рыночной оценке выполнение превысило план уже на огромную сумму почти в 2 млрд. руб., или на 8%, что целиком объясняется, стало быть, сдвигами цен, имевшими место в значительно большей мере, чем то было предусмотрено планом.

По физическому объему продукции промышленности и транспорта мы заметно перевыполнили план, но зато недовыполнили его по сельскому хозяйству.

[1] «Сводный доклад VI Всесоюзному съезду плановых работников». «Плановое хозяйство», 1929, № 9.

В области промышленности наибольшее превышение против плана дала крупная обобществленная промышленность. По планируемому кругу она выросла на 24% вместо намеченных 21,4%. В общем по всей цензовой промышленности продукция возросла, по подсчетам ЦСУ, на 21% вместо 18,4%, а с учетом мелкой кустарно-ремесленной промышленности, давшей всего 4,3% прироста вместо ожидавшихся 6,7%, весь прирост промышленной продукции выражается в 16,8% вместо намеченных по плану 15,6%. Однако необходимо отметить, что по частному сектору мы имеем при этом прямое сокращение продукции (на 8,9%). И стало быть, все перевыполнение плана падает на обобществленный сектор вообще (+ 22,9%) и на планируемую крупную промышленность в особенности (+ 24%).В важнейшей и решающей области мы оказались сильнее, чем предполагали по плану.

В области сельского хозяйства мы можем отметить вполне аналогичную картину. Урожай 1928 г., как это выяснилось по ходу заготовок, оказался ниже, чем мы его оценивали в прошлом году по хлебо-фуражному балансу ЦСУ. А это сказалось очень заметным образом и на приросте животноводства. В индивидуальном секторе, по подсчету ЦСУ, мы имеем к весне 1929 г. даже абсолютное сокращение стада вместо прироста в 2,4% по плановым предположениям. Но зато в обобществленном секторе сельского хозяйства фактические достижения обогнали план по всем основным показателям. Так, например, посевная площадь совхозов к весне 1929 г. увеличилась на 27,5% вместо 7,1%, посевы колхозов — на 207,1% вместо 94,1%, общая доля урожая зерновых 1929 г. по обобществленному сектору выросла за год с 2,6 до 5,6% валового сбора вместо намеченных планом 4,9% и т. д.

Анализируя все данные этого года, мы неизбежно приходим к следующему чрезвычайно важному для нас выводу.

Мы знаем, что генеральная линия нашей хозяйственной политики — это курс на скорейшее обобществление народного хозяйства СССР, а ведущим по этому пути началом является индустриализация страны и радикальная реконструкция ее энергетической базы. Но до последнего времени находились скептики, утверждавшие, что мы ставим перед собой явно непосильные задачи на этом пути. Однако опыт первого же года пятилетки решительно опровергает это мнение. Характерно в этом отношении не только то, что план в *общем выполняется,* но и то, по каким линиям он *легче всего* выполняется. Если в пределах *частного сектора* наши плановые наметки и в промышленности и в сельском хозяйстве не на все 100% оправдались действительностью, то в *обобществленном секторе* они *осуществлены* даже с превышением. Конечно, этот ускоренный против плана рост обобществленного сектора не случайно сопровождался недовыполнением планов в частнохозяйственном секторе. Последний именно потому и отставал в своем росте от намеченных темпов или даже падал, что индивидуальное хозяйство поглощалось обобществленным. Индивидуальные кустари поглощались промысловой кооперацией, мелкие крестьянские хозяйства — колхозами. И, наоборот, обобществленный сектор рос быстрее намеченных темпов, именно за счет относительного и даже абсолютного сокращения частного сектора. Таким образом, в нашем плане прежде всего сказалась явная недооценка наших возможностей в области социализации производства.

Вместе с тем превышение наших планов в области роста нашей обобществленной крупной *промышленности* при отставании от них в области наименее обобществленных отраслей сельского хозяйства тоже весьма знаменательно. Оно еще раз подтверждает, что намеченный нами курс на индустриализацию страны в высокой степени правилен и плодотворен. И, очевидно, вопреки распространенному среди наших скептиков и правых маловеров мнению наша программа индустриализации не только

не преувеличена, но даже скорее, наоборот, намечена слишком осторожно и подлежит исправлению в сторону дальнейшего *увеличения.*

Таковы уроки нашего хозяйственного опыта, вытекающие из анализа *производства* народного дохода в 1928/29 г. Обращаясь к *распределению* народного дохода, мы прежде всего должны констатировать следующие факты.

Исходя из необходимости возможно быстрого подъема сельского хозяйства не только в обобществленном, но и в индивидуальном его секторе, партия и правительство в хозяйственном плане истекшего года осуществили целый ряд мероприятий, стимулирующих такой подъем. Сюда относятся: повышение заготовительных хлебных цен, облегчение сельхозналога для середняцких слоев деревни, предоставление значительных льгот за выполнение известного «агроминимума» мер, диктуемых селу в порядке контрактации, премирование расширения посевов бедняцко-середняцких масс деревни полным освобождением всего прироста посевов от сельхозналога и т. д. В то же время, поднимая вместе с хлебными ценами покупательную способность села, мы не могли идти *одновременно* на снижение цен по линии индустриальных продуктов широкого потребления. Такое снижение, вообще говоря, является одним из настоятельных требований нашей политики цен, но при данных условиях оно оказалось бы невыполненным по условиям рыночного баланса.

Это был совершенно необходимый в данных условиях плановый маневр. Чтобы сельское хозяйство не стало тормозом общего хозяйственного подъема, нужно было уделить ему несколько большую долю из народного дохода, чем это делалось раньше.

Это не могло, однако, не отразиться на темпе роста зарплаты городского населения. В результате роста сельскохозяйственных цен, при стабильности индустриальных, реальная оплата труда рабочих и служащих не могла не замедлить своего роста. Таким образом, уже по замыслу этого маневра он должен был ради усиления слабейшего звена хозяйственной цепи — сельского хозяйства — несколько польготить в процессе перераспределения народного дохода деревню за счет города. Однако в процессе фактического выполнения указанного маневра мы пошли в этом отношении дальше намеченных лимитов.

Благодаря общей ограниченности рыночной продукции и резкому разрыву цен госзаготовителей и частного рынка деревня повысила индекс заготовительных цен на свою продукцию вместо плановых 5,5% на целых 17,2%. А реальный уровень зарплаты индустриальных рабочих в связи с соответствующим подъемом бюджетного индекса (на 5,6% вместо 2,8%) повысился всего на 3,4% вместо намеченных по плану 5,2%. Нет никакого сомнения, что бóльшая часть этих потерь пролетариата в зарплате. а их надо расценивать сотнями миллионов рублей, оказалась в карманах кулацкой верхушки деревни, наиболее успешно использовавшей рыночную конъюнктуру вышеуказанного разрыва.

На этом участке планового фронта, где еще приходится преодолевать сопротивление рыночной стихии, мы потерпим, вероятно, еще не одну неудачу. Но такого рода неудачи при том богатстве плановых приводов, каким мы располагаем, отнюдь не являются непоправимыми. Если нам порою отказывает один рычаг, мы на помощь ему можем двинуть другие. Если в 1928/29 г. враждебные пролетариату социальные группы, использовав благоприятную конъюнктуру, урвали из народного дохода больше, чем следовало, то в условиях диктатуры пролетариата такой прорыв легко ликвидируется уже в следующем 1929/30 г. И в контрольных цифрах этого года совершенно определенно ставится такая задача. Прирост реальной зарплаты рабочих и служащих должен быть обеспечен полностью в значительно повышенном против прошлого года темпе. Излишки кулацкого накопления могут и должны быть использованы для ускорения тем-

пов нашего хозяйственного роста вообще, а по линии роста обобществленного сектора — в особенности.

В числе других плановых неудач прошлого года мы поставили бы на первом месте недовыполнение плана по снижению себестоимости промышленной продукции. Вместо намеченных 7% мы будем здесь, по-видимому, иметь не более 4,5—5%. Это означает потерю в накоплении промышленности не менее 200 млн. руб. Эта большая неудача отнюдь не является результатом просчета и нереальности задания. О том, что задание было вполне реально, говорит опыт второго полугодия, давшего снижение, заведомо превосходящее запланированные 7%. Причина указанной неудачи лежит в том, что за первую половину года себестоимость была снижена всего на 2,3%. Иначе говоря, целое полугодие шло под знаком «самотека» без достаточных организационных усилий, без необходимого общественного подъема и одушевления на этом участке хозяйственного строительства.

Тем более характерны те успехи, какие оказались достигнутыми к концу года, когда рабочие активно в порядке социалистического соревнования приняли участие в деле рационализации производства и снижения себестоимости. Эти успехи и уровень себестоимости, достигнутый к концу года, дали нам право не снижать, а даже повысить наши задания в этой области на следующий год.

В области производительности труда мы шли в 1928/29 г. в общем на уровне плановых заданий. В области капитальных затрат, включая дополнительные сверхплановые ассигнования, имевшие место после верстки контрольных цифр, мы, вероятно, даже превзойдем первоначальный план. Бюджет, по имеющимся предварительным расчетам, будет выполнен с превышением доходов над расходами миллионов на 200.

Все эти весьма благоприятные показатели отнюдь не следует, конечно, истолковывать в том смысле, что план 1928/29 г. был запроектирован без всякого напряжения. Нет, весь опыт его выполнения свидетельствует о достаточной напряженности прошлогоднего плана, взятого в целом. Достаточно вспомнить о пережитых трудностях на продовольственном фронте, об узких местах на фронте строительства, о транспортных затруднениях, о сжатости нашей импортной программы, о напряженности нашей кредитной системы и т. д. *Все эти трудности, однако, несмотря на преувеличенное их подчеркивание со стороны пессимистов, не помешали нам в общем выполнить намеченную программу социалистического строительства полностью и даже с некоторым превышением как раз на самых для нас важных участках индустриализации и социализации нашей страны.*

2. УСТАНОВКИ НА 1929/30 г.

В проектировках на 1929/30 г., учитывая опыт первого года пятилетки и такие богатейшие, еще не использованные резервы, как социалистическое соревнование и непрерывная производственная неделя, мы считаем вполне реальным дальнейшее ускорение темпов индустриализации и социализации нашего хозяйства по сравнению с темпами оптимального варианта пятилетки.

Этому, несомненно, будет содействовать и тот маневр в области перераспределения народного дохода, который должен выправить не вполне благоприятные для нас в этой области результаты прошлого года. И усиленная программа займов в городе и деревне, и паенакопление кооперации, и целый ряд нововведений в области промыслового обложения, при правильном классовом подходе к их осуществлению, должны нам дать значительные дополнительные ресурсы для вышеуказанной цели.

Наконец, к ней же ведет и тот объективный факт, что само реальное строение народного дохода, т. е. чистой продукции 1929/30 г., предопреде-

ляет собою усиление доли общественного накопления за счет непроизводственного потребления.

В балансе непроизводственного потребления продукция сельского хозяйства имеет огромное, чтобы не сказать решающее, значение в нашей стране. На будущий год мы намечаем большое расширение этой продукции. Но плоды этого расширения войдут лишь в потребительский баланс 1930/31 г., потребление же 1929/30 г. придется базировать на урожае 1929 г. таком, каков он есть. А этот урожай несколько ниже наших ожиданий по пятилетке. Так, например, вместо 10% прироста сбора по верновым в сравнении с 1928 г. мы имеем лишь 2,8%, т. е. на 7% ниже плана, а продукция животноводства, по всей вероятности, будет почти на 10% ниже плана. Уже эти две статьи означают значительное реальное сокращение потребительного фонда страны. А между тем общая сумма ожидаемого народного дохода на 1929/30 г. отнюдь не меньше учтенной по пятилетке. Значит, доля в нем ценностей, подлежащих по самому своему назначению *производственному* использованию и накоплению, больше, чем было намечено по пятилетке.

Из этого вытекает реальная осуществимость более высоких темпов роста продукции и капитальных вложений, чем нами проектировалось на этот год в пятилетке. Но эта установка имеет и оборотную сторону. Высокая норма накопления предполагает высокие достижения в области роста производительности труда, снижения себестоимости, улучшения качества продукции. А эти достижения, помимо технической базы, предъявляют весьма повышенные требования и к живой рабочей силе, призванной осуществить такие достижения. Только очень высокая активность трудящихся может нам обеспечить высокие производственные достижения. А для этого должна быть в достаточной мере обеспечена энергетическая база необходимой нам активности, т. е. соответствующий продовольственный и общий потребительский фонд рабочего класса. Говоря короче, высокая норма накопления в наших советских условиях предполагает и высокую норму потребления трудящихся масс.

Продовольственным проблемам в предстоящем году поэтому должно быть оказано самое пристальное внимание. Чем менее обеспечено продовольственное снабжение страны наличными ресурсами в порядке обычного рыночного самотека, тем больше придется затратить усилий для посильной рационализации его методами планово-оперативной самособранности и организованности.

При отсутствии избытков в рамках того или иного вида снабжения мы должны направить его прежде всего туда, где оно всего нужнее, где оно даст наиболее полный эффект при своем использовании. Так, например, если наибольшую активность по плану должны проявить индустриальные рабочие в городах и трудовые кадры социалистического сектора в деревне, то им прежде всего и должно быть обеспечено возможно полное и бесперебойное снабжение всем необходимым.

Это предполагает дифференцированный классовый подход к проблемам снабжения и значительное расширение круга нормированного снабжения. Это, с другой стороны, предполагает углубление и обострение классовых противоречий вокруг проблем распределения и перераспределения народного дохода. Это сулит нам свои трудности в процессе осуществления народнохозяйственного плана на 1929/30 г. Но от них нам некуда уйти. Их можно и должно преодолеть.

3. ТЕМПЫ РОСТА

Количественный рост народного хозяйства СССР, запроектированный нами в контрольных цифрах на 1929/30 г., может быть выражен следующими показателями.

Планируемая промышленность — это ведущее звено нашего обобществленного хозяйства — получает задание увеличить свою продукцию на 1929/30 г. на 32,3% против 21,5%, намеченных по пятилетке. Железнодорожный транспорт увеличит свою валовую выручку на 23% вместо 14%, индустриальное строительство возрастет на 92% вместо 52%, торгово-посреднический оборот в неизменных ценах — на 34,6% вместо 25% [1].

Лишь сельскохозяйственная продукция урожая 1929 г. отстает от этих темпов.

Если, исходя из чистой продукции 1927/28 г., исчисленной по пятилетке, и объемных темпов роста по всем отраслям хозяйства, определить общий объемный рост продукции за два первых года пятилетки, то получим такое сопоставление (см. табл. 1).

Приведенный расчет весьма условен, но в качестве индекса физического объема народной продукции он все же достаточно показателен. Продукция народного хозяйства страны в целом за первый год пятилетки возросла на 12,3%, а за второй обещает дать еще более грандиозный прирост в 21% против 16%, намеченных в пятилетнем плане. И это несмотря на то, что по сельскому хозяйству мы имеем недобор за первый год примерно на 165 млн., а за второй — даже в 700 млн. руб. против пятилетнего плана.

Правда, с учетом намеченного снижения цен на 1929/30 г. прирост народного дохода за этот год будет значительно ниже. И, в общем, динамика его за предшествующие годы по пересчету, произведенному в Госплане, представится в следующих цифрах (в ценах соответствующих лет):

Годы	Народный доход		Годовой прирост (в %)	
	общий (в млн. руб.)	на 1 душу (в руб.)	общий	на 1 душу
1925/26	21 230	147	—	—
1926/27	22 945	155	8,0	5,4
1927/28	25 351	168	10,5	8,4
1928/29	29 897	193	17,9	14,9
1929/30	33 845	214	13,2	10,9

Данные этого расчета, к сожалению, несравнимы с данными пятилетки вследствие целого ряда уточнений в оценках и учете продукции. Но динамика приведенного ряда весьма любопытна. Мы имеем здесь, несомненно, резко возрастающий ряд. А если учесть некоторое повышение цен в 1928/29 г., объясняющее преувеличенный прирост дохода этого года и *видимое* снижение для следующего, то реальное возрастание этого ряда даст еще более резкий темп, чем номинальное. Очевидно, потенции советского хозяйства еще только развертываются.

Любопытно отметить, что по некоторым показателям, например, по грузообороту железных дорог и по общей сумме доходного бюджета, мы уже на целый год обогнали темпы пятилетки.

Мы видим, однако, что власть стихий еще больно дает себя знать на фронте сельского хозяйства. Лишь усилиями ряда лет сможем мы изжить здесь путы векового прошлого. Однако блестящий марш социалистиче-

[1] С учетом падения цен ожидается увеличение этого оборота на 26% против 20% по пятилетке.

Таблица 1

Физический объем продукции народного хозяйства
(в неизменных ценах 1927/28 г.)

Отрасли хозяйства	Абсолютные итоги (в млн. руб.)					Годовой прирост (в %)			
	1927/28 г.	1928/29 г.		1929/30 г.		1928/29 г.		1929/30 г.	
		по пятилетнему плану	ожидаемое исполнение	по пятилетнему плану	по контрольным цифрам	по пятилетнему плану	ожидаемое исполнение	по пятилетнему плану	по контрольным цифрам
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Промышленность:									
а) цензовая	5 214	6 172	6 313	7 469	8 308	18,4	21,1	21,0	31,6
б) мелкая	1 235	1 318	1 288	1 429	1 396	6,7	4,3	8,4	8,4
Итого	6 449	7 490	7 601	8 898	9 704	16,2	17,9	18,8	27,7
в) акциз	1 360	1 612	1 609	1 870	2 108	18,5	18,3	16,0	31,0
Итого с акцизом	7 809	9 102	9 210	10 768	11 812	16,6	18,0	18,3	28,2
2. Сельское хозяйство:									
а) земледелие	9 466	9 797	9 636	10 600	9 896	3,5	1,8	8,4	2,7
б) лесное хозяйство	1 459	1 634	1 630	1 823	1 819	12,0	11,7	11,6	11,6
в) рыболовство и охота	360	383	383	436	436	6,3	6,3	13,9	13,9
Итого	11 285	11 814	11 649	12 859	12 151	4,7	3,2	8,9	4,3
3. Строительство:									
а) несельское	1 068	1 463	1 442	2 224	2 760	37,0	35,0	52,0	91,6
б) сельское	520	498	535	502	531	—4,3	2,8	0,8	—0,8
Итого	1 588	1 961	1 977	2 726	3 291	23,5	24,5	39,0	66,6
4. Транспорт									
а) железнодорожный	1 061	1 162	1 278	1 299	1 505	9,5	20,5	11,8	17,8
б) прочий	82	90	92	100	99	9,2	12,5	11,0	7,4
Итого	1 143	1 252	1 370	1 399	1 604	9,5	19,9	11,7	17,1
5. Связь	118	130	130	142	163	9,8	9,8	9,0	25,2
6. Товарооборот	2 738	3 313	3 395	4 141	4 570	21,0	24,0	25,0	34,6
Всего	24 681	27 572	27 731	32 035	33 591	11,7	12,3	16,2	21,2
Индекс	100	111,7	112,3	129,8	136,1	—	—	—	—

ского сектора сельского хозяйства нам явственно говорит, что и здесь перелом не за горами.

Если рассматривать план как внутренне связанное целое, в котором слишком быстрое продвижение на одном участке, при резком отставании на других, ставит под угрозу не только цельность планового замысла, но и самую реальность его осуществления, то игнорировать или недооценивать наше отставание в области сельского хозяйства нам, конечно, не при-

ходится. Метеорологические условия и тому подобные объективные факторы, стоящие вне нашего планового воздействия, могут и затруднять наши задачи и приходить нам на помощь. И тогда выполнение нашей пятилетки чрезвычайно облегчится. Но, если не рассчитывать на такие случайности, то, очевидно, из-за отставания в области земледелия нам приходится именно на этом участке нашего строительного хозяйственного фронта развивать особо бдительную зоркость, поддерживать особую напряженность трудовых строительных отрядов.

Уже в плане 1929/30 г. мы намечаем к осуществлению очень большие задания в области сельского хозяйства. *Расширение посевов зерновых культур на 8% и общее повышение сбора зерновых в 1930 г. на 16,6% при огромном расширении обобществленного клина и контрактации хлеба на корню, а также решительные сдвиги в области подъема хлопководства и других сырьевых культур уже в планируемом году потребуют от нас очень больших усилий.*

4. КАЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Намеченные выше количественные темпы роста предполагают не меньшие достижения в области качественных показателей. Задания плана в этой области направлены по трем основным линиям: 1) по линии повышения общей производительности труда, 2) по линии снижения себестоимости продукции и 3) по линии улучшения качества этой продукции.

В области повышения производительности за счет намеченной планом технической реконструкции и рационализации труда мы рассчитываем по планируемой промышленности поднять общий уровень производительности не ниже чем на 23%. Дальнейшее уточнение расчетов, вероятно, позволит нам поднять эту норму до 25%. По сравнению с достижением предыдущего года в 16% это задание очень велико, но и сумма капитальных затрат в промышленности за 1929/30 г. превысит почти в 2 раза затраты истекшего года. А капитальное перевооружение труда — основной ресурс для повышения его производительности. Достаточно сказать, что только на электрификацию мы за 1929/30 г. повышаем вложения с 369 млн. в предплановом году до 608 млн. руб., т. е. на 65%, причем выработка электроэнергии повысится на 34,5%, а установленная мощность — на 37,4%. При этом основные фонды промышленности (в неизменных ценах), даже *без электростанций,* возрастают за год на 33,5%, а рабочая сила — только на 6,6%. Таким образом, *капиталовооруженность* каждого рабочего возрастает по меньшей мере на те же 25%, которых мы от него ожидаем в области повышения производительности труда.

В связи с таким крупным скачком (от 16 к 25%) в нормах производительности труда мы соответственно повышаем свои задания и в области снижения себестоимости. Она должна быть снижена по нашей установке за 1929/30 г. на 11%. Это трудное, но все же осуществимое задание. Исходя из расчетов ВСНХ, обосновывающих 9,5% снижения, и внося в них некоторые поправки, вытекающие из установок Госплана, мы можем представить суммарный расчет по снижению себестоимости в следующей схеме (см. табл. 2).

Эта схема как нельзя лучше выявляет, по каким линиям намечаются наиболее крупные сдвиги в рационализации промышленности. Наиболее значительные эффекты обещает нам снижение норм потребной для производства рабочей силы и материалов (—8,3%). Что касается эффекта от снижения цен по топливу и материалам, то он с избытком перекрывается намеченным повышением уровня оплаты труда. Снижение амортизации и прочих заводских и трестовских накладных расходов на единицу продукции тоже составляет весьма заметную величину (2,6%). Но оно является естественным результатом резкого повышения продукции по

Таблица 2

Схема заданий по снижению себестоимости продукции в планируемой промышленности на 1929/30 г. (в %)

Элементы себестоимости	Структура 1928/29 г.	Снижение по элементам за счет		Общее снижение за счет			Остаток себестоимости	Структура 1929/30 г.
		норм	цен	норм	цен	итого		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Сырье и материалы								
а) сельское хозяйство .	16,6	2,0	1,0	0,33	0,16	0,49	16,11	18,1
б) промышленность . .	25,2	7,0	6,0	1,76	1,41	3,17	22,03	24,8
Итого	41,8	5,0	3,96	2,09	1,57	3,66	38,14	42,9
2. Топливо и энергия . .	4,6	12,0	4,0	0,55	0,16	0,71	3,89	4,4
3. Зарплата с начислениями	31,2	20,0	—9,0	6,24	—2,16	4,08	27,12	30,5
4. Налоги и сборы . . .	5,0	—	—	—	—	—	5,0	5,6
5. Амортизация	5,0	15,0	—	0,75	—	0,75	4,25	4,8
6. Прочие накладные расходы	4, 1	17,0	—	0,70	—	0,70	3,40	3,8
Заводская себестоимость	91,7	11,3	—0,53	10,33	—0,43	9,90	81,80	92,0
7. Трестовские расходы:								
а) уравнительный сбор	3,4	—	—	—	—	—	3,40	3,8
б) прочие	4,9	23,0	—	1,13	—	1,13	3,77	4,2
Итого	8,3	13,6	—	1,13	—	1,13	7,17	8,0
Коммерческая себестоимость	100,0	11,46	—0,49	11,46	—0,43	11,03	88,97	100,0

отношению к этим мало зависящим от размеров производства видам расходов.

Собственно говоря, *рационализация* производства характеризуется в этой схеме с достаточной полнотой только тремя коэффициентами: снижением нормы потребной рабочей силы на 20%, нормы топлива — на 12, сырья и материалов — на 5%. О факторах, повышающих эффективность использования труда, мы уже говорили. Повышение коэффициентов использования топлива тоже в достаточной степени обеспечено огромной программой электрификации и затратами на обновление прочих силовых установок. Но к этому следует прибавить, что заверстанное здесь задание заслуживает огромного внимания не столько в интересах снижения себестоимости, где роль его невелика, сколько с точки зрения общего топливного баланса страны. К этому балансу в 1929/30 г. предъявляются настолько повышенные требования, что свести его удовлетворительно можно только при запроектированной норме рационализации топливосжигания. Что же касается намеченной экономии в нормах сырьевого и материального снабжения на 5%, то хотя она и не слишком велика, но при огромном удельном весе этой статьи в валовой продукции значение ее в нашем общем — тоже весьма напряженном — сырьевом балансе трудно переоценить.

Все эти задания должны быть выполнены, ибо только при этом условии окажутся вполне реальными намеченная программа строительства и все количественные достижения в области запроектированных темпов роста народного хозяйства.

Наконец, несколько слов об улучшении качества продукции. Мы уже не в первый раз выдвигаем это задание. Но, поскольку качество продукции не поддается точному учету, это задание большей частью остается без всякого исполнения. А при нажиме по линии снижения себестоимости мы зачастую наблюдаем даже явное ухудшение качества произведенной продукции. Но мы не можем допустить такого явного обхода плановых директив. Чтобы догнать и перегнать своих капиталистических соперников, советская промышленность должна не только удешевлять, но и улучшать свою продукцию.

Как же этого достигнуть?

Мы считаем возможным и необходимым идти в этом отношении по двум путям. Прежде всего при заключении коллективных договоров должно быть со стороны хозяйственников внесено общее требование о *снижении брака* за 1929/30 г. по меньшей мере на 10% против существующей нормы. А если при этом еще в договорах будут точно установлены условия браковки [1], то дело будет стоять на совершенно твердом фундаменте. Практика же социалистического соревнования и социалистического сотрудничества, опираясь на такой фундамент, обеспечит нам дополнительное ускорение качественных достижений на этом фронте.

Второй путь заключается в повышении общего уровня качества продукции путем пересмотра программного ассортимента изделий по каждому тресту. Задача сводится к получению из одного и того же материала большего выхода высшего сорта изделий. При недостатке сырьевых ресурсов этот путь заслуживает особого внимания. Например, у нас не хватает хлопка для существующих текстильных предприятий при данном ассортименте их изделий. Но если мы возьмем установки на более высокий средний номер пряжи, перезаправим ткацкие станки так, чтобы за счет сокращения более грубых и дешевых тканей, например бязи и рядовых ситцев, увеличить процент более дорогих ситцев, нансука, батиста, маркизета и т. п., то из того же количества хлопка создадим большую массу ценностей. Правда, для этого придется затратить и большее количество труда, так как более высококачественный ассортимент изделий повышает общую трудоемкость работы. Но это повышение трудоемкости нам крайне желательно, в особенности в текстильной промышленности, где чувствуется перенасыщение рабочей силой. Но и в других отраслях мы могли бы этим путем занять дополнительные кадры рабочих и сократить имеющиеся еще резервы армии труда.

5. ТРУД И КУЛЬТУРА

Выполнение высоких качественных показателей требует организованных усилий всех трудящихся. И потому одной из наиболее центральных проблем плана является проблема обеспечения необходимой активности и организованности мобилизуемой по плану рабочей силы.

Общий размер наемной армии труда в СССР в середине 1928/29 г. составлял 12 150 тыс., а через год нам потребуется уже 13 264 тыс. Это составляет прирост в 1114 тыс., или 9,2%, вместо 7,5%, запроектированных по оптимальному варианту пятилетки. Средний уровень оплаты труда по всем его категориям намечается повысить по номиналу на 7,9%, в том числе для промышленных рабочих — на 9%.

При 25% повышения производительности труда такая прибавка заработной платы представляется довольно скромной. Однако если учесть еще проектируемое снижение бюджетного индекса на 4%, то общий подъем реальной оплаты труда придется определить не ниже 13,5%. Но это

[1] Т. е., говоря иначе, стандартные качества изделий, не подлежащих браковке.

только индивидуальная заработная плата. А между тем в наших советских условиях рабочий класс, помимо индивидуальной оплаты труда, получает довольно крупные суммы в порядке коллективного обслуживания его нужд по социальному страхованию, фондам улучшения быта рабочих (фубр) и другим статьям. В частности, за 1929/30 г. только по отчислениям от прибылей в фубр промышленные рабочие получат миллионов на сто больше прошлогоднего. А это составляет еще добавочную прибавку к фонду их зарплаты около 3%. В общем, по совокупному фонду индивидуальной и коллективизированной заработной платы мы будем иметь, несомненно, больше 13,5% прироста.

В условиях неблагоприятного продовольственного баланса было бы неосторожно идти на более значительное повышение реальной оплаты труда в предстоящем году. У нас, к сожалению, до сих пор нет еще сколько-нибудь достоверного хлебофуражного баланса. Предварительные подсчеты, которые получались из ЦСУ, примерно гарантируют нам стабильность хлебоснабжения на уровне прошлого года. Баланс мясного снабжения тоже складывается для будущего года стесненным. По другим пищевым ресурсам, за исключением рыбы, растительного масла и картофеля, мы тоже не имеем видов для осуществления желательного подъема. По сахару нам угрожает значительное недовыполнение плана. В общем же, по всему продовольственному балансу для городского населения мы, вероятно, повысим снабжение на 5% против второго полугодия 1928/29 г. Такая программа еще не соответствует нашим производственным задачам. И мы должны принять решительные меры для ее расширения.

В числе этих мер укажем на большую программу контрактации мясного скота, обеспечивающую нам путем удлинения сроков нагула и снабжения концентрированными кормами не менее 150 тыс. *т* добавочной мясной продукции. Наряду с этим намечен ряд мер, ограничивающих вывоз из страны на предстоящий год дефицитных продовольственных продуктов и усиливающих их ввоз. Вполне возможен и необходим значительный ввоз мясного скота и риса из стран Востока, ввоз сахара-сырца, селедки и целого ряда других продуктов. Как ни ограничены наши экспортные ресурсы, но необходимые комбинации для указанного импорта могут быть найдены. Их необходимо изыскать.

Наряду с этим программа снабжения городского населения вообще и рабочих центров в особенности должна быть продумана на предстоящий год так, чтобы не оставалось риска каких-либо заторов и перебоев. Покупательный спрос рабочих в связи с намеченным ростом зарплаты возрастает в предстоящем году значительно сильнее, чем у других групп населения. Учитывая это, программа нормированного снабжения должна быть построена на дифференциальной основе. При этом условии мы можем утверждать на базе проработанных в Госплане продовольственных балансов по всем основным продуктам питания, что рабочему населению может быть обеспечена не только стабильность, но и достаточное улучшение продовольственного снабжения.

Если взять за базу набор продуктов, вполне нормальный по условиям снабжения 1927/28 г., то душевой рацион рабочего за год стоил 134 р. 66 к. В 1928/29 г. этот рацион по тем же ценам оставался примерно на том же уровне — 133 р. 98 к. — с ухудшением по хлебу на 9,5%, но с компенсацией этого недобора по другим продуктам. В 1929/30 г. этот рацион может быть поднят до 139 р. 35 к. в ценах 1927/28 г., т. е. на 4% против среднегодовой нормы предыдущего года и процентов на 10 против второго полугодия того же года.

Это не много, но все же вполне достаточно, чтобы обеспечить расширенное воспроизводство рабочей силы и подвести необходимую энергетическую базу для дальнейшего развития активной творческой самодеятельности рабочего класса.

В области снабжения прочими предметами широкого потребления, кроме пищевых, наши возможности несравненно шире. И с этой точки зрения намеченный прирост реальной заработной платы вполне обеспечен.

Огромное расширение строительной программы 1929/30 г. с 4262 млн. руб. по пятилетке до 5409 млн. руб., т. е. на 27%, и общее ускорение темпов развертывания работы промышленности и транспорта потребуют от нас соответствующего расширения кадров рабочей силы вообще и квалифицированной в особенности.

Это сильно облегчает нашу задачу по борьбе с безработицей. Вопреки предсказаниям пессимистов об угрожающем нам росте безработицы, можно уже в 1928/29 г. отметить определенный перелом в этом отношении, а за 1929/30 г. мы намечаем снижение резерва городской армии безработных на целый десяток процентов. Но вместе с тем возрастают наши трудности по комплектованию новых кадров квалифицированной рабочей силы. На бирже труда находить их становится все труднее. И нам предстоит на это дело затратить не мало организационных усилий и средств.

Подробная программа мероприятий в этой области — по переквалификации безработных, обучению новых кадров, расширению контингентов техникумов и втузов — дана в материалах секции труда и культуры. И здесь мы должны остановиться только на одном вопросе, не получившем еще окончательного разрешения.

Нам нужно обеспечить наличную потребность в квалифицированных кадрах не только с количественной стороны, но и со стороны их качества. В частности, мы должны обеспечить лучший социальный отбор из рядов пролетариата тех кадров, какие придется выдвигать на командные должности. В этих целях еще в пятилетке нами была выдвинута идея специального классового стипендиального фонда, который мы назвали рабочим фондом социального воспитания. Его назначение — обеспечить содержание обучающихся ныне детей рабочих во всех средних общеобразовательных и профессиональных школах, чтобы свести к минимуму огромный отсев рабочей молодежи этих школ, вынужденной по своей необеспеченности рано уходить из школы на фабрику или другую работу.

Мы предполагали создать этот фонд по образцу существующего уже классового медицинского фонда в порядке дополнительного отчисления от заработной платы рабочих и служащих органам социального страхования. Это расширение функций социального страхования функциями общественного воспитания пролетариата, на наш взгляд, является вполне своевременным. Огромные успехи по линии обобществления на всех участках нашего хозяйственного фронта не могут остаться без влияния на систему нашего распределения благ вообще и на систему оплаты труда в особенности. В области зарплаты мы давно уже вступили на путь частичного ее обобществления. Уже теперь коллективизированная часть зарплаты, которую рабочий класс получает в порядке социального страхования, фондов улучшения быта рабочих и в других формах, составляет не менее 12—15% от индивидуальной зарплаты. Но это только начало.

Тенденция к обобществлению зарплаты неизбежно должна получить дальнейшее свое развитие. За рабочим медфондом уже намечается рабочий фонд общественного воспитания, за ним, несомненно, возникнет потребность в таких же рабочих фондах общественного питания. И со временем индивидуальная часть зарплаты может превратиться лишь в специальный добавочный фонд для премирования за повышенное качество индивидуальной работы.

Конечно, это пока лишь перспектива, но и в настоящее время потребность в создании специального рабочего фонда социального воспитания ни у кого не вызывает сомнения. Спорят лишь о размерах его и формах организации. Была, между прочим, высказана мысль о возможности его

образования за счет дополнительного отчисления от прибылей. Но это едва ли рациональный путь. Потребность в рациональном воспитании рабочей молодежи имеется налицо во всех отраслях труда и производства, а не только в хозрасчетных да еще прибыльных. Наша политика цен не обеспечивает пока прибыльности горного дела, металлургии и многих других отраслей труда, но дети горняков и металлистов, обучающиеся в школах, нуждаются в нашей помощи не меньше других. Воспитание детей рабочих и по существу входит в общую стоимость воспроизводства рабочей силы и, стало быть, должно покрываться за счет необходимого, а не прибавочного продукта рабочих. Вот почему проектируемый фонд должен образоваться в том же порядке, как и другие формы зарплаты, т. е. включаться в калькуляцию себестоимости, а не отчисляться за счет прибылей.

В отношении размеров проектируемого фонда мы считали бы возможным на первый год ограничиться отчислением одного процента от зарплаты всякого рода хозрасчетных — государственных и частных — предприятий, что по планируемой промышленности составит около 30 млн. руб., а по всем отраслям труда, не включая сюда госбюджетных учреждений,— до 80 млн. руб. В последующие годы этот процент отчисления придется, конечно, постепенно повышать и круг страхуемых расширять, включая соответствующие затраты в общую норму планового повышения зарплаты.

В области жилищного строительства за 1929/30 г. мы намечаем ряд мероприятий по удешевлению строительства минимально на 13,7% и повышаем общую сумму затрат по этой линии с 562 млн. руб. в 1928/29 г. до 819 млн. руб., т. е. на 45,6%, а в пределах обобществленного сектора — даже на 56,2%. Такого скачка в этой области мы еще не имели за весь истекший советский период строительства. И все же это позволит нам повысить душевую норму жилфонда только с 5,8 до 5,9 *кв. м* в обобществленном секторе, т. е. едва на 1,7%.

6. БАЛАНСОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Центральной частью нашего плана является программа капитального строительства. Ей посвящен особый раздел контрольных цифр. Но в порядке балансовой проверки плана нам надлежит прежде всего выяснить, в какой мере обеспечена эта программа реальными ресурсами и каково то распределение народного дохода, которое вытекает из нашей программы накопления.

Конечно, в этой области возможны только очень приблизительные ориентировочные расчеты. Но все же мы не могли бы их обойти. Приведем поэтому прежде всего следующую таблицу (см. табл. 3).

Как видим, в рыночной оценке каждого года народный доход за 1929/30 г. возрастает, говоря грубо, на 4 млрд., а по физическому его объему — на 6 млрд. руб. Любопытнее всего, однако, то, что весь этот прирост целиком падает на обобществленный сектор, так как доход частного сектора даже сокращается на 750 млн. руб. Это последнее сокращение объясняется прежде всего процессами обобществления индивидуального производства значительной части крестьян, кустарей и ремесленников в кооперативном секторе. Недаром этот сектор дал за один год рекордный прирост в 34,2%, т. е. дал лишних 1150 млн. руб. В этой цифре, вероятно, и оказались три четверти миллиарда, потерянные частным сектором. А, во-вторых, на этот факт оказал, конечно, влияние и урожай 1929 г. Как известно, посевы индивидуального сектора в этом году дали всего 1% прироста, а скот — даже некоторое снижение. Неважный урожай в целом ряде районов, с одной стороны, и кооперирование значительных трудовых масс, с другой — в достаточной степени объясняют указан-

Таблица 3

Баланс производства и распределения народного дохода

(в ценах каждого года)

Социальные секторы и классы	Абсолютные размеры (в млн. черв. руб.)			Структура (в % к итогу)			Прирост за год (в %)	
	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
А. В приходе (по секторам)								
1. Государственный сектор	10 633	12 620	16 167	41,9	42,2	47,8	18,7	28,1
2. Кооперативный	2 515	3 357	4 505	9,9	11,2	13,3	33,5	34,2
Итого	13 148	15 977	20 672	51,8	53,4	61,1	21,5	29,4
3. Частный	12 203	13 920	13 173	48,2	46,6	38,9	14,1	—5,4
Всего	25 351	29 897	33 845	100,0	100,0	100,0	18,0	13,2
Б. В расходе (по классам)								
1. Рабочие:								
а) сельскохозяйственные	560	632	734	2,2	2,1	2,2	12,9	16,1
б) индустриальные и пр.	8 684	10 045	11 731	34,3	33,6	34,6	15,7	16,8
Итого	9 244	10 677	12 465	36,5	35,7	36,8	15,5	16,7
2. Крестьяне-земледельцы	13 264	15 545	16 726	52,3	52,0	49,4	17,2	7,6
3. Ремесленники и прочее трудовое население	1 799	1 745	1 656	7,1	5,8	4,9	—3,0	—5,1
4. Городская буржуазия	568	515	467	2,2	1,7	1,4	—9,4	—9,3
5. Прочие группы	504	527	549	2,0	1,8	1,6	4,5	4,2
Итого доходов населения—брутто (1—5)	25 379	29 009	31 863	100,1	97,0	94,1	14,3	9,8
В т. ч. повторный счет	2 238	2 436	3 291	8,8	8,2	9,7	8,9	35,1
Итого без повторного счета—нетто	23 141	26 573	28 572	91,3	88,8	84,4	14,8	7,5
Накопление обобществленного сектора	2 210	3 324	5 273	8,7	11,2	15,6	50,4	58,6
Баланс	25 351	29 897	33 845	100,0	100,0	100,0	18,0	13,2
То же в ценах 1926/27 г.	25 070	28 133	34 218	—	—	—	15,8	21,6

ный факт. К этому можно добавить лишь одно, что в недалеком будущем этот процесс поглощения частного сектора обобществленным пойдет, несомненно, еще быстрее. Распределение народного дохода по отдельным группам населения показывает, что не только буржуазия, но и довольно широкие слои неземледельческого трудового населения обнаруживают хотя и медленное, но весьма последовательное абсолютное снижение своих доходов. Это объясняется абсолютным сокращением их численности.

Крестьянство, включая сюда и кооперированную его часть, пока еще не обнаруживает такого абсолютного падения. Но если учесть, что уже в 1930 г. по нашему плану весь прирост населения деревни исчисляется в 1,1 млн. душ, а население колхозов должно вырасти на 2,2 млн. душ. то, значит, и здесь мы должны получить абсолютное снижение числа индивидуальных хозяйств, а затем и их доходов.

В свете этих фактов мы уже можем обратиться к масштабам возможного накопления. В нашей таблице приведены только итоги прибылей и рентных доходов госсектора. Но государство располагает еще целым рядом иных методов аккумулирования ресурсов для производственного накопления. Этой цели могут служить и налоги, и займы, и паенакопления кооперации, и многие другие пути. С учетом всех этих источников общий итог ресурсов, которые охватываются нашим финансовым планом, достигает 17200 млн. руб. Из них на управление и оборону намечается обратить всего 1712 млн. руб., на культурное строительство — 3772 млн. руб. и на финансирование народного хозяйства — 11724 млн. руб. По пятилетке эта последняя цифра была на 2800 млн. руб. ниже.

Если же выделить из указанной программы финансирования затраты амортизационного и операционного назначения и учесть лишь те суммы, какие обращены на накопление производственных фондов обобществленного сектора, то получим для 1929/30 г. сумму в 8884 млн. руб. За 1928/29 г. эта сумма достигала только 4327 млн. руб.

Этот скачок в накоплении оказался возможным, конечно, только потому, что и народный доход по обобществленному сектору дает не меньший скачок. В самом деле, этот прирост составит по нашей таблице 4695 млн. руб., а сумму накопления мы увеличиваем на 4557 млн. руб. Таким образом, мы почти весь прирост народного дохода в обобществленном секторе целиком обращаем на цели социалистического накопления. Это свидетельствует об известном напряжении плана. Но его не следует преувеличивать.

Необходимо помнить, что *реальный* прирост народного дохода в 1929/30 г. составит не 4 млрд., а 6 млрд. руб. Благодаря игре цен реальное значение рубля в народном доходе 1929/30 г. равно 1 р. 13 к. в доходе предыдущего года. Таким образом, хотя фонд потребления за 1929/30 г. не дает *видимого* прироста, но его реальное значение все же будет значительно выше прошлогоднего.

Обращаясь к темпам роста народного дохода по отдельным социальным группам, важно отметить следующее характерное обстоятельство. За 1928/29 г. рабочий класс увеличил свой доход только на 15,5%, а крестьянство благодаря росту цен — на 17,2%. Предстоящий год резко изменяет это соотношение. Крестьянство получает прирост только в 7,6%, в то время как рабочие — 16,7%.

Однако при оценке этого факта опять-таки не следует забывать о смещениях цен. В сущности огромный прирост доходов деревни за 1928/29 г. на 2,3 млрд. руб. в большей своей части имеет только номинальное значение. Он объясняется переоценкой *всей* его продукции по повышенным ценам. Но реальное для него значение имело повышение цен только в отношении товарной части его продукции. А в этой части имело место следующее. Всего на повышении цен сельской продукции деревня выиграла, по подсчетам Госплана, 459 млн. руб., в том числе за счет сверхплановых накидок — 329 млн. руб. Но в то же время на повышении промышленных цен сверх плана и обратных покупках хлеба в городе она потеряла 214 млн. руб. Таким образом, чистый ее выигрыш не превышает 245 млн. руб.

Заверстанные в нашем финансовом плане меры по кредитным операциям и прочим изъятиям из доходов деревни намечают повышение их против прошлого года на 398 млн. руб. Таким образом, они в достаточной

Таблица 4

Баланс реализации промышленных товаров

Статьи баланса	В млн. черв. руб.			В % к предыдущему году	
	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
1	2	3	4	5	6
А. Предложение					
1. Запасы товаров к началу года:					
а) у производителей	1 250	1 350	1 386	108,0	102,7
б) в товаропроводящих каналах	1 630	1 990	2 581	122,1	129,6
Итого запасов	2 880	3 340	3 967	116,0	118,8
2. Товарная продукция:					
а) крупной промышленности (с акцизом)	10 961	13 314	17 054	121,5	128,1
б) мелкой промышленности	2 360	2 535	2 750	107,4	108,5
Итого	13 321	15 849	19 804	119,0	125,0
3. Прочее предложение	552	583	704	105,6	120,8
Итого (1—3)	16 753	19 772	24 475	118,0	123,8
4. Торгово-транспортная накидка	3 229	3 858	4 748	119,5	123,1
Всего (1—4)	19 982	23 630	29 223	118,3	123,7
Б. Спрос					
1. Организованного рынка:					
а) на средства производства	6 609	8 142	11 565	123,2	142,0
б) на предметы потребления	811	950	1 105	117,1	116,3
Итого	7 420	9 092	12 670	122,5	139,4
2. Широкого рынка (населения):					
а) на средства производства	2 267	2 510	2 878	110,7	114,7
б) на предметы потребления	6 511	7 070	7 655	108,6	108,3
Итого	8 778	9 580	10 533	109,1	109,9
3. Прочий спрос	406	544	708	134,0	130,1
4. Запасы товаров к концу года:					
а) у производителей	1 350	1 386	1 513	102,7	109,2
б) в товаропроводящих каналах	2 239	2 904	3 594	129,7	123,8
Итого	3 589	4 290	5 107	119,5	119,0
Всего (1—4)	20 193	23 506	29 018	116,4	123,5
Балансовая разница	—211	+124	+205	—	—
Баланс	19 982	23 630	29 223	118,3	123,7
Предложение на широкий рынок в ценах потребителя	8 567	9 702	10 736	113,2	110,7

Таблица 5

Индексы цен по переменным весам секторов

(1913 г. = 100)

Наименование индексов	1927/28 г.	1928/29 г.		1929/30 г.		В % к предыдущему году прирост (+) и убыль (—)			
						1928/29 г.		1929/30 г.	
		по пятилетнему плану	отчетные данные	по пятилетнему плану	по контрольным цифрам	план	исполнение	по пятилетнему плану	по контрольным цифрам
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Отпускных цен госпромышленности:									
а) по группе «А» . . .	169,0	164,0	166,6	154,0	156,6	—3,0	—1,4	—6,1	—6,2
б) » » «Б» . . .	198,5	198,5	199,8	192,9	195,8	0,0	+0,7	—2,8	—2,0
Тотальный	185,3	183,3	229,0	175,6	177,4	—1,1	—0,3	—4,2	—4,0
2. Всесоюзный оптовый:									
а) промышленный . . .	187,7	185,7	187,4	177,4	179,9	—1,1	—0,2	—4,5	—4,0
б) сельскохозяйственный	156,7	166,3	170,3	166,3	169,6	+6,1	+8,7	0,0	—0,4
Тотальный	178,4	180,3	182,3	175,2	177,0	+1,1	+2,2	—2,8	—2,9
3. Общеторговый розничных цен:									
а) промышленных . . .	198,0	198,0	203,0	190,0	195,5	0,0	+2,5	—4,0	—3,7
б) сельскохозяйственных	194,0	194,0	223,0	189,0	219,0	0,0	+14,9	—2,8	—1,8
Тотальный	197,0	197,0	210,0	190,0	203,7	0,0	+6,6	—3,5	—2,7
4. Заготовительных цен на сельскохозяйственные продукты:									
а) зерновые	134,6	156,6	190,4	155,4	180,6	+16,3	+41,5	—0,8	—5,1
б) технические	139,8	144,6	146,0	144,6	146,2	+3,4	+4,4	0,0	+0,1
в) животноводство . . .	181,8	183,4	197,6	183,0	198,7	+0,9	+8,7	—0,2	+0.6
Тотальный	156,4	165,0	183,3	164,2	178,8	+5,5	+17,2	—0,5	—2,5
5. Бюджетный:									
а) промышленный . . .	202,6	202,6	201,6	196,5	191,5	0,0	—0,5	—3,0	—5,0
б) сельскохозяйственный	210,3	210,3	228,2	204,4	218,4	0,0	+8,5	—2,8	—4,3
Тотальный (33 товара) . . .	207,0	207,0	217,1	201,0	207,1	0,0	+4,9	—2,9	—4,6
» (39 товаров)	198,7	204,3	209,8	199,2	201,4	+2,8	+5,6	—2,5	—4,0
6. Строительства	247,0	222,0	229,0	200,0	200,0	—10,1	—7,3	—9,9	—12,7

мере перекрывают вероятное накопление свободных ресурсов деревни.

В финансовом отношении программа строительства 1929/30 г. хотя и с напряжением вполне обеспечена. Бюджет, запроектированный в 10,4 млрд. руб., выделяет для этой цели около 3,81 млрд. руб., да еще местный бюджет должен дать для этого свыше 1 млрд. руб., остальное покрывается собственными ресурсами обобществленного сектора и привлеченными средствами населения. В частности, за счет эмиссионных источников в кредитный план заверстано около 380 млрд. руб.

В материальном отношении намеченная программа продукции и капитального строительства, как это удостоверено всей суммой построенных нами специальных балансов, тоже выполнима. И баланс топлива, и баланс строительных материалов в общем вполне увязываются с намеченным планом. Баланс металла требует некоторого подкрепления за счет импорта, но это подкрепление вполне осуществимо.

Из других балансов особого внимания заслуживает баланс рыночного спроса и предложения (см. табл. 4). Этот баланс при намеченных сдвигах цен тоже оказался довольно напряженным. Дело в том, что в области цен, исходя из установок пятилетки, мы сочли возможными следующие задания. Отпускные цены ВСНХ должны быть снижены в среднем на 4%, в том числе по группе «Б» — на 2%. По розничным ценам в городской торговле мы должны получить 2,7% снижения. Бюджетный индекс при этих условиях сможет дать до 4% снижения (см. табл. 5). Спрос широкого рынка при таких установках возрастает на 9,9%, а предложение без дополнительных мероприятий нам давало рост всего в 7,1%. Однако с учетом намеченной продажи сахара и некоторых других товаров по повышенным ценам на ненормированном рынке, а также дополнительного обложения предметов роскоши и комфорта возможное предложение возрастает на 10,7% и, таким образом, в общем перекрывает спрос.

В результате выполнения плана в народном хозяйстве СССР за 1929/30 г. должны произойти следующие социальные сдвиги (см. табл. 6).

Таблица 6

Процессы обобществления по контрольным цифрам 1929/30 г.
(в млн. черв. руб.)

Показатели	Годы	Всего — абсолютные данные	В том числе секторы (в %): государственный	кооперативный	итого обобществленный	частный
1	2	3	4	5	6	7
1. Наемный труд (в млн. работников)	1928/29	12 151	72,8	10,6	83,4	16,6
	1929/30	13 264	74,0	11,0	85,0	15,0
2. Валовая продукция: а) промышленности	1928/29	21 402	70,7	14,1	84,8	15,2
	1929/30	26 117	72,9	15,3	88,2	11,8
б) сельского хозяйства	1928/29	21 183	0,9	0,8	1,7	98,3
	1929/30	20 393	1,2	2,5	3,7	96,3
3. Товарная продукция: а) промышленности	1928/29	18 505	66,4	16,2	82,6	17,4
	1929/30	22 505	68,9	17,6	86,5	13,5
б) сельского хозяйства	1928/29	3 628	3,2	1,6	4,8	95,2
	1929/30	3 739	3,4	5,5	8,9	91,1
4. Торгово-посреднический оборот	1928/29	49 716	30,1	63,3	93,4	6,6
	1929/30	62 632	30,0	66,7	96,7	3,3
5. Основные фонды к концу года (в неизменных ценах 1926/27 г.)	1928/29	74 670	52,0	2,2	54,2	45,8
	1929/30	85 318	55,7	3,2	58,9	41,1
6. Оборотные фонды к концу года	1928/29	16 764	37,0	17,1	54,1	45,9
	1929/30	18 731	37,3	20,9	58,2	41,8
7. Капитальные вложения за год	1928/29	8 527	55,2	10,0	65,2	34,8
	1929/30	12 975	63,7	12,2	75,9	24,1

Наемный труд в частном секторе уже в предшествующем году составлял не свыше 16,6% (батраки в крестьянских хозяйствах, пастухи и т. п.).

В 1929/30 г. удельный вес их падает до 15%. В продукции промышленности доля частника падает за год с 15,2 до 11,8%, в том числе в цензовой — с 0,9 до 0,7%. Паровой транспорт давно уже обобществлен на все 100%. В торговом обороте доля частника падает в рознице с 18,6 до 10,7%, а во всем товарообороте — с 6,6 до 3,3%. В основных фондах страны эта доля падает за год с 45,8 до 41,1%, а в капитальных вложениях — с 34,8 до 24%. И даже в сельском хозяйстве, где преобладает пока частнохозяйственная стихия, мы идем колоссальными темпами к обобществлению. Достаточно сказать, что посевная площадь совхозов к 1930 г. вместо 25% по пятилетке возрастает на 108%, площадь колхозов — вместо 82 на 182% и т. д. Правда, эффект от этих приростов мы получим только в 1931 г. А пока в валовой продукции сельского хозяйства доля обобществленного сектора составляет всего около 3,7%, а в товарной — 8,9%. Но уже через год мы и в этой области будем иметь в 2—3 раза более высокие достижения.

Таким образом, в общем, и 1929/30 г., так же как и предшествующий ему по сравнению с пятилеткой, обещает нам при заметном отставании в темпах развития индивидуального хозяйства в деревне огромное превышение в темпах индустриального развития и обобществления хозяйства.

Буржуазная критика уже отмечала, что выполнение нашей пятилетки даже с большой скидкой против ее наметок придется рассматривать как жесточайшее поражение капиталистической системы хозяйства. Вступая во второй год пятилетки, мы с удовлетворением можем констатировать, что продвигаемся по намеченному пути даже скорее, чем предполагали, как бы это ни опрокидывало «плановые» предвидения наших противников.

XIX. К ПРОБЛЕМЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ КАПИТАЛЬНЫХ ЗАТРАТ[1]

1. ЭФФЕКТИВНОСТЬ НАКОПЛЕНИЯ

В наше время нельзя себе представить общественное производство, основанное на использовании одного лишь невооруженного человеческого труда. Возрастающая роль материальных средств производства, т. е. уже овеществленного, «мертвого» труда, наряду с трудом живым в процессе общественного производства выдвигает перед нами проблему огромного, решающего значения для планового хозяйства в такой стране, как СССР. Это проблема оптимальных темпов хозяйственного накопления и его производственной эффективности.

Более вооруженный за счет накопления средств производства труд эффективнее менее вооруженного. Это положение в достаточной степени бесспорно. Недаром же «закон и пророки» капиталистического общества именно на этом основании без всяких колебаний и ограничений всю свою хозяйственную мудрость выражали в едином все обнимающем выводе: накопляйте! Но мы не должны забывать, что для них этот вопрос разрешался так просто только потому, что накопление капиталистического общества совершалось за счет чужого труда.

В социалистическом обществе накопление не может стать самоцелью. Для нас производственное накопление в последнем счете есть только средство для увеличения непроизводственного потребления. И если мы в порядке хозяйственной предусмотрительности готовы увеличить затраты труда или сократить свое личное потребление ради производственного накопления на сегодня, то лишь постольку, поскольку это накопление гарантирует нам сокращение труда или расширенное потребление на завтра и послезавтра. Отсюда задача: какое самоограничение наличного в каждый данный момент населения ради накопления на *сегодня* дает оптимальный для него эффект в облегчении его труда и увеличении потребления на *сегодня, завтра и послезавтра,* или, говоря более общо, в течение *всей* жизни данного поколения? А для того, чтобы разрешить такую задачу, следует заранее знать точную меру эффективности наших производственных накоплений, или так называемых «капитальных» вложений в основные и оборотные производственные фонды.

Термин *капитальные* вложения или затраты в отношении к нашему обобществленному хозяйству применяется здесь, конечно, только по инерции общепринятого словоупотребления и за отсутствием другого, более точно отражающего нашу советскую экономику переходного периода.

В чем же может быть найдена мера эффективности капитальных вложений?

Прежде всего можно различать три типа капитальных затрат: 1) наиболее экстенсивный, обеспечивающий максимальное привлечение в

[1] «Плановое хозяйство», 1929, № 7.

производство новых кадров труда даже ценой понижения средней нормы его вооруженности, т. е., употребляя категории капиталистического хозяйства, со снижением среднего органического состава капитала в стране; 2) наиболее интенсивный, главная задача которого не столько расширение производства, сколько экономия в труде за счет повышения средней нормы его вооруженности; 3) средний тип, расширяющий производство в той же мере, в какой расширяется применение труда, т. е. при постоянной норме его вооруженности и, стало быть, неизменном строении капитала.

Во всех этих случаях новые вложения влекут за собой и новое расширение продукции, т. е. сопровождаются известным положительным с этой точки зрения эффектом. Но если бы мы приняли за меру этого эффекта количество добавочной продукции на единицу новых капитальных вложений, то получили бы довольно неожиданный на первый взгляд вывод: чем совершеннее с точки зрения современной техники то производственное вооружение труда, на которое мы обращаем наши капитальные затраты, тем меньше по общему правилу их эффективность на единицу капитала. Например, простой кустарь-сапожник затрачивает меньше «капитала» на пару обуви, т. е. работает в этом смысле «эффективнее» крупной механической мастерской, ручное ткачество по той же мерке «эффективнее» фабричного, второстепенная тепловая станция «эффективнее» первоклассной гидростанции и т. д.

Почему же это так?

Объяснение найти не трудно. Продукция — ни в ценностном, ни в натуральном своем выражении — сама по себе не может служить мерою эффективности капитальных вложений уже потому, что размер ее определяется не только мертвыми средствами производства, но и живым трудом. При ценностном измерении продукции это особенно ясно. Ведь *стоимость* продукции определяется *только* трудом. Правда, в эту стоимость входят не только элементы живого труда, но и амортизация, т. е. накопленный труд, овеществленный в снашиваемой части основных фондов. Но, как известно, амортизация обычно составляет лишь небольшую часть вложенных в производство средств производства, а живой труд переходит в стоимость создаваемого им продукта полностью и потому определяет ее в большей мере, чем капитализированный, т. е. накопленный мертвый труд. При количественном измерении продукции, т. е. когда мы имеем дело только с ее потребительной стоимостью, а не со стоимостью, производственная роль технической вооруженности труда, т. е. накопленного богатства, значительно больше роли живого труда. Уже из этого следует, что в качестве мерила эффективности вложений объемные измерители продукции гораздо более показательны, чем ценностные. Но и они сами по себе для этой цели малопригодны, ибо если в производствах с высоким строением капитала решающую роль в определении количества создаваемых благ играет вооруженность труда, т. е. капитальные затраты, то при низком строении эта роль выпадает, наоборот, почти всецело на долю затрат живого труда.

Из сказанного ясно, что без учета строения капитала построить учет его эффективности было бы невозможно. Чтобы получить в продукции меру эффективности одного лишь накопленного труда, необходимо было бы изолировать действие другого фактора, т. е. живого труда, а это тем труднее, что совокупное их действие определяется не только абсолютными размерами каждого, но и их отношением друг к другу.

По поводу измерения эффективности вложений объемным приростом продукции на рубль вложений в нашей печати высказывалось довольно много противоречивых суждений. Между прочим, было высказано мнение, что такого прироста и вообще не может быть при нормальном расширении капитальных фондов, поскольку оно согласно теории Маркса сопро-

вождается повышением органического состава капитала. М. Н. Смит[1], которая, опираясь на Маркса, противопоставляет этот свой теоретический закон утверждениям вульгарной экономики, пала, однако, в этом случае жертвой довольно элементарной ошибки, известной в логике под названием кватернио терминорум. В ходе своих рассуждений она, очевидно незаметно для самой себя, перешла от понятия продукции в объемном выражении, т. е. от суммы потребительных стоимостей, к понятию той же продукции в ценностном ее выражении $(c + v + m)$. Вывод ее, полученный ценой столь неосторожного обращения с терминами, разумеется, не имеет никакой ценности. Правда, она подкрепляет этот свой «теоретический» вывод и статистическими данными из американской практики, но, к сожалению, экономические законы не доказываются парой цифровых иллюстраций. К тому же даже в приведенной ею справке за одни годы (1905—1922 гг.) индексы объемного роста основных фондов обгоняют индексы продукции, а за другие (1899—1905 гг.), наоборот, отстают от них[2]. Вывод М. Н. Смит, по которому отнесенная к постоянному капиталу продукция в ее *физическом* объеме *«должна падать и реально падает* наряду с ростом производительности труда»[3], очень к тому же смахивает на тот самый вульгарный «закон» падения производительности дополнительных затрат капитала, который на словах она весьма энергично отвергает.

Если мы рассматриваем производственный процесс с точки зрения создаваемых им потребительных стоимостей, а не стоимостей, то возрастание *отношения* овеществленного труда к живому в этом процессе, или, что то же, повышение *вооруженности,* а вместе с тем и производительности труда, прежде всего означает и *повышение продукции* на единицу затраченного живого и овеществленного труда. Конечно, повышение продукции на единицу живого и овеществленного труда может означать и повышение и понижение ее из расчета на единицу одного лишь *овеществленного* труда. Все зависит от соотношения *темпов* роста вооруженности и соответствующего ему роста производительности труда. Но о том, каково «должно» быть это соотношение в разные моменты истории и в разных социальных условиях, *априори* никому не известно. В периоды экстенсивного роста вложений — при замедленных темпах технической реконструкции — прирост продукции может и отставать от прироста основных фондов, а в другие периоды интенсивного роста вложений и бурных темпов технического прогресса — вроде периода генеральной реконструкции в СССР — прирост продукции, несомненно, может и заметно обгонять темп накопления. И все же мерою эффективности вложений продукция служить не может, ибо один и тот же прирост продукции при различных темпах вовлечения в производственный процесс *живого* труда является показателем весьма различной эффективности наличных основных фондов.

Наряду с продукцией в качестве измерителя эффективности капитальных вложений предлагался за последнее время и целый ряд других, например производительность труда, снижение себестоимости, повышение рентабельности. И, конечно, каждый из этих показателей, как и продукция, находится в несомненной функциональной связи с ростом капитальных затрат. Но все они определяются не только величиной затрат, но и совокупным действием целого ряда других независимых друг от друга

---

[1] М. Смит. К вопросу об учете эффективности капитальных вложений. «Проблемы экономики», 1930, № 2, стр. 12 и сл.

[2] Там же, стр. 20.

[3] Там же, стр. 13. Курсив наш.— *С. С.* Кстати сказать, за 1929—1949 гг. в США продукция в неизменных ценах снова обгоняет рост капитальных вложений (в ценах 1929 г.).

факторов, а потому принять их изменения за меру действия одного лишь из этих факторов невозможно.

По нашему мнению, абсолютной меры эффективности капитальных вложений и вообще искать не следовало бы. Это было бы, по-видимому, столь же неразрешимой задачей, как задача найти абсолютную меру сравнения уровня производительности труда в производствах различных взаимно не заменимых между собой благ. И, пожалуй, по одной и той же причине. Производственный эффект и живого и накопленного труда, т. е. капитальных вложений, в последнем счете один и тот же. И тот и другой направлены в последнем счете на создание *потребительных* стоимостей различного значения. Но мерила соизмеримости между собой этого рода стоимостей мы не имеем. А потому и абсолютную меру тех факторов, которые предполагают соизмеримость их эффекта, т. е. созданных этими факторами полезностей, едва ли возможно найти.

Но на худой конец мы могли бы удовлетвориться и методами относительного измерения интересующей нас эффективности. Мы не можем непосредственно соизмерить производительности труда, скажем, электромонтера и пахаря или ткача и сапожника, а потому не можем определить и среднего уровня производительности для всех видов труда в какой-либо момент без отношения к какому-либо другому моменту. Но построить индекс производительности труда, измеряющий ее динамику за тот или иной период, мы вполне можем. Точно так же едва ли нам удастся измерить в каких-либо показателях абсолютный уровень эффективности капитальных затрат за какой-либо момент, но сопоставить этот уровень динамически для различных моментов при известных условиях мы, несомненно, смогли бы.

Нужно лишь какой-то момент и характерный для него уровень эффективности капитальных вложений принять за условную базу динамических сопоставлений. А затем, поскольку всякие сопоставления этого рода могут быть выражены лишь в относительных числах по отдельным вполне сравнимым между собой во времени отраслям труда и производствам, то необходимо еще условиться о методах взвешивания таких частных показателей эффективности для перехода к обобщенному индексу, обнимающему более широкие сферы труда или даже все хозяйство в целом.

Простейшим случаем, наиболее доступным для динамических сопоставлений, можно считать такой, когда новые вложения не изменяют пропорции между живым и накопленным трудом в производстве. Здесь, стало быть, прирост продукции, следующий за одинаковым увеличением масштаба вложений и живого овеществленного труда, может быть с полным правом принят за общую меру эффективности и того и другого. Если при этом с увеличением в n раз всего капитала при неизменном его составе и продукция возрастет в такое же число раз, то мы вправе будем заключить, что эффективность единицы капитала, а вместе с тем и живого труда осталась неизменной.

Конечно, такой рост продукции в прямой пропорции с ростом капитала даже при неизменном его органическом составе отнюдь не может быть установлен на основе каких-либо априорных соображений. Дело конкретного исследования установить, будет ли иметь место на деле такая пропорциональность или в связи с ростом предприятия аккумулированный капитал даже при постоянном органическом его строении будет до известных пределов повышать свою производственную эффективность, а затем, достигнув своего оптимума, начнет снова снижать ее в той или иной мере. По-видимому, вполне вероятной является последняя гипотеза. А тогда перед нами встанет новая задача — на каждой технической ступени развития того или иного производства определить оптимальный масштаб отдельного предприятия с фондами заранее заданного органического строения.

Более сложными для технико-экономического анализа придется признать те случаи, когда новые капитальные вложения сопровождаются более или менее существенной реконструкцией не только масштабов предприятия, но и норм вооруженности труда, т. е. органического строения капитала.

Если при среднем строении капитала в стране ($H = C : v$) для производства P единиц годовой продукции требуется овеществить в ней t часов труда, то положительный эффект новых капитальных вложений, изменяющих данное строение капитала, по сравнению с ранее достигнутым уровнем может найти свое отражение только в двух направлениях: либо в повышении P при неизменном t, либо в сокращении t при неизменном P. Вообще говоря, в обоих случаях этот эффект выразится в увеличении отношения $\frac{P}{t}$, т. е. в повышении производительности труда. Соответственно этому отрицательный эффект новых капитальных затрат нам пришлось бы констатировать в том случае, если, не возмещая даже выбывающих фондов, они фактически означали бы их сокращение и снижение производительности труда в стране.

Нет нужды пояснять, что положительный в указанном отношении эффект должны по общему правилу дать такие вложения, которые повышают средний органический состав капитала в стране, и отрицательный — те, которые понижают его [1].

В качестве наиболее частого примера вложений, понижающих средний «органический состав» производственных фондов в стране, можно указать многообразные вложения в индивидуальное крестьянское хозяйство и, в частности, в переселенческое дело для рассасывания аграрного перенаселения деревни, в разного рода примитивные по вооруженности труда, но тем более трудоемкие «общественные работы» (для использования труда безработных и т. д.). Такого рода вложения в условиях значительных избытков неиспользованного труда и недостатка капиталов могут оказаться неизбежными. Но все же общество, накоплений которого хватало бы только на такого рода вложения — для обеспечения естественного прироста населения самыми примитивными видами труда,— такое общество, несомненно, очень скоро пошло бы по пути самой полной хозяйственной деградации. Такого рода вложения, как уже было указано, ведь смогут только понизить средний уровень вооруженности труда в стране, а вместе с тем неизбежно понизится и душевой уровень народного дохода, что приведет либо к непосредственному снижению потребления, либо к дальнейшему снижению и без того недостаточных норм производственного накопления и, значит, дальнейшей хозяйственной деградации общества.

Прямой и очень важный вывод, вытекающий из сказанного, сводится к следующему. Если мы не хотим идти по пути хозяйственной деградации, то должны выделять из народного дохода в производственное накопление такую его долю, которая превышала бы потребность всего естественного прироста трудоспособного населения в средствах производства по средней

---

[1] М. Н. Смит «не может понять», каким образом новые вложения могут не изменить пропорции между живым и мертвым трудом или даже понизить средний «органический состав» производственных фондов в стране. Она недоумевает, зачем нам понадобились «все эти формальнологические допущения, игнорирующие конкретную установку переживаемого периода», и квалифицирует это, как какую-то специфическую «беспартийность» Струмилина в этом вопросе («Проблемы экономики», 1930, № 2, стр. 18—19). Однако наши допущения отвечают вполне конкретной обстановке времен хозяйственной разрухи, и понадобились они именно для того, чтобы затем не менее конкретно, числом и мерою, показать, как далеко мы уже отошли от тех времен разрухи при темпах накоплений первой пятилетки. Если *это* называется «беспартийностью», то как назвать вышеупомянутые математические упражнения самой М. Н. Смит во славу архивульгарной «теории» падающей производительности дополнительных затрат капитала, раз навсегда отвергающей для нас возможность темпов роста продукции, обгоняющих темпы вложений?

для всей страны норме вооруженности труда. Например, в СССР к 1928/29 г. числилось на 82,4 млн. душ в рабочем возрасте 82,2 млрд. руб. в основных и реальных оборотных фондах страны, что дает в среднем по 1000 руб. на работника [1].

Годовой естественный прирост числа таких работников мы определяем в 1,8 млн. душ. Значит, говоря грубо, в производственное накопление мы должны ежегодно обращать не менее 1,8 млрд. червонных рублей.

Конечно, это только минимальный предел. На самом деле, мы наметили увеличить наши основные и оборотные фонды за 1928/29 г. по пятилетнему плану на 6,2 млрд. руб., т. е. значительно выше только что указанной минимальной нормы. Но и в качестве такого минимума эта норма очень показательна. Она позволяет нам конкретно видеть, насколько мы уже в общем далеко шагнули от этого порога хозяйственной деградации к хозяйственному прогрессу.

Рост производительности труда может служить наилучшим показателем хозяйственного прогресса. В то же время, если не прямо, то косвенно, он отражает в себе и уровень эффективности капитальных вложений. Но вполне точной мерой этой эффективности он служить не может уже потому, что определяется он не только степенью капиталовооруженности труда, но в известной мере и другими факторами, например интенсивностью и дисциплиной труда, уровнем культуры и квалификации рабочих и т. п.

Наиболее адекватное мерило эффективности капитальных затрат мы найдем лишь тогда, когда учтем прямое и непосредственное их назначение — вооружить или перевооружить живой труд. Для чего это делается, если не для того, чтобы облегчить или сократить этот труд при прочих равных условиях, т. е. при достижении тех же производственных результатов? А если это верно, то непосредственный эффект от всяких капитальных вложений должен измеряться достигаемой за счет этих вложений общественной экономией труда и только ею.

В капиталистическом обществе, где хозяин средств производства эксплуатирует по общему правилу чужой труд, эта простая истина сильно затемняется. Капиталиста интересуют не столько сбережения в труде, сколько экономия в зарплате и других издержках производства, повышающая рентабельность его вложений. Для него рентабельность во всяком случае высший, если не единственный критерий эффективности капитальных затрат. Но для нас этот критерий — в условиях нормируемых государством товарных цен и зарплаты — совершенно теряет свое прежнее значение. Рентабельность тех или иных наших предприятий является зачастую в гораздо большей мере следствием нашей политики цен, зарплаты, налогов и акцизов, попенной платы и т. д., т. е. вообще нашей политики перераспределения народного дохода, чем условий производства и степени вооруженности труда. Именно поэтому в нашей политике вложений с рентабельностью затрат мы зачастую совершенно не считаемся. Например, искусственные удобрения и земледельческие машины мы склонны продавать ниже себестоимости, и все же капитальные вложения в эту нерентабельную область труда усиливаем, а весьма рентабельное производство водки сокращаем. Тем большее для нас значение в качестве мерила эффективности вложений приобретает критерий связанной с ними общественной экономии в труде.

Как же мы должны использовать этот критерий?

Изменения уровня эффективности капитальных затрат за счет новых вложений на любом уровне вооруженности труда, на наш взгляд, могут быть измерены той дополнительной экономией в труде, которая получается

[1] «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. II, ч. 2. М., 1930, стр. 36, 48.

при новой структуре производства и новом физическом объеме продукции по сравнению с трудовыми затратами, необходимыми для создания того же объема продукции на прежнем уровне вооруженности труда.

Мы говорим здесь пока только о дополнительной экономии (e) за счет вносимой новыми вложениями реконструкции производственных процессов, или, говоря иначе, за счет повышения структуры накопленного и живого труда в производстве ($C : v$). И такую дополнительную эффективность можно было бы назвать дифференциальной. Лишь в том случае, если бы мы могли начать наше исследование с такого момента, когда вооруженность хозяйственного труда в стране была близка к нулю, экономия в труде, полученная от вложения тех или иных капитальных затрат, дала бы показатель полной их эффективности. Но такой возможности мы пока не имеем. На любом уровне структуры производства, который мы можем наблюдать, в нем используется не только живой, но и накопленный, овеществленный труд. И, конечно, использование второго экономит в какой-то степени первый. Только нам не известно, в какой.

Если эту не известную нам величину годовой экономии в труде от действующего в данный момент капитала C обозначить через e, а возможный срок действия этого капитала до износа исчисляется в n лет, то полная экономия труда, обеспеченная наличностью такого капитала, выразится величиной ne, а средний уровень его эффективности на единицу капитала будет $E = \frac{ne}{C}$. Если мы к этой величине добавим эффект новых ΔC единиц капитала, то при прежнем уровне эффективности получим еще $\Delta C \frac{ne}{C}$ единиц сэкономленного труда за счет этих добавочных затрат. Однако при невозможности измерить основную величину e и эта производная от нее величина по необходимости остается неизвестной.

Гораздо легче определить дифференциальную эффективность, или, говоря иначе, прирост эффективности новых затрат, по сравнению с нормой эффективности действующих вложений, так как здесь есть определенный масштаб для сравнений.

В самом деле, разберем несколько теоретически наиболее интересных случаев.

Допустим прежде всего, что новая годовая продукция (P') после дополнительных затрат ΔC единиц капитала равна по общему размеру старой (P), но овеществляет t' часов живого и мертвого труда, а при прежних условиях производства она содержала бы t часов труда. Заключаем, что общий годовой итог экономии в труде, полученный в результате реконструкции производства $e = t - t'$, а из расчета на единицу новых капитальных затрат $\frac{t - t'}{\Delta C}$. Если вложенный капитал способен функционировать за время полного своего оборота n лет и таким образом обеспечивает возможность получать означенную годовую экономию в труде n раз, то полный прирост эффективности данных затрат на единицу капитала

$$\Delta E = \frac{ne}{\Delta C} = \frac{n(t - t')}{\Delta C}.$$

В качестве второго случая допустим, что после вложений и реконструкции производства общая сумма трудовых затрат в производстве не изменилась, т. е. $t = t'$, но P' стало больше по своему физическому объему по сравнению с P, тогда применимо следующее рассуждение. При прежних условиях производства на единицу продукта затрачивалось $\frac{t}{P}$ часов труда, для производства P' единиц новой продукции при тех же условиях потребовалось бы в P' раз больше труда, т. е.

$\frac{P'}{P}t$, а на самом деле, в результате новых вложений потребовалось только t' часов, стало быть, годовая экономия $e = \frac{P'}{P}t - t' = \frac{P't - Pt'}{P}$ что при условии $t' = t$ дает $\frac{t(P' - P)}{P}$. А полный прирост эффективности на единицу затрат против прежнего уровня получится по той же формуле $\Delta E = \frac{ne}{\Delta C}$, как и в первом случае.

Наиболее общим случаем мы считали бы такой, когда за счет новых вложений мы получаем одновременное изменение и продукции и труда. При этом и здесь следует различать особо три возможности: 1) когда P' возрастает быстрее, чем t'; 2) когда оно отстает в своем росте от t'; 3) когда оба они возрастают пропорционально.

Во всех этих подслучаях мы можем выразить экономию в труде, как и выше, одной и той же формулой: $e = \frac{P't - Pt'}{P}$, но только в зависимости от различного значения входящих сюда величин искомая величина e может получить и положительное, и отрицательное, и нулевое значение. Если P' и t' возрастают в одной и той же пропорции, т. е. $\frac{P'}{P} = \frac{t'}{t}$, то $P't = Pt'$, и числитель дроби в вышеприведенной формуле, а следовательно и сама дробь обращается в нуль. Если продукция (P') возрастает быстрее трудовых затрат (t'), т. е. $\frac{P'}{P} > \frac{t'}{t}$, то $P't > Pt'$, и наша дробь получает положительное значение. И, наконец, при более быстром росте трудовых затрат по сравнению с продукцией этот числитель, а вместе с ним и величина e становятся отрицательными.

Спрашивается, какой же экономический смысл можно придать нулевому и отрицательному значению этих показателей эффективности капитальных затрат.

На первый взгляд отрицательный или даже нулевой результат капитальных затрат представляется совершенно непонятным. Кто стал бы делать такие затраты, не ожидая от них никакого положительного эффекта. Разумеется, никто. Но в данном случае наши показатели измеряют не самый уровень эффективности, а лишь *прирост* ее или *сокращение* против ранее достигнутого уровня. Этот общий *уровень*, несомненно, может не только повышаться, но и снижаться или оставаться стабильным, несмотря на новые вложения.

Нормой эффективности капитальных затрат мы называем частное от деления *экономии в труде*, которую нам сулят данные вложения, на *сумму этих вложений*. Но сумма вложений может быть дана либо в номинальной их величине, т. е. в денежном выражении, либо в реальном трудовом их значении, т. е. выраженная числом часов или дней труда, затраченных на их производство.

Особенный интерес представит для нас второй случай, ибо здесь норма эффективности капитальных затрат дает нам сопоставление этих затрат с их эффектом в совершенно однородных величинах.

Чтобы иллюстрировать это нагляднее, приведем следующий примерный расчет. По пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР чистая продукция, или народный доход, СССР за 1927/28 г. оценивается в 24,7 млрд. червонных рублей, а через пять лет — в 1932/33 г.— он должен достигнуть по тем же ценам 44,8 млрд. Этот эффект по плану должен получиться в результате увеличения затрат живого труда с 48 млн. до 58,2 млн. человеко-лет полноценного мужского труда в год и повышения основных и оборотных фондов на 37,7 млрд. + 14,2 млрд. = 51,9 млрд. руб. в ценах 1927/28 г. при среднем амортизационном сроке службы этих фон-

дов около 30 лет. Допуская в первом приближении, что квалификация и интенсивность труда в СССР за пять лет существенно не изменяются, мы можем определить по вышеприведенной формуле всю экономию в труде за счет новых вложений к 1932/33 г. в 29 млн. человеко-лет труда[1], а за 30 лет эта экономия возросла бы до 870 млн. лет труда. Если разделить это на прирост фондов в 51,9 млрд., то получим эффект от затрат каждого миллиона рублей, вновь вложенного в эти фонды, в сумме около 16,7 тыс. лет сбереженного труда. Если же принять, по данным той же пятилетки, что 51,9 млрд. вложений эквивалентны примерно 100 млн. лет труда средней квалификации, то эффективность затрат этого труда выразится коэффициентом 870 : 100 = 8,7.

Это значит, что каждый час труда, затраченный в течение ближайшего пятилетия в целях капитальных накоплений, обеспечит нам возможность сберечь или использовать производительно на различные нужды не менее 8 часов в последующие пятилетия.

Такая норма эффективности наших трудовых затрат, направленных на перевооружение труда, может в достаточной степени стимулировать то самоограничение, какого требует от нас задача накопления средств производства в настоящем ради расширенного удовлетворения своих потребностей в ближайшем будущем.

2. СОПУТСТВУЮЩИЕ ФАКТОРЫ

Однако здесь необходимо сделать две оговорки.

Во-первых, следует предостеречь от возможного смешения понятия эффективности капитальных вложений в том смысле, как мы ее здесь определяем, с понятием производительности капитала, или рентабельности его, о котором обычно трактуют буржуазные экономисты. Капитальные вложения, согласно вышеизложенному, повышают только производительность труда, т. е. сумму *потребительных стоимостей,* которые могут быть созданы данным трудовым коллективом в единицу времени, но в то же время они не создают ни грана добавочной *стоимости* за счет увеличения физического объема новой продукции, ибо стоимость ее снижается в меру возрастания производительности труда. Таким образом, не производя никакой добавочной *стоимости,* капитальные вложения сами по себе отнюдь не могут объяснить или оправдать в какой-либо мере тот или иной уровень рентабельности этих вложений. А значит, и, наоборот, уровень рентабельности, определяющийся совершенно иными факторами, отнюдь не может быть мерою *эффективности* тех или иных вложений.

И другая оговорка. Капитальные затраты в целях перевооружения труда повышают его производительность. Но это отнюдь не единственный фактор ее роста. А потому вышеприведенный расчет, в котором весь прирост производительности за пять лет отнесен целиком за счет одного лишь капитального перевооружения труда, допустим только в качестве первого приближения. Несомненно, нам скажут, что наряду с ним следовало бы учесть также известную долю влияния на производительность и огромной рационализации производства, столь характерной для периода реконструкции, и не менее крупного сдвига в уровне квалификации рабочей силы и целого ряда других моментов, запроектированных в нашем пятилетнем плане.

---

[1] Если $P' = 44{,}8$, $P = 24{,}7$, $t' = 58{,}2$ и $t = 48{,}0$, то

$$E = \frac{P't - Pt'}{P} = \frac{(44{,}8 \times 48{,}0) - (24{,}7 \times 58{,}2)}{24{,}7} = 28{,}8 \text{ млн. рабочих лет.}$$

В какой же мере поддается учету эта доля влияния сопутствующих факторов? И в какой мере ее можно и нужно измерить?

Ответить на эти вопросы нелегкая задача. Однако попробуем все же до известной степени проанализировать роль названных факторов. И прежде всего спросим себя, где кончается рационализация производственных процессов и начинается капитальное вооружение труда.

По нашему мнению, грань, разделяющая эти понятия, чрезвычайно условна. По-видимому, всякая рационализация только до тех пор может быть оторвана от связанных с ней более или менее значительных вложений, пока она существует лишь в идее, т. е. пока она не осуществляется на деле. Но ведь любая рационализаторская идея, как и всякое другое, хотя бы самое великое и остроумное изобретение, реально повышает производительность труда не с того момента, когда они запатентованы, а лишь с того, когда они вводятся в производство.

Возьмем какие угодно рационализаторские идеи. Вот, например, плодотворнейшая идея конвейера или непрерывного потока в производстве. Разве для своего осуществления она не требует очень значительных затрат? В особенности когда ее желательно применить в порядке реконструкции уже действующих предприятий. На одном из металлургических заводов мы наблюдали, как в одном корпусе жидкая сталь отливается в болванки, а затем эти болванки в холодном состоянии доставляются в соседний корпус и снова там нагреваются для проката. Огромные потери энергии на совершенно нерациональное повторное нагревание металла взывают к небу о необходимости рационализации. Но, чтобы ее осуществить, нужно совершенно по-иному перепланировать весь завод. А это стоит огромных затрат.

Конечно, для того чтобы осуществлять творческие рационализаторские идеи, ими надо сначала располагать. Выработка таких идей стоит не малого труда. И в соответствии с этим они имеют определенную рыночную, так сказать, стоимость.

Мы иногда делаем эти идеи предметом импорта из-за границы, очень недешево оплачивая патенты и техническую помощь иностранных инженеров и изобретателей, но в то же время организуем в крупном масштабе и отечественное производство рационализаторских идей, ассигнуя большие суммы на организацию целого ряда проектных учреждений, конструкторских бюро, комитетов по стандартизации и тому подобных фабрик, изготовляющих готовые проекты реконструкции производства и рационализации труда в стране. Конечно, эти фабрики могут давать свой готовый продукт, только опираясь на организованное в широком масштабе производство соответствующих полуфабрикатов и материалов в разного рода научно-исследовательских институтах, опытных станциях, химических лабораториях и т. д. Огромная масса творчески рационализаторских идей фабрикуется у нас и непосредственно в процессе производства на каждом отдельном предприятии. Однако и такой творческий, как и всякий другой общественно полезный, труд по общему правилу находит свою расценку в производстве.

Эта расценка в одних случаях, когда наука составляет монопольную привилегию **немногих счастливцев,** повышается значительно выше затраченных ими трудовых условий, в других — при достаточной демократизации знаний — приближается к уровню общественно необходимых трудовых затрат. Но во всех случаях стоимость этих идей входит наряду со стоимостью машин и орудий в ту сумму затрат овеществленного труда, которая учитывается нами в общем итоге капитальных затрат, необходимых для перевооружения живого труда.

Тот, кто захотел бы наряду с эффективностью капитальных затрат учесть особо, как *самостоятельный* фактор, эффективность рационализации производства, поставил бы перед собой совершенно иррациональную

задачу. Всякая реконструкция производства, требует ли она огромных новых сооружений или ограничивается простой перестановкой двух-трех наличных станков, означает прежде всего *овеществление известных творческих идей человеческого разума.* И с этой точки зрения весь эффект всякой реконструкции, независимо от суммы связанных с нею затрат, можно бы рассматривать как эффект *рационализации.* Но это никуда бы нас не подвинуло, ибо измерять степень «разумности», или, что то же, «рациональности», любой из этих идей мы все равно не смогли бы ничем иным, кроме их полезного эффекта с точки зрения верховного принципа экономии человеческого труда, т. е. путем сопоставления овеществленных при реализации каждой из этих идей затрат умственного и физического труда с той экономией в труде, которую эти затраты нам обеспечивают. Но ведь именно этою мерою мы до сих пор и собирались измерять эффективность так называемых капитальных вложений. Таким образом, оба понятия — и рационализация производства и эффективность вложений — в этом отношении сближаются до полной неразличимости.

Несколько иначе приходится рассматривать такие факторы, как переход на 7-часовой день, двухсменную и трехсменную работу или на непрерывную производственную неделю и т. п. рационализаторские мероприятия, изменяющие условия *нагрузки* действующего оборудования. Совершенно бесспорно, что проведение в жизнь таких переходов невозможно без большой организационной подготовки и материальных затрат, иной раз весьма значительных. Ведь даже сокращение рабочего дня у нас ни в коем случае не предполагает сокращения производства. Наоборот, в наших условиях оно рассматривается как непосредственная предпосылка нового расширения продукции либо путем перехода на многосменную работу, либо путем иных изменений в условиях производства, повышающих производительность труда, например путем конвейеризации известных процессов, перехода на большее число станков и т. д. Но расширение производства прежде всего предполагает увеличение оборотных средств; увеличение числа рабочих даже при старых машинах требует новых вложений в жилищное строительство, а при реконструкции производственных процессов эти вложения неизбежны и по всем другим линиям.

И все же при изучении эффективности такого рода вложений, связанных с изменением периода *нагрузки* наличных средств производства, вполне возможно и целесообразно влияние этого момента различной нагрузки исключить на время из поля зрения наблюдателя и, помимо суммарного коэффициента эффективности, обнимающего всю совокупность рационализаторских действий, получить и специальный коэффициент эффективности данных вложений в условиях *неизменной* нагрузки действующих средств производства.

В отношении уровня квалификации рабочей силы и ее влияния на эффективность перевооружения труда мы должны сказать следующее. Известный подъем культурно-квалификационного уровня рабочей силы является совершенно неизбежной предпосылкой сколько-нибудь значительного технического перевооружения труда. Вот почему мы уже давно пришли к выводу, что культурное перевооружение труда ни в коем случае не должно отставать от технического. Но вместе с тем мы убедились, что затраты нашего бюджета на повышение культурного уровня страны следует рассматривать наравне с затратами на техническую реконструкцию производства как совершенно равноценные по своему значению для нашего хозяйства *капитальные* затраты.

В 1927/28 г. все затраты по линии социального воспитания, наук и искусств в СССР достигали, по подсчетам Госплана, 1029 млн. червонных рублей. Чтобы поддержать страну на том же культурном уровне на следующие пять лет, с учетом прироста населения следовало бы затратить около 5,4 млрд., а пятилетний план, даже по минимальному варианту,

ассигнует на это 9844 млн. руб. [1] Таким образом, не менее 4,4 млрд. руб. по этому расчету будет затрачено на *повышение* наличного культурного уровня страны. По сравнению с вышеучтенными затратами на техническое перевооружение хозяйственного труда (51,9 млрд.) эти дополнительные затраты на культурное его перевооружение составляют не более 8,5%, но все же это весьма заметная величина. И если при исчислении эффективности капитальных затрат учесть и ее, то вышеисчисленный коэффициент их эффективности понизится для нашей пятилетки с 8,7 до 7,3.

Однако между затратами на техническое и культурное перевооружение рабочей силы имеется одно весьма существенное различие. Первые из них имеют только производственное значение, и затраченный на них труд является чистой потерей, т. е. известным лишением с точки зрения рабочего *как потребителя,* а вторые не лишены и потребительского значения. Приобретение всяких знаний, обучение искусствам, чтение книг и газет, посещение музеев, театров и вообще приобщение ко всем прочим благам культуры не только полезно, но в большей части случаев и приятно. Во всяком случае все эти действия обладают вполне самостоятельной потребительской ценностью. Труд, затраченный на воспроизводство этих благ, т. е. на постройку и обслуживание всякого рода школ, музеев, театров и т. п. учреждений, относится к сфере производства предметов потребления, а не средств производства. И с точки зрения *накопления овеществленного мертвого труда* для вооружения живого он едва ли подлежит учету, так как в конечном счете кристаллизуется не в вещном виде, а лишь в повышенном *качестве* живого труда.

Если уже для уточнения коэффициентов эффективности накопленного прошлого труда в наших условиях и нужно учитывать культурные затраты, то не в сумме мертвого, а в контингентах живого труда. В самом деле, при учете сумм народной продукции в 1927/28 г. и в 1932/33 г. мы выше принимали, что на производство их затрачиваются такие-то массы человеческого труда. Но в этих массах вовсе не учитывался весь обслуживающий рабочую силу непроизводственный труд. Можно подойти к этому расчету, однако, и по-иному. Квалификация производственной рабочей силы в 1932/33 г., несомненно, будет выше, чем в 1927/28 г. Но почему? Потому что на культурное ее обслуживание в течение ряда лет будет расходоваться больше труда, чем в прежние годы. Например, в 1927/28 г. культурно-просветительной работой было занято 737 тыс., а в 1932/33 г. по плану будет занято не менее 1010 тыс. людей. Но если размер народного продукта определяется не только количеством, но и качеством тех производственных кадров, которые его создают, то при учете определяющей эту продукцию массы труда, может быть, нужно учитывать не только производственный персонал, но и весь обслуживающий его просветительно-культурный персонал. А если взглянуть на это шире, то и вообще весь обслуживающий рабочую силу труд, включая сюда и медицинский персонал, занятый ремонтом рабочей силы, и труд, обслуживающий ее жилища, и всякий другой домашний труд.

Тогда вышеприведенный расчет изменился бы следующим образом. Народный продукт 1927/28 г. и 1932/33 г. по-прежнему составлял бы 24,7 млрд. и 44,8 млрд. руб. по одним и тем же ценам. Но затраты живого труда, соответствующие этим массам продукта, повысились бы примерно до 69,6 млн. и 81,1 млн. рабочих лет мужского труда при возрастании всех основных и оборотных фондов страны с 82,2 млрд. до 139,7 млрд. по неизменным ценам [2]. Вся экономия в труде к концу пятилетки $E = \frac{P't - Pt'}{P}$

[1] «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. II, ч. 2, стр. 19.

[2] Там же, стр. 48 и 36.

составила бы при этих условиях 36,6 млн. лет труда, а за 30 лет — 1100 млн. Эффективность накопления фондов из расчета на каждый миллион рублей выразилась бы при этом в $\frac{1100}{57,5}$ = 19 тыс. лет экономии труда, или, из расчета на каждый час труда, затраченного ради накопления этих фондов, в 1100 : 134 = 8,2 часа возможной экономии труда.

Такой расчет, учитывающий не только производственный, но и весь обслуживающий труд, дает, конечно, пониженный коэффициент эффективности накопленного труда, но все же вполне достаточный для стимуляции намеченной программы вложений.

Из других сопутствующих техническому перевооружению труда моментов наряду с подъемом квалификации рабочей силы особого внимания заслуживают изменения в норме интенсивности труда.

В известной своей части эти изменения определяются самой техникой производства и совершенно не зависят от воли рабочих. Например, если в порядке реконструкции производства мы станем расширять применение конвейера, то уже тем самым вызовем соответствующее уплотнение рабочего времени, т. е. повышение интенсивности труда. Но наряду с конвейеризацией всякая реконструкция производства имеет перед собой еще более общую и важную задачу — механизацию труда, т. е. возможно более широкую замену человеческого ручного труда машинным. В первую голову при этом машинизируется наиболее тяжелый, опасный и вредный ручной труд. И, стало быть, если интенсивность труда измерять суммой затрат человеческой нервно-мышечной энерии в единицу времени, то в результате механизации труда эти затраты, несомненно, должны заметно снижаться.

Трудно указать более тяжелый труд, чем подземная работа забойщиков и саночников в рудниках, но вот уже на наших глазах врубовая машина энергично заменяет забойщиков, скрепер вытесняет саночников, и через каких-нибудь пять-шесть лет этот каторжный труд станет лишь предметом жутких воспоминаний. Еще недавно — вспомните красочный рассказ Гаршина — ужасным считался труд ручного глухаря-клепальщика, но механическая клепка сжатым воздухом и гидравлическими прессами столь радикально изменила условия труда клепальщиков, что гаршинский глухарь в нашей промышленности становится очень редкой птицей. Очень изнурителен труд рабочих, обслуживающих горячие цехи — у домен, при коксовых установках, на прокатных станах и т. д., — но и здесь одна операция за другой вытесняется автоматическими устройствами и процент рабочих, вынужденных жариться в этом нестерпимом пекле, резко падает. Мы уже не говорим о том облегчении, какое приносят с собою в область крайне изнурительного земледельческого труда тракторы, комбайны, жнейки, косилки, молотилки и другие машины.

В общем итоге техника производства в результате новых капитальных затрат понижает затраты *мышечной* энергии рабочих, но зато предъявляет одновременно дополнительные требования к их вниманию, понятливости, находчивости, т. е. повышает затраты *нервной* энергии. К сожалению, определить, какая же из этих тенденций перевешивает в конечном счете, мы пока не можем. Легче было бы измерить степень *утомляемости* от различных видов труда и ее положить в основу сравнения их интенсивности. Но утомляемость сама по себе не столь уже надежное мерило, ибо она изменяется не только от объективных условий труда, но и от субъективного состояния работника. Например, нелюбимый, скучный, вынужденный труд всегда утомляет значительно быстрее и сильнее, чем веселая, интересная, творческая работа. Горячая работа в порядке социалистического соревнования в СССР, даже при повышенной ее результативности, будет, несомненно, не столь тягостно-утомительной, как подневоль-

ный труд на своих классовых врагов — эксплуататоров — в капиталистических странах.

Одним словом, мы не имеем еще надежных методов измерения интенсивности труда и, к сожалению, доныне очень мало еще работали над этой крайне важной проблемой. Но, учитывая, что в этой области действуют одновременно противоборствующие тенденции, можно допустить, что в общем они до известной степени уравнивают друг друга: конвейеризацию мы уравновешиваем механизацией труда, социалистическое соревнование, уплотняющее рабочий день, сопровождается у нас одновременным сокращением этого рабочего дня и, стало быть, удлинением суточного отдыха и т. д. А если это так, то в общем по всему народному хозяйству в целом при учете эффективности перевооружения труда интенсивность труда можно принимать за величину постоянную.

Гораздо бо́льшие трудности возникнут у нас в этом отношении, да и в целом ряде других, когда мы от общего исчисления коэффициентов эффективности капитальных вложений по всей стране перейдем к более частным измерителям ее по отдельным отраслям труда и производствам. Но это уже особая тема, требующая специальной методологической разработки.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

28*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Станислав Густавович Струмилин

Избранные произведения

Том II

Утверждено к печати Отделением экономических наук Академии наук СССР

Редактор издательства *В. А. Рубе* Художник *Н. Н. Симагин* Технический редактор *Е. В. Макуни*

РИСО АН СССР № 51-83В. Сдано в набор 12/XI 1962 г. Подписано к печати 22/I 1963 г. Формат 70×108[1]/[16] Печ. л. 27[3]/[4] Усл. печ. л. 38 Уч. изд. л. 39,1 Тираж 3000 экз. Изд. № 1652 Тип. зак. № 1338

Цена 2 руб. 60 коп.

Издательство Академии наук СССР Москва Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10